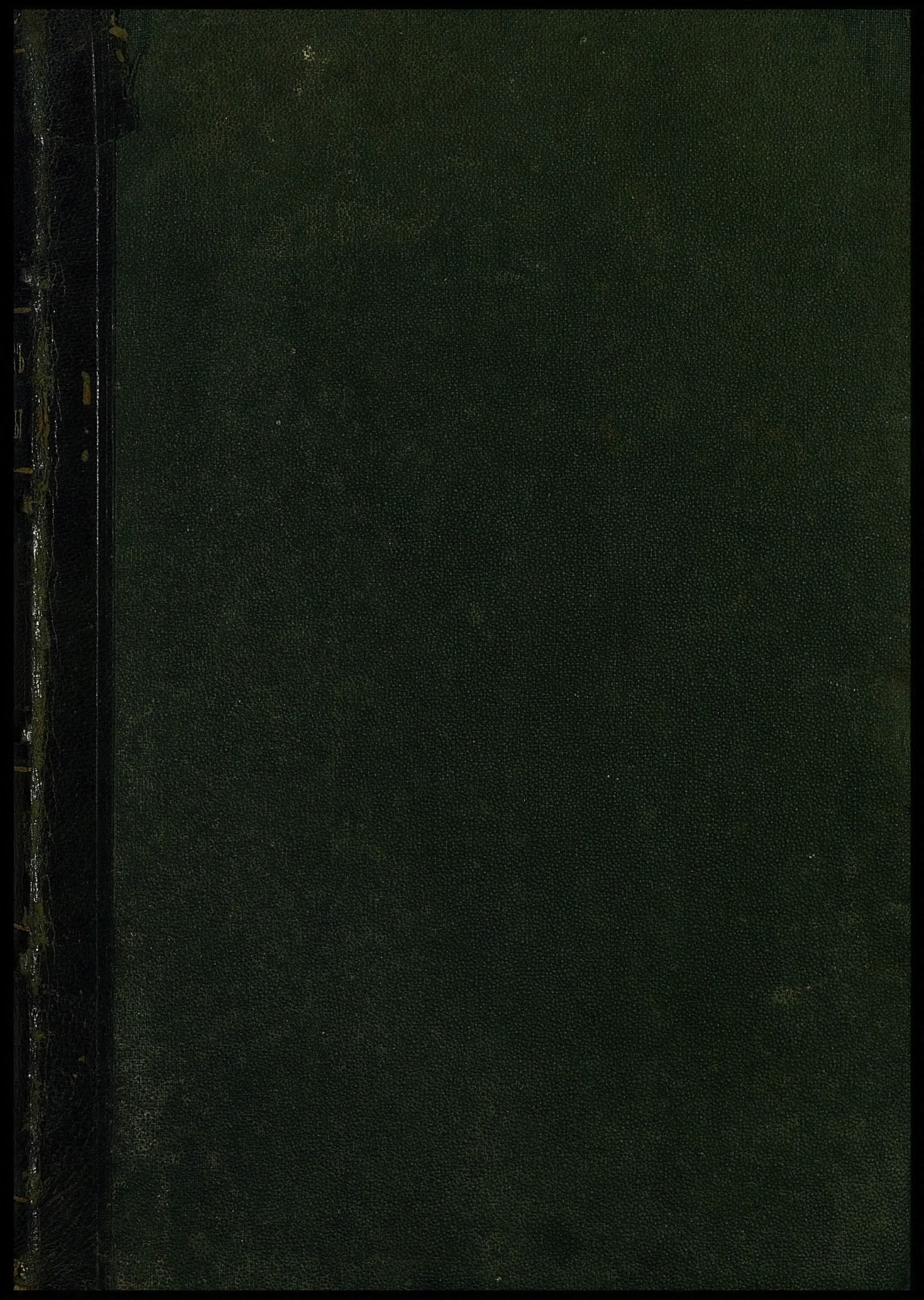
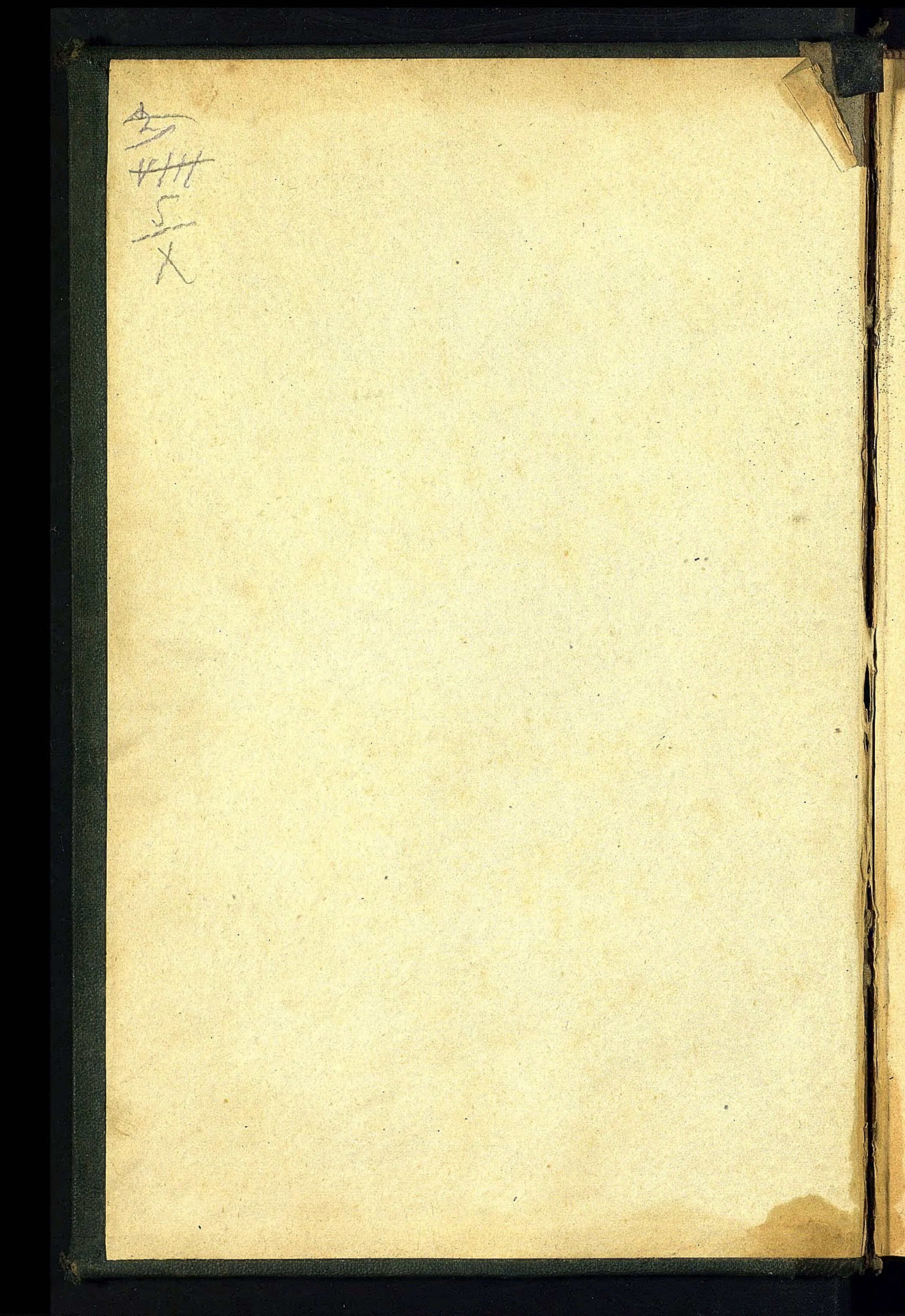
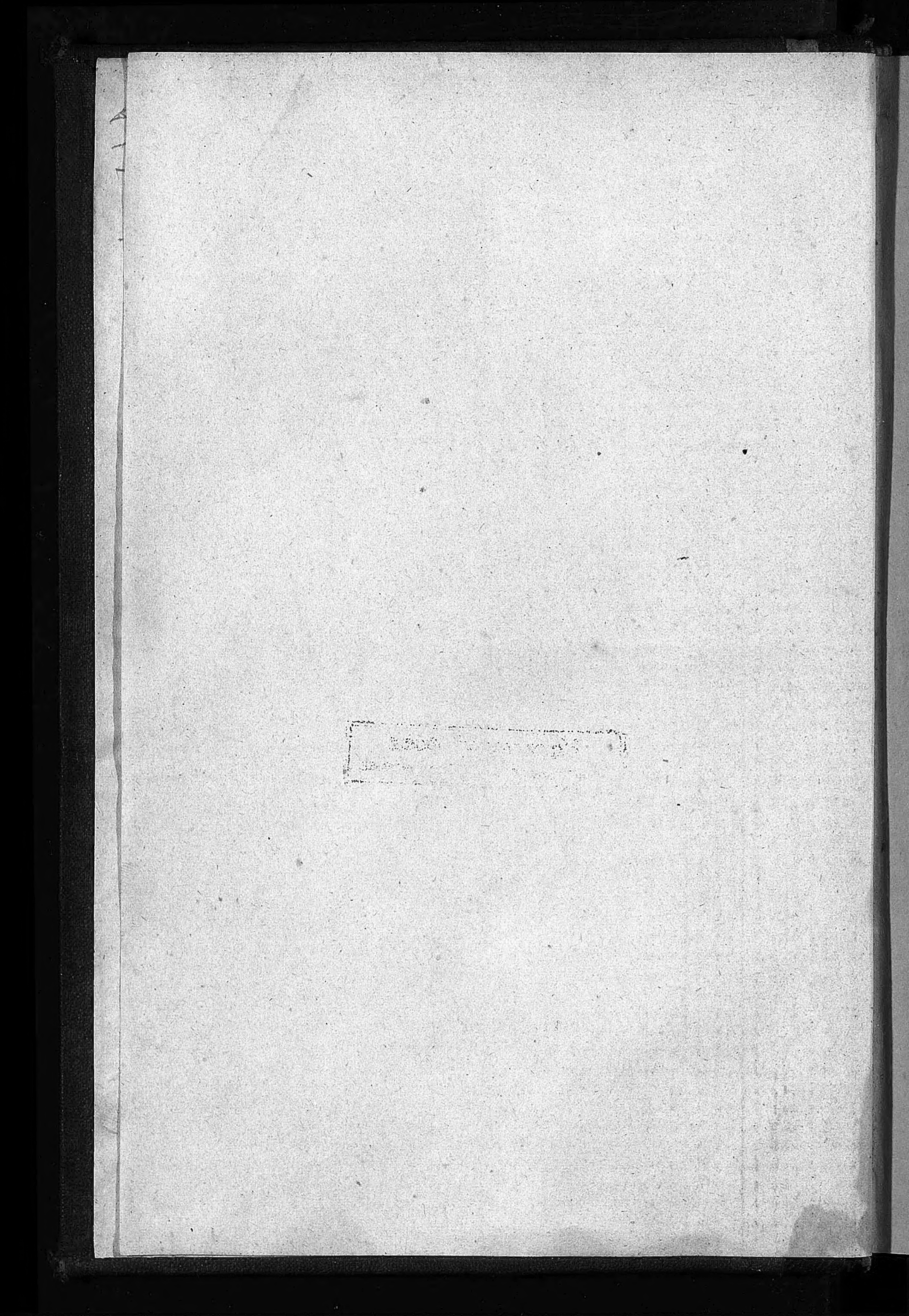
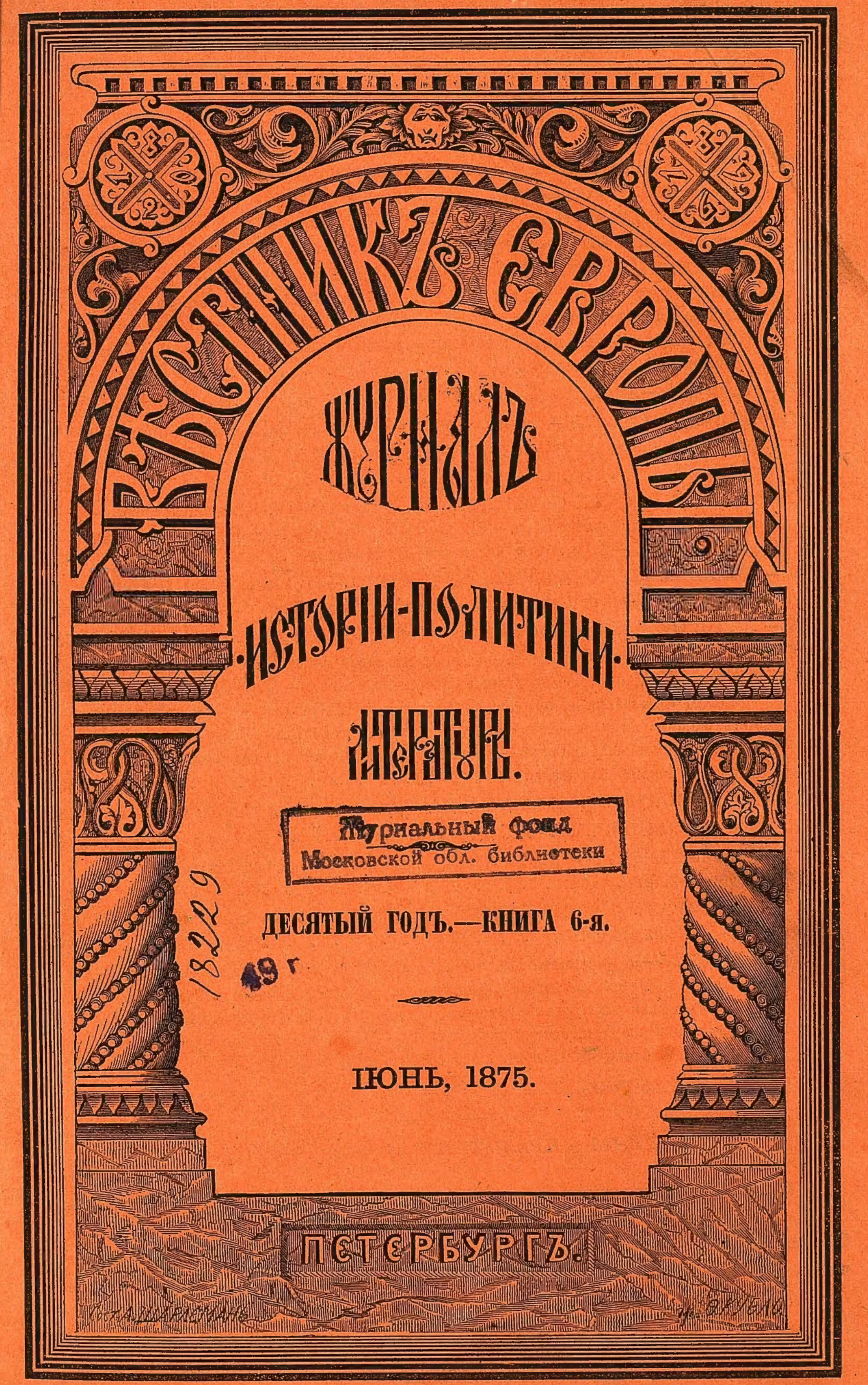



5
X





Типографія М. М. Стасюлевича, В. О. 2 лин., 7.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 6-я. — ІЮНЬ, 1875.

***ОБЪЯВЛЕНІЯ и ПРИЛОЖЕНІЯ** см. ниже: I—XVIII стр.*

Объявленіе объ изданіи журнала „Вѣстникъ Европы“ въ 1875 г., см. ниже.

КУДЕЯРЪ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

ВЪ ТРЕХЪ КНИГАХЪ.

КНИГА ТРЕТЬЯ *).

I.

Разбой.

Кудеяръ ѣхалъ, выдавая себя за новокрещена-татарина; остановившись на постояломъ дворѣ, онъ услыхалъ, какъ проѣзжіе люди разсказывали другъ другу, что царь, вновь показнивши знатныхъ людей, уѣхалъ съ опричными людьми разорять вотчины казненныхъ, и бѣдному народу приходятъ скорбь и тѣсноты паче прежняго. На переправѣ черезъ Угру Кудеяръ разговорился съ купцомъ, ѣхавшимъ изъ Москвы: тотъ разсказалъ ему, что въ Москвѣ служили по церквамъ молебенъ объ избавленіи царя отъ убійцы.

— А кто такой этотъ злодѣй?—спросилъ Кудеяръ.

— Имя ему Кудеяръ,—сказалъ купецъ;—онъ былъ въ плѣну у татаръ, тамъ принялъ бусурманскую вѣру и отъ Христа Бога отрекся, а ханъ крымскій выпустилъ его на Русь и научилъ его нашего православнаго царя убить, только не попустилъ Богъ.

— А мнѣ говорили не такъ,—вмѣшался въ разговоръ дру-

*) См. выше: апрѣль, 461; май, 5 стр.

гой проѣзжій;—говорятъ, онъ принялъ бусурманскую вѣру и вернулся въ Русь, а того никому не говоритъ, что онъ побусурманился, только ужъ какъ-то узнала про то жена его и стала его корить, а онъ жену повѣсилъ. Государь-царь, какъ увѣдалъ про то, приказалъ привести его предъ себя, а онъ какъ бросится на царя, а тутъ надъ нимъ совершися несказанное чудо: внезапу явися ангелъ и порази его мечемъ огненнымъ—онъ какъ стоялъ, такъ и провалился сквозь землю.

— Да,—сказалъ купецъ,—и мы слыхали—говорятъ люди, будто провалился подъ землю, только вотъ про жену его я не слыхалъ.

Кудеяръ умышленно поѣхалъ глухими дорогами. Спустя сутки послѣ переправы черезъ Угру, ему случилось ѣхать по лѣсу; лошадь его притомилась, онъ снялъ съ нея вьюкъ и сѣдло, развелъ огонь и сталъ варить кашу съ сушенымъ мясомъ въ небольшомъ казанкѣ, находившемся у него за сѣдломъ, вмѣстѣ съ другою рухлядью, которою снабдилъ его Ямболдуй-мурза.

Въ это время послышался лошадиный топотъ, и раздался голосъ:

— Что́ тутъ за люди?

— А вы что за люди?—спросилъ Кудеяръ, вскочивши на ноги.

— А мы такіе люди, — сказалъ незнакомецъ, сидѣвшій на лошади,—что насъ много, а ты одинъ. Стало быть, развязывай мошну, да лошадь свою намъ отдавай, потому что у насъ лошадей недостача.

Кудеяръ, не говоря ни слова, уцѣпился обѣими руками за дубокъ, наклонилъ его и переломилъ надвое; потомъ, взявши въ обѣ руки отломленную часть дерева, замахнулся ею на незнакомца.

— Чортъ! Лѣшій! — закричалъ незнакомецъ, уклонившись отъ удара,—тронулъ подъ бока свою лошадь и поскакалъ...

— Не чортъ и не лѣшій,—кричалъ ему вслѣдъ Кудеяръ,— а крещеный человѣкъ, такой же опальный, безпріютный, какъ ты. Иди лучше сюда по добру, по здорову, да поговоримъ.

— Коли такъ, то иная рѣчь, —сказалъ незнакомецъ, и поворотилъ къ нему лошадь. За незнакомцемъ ѣхало девять человѣкъ конныхъ.

— Вы, братцы, — говорилъ Кудеяръ, — вѣрно таковы, что коли васъ поймаютъ, такъ повѣсятъ, да больше ничего; ну, а со мной расправились бы почище! Слѣзайте, братцы, съ лошадей, мы свои. Мнѣ такихъ надо, какъ вы, и я вамъ нелишній; будете Бога славить за то, что меня встрѣтили.

Незнакомцы сошли съ лошадей.

— Я васъ не стану спрашивать, кто вы такіе, — сказалъ Кудеяръ,—а самъ вамъ про то скажу: есть межъ васъ крестьяне изъ опальныхъ вотчинъ, и боярскіе люди, и служилые, бѣжавшіе отъ службы, и посошные, ушедшіе отъ посохи.

— Прямо уцѣлилъ!—сказалъ одинъ изъ незнакомцевъ.

— Вы,—продолжалъ Кудеяръ,—шатаетесь по лѣсамъ, слоняетесь по дорогамъ, въ чужія мошны заглядываете... а много васъ?

— Человѣкъ... человѣкъ болѣе сотни будетъ,—сказали ему.

— Врёте, — сказалъ Кудеяръ, — прибавили; васъ не такъ много, васъ можетъ быть немного больше какъ полсотни!

— Отгадалъ,—сказалъ одинъ изъ незнакомцевъ, — насъ теперь шестьдесятъ-девять человѣкъ... да ты что, вѣдунъ что ли?

— Да, вѣдунъ,—сказалъ Кудеяръ, — и вѣдаю про васъ то, чего вы не вѣдаете; вѣдаю я то, что коли вы будете жить въ лѣсу въ такомъ маломъ числѣ, то, провѣдавши про ваши разбойныя дѣла, пошлютъ на васъ многихъ воинскихъ людей и станы ваши найдутъ и разорятъ, и васъ самихъ заберутъ и перевѣшаютъ. Почему вы къ другимъ на сходъ не идете, чтобъ у васъ и у другихъ сила была?

— Другіе сами по себѣ,—сказалъ одинъ изъ удалыхъ,—и намъ надобно куска, и другимъ тоже.

— Всякъ въ своемъ мѣстѣ промышляй, а другому не мѣшай,—сказалъ другой.

— У тѣхъ свои атаманы, у насъ свои,—сказалъ третій.

— А вы знаете, дурни,—сказалъ Кудеяръ,—мучитель, что́ живетъ въ Александровской слободѣ, опять пошелъ жечь и разорять крестьянъ казненныхъ отъ него бояръ, а своихъ опричниковъ выправляетъ выкоренять по лѣсамъ удалыхъ. А вы въ разныхъ мѣстахъ малыми ватагами стоите, вотъ васъ и заберутъ... А вамъ-то, дурнямъ, всѣхъ опаснѣе: вы недалеко отъ города стоите. А подумать вамъ, чтобы стать вмѣстѣ большою силою.

— И впрямь такъ, братцы,—сказалъ одинъ изъ удалыхъ,—вонъ, говорятъ, Муравья, что́ стоялъ промежъ Серпухова и Тулы, разбили и самого взяли и повѣсили въ Серпуховѣ.

— Намъ коли петли бояться, такъ и въ лѣсъ не ходить,—произнесъ другой.

— И съ голода умирать, — замѣтилъ третій; — здѣсь наша пожива.

— Славная, думаю, пожива у васъ!—сказалъ Кудеяръ,—оружьишко-то у васъ дрянь! Развѣ что на дорогѣ бѣдняка

оберете, алтынъ возьмете, да у крестьянишки какого-нибудь изъ клѣти сермяжку вытяните! Не такова была бы у васъ пожива, колибъ васъ было поболѣ, да всѣ хорошо изоружены были: тогда бы какой богатый монастырь обобрали, или городъ взяли.

— Оно правда,—сказали удалые,—поживы-то намъ немного бываетъ... да не часто...

— Чѣмъ вамъ-то по лѣсамъ скитаться невеликими ватагами, идите ко мнѣ на службу,—сказалъ Кудеяръ.

— Какъ къ тебѣ на службу,—спрашивали изумленные разбойники,—да ты кто таковъ? развѣ ты намъ платить станешь? Ништо у тебя денегъ много?

— Достанетъ на жалованье не однимъ вамъ, даромъ, что теперь въ карманѣ очень мало,—сказалъ Кудеяръ.—Найду откуда заплатить, а моя плата вѣрнѣе царской. Идите воевать, я васъ поведу.

— На кого воевать?

— На мучителя, что̀ сидитъ въ Александровской слободѣ.

— На царя?—сказали разбойники;—онъ, видно, не въ своемъ умѣ! Что вы съ нимъ раздобариваете? Онъ шальной!

— Вамъ то̀ въ башку не приходило! Кто вамъ ворогъ, кто разорилъ васъ и заставилъ шататься безъ пріюта? Черезъ кого жить намъ стало горько? Все черезъ него. Противъ него воевать пойдемъ.

— Да ништо это можно? Это все равно что со всею землею воевать.

— Вотъ и не то! Земля-то будетъ за насъ.

— Безъ Бога свѣтъ не стоитъ, и безъ царя земля не правится, — замѣтилъ одинъ разбойникъ: — гдѣ царь, тамъ земля за него.

— Будетъ, — сказалъ Кудеяръ, — царь иной: князь Владиміръ Андреевичъ! земля его хочетъ. Мы, братцы, мучителя стащимъ съ престола и посадимъ Владиміра Андреевича. И за такое дѣло новый царь васъ пожалуетъ.

— Нашимъ ли рыломъ такія дѣла вершить, — сказали разбойники.—Намъ ли, мужикамъ, царей садить? То дѣло боярское.

— Бояре за насъ,—сказалъ Кудеяръ:—есть бояре опричные,—тѣ за мучителя, а бояре есть земскіе—настоящіе-то бояре: они за насъ.

— Такъ что же, стало быть, ты отъ бояръ намъ платить станешь,—спрашивали разбойники.

— Было бы за что̀ платить,—сказалъ Кудеяръ.—Вы будете

на службѣ князя Владиміра Андреевича, а я отъ него буду вамъ жалованье давать.

— Ну, давай,—сказали разбойники.

— И дамъ,—сказалъ Кудеяръ; да прежде всего рядъ надо учинить: вы должны, собравшись, идти всѣ за мною къ Бѣлеву. Тамъ, въ лѣсу, есть станъ, а въ немъ стоитъ съ ватагою атаманъ Окулъ Семеновъ; а къ нему пристала другая ватага, у ней атаманомъ Урманъ. Вы пристанете къ нимъ.

— Сами мы не можемъ идти,—отвѣчали ему,—у насъ есть атаманъ выбранный, и атаманъ самъ собою ничего не дѣлаетъ, а все рѣшаетъ кругъ.

— Дѣло правое,—сказалъ Кудеяръ, — я поѣду съ вами въ вашъ станъ, поговорю съ атаманомъ и съ кругомъ.

Кудеяръ убралъ свою рухлядь, навьючилъ на коня, и поѣхалъ на этомъ конѣ съ разбойниками. Они свернули съ дороги въ лѣсъ, ѣхали извилинами, обходя яры и овраги, и прибыли въ долину, гдѣ показались признаки жилья. Вырыты были землянки, близъ нихъ виднѣлись слѣды огня. Кудеяръ увидѣлъ мужчинъ, сидѣвшихъ кружками, увидѣлъ женщинъ и дѣтей.

— Э, да вы тутъ съ бабами и ребятишками! — замѣтилъ Кудеяръ.

— Не всѣ, немногіе, — сказали провожавшіе его разбойники;—къ намъ пристали изъ опальныхъ селъ кое-какіе люди и крестьяне съ женами, у иныхъ дѣти, а у другихъ, у молодыхъ старые отцы и матери. Что съ ними дѣлать? Не побить же ихъ. Да оно ихъ немного. У насъ человѣкъ двадцать не болѣе съ семьями, а то все одиночные; иные сами не знаютъ, гдѣ ихъ жены и дѣти и что съ ними сталось.

— Гдѣ десять бабъ на полсотни мужиковъ—не ладно бываетъ!—замѣтилъ Кудеяръ.

— Жёнки у насъ ѣсть варятъ на ватагу,—говорили разбойники, — и на всѣхъ моютъ, мы имъ даромъ хлѣба ѣсть не даемъ.

Женщины были одѣты очень бѣдно и грязно. Видно было сразу, что онѣ были здѣсь почти рабочимъ скотомъ. Лица у нихъ были истощенныя, испитыя. Когда Кудеяръ сошелъ съ лошади, къ нему подошла толпа удалыхъ, одѣтая въ сѣрые зипуны, въ лаптяхъ, другіе въ сапогахъ, не отличавшихся крѣпостью. На многихъ шапки были съ дырами, на иныхъ, вмѣсто сѣрыхъ зипуновъ, были вытертые ветхіе тулупы, надѣтые шерстью вверхъ. Удалые, провожавшіе Кудеяра, показали ему атамана. То былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, съ небольшою сѣдоватою

бородкою и съ большими растопыренными усами; лицо у него было круглое, а зеленоватые глаза глядѣли какъ-то коварно. Въ его физіономіи было что-то кошачье.

Кудеяръ сталъ ему говорить въ такомъ же смыслѣ, въ какомъ говорилъ встрѣтившимся на дорогѣ разбойникамъ. Атаманъ слушалъ недовѣрчиво, но стоявшіе возлѣ него товарищи не дали ему изъявить несогласія. Обѣщаніе давать жалованье склоняло ихъ на сторону Кудеяра.

— Собирай кругъ, атаманъ,—сказали они атаману.

Атаманъ опасался, что новый человѣкъ подманитъ всѣхъ и его выберутъ атаманомъ; и потому не хотѣлъ собирать круга.

— Коли съ тобою много денегъ,—сказалъ онъ, лукаво улыбаясь:—такъ ты отдай ихъ мнѣ, а я ужъ буду знать, что̀ сказать кругу.

— Со мной тутъ нѣтъ денегъ, — сказалъ Кудеяръ: — и ты меня обобрать не порывайся; а денегъ у меня много, такъ много, что станетъ на жалованье не вашей одной ватагѣ, а также инымъ, которыя пойдутъ за князя Владиміра Андреевича. А я тебѣ, атаманъ, скажу вотъ что́: ты боишься, чтобъ я тебя не смѣстилъ и самъ не сталъ бы атаманомъ;—этого не бойся. Ты останешься атаманомъ, и, кромѣ тебя, у меня будутъ еще атаманы: разумѣй это. Я не атаманствовать пришелъ къ вамъ, а набирать васъ въ службу князя Владиміра Андреевича за жалованье и за великія отъ него милости, что̀ вы всѣ получите, какъ посадимъ его на престолѣ

Собрали кругъ. Неженатые и одинокіе легко поддались увѣщаніямъ Кудеяра. Но женатые стали толковать, какъ имъ подняться въ путь съ женишками и съ дѣтишками, коли у нихъ-то на всѣхъ только двѣнадцать лошадей.

— Деньги ты намъ дашь,—говорили они Кудеяру:—а что, мы ихъ укусимъ что-ли? Ихъ не съѣшь, не одѣнешься ими здѣсь. У насъ тутъ хлѣба нѣтъ, живемъ тѣмъ, что птицу, либо звѣря убьемъ: пропадаемъ съ голоду, съ холоду! Деревни отсюда рѣдко; да пойдешь въ деревню, не всегда что́ украсть удастся; конные ѣздятъ на добычу, а намъ не даютъ, а коли что́ дадутъ, то развѣ чтобъ съ голоду не околѣли.

— Все равно,—сказалъ Кудеяръ:—коли тутъ останетесь, то пропадете: на васъ скоро царская рать пойдетъ съ оружіемъ, съ пушками. А у васъ какое оружьишко!

— Одни стрѣлы да дубины, — отвѣчали ему: — сабель мало у кого, а ружей не будетъ на всѣхъ насъ и десятка.

— Вотъ оно что́,—сказалъ Кудеяръ.—Животъ свой дороже

всего. Можно и пѣшкомъ идти. Оставаться тутъ вамъ нельзя. А я вотъ попытаюсь вамъ добыть лошадей. Чьи тутъ есть боярскія вотчины?

— Верстъ будетъ двадцать—вотчины Воротынскаго.

— И табуны есть?

— Большіе.

— Отчего же вы не отобьете ихъ?

— Тамъ людно. Напасть на табунъ да отогнать было бы можно, да увести какъ? Тотчасъ соберутся крестьяне, и догонятъ.

— Да и то,—сказали другіе:—у насъ какъ стать говорить о томъ въ кругѣ, такъ одни согласятся, а другіе заупрямятся.

— Дайте мнѣ троихъ, знающихъ хорошо дорогу; я вамъ пригоню лошадей,—сказалъ Кудеяръ.

Выбралъ Кудеяръ троихъ молодцовъ съ лошадьми и поѣхалъ по ихъ указанію, пробираясь среди зарослей, потомъ по дорогѣ, которая вилась между селеніями, отстоявшими одно отъ другого на нѣсколько верстъ. Они наѣхали на одну деревню. Въ ней было дворовъ около двадцати, но время было рабочее, оставалось немного народа. Кудеяръ потребовалъ себѣ веревокъ и обѣщалъ заплатить за нихъ. Старики и старухи нашли ему мочальныхъ веревокъ. Кудеяръ заплатилъ дороже, чѣмъ онѣ стоили и поѣхалъ далѣе. Верстъ черезъ семь онъ увидалъ большой табунъ лошадей, пасшихся на лугу. Табунщиковъ было десять человѣкъ, но не всѣ они были вмѣстѣ. Кудеяръ съ товарищами подъѣхалъ къ двоимъ изъ табунщиковъ, стоявшимъ на концѣ табуна, и сказалъ:

— Намъ нужно сто лошадей; свяжите ихъ веревками по двѣ вмѣстѣ, чтобъ было пятьдесятъ паръ. Мы заберемъ ихъ съ собой и угонимъ.

Табунщики стояли, выпучивши глаза, какъ ошеломленные. Кудеяръ говорилъ съ ними такъ спокойно, какъ будто имѣлъ полное право распоряжаться, какъ будто лошади были его собственныя.

— Повертывайтесь скорѣе. Дѣлайте, что́ вамъ велятъ!—прикрикнулъ онъ.

— Да какъ же такъ?—возразили табунщики.

— А такъ, какъ я вамъ велю! Скорѣе. Хотите развѣ отвѣдать вотъ этого!

Онъ показалъ имъ плеть.

— У тебя,—спрашивали табунщики:—есть приказъ отъ боярина? Иди съ нимъ во дворъ къ приказчику.

— Я вамъ приказчикъ, коли приказываю, — сказалъ Кудеяръ.

Оторопѣвшіе табунщики сказали, что идутъ отгонять лошадей.

Увидя незнакомыхъ людей, разговаривающихъ съ ихъ товарищами, другіе табунщики сочли нужнымъ подойти. Тѣ, которымъ Кудеяръ прежде сообщилъ свое требованіе, стали передавать его другимъ, а Кудеяръ, не дожидаясь новыхъ вопросовъ, выразительно сказалъ подошедшимъ другимъ табунщикамъ:

— Отгоните сто лошадей. Свяжите ихъ веревками. Мы ихъ угонимъ съ собою.

— У насъ есть приказчикъ...—начали-было табунщики.

Кудеяръ прервалъ ихъ:

— Я побольше вашего боярина, не то, что вашего приказчика. Сейчасъ дѣлайте, что́ вамъ приказываютъ, а то я васъ изотру въ пыль, сякіе-такіе дѣти, и приказчика вашего съ вами!

Табунщики совсѣмъ растерялись. Имъ казалось: передъ ними что́-то большое, сильное, полновластное, что̀-то... они не могли назвать, что́ оно такое, и поѣхали отгонять лошадей и связывать ихъ. Но одинъ изъ нихъ поворотилъ лошадь и поскакалъ прочь. Кудеяръ смекнулъ, что онъ ѣдетъ въ село поднимать тревогу, поскакалъ вслѣдъ за нимъ, догналъ, огрѣлъ плетью по спинѣ такъ, что тотъ опустилъ голову на гриву своему коню и чуть не лишился чувствъ, а потомъ, пришедши въ себя, застоналъ... Кудеяръ схватилъ за поводъ его лошадь, хлеснулъ ее плетью и погналъ впередъ себя, къ табуну.

— Дѣло дѣлай, что́ тебѣ велѣно, а не улепетывай, сякой-такой сынъ!—закричалъ Кудеяръ.

Табунщики исполнили приказаніе Кудеяра. Лошади были отогнаны, связаны. Кудеяръ поѣхалъ впередъ; за нимъ товарищи погнали лошадей. Табунщики стояли въ изумленіи, пока похитители не скрылись изъ глазъ.

— Что́ оно такое? — стали тогда разсуждать табунщики. — Какъ же это насъ десять, а ихъ четверо? Что же они, отъ боярина? А можетъ отъ самого царя? Сказать бы: не разбойники ли они? Нѣтъ, не похоже... Разбойники такъ не ходятъ. И какъ же разбойники пойдутъ четверо на десятерыхъ человѣкъ, да еще днемъ, неподалеку отъ села. Развѣ ужъ не чужіе ли воинскіе люди пришли? Можетъ быть Литва? Такъ и есть, вѣрно Литва.

На этомъ остановились табунщики въ своихъ догадкахъ.

— Не будемте,—сказалъ одинъ изъ табунщиковъ:—говорить

приказчику, что ихъ было всего четверо, а скажемъ, что приходили многіе воинскіе люди и отогнали лошадей.

И пошли они къ своему приказчику, и надѣлали большой тревоги. Пошла вѣсть, что пришли воинскіе люди, и испуганные крестьяне хотѣли собираться въ осаду.

Кудеяръ съ товарищами, по дорогѣ, покормили свою добычу чужимъ овсомъ на нивѣ; люди, увидя, что лошадей много, боялись зацѣплять ихъ и думали, что чужихъ людей пришло столько же, сколько лошадей. Кудеяръ двинулся далѣе, увидѣлъ стогъ сѣна, приказалъ сплесть жгуты изъ дубовыхъ вѣтвей, наложилъ сѣна на лошадей и привязалъ его къ лошадямъ жгутами; потомъ благополучно со всѣмъ своимъ табуномъ добрался черезъ лѣсныя заросли до разбойничьяго стана.

Всѣ разбойники были въ изумленіи и обѣщали во всемъ покоряться Кудеяру.

— Вотъ вамъ лошади, — говорилъ онъ: — будетъ не только вамъ всѣмъ, но останется и тѣмъ, которые къ намъ вновь пристанутъ.

Сталъ Кудеяръ разспрашивать, гдѣ есть монастыри, и узналъ, что въ сосѣдствѣ есть два монастыря — одинъ Добрый, а другой, въ иной сторонѣ—Оптинъ.

Было въ ватагѣ двое братьевъ; они были калужане, сыновья разореннаго и переведеннаго куда-то сына боярскаго Юдинкова. Отецъ ихъ былъ выходецъ изъ Украины, и сыновья немного напоминали Кудеяру Украину. Сыновья эти были, по царскому приказанію, разлучены съ отцомъ; отца перевели въ Казань, а сыновья были отправлены на переселеніе въ Ливонію, но ушли оттуда въ калужскій край, имъ знакомый, и пристали къ шайкѣ, ради спасенія собственной шкуры. Одного изъ нихъ звали Жданомъ, другого Василіемъ. Кудеяру полюбились эти молодцы, и они съ перваго разу прониклись какимъ-то благоговѣніемъ къ этой сильной личности. Они сопровождали его въ походѣ за табуномъ. Кудеяръ взялъ ихъ обоихъ съ собою снова и отправился къ Доброму монастырю. Достигнувъ деревянной ограды монастыря, расположеннаго въ рощѣ, Кудеяръ оставилъ своихъ товарищей съ лошадьми, а самъ вошелъ пѣшкомъ въ отворенныя ворота монастырскаго двора.

Онъ встрѣтилъ послушника и сдѣлалъ ему такой вопросъ:

— Гдѣ лежитъ монастырская казна? Не у игумена ли?

— А тебѣ на что?—спросилъ изумленный послушникъ.

— Я пріѣхалъ посчитать вашего отца-игумена: какъ онъ

правитъ крестьянами, какіе доходы получаетъ, какъ братію и васъ, послушниковъ, кормитъ? Не бываетъ ли съ вами лютъ?

Послушникъ простодушно вообразилъ, что это такое сильное лицо, которое будетъ творить судъ и расправу надъ игуменомъ, и сталъ разсказывать про разныя злоупотребленія; сообщилъ, что игуменъ творитъ у себя въ кельѣ пиры для гостей мірскихъ, пьетъ съ ними сладкіе меды, а по большимъ праздникамъ и фряжское вино, а братіи одинъ квасъ даетъ, и то кислый; игумену христолюбцы привозятъ свѣжую рыбу, а онъ братіи даетъ только вяленую, а порой тухлую; у игумена пшеничные калачи пекутся, а братіи хлѣбъ даютъ только житный, а порой пушной; всѣ доходы игуменъ беретъ на себя, а казну монастырскую держитъ у себя въ кельѣ, въ простѣнкѣ, съ запертыми на замокъ дверцами, да тамъ у него есть и чужія деньги, что отдали ему пріятели на поклажею; у игумена на хуторѣ живетъ посестрѣя, а у посестрѣи дѣти, ихъ игуменъ кормитъ; игуменъ часто пьянъ бываетъ, а старцы жаловаться на него не смѣютъ, для того, что сами старцы живутъ непочестно, робятъ голоусыхъ къ себѣ въ келью водятъ, а имѣя женокъ и дѣвокъ, и по вся дни пьяны бываютъ, а иноды въ монастырѣ недѣли по двѣ и по три пѣнья не бываетъ; придутъ люди на молитву издалека, да такъ и пойдутъ, не помолившись.

Кудеяръ выслушалъ все это и узналъ отъ послушника, что онъ просфоры печётъ, пошелъ за нимъ въ его просвирню, увидѣлъ тамъ два мѣшка съ мукою и велѣлъ просвирнику дожидаться его, когда онъ выйдетъ отъ игумена.

Кудеяръ подошелъ къ кельѣ игумена, деревянной избѣ, крытой неободранною березою, вошелъ чрезъ притворенныя сѣни къ дверямъ горницы игуменской и, постучавшись, произнесъ: «Господи Іисусе Христе, Сыне божій, помилуй насъ!» Отвѣта не было. Кудеяръ повторилъ молитву. Отвѣта не было.

Игуменъ въ тотъ день на подпитіи крѣпко спалъ. Кудеяръ толкнулъ запертую дверь: петли слетѣли; дверь повисла на замкѣ.

Игуменъ вскочилъ съ постели, увидѣлъ незнакомаго и сталъ ругаться. Кудеяръ, не глядя на него, заложилъ остріе своего ножа въ растворку дверей поставца, устроеннаго въ простѣнкѣ, вынулъ два большихъ мѣшка съ деньгами и заложилъ себѣ за пазуху.

— Кто ты такой? — крикнулъ игуменъ, и бросился на него. Кудеяръ схватилъ игумена за затылокъ и приплюснулъ его носомъ къ стѣнѣ. Кровь хлынула изъ игуменскаго носа. Кудеяръ забѣжалъ въ просвирню, и, никого не заставши тамъ, взялъ два

мѣшка съ пшеничною мукою, взвалилъ ихъ себѣ на плечи, вышелъ за ворота, сѣлъ на лошадь и вмѣстѣ съ товарищами ускакалъ.

Растерявшійся игуменъ нѣсколько времени не могъ придти въ себя, отиралъ кровь съ лица, а потомъ уже поднялъ тревогу. Братія бѣгала собирать служекъ и крестьянъ, чтобы гнаться за разбойникомъ; но Кудеяръ былъ уже далеко.

Онъ раздалъ каждому удалому рублей по двадцати жалованья и отдалъ муку на всю братью.

— Пусть бабы напекутъ калачей,—говорилъ онъ. Разбойники прониклись еще бо̀льшимъ уваженіемъ и даже страхомъ къ Кудеяру. Котообразный атаманъ, по имени Кузьма Сѣрый, только скрежеталъ зубами, а Кудеяръ, въ уваженіе къ его атаманскому достоинству, далъ ему вдвое противъ другихъ жалованья и увѣрялъ, что атаманства съ него не снимутъ.

— Теперь, братцы, оставаться намъ здѣсь нельзя,—сказалъ Кудеяръ:—Калуга близко; вышлютъ на насъ большую силу. Двинемся къ Бѣлеву, и тамъ сойдемся съ Окуломъ и Урманомъ.

Таборъ снялся. Бабъ съ дѣтьми усадили на лошадей; сѣделъ почти ни у кого не было. Всѣ пожитки были привязаны къ лошадямъ, на которыхъ сѣли разбойники. Кудеяръ запретилъ по дорогѣ грабить села и велѣлъ, напротивъ, у крестьянъ покупать все за деньги. Разбойники проѣзжали черезъ села, накупили у крестьянъ топоровъ и кирокъ; крестьяне неохотно продавали ихъ, такъ какъ необходимыя въ хозяйствѣ вещи приходилось покупать въ городахъ и посадахъ. Кудеяръ, платя имъ хорошую цѣну, пригрозилъ имъ, что если они не продадутъ, то у нихъ отнимутъ силою.

Встрѣчавшіеся съ разбойниками проѣзжіе люди не смѣли спрашивать у нихъ, кто они такіе, а Кудеяръ не велѣлъ ихъ трогать. Проѣхалъ мимо ихъ царскій гонецъ, но Кудеяръ не велѣлъ и его трогать; гонецъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на толпу ѣдущаго народа и не смѣлъ обратиться къ ней; онъ и тѣмъ былъ доволенъ, что его самого пропускаютъ. Кудеяръ разсчитывалъ, что надобно избѣгать напрасныхъ тревогъ до соединенія съ Окуломъ и Урманомъ.

Разбойники объѣхали Бѣлевъ, выѣхали на Болховскую дорогу и подъѣхали къ тому мѣсту, гдѣ Кудеяръ, ѣдучи изъ Крыма, встрѣтился съ Урманомъ и Окуломъ. Но постоялаго двора уже не было; на мѣстѣ его лежали обгорѣлыя бревна. Кудеяръ расположилъ ватагу въ ближнемъ лѣсу, а самъ одинъ поѣхалъ по дорогѣ узнавать, что̀ это значитъ. Онъ взялъ съ собою кирку.

На дорогѣ встрѣтился онъ съ однимъ служилымъ, и тотъ разсказалъ ему слѣдующее: бѣлевскій намѣстникъ послалъ ратныхъ людей, а губной староста поднялъ уѣздныхъ людей на разбойниковъ, которые завелись въ подгородномъ лѣсу. Ратные и уѣздные люди доходили до ихъ стана и былъ бой, но разбойниковъ добыть не могли, а дворъ постоялый сожгли за то, что хозяинъ съ разбойниками былъ въ одномъ умыслѣ; хозяина привезли въ Бѣлевъ вмѣстѣ съ хозяйкою и тамъ обоихъ повѣсили; а разбойники, чаячи на себя бóльшей высылки, покинули свой станъ и ушли къ литовской границѣ. Кудеяръ отправился къ тому мѣсту, гдѣ зарылъ ханскія сокровища, вынулъ деньги и кое-какія вещи, но не все, оставивъ часть про запасъ на будущее время. Онъ потомъ вернулся къ своимъ.

— Окулъ и Урманъ пошли къ литовской границѣ,—сказалъ онъ,—намъ надобно догнать ихъ.

Ватага двинулась на западъ, къ Жиздрѣ. Начались дожди. Разбойники дошли до рѣки Жиздры, вошли въ село и размѣстились въ курныхъ избахъ. Крестьяне не могли имъ помѣшать. Здѣсь разбойники узнали, что Окулъ и Урманъ были въ этомъ селѣ и пошли вправо, черезъ лѣсъ. Подстрекаемые Кузьмою Сѣрымъ, удалые стали роптать на Кудеяра.

— Что же твой Окулъ съ Урманомъ? Ты насъ обманываешь. Зачѣмъ ты насъ завелъ сюда?—раздавались крики.

— Вамъ,—сказалъ Кудеяръ,—подъ Калугой оставаться нельзя было, одинъ день еще вы пробыли бы тамъ и къ вамъ пришла бы рать царская; подъ Бѣлевымъ тоже намъ быть нельзя для того, что коли Окулъ съ Урманомъ тамъ стоять не могли, такъ намъ подавну нельзя. Они пошли отсюда вправо, черезъ лѣсъ— и мы пойдемъ по ихъ слѣду.

Разбойники поуспокоились, но Кузьма Сѣрый выискивалъ средства вредить Кудеяру. Кудеяръ не велѣлъ ничего брать насильно у крестьянъ, а Кузьма, противъ его воли, подучилъ своихъ подчиненныхъ грабить крестьянъ, и крестьяне, покинувши свои избы, разбѣгались въ лѣсъ. Тогда въ ватагѣ сдѣлались междоусобія. Тѣ, которые хотѣли слушаться Кудеяра, напали на тѣхъ, что слушались Сѣраго,—началась драка. Партія Кудеяра оказалась посильнѣе. Сѣрый покорился. Кудеяръ тогда собралъ кругъ и потребовалъ, чтобъ Сѣраго смѣнили. Удалые исполнили требованіе и выбрали атаманомъ Антипку Толченаго, бѣглаго стрѣльца, дюжаго черноброваго молодца, одному только Кудеяру уступавшаго въ силѣ. Послѣ успокоенія смуты, разбойники двинулись вдоль рѣки Жиздры и вдругъ на полдорогѣ увидали

большую толпу людей на лошадяхъ и пѣшкомъ, переправлявшихся черезъ Жиздру въ бродъ.

— Это царскіе ратные! Это царскіе ратные! — закричали они.—Чтò намъ дѣлать. Они насъ видали. У нихъ огненный бой! Мы пропали!

— Да,—отозвался Сѣрый—вотъ еслибъ меня слушали, такъ того не было бы съ нами! Повелъ васъ проклятый проходимецъ, чортъ его знаетъ, кто онъ таковъ... можетъ нарочно подвелъ. Въ лѣсъ, скорѣе въ лѣсъ!

Кудеяръ, услышавши это, бросился прямо къ толпѣ, еще не перешедшей Жиздру, и кричалъ своимъ.

— Не робѣйте, братцы!

— Куда ты!—заревѣлъ, бросившись на него, Сѣрый:—убѣгать хочешь. Бейте его, сякого-такого сына!

Сѣрый нацѣлился въ Кудеяра изъ лука, но товарищи вырвали у него лукъ.

Кудеяръ поскакалъ ближе къ рѣкѣ, и вдругъ съ радостью поворотилъ коня назадъ и кричалъ своимъ:

— Это наши, наши! Тѣ, чтó ихъ ждали мы! Окулъ съ Урманомъ.

Кудеяръ встрѣтился лицомъ къ лицу съ Урманомъ.

— Братъ, товарищъ Урманъ, другъ,—кричалъ Кудеяръ,—мы за вами ходимъ, васъ ищемъ.

— Кудеяръ,—воскликнулъ Урманъ,—ты нашъ?

— Вашъ, вашъ,—говорилъ Кудеяръ, — веду къ вамъ свою ватагу.

— Вотъ какъ! — смѣясь говорилъ Урманъ:—у него ужъ и ватага.

Урманова ватага перешла Жиздру впередъ. За нею шелъ Окулъ со своею. Урманъ крѣпко обнималъ Кудеяра, а Окулъ, видя, что Урманъ кого-то обнимаетъ, кричалъ ему съ рѣки: «кого это такъ?» — Кудеяръ съ нами, — кричалъ ему въ отвѣтъ Урманъ, — да еще не самъ, а съ ватагой. — «Онъ стóитъ одинъ трехъ ватагъ»—сказалъ Окулъ, и, переправившись обратно черезъ рѣку, соскочилъ съ коня и бросился цѣловаться съ Кудеяромъ. Разбойники шайки Окула и Урмана, видѣвшіе Кудеяра прежде, съ любопытствомъ глядѣли на него и громко выражали свою радость.

— Какъ мы тебѣ пророчили—такъ и вышло,—сказалъ Урманъ.—Вотъ видно и пригодились мы тебѣ.

— А ты намъ еще болѣ—сказалъ Окулъ.

— А вотъ нашъ атаманъ, Антипъ Толченой,—сказалъ Кудеяръ,—любите побратски! А вотъ бывшій атаманъ, Кузьма Сѣрый.

Разбойники, отнявшіе у Сѣраго лукъ, держали его за руки и не пускали убѣжать. Сѣрый, видя, что попался самъ въ сѣти, разставленныя Кудеяру, упалъ на колѣни и кричалъ:

— Смилуйся! виноватъ! не буду впередъ!

— Ты меня убить хотѣлъ,—сказалъ Кудеяръ,—ты смуту въ ватагѣ поднималъ. Пусть тебя судитъ кругъ и атаманъ.

— Изрубить его,—кричали разбойники.

— Нѣтъ, повѣсить!—говорили другіе.

— На колъ посадить!—кричали третьи.

— Повѣсить ли, изрубить, или на колъ посадить, все равно смерть,—говорилъ Толченой.—Я думаю повѣсить его на этомъ деревѣ.

Въ это время какая-то женщина изъ шайки, услыхавши громкіе крики, требовавшіе смерти Сѣраго, издала пронзительный крикъ. Но вслѣдъ затѣмъ на нее напустился съ бранью грубый мужской голосъ. Это была жена одного изъ разбойниковъ, которую мужъ давно уже подозрѣвалъ въ любви къ Сѣрому. Теперь она невольно передъ всѣми высказала свое чувство. Мужъ обругалъ ее; она, возбужденная наступающею казнью возлюбленнаго, плюнула мужу въ лицо и закричала:—кабы тебя, паскуднаго, вмѣсто Кузьки на дерево! Мужъ ударилъ ее ножемъ въ сердце. Сбѣжались около него разбойники... одни были за него, другіе противъ него. Убійца кричалъ, что онъ мужъ и можетъ какъ хочетъ расправляться съ женою. Ему возражали, что «хоть и мужъ, а самоуправно не могъ лишить живота жены, долженъ былъ пожаловаться атаману и всему кругу...» Пришелъ Кудеяръ, вмѣстѣ съ Толченымъ, Окуломъ и Урманомъ, выслушалъ дѣло и сказалъ:

— Все зло отъ того, что бабъ возимъ. Вотъ оно и отозвалось. По-моему, виноватъ мужъ, только не такъ, чтобъ его казнить смертью, для того, что женка его раздразнила и онъ убилъ ее въ запалѣ. Накажите его палками подъ тѣмъ деревомъ, на котораго повѣсятъ Сѣраго.

— Праведно, праведно!—сказали атаманы.

Сѣраго вздернули на дубъ, и когда онъ, высунувши языкъ и страшно выпучивши глаза, руками и ногами отбивался отъ смерти, которая скоро одолѣла его, подъ нимъ дали ударовъ двадцать ревнивому его сопернику.

Вслѣдъ затѣмъ сняли Сѣраго съ дерева и бросили въ одну яму съ его возлюбленною.

Окулъ съ Урманомъ объяснили Кудеяру, что они съ своею ватагою, убѣгая отъ новой противъ нихъ высылки, распустили слухъ, будто идутъ къ литовской границѣ, а на самомъ дѣлѣ задумали вернуться изъ-за Жиздры и стать на другомъ мѣстѣ, недалеко отъ Жиздры, въ лѣсу, посреди овраговъ, гдѣ есть хорошая ключевая вода, а изъ овраговъ выходъ на луга съ хорошими пастбищами.

— А мы,—говорили они,—таки-подумываемъ улизнуть въ Литву, только туда надобно съ деньгами; прежде нажиться нужно.

— Нечего намъ о Литвѣ думать,—сказалъ Кудеяръ, и сообщилъ товарищамъ свои планы насчетъ сверженія съ престола Ивана Васильевича и возведенія Владиміра Андреевича; но при этомъ нѣсколько солгалъ: онъ увѣрялъ ихъ, что самъ Владиміръ Андреевичъ знаетъ о предпріятіи и земскіе бояре обѣщаютъ тотчасъ провозгласить его царемъ, лишь бы удалые извели мучителя.

Окулъ и Урманъ съ восторгомъ слушали разсказы Кудеяра.

— Намъ,—сказалъ Окулъ,—теперь все равно; если не доведемъ такого великаго дѣла до конца и пропадемъ, то бѣда не велика, — все равно пропадемъ когда-нибудь... А доведемъ, вѣстимо, всѣмъ будетъ хорошо.

— Что̀ говорить о томъ, если не доведемъ до конца,—сказалъ Кудеяръ;—надобно довести, коли беремся.

Созвали кругъ. Кудеяръ объявилъ, что князь Владиміръ Андреевичъ приглашаетъ ихъ на службу и велитъ имъ раздать жалованье. Немедленно онъ всѣмъ далъ при этомъ по двадцати рублей. Разбойникамъ деньги понравились. Какъ эти деньги, такъ и ватага, съ которою явился Кудеяръ, были для шаекъ Окула и Урмана поразительнымъ доводомъ его силы и справедливости того, что̀ онъ говоритъ. Удалымъ польстила мысль, что они уже теперь не разбойники, а служилые люди князя, который будетъ царемъ. Они разомъ возвысились въ собственныхъ глазахъ.

— Идемъ за весь міръ христіанскій,—говорили они.

— Теперь надобно,—сказалъ Кудеяръ, — намъ хорошо изоружиться, а то у насъ почти нѣтъ огненнаго боя и зелья. Я думаю, братцы, поѣхать самому въ Литву покупать ружья, а Урмана послать въ Болховъ. У меня есть татарскія деньги; Урманъ ихъ тамъ промѣняетъ на русскія; въ Болховѣ татары приводятъ плѣнныхъ на выкупъ, тамъ татарскихъ денегъ нужно бываетъ. Да тамъ же, говорятъ, можно и оружія прикупить.

— Можно, можно,—сказалъ Урманъ:—я Болховъ знаю.

— А вамъ, — сказалъ Кудеяръ, — усѣсться на то время въ лѣсу, въ укромномъ мѣстѣ, и дождаться меня.

По указанію знавшихъ мѣстность разбойники свернули въ лѣсъ

и стали межъ овраговъ въ яру. Они прорубили маленькія извилистыя тропинки въ лѣсной заросли, такія, что ими проѣхать можно было только одному человѣку; тропинки были прорублены такъ, что всякій другой, незнающій ихъ пути, не могъ пробраться по нимъ. Эти тропинки вели къ лугу изъ овраговъ, гдѣ былъ станъ. Разбойники водили на лугъ пасти лошадей. Кромѣ того, въ лѣсу были поляны, гдѣ можно было найти траву.

Урманъ отправился въ Болховъ, а Кудеяръ взялъ съ собою братьевъ Юдинковыхъ, знавшихъ дороги, и поѣхалъ въ другую сторону, къ литовской границѣ.

Денегъ, награбленныхъ въ Добромъ монастырѣ, было такъ много, что хватило бы на вооруженіе войска вдвое болѣе того, сколько было у Кудеяра.

Собираясь по направленію къ литовской границѣ, Кудеяръ съ Юдинковыми остановился въ одномъ селѣ и сталъ у крестьянина разспрашивать о порубежныхъ дѣлахъ. Онъ узналъ, что царь, сильно боясь, чтобъ его бояре и думные люди не убѣгали въ Литву, велѣлъ устроить разъѣзды и ловить бѣгущихъ, если покажутся. Но крестьянинъ, сообщая эту новость, тутъ же засмѣялся и сказалъ:

— Развѣ дурень будетъ, такъ тотъ къ нимъ попадется. У насъ только деньги посули, проведутъ тебя и выведутъ, хоть и съ товаромъ будучи.

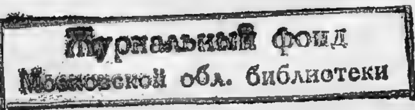
По просьбѣ Кудеяра, подкрѣпленной деньгами, хозяинъ нашелъ ему вожа, черномазаго крестьянина. Онъ благополучно перевелъ его лѣсами за рубежъ, а оттуда Кудеяръ, вмѣстѣ съ Юдинковыми, ѣхалъ безопасно, останавливаясь въ корчмахъ, и такъ пріѣхали они въ городъ Мстиславль. Тамошній воевода былъ тотъ самый панъ, у котораго жила дѣвица, плѣнившая Сампсона Костомарова.

Кудеяръ засталъ тамъ своего избавителя, Сампсона, и это ему очень пригодилось. Безъ него воевода не слишкомъ охотно дозволилъ бы ему накупить оружія изъ боязни, что оно покупается для царскихъ войскъ, которые этимъ оружіемъ будутъ воевать противъ Литвы. Сампсонко увѣрилъ воеводу, что Кудеяръ опальный человѣкъ, едва спасшійся отъ голодной смерти, на которую осудилъ его мучитель, покупаетъ оружіе не для чего иного, какъ только для того, чтобъ поднять возстаніе противъ царя Ивана и вмѣсто него посадить на престолъ Владиміра Андреевича. Воевода ненавидѣлъ московскаго царя, и съ особенною заботливостью старался надѣлить Кудеяра хорошимъ оружіемъ, притомъ какъ можно дешевле. Кудеяръ накупилъ большой запасъ ружей, по-

роху, свинцу, копій и косъ: послѣднія оказывались нужными для кошенія травы на зиму. Осталось перевезти все за рубежъ. Воевода поручилъ Кудеяра двумъ ловкимъ іудеямъ. Кудеяръ купилъ двадцать вьючныхъ лошадей и навязалъ на нихъ свою покупку въ рогожевыхъ мѣшкахъ; на каждой лошади висѣло по обѣ стороны по большому мѣшку, а сверху привязывался на спинѣ лошади еще мѣшокъ. Такимъ образомъ Кудеяръ съ товарищами проѣхалъ черезъ лѣса, удаляясь отъ селеній, и наконецъ приблизился къ тому мѣсту, гдѣ покинулъ разбойничій станъ.

Между тѣмъ, въ его отсутствіе случилось такое происшествіе.

Одинъ изъ разбойниковъ, другъ казненнаго Кузьмы Сѣраго, ушелъ изъ стана въ Калугу и донесъ, гдѣ находится разбойничій станъ. Калужскій намѣстникъ тотчасъ позвалъ на совѣтъ губнаго старосту, и оба рѣшили собрать всеуѣздныхъ людей на ловлю разбойниковъ, отправили отписки въ Лихвинъ и Бѣлевъ, чтобъ и тамъ дѣлали то же. Крестьяне въ такихъ дѣлахъ были очень туги на подъёмъ, а особенно, когда было время жатвы; притомъ они неохотно ссорились съ разбойниками, опасаясь, что если ихъ раздражать, но не переловять, то разбойники станутъ имъ мстить. На этотъ разъ губные старосты не собрали никого: отправились только служилые люди, калужане, да и то большею частью отставные, старые, потому что молодые, дюжіе, здоровые были въ войскѣ. Бѣлевцы и лихвинцы не поспѣли съ ними соединиться, калужане одни подошли къ указанному мѣсту. На бѣду ихъ намѣстникъ не отправилъ съ ними доносчика, но кинулъ его въ тюрьму и подвергъ пыткѣ, отъ которой онъ и умеръ; служилые только по разсказу этого доносчика должны были отыскивать то мѣсто, гдѣ находилась шайка. Они не знали извилистыхъ тропинокъ, которыми удалые выходили изъ своего стана. Подъѣхавши къ мѣсту, гдѣ, по ихъ соображеніямъ, слѣдовало быть разбойничьему стану, калужане соскочили съ лошадей, входили въ лѣсъ, прислушивались, и услыхали за деревьями лошадиный топотъ и гулъ человѣческой рѣчи. Проѣхать въ лѣсъ казалось невозможнымъ: въ чащѣ лѣса они увидали овраги. Служилые оставили осѣдланныхъ лошадей на дорогѣ и поручили смотрѣть за ними своимъ слугамъ, а сами съ ружьями пошли пѣшкомъ въ глубину лѣса. Тѣмъ временемъ разбойники, чрезъ своихъ разставленныхъ сторожей, узнали о прибытіи ратныхъ людей, посланныхъ на нихъ, забрали наскоро свои пожитки, сѣли на лошадей и своими извилистыми тропинками, ѣдучи гуськомъ одинъ за другимъ, выѣхали на большую дорогу. Когда преслѣдовавшіе ихъ пѣшіе служилые добрались до разбойничьяго стана,



тамъ уже не было никого. Разбойники напали на слугъ, оставленныхъ служилыми на дорогѣ, захватили у нихъ лошадей, перебили слугъ, когда тѣ начали кричать, пошли въ бродъ черезъ Жиздру съ отнятыми лошадьми, потомъ повернули въ лѣсъ и исчезли изъ виду. Калужане, услышавши крикъ слугъ, бросились назадъ и нашли только трупы ихъ, а куда дѣлись разбойники съ лошадьми—они не видали. Дѣло окончилось тѣмъ, что калужане пошли домой пѣшіе и, встрѣтившись на дорогѣ съ лихвинцами и бѣлевцами, разсказали имъ, что разбойниковъ болѣе нѣтъ. Тогда лихвинцы и бѣлевцы, не зная, гдѣ искать разбойниковъ и не надѣясь, при своей малочисленности, справиться съ ними, ушли себѣ также назадъ.

Разбойники, прошедши семь верстъ, вошли въ село, набрали себѣ тамъ фуражу, заплатили за него, какъ слѣдовало, но запрещали продавцамъ говорить про себя, угрожая въ противномъ случаѣ пустить по селу краснаго пѣтуха. Прошли потомъ удалые еще девять верстъ, и нашли себѣ пріютъ крѣпче прежняго: то было лѣсное ущелье; посреди его озеро; въ этомъ ущельѣ расположились разбойники станомъ и для выхода прорубили себѣ черезъ лѣсъ извилистыя тропинки, какъ и въ прежнемъ своемъ притонѣ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, доступныхъ для проходу, умышленно навалили деревьевъ, чтобъ сдѣлать мѣста непроходимыми. Устанавливаясь на новосельѣ, они послали двухъ товарищей на прежнее мѣсто извѣстить Кудеяра и Урмана, когда тѣ прибудутъ.

Посланные не нашли никого на мѣстѣ прежняго стана и засѣли въ своихъ тропинкахъ, ожидая когда будутъ ѣхать Кудеяръ и Урманъ. Въ тотъ же день они услыхали лошадиный топотъ: появился на тропинкѣ Урманъ, за нимъ, одинъ за другимъ, рядъ незнакомыхъ имъ всадниковъ, а за ними вьючныя лошади.

— Вотъ вамъ,—сказалъ Урманъ,—новые гости и товарищи, дорогіе гости съ Дону прибыли, и насъ зовутъ къ себѣ.

— А наши,—сказали ему товарищи,—вышли отсюда оттого, что была на насъ высылка, только той высылкѣ на насъ не было удачи.

— Я догадался,—сказалъ Урманъ:—по дорогѣ слѣды вашей работы... орлы и вороны благодарствуютъ вамъ. Онъ намекалъ на трупы побитыхъ слугъ.

На другой день пріѣхалъ Кудеяръ съ своею покупкою. Урманъ разсказалъ ему, что въ Болховѣ была большая ярмарка, деньги онъ промѣнялъ, накупилъ оружія, накупилъ также тулу-

повъ на деньги, которыя ему давали для того удалые, припасая на зиму теплую одежду.

— А вотъ,—говорилъ онъ, указывая на десятерыхъ своихъ товарищей, съ которыми пріѣхалъ,—это молодцы съ Дону, пріѣхали закупать оружіе и лошадей для своей ватаги и прикинулись дѣтьми боярскими; а я ихъ спозналъ заразъ, какого полета они птицы; они ѣхали съ тѣмъ, чтобъ съ нами сговориться. Собралось, видишь, четыре ватаги вмѣстѣ, четыре атамана у нихъ, и стоятъ на Дону; и про насъ они послышали, что тутъ ватаги ходятъ въ нашемъ краю въ лѣсахъ, такъ они и велѣли имъ разузнать про насъ и позвать насъ къ себѣ, чтобъ мы за-одно съ ними были.

— А гдѣ вашъ станъ?—спросилъ Кудеяръ.

— На Дону,—отвѣчали пришельцы,—неподалеку отъ того мѣста гдѣ рѣка, Быстрая Сосна, устьемъ въ Донъ входитъ.

— А много васъ будетъ?—спросилъ Кудеяръ.

— Сотни почитай четыре,—сказали пришельцы.—Мы ходили повыше—около Венева до Рязани, только на насъ была высылка: дѣти боярскіе на коняхъ, а стрѣльцы пѣшіе съ огненнымъ боемъ! У насъ оружья мало, мы и ушли подалѣе на Донъ.

Кудеяръ поѣхалъ съ ними на новое мѣсто стоянки разбойничьяго стана, и роздалъ всѣмъ удалымъ купленное оружіе: его оставался еще большой запасъ, и Кудеяръ обѣщалъ раздать его тѣмъ, что̀ стоятъ на Дону, когда придетъ къ нимъ на сходъ. Удалые дивились, какъ это все удается Кудеяру, считали его всесильнымъ вѣдуномъ и готовы были во всемъ повиноваться.

— Мы за тебя словно заложились,—говорили они ему:—куда ты поведешь насъ, туда и пойдемъ, что̀ велишь, то и будемъ дѣлать. Ты все знаешь: что̀ скажешь, такъ тому быть.

— Укромно вы, братцы, здѣсь и помѣстились, да не долго тутъ вамъ гостить,—сказалъ Кудеяръ,—надобно будетъ сниматься, пойдемъ на сходъ къ нашей братьѣ, что̀ на Дону. Слыхали мы отъ тѣхъ, что̀ къ намъ съ Дону пріѣхали, что по Муравскому шляху будетъ идти большой караванъ изъ Москвы въ Крымъ и въ Царьградъ, какъ говорятъ, а въ немъ много везутъ мѣховъ дорогихъ и хлѣбнаго зерна, и муки, и всякаго запасу. Мы разобьемъ его и пойдемъ на Донъ, а потомъ станемъ купно съ нашею братьею, что̀ на Дону, промышлять нашимъ великимъ дѣломъ. А здѣсь намъ оставаться и зимовать негодится для того, что про насъ уже провѣдали и пошлютъ на насъ большую высылку, а у насъ не весьма людно, не отобьемся.

Никто не сталъ и не смѣлъ перечить. Всѣ поклали свои пожитки въ сумы, которыя висѣли у каждаго за спиною по обоимъ бокамъ лошади. Сѣделъ было мало, ихъ замѣняла подостланная одежда. За плечами удалыхъ были луки и колчаны, а сзади за сумками, поперекъ лошади, привязывалось ружье. Лишнее оружіе и запасы везли на вьючныхъ лошадяхъ. Разбойники ѣхали медленно, пробирались лѣсами, чтобъ не быть замѣченными, должны были въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прорубливать заросли и засыпать рвы, когда это казалось легче, чѣмъ дѣлать большіе обходы. Они дошли до Оки, и тамъ два дня занялись рубкою лѣса; срубленныя, нерасколотыя и не совсѣмъ очищенныя отъ вѣтвей деревья, связанныя вмѣстѣ, послужили имъ плотами; они переправились черезъ Оку, и пройдя двадцать верстъ, увидали табунъ лошадей и отбили его; такимъ образомъ, у нихъ было теперь много лишнихъ лошадей. Потомъ атаманъ Толченой со своею ватагою отдѣлился и сдѣлалъ набѣгъ на вотчину, откуда пригналъ коровъ, быковъ и овецъ для продовольствія.

Разбойники двинулись на югъ, покидая жилыя мѣста, и очутились на Муравскомъ шляху немного ниже того мѣста, гдѣ потомъ построенъ былъ городъ Ливны. Чуть только они пришли на Муравскій шляхъ и хотѣли располагаться станомъ, какъ увидали толпу конныхъ, ѣдущихъ къ шляху: то были станичники, высланные изъ Рыльска для провожанія каравана черезъ степь. Станичники, завидѣвши конныхъ, а за ними стада, сначала думали, что это татары, но, приглядѣвшись, смекнули, что это русскіе и, по всѣмъ признакамъ, воровскіе люди. Станичники сообразили, что у воровъ огнестрѣльнаго оружія нѣтъ, а у нихъ самихъ есть, стало быть, они съ ворами сладятъ, хотя бы воровъ было и больше. Станичники бросились на нихъ, но разбойники схватились за свои ружья, приложили фитили и были готовы наклонить ихъ на порохъ, въ то самое время какъ станичники только брались за ружья. Станичники увидали множество ружейныхъ дулъ, направленныхъ на нихъ, повернули назадъ и поскакали прочь.

— Это плохое дѣло, когда мы дадимъ имъ убѣжать,—сказалъ Кудеяръ;—они дадутъ про насъ вѣсть, и на насъ вышлется большая высылка. На коней, братцы, а у кого кони потомились, кидайте ихъ и садитесь на молодыхъ изъ табуна, скачите за ними.

Разбойники стали соскакивать со своихъ коней и хватать запасныхъ лошадей, изъ табуна, садились на нихъ; но необученныя лошади относили ихъ въ сторону. Станичники, увидя это,

думали, что ихъ не догонятъ, но обманулись: Кудеяръ летѣлъ прямо на нихъ, ободряя своимъ примѣромъ удалыхъ.

Станичники остановились и нацѣлились. Разбойники не подъѣзжали къ нимъ, и также остановились и нацѣлились.

— Биться, или мириться?—кричалъ Кудеяръ.

— Мириться,—сказалъ голова станичный,—вѣдь вы крещеные люди, не татары.

— Зачѣмъ вы здѣсь?—спросилъ Кудеяръ.

— Караванъ оберегать.

— А вы зачѣмъ?—спросилъ въ свою очередь голова.

— А мы,—сказалъ Кудеяръ,—караванъ разбивать.—Царя-мучителя посолъ ѣхать будетъ, мы у него казну возьмемъ. Мы умыслили царя-мучителя извести за кровопійство его надъ христіанами, а на престолъ россійскаго царствія посадить хотимъ князя Владиміра Андреевича. Земскіе бояре за насъ. Приставайте къ намъ. Насъ много. Кто теперь пристанетъ и поможетъ нашему государю взойти на престолъ, тѣ у него первые люди будутъ. Нашъ государь не велѣлъ никого силовать: хотите съ нами идти—будетъ вамъ хорошо, а не хотите—судья вамъ Богъ!

— Что-жъ? это хорошее дѣло,—произнесъ кто-то изъ станичниковъ.—Давно пора. Что́, братцы, пристанемъ, что ли.

— Да коли земскіе бояре за нихъ, такъ пристанемъ,—сказалъ другой.

— Пристанемъ, пристанемъ,—раздались голоса.—Царь больно лютъ сталъ! Другой будетъ милостивѣе! А насъ наградитъ.

— Наградитъ, наградитъ!—говорилъ Кудеяръ.—Я по его приказу тотчасъ всѣмъ вамъ жалованье денежное раздамъ, а караванъ нашъ будетъ! Нашъ государь намъ его жалуетъ.

— Хорошо, хорошо!—кричали станичники.

— Что вы, собаки,—закричалъ голова,—въ петлю вамъ захотѣлось, что ли? Вы имъ, дурни, вѣрите. Они все то затѣяли сами. Князь Владиміръ Андреевичъ ни духомъ, ни слухомъ про то не вѣдаетъ, и васъ, собакъ, повѣсить велитъ за то, что вы его на царство возводите! Мы знаемъ одного царя, Ивана Васильевича, нашего и его государя. Князь Владиміръ Андреевичъ его рабъ и ему вѣренъ.

— Правда, правда!—закричали другіе станичники.—Это воровскія затѣи; не слушайте ихъ, братцы, бѣда будетъ.

— Будьте вѣрны мучителю, когда хотите,—сказалъ Кудеяръ,—мы васъ не силуемъ, а кто хочетъ съ нами стать за князя Владиміра и за всю землю святорусскую, тотъ къ намъ переходи!

Сорокъ человѣкъ перешли къ разбойникамъ.

— Будьте вы прокляты!—кричалъ голова,—трусы, псы смердящіе! измѣнники! Быть вамъ всѣмъ на колѣ!

— Не ругайся, голова,—сказалъ Кудеръ,—не хочешь русской землѣ служить,—Богъ тебя разсудитъ и осудитъ. Мы тебя не силуемъ. Побросайте ружья, слѣзайте съ коней и идите себѣ куда знаете.

— Чтобъ мы оружіе свое покидали? Что, мы измѣнники такіе, какъ ты?—сказалъ голова.

— Братцы, стрѣляйте въ нихъ!—закричалъ Кудеяръ.

Разбойники выстрѣлили и убили человѣкъ пять. Станичники выстрѣлили и убили шесть человѣкъ разбойниковъ; пуля повредила ухо Кудеяру; кровь струилась; разбойники разсвирѣпѣли, бросились на станичниковъ, дрались и копьями, и саблями, и ружейными прикладами... подъ Кудеяромъ убили коня, а станичникъ ударилъ его по головѣ, такъ что онъ лишился чувствъ. Разбойники, остававшіеся позади, бѣжали на битву, окружили станичниковъ и всѣхъ до одного перебили, но потеряли довольно своихъ.

Кудеяръ приподнялся; къ его ранѣ приложили пороху съ землею, обвязали тряпьемъ. Оглядѣвшись, онъ увидалъ болѣе десятка мертвыхъ разбойниковъ и столько же раненыхъ. Тѣ, которые были ранены тяжело, просили себѣ смерти. Кудеяръ приказалъ перерѣзать имъ горло, чтобъ они не мучились, а прочимъ велѣлъ перевязать раны тряпьёмъ.

Послѣ этой свалки Кудеяръ заснулъ такимъ богатырскимъ сномъ, что проснулся только на другой день. Ему стало легче, но головная боль долго мучила его послѣ полученнаго удара.

Караванъ, котораго тогда ожидалъ Кудеяръ, былъ особенно важенъ. Вслѣдъ за посломъ, пріѣхавшимъ въ Москву изъ Крыма, вмѣстѣ съ Кудеяромъ, прибылъ отъ хана къ царю гонецъ съ тайнымъ извѣстіемъ, что турецкій царь непремѣнно хочетъ будущею весною идти на Астрахань, и что ханъ поневолѣ долженъ будетъ пристать къ нему. Теперь ханъ всѣми силами отговариваетъ турецкаго царя, а если не отговоритъ, то изъ братской любви къ московскому государю будетъ нарочно дѣлать такъ, чтобъ турки Астрахани не завоевали; за такую дружбу ханъ требовалъ съ московскаго государя такихъ тяжелыхъ поминковъ, какихъ еще царь Иванъ ему не давалъ. По этимъ вѣстямъ царь московскій отправлялъ съ караваномъ въ Крымъ своего гонца, со множествомъ мѣховъ и съ большою денежною казною. Въ караванѣ было много купцовъ-армянъ; кромѣ мѣховъ и воску,

вывозимаго изъ московской земли, они везли значительное количество хлѣбнаго зерна и муки. Въ московскомъ государствѣ былъ въ тотъ годъ урожай, но къ концу лѣта стали появляться тучи полевыхъ мышей, истреблявшихъ хлѣбъ въ копнахъ и скирдахъ. Вѣсть объ этомъ бѣдствіи произвела повсюду ужасъ; хлѣбъ поднялся въ цѣнѣ. Въ амбарахъ и лабазахъ торговцевъ однако было еще довольно запасовъ; въ подобныхъ обстоятельствахъ такіе люди, замѣчая повышеніе цѣнъ, обыкновенно приберегаютъ хлѣбъ, чтобы продать его тогда, когда онъ достигнетъ наибольшей цѣны. При Иванѣ Васильевичѣ купцы боялись, чтобы царь не велѣлъ отнять у нихъ хлѣба ради людской нужды или даже для того, чтобы самому продавать его съ барышемъ; они продавали свой хлѣбъ на вывозъ изъ государства. Такимъ образомъ, караванъ, шедшій въ то время, былъ особенно богатъ.

Для сбереженья этого каравана въ степи велѣно было провожать его тремъ станицамъ: первая шла за нимъ изъ Новосиля, вторая и третья должны были встрѣтить его у Быстрой Сосны, прибывши изъ Рыльска и изъ Путивля.

Мы видѣли, какъ неудачно исполнили рыльчане свою обязанность.

По указанію передавшихся рыльчанъ, Кудеяръ велѣлъ двинуться поближе къ урочищу Ливнамъ, гдѣ былъ переходъ черезъ Быструю Сосну, и гдѣ уже заводилось поселеніе. Подходя къ этому мѣсту, разбойники увидали толпу людей, сидѣвшихъ спокойно около огня. Ихъ кони паслись спутанные.

Кудеяръ догадался, что это путивляне, приказалъ одной части своей ватаги зайти въ тылъ сидѣвшимъ и стать за лѣсомъ, чтобы по данному знаку выскочить изъ своей засады и стрѣлять въ путивлянъ, а самъ съ конными ѣхалъ прямо къ послѣднимъ; у разбойниковъ наготовѣ были ружья съ горѣвшими фитилями, которые нужно было только посредствомъ пружинки наклонить къ пороху, чтобы выстрѣлить. Путивляне смотрѣли на ѣдущихъ къ нимъ верхомъ людей и думали, что это рыльчане; они увѣрились въ этомъ тѣмъ болѣе, когда дѣйствительно узнали въ лицо нѣсколькихъ рыльчанъ изъ передавшихся разбойникамъ, а потому подпустили ихъ къ себѣ и не предпринимали никакихъ мѣръ осторожности.

— Богъ въ помощь вамъ, братья-путивляне,—сказалъ Кудеяръ;—вы пришли караванъ оберегать, а мы пришли его разбивать. Знайте, братцы, что̀ мы за люди. Мы всѣ опальные. Царь-мучитель насъ изъ домовъ своихъ выгналъ, родныхъ нашихъ помучилъ... царь-мучитель много крови неповинной про-

лилъ... мы задумали, ради всего христіанства и всей земли святорусской, извести его и посадить на престолъ россійскаго царствія князя Владиміра Андреевича. Съ нами заодно земскіе бояре. Мы теперь пришли сюда затѣмъ, чтобы караванъ разбить, у гонца царскаго казну отнять, чтобы было чѣмъ войско князя Владиміра Андреевича содержать. Хотите съ нами заодно? Мы вамъ тотчасъ дадимъ жалованье отъ князя Владиміра: я отъ него присланный человѣкъ. И караванъ себѣ раздуванимъ. А какъ Богъ пособитъ князю Владиміру сѣсть на престолъ, такъ онъ вельми васъ пожалуетъ.

Станичный голова Егоръ Шашковъ далъ Кудеяру такой отвѣтъ:

— По твоей рѣчи вижу, что ты не прирожденный московскій человѣкъ. Богъ тебя знаетъ, кто ты таковъ, только я по душѣ тебѣ скажу: для насъ что ни попъ, то батька: будетъ ли Иванъ сидѣть на престолѣ или Владиміръ, тому мы и холопы. Колибъ у твоего князя Владиміра Андреевича была сила велика, такъ иное дѣло, ина рѣчь была бы... А то у него силы нѣтъ; доселева мы ничего такого не слыхивали. Опальнымъ людямъ мало что отъ сердца скажется. Какъ идти противъ царя Ивана, когда за него весь русскій народъ! Насъ побьютъ и отведутъ къ царю Ивану, а каковъ онъ въ гнѣвѣ, всѣмъ то вѣдомо. У царя Ивана ратныхъ поболѣ, чѣмъ у тебя.

— У царя-мучителя,—сказалъ Кудеяръ,—ратные отправлены въ нѣмцы, а самъ онъ остается съ небольшими людьми. Мы улучимъ часъ способный, нападемъ на него, изведемъ, а царемъ будетъ Владиміръ Андреевичъ.

— У царя два сына,—сказалъ Шашковъ.—Еслибы вамъ и была удача, извели бы вы царя Ивана, такъ не Владиміра Андреевича, а царевича Ивана, старшаго царскаго сына, земля поставитъ царемъ.

— Онъ такой же мучитель будетъ, какъ и отецъ: земля поставитъ царемъ Владиміра. На томъ у насъ уговоръ съ земскими боярами.

— Отъ земскихъ бояръ,—сказалъ Шашковъ,—мы того не слыхали, а колибъ и земскіе бояре намъ то сказали, такъ еще надобно было бы подумать. Нѣтъ, мы съ вами не идемъ и къ вашему умыслу не пристаемъ.

— Такъ что же,—сказалъ Кудеяръ,—хотите съ нами биться?

— Давай и биться, коли хочешь,—сказалъ Шашковъ.

— Биться, биться! — закричали путивляне, схватившись за

ружья, но изъ лѣсу выскочили разбойники, выстрѣлили и сразу положили человѣкъ пять.

Съ своей стороны разбойники стали стрѣлять въ путивлянъ и также ранили нѣсколько человѣкъ.

— Стойте,—закричалъ Шашковъ,—перестаньте стрѣлять; мы пристаемъ къ князю Владиміру Андреевичу.

— Пристаете?—сказалъ Кудеяръ.—Пристаете поневолѣ, какъ увидали, что у насъ сила есть.

— Да, оттого и пристаемъ,—сказалъ Шашковъ.—Я тебѣ давича сказалъ, что колибъ у князя Владиміра сила была впрямь большая, такъ ина рѣчь была бы... Самъ посуди, умный ты человѣкъ: ништо можно такъ всему повѣрить что́ кто скажетъ? Я изъ рязанскихъ: царь Иванъ отнялъ у меня помѣстье, что́ было отъ отца и дѣда справлено, и взялъ помѣстье въ опричнину, а меня перевелъ въ Путивль... Я самъ обиженный, а ты говоришь: поневолѣ присталъ? Не хотѣлъ приставать оттого, что не повѣрилъ тебѣ, а теперь вѣрю, когда вижу, что у тебя сила есть.

Кудеяръ роздалъ часть жалованья передавшимся путивлянамъ и обѣщалъ остальное доплатить послѣ разбитія каравана.

Шашковъ сказалъ:

— Будутъ новосильчане за карваномъ идти; не отпустилъ ли бы ты меня напередъ, я бы учалъ уговорить ихъ пристать къ Владиміру Андреевичу, чтобъ не было напраснаго пролитія крови, какъ у насъ случилось.

— Нѣтъ,—сказалъ Кудеяръ, — по твоей новости тебѣ довѣрять еще не стать. Мы засядемъ въ кустахъ и нападемъ на новосильчанъ сзади, пропустивши ихъ за карваномъ. Пристанутъ къ князю Владиміру—хорошо, а не пристанутъ—биться съ ними будемъ.

На ночь разбойники расположились близъ самаго шляху. Шашковъ подозвалъ къ себѣ толпу путивлянъ и сказалъ:

— Когда эта сволочь уснетъ, скорѣе садитесь на коней и вмѣстѣ со мной побѣжимъ. Надоть знать дать въ разные городы, въ Путивль, въ Рыльскъ, въ Болховъ... Дѣло не пустошное, на царя-государя идутъ ратью, другого царя хотятъ ставить! Коли мы успѣемъ, да ихъ переловятъ, будетъ намъ отъ настоящаго государя награда поболѣ и повѣрнѣе, чѣмъ отъ того, который еще не царствовалъ.

Поневолѣ путивляне были съ нимъ за-одно. Нѣкоторые тотчасъ сообщили о замыслѣ Шашкова Кудеяру.

Кудеяръ сказалъ Окулу, Урману, Толченому, велѣлъ прикинуться спящими и быть между тѣмъ на-готовѣ...

Въ полночь, Шашковъ, думая, что всѣ спятъ, вскочилъ, сѣлъ на коня, путивляне,—лежавшіе около него,—за нимъ вскочили на лошадей, поскакали въ поле, но вдругъ позади ихъ раздался оглушительный крикъ — громада разбойниковъ была уже на коняхъ и скакала за путивлянами. Кудеяръ летѣлъ впереди, догналъ Шашкова, схватилъ его за плечо и свалилъ съ лошади.

— Вяжите его,—кричалъ онъ.

Путивляне бѣжали; разбойники ихъ догоняли и били; нѣсколько легло на мѣстѣ, нѣсколько было схвачено живьемъ, нѣсколькимъ удалось уйти далѣе, но по приказанію Кудеяра разбойники погнались за ними и били ихъ.

Кудеяръ притащилъ связаннаго Шашкова въ станъ. Утромъ рано собрался кругъ. Кудеяръ объявилъ, что Шашковъ достоинъ за свою измѣну того, чтобъ его живого сжечь на огнѣ.

— Судъ праведный!—закричали всѣ.

Разложили огонь и положили на него Шашкова.

— Умру за великаго государя, — кричалъ онъ, — умру за правду! Богъ милосердый приметъ мою душу, а васъ, злодѣевъ, покараетъ.

Пойманнымъ путивлянамъ отрубили головы.

Черезъ часъ послѣ этой расправы, разбойники увидѣли идущій караванъ и станицу новосильцевъ, провожавшую его сзади. Караванъ состоялъ изъ множества вьючныхъ лошадей и двуколокъ, къ которымъ были прицѣплены за шеи плѣнные нѣмцы и чухны, также какъ въ томъ караванѣ, который Кудеяръ встрѣтилъ, возвращаясь изъ Крыма.

Разбойники раздѣлились на двѣ половины: одна ѣхала верхомъ прямо на встрѣчу каравану, другая скрылась въ кустахъ, намѣреваясь броситься на новосильцевъ сзади. Новосильцы, видя ѣхавшихъ прямо къ нимъ конныхъ, думали, что это путивляне и рыльчане.

Караванъ прошелъ. Разбойники пропустили его и стали лицомъ къ лицу съ новосильцами. Изъ-за кустовъ выскочили удалые: и конные и пѣшіе нацѣлились въ новосильцевъ.

Новосильцы растерялись отъ такой неожиданности.

— Биться, или мириться?—кричалъ Кудеяръ.

— За что биться, съ кѣмъ?—спрашивали новосильцы.

— Если хотите мириться,—сказалъ Кудеяръ, — приставайте въ службу князя Владиміра Андреевича; мы идемъ на мучителя христіанскаго, кровопійцу Ивашка, что въ Александровской слободѣ, хотимъ его извести, а на царство посадимъ Владиміра Ан-

древича. Идите къ нему на службу: вотъ вамъ денежное жалованье, и караванъ раздуванимъ.

— Мы вѣрою-правдою присягали служить царю Ивану Васильевичу, всея Руси самодержцу, а князю Владиміру Андреевичу не присягали и присягать не хотимъ,—сказалъ станичный голова.

— Такъ вы биться хотите!—сказалъ Кудеяръ.—Братцы, стрѣляйте въ нихъ.

— Постойте, — сказалъ голова, осмотрѣвшись и увидя, что станица его со всѣхъ сторонъ окружена,—дайте подумать.

— Думайте, да не долго, — сказалъ Кудеяръ, — а на насъ ружья не поднимайте! Вотъ вамъ наше слово. Хотите биться, такъ мы васъ примемъ въ два огня, насъ втрое больше, чѣмъ васъ... Мы всѣхъ васъ перебьемъ. А хотите мириться, такъ либо къ намъ переходите и поступайте въ службу князя Владиміра Андреевича, либо, коли не хотите ему служить, побросайте оружіе и коней — нашъ государь князь Владиміръ Андреевичъ милостивъ—васъ животомъ пожалуетъ.

— Дайте подумать,—сказали новосильцы.

— Думайте, думайте, да, говорю вамъ, не долго,—сказалъ Кудеяръ.

— Насъ меньше, чѣмъ ихъ,—сказалъ голова станичникамъ своимъ, — покинемъ имъ ружья и коней; мы скажемъ, что не смогли противъ большой силы. Все равно, коли станемъ имъ противиться, они перебьютъ насъ, а царь-государь можетъ быть насъ и помилуетъ за то, что мы все-таки не измѣнили ему. Такъ ли?

— Такъ, такъ!—говорили станичники.

Голова обратился къ Кудеяру и сказалъ:

— Мы покидаемъ оружіе и коней. Ваше слово твердо: отпустите насъ домой.

— Кидайте оружіе, — сказалъ Кудеяръ, — мы васъ убивать не станемъ.

Новосильцы стали слѣзать съ лошадей и кидать оружіе. Но двое, перешепнувшись между собою, сказали:

— Мы пристаемъ на службу князя Владиміра Андреевича.

— Такъ поѣзжайте сюда, къ нашимъ,—сказалъ Кудеяръ.— Кто перейдетъ на службу Владиміра Андреевича, тотъ не слѣзай съ коня, а завертывай налѣво, къ намъ!

За двумя послѣдовало еще восемь человѣкъ. Остальные побросали оружіе.

— Заберите ружья ихъ,—сказалъ Кудеяръ разбойникамъ,— и стерегите ихъ. Они въ полонъ сдались.

— Отпусти же насъ!—сказалъ голова.

— Прежде караванъ разберемъ,—отвѣтилъ Кудеяръ.

Онъ подошелъ къ царскому гонцу, котораго уже успѣли связать разбойники.

— Подай грамоту,—сказалъ Кудеяръ.

Гонецъ подалъ.

— Читай, да не лги,—сказалъ Кудеяръ.

Гонецъ прочиталъ. Въ грамотѣ, московскій царь увѣрялъ Девлетъ-Гирея въ дружбѣ, извѣщалъ, что посылаетъ тяжелые подарки. Царь просилъ прислать двухъ плѣнныхъ черкасскихъ князей, сыновей Мамстрюка, обѣщалъ за то отпустить бывшихъ въ плѣну татаръ, и нѣсколько человѣкъ отпускалъ. Въ заключеніе было сказано: «а что твой посолъ говорилъ про Кудеяра, чтобъ его отпустить къ тебѣ, и Кудеяра не стало, а мы бы къ тебѣ брату нашему его отпустили, колибъ онъ былъ живъ».

— Вретъ, мучитель! — сказалъ Кудеяръ. — Я живъ, и поѣхалъ бы къ свѣтлѣйшему хану, да хочется отомстить злодѣю своему и избавить всю землю русскую отъ мучителя.

Въ это время знакомый голосъ назвалъ по-татарски Кудеяра. Кудеяръ узналъ одного изъ пріѣзжавшихъ съ посломъ хана татаръ.

— Гдѣ Ямболдуй-мурза?—спросилъ онъ татарина.

— Задержалъ царь Иванъ.

— Братцы,—сказалъ Кудеяръ своимъ,—отпустимъ всѣхъ татаръ. Девлетъ-Гирей нашъ другъ. Ну, Ивановъ гонецъ, есть у тебя еще грамоты?

— Есть.

— Къ кому? Это къ кому?—спрашивалъ Кудеяръ, указывая на грамоту, взятую у гонца.

— Къ явлашскому бею.

— Читай.

Гонецъ сталъ читать. Кудеяръ по его физіономіи догадался, что онъ читаетъ не то, что́ въ ней написано. Онъ вырвалъ грамоту изъ рукъ гонца и спросилъ, обращаясь къ своей ватагѣ:

— Есть кто грамотный?

Нашелся одинъ изъ передавшихся новосильцевъ, бывшій подъячимъ. Онъ прочиталъ грамоту, въ которой царь Иванъ, лаская явлашскаго бея, дѣлалъ намеки на возможность получить ему ханское достоинство. Кудеяръ передалъ содержаніе грамоты татарину, назвавшему себя крымскимъ гонцомъ, и отдавая ему грамоту сказалъ:

— Возьми эту грамоту и отдай свѣтлѣйшему хану. Пусть увидитъ, какова московская дружба.

— Кудеяръ,—сказалъ крымскій гонецъ,—Ивановы поминки отдай намъ. Это ханское добро.

— Другъ мой,—сказалъ Кудеяръ,—оно не дошло до рукъ ханскаго величества, и посылалось не съ чистымъ сердцемъ, какъ самъ видишь. Мы идемъ войною на нашего врага и лиходѣя; онъ и хану врагъ и лиходѣй. Нужно войску одежды и жалованья. Какъ мы изведемъ Ивана и посадимъ на царство иного царя, князя Владиміра Андреевича, тогда, будучи у него первыми людьми, возблагодаримъ хана въ десять кратъ. А теперь коли все это выпустить изъ нашихъ рукъ, то нечѣмъ будетъ войска нашего содержать и дѣло наше не пойдетъ на ладъ. Ханъ мудръ и милостивъ, самъ разсудитъ, что иначе нельзя. Для его милости будетъ лучше, какъ мы изведемъ его недруга.

— А купцы, — сказалъ гонецъ, — они деньги платили за товары.

— Мнѣ ихъ жаль,—сказалъ Кудеяръ, — да что же дѣлать? Намъ хлѣба нужно, и на войско одежды. Не съ голода же умирать нашимъ, и не отъ холода окоченѣвать! Придетъ время, воцарится князь Владиміръ, за всѣ убытки заплатитъ, потому что у нихъ взятъ товаръ на его обиходъ по крайней нуждѣ.

— А людей? Они купленные.

— Русскіе есть между ними?—спросилъ Кудеяръ.

— Нѣтъ,—отвѣчали ему:—все воинскій полонъ нѣмецкій.

— Возьмите ихъ!—сказалъ Кудеяръ:—намъ они не нужны! Вотъ вамъ еще новосильцы, что́ васъ провожали. Ведите ихъ въ неволю.

Татары бросились вязать новосильцевъ. Поднялся вой, вопли, крики.

Кудеяръ взялъ у московскаго гонца денежную казну и приказалъ его самого изрубить; потомъ велѣлъ отвязать двуколки и забрать вьючныхъ лошадей съ товарами, а все принадлежащее собственно татарамъ отдалъ имъ. Наконецъ, сказавши ханскому гонцу, что по возведеніи князя Владиміра на престолъ докажетъ хану свою любовь и преданность, отпустилъ татаръ съ невольниками.

Разбойники, съ пріобрѣтенными возами, вьючными лошадьми и стадами двинулись вправо отъ Муравскаго шляха, по правому берегу Быстрой Сосны. Оказалось, что въ то время по берегамъ этой рѣки не было уже безлюдно. Мѣстами стояли селенія; бѣглецы, искавшіе себѣ свободы отъ всякихъ тягостей, селились тамъ;

были тутъ и дѣти боярскіе, убѣжавшіе со своими людьми. Сельца были ограждены рвами и частоколами. Разбойники не нападали на нихъ; они шли по опушкѣ лѣсовъ, иногда проходили и лѣса. Такъ миновали они Елецъ, стараясь не показываться ельчанамъ, и для того въ этомъ мѣстѣ особенно должны были держаться лѣса.

Когда уже недалеко былъ Донъ, Кудеяръ сталъ дуванить отбитый караванъ. Всю царскую денежную казну и деньги, отнятыя у купцовъ, онъ не пустилъ въ дуванъ, объявилъ, что это казна князя Владиміра и пойдетъ на уплату жалованья его служилымъ. Чтобъ уравнить всѣхъ, Кудеяръ назначилъ по выбору цѣновщиковъ, которые оцѣняли мѣха, одежды и другіе товары, исключая хлѣба; каждый могъ брать себѣ, что̀ хотѣлъ, приплачивая деньгами, если бралъ больше, сколько приходилось на его долю по оцѣнкѣ. Лошади были также подѣлены, но лишнія оставлены въ запасѣ для тѣхъ, которые были на Дону. Скотъ и хлѣбъ не дѣлили; Кудеяръ назначилъ поваровъ, которые должны были готовить ѣсть разбойникамъ по кучкамъ: на кучку въ тридцать человѣкъ назначался поваръ. Для смотрѣнія за скотомъ назначены были скотари. Установивши правила хозяйства, Кудеяръ привелъ свою ватагу на Донъ, гдѣ соединился съ другою ватагою, еще болѣе многолюдною.

II.

Зимовье.

Донская ватага съ радостью привѣтствовала новыхъ товарищей, они были ей дороги, потому что привезли съ собой оружія, запасъ съѣстного, лошадей. Всѣ проникались уваженіемъ къ Кудеяру, о которомъ прибывшіе товарищи разсказывали удивительныя вещи; всѣ обѣщали слушаться Кудеяра, особенно, когда онъ всѣмъ имъ роздалъ жалованье и обязалъ считаться служилыми людьми князя Владиміра. Однако донскіе смотрѣли съ завистью на прибывшихъ, потому что послѣдніе были богаче и носили мѣховыя шубы, тогда какъ донскіе должны были довольствоваться овчинами.

— Вы прежде караванъ разбейте, какъ мы,—говорили донскимъ прибывшіе: — коли у насъ что́ есть, такъ досталось не даромъ.

Кудеяръ занялся устройствомъ жилищъ на зиму и велѣлъ дѣлать землянки въ горѣ, надъ Дономъ. Для скота и лошадей были сдѣланы деревянные загоны. Пока не спалъ снѣгъ, скотъ и лошади были на подножномъ корму; а на зиму у донскихъ заранѣе припасено было нѣсколько стоговъ сѣна. Хлѣбнаго зерна и овса было вдоволь награблено въ караванѣ. За неимѣніемъ мельницъ, зерно толкли въ деревянныхъ ступахъ, которыя въ небольшомъ количествѣ изготовили донскіе.

Люди, составлявшіе донскую ватагу, главнымъ образомъ были холопы опальныхъ бояръ и ихъ крестьяне; затѣмъ бѣглые и лишившіеся помѣстьевъ служилые, а къ нимъ присоединялись еще забубенные бродяги, которымъ съ юности было противно всякое порядочное, законное дѣло, омерзѣло жить посреди міра и связывать себя его тяготами. То были любители простора, вольности и такъ-называемаго воровства, т.-е. всего того, что́ осуждается и преслѣдуется закономъ: порокъ и злодѣянія стали, такъ-сказать, ихъ природою. Люди боярскіе, наполнявшіе дворни бояръ и знатныхъ людей, и крестьяне, несмотря на видимое подобіе, разнились между собою по своимъ нравамъ. Первые, какъ холопы, составляли такой классъ, для котораго неизбѣжнымъ казалось всегда служить кому бы то ни было, быть въ неволѣ у кого бы то ни было. Гнѣвъ царскій, постигшій ихъ господъ, освобождалъ ихъ отъ холопства, они сами собою дѣлались свободными; — но

свобода была имъ несвойственна, какъ рыбѣ воздухъ безъ воды: обыкновенно, въ московской Руси освобожденный холопъ дѣлался снова холопомъ другого господина. Въ ихъ положенiи никто не хотѣлъ брать ихъ въ холопы, потому что судьба связывала ихъ въ прошедшемъ съ опальными; въ людскомъ обществѣ имъ было небезопасно: достаточно было на такого холопа кому-нибудь донести, что онъ хвалилъ своего бывшаго опальнаго господина или пожалѣлъ о немъ, и холопу была бѣда; это тревожное положенiе, лишая такихъ холопей средствъ устроиться въ людскомъ обществѣ, увлекало ихъ въ разбойническую шайку. Но качества, прiобрѣтенныя ими въ холопьемъ быту, не оставляли ихъ и въ разбойничьемъ. Кудеяръ, начальствуя надъ ватагою, не нося званiя атамана, назывался хозяиномъ и исполнялъ то, что̀ обыкновенно составляло признакъ господина дворни, платилъ жалованье, распоряжался продовольствiемъ: онъ былъ первымъ, важнѣйшимъ лицомъ въ ватагѣ, и поэтому сталъ полнымъ господиномъ надъ тѣми, которые прежде были холопами и не понимали никакихъ другихъ отношенiй зависимости, кромѣ рабскаго повиновенiя тому, отъ кого получали жалованье. По понятiямъ своего времени, они и относились къ нему, какъ вообще къ такому, которому давали на себя кабалу. Но на ихъ постоянство, вѣрность и честность не могъ полагаться Кудеяръ; не могли въ этомъ полагаться на нихъ и прежнiе господа; Кудеяръ еще менѣе. При малѣйшемъ противномъ вѣтрѣ, подувшемъ на ихъ господина, при первомъ лакомомъ обѣщанiи, данномъ сильною стороною во вредъ господину, они способны были предать и продать его. Таково достоинство холопа. Крестьяне были люди иного склада, чѣмъ холопы, но также, какъ холопы, не могли составлять для Кудеяра надежнаго оплота. Крестьяне, прежде находясь въ своихъ дворахъ, не были, подобно холопамъ, челядью, безъ опредѣленнаго призванiя, обязанные исполнять ту, либо другую прихоть господина, ихъ кормившаго и одѣвавшаго. Крестьяне были тружениками, въ потѣ лица добывавшими хлѣбъ свой съ полученной по договору земли отъ ея владѣльца. Горькая судьба разоренiя постигла ихъ случайно, оттого только, что имъ пришлось жить на землѣ того боярина, котораго постигла опала. Въ нихъ не было тѣхъ пороковъ, которые присущи были дворнѣ. Земледѣльческiй трудъ облагораживаетъ человѣка, и какъ бы ни было порочно какое-либо общество, тѣ, которые занимаются исключительно земледѣлiемъ, будутъ сравнительно лучшими и честнѣйшими людьми въ этомъ обществѣ, до тѣхъ поръ, пока не перестанутъ быть земледѣльцами. Послѣ того, какъ царь, безъ всякой вины со сто-

роны этихъ крестьянъ, приказалъ сжечь ихъ домы, истребить скудное ихъ имущество и самихъ разогнать на всѣ четыре стороны, осуждая ихъ на голодную смерть, имъ приходилось какимъ-нибудь инымъ способомъ поддерживать свое существованіе, и они пошли въ разбой изъ-за куска хлѣба. Другихъ средствъ имъ не представлялось. Но пока они не привыкли къ новому образу жизни и не вошли еще во вкусъ къ злодѣйствамъ, они всегда готовы были покинуть разбойное дѣло, лишь бы представилась возможность заняться прежними средствами добыванія хлѣба. Стóило имъ сказать: вотъ вамъ земля, вотъ вамъ соха, борона, серпъ—и они оставятъ Кудеяра на произволъ судьбы! Служилые люди, ушедшіе отъ службы, были трехъ родовъ: одни убѣжали отъ опасностей войны, слѣдовательно отъ трусости. Многіе изъ ихъ братіи уходили въ степи и тамъ селились съ своими людьми; въ разбой шли такіе изъ нихъ, которымъ нечѣмъ было подняться и вообще не представлялось удобствъ къ переселенію. На нихъ нельзя было слишкомъ полагаться Кудеяру: трусость, загнавшая ихъ въ разбой, взяла надъ ними верхъ и здѣсь, какъ въ государевой службѣ. Такіе были отважны только тогда, когда приходилось расправляться съ безоружными и слабѣйшими, но при встрѣчѣ съ очевидною опасностью храбрости у нихъ не хватало. Другіе, какъ передавшіеся Кудеяру рыльчане, увлеклись минутною надеждою па выигрышъ дѣла, на удачу предпріятія. Эти люди при неудачѣ тотчасъ бы поддались увѣщаніямъ противной стороны, еслибъ она посулила имъ прощеніе ихъ вины. Наконецъ, тутъ были служилые, которыхъ судьба походила до извѣстной степени на судьбу Кудеяра: то были тѣ, которыхъ царь лишилъ помѣстьевъ, не принявши самихъ ихъ въ опричнину, или подвергъ опалѣ ихъ родныхъ — эти сердечнѣе относились къ дѣлу, предпринятому Кудеяромъ; но ихъ было меньшинство.

Изъ атамановъ той шайки, къ которой присталъ Кудеяръ, двое: Лисица и Муха, были изъ боярскихъ людей; ихъ шайки состояли почти исключительно изъ людей и крестьянъ опальныхъ бояръ. Лисицу сдѣлали атаманомъ за его юркость; онъ то и дѣло вертѣлся, бѣгалъ запыхавшись, кричалъ такъ торопливо, что понять его не всегда было можно, строго приказывалъ и самъ же нарушалъ свое приказаніе. Съ прибытіемъ Кудеяра онъ безпрестанно совался къ нему съ совѣтами, а Кудеяръ не обращалъ на нихъ вниманія, хотя никогда не противорѣчилъ ему, и Лисица исполнялъ во всемъ волю Кудеяра, но былъ этимъ постоянно огорченъ. Муха былъ образчикомъ иной натуры, также свойственной холопьему быту: въ немъ было мало поворотливости, ка-

кая-то сонливость, тяжеловатость, говорилъ онъ не скоро, но за то какъ-будто всегда думалъ и силился выдумать что-то такое, чего не выдумать другимъ: его считали умнымъ, знающимъ, и за то выбрали атаманомъ. Онъ не взлюбилъ Кудеяра, который не дослушивалъ его тягучихъ рѣчей, ничего умнаго и способнаго въ немъ не находилъ; однако и Муха, какъ Лисица, не любя Кудеяра, повиновался ему. Третій атаманъ, Васька Бѣлый веневскій — сынъ боярскій, былъ трусъ преестественный, за то большой хвастунъ и лгунъ, жестокъ до безчеловѣчія надъ безсильнымъ и при всякой опасности дрожалъ какъ листъ. Онъ ненавидѣлъ Кудеяра, какъ ненавидитъ дѣйствительно сильнаго слабый, считавшійся по ошибкѣ сильнымъ. Еще болѣе ненавидѣлъ Кудеяра четвертый атаманъ, Ѳедька Худякъ. Онъ былъ давній злодѣй и началъ съ того, что когда-то, живучи въ Серпуховѣ на посадѣ, по злобѣ сдѣлалъ поджогъ, а потомъ, когда причина произведеннаго имъ пожара стала раскрываться, Худякъ бѣжалъ въ лѣсъ. Одаренный большою тѣлесною силою, онъ сдѣлалъ нѣсколько удачныхъ грабительствъ; къ нему пристали молодцы, нарочно отправившіеся въ лѣсъ искать его, когда о немъ пошелъ слухъ. У него явилась шайка человѣкъ въ пятнадцать: до опричнины такая шайка считалась бы многолюдною. Разбойники поселились въ лѣсу, между Серпуховымъ и Коломною, жили въ землянкахъ, грабили проѣзжающихъ, нападали и на усадьбы. Они завели торговлю съ крестьянами въ разныхъ мѣстахъ, покупали у крестьянъ необходимое, а крестьянамъ дешево продавали такія вещи, которыя было трудно найти въ деревняхъ; многое изъ кармановъ богатыхъ людей переходило къ небогатымъ. Крестьяне нарочно не разспрашивали разбойниковъ кто они, и хотя хорошо это знали, но притворялись незнающими: при такихъ отношеніяхъ, ни разбойники не обижали этихъ крестьянъ, ни крестьяне не доносили на разбойниковъ. Но скоро губной староста, услыхавши многія жалобы на разбой, поднялъ на разбойниковъ всеуѣздныхъ людей; Худякъ убѣжалъ въ веневскій уѣздъ, а тамъ, въ лѣсу, жилъ уже Васька Бѣлый съ двѣнадцатью удальцами; два атамана встрѣтились и стали вмѣстѣ вести разбойное дѣло. Тутъ случилось, что опричнина измѣнила вообще положеніе разбойниковъ и отношенія къ нимъ населенія. Разогнанные люди и крестьяне опальныхъ бояръ, дѣти боярскіе, лишенные своихъ помѣстій, осужденные на переселеніе, и нехотѣвшіе идти на новоселье, сыпнули въ лѣса. У Худяка и Бѣлаго вдругъ стало много народа. Крестьяне боялись разбойничьихъ шаекъ, были рады, чтобъ только онѣ ихъ щадили, а потому завѣдомо потакали имъ, укры-

вали ихъ, всегда предупреждали, когда губные старосты посылали бирючей кликать всеуѣздныхъ людей на ловлю разбойниковъ, и сами отлынивали отъ такихъ походовъ. Разбойники смѣялись надъ высылками противъ нихъ и надъ губными старостами. Дошло до царя, что намѣстники и губные старосты ничего съ ними не подѣлаютъ. Царь отправилъ въ веневскій и рязанскій уѣзды Алексѣя Басманова съ ратными людьми и пушками. Это заставило Худяка и Бѣлаго со своими ватагами уйти на юго-востокъ въ лѣса, гдѣ можно было прятаться за омшарами, какъ назывались въ рязанской землѣ лѣсныя топи. Туда же опасность загоняла другія шайки, и такимъ образомъ Худякъ и Бѣлый соединились съ шайками Лисицы и Мухи. Черезъ крестьянъ, вездѣ мирволившихъ имъ, они узнали, что царь не хочетъ ихъ оставлять въ покоѣ и тамъ; они рѣшили двинуться южнѣе, совсѣмъ въ поле, какъ говорилось тогда, т.-е. туда, гдѣ уже оканчивались сплошныя населенія, и очутились на берегу Дона, гдѣ засталъ ихъ Кудеяръ. Крестьяне, наполнявшіе ватаги, были того намѣренія, чтобы оставить разбойное дѣло, поселиться на новыхъ земляхъ и жить своимъ обычнымъ способомъ, воздѣлывать землю и питаться отъ плодовъ ея. Но пришелъ Кудеяръ, соблазнилъ всѣхъ надеждою обогатиться, надѣлилъ ихъ жалованьемъ, лошадьми, оружіемъ, и завербовалъ въ службу князя Владиміра Андреевича. Худякъ сильно увлекся предпріятіемъ Кудеяра, надѣялся на успѣхъ и воображалъ играть великую роль въ будущемъ. До прибытія Кудеяра, Худякъ надъ всѣми верховодилъ, и при Кудеярѣ хотѣлось ему остаться съ прежнимъ значеніемъ главнаго коновода; онъ сталъ показывать свою прыть даже надъ самимъ Кудеяромъ и позволялъ себѣ кричать на него такъ же, какъ онъ привыкъ кричать не только на подчиненныхъ, но даже на равныхъ ему атамановъ. Кудеяръ не вдавался съ нимъ въ споры и ругательства, выдерживалъ его выходки покойно, равнодушно, и заставлялъ его поступать такъ, какъ Кудеяру хотѣлось. Весь кругъ былъ за Кудеяра, во всемъ ему повиновался, ни въ чемъ ему не перечилъ, и Худякъ злился, но по неволѣ покорялся Кудеяру, не теряя притомъ вѣры въ успѣхъ руководимаго послѣднимъ предпріятія.

Въ концѣ ноября явилась еще небольшая шайка, человѣкъ въ пятьдесятъ, на коняхъ, подъ атаманствомъ Гаврилки Кубыря. Онъ былъ послушникъ радуницкаго монастыря. Прошлое лѣто повздорилъ онъ съ другимъ послушникомъ, ударилъ его въ високъ, а тотъ на мѣстѣ и душу положилъ. Кубырь бѣжалъ въ лѣсъ, нѣсколько дней скитался, чуть не умирая съ голода, по-

томъ присталъ въ деревнѣ къ крестьянину и нанялся работникомъ за кусокъ хлѣба. Здѣсь онъ услышалъ, что верстъ за двадцать есть разбойничья шайка Жихаря. Кубырь обокралъ своего хозяина, взялъ у него лошадь и ускакалъ искать Жихаря. Дня черезъ два онъ встрѣтился съ удалыми, которые привели его къ своему атаману, Жихарю. Этотъ Жихарь былъ когда-то холопъ князя Курбскаго: послѣ бѣгства господина царская опала стала карать его слугъ; Жихарь, спасаясь отъ смерти, постигшей уже другихъ холопей, бѣжалъ съ нѣсколькими холопями того же князя въ лѣсъ, началъ промышлять разбоемъ, а потомъ шайка его умножилась до двухъсотъ человѣкъ, большею частью изъ холопей опальныхъ бояръ. Жихарь принялъ съ радостью Кубыря, тѣмъ болѣе, что Кубырь былъ грамотный человѣкъ, единственный во всей шайкѣ. Ловкій, смѣтливый и отважный, Жихарь отлично велъ свое дѣло, водилъ хлѣбъ-соль съ крестьянами, торговалъ съ ними, и шайка его была въ хорошемъ положеніи. Но и надъ нимъ, какъ надъ другими, собралась гроза. Онъ разбойничалъ около Зарайска. Губные старосты ничего съ нимъ не могли сдѣлать. Но на него послана была царская рать, и Жихарь ушелъ къ Пронску, потомъ двинулся еще южнѣе и утвердился въ лѣсу за омшарами. Осенью 1568 года услыхалъ онъ, что прогнанныя изъ рязанской земли ватаги ушли на Донъ. Хотѣлось ему туда же, и онъ послалъ Кубыря развѣдать объ этихъ ватагахъ.

Кубырь принесъ Кудеяру важныя вѣсти. Онъ сообщилъ ему, что радуницкій монастырь, откуда онъ убѣжалъ—одинъ изъ любимыхъ мѣстъ Ивана Васильевича, что царь уже посѣщалъ его и приказалъ этимъ лѣтомъ строить для себя дворецъ, обѣщая пріѣхать весною на богомолье.

Кудеяръ ухватился за эту вѣсть. Въ его головѣ блеснула мысль именно въ этомъ мѣстѣ напасть на царя и извести его.

Кудеяръ рѣшился самъ лично узнать обо всемъ, удостовѣриться, правду ли говоритъ Кубырь и осмотрѣть мѣстность, чтобъ рѣшить, удобна ли она для совершенія предпріятія. Онъ взялъ съ собой Кубыря и двухъ братьевъ Юдинковыхъ, и поѣхалъ верхомъ по молодому снѣгу.

Достигши жилыхъ мѣстъ, Кудеяръ остановился у одного крестьянина и послалъ Кубыря звать къ себѣ Жихаря для переговоровъ. Кубырь воротился и сказалъ, что Жихарь ждетъ его въ кормчѣ.

Корчма эта была въ томъ же селѣ и содержалась одною вдовою: то было мѣсто всякихъ удовольствій; тамъ была постоян-

ная брага пьяная и медъ; туда приходили охотники до женскаго естества, и веселыя прелестливыя женщины, и бродячіе скоморохи тамъ потѣшали народъ. Когда Кудеяръ туда прибылъ, въ корчмѣ, кромѣ Жихаря, никого тогда не было.

— Сперва выпьемъ,—сказалъ Жихарь;—я, братъ, коли не пьянъ, такъ ничего не пойму, хоть голову мнѣ пробей, а только выпью, откуда умъ возьмется.

Выпили.

— Ты, говорятъ,—сказалъ Жихарь,—большой силачъ: Кубырь мнѣ говорилъ... а пьешь мало. Ну, скажи, братъ, размилъ-другъ, какія ты затѣваешь великія дѣла. Постой... ты говори, говори, а я еще выпью.

Кудеяръ изложилъ ему свое намѣреніе. Жихарь все ухмылялся и говорилъ:

— Ну, ну! хорошо! ну!

Кудеяръ остановился.

— Кончилъ?—спросилъ Жихарь.

— Кончилъ, тебя жду, что ты скажешь?

Жихарь помолчалъ, потомъ вдругъ, возвышая голосъ, сказалъ:

— А я тебѣ то скажу, что такой умной головы, какъ твоя, другой на свѣтѣ не найдешь! Всѣ мы будемъ тебѣ покоряться; какъ ты велишь, такъ и будемъ чинить. На всей твоей волѣ. Я, братъ, давно о томъ думалъ, что́ ты говоришь, да не я одинъ: вся Русь о томъ помышляетъ, того только и чаетъ. Только всѣ хотятъ, да не знаютъ, какъ взяться за дѣло, а ты вотъ своимъ умомъ все смекнулъ и способъ нашелъ. Слушай же, братъ, милый товарищъ дорогой, ты поѣзжай въ Радуницу, да все тамъ высмотри хорошенько. А я съ своей шайкой къ тебѣ на Донъ не поѣду, оттого, что придется же опять назадъ ѣхать; мы сдѣлаемъ вотъ какъ: весною ты выступишь и со мной сойдешься, я тебѣ теперь покажу мѣсто, гдѣ у насъ быть сходу.

Выпивши и поѣвши, товарищи поѣхали верстъ за семь къ озеру, которое съ трехъ сторонъ было окружено лѣсомъ, а съ четвертой выходило въ открытое поле.

— Ты,—сказалъ Кудеяру Жихарь,—какъ придешь сюда, меня подожди, а коли я прежде приду, такъ я тебя подожду, а быть намъ здѣсь послѣ вешняго Юрія. А я тѣмъ часомъ пошлю собирать еще ватаги. Есть, знаю, подъ Муромъ большая ватага. Она къ намъ придетъ.

Они разъѣхались. Кубарь остался съ Жихаремъ, передавши власти Кудеяра свою ватагу, приведенную на Донъ. Кудеяръ съ братьями Юдинковыми поѣхалъ къ радуницкому монастырю.

Ему пришлось проѣхать болѣе ста верстъ. Радуницкій монастырь находился въ лѣсу, близъ озера, и стоялъ на возвышенномъ мѣстѣ. Новая каменная церковь красовалась посреди большого двора, обведеннаго толстою бревенчатою двойною стѣной, за которою кругомъ прорытъ былъ ровъ. Во дворѣ были избы; одна просторная изба со свѣтлицею занимаема была игуменомъ; близъ нея находился недостроенный еще деревянный дворецъ, который велѣлъ царь приготовить для себя къ маю будущаго года.

Кудеяръ вошелъ въ церковь во время обѣдни, въ монашеской одеждѣ, которую взялъ у одного изъ своей шайки, ограбившаго когда-то чернеца. День былъ будній, зимній, кромѣ служекъ и монаховъ никого не было. Сразу увидѣлъ Кудеяръ, что монастырь этотъ легко было бы ограбить, но удержался отъ искушенія, разсчитывая, что радуницкій монастырь пригодится ему на болѣе важное дѣло. По окончаніи литургіи, Кудеяръ подошелъ къ игумену, упалъ къ его ногамъ, просилъ благословенія и объявилъ, что онъ—монахъ изъ Кіева, странствуетъ для поклоненія святымъ въ московскомъ государствѣ. Игуменъ велѣлъ одному изъ своихъ монаховъ пріютить у себя странника, а послѣ вечерни позвалъ его къ себѣ и сталъ у него разспрашивать про Кіевъ.

Кудеяръ говорилъ ему сколько зналъ и сколько могъ, но вскорѣ оказался въ немъ недостатокъ свѣдѣній, нужныхъ для того, чтобы играть роль монаха. Сталъ его игуменъ спрашивать, какъ въ Кіевѣ поется такая-то церковная пѣснь, какъ отправляютъ тамъ такой-то церковный ходъ. Кудеяръ очутился въ глупомъ положеніи и могъ выпутаться изъ него только тѣмъ, что сказалъ:

— Отче! я человѣкъ совсѣмъ не книжный! Простъ человѣкъ! Памяти большой мнѣ не далъ Богъ.

— Вижу, что ты простакъ,—сказалъ игуменъ,—но не скорби о томъ, чадо; нищіе духомъ въ царствіе внидутъ, а высокоумные въ геену пойдутъ, аще не отъ Бога ихъ мудрость. Богъ смиренныя возноситъ. Вотъ и нашъ монастырь былъ бѣдный, нищій, самый послѣдній. А нынѣ явися намъ благодать, спасительная всѣмъ человѣкомъ. Великій государь сталъ отмѣнно жаловать насъ, у насъ бывалъ, и теперь повелѣлъ приготовить себѣ дворецъ, хочетъ къ намъ въ маѣ пріѣхать, къ Николину дню. Все это Божья благодать.

Намоталъ себѣ на усъ слова игумена Кудеяръ и порѣшилъ: къ вешнему Николину дню царь пріѣдетъ сюда, вотъ тогда-то

мы расправимся съ нимъ, отомстимъ ему за всю кровь, пролитую имъ напрасно.

Кудеяръ на другой день, послѣ разсвѣта, вышелъ изъ монастыря, сказавши, что идетъ въ Богословскій монастырь, нашелъ въ ближнемъ селѣ своихъ товарищей съ лошадьми, и въ продолженіи трехъ дней объѣзжалъ, уже не въ монашескомъ платьѣ, всѣ окрестности монастыря, высмотрѣлъ удобное мѣсто для стана за лѣсомъ и уѣхалъ, пробираясь не безъ труда по заваленнымъ снѣгомъ полямъ, до своего стана на Дону. Только желѣзной натурѣ людей того времени возможно было пробираться въ пустыняхъ зимою, ночуя на сугробахъ, сбиваясь съ пути во время мятелей, питаясь одними сухарями и кормя лошадей скуднымъ запасомъ овса, купленнаго въ послѣдней деревнѣ и сохраняемаго въ мѣшкахъ, привязанныхъ къ спинамъ лошадей. Послѣ такихъ трудовъ Кудеяръ добрался до теплой землянки въ донскомъ станѣ, и положилъ не выѣзжать уже никогда до весны, когда предположено было идти для совершенія завѣтнаго предпріятія.

Между тѣмъ, въ Москвѣ происходило слѣдующее:

Былъ у царя Ивана Васильевича, въ Москвѣ, новый дворецъ, построенный имъ за Неглинною, въ ту пору, какъ царь возненавидѣлъ все, напоминавшее ему времена Адашева и Сильвестра, и въ томъ числѣ старый кремлевскій дворецъ своихъ предковъ. Царю опротивѣла Москва, не жилъ онъ въ ней, предпочитая Александровскую слободу, и только иногда пріѣзжалъ въ столицу на день-на два, и тогда поселялся въ этомъ своемъ новопостроенномъ дворцѣ. Въ одной комнатѣ этого дворца, обитой зеленымъ сафьяномъ съ золотыми узорами и украшенной рядомъ иконъ въ басменныхъ окладахъ, за столикомъ, на которомъ мозаикою выдѣланы были изображенія птицъ, сидѣлъ царь Иванъ Васильевичъ, одѣтый въ черный атласный кафтанъ, на головѣ у него была тафья, а въ рукахъ его былъ остроконечный посохъ. Страшенъ былъ видъ царя въ эту минуту; онъ слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ; шея была вытянута, голова тряслась, судорги бѣшенства передергивали его лицо. Передъ нимъ стоялъ Басмановъ и разсказывалъ, какъ Кудеяръ, котораго царь считалъ погибшимъ, собираетъ шайку, хочетъ извести государя и думаетъ посадить на престолъ князя Владиміра Андреевича.

— Такъ вотъ, мой братецъ возлюбленный, каковъ ты! — говорилъ царь. — Давно ты замышляешь снять съ меня вѣнецъ! Прежде бояръ хотѣлъ соблазнить, да не удалось, однодумцы твои получили достойную казнь. Теперь ты себѣ нашелъ иныхъ пособ-

никовъ! Хорошо, хорошо! А и шуринъ мой хорошъ. Развѣ не онъ мнѣ донесъ, что Кудеяръ умеръ съ голоду и будто слуга его, Алимка, стащилъ его тѣло въ воду! Басмановъ! ты мнѣ вѣренъ, или предашь меня какъ Христа Іуда предалъ?

— Государь, чѣмъ заслужилъ, что ты не вѣришь мнѣ, вѣрному рабу твоему? — сказалъ Басмановъ, кланяясь въ землю: — въ огонь, въ воду пойду по твоему велѣнію, жилы свои дамъ вымотать за здоровье моего царя-государя.

— Вы всѣ одно поете, — сказалъ царь. — Мамстрюкъ былъ мнѣ свой человѣкъ, а измѣнилъ... Вотъ и Аѳонька Вяземскій, я замѣчаю, змѣею глядитъ.

— Я не Мамстрюкъ, и не Аѳанасій Вяземскій, — сказалъ Басмановъ, — я человѣкъ простъ, не княжескаго рода, не боярскаго; ты меня, царь-государь, изъ грязи извлекъ; я твой пёсъ вѣрный.

— Такъ достань мнѣ Кудеяра,—сказалъ царь, ударяя посохомъ объ полъ и оставляя на полу знаки..—Достань мнѣ моего лиходѣя! Кудеяръ—моя бѣда... это чортъ его знаетъ, что онъ такое... Пришелъ изъ чужой земли, сила у него не человѣческая, роду онъ не вѣсть коего: крестъ какой-то на немъ... это не просто! Въ неволю попалъ—и въ неволѣ не пропалъ, а еще у хана въ приближеніи сталъ. Ну, что-жъ? зачѣмъ тамъ не остался? Ко мнѣ захотѣлъ? А! Басмановъ! Въ тѣ поры, какъ онъ къ намъ сталъ проситься, я призывалъ къ себѣ гадателя нѣмца, что по звѣздамъ смотритъ: тотъ нѣмецъ сказалъ, что есть у меня врагъ лютый, страшный, сильный, такой-то врагъ у меня можетъ отнять престолъ. Я допрашивалъ его, кто онъ? А нѣмецъ сказалъ, что не знаетъ какъ его назвать. Потомъ прошли годы. Когда вокругъ меня появилась измѣна, я вспомнилъ про то, что говорилъ мнѣ астрономъ, позвалъ его и спросилъ: гдѣ теперь тотъ врагъ мой, что ты мнѣ когда-то говорилъ. А тотъ астрономъ мнѣ отвѣчалъ: въ чужой землѣ. Я спросилъ его: каковъ онъ? А тотъ астрономъ мнѣ разсказалъ; по его рѣчамъ я догадывался, что это Кудеяръ. Слушай же! я никому про то не говорилъ и долго самъ съ собою думалъ: оставить ли его въ чужой землѣ, либо къ себѣ зазвать. Напослѣдокъ я разсудилъ не оставлять его въ чужой землѣ, чтобъ онъ оттуда мнѣ зла не учинилъ, и позвалъ его къ себѣ. Что-жъ? Видѣлъ самъ, что случилось! О!—произнесъ царь Иванъ бѣшенымъ голосомъ, стукнувши своимъ посохомъ.—Зачѣмъ я его не предалъ смерти? Хотѣлось мнѣ его лютыми муками казнить... А онъ вотъ цѣлъ остался. Нѣтъ, Басмановъ, это не простъ человѣкъ! Это—это бѣда моя! Басмановъ,

поймай, достань мнѣ Кудеяра, что́-бъ то ни стоило тебѣ... ты будешь мой первый другъ, коли его достанешь!.. Постой! Позови мнѣ этого разбойничьяго атамана, что пришелъ къ тебѣ. Хочу самъ видѣть его.

Басмановъ ушелъ, потомъ привелъ Жихаря въ цѣпяхъ и, оставивъ его въ сѣняхъ, доложилъ царю. Царь вышелъ въ сѣни.

Жихарь упалъ къ ногамъ царя.

— Разбойникъ!—сказалъ царь,—ты за свои злыя дѣла довелся жестокой казни по нашему царскому указу, но ты не убоялся нашего праведнаго суда, пришелъ прямо къ намъ и донесъ про умыселъ собачьяго сына, Кудеяра, на наше государское здоровье и на нашъ царскій вѣнецъ. Этимъ ты уподобился оному благоразумному разбойнику, который, вися на крестѣ, обличилъ блядословіе своего товарища и поклонился святынѣ распятаго Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа. Богъ простилъ его и въ рай его съ собою ввелъ. Такъ и мы, по нашему царскому милосердію, подражая Господу нашему, прощаемъ тебя за всѣ тобою содѣянныя мерзкія дѣла и пріемлемъ тебя въ нашу царскую службу. Мы прикажемъ поверстать тебя помѣстьемъ нашимъ въ московскомъ уѣздѣ. Снимите съ него цѣпи!

Съ Жихаря сняли цѣпи. Жихарь молча кланялся три раза въ землю.

— Какъ зовутъ тебя?—спросилъ царь.

— Данило Жихарь,—сказалъ Жихарь.

— Сослужи намъ вѣрную службу, Данило,—сказалъ царь.— Иди къ разбойникамъ въ станъ и скажи, что государь-царь ихъ всѣхъ прощаетъ: какіе тамъ есть крестьяне и боярскіе люди— тѣхъ велитъ поселить въ дворцовыхъ своихъ слободахъ, а какіе есть наши служилые люди, тѣхъ велитъ испомѣстить и быть имъ на государевой службѣ по прежнему, всѣмъ прощеніе царское и вины ихъ впредь воспомянуты не будутъ, но только, чтобъ они сами сковали и привезли къ намъ Кудеяра.

— Царь-государь, — сказалъ Жихарь, — не вели казнить, вели слово вымолвить.

— Что́?—сказалъ нетерпѣливо и грозно царь.

— Великій государь!—сказалъ Жихарь,—они меня не послушаютъ, скажутъ, я самъ то́ своею волею затѣялъ... Коли твоя воля будетъ, пошли своего воеводу, а мнѣ позвать ихъ, будто на тебя, государя, съ лихимъ умысломъ идти и навести на новую рать. А у меня, великій государь, съ Кудеяромъ сговоръ былъ таковъ: чтобъ ему съ своими разбойниками придти въ пронскій уѣздъ и стать подлѣ озера и меня дожидаться тамъ. И какъ

они туда придутъ, пусть придетъ на нихъ твой воевода съ твоею царскою ратью и съ пушками, и отовсюду ихъ обступятъ, и выходу имъ не будетъ. А пушекъ у нихъ нѣту. И когда воевода къ нимъ пошлетъ съ таковымъ твоимъ царскимъ словомъ, и они, видючи, что имъ некуда дѣться, отдадутъ Кудеяра!

— Басмановъ! — сказалъ царь, — Данило говоритъ дѣло. Я пошлю тебя на разбойниковъ, а Данило укажетъ тебѣ то мѣсто возлѣ озера. Ты мнѣ приведешь Кудеяра. Онъ долженъ принять смерть передъ моими глазами.

Отпустивши Басманова и Жихаря, царь велѣлъ позвать къ себѣ Алима.

Алимъ во всемъ сознался.

Царь приказалъ отвести его въ домъ своего шурина и повѣсить надъ порогомъ его дома, на верхнемъ косякѣ двери, и оставить до тѣхъ поръ, пока трупъ сгніетъ. Къ дому Мамстрюка приставлена была стража, а ему самому было объявлено, что онъ долженъ ожидать смерти. Дни проходили за днями. Мамстрюкъ, не выходя изъ дому, долженъ былъ терпѣть невыносимый смрадъ отъ разлагавшагося трупа своего слуги и мучиться ежеминутнымъ ожиданіемъ мукъ и смерти. Такъ оставался онъ цѣлые мѣсяцы, наконецъ цѣлый годъ;—пока жива была сестра Мамстрюка, царица, Иванъ Васильевичъ не казнилъ его. По смерти Марьи царь Иванъ женился на Марѳѣ Собакиной, умершей чрезъ нѣсколько дней послѣ брака. Мамстрюкъ все оставался въ заточеніи, въ ожиданіи смерти; время пріучило его къ такому ужасному положенію.

III.

Неудача.

Не безъ труда приходилось Кудеяру сдвинуть съ мѣста свою ватагу, когда наступила весна и пришло время выступать въ походъ. Многіе запѣли непріятную для него пѣсню: лучше намъ остаться тутъ на житье, да построиться избами и дворами по-людски, лѣсу здѣсь довольно; стали бы мы орать да сѣять, земля испоконъ вѣка непаханная, черноземная, урожай большой дастъ; будемъ себѣ мы проживать въ добрѣ и холѣ, никакихъ даней не платя и тягостей никакихъ не отбывая; отъ Москвы далеко, царь про насъ не узнаетъ, а хоть бы и прослышалъ, такъ не станетъ на насъ посылать рати.

— Неразсудливые вы люди и неразумныя рѣчи ваши,—сказалъ Кудеяръ:—ништо васъ такъ и оставятъ на покоѣ, какъ вы себѣ уповаете? Царю-то, чай, вѣдомы ваши прежніе разбои; прошлый годъ посылалъ онъ Басманова разгонять васъ. Теперь, узнавши, что мы ушли къ Дону, онъ безпремѣнно пошлетъ рать на насъ посильнѣе, чтобъ насъ добыть и выкоренить; жить вамъ здѣсь онъ не дастъ, будетъ думать, что, живучи здѣсь, вы когда-нибудь вздумаете и набѣжите на его города. И что вы думаете за даль такая? Вотъ на Дону городъ Данковъ построили: это ужъ недалеко отъ насъ. Вы тутъ поселитесь, думаючи жить во льготѣ, а льготъ вамъ и на три года не хватитъ. Придутъ ратные: какіе изъ васъ побойчѣе, тѣхъ посѣкутъ, другихъ батогами и кнутьями побьютъ, да куда-нибудь пошлютъ, а которыхъ тутъ на новоселье оставятъ, тѣхъ обложатъ всякими тяготами. А что̀ тутъ за рай такой? Что хлѣба много уродится! Да, хорошо какъ уродится, а какъ не уродится, тогда вамъ плохой будетъ рай на первый же годъ. А какъ мы пойдемъ на мучителя да изведемъ его, да другого царя посадимъ, такъ намъ не такимъ счастьемъ запахнетъ. И дѣло наше скорое будетъ: въ какихъ-нибудь полдня все обработаемъ; противъ насъ земля за мучителя не встанетъ; бояре земскіе того только ждутъ, чтобъ отважные молодцы избавили ихъ отъ Ивана. Они нашего умысла вѣдомы... и чаютъ прихода нашего, и какъ только мы изведемъ мучителя, тотчасъ же съ нами станутъ вмѣстѣ, и мы всѣ будемъ имъ въ ровню. Вотъ что̀ намъ будетъ, вотъ чего добудемъ своимъ походомъ. Что̀, кажись-то, познатнѣе вашего урожая. Ха, ха, ха! На

урожай, дурни, надѣются. Да я вамъ теперь же каждому дамъ столько серебра, сколько бы вы получили за свой хлѣбъ, если бы при большомъ урожаѣ его собрали съ этихъ полей. Посудите же сами своимъ мозгомъ: хлѣбъ надобно посѣять, да когда-то онъ выростетъ, а какъ выростетъ, надобно его еще убрать, да смолотить, да провѣять, да куда-то еще на продажу отвезти, и тогда уже, продавши, деньги взять; а тутъ вамъ даютъ столько же серебра и вы берете его ни оравши, ни сѣявши, ни молотивши, ни на продажу не возивши?

Кудеяръ тотчасъ послѣ такой рѣчи предложилъ имъ деньги; серебро своимъ плѣнительнымъ видомъ выбило у нихъ мирныя грёзы о крестьянской жизни. Однако, Кудеяръ все-таки сдѣлалъ уступку нехотѣвшимъ и предоставилъ на волю идти съ нимъ, либо оставаться. Набралось человѣкъ шестьдесятъ, которые не пошли и рѣшились обзаводиться крестьянскимъ хозяйствомъ: это были женатые и семейные. Шедшіе въ походъ женатые оставили своихъ женъ на мѣстѣ.

Снѣгъ почти сошелъ съ полей и скрывался только въ глубокихъ оврагахъ. Молодая трава стала покрывать степи. Разбойники выступили въ походъ верхомъ; возовъ съ ними не было; у нѣкоторыхъ были вьючныя лошади, но у большинства запасы лежали на тѣхъ же лошадяхъ, на которыхъ ѣхали сами всадники. Кудеяръ не велѣлъ гнать за ватагою ни скота, ни овецъ, чтобъ не замедлять хода.

— Намъ,—говорилъ онъ,—скорѣе бы добраться и покончить дѣло, а тамъ у насъ всего будетъ вдоволь. Ѣдучи дорогою, Кудеяръ ободрялъ ѣдущихъ съ нимъ разбойниковъ, твердилъ имъ, что они всѣ скоро станутъ богатыми и знатными людьми, перестанутъ скитаться въ лѣсахъ, будутъ владѣть вотчинами.

Проѣхали степь. Стали появляться признаки осѣдлаго житья, вспаханныя нивы, и на нихъ работники набѣгали и прятались, завидя невѣдомыхъ всадниковъ; по сторонамъ виднѣлись деревни и селенія, хотя нечастыя. Уже до мѣста, гдѣ надобно было Кудеяру сходиться съ Жихаремъ, оставалось недалеко. Кудеяръ отправилъ Окула и Урмана съ отрядомъ разбойниковъ и съ запасомъ вьючныхъ лошадей въ дворцовую волость, и приказалъ захватить тамъ, что̀ случится, съѣстного для ватаги, чтобы стало ей въ походѣ до вешняго Николы. Кудеяръ велѣлъ имъ приказчика и его приказныхъ людей въ дворцовой волости побить до смерти, и царскіе запасы себѣ забрать, а крестьянъ не трогать и не грабить; а коли чего недостанетъ изъ царскихъ запасовъ, то у крестьянъ все купить, а даромъ не брать, только притомъ ска-

зать крестьянамъ, чтобъ они о пріѣздѣ ихъ знать никому не давали до времени, а сами бы то знали, что, согласно волѣ всей земли русской, Иванъ за свои мучительства царемъ больше не будетъ, а станетъ царемъ-государемъ князь Владиміръ Андреевичъ. Все награбленное въ дворцовой волости Окулъ съ Урманомъ должны были привезти на то мѣсто, гдѣ Кудеяръ уговорился съѣхаться съ Жихаремъ; а чтобъ Окулъ съ Урманомъ попали прямо на то мѣсто, Кудеяръ послалъ съ ними братьевъ Юдинковыхъ, потому что они съ нимъ были въ то время, какъ онъ уговаривался съ Жихаремъ.

Ватага дошла до назначеннаго мѣста близъ озера. Озеро было въ разливѣ. Разбойники расположились на берегу его, развьючили лошадей, спутали имъ ноги и пустили щипать молодую луговую траву, а сами стали разводить огни и варить себѣ кашу. Многіе бросились удить рыбу въ озерѣ. Солнце тогда склонялось къ западу.

Вдругъ изъ-за лѣса, который окаймлялъ озеро на противоположной сторонѣ, начинаютъ выѣзжать конные.

— Наши, наши!—кричали разбойники,—вскакивая съ мѣстъ, гдѣ усѣлись.

Конные, которыхъ увидали разбойники, не ѣхали прямо къ нимъ, а остановились, дѣлая полукругъ, и вслѣдъ за ними, съ другого бока, также изъ-за лѣса, показался отрядъ конныхъ и ѣхалъ на соединеніе съ выѣхавшими прежде.

— Что это? — говорили разбойники: — двѣ ватаги къ намъ ѣдутъ!

— Это Жихарь, должно быть, привелъ ватагу изъ Мурома, какъ обѣщалъ мнѣ,—сказалъ Кудеяръ.

— Хорошо-то, хорошо,—замѣтилъ Худякъ,—да корма-то станетъ ли у нихъ на себя и на лошадей, а намъ ихъ харчить нечѣмъ будетъ при такомъ множествѣ.

Конные, на которыхъ глядѣли разбойники, и по соединеніи двухъ отрядовъ не ѣхали прямо къ ватагѣ, а стояли полукругомъ, отрѣзывая у разбойниковъ выходъ въ поле; затѣмъ мимо выстроившихся конныхъ, изъ-за того же лѣса, откуда они появились, вывезли на двухколесахъ пушки, числомъ десять, двинули ихъ впередъ и направили на разбойничій станъ пушечныя горла; при пушкахъ стали пушкари и держали въ рукахъ фитили.

Станъ заволновался, раздались отчаянные крики:

— Это не наши! это не наши! Это царская рать! У нихъ пушки. Садитесь на коней! Бѣжать, бѣжать!

Но въ это время конные, стоявшіе противъ разбойничьяго

стана, стала выскакивать впередъ, захватывали разбойничьихъ лошадей и убивали ихъ, чтобъ не дать разбойникамъ овладѣть ими.

Кудеяръ смекнулъ не только то, что́ въ глазахъ его дѣлалось, но и то, что́ должно было послѣ этого дѣлаться; онъ подбѣжалъ къ озеру, кинулся въ воду и сильными движеніями рукъ быстро разбивалъ волны, направляясь на противоположный берегъ. Онъ плылъ въ одеждѣ, въ обуви, съ оружіемъ; у него за плечами былъ колчанъ, лукъ и ружье.

Смятеніе въ разбойничьемъ станѣ было такъ сильно, что не многіе замѣтили отплытіе Кудеяра. Онъ благополучно добрался до берега и скрылся въ лѣсу.

Между тѣмъ изъ рати, осадившей разбойниковъ, выѣхалъ сынъ предводителя, Алексѣя Басманова, Ѳедоръ Басмановъ, и кричалъ:

— Удалые! Вы въ осадѣ, вамъ выхода нѣтъ и не будетъ! Вы храбры и бойки, да съ нами не сладите, потому что у насъ есть пушки, а у васъ одни ружья, да луки, а пушекъ нѣтъ. Примемся на васъ стрѣлять изъ пушекъ и всѣхъ васъ положимъ до послѣдняго! Высылайте-ка скорѣе вашихъ атамановъ къ намъ на разговоръ! Ждать мы не хотимъ. Не явятся скоро атаманы — велимъ ударить изъ пушекъ!

Атаманы кинулись-было искать своихъ лошадей, чтобы выѣхать на разговоръ, но лошади ихъ были отогнаны. Они всѣ пятеро пошли пѣшкомъ на встрѣчу предводителю, Алексѣю Басманову, который послѣ рѣчи, произнесенной его сыномъ, выѣзжалъ уже впередъ съ отрядомъ. Худякъ шелъ бодро, какъ человѣкъ, которому во всякое время смерть близка и самая жизнь не дорога; Лисицу всего передергивало изъ стороны въ сторону: онъ говорилъ самъ съ собою несвязныя слова; Муха прикладывалъ пальцы ко лбу, разводилъ руками и трясъ головою; Толченой шелъ мрачно и не говорилъ ни слова; а Бѣлый едва волочилъ ноги, и когда всѣ подошли къ Басманову, то первый бросился на землю и растянулся у ногъ царскаго воеводы.

Басмановъ сказалъ имъ:

— Государь-царь и великій князь всея Руси Иванъ Васильевичитъ велѣлъ вамъ говорити: по вашимъ лихимъ и беззаконнымъ и богомерзкимъ дѣламъ довелись вы жестокой лютой казни, но вѣдомо ему, государю, и то, что вы на такое богопротивное дѣло, чтобы подняться бунтомъ на своего государя, пустились не по измышленію своему, а по своей дурости, слушаясь пущихъ заводчиковъ всякому злу; того ради, царь-государь для вашей мужичьей простоты, милосердуя о васъ, прощаетъ васъ:

какіе есть промежъ васъ дѣти боярскіе и другіе служилые люди, тѣ будутъ испомѣщены, гдѣ государь укажетъ, а которые изъ васъ есть бывшіе боярскіе люди и бѣглые крестьяне, и тѣхъ государь велитъ записать въ свои дворцовыя волости, а ваши прежнія вины впередъ вспомянуты не будутъ; и такая великая милость вамъ дается на томъ, чтобы вы тотчасъ безъ малѣйшія волокиты связали и привезли къ намъ живого Юрку Кудеяра измѣнника и ко всякому злу заводчика и перваго нашего великаго государя лиходѣя. А приведши сюда къ намъ Кудеяра, побросайте всякое оружіе, какое у васъ есть, заберите съ собой лошадей, у кого цѣлы остались, возьмите свои всѣ животы и ступайте за нами. А вашей разбойничной рухляди разбору не будетъ, для того, что по царскому милосердію всему погребъ, и вамъ за всѣ ваши прежнія худыя дѣла прощеніе сталось. А буде кто изъ васъ оружія всего не отдастъ и не положитъ, и потомъ у кого сыщется хоть одинъ малый ножъ, и такой человѣкъ изъ васъ повиненъ будетъ смертной казни безо всякія пощады. Вотъ вамъ царская воля объявлена. Ступайте и приведите сюда Кудеяра, а я буду здѣсь ждать?

Атаманы ушли въ станъ и ударили въ бубенъ, который достался Кудеяру при разгромѣ каравана на Муравскомъ шляху.

Собрался кругъ.

Васька Бѣлый, который передъ Басмановымъ не смѣлъ пошевелить языкомъ, теперь сталъ громче всѣхъ говорить:

— Согрѣшили мы тяжко передъ Богомъ и передъ царемъ-государемъ, пустились на дурныя и богомерзкія дѣла, людей многихъ грабили и убивали, а наипаче согрѣшили мы тѣмъ, что поддались на лесть еретика, вѣдуна, измѣнника Кудеяра, и учинили мятежъ противъ государя. Я думаю, братцы, все то сталось его еретическимъ вѣдовствомъ, что онъ напустилъ на всѣхъ нашихъ оману и неразуміе, и оттого мы ему стали послушны и къ его умыслу лукавому пристали. Ино видите: каковъ милостивецъ нашъ царь-государь! Чего только мы достойны по нашимъ винамъ, а онъ намъ за все прощаетъ, и не токмо что прощаетъ, а еще и землями обѣщаетъ пожаловать, только требуетъ и велитъ, чтобы мы тотчасъ же безъ всякой волокиты выдали измѣнника Кудеяра его царскаго величества воеводѣ.

— Боже, спаси царя!—закричала толпа.—Чего тутъ думать! Отдать Кудеяра, собачьяго сына! Берите, вяжите его, ведите къ воеводѣ!

— Да гдѣ онъ?—закричали другіе.

— Давича кинулся въ озеро и уплылъ на ту сторону,—сказали третьи.

— А вы чего глазѣли?—раздались крики.—Что вамъ, буркулы вылѣзли, что ли? Зачѣмъ не подняли тревоги, зачѣмъ не бросились за нимъ въ воду и не схватили его? Вотъ мы васъ, сякихъ-такихъ дѣтей, перебьемъ самихъ за это!

— Перебить, перебить!—кричали разбойники хоромъ. — Зачѣмъ они, видѣвши, не закричали... Стало быть, они ему помогли уйти!

Какъ бѣшеные кинулись одни на другихъ... Стойте, стойте!—кричали тѣ, на которыхъ нападали:—мы-то чѣмъ виноваты? Мы не видали! Что́ вы на насъ? Вы, можетъ быть, сами его спровадили! Нѣтъ, брешете, собачьи сыны, вы! нѣтъ, вы!...

Пошли въ дѣло сабли, копья; дрались сами не зная съ кѣмъ... Уже нѣсколько человѣкъ лежало на землѣ, обливаясь кровью.

Басмановъ съ сыномъ и толпою ратныхъ въѣхалъ уже прямо въ разбойничью ставку и кричалъ:

— Что за драка? Изъ-за чего? Дураки! Опомнитесь, отдавайте скорѣе Кудеяра!.. Гдѣ онъ? Отдавайте, а то я прикажу помирить васъ пушками.

Драка стала утихать. Атаманы вышли къ Басманову, упали на землю и вопили о пощадѣ.

— Кудеяръ ушелъ не по нашей винѣ, безъ нашего согласія. Вонъ тамъ злодѣи видѣли, какъ онъ уплылъ по озеру... Ихъ-то стали бить!—Такъ говорили атаманы одинъ передъ другимъ, стараясь понравиться Басманову шлепаніемъ о-землю. Только Толченой не порывался показывать воеводѣ свою покорность.

— Вы всѣ пятеро невиноваты,—сказалъ Басмановъ:—а тѣхъ злодѣевъ, что съ нимъ были въ единой думѣ, при его побѣгѣ, мы розыщемъ. Кудеяръ не можетъ спрятаться отъ насъ въ лѣсу. Тамъ поставлена наша пѣхота, онъ какъ только побѣжитъ, такъ на нихъ наткнется. Бросайте всѣ оружіе, какое у васъ есть, и ступайте за нашъ станъ. Скорѣй! безъ мотчанья!

Разбойники одни за другими бросили оружіе, ратные забрали его, а другіе съ презрительными приговорками стали гнать обезоруженныхъ разбойниковъ за станъ.

— Бояринъ, позволь лошадей взять! Позволь животы свои забрать. Ты самъ обѣщалъ,—говорили разбойники.

— Ничего не дозволю брать,—кричалъ имъ въ отвѣтъ Басмановъ:—колибъ вы отдали Кудеяра, такъ взяли бы все свое, а не отдали Кудеяра, такъ теперь такъ, безо всего идите. Будетъ вамъ розыскъ, а коли по розыску доведется, кто видѣлъ, какъ

Кудеяръ бросился въ озеро и не хотѣлъ его удержать, того велю казнить.

Разбойниковъ пригнали на мѣсто; Басмановъ ѣхалъ за ихъ толпой. Потомъ ратные стали разбойниковъ вязать.

— Какъ же такъ! — роптали разбойники. — Намъ обѣщали царское прощеніе, а теперь вяжутъ.

— А вы зачѣмъ Кудеяра не выдали?—кричалъ имъ Басмановъ:—будете связаны, пока не найдется измѣнникъ, говорилъ я вамъ: учиненъ будетъ розыскъ; тѣмъ, кто не явится виноватъ въ его побѣгѣ, будетъ помилованіе, какъ было обѣщано.

Обезоруженные разбойники, въ виду пушекъ, окруженные ратными, дали себя вязать безотпорно.

Басмановъ отправилъ ратныхъ въ лѣсъ на помощь пѣхотѣ, поставленной тамъ заранѣе, и приказалъ искать Кудеяра. Но скоро наступила ночь. Басмановъ, не дождавшись извѣстій о Кудеярѣ, послалъ приказаніе ратнымъ воротиться, а пѣхотѣ велѣлъ оставаться всю ночь въ лѣсу, не спать, прислушиваться, какъ будетъ пробираться Кудеяръ и схватить его.

Съ разсвѣтомъ Басмановъ самъ отправился въ лѣсъ, разъѣзжалъ тамъ съ трудомъ между зарослями до вечера. Весь тотъ лѣсъ былъ шириною верстъ шесть не болѣе, ратные изъѣздили его по всѣмъ направленіямъ, но Кудеяра не отыскали.

Басмановъ сердился на пѣхоту:

— Эки разини, сякія-такія дѣти!—говорилъ онъ:—прозѣвали, проспали добычу!.. Шкуру бы съ васъ снять за это. Только я такъ не оставлю этого дѣла! Разбивать шатры! Станемъ здѣсь станомъ и будемъ стоять, пока найдется Кудеяръ. Безъ него какъ явиться къ царю-государю!

По приказанію Басманова разбиты шатры. Онъ посадилъ въ своемъ шатрѣ подъячаго и велѣлъ ему строчить въ нѣсколькихъ спискахъ грамоту ко всѣмъ людямъ сосѣднихъ селъ, чтобы всѣ покинули свои работы и шли ловить великаго царскаго лиходѣя; потомъ написали другую грамоту губнымъ старостамъ, чтобъ они поднимали всѣхъ уѣздныхъ людей, чей кто ни буди, на поимку того же лиходѣя, и примѣты его были въ грамотѣ прописаны. Съ этими списками отправились ратные люди въ разныя стороны. Грамоты велѣно было честь въ церквахъ; всякому, кто укроетъ и пропуститъ завѣдомо Кудеяра, угрожали жестокою смертною казнью; а тому, кто его поймаетъ и приведетъ живого, обѣщалась отъ царя такая награда, что и помыслить невозможно; позволялось даже въ нуждѣ, когда нельзя будетъ добыть злодѣя

живьемъ, принести его голову; но за нее обѣщалась награда простая, а не недомыслимая.

По всей землѣ древняго рязанскаго княженія, а также и въ близкихъ украинныхъ городахъ началась суетня; всѣ искали Кудеяра; всѣ говорили только о Кудеярѣ; иныхъ прельщала царская награда за приведеніе преступника, но больше было такихъ, что боялись царскаго гнѣва, который можетъ постигнуть безъ разбора и праваго и виноватаго, когда Кудеяръ не будетъ отысканъ.

Двадцать дней стоялъ Басмановъ съ станомъ близъ озера. Каждый день ждалъ онъ—вотъ-вотъ приведутъ Кудеяра или, по крайней мѣрѣ, принесутъ его голову. Но Кудеяра не приводили, головы не приносили, и вѣсти объ немъ не было.

— Что же это такое!—говорилъ Басмановъ.—Да не упалъ ли онъ на дно, въ озеро, когда поплылъ?

И онъ велѣлъ подѣлать лодки, плавать по озеру и щупать баграми дно: не найдется ли гдѣ человѣческое тѣло.

Ничего не нашли.

Близко исходилъ цѣлый мѣсяцъ со времени прибытія Басманова къ озеру.

— Нечего дѣлать! — сказалъ Басмановъ: — надобно отправляться назадъ. Вѣстимо, Кудеяръ вѣдунъ и нечистая сила ему помогаетъ. Пусть государь-царь судитъ насъ, какъ Богъ ему извѣститъ.

Басмановъ повернулъ назадъ. Разбойниковъ, связанныхъ вмѣстѣ цѣпями, гнали какъ стадо, кормили однимъ хлѣбомъ. Проѣзжая черезъ Коломну, Басмановъ оставилъ половину ихъ шайки въ подземныхъ тюрьмахъ, а другую половину, вмѣстѣ съ пятью атаманами, погналъ за собою въ Александровскую слободу. Когда Басмановъ явился къ царю и доложилъ ему, что всѣ разбойники переиманы, а Кудеяръ ушелъ, Иванъ Васильевичъ пришелъ въ такую ярость, что чуть-было не убилъ собственноручно своимъ жезломъ Басманова. Жалкій видъ лежащаго у ногъ властелина Басманова возбудилъ въ сердцѣ Ивана если не жалость, то ощущеніе того презрѣнія, которому невольно уступаетъ мѣсто звѣрская жестокость. Иванъ Васильевичъ только поколотилъ Басманова ногою въ зубы до крови и далъ по спинѣ жезломъ два удара, отъ которыхъ Басмановъ пролежалъ недѣли двѣ. Но уже съ тѣхъ поръ Басмановъ переставъ быть въ числѣ любимцевъ, царь не хотѣлъ смотрѣть на него и не велѣлъ допускать къ себѣ ни его, ни его сына.

Царь приказалъ съ разбойниковъ снять показанія. Они разсказали все, чтó имъ наговорилъ Кудеяръ о томъ, будто многіе земскіе бояре съ нимъ были въ соумышленіи, чтобы извести царя Ивана и возвести на престолъ Владиміра Андреевича; разбойники не могли назвать этихъ бояръ по именамъ и оставляли плодовитой фантазіи царя создавать различныя предположенія и догадки. Послѣ допросовъ царь сорвалъ на разбойниковъ свою досаду о томъ, что Кудеяръ ушелъ отъ его рукъ. Всѣхъ, какъ оставленныхъ Басмановымъ въ Коломнѣ, такъ и привезенныхъ въ слободу и содержавшихся въ тюрьмахъ дворца, царь велѣлъ побить палицами и отдать на съѣденіе собакамъ. Погода была лѣтняя, теплая; смрадъ отъ портившихся труповъ и вой терзавшихъ ихъ собакъ, приносясь въ окна царскихъ хоромъ, пріятно щекотали обоняніе и слухъ Ивана.

Событіе съ Кудеяромъ усилило въ царѣ свирѣпость до крайнихъ предѣловъ, и время, казалось, не охлаждало ее, а развивало. Царь увидалъ, что не одни бояре могутъ составлять противъ него заговоры: и простой народъ способенъ къ мятежу, а съ прямою цѣлью свергнуть его съ престола и посадить иного царя. Онъ увидалъ, кромѣ того, что отъ заговоровъ и козней враговъ его не спасаетъ опричнина, въ которой онъ думалъ изобрѣсти для себя опору: люди, близкіе къ нему, люди, избранные имъ для охраненія его особы; люди, вознесенные имъ, обласканные его милостью, эти люди дѣлаютъ ему вредъ. Кудеяръ, посягнувшій на жизнь царя и самимъ царемъ осужденный на голодную смерть въ дворцѣ, освобожденъ опричникомъ, да еще какимъ? шуриномъ царя!

Давно уже злился царь Иванъ на своего родственника, князя Владиміра Андреевича, давно подозрѣвалъ въ немъ желаніе взойти на престолъ... Злоба царя къ Владиміру Андреевичу не находила себѣ явнаго оправданія; теперь мятежъ Кудеяра, поставившаго своимъ знаменемъ князя Владиміра, давалъ Ивану предлогъ выдумать такое оправданіе. Въ головѣ его утвердилась увѣренность, что Кудеяръ дѣйствовалъ не безъ желанія и не безъ вѣдома самого князя Владиміра. Участь послѣдняго была рѣшена.

Въ то время, какъ Кудеяръ собиралъ разбойниковъ и приводилъ ихъ на службу Владиміра Андреевича, самъ князь Владиміръ Андреевичъ, ничего о томъ не вѣдая, готовилъ войско въ Нижнемъ съ цѣлью оберегать юго-восточные предѣлы отъ турокъ и татаръ, ополчавшихся на Астрахань. Услыхавши отъ

Жихаря, что въ пользу князя Владиміра Кудеяръ готовитъ заговоръ, царь Иванъ не смѣлъ тотчасъ же тронуть этого князя, онъ даже боялся его, хотя князь Владиміръ по своему уму и нравственнымъ качествамъ столько же мало былъ способенъ спасать отечество отъ царя-мучителя, сколько и защищать отъ внѣшнихъ враговъ. Когда замыселъ Кудеяра не удался, но разбойники были перехвачены и казнены, царь Иванъ Васильевичъ не сталъ уже церемониться съ двоюроднымъ братомъ: онъ ласково зазвалъ его къ себѣ и умертвилъ разомъ съ женою, и затѣмъ приказалъ утопить мать его и еще, неизвѣстно по какому поводу, невѣстку свою, именно вдову брата своего Юрія, жившихъ въ монастырѣ на Шекснѣ. Но избіеніе родныхъ не удовольствовало злобы царя. Ему казалось, что заговоръ, съ цѣлью возвести на престолъ Владиміра, прорвавшійся наружу въ замыслѣ Кудеяра, глубоко и широко пустилъ свои корни. Ему хотѣлось выкоренить измѣну такъ, чтобъ она на будущее время не пускала ростковъ.

Предпріятіе Кудеяра, набравшаго себѣ ватагу изъ людей незнатныхъ, простыхъ, обратило злобу царя на простой народъ. Въ концѣ 1569 года, Иванъ свирѣпствовалъ надъ народомъ въ Клину; въ Торжкѣ его опричники били всякаго чину людей ни за что, ни про что; но подозрѣніе Ивана пало болѣе всего на древнія народоправныя земли — на Новгородъ и Псковъ: онѣ были виноваты передъ самодержавіемъ московскимъ уже тѣмъ, что на ихъ почвѣ нѣкогда процвѣтала народная вольность. Новгородъ ненавистенъ былъ для Ивана еще и потому, что напоминалъ ему Сильвестра, который изъ Новгорода пришелъ въ Москву, чтобы овладѣть волею царя на нѣсколько лѣтъ сряду. Царь въ началѣ 1570 г. пріѣхалъ въ Новгородъ, и тутъ-то совершились варварства изумительныя... «Была у мучителя нѣкая хитрость огненная», какъ говорили современники; онъ называлъ ее поджаръ; это было изобрѣтеніе Бомелія: избитымъ палками новгородцамъ натирали спину этимъ составомъ; онъ причинялъ невыразимое мученіе, а ихъ привязывали къ санямъ и везли съ Городища топить въ Новгородъ; къ санямъ привязаны были истерзанныя женщины; руки у нихъ привязывались сзади къ ногамъ, а къ узлу, соединявшему руки и ноги, прицѣпляли младенцевъ ихъ: Иванъ ѣхалъ съ этимъ поѣздомъ и тѣшился воплемъ страдальцевъ. Волховъ былъ запруженъ тѣлами человѣческими, и съ тѣхъ поръ, какъ гласитъ преданіе, пересталъ замерзать въ самые трескучіе морозы, чтобы люди, глядя на него, не забы-

вали, какъ нѣкогда грозный царь велѣлъ прорубить на немъ ледъ и наполнилъ его волны новгородскими трупами. Оставшимся въ живыхъ было хуже, чѣмъ утопленнымъ. Христолюбивый и благочестивый царь приказалъ истребить всѣ запасы хлѣба, хранившіеся въ Новгородѣ, а между тѣмъ уже въ предшествовавшій годъ былъ худой урожай, въ слѣдующемъ году тоже, а вдобавокъ повторилось бѣдствіе, уже постигавшее Русь: полчища мышей снова истребляли хлѣбъ и по полямъ, и по гумнамъ, и по амбарамъ—все вмѣстѣ было поводомъ того, что въ 1570 году цѣны на хлѣбъ возросли до невѣроятныхъ размѣровъ. Бѣдные люди мерли съ голоду, а царь не переставалъ искать вокругъ себя измѣны, Бомелій не переставалъ быть.

Вдругъ приходитъ царю вѣсть отъ Аѳанасія Нагого, изъ Крыма, что Кудеяръ находится въ Крыму при дворѣ хана Девлетъ-Гирея, пользуется его милостью и возбуждаетъ его противъ Москвы.

Иванъ Васильевичъ не взвидѣлъ свѣта отъ ярости, когда къ нему пришла такая вѣсть. Ему такъ хотѣлось замучить этого врага, что онъ готовъ былъ помиловать многихъ, которыхъ онъ казнилъ, еслибы только Кудеяръ прежде попался въ его руки: много казней совершено было имъ съ досады, что нельзя было казнить Кудеяра. И что же? При всемъ самодержавіи Ивана, при всемъ могуществѣ его—Кудеяръ ему не давался, два раза, какъ змѣя, выскользнулъ изъ его когтей и теперь прохлаждается на волѣ и смѣется надъ безсиліемъ московскаго самодержца. Въ досадѣ, Иванъ Васильевичъ приказалъ призвать къ себѣ Басманова съ сыномъ: это было первый разъ послѣ того, какъ государь собственноручно отколотилъ его за недоставку Кудеяра.

— Алешка,—сказалъ ему царь, постукивая своимъ остроконечнымъ посохомъ:—сколько ты рублевъ взялъ съ Кудеяра, чтобы его выпустить?

— Царь-государь!—вопилъ Басмановъ, валяясь у ногъ царя,—Богъ сердцевѣдецъ видитъ невинность души моей!

— Лжешь, пёсъ! — кричалъ царь. — Лжешь! ты вмѣстѣ съ другими такими же псами мирволилъ и добра хотѣлъ брату Владиміру; ты хотѣлъ насъ съ престола смѣстить, а его посадить; ты, хамское отродье, выпустилъ Кудеяра, боячись, что онъ, если ты приведешь его, подъ пыткою, не стерпя мукъ, все про васъ откроетъ. Я послалъ тебя привести ко мнѣ Кудеяра, а ты привелъ шайку воровъ, которые ничего не знали и годны были только на то, чтобы ими собакъ кормить. Могъ же ты привести

съ собою сотни три такой сволочи, а одного не могъ. Отчего? Оттого, что тѣ три состни ничего про васъ сказать не знали, а тотъ одинъ сказалъ бы про васъ всю правду! Не всѣ ли вы присягали, какъ поступали въ опричнину: присягали отца родного не жалѣть за нашу царскую честь и за наше государское здоровье. Ѳедька! и ты присягалъ на томъ! А! Присягалъ? Ха, ха, ха! Покажи же теперь, что хранишь присягу не устами точію, но и дѣломъ. Твой отецъ измѣнникъ царю, заколи его!

— Бей, Ѳедоръ, коли царь велитъ,—не ослушайся государской воли!—сказалъ Алексѣй Басмановъ.

Ѳедоръ ударилъ отца ножомъ въ сердце.

IV.

Отступникъ.

У хана Девлетъ-Гирея въ Бахчисараѣ большое празднество. Его спаситель, Кудеяръ, котораго онъ отпустилъ отъ себя съ такимъ дурнымъ предчувствіемъ, снова съ нимъ въ его дворцѣ, сидитъ за его столомъ вмѣстѣ съ приближенными вельможами, и разсказываетъ про свои чудныя похожденія.

Разсказавши все, что съ нимъ было послѣ отъѣзда изъ Крыма и дошедши до рокового событія съ его разбойничьею шайкою, близъ озера, Кудеяръ продолжалъ:

— Переплывши озеро, я очутился въ лѣсу, а тамъ уже была на меня поставлена засада: только бы я побѣжалъ, такъ бы меня и схватили. Я увидѣлъ близко берега дубъ съ дупломъ, влѣзъ въ дупло и сижу: слышу по лѣсу шумъ, гамъ, крикъ, меня ищутъ, и много ихъ. Сиди я подальше въ лѣсу, меня бы нашли, а то я сидѣлъ у самаго берега и никому въ голову не приходило искать меня такъ близко. Сижу я день, другой, третій, у меня былъ въ карманѣ кусокъ хлѣба, я съѣлъ, а болѣе не было, голодъ сталъ меня мучить. Ночью случилась гроза; темь такая, что хоть глазъ выколи; вылѣзъ я изъ дупла и пошелъ по лѣсу, прошелъ версты четыре: нѣтъ силъ, ноги подкосились отъ голода, я легъ подъ деревомъ, а тутъ разсвѣтаетъ; вдругъ бѣжитъ заяцъ, я пустилъ въ него стрѣлу и убилъ, кремень и огниво со мной были, да я боялся огонь разводить, чтобы не увидали, ободралъ зайца, да такъ сырого и поѣлъ, подкрѣпился и далѣе пошелъ. Вижу, лѣсъ кончается, а вдали виденъ опять лѣсъ; перешелъ поле и вошелъ въ тотъ лѣсъ, а тотъ лѣсъ большой; я пошелъ по лѣсу; день иду, другой, далѣе иду и слышу топотъ лошадей, голоса человѣчьи. Я смекнулъ, что это меня ищутъ, да въ заросль, а тамъ волчья нора, а изъ норы выскочила на меня волчица; я схватилъ ее за горло и задушилъ, влѣзъ въ яму и волчатъ перебилъ и выкинулъ. А погоня за мной была; только ѣхали, куда можно было проѣхать, а норы не примѣтили. Просидѣлъ я тамъ день, не ѣвши; потомъ, чаючи, что погоня минула, вылѣзъ изъ норы, шелъ, шелъ; дорогой билъ дичь да ѣлъ, только ужъ не сырую, а пёкъ. Такъ прошелъ я до города Данкова, на Донъ рѣку, и вошелъ близко того города въ одну деревню, стоитъ надъ самымъ Дономъ; зашелъ я во

дворъ, была ночная пора, хозяева спятъ, я дверь разломалъ, вошелъ въ избу и говорю: давайте съѣстного да лошадь, я васъ грабить не стану, деньги заплачу, а деньги со мной были въ череслѣ, какъ я въ озеро бросился. Тѣ смекнули въ чемъ дѣло: дали мнѣ мѣшокъ толокна, сыру, солонины, да котелокъ путный для варки и лошадь вывели осѣдланную. Я имъ заплатилъ и говорю: «коли вы кому явите, что я у васъ былъ, да за мной погоня будетъ по вашимъ рѣчамъ, то и вы пропадете, и ваша деревня сгоритъ». Сѣлъ я на лошадь, переплылъ Донъ и проѣхалъ, пробираючись по лѣсамъ и сторонячись отъ поселковъ. Не встрѣчалъ никого, только тамъ звѣря много и птицы, а ночью бывало, какъ станешь на ночлегъ, то и боишься заснуть, чтобъ звѣрь лошадь не задралъ, а то, чего добраго, и тебя лапою не задѣлъ. И выбрался я на Муравскій шляхъ. Тутъ со мной повстрѣчалась станица человѣкъ двадцать. Я себѣ ѣду, а атаманъ ко мнѣ: что ты за человѣкъ?—Я ему говорю: я ѣду за своимъ дѣломъ, а ты ступай за своимъ. — Э, нѣтъ, постой,—крикнетъ атаманъ, — у насъ царское повелѣніе ловить воровскихъ людей; видишь, намножилось ихъ много, а наипаче велѣно ловить разбойника Кудеяра, а примѣты его, каковъ онъ рожею, къ намъ присланы; а ты, братъ, мнѣ сдается, что-то на него взмахиваешь.— Ну, говорю имъ, ищите его, а я поѣду своей дорогой. Прощайте. — Тутъ на меня какъ бросятся двое, хватаются за лошадь, а я имъ одному, другому, какъ далъ кулакомъ, и попадали; я отъ нихъ, а атаманъ какъ прикрикнетъ: «эй, держите,— это Кудеяръ!» Я вижу, они всѣ на меня, коли не подужаютъ схватить, такъ застрѣлятъ. Соскочилъ съ коня, да въ лѣсъ. Они стали соскакивать съ коней, да за мной. Я троихъ изъ нихъ повалилъ, и бѣгу далѣе. Они по мнѣ стрѣлять... А тутъ глубокій оврагъ, я съ прожогу въ этотъ оврагъ, колибъ не придерживался за деревья, такъ и голову бы сломилъ, оврагъ былъ зѣло крутъ. Они не посмѣли за мной въ оврагъ кинуться, бѣгаютъ, кричатъ, ищутъ схода въ оврагъ, а я тѣмъ оврагомъ бѣгу, бѣгу; увидѣлъ заворотъ въ другой оврагъ, туда бросился, а потомъ вылѣзъ оттуда, да пошелъ лѣсомъ, да опять въ иной оврагъ спустился, и такъ все плутался, ожидаючи, что они на меня нападутъ. Однако, на меня уже не напали, видно потеряли слѣдъ мой; и шелъ я дремучимъ лѣсомъ и дошелъ до рѣки: рыбы тамъ видимо-невидимо; наловилъ рыбы, сварилъ и поѣлъ, а потомъ переплылъ рѣку во всей одежѣ, какъ есть, и пошелъ далѣе. Иду самъ не знаю куда. Все лѣсъ дремучій. И такъ я шелъ отъ рѣки дня три и набрелъ на тропу: видно было, что

гдѣ-то жилье есть. Повстрѣчалъ я восемь человѣкъ верхомъ, всѣ обвѣшанные убитою дичью. «Ты бѣглый,—говорятъ,—такъ иди къ намъ, у насъ бѣглымъ пріютъ».—«Да,—говорю имъ,—я бѣглый».—«Ты,—говорятъ,—усталъ, садись на коня». Одинъ, что былъ потоньше, посадилъ меня за собою.—«Мы,—говорятъ, — изъ нашей засады на ловъ ѣздили».

Къ вечеру мы пріѣхали на рѣку Осколъ; тамъ стоитъ городокъ. Бѣглые люди поселились, обзавелись, обжились, скотъ расплодили, хлѣбъ сѣютъ, избы себѣ построили хорошія, живутъ вольно, тягостей не знаютъ. Живи съ нами,—говорятъ они мнѣ,—у насъ хорошо вельми! Пусть пристаютъ къ намъ люди, мѣста для всѣхъ станетъ, мы тогда церковь себѣ построимъ. А я думаю себѣ: нѣтъ, братцы, не моя доля жить съ вами! Я не сказалъ имъ, кто я таковъ, а сказалъ, что я бѣглый сынъ боярскій, иду на Донъ, хочу къ казакамъ пристать. А они говорятъ: турскіе люди пошли войною на Донъ. «Вы,—говорю,—отколь знаете, живучи здѣсь, про турскихъ людей?»—«Станичники,—говорятъ,—сказывали». — «А ништо,—спрашиваю,—къ вамъ станичники ѣздятъ?» — Ѣздятъ, — говорятъ,—человѣка по два торговать съ нами, они намъ покупного чего привезутъ, а отъ насъ съѣстное забираютъ. А большихъ людей къ себѣ не пускаемъ». Я прожилъ у нихъ съ недѣлю, а потомъ задумалъ плыть внизъ по Осколу, и сталъ у нихъ покупать стружокъ и снасти и всякія запасы на путь. А они говорятъ: «зачѣмъ намъ деньги? — Мы денегъ не знаемъ. Намъ вотъ паче денегъ гвозди нужны, да у тебя нѣтъ». И дали они мнѣ стружокъ и всякія снасти и съѣстного на путь; я и поплылъ внизъ по Осколу. Берегъ крутъ, всюду лѣсъ, нигдѣ нѣтъ поселковъ, а изъ Оскола поплылъ я по Донцу, а тамъ по берегу стали кое-гдѣ городки попадаться, и я къ нимъ приставалъ, и тамъ люди русскіе, и они меня кормили. А изъ рѣки Донца, по рѣчамъ тамошнихъ людей, что въ городкахъ живутъ, я поплылъ по рѣкѣ Тору вверхъ, и плылъ, пока можно было плыть, а какъ стало мелко, что плыть нельзя, я покинулъ стружокъ и пошелъ степью. Лѣсовъ болѣе тамъ не стало; съѣстное у меня поистратилось, такъ я стрѣлялъ птицу въ степи и тамъ кормился. И такъ идучи, набрелъ я на юрту ногайскую; тамъ людей было мало, все только старые да малые, да жёнки; всѣ молодые да здоровые пошли на войну подъ Астрахань по твоему ханскому велѣнію. Я имъ говорю: «продайте мнѣ коня».—«А куда ты идешь?—спрашиваютъ они».—Я имъ говорю: «къ самому свѣтлѣйшему хану». — А они мнѣ: «кто тебя знаетъ, кто ты таковъ! Коня мы тебѣ такъ дадимъ, только

проводимъ тебя до перекопскаго бея». — «Что же, говорю, — мнѣ то и лучше». Они меня проводили до Перекопа, а перекопскаго бея дома не было, въ походѣ съ тобою ходилъ. А у него въ бейлыкѣ всѣмъ рядилъ мурза Кулдыкъ. Привели меня къ этому мурзѣ, а онъ, золъ человѣкъ, сталъ на меня кричать: «ты, — говоритъ, — соглядатай московскій, — я велю тебя повѣсить» — а я ему говорю: «коли ты меня велишь повѣсить, то свѣтлѣйшій ханъ велитъ тебѣ самому за то голову срубить».

— Да что, говоритъ, твой ханъ, я его знать не хочу: у меня господинъ перекопскій бей. — А я ему: и ты, и твой бей холопы свѣтлѣйшаго хана. Какъ ты смѣешь такъ неповажно говорить о свѣтлѣйшемъ ханѣ! — А онъ какъ крикнетъ: что! ты еще меня смѣешь учить! Ей, люди, закуйте его! Онъ смѣетъ нехорошо говорить про нашего бея. — А я ему говорю: я про твоего бея ничего не говорю нехорошаго, мы съ нимъ не разъ обѣдали у свѣтлѣйшаго хана, а тебѣ я въ глаза говорю: ты грубіянъ, мужикъ, не смѣй говорить дурно про твоего и моего государя. — Тутъ люди ко мнѣ приступили, человѣкъ десять, сковать меня; я дался имъ. Они на меня наложили цѣпи. Тогда я засмѣялся и сказалъ: мурза Кулдыкъ! — ты думаешь, твои цѣпи крѣпки, смотри: каковы они? — Тряхнулъ, и разорвалъ цѣпи. Кулдыкъ глаза выпучилъ, а я ему говорю: не бойся, я не убѣгу. Я Кудеяръ: коли ты слыхалъ, тотъ самый, что свѣтлѣйшему хану животъ и царство спасъ отъ бездѣльниковъ мурзъ. Тебя оставилъ бей вмѣсто себя; волѣ твоей я покоряюсь, хочешь — отпусти меня до Бахчисарая, хочешь — здѣсь вели оставаться, и я останусь, буду ждать твоего бея; а ты мнѣ не говори дурныхъ рѣчей про нашего государя. Тогда мурза сказалъ: — коли ты Кудеяръ, такъ нечего съ тобою дѣлать. Видишь, я не своей волею то чинилъ. Бей не велѣлъ никого пропускать безъ ханской или его грамоты, а у тебя никакой нѣтъ. — Ты право говоришь, сказалъ я, держи меня до пріѣзда своего бея. Я и остался. Кулдыкъ-мурза сталъ со мною обходиться ласково, за столъ съ собой сажалъ, и въ баню меня велѣлъ водить. А тутъ пріѣхалъ Ора-бей: такъ тотъ узналъ меня и приказалъ проводить къ тебѣ, мой свѣтлѣйшій ханъ!

— О, великій аллахъ! — сказалъ ханъ, — какимъ неслыханнымъ бѣдамъ ты подвергался, мой Кудеяръ. Но теперь всѣ твои бѣды минули. Ты останешься у насъ въ чести и славѣ. Хочешь — пребывай въ своей вѣрѣ: я, какъ и прежде тебѣ обѣщалъ, дамъ тебѣ помѣстье, и церковь позволю построить. А намъ бы всѣмъ хотѣлось, чтобъ ты былъ одной вѣры съ нами человѣкъ. Тогда бы мы посадили тебя въ курилтаѣ и ты былъ бы знатнѣйшимъ че-

ловѣкомъ въ нашемъ крымскомъ юртѣ. О, Кудеяръ! Ты мудръ. Размысли. Ты былъ въ христіанской вѣрѣ, а что испыталъ? Однѣ бѣды! Правда, христіане не язычники, они вѣруютъ въ истиннаго Бога и почитаютъ величайшаго посланника Божія Іисуса, сына Маріи. Но христіане не познали и не хотятъ познать премудрости премудростей—нашего корана. Прими нашу правую вѣру, и увидишь, какъ Богъ наградитъ тебя за такое богоугодное дѣло.

— Свѣтлѣйшій ханъ!—сказалъ Кудеяръ,—твои слова правдивы. Теперь я увидѣлъ, что исламъ святѣе и праведнѣе христіанства. Крѣпко я держался христіанскаго закона, думалъ тѣмъ Богу угодить, а Богъ мнѣ счастья не послалъ: все только бѣды за бѣдами! Я возненавидѣлъ Москву, и людей московскихъ, и вѣру ихъ, отрекаюсь отъ нихъ и отъ ихъ вѣры, принимаю исламъ и становлюсь вашимъ татариномъ.

Девлетъ-Гирей соскочилъ съ мѣста и воскликнулъ:

— О, великій пророкъ! Великія дѣла творишь ты! Ты обратилъ сердце и умъ нашего Кудеяра къ твоему откровенію. Въ твоей книгѣ сказано: кто оставитъ для Бога страну свою, тотъ найдетъ обильные источники! Мы должны осыпать Кудеяра всѣми благами жизни! Нынѣ день самый счастливый въ моей жизни.

Онъ бросился обнимать и цѣловать Кудеяра. Мурзы тоже обнимали его и изъявляли радость.

Кудеяръ принялъ исламъ и ханъ произвелъ его въ санъ татъ-агасы, начальника надъ крымскими христіанами. Такъ какъ Кудеяръ по-татарски читать и писать не умѣлъ, равно какъ и по-русски, то при немъ былъ татаринъ секретарь и все дѣлалъ за него.

Надобно было Кудеяру разстаться съ своимъ крестомъ. Но Кудеяръ привыкъ къ этому таинственному кресту, дару невѣдомыхъ родителей. Отрекшись отъ христіанства въ избыткѣ накопившейся злобы, онъ сохранилъ суевѣрное уваженіе и страхъ къ завѣтной золотой вещицѣ. Кудеяръ снялъ свой крестъ съ шеи, но берегъ въ шкатулкѣ какъ сокровище. «Богъ знаетъ, какая вѣра лучше,—разсуждалъ онъ самъ съ собою,—кабы я остался христіаниномъ, мнѣ бы здѣсь не было хорошо; всѣ мурзы меня ни во что бы считали. А теперь я у нихъ въ совѣтѣ буду сидѣть».

И вотъ, Кудеяръ сталъ засѣдать въ курилтаѣ. Зная расположеніе къ нему хана, всѣ льстили ему, особенно имамы и муллы, довольные его отступничествомъ. Они выхваляли его на всѣ лады, осыпали цвѣтами арабскаго краснорѣчія. Главный и постоянный совѣтъ, какой Кудеяръ давалъ хану и его вельможамъ, былъ—

идти на Москву, разорить ее, уничтожить царя Ивана со всѣмъ родомъ его, поработить весь московскій народъ власти татаръ. Кудеяръ сталъ татарскимъ патріотомъ завзятѣе самихъ татаръ; его выходки плѣняли всѣхъ; но въ вопросѣ о войнѣ съ Москвою татарскій патріотизмъ сталкивался съ вопросомъ о вмѣшательствѣ въ эту войну Турціи.

Прошлогодній походъ турокъ и татаръ былъ неудаченъ. Они не только не покорили Астрахани, но на возвратномъ пути множество турокъ погибло отъ всякаго рода лишеній, производившихъ между ними смертельныя болѣзни. И татарамъ таки-досталось; отъ этого теперь мурзы не слишкомъ порывались идти снова на войну. Явлашскій бей сказалъ:

— Московскій царь, чаячи, что турки и татары не захотятъ остаться въ посрамленіи и пойдутъ на него снова ратью,—соберетъ большое войско и будетъ ждать насъ весною. Если мы пойдемъ на него, то намъ придется биться съ великими силами. А мы не пойдемъ на будущую весну. Пусть московскій царь дожидается насъ съ войскомъ, пусть напрасно поистратитъ довольно своей казны и, не дождавшись насъ, распуститъ войско, или же пошлетъ его воевать въ другія страны. Тутъ-то мы на него и нагрянемъ въ тѣ поры, какъ онъ останется безъ рати.

Это мнѣніе понравилось всѣмъ. Кудеяръ не могъ стоять одинъ противъ всего курилтая, хотя очень огорчился и не скрывалъ своихъ чувствъ. Ханъ, будучи съ нимъ наединѣ, сказалъ ему:

— О, Кудеяръ, не все можно говорить въ курилтаѣ. А я тебѣ вотъ что скажу. Когда бы мы завоевали Москву, воюючи ее вмѣстѣ съ турками, то намъ, татарамъ, мало бы оттого пользы сталось. Турки нашею татарскою кровью побѣдили бы москвитина, а намъ бы Москвы не отдали. Турское царство усилится безъ мѣры, а намъ оттого хуже станетъ: мы тогда будемъ въ совершенной неволѣ у турокъ. Намъ же хочется самимъ добиться славы и величія, такъ чтобы уже не быть подъ рукою турскаго государя. Турки не взяли Астрахани, и хорошо, что не взяли. Они бы все равно намъ ее не отдали. Повременимъ. Пусть Турція замирится съ Москвою, тогда мы сами нагрянемъ на Москву, и если одолѣемъ ее безъ помощи турокъ, такъ намъ будетъ тогда хорошо.

Кудеяру было все равно: турки или татары завоюютъ Москву—лишь бы только царя Ивана уничтожить, лишь бы только побольше зла надѣлать русскому народу, къ которому онъ питалъ ненависть со времени измѣны разбойниковъ. Кудеяръ не сталъ перечить хану и долженъ былъ ждать, скрѣпя сердце.

Ему некстати было на первыхъ порахъ не ладить съ большинствомъ. Ему хотѣлось, чтобъ всѣ беи и мурзы относились къ нему дружелюбно. И такъ было на самомъ дѣлѣ. Одинъ только явлашскій бей былъ его заклятымъ врагомъ, какъ давній доброжелатель Москвы. Письмо царя Ивана къ явлашскому бею, перехваченное Кудеяромъ въ разбитомъ караванѣ и посланное хану, чуть было не подвергло бея опасности. Ханъ тогда же предалъ его суду курилтая. Но явлашскій бей увѣрилъ всѣхъ, что ничего не зналъ объ этомъ письмѣ. Курилтай призналъ бея невиннымъ, тѣмъ болѣе, что и выраженія въ письмѣ царя Ивана были какія-то несмѣлыя и какъ будто показывали, что московскій царь не увѣренъ, чтобъ явлашскій бей ухватился горячо за предпріятія, враждебныя хану. Съ тѣхъ поръ, однако, явлашскій бей боялся говорить что-нибудь въ пользу русскихъ, какъ дѣлалъ прежде, и на послѣднемъ собраніи курилтая, возражая противъ Кудеяра, нарочно далъ только совѣтъ объ отсрочкѣ нападенія, совпадавшій съ мнѣніемъ большинства. Этотъ совѣтъ, принятый всѣми вельможами крымскаго юрта, поднялъ значеніе явлашскаго бея къ крайней досадѣ Кудеяра; Кудеяръ вооружалъ хана противъ бея. «Если,—говорилъ онъ хану,—этотъ человѣкъ теперь и правду сказалъ, то все-таки твое величество не изволь ему довѣрять, и когда придетъ время идти въ походъ, держи отъ него втайнѣ свой умыселъ, а то онъ заранѣе передастъ вѣсти московскому царю».

Разъяренный Иванъ, узнавши чрезъ Нагого о томъ, что Кудеяръ находится у хана, велѣлъ задержать ханскаго посла Ямболдуя, а его татаръ заковать. Ханъ узналъ о томъ и приказалъ такимъ же образомъ поступить съ Аѳанасіемъ Нагимъ и его посольскими людьми, а къ царю Ивану отправилъ гонца съ грамотою, требовалъ отпустить Ямболдуя, выдать скрывавшагося въ московскомъ государствѣ врага своего, Акмамбета, прислать большія поминки соболями и деньгами и уступить Казань и Астрахань, а въ случаѣ отказа грозилъ сдѣлать съ русскимъ государствомъ то, что́ сдѣлалъ нѣкогда предокъ его, Батый-ханъ. Царь по этому письму выпустилъ изъ-подъ стражи Ямболдуя съ людьми его, но задержалъ ханскаго гонца, приказалъ собирать войско къ Окѣ и медлилъ отвѣтомъ хану, выжидая, до какой степени могутъ осуществиться на дѣлѣ угрозы хана. Вдругъ, въ въ началѣ лѣта 1570 года, принесли царю извѣстіе, что станичники видѣли въ степи громадныя толпы ногаевъ, видѣли и зарево отъ пылающихъ костровъ ихъ, слышали прыскъ и топотъ безчисленнаго множества лошадей. Царь Иванъ пришелъ въ страхъ

отъ такихъ извѣстій. Онъ отправилъ къ Девлетъ-Гирею гонца, обѣщалъ отдать Астрахань, но такъ, чтобы ханы, которые будутъ тамъ посажены, назначались разомъ царемъ московскимъ и ханомъ крымскимъ; царь обѣщалъ прислать большія поминки и выдать Акмамбета, но взамѣнъ послѣдняго просилъ хана выдать Кудеяра.

Грамота царя Ивана должна была быть прочитанною въ собраніи курилтая. Хану щекотливо казалось, если въ присутствіи Кудеяра будутъ говорить въ совѣтѣ о выдачѣ Кудеяра, и онъ хотѣлъ собрать совѣтъ въ его отсутствіи, когда Кудеяръ поѣдетъ въ свое пожалованное ему отъ хана помѣстье.

Но одинъ мурза, искавшій покровительства у Кудеяра, какъ у ханскаго любимца, извѣстилъ его объ этомъ заранѣе. Кудеяръ явился неожиданно въ курилтай и занялъ свое обычное мѣсто, подобавшее ему по званію татъ-агасы. Нечего было дѣлать, приходилось читать грамоту царя при Кудеярѣ.

По окончаніи чтенія, Кудеяръ сказалъ:

— Мучитель, несытый кровью моей безвинной жены, ищетъ моей головы. Если она ему такъ нужна, отдайте ее, но Астрахани за нее мало; пусть прибавитъ Казань въ вѣчное владѣніе нашему свѣтлѣйшему хану и всему крымскому юрту. Пусть, сверхъ того, отдается подъ руку нашего свѣтлѣйшаго хана съ Москвою и со всѣми своими землями и городами, назоветъ себя ханскимъ холопомъ, такъ какъ его предки были холопами предковъ нашего могущественнѣйшаго государя. Коли онъ на то согласится, отдайте меня, а до той поры, какъ онъ пришлетъ свой отвѣтъ, посадите меня въ тюрьму, чтобъ я не ушелъ.

Всѣ молчали. Девлетъ-Гирей первый прервалъ молчаніе и сказалъ:

— Нашъ достойный татъ-агасы! Никакой мудрый и искусный стихотворецъ не могъ бы прославить твое великодушіе и твою преданность истинной вѣрѣ, которую ты принялъ по Божію изволенію, просвѣтившему твой разумъ! Ты готовъ принести жизнь свою и подвергнуть себя великимъ мученіямъ за славу татарскаго народа! Но мы всѣ, начиная отъ меня, государя вашего, и до послѣдняго татарина умѣемъ цѣнить нашего друга и мудрѣйшаго сановника. Ни за какія сокровища Соломоновы не отдали бы мы тебя въ руки врага. И какъ бы могли мы совершить такое дѣло, когда бы оно было ужаснѣйшее преступленіе противъ корана. Мы просили у царя Ивана выдачи Акмамбета, потому что московскій царь неправовѣрный и правды не знаетъ; мы же, правовѣрные, какъ можемъ отдать на погибель нашего

благодѣтеля, тѣмъ паче принявшаго нашу истинную вѣру!» Написали московскому государю грамоту въ такомъ смыслѣ, въ какомъ совѣтовалъ Кудеяръ, только о Кудеярѣ не упоминали въ ней. Но ханъ, отправляя гонца, велѣлъ тайно сказать комунибудь изъ ближнихъ царскихъ: пусть царь для дружбы къ хану выдастъ Акмамбета, тогда Девлетъ-Гирей подумаетъ, посмотритъ по книгамъ и, быть можетъ, выдастъ ему Кудеяра, только нужно прежде, чтобъ царь выдалъ Акмамбета.

Кудеяръ отправился въ пожалованное ему отъ хана помѣстье на рѣкѣ Качѣ. Тамъ у него было четыре жены разныхъ націй, и между ними одна украинка, схваченная татарами; она была священническая дочь. Присутствіе украинки, подаренной ему ханомъ, произвело на Кудеяра потрясающее вліяніе. Онъ могъ объясняться съ нею на ея языкѣ, и по этому одному она стала ему ближе другихъ женъ. Эта украинка, по имени Ганнуся, своими красивыми чертами напоминала ему Настю. Ганнуся была постоянно печальна и горько плакала. Въ сердцѣ Кудеяра, черствомъ, загрубѣломъ, зашевелилось чувство жалости. Онъ не могъ обращаться съ этой землячкой животнымъ способомъ, подобно тому, какъ обращался съ другими. Однажды, когда Кудеяръ, сидя на крыльцѣ своего дома, вмѣстѣ съ своимъ секретаремъ, разбиралъ какое-то дѣло, къ нему долетали звуки украинской пѣсни:

Нехай батько не турбуе,
И віночка не готуе,
Бо я вже свій утратила
Підъ зеленимъ яворином
И зъ невірнимъ татариномъ...

Пѣніе закончилось раздирающимъ плачемъ. Пѣсню эту пѣвала Настя. Кудеяра всего перевернуло... Онъ досадовалъ, что въ его сердцѣ пробуждается жалость. Онъ боялся этого чувства; онъ сознавалъ, что если поддастся ему разъ, то оно увлечетъ его куда-то... Онъ злился на существо, которое нарушило спокойствіе его ожесточенія.

«Что съ нею дѣлать?» думалъ онъ. «Убить ее, или отпустить на родину! Но когда онъ ее пуститъ, и другія жены нарочно поднимутъ плачъ, чтобъ ихъ отпустить. А, чортъ съ ней!»—сказалъ самъ себѣ Кудеяръ,—и позвалъ одного татарина, который занимался лечбою.

— Дай,—сказалъ Кудеяръ,—одной изъ моихъ бабъ такого лекарства, чтобъ она перестала плакать, чтобъ я не слыхалъ ея плача и воя.

— А тебѣ самому ея больше не нужно? — спросилъ татаринъ.

— Не нужно!—сказалъ Кудеяръ.

Людское зло сдѣлало Кудеяра злымъ человѣкомъ. Несчастная Ганнуся неожиданно пробудила-было въ немъ доброе чувство состраданія.

Черезъ два дня Ганнуся умерла: бѣдную поповну похоронили въ чужой землѣ чужія руки, руки невѣрныхъ людей.

Поддайся только этому чувству Кудеяръ, отпусти онъ Ганнусю — удержу бы не было! Кудеяръ былъ не изъ такихъ натуръ, которыя колеблются въ одно и то же время, наклоняясь то вправо, то влѣво, то къ добру, то къ злу. Оказавши добро Ганнусѣ, Кудеяръ на этомъ бы не остановился; онъ пошелъ бы далѣе по пути добра, пошелъ бы такъ же точно, какъ пошелъ по пути злодѣянія, когда, ради спасенія Насти, рѣшился совершать дѣла, противныя своему нравственному убѣжденію. Ему невозможно было оставаться у хана; онъ бѣжалъ бы, можетъ быть, куда-нибудь въ монастырь—оплакивать свои преступленія... Но Кудеяръ преодолѣлъ на этотъ разъ искушеніе добра. Зло взяло въ немъ верхъ.

Скучно было Кудеяру ждать безъ дѣла. Ему хотѣлось скорѣе на войну; крови, русской крови, хотѣлъ онъ; пожаровъ, дыма, стона раненыхъ, вопля плѣнныхъ и голодныхъ желалъ онъ...

Вдругъ, неожиданно для самого Девлетъ-Гирея, глубокою осенью явился московскій гонецъ съ толпою служилыхъ людей, въ сопровожденіи татаръ, присланныхъ Ямболдуемъ изъ своей свиты. Они привезли скованнаго по рукамъ и ногамъ Акмамбета, носившаго въ крещеніи имя князя Ѳедора. Радость хана не имѣла предѣловъ. Онъ призвалъ къ себѣ Кудеяра. Привели Акмамбета. Ханъ хохоталъ, приказывалъ Акмамбету цѣловать ноги Кудеяра, своего бывшаго невольника, приказывалъ своимъ царедворцамъ и слугамъ плевать на измѣнника, бить его по щекамъ, потомъ велѣлъ посадить въ тюрьму въ погребѣ подъ своимъ дворцомъ, обѣщавъ приготовить ему особенно жестокую казнь.

Въ грамотѣ своей царь Иванъ писалъ:

— «Намъ, государямъ, не подобаетъ держать подлѣ себя измѣнниковъ, бѣглыхъ нашихъ холопей, которыя, мысля на насъ зло, будутъ бѣгать твои къ намъ, а наши къ тебѣ. Я для братской любви прислалъ къ тебѣ злодѣя твоего Акмамбета, не посмотрѣлъ

на то, что онъ принялъ нашу вѣру, чаю, что онъ то учинилъ притворно, ради того, чтобъ быть ему въ нашемъ государствѣ безстрашно. Учини, братъ возлюбленный, и ты мнѣ милость, пришли ко мнѣ съ нашими и твоими людьми Кудеяра, нашего измѣнника и лиходѣя».

Ханъ, не обращаясь къ курилтаю, написалъ такой отвѣтъ московскому царю:

— «Что ты, возлюбленный братъ, царь Иванъ, прислалъ къ намъ, для своей братской любви, измѣнника нашего Акмамбета, на томъ мы тебѣ благодарны, а Кудеяра послать тебѣ не мочно. Въ твоихъ книгахъ быть можетъ такъ написано, чтобъ отдавать людей, которые къ тебѣ придутъ и примутъ твою вѣру, а въ нашемъ коранѣ мы того не нашли, а по нашей правой мугаммедовой вѣрѣ будетъ то великій грѣхъ и беззаконіе». Съ такимъ отвѣтомъ отправился русскій гонецъ назадъ, но двое изъ сопровождавшихъ его дѣтей боярскихъ не поѣхали съ гонцомъ въ Москву, они пришли къ Кудеяру. Одинъ изъ нихъ, высокій, тонкій, съ длинною шеею и наглыми глазами, стоя передъ Кудеяромъ, отставя ногу впередъ, ухорски поводя плечами и потряхивая кудрями, говорилъ:

— Я, Ѳедька Лихаревъ, каширскій сынъ боярскій, былъ въ опричнинѣ и твою милость видѣлъ, какъ у царя бояръ душили; я тогда работалъ, и твоя милость. А какъ мучитель велѣлъ твою жену извести, я горько плакалъ и тебя, господина, жалѣлъ. Я съ Самсономъ Костомаровымъ въ дружинѣ былъ. Давно хотѣлось мнѣ уйти отъ мучителя, да нельзя было. А теперь, какъ насъ послали сюда, я не хочу ворочаться, хочу служить хану: узнаетъ мою службу, такъ пожалуетъ.

Онъ лгалъ. Съ Самсономъ Костомаровымъ онъ другомъ не былъ, и былъ одинъ изъ убійцъ Насти.

— А я, — сказалъ другой, низкорослый, рыжій, съ лицомъ, покрытымъ веснушками, и съ боязливымъ выраженіемъ глазъ, — я изъ серпуховскихъ дѣтей боярскихъ, зовусь Матюха Русинъ. Былъ то-жъ въ опричнинѣ. Жутко ворочаться домой. Житье наше такое плохое, что хоть въ воду, только бы не при царѣ. Придется такъ ему — вздумаетъ, да ни за что, ни про что нашего брата замучитъ. Таково житье: коли день прошелъ, живъ остался, слава Богу, а ночь прошла, такъ слава Богу, что ночью бѣды не было, а дня передняго боишься. Возьми, кормилецъ, къ себѣ на службу.

Онъ кланялся въ землю.

— Хорошо,—сказалъ Кудеяръ, — свѣтлѣшій ханъ правдивъ и милостивъ. Коли будете вѣрно служить, то пожалуетъ, а дурно будете служить, такъ и вамъ дурно будетъ.

Лихаревъ говорилъ:

— Мы извѣщаемъ ханское величество, что весною будетъ подходное время для войны на Москву; такого не дождетесь скоро. Московское государство нынѣ въ послѣдней тѣснотѣ. Прошлый годъ меженина была, и хлѣбъ сталъ немѣрно дорогъ, рать царская ушла въ нѣмцы, а при царѣ нонѣ рати мало, царь лучшихъ бояръ и воеводъ показнилъ, остались только неумѣлые, да нехрабрые, и тѣ побѣгутъ, какъ только ханъ съ ордою придетъ. Коли то не такъ, какъ мы показываемъ, тогды его величество ханъ пусть насъ казнить велитъ!

Не прошло трехъ дней послѣ явленія этихъ двухъ измѣнниковъ, къ Кудеяру прибыло двое новокрещеновъ-татаръ изъ Урмановой шайки.

Они разсказали ему, какъ Окулъ съ Урманомъ со своими ватагами, увѣдавши, что прочіе сдались царскому воеводѣ, шатались по лѣсамъ, а наконецъ ушли въ Брянскій лѣсъ и тамъ установились на жилье. А нынѣ, говорили посланцы—Окулъ съ Урманомъ увѣдали, что ты живъ и пробываешь въ Крыму у хана, и послали насъ къ тебѣ спросить у тебя про здоровье, а буде ты чего отъ насъ хочешь и что́ намъ приказать изволишь, и мы все учинимъ по твоему велѣнію. И то еще пришли мы тебѣ сказать: будетъ ханъ изволить съ тобою вести орду на мучителя, мы тебѣ слуги и вожи вамъ всѣмъ. А назнали мы на Окѣ таковъ бродъ, что вся орда перейти можетъ скоро. А таковъ бродъ есть, гдѣ втекаетъ въ рѣку Оку рѣка Ицка, отъ того втёка версты полторы, а не доѣзжая съ версту оттолѣ будетъ большое поле, зовется Злынское. И коли бы ханъ съ ордою на Москву пошелъ, и мы бы ждали тамъ его на Злынскомъ полѣ, и черезъ Оку переведемъ его съ ордою, да не токмо черезъ Оку, а такожъ черезъ Жиздру и Угру, и можетъ его величество ханъ, минуя Серпуховъ, подойти къ Москвѣ такъ, что мучитель про то и не увѣдаетъ.

Кудеяръ сообщилъ объ этомъ хану. Девлетъ-Гирей былъ въ восторгѣ.

— О, великій пророкъ!—сказалъ онъ—ты помогаешь намъ! Если у насъ будутъ хорошіе вожи, мы доберемся до Москвы и возвеличится племя татарское. Ханъ велѣлъ Кудеяру взять на свое попеченіе прибывшихъ русскихъ. Кудеяръ отправилъ ихъ въ свое помѣстье и тамъ велѣлъ содержать ихъ въ довольствѣ.

Кудеяръ совѣтовалъ хану собирать орды, чтобъ были готовы въ походъ съ наступленіемъ весны, но не объявлять въ курилтаѣ объ этомъ, изъ опасенія, чтобы благопріятели Москвы не дали туда знать заранѣе и не доставили возможность царю Ивану собрать оборонительныя силы.

Ханъ такъ и поступилъ. Онъ не говорилъ никому о желаніи идти на Москву; напротивъ, сталъ передъ беями и мурзами жаловаться на Литву.

Онъ твердилъ, что казаки безпокоятъ бѣлогородскую орду и дѣлаютъ набѣги на турецкіе предѣлы; и турскій падишахъ готовится послать на Литву свои силы, поэтому и татарамъ надобно быть на готовѣ. Мурзы, получавшіе поминки отъ Литвы, стали было убѣждать хана, что слѣдуетъ воевать Москву, а съ Литвою находиться въ добромъ согласіи. Ханъ доказывалъ, что московскій царь только и желаетъ того, чтобъ татары напали на предѣлы его государства, потому что у него теперь войско собрано, а потому не слѣдуетъ никакъ зацѣплять Москвы до того времени, когда она забудетъ, что татары могутъ внезапно напасть на нее. Однимъ словомъ, ханъ повторялъ мурзамъ то самое, что́ имъ говорилъ прежде явлашскій бей. Всегда готовые грабить кого бы то ни было, воинственные мурзы успокоивались, довольствуясь тѣмъ, что если теперь нельзя задѣвать Москвы, то по крайней мѣрѣ имъ доставляютъ возможность потрепать Литву. Пріѣзжавшій отъ короля Сигизмунда-Августа гонецъ былъ принятъ дурно; ханъ не хотѣлъ брать подарковъ, кричалъ, сердился на казаковъ, говорилъ, что король ихъ умышленно не унимаетъ, и угрожалъ напомнить Литвѣ своего предка Менгли-Гирея, разорившаго Кіевъ. Въ Литвѣ происходила тревога, тамъ старались укрѣплять границы, а радные паны пытались отклонить отъ себя опасность и поссорить Крымъ съ Москвою, считая Девлетъ-Гирея и царя Ивана друзьями и союзниками. Чтобы еще болѣе убѣдить въ такомъ мнѣніи литвиновъ и усыпить москвитинъ надеждою на союзъ съ ними во время пребыванія литовскаго посла въ Бахчисараѣ, Девлетъ-Гирей, не пригласивши его ни разу къ столу, угощалъ Аѳанасія Нагого, бранилъ Литву, хвалилъ московскаго государя, сожалѣлъ о томъ, что доброе согласіе съ московскимъ государемъ нарушилось-было походомъ турокъ на Астрахань; увѣрялъ, что татары шли поневолѣ, обѣщалъ на будущее время жить съ московскимъ государемъ душа въ душу, по-братски и вмѣстѣ воевать ихъ общаго недруга, литовскаго государя.

— Я,—сказалъ тогда Девлетъ-Гирей Аѳанасію Нагому въ присутствіи явлашскаго бея и одного мурзы, бравшаго постоянно поминки отъ московскаго царя, — я нарочно велъ турокъ такъ, чтобъ имъ не было успѣха: я такъ дѣлалъ изъ братской любви къ твоему государю, моему любезнѣйшему брату и вѣрнѣйшему другу.

Рѣчи Девлетъ-Гирея переданы были Нагимъ въ Москву въ грамотѣ, посланной съ нарочнымъ гонцомъ; и этотъ гонецъ сообщилъ, какъ очевидецъ, утѣшительныя извѣстія, что весь Крымъ готовится къ веснѣ на войну съ Литвою, а явлашскій бей послалъ отъ себя къ царю и увѣрялъ, что все это сдѣлалось его стараніемъ, и просилъ для себя поминковъ отъ московскаго государя.

И дѣйствительно, во всемъ Крыму зимою хотя всѣ знали, что весною будетъ походъ, но думали, что ханъ поведетъ орду воевать литовскіе предѣлы. Въ Москвѣ тоже такъ полагали, хотя князь Михайло Воротынскій, старый врагъ татаръ, осмѣливался говорить, что не слѣдуетъ вполнѣ успокоиваться, основываясь на увѣреніяхъ хана и вѣстяхъ, присылаемыхъ изъ Крыма.

Въ апрѣлѣ 1571 года, ханъ неожиданно собралъ свой курилтай и объявилъ, что походъ будетъ не на Литву, а на Москву.

— Я,—сказалъ онъ,—нарочно о томъ не говорилъ никому, чтобъ нашъ ворогъ, московскій князь, не узналъ и не приготовился къ оборонѣ. Нападемъ на него врасплохъ. У него въ государствѣ бѣда и нестроеніе—и голодъ и моръ на людей; лучшихъ своихъ воеводъ онъ самъ побилъ; теперь у него осталась дрянь. У насъ есть ихніе люди, которые поведутъ насъ черезъ броды и перелазы до самой Москвы. Возьмемъ Москву, сожжемъ ее, разоримъ все московское государство, какъ еще никогда мы не разоряли. Помните, какъ они, невѣрные, услыхавши, что у насъ хлѣбный недородъ и на людей моръ и на скотъ падежъ, умышляли въ такую пору идти на насъ, хотѣли нашъ крымскій юртъ покорить, какъ покорили Казань и Астрахань. Но великій пророкъ затмилъ разумъ ихъ, помѣшалъ умыслы ихъ... Теперь намъ очередь пришла. И на нихъ такая теперь бѣда, какая тогда была на насъ. Не будемъ же мы глупы такъ, какъ они тогда были глупы. Учинимъ надъ ними то, что́ они хотѣли надъ нами учинить, да не съумѣли.

Мурзы были въ восторгѣ. Во всемъ Крыму вѣсть о томъ, что походъ будетъ на Москву, а не на Литву, принята была съ

восторгомъ. Пробудилась тотчасъ старая вражда, старое чувство досады объ утраченномъ господствѣ надъ Русью. Кудеяръ отправилъ своихъ новокрещеновъ впередъ къ Окулу и Урману съ приказаніемъ, чтобы они дожидались его съ ханомъ на Злынскомъ полѣ, около вешняго Николы. Черезъ двѣ недѣли онъ выступилъ въ походъ самъ, а за нимъ слѣдовалъ ханъ съ ордою. Въ день самаго выѣзда Девлетъ-Гирея изъ столицы, на острононечіи, вбитомъ въ стѣну ограды бахчисарайскаго дворца, появилась голова врага его Акмамбета, во святомъ крещеніи Ѳедора. Девлетъ-Гирей, напугавши обѣщаніемъ мучительной казни, продержалъ его въ тюрьмѣ до своего выѣзда, а потомъ сказалъ: «я не Иванъ московскій, чтобы мнѣ тѣшиться муками людей», и приказалъ отрубить голову преступнику.

V.

Татарское нашествіе.

Кудеяръ, въ сопровожденіи двухъ русскихъ измѣнниковъ, съ отрядомъ татаръ тысячъ въ пять, шелъ впередъ черезъ ногайскія степи по муравскому шляху. Громадныя толпы ногаевъ ѣхали отовсюду къ муравскому шляху, верхомъ, съ колчанами и луками за плечами, и вели съ собою много запасныхъ лошадей. Походъ имъ предстоялъ тремя путями: одни должны были примкнуть къ ханской ордѣ, другіе, свернувъ съ муравскаго шляха, переправиться черезъ Донецъ на Изюмской сакмѣ и, достигнувъ жилыхъ мѣстъ, опустошать срединныя украинныя земли московскія, а третьи должны были идти восточнѣе, черезъ Тихую Сосну, Потудань, къ Дону, на рязанскія земли. У нихъ было одинакое назначеніе: всѣ должны были сожигать русскія селенія, портить посѣвы, убивать людей, а лучшихъ ловить на арканъ и вести въ плѣнъ. Имъ не было положеннаго срока пребывать въ походѣ: какіе успѣютъ прежде другихъ, награбятъ, надѣлаютъ разореній, нахватаютъ плѣнниковъ и ворочаются, коли хотятъ, въ свои степи. Самъ ханъ Девлетъ-Гирей, со стодвадцатью тысячами орды, намѣревался свернуть съ муравскаго шляха влѣво, перейти Оку въ ея верховьяхъ, по указанію русскихъ измѣнниковъ, потомъ перейти Жиздру, Угру и идти къ Москвѣ съ запада, въ надеждѣ, что царь, если и спохватится, то будетъ ждать его съ юга, отъ Москвы, какъ прежде бывало. Ханъ не заботился о продовольствіи своихъ ратныхъ силъ; каждый татаринъ бралъ себѣ что хотѣлъ, а не взялъ, самъ виноватъ, хоть съ голоду умирай; только дано было приказаніе брать съ собою побольше ремней, чѣмъ вязать плѣнниковъ. За ханомъ не ѣхалъ обозъ; все везли на вьючныхъ лошадяхъ. Ханъ шелъ съ необычною быстротою, чтобы внезапно напасть на столицу; поэтому за нимъ хотя и везли шатры, но они почти никогда не разбивались; ханъ отдыхалъ подъ открытымъ небомъ, на коврѣ, разостланномъ на травѣ. Только иногда, когда надобно было подолѣе покормить лошадей, для хана жарили бараній шашлыкъ или какую-нибудь дичь; въ другое время, торопя свою орду, онъ ѣлъ только сухую вяленую конину, и показывалъ своимъ мурзамъ примѣръ воздержанія и суроваго образа жизни.

Кудеяръ, съ Лихаревымъ и Русиномъ, опередившіе хана, прибыли къ Окѣ на Злынское поле, находившееся недалеко впаденія въ Оку рѣки Ицки. Здѣсь встрѣтилъ онъ уже ожидавшихъ его Окула, Урмана и братьевъ Юдинковыхъ, а съ ними было всего на всего только десять человѣкъ.

Когда разбойники изъявили радость о встрѣчѣ съ Кудеяромъ, ханскій татъ-агасы держалъ себя уже не такъ, какъ прежде, и здоровался съ ними хоть и съ привѣтливымъ, однако, вмѣстѣ съ тѣмъ и съ гордымъ видомъ, который шелъ къ его расшитому золотомъ чекменю. Онъ важно и покровительственно объявилъ имъ отъ хана великія милости, если они благополучно переведутъ ханскую орду черезъ рѣки и тутъ же, черезъ своего секретаря, выдалъ имъ по нѣскольку золотыхъ монетъ. Окулъ съ Урманомъ хотѣли-было наперерывъ разсказывать свои приключенія, испытанныя ими послѣ погрома разбойничьяго стана, близъ озера, но Кудеяръ, какъ будто не желая даже вспоминать о прошломъ, прервалъ ихъ и съ важностью сказалъ:

— Говорите дѣло: что́ я у васъ спрошу, то мнѣ и говорите. Отчего васъ такъ мало? Гдѣ вы были въ послѣднее время?

— Мы были въ Брянскомъ лѣсу,—началъ Окулъ;—когда мы съ Урманомъ услышали, что ханъ идетъ, то стали говорить ватагѣ, что идти бы намъ Кудеяру на встрѣчу и проводить хана черезъ броды и перелазы. Ватага такъ и заорала: какъ можно, чтобы христіане бусурманамъ на христіанъ помочь давали?

— Я имъ говорю,—сказалъ Урманъ,—да вѣдь намъ, братцы, лишь бы милость была, а теперь будетъ такой случай, что другого не дождешься. А они на меня: ты самъ татаринъ, и своимъ татарамъ наровишь: видно хочешь въ прежнюю вѣру повернуться, и насъ туда же тянешь.

— Я говорилъ имъ,—сказалъ Окулъ,—вѣдь мы шли же противъ царя-мучителя съ Кудеяромъ, а теперь Кудеяръ хана на того же мучителя ведетъ и насъ проситъ съ собою, отчего-жъ намъ не идти?.. А они говорятъ: то иное дѣло было; мы тогда уповали, что вмѣсто царя-мучителя иной царь христіанскій будетъ, а теперь ханъ-бусурманъ идетъ разорять народъ. Да тутъ же стали кричать на насъ: долой ихъ съ атаманства. Насъ съ атаманства скинули; атаманами поставили Захарку Мельницу, да Матюху Курощупова. А тѣ, какъ стали на атаманство, тотчасъ сказали кругу такову рѣчь; пойдемте, братцы, прямо къ царю съ повинною, а Окулка съ Урманкомъ свяжемъ; авось

насъ государь-царь помилуетъ за то, что мы не пошли служить крымскому хану. А ватага на это какъ крикнетъ: «да, помилуетъ! какъ помиловалъ нашу братью, тѣхъ, что близъ озера сдались. Вишь ты, говорятъ, что затѣяли разсякіе, растакіе дѣти, рубить ихъ, а то они насъ выдадутъ», да тутъ же ихъ изрубили. А мы стоимъ съ Урманомъ, себѣ смерти дожидаемъ. Только нѣтъ: они насъ рубить не стали, только все ругали. «И къ царю не пойдемъ, кричатъ, и къ хану не пойдемъ, а кто скажетъ еще хоть слово про то, чтобъ намъ идти либо къ хану, либо къ царю, тому тотчасъ смерть». Такъ мы съ Урманомъ посовѣтовались, что намъ оставаться въ станѣ не мочно, да ночью и убѣжали. А вотъ эти, что съ нами пришли,—сказалъ Урманъ,—десять человѣкъ, все татары новокрещены; имъ тако-жъ не мочно было оставаться, для того, что имъ вѣры ужъ не будетъ, затѣмъ, что татары;—и они бѣжали съ нами, хотячи послужить хану и тебѣ.

— А мы,—сказалъ Жданъ Юдинковъ, цѣлуя полу одежды Кудеяра,—твои вѣчные холопы, твои дѣти вѣрные; какъ прежде съ тобой неразлучно ѣздили, такъ и теперь поѣдемъ близъ твоего стремени.

— Служите вѣрно свѣтлѣйшему хану,—сказалъ Кудеяръ,—и получите большія милости.

Онъ приказалъ угостить разбойниковъ, но самъ не садился съ ними.

— Гордъ,—замѣтилъ Окулъ,—важнымъ человѣкомъ сталъ у хана!

— Нѣтъ, онъ милостивъ!—сказалъ Василій Юдинковъ.

Прибылъ ханъ. Онъ заблагоразсудилъ разбить себѣ на Злынскомъ полѣ шатеръ и намѣревался отдохнуть одинъ день послѣ продолжительнаго безпрерывнаго пути. Кудеяръ привелъ къ нему русскихъ бѣглецовъ. Они цѣловали руки хана. Урманъ не утерпѣлъ и заплакалъ: національное чувство, задушенное въ молодости, воскресло при видѣ государя того племени, къ которому принадлежалъ Урманъ, государя, говорившаго языкомъ, слыханнымъ Урманомъ въ дѣтствѣ отъ отца и отъ матери.

— Свѣтлѣйшій ханъ,—сказалъ Урманъ,—я твой прирожденный человѣкъ; и эти люди—онъ указалъ на новокрещеновъ—все это, какъ и я, твои люди; всѣ мы прирожденные татары, насъ неволею повернули на москвитиновъ. Ты нашъ настоящій государь. Всѣ мы хотимъ тебѣ служить навѣкъ!

Новокрещены клялись въ вѣрности хану. Окулъ и Юдинковъ молчали, не понимая по-татарски.

— Я радъ,—сказалъ ханъ,—что наши пришли къ намъ. Вы—дѣти мои, я—вашъ отецъ. Московскій мучитель набралъ васъ въ мусульманскихъ царствахъ и насильно отвратилъ отъ правой нашей вѣры. Много васъ такихъ. За васъ и за нихъ иду я мстить ему, и вы за себя отомщайте. Послужите мнѣ, такъ будете у меня ближними людьми. Вотъ Кудеяръ вамъ скажетъ, какъ я умѣю благодарить и награждать услугу. Кудеяръ сдѣлалъ мнѣ добро, и теперь важный человѣкъ въ нашемъ юртѣ.

При помощи русскихъ измѣнниковъ, взявшихся быть вожами, ханъ съ ордою перешелъ Оку на Быстромъ-бродѣ, перешелъ Жиздру въ томъ мѣстѣ, гдѣ когда-то разбойники ушли отъ калужанъ, наконецъ перешелъ Угру и повернулъ къ востоку. Татары шли неутомимо, не встрѣчая нигдѣ отъ русскихъ сопротивленія; въ этомъ краѣ русской рати не было; царь, услышавъ чрезъ станичниковъ, что ногаи стали появляться въ украинныхъ земляхъ и что за ними хочетъ быть самъ ханъ, собралъ на-скоро рать; она стояла подъ Серпуховомъ, ожидая татаръ по дорогѣ къ этому городу.

Татары не брали городовъ, чтобъ не тратить времени, и мало разоряли край, оставляя это дѣло ногаямъ, а только, проходя черезъ селенія, сожигали ихъ, означая тѣмъ свою побѣду. Уже до Москвы оставалось не болѣе семидесяти верстъ. Окулъ исчезъ: его стала мучить совѣсть, что онъ служитъ бусурманину на христіанъ; онъ убѣжалъ, пробираясь лѣсами, въ Литву.

Кудеяръ призвалъ къ себѣ новокрещеновъ, передавшихся къ хану съ Урманомъ, а съ ними Урмана, и сказалъ:

— Вотъ вы почуяли, что вы не русскіе, а татары. Противно вамъ стало, что вы служили чужому государю, московскому, прирожденному заклятому ворогу всего вашего татарскаго племени. Вы увидѣли вашего истиннаго праведнаго государя татарскаго, и сердце ваше затрепетало. Сослужите же ему великую службу. Нашъ государь наградитъ васъ и вы будете у него какъ первые мурзы. Служба вамъ будетъ нелегкая, за то и милость немалая. Ступайте въ Москву: всѣ вы по-русски умѣете, и васъ признаютъ за русскихъ; теперь же всякаго народа много туда бѣжитъ. Какъ мы придемъ къ Москвѣ и увидите нашихъ людей и лошадей — зажгите Москву въ разныхъ мѣстахъ. Вотъ вамъ деньги, чтобы обойтись тамъ. Ступайте, ханъ велитъ.

Они получили деньги и уѣхали.

Потомъ призвалъ Кудеяръ Юдинковыхъ и сказалъ:

— Вы мои вѣрные, любезные дѣти. Нѣтъ у меня людей на свѣтѣ васъ милѣе, вы нарекли меня своимъ батькомъ; я вамъ поручу такое важное дѣло, котораго другимъ поручить побоюсь. Ступайте въ Москву, а какъ мы подойдемъ къ ней, зажгите ее въ двухъ мѣстахъ. Смотрите, не попадайтесь, а то мнѣ безъ васъ тяжело будетъ.

— Зачѣмъ попадаться, — сказалъ Жданъ: — на то идемъ, чтобъ дѣло сдѣлать, а не попадаться.

— Да никому, никому не говорите!—сказалъ Кудеяръ.

Орда сдѣлала къ слѣдующему дню тридцать верстъ. Кудеяръ призвалъ Лихарева и Русина.

— Братцы! — сказалъ онъ: — всѣ ваши утекли куда-то, вы одни остались. На васъ надежда вся. Хотите, или не хотите служить хану? Мы васъ не держимъ. Не хотите — уходите, какъ сдѣлали вожи наши. А хотите служить хану — учините нужное дѣло.

— Куда намъ идти!—сказалъ Русинъ: — ништо къ Ивану, чтобъ шкуру содралъ? Нѣтъ, оно больно.

— Все можемъ сдѣлать!—сказалъ Лихаревъ:—что ханъ прикажетъ? Хоть жаръ-птицу достать велитъ, такъ и ту поѣдемъ доставать.

— Не доставать жаръ-птицу, а пустить ее посылаетъ васъ ханъ,—сказалъ Кудеяръ.—Ступайте въ Москву, и какъ мы подойдемъ къ ней съ ордою, вы зажгите ее въ двухъ мѣстахъ.

— Въ двухъ?—сказалъ Лихаревъ.—Я одинъ въ десяти мѣстахъ зажгу. Всю сожжемъ до тла: коли Лихаря на то пошлютъ, такъ ужъ Москвѣ цѣлой не быть.

— А то...—промямлилъ Русинъ... Онъ цѣловалъ полу Кудеяровой одежды.

— Таково дѣло важное сдѣлаемъ, — продолжалъ онъ:—твоя милость не оставь насъ, чтобъ свѣтлѣйшій ханъ пожаловалъ намъ помѣстьишко у себя, въ Крыму.

— Дѣлайте ваше дѣло,—сказалъ Кудеяръ:—а нагорода вамъ будетъ.

— Что нагорода?—сказалъ Лихаревъ:—Лихарь ради одной славы чортъ знаетъ чего надѣлаетъ.

— Вотъ вамъ деньги,—сказалъ Кудеяръ:—да никому о семъ не говорите. Можетъ быть вожи наши въ Москву ушли измѣною, такъ коли встрѣтитесь, не говорите съ ними и сторонитесь отъ нихъ.

— Я себѣ начерню бороду,—сказалъ Русинъ.

— Я желтой глиной намажу,—сказалъ Лихаревъ:—да еще горбъ на спинѣ примощу.

— А я себѣ еще и рожу напятнаю,—сказалъ Русинъ.

Они уѣхали. Кудеяръ, узнавши, что татары наловили русскихъ плѣнныхъ съ женами и дѣтьми, призвалъ четырехъ такихъ плѣнниковъ и сказалъ:

— Чтó вамъ дороже: жены и дѣти ваши, или Москва?

— Вѣстимо, свои дороже!—отвѣчали ему.

— Идите въ Москву и зажгите ее въ четырехъ мѣстахъ, когда мы подступимъ къ столицѣ. Вамъ за то будетъ нагорода великая. А не захотите того исполнить, велю казнить женъ и дѣтей вашихъ лютыми муками.

Плѣнники поневолѣ согласились.

Потомъ Кудеяръ призвалъ еще троихъ и говорилъ имъ то же, чтó и первымъ; потомъ призвалъ еще троихъ и говорилъ то же, чтó вторымъ. Всѣ согласились, но не всѣ рѣшились исполнить такое приказаніе. Кудеяръ поступалъ такимъ образомъ для того, что если бы кто-нибудь открылъ замыселъ, или попался русскимъ по неосторожности, то, не зная всѣхъ соучастниковъ, не могъ бы показать на нихъ.

Сдѣлали еще двадцать верстъ, и остановились. Вечерѣло. Кудеяру привели четырехъ схваченныхъ татарами ратныхъ московскихъ людей.

— Кто вы? Опричные или земскіе?—допрашивалъ ихъ Кудеяръ.

— Мы земскіе,—отвѣчалъ одинъ изъ плѣнныхъ.

— Куда вы пробирались?

— Насъ послали провѣдать, гдѣ татары и скоро ли прибудутъ.

— Гдѣ царь?

— Убѣжалъ.

— Куда?

— Не знаемъ. Насъ собрали подъ Серпуховъ. Царь былъ съ опричниной. Ждали хана къ Серпухову и послали за Оку провѣдывать вѣстей, а посланные, пріѣхавъ, сказали, что не видали и не знаютъ, гдѣ ханъ. А тутъ пришла вѣсть, что ханъ перешелъ Оку у верховьевъ, а потомъ уже перешелъ и Угру и идетъ къ Москвѣ. Тогда царь съ опричниною ночью убѣжалъ, покиня всю земскую рать.

— Хорошъ царь вашъ,—сказалъ Кудеяръ:—онъ, видно, отваженъ только надъ своими дураками, которые какъ овцы или

свиньи подставляютъ ему свои морды подъ ножъ. А кто у васъ воеводы?

— Князь Бѣльскій старшой, а подъ нимъ князь Мстиславскій, а у нихъ князь Воротынскій, да Шуйскій Иванъ Петровичъ, да съ ними бояре.

— Какой это Воротынскій, Михайло? — спросилъ Кудеяръ.

— Да.

— Это хоробрый человѣкъ. Онъ хотѣлъ когда-то съ нами, крымцами, биться, Крымъ нашъ думалъ завоевать. Что же ваши воеводы хотятъ чинить?

— У нихъ разладъ. Воротынскій и Шуйскій хотѣли идти прямо на васъ и учинить бой, а Бѣльскій и Мстиславскій не захотѣли, стали говорить, что надобно идти въ Москву и въ Москвѣ борониться. Сегодня они пришли всѣ въ Москву.

— А ратной силы много у нихъ.

— Было у насъ тысячъ болѣ ста, только чай половина разошлась послѣ того, какъ царь ушелъ съ опричными.

— Одного оставить, а прочимъ порубить головы!—закричалъ Кудеяръ татарамъ.

— Да за что же? Помилуй! подари животомъ! ради Христа помилуй!—кричали плѣнные.

— Что съ вами возиться?—сказалъ Кудеяръ:—порубить имъ головы! — повторилъ онъ татарамъ, а самъ отправился къ хану.

— Свѣтлѣйшій ханъ! Намъ,—сказалъ онъ,—идти бы скорѣе къ Москвѣ; языки сказали, что воеводы съ своею ратью придутъ сегодня въ городъ, хотятъ отсиживаться, такъ намъ не допустить ихъ установиться и къ утру бы поспѣть къ Москвѣ. А я послалъ впередъ, чтобъ Москву зажгли, какъ мы придемъ.

— Пусть такъ будетъ!—сказалъ ханъ.—Благодарю, мой татъагасы.

При всѣхъ свойствахъ, присущихъ предводителю хищническаго полчища, Девлетъ-Гирей имѣлъ въ себѣ что́-то рыцарское; въ его душѣ, склонной къ поэтическому созерцанію, было уваженіе къ благородному и честному, несмотря на то, что его собственные поступки шли часто въ разрѣзъ съ этимъ уваженіемъ. Девлетъ-Гирею въ первое его знакомство съ Кудеяромъ понравилось то, что Кудеяръ не прельстился выгодами и обѣщаніями, остался вѣренъ христіанской вѣрѣ и русскому царю. Тогда Девлетъ-Гирей всѣмъ сердцемъ полюбилъ Кудеяра. Но теперь, когда Кудеяръ, принявши исламъ, лѣзъ, какъ говорится, изъ кожи, чтобы казаться татариномъ, и старался услуживать хану на зло русскому

народу, ханъ, хотя цѣнилъ услуги своего татъ-агасы, хоть благодарилъ его и хвалилъ, но уже не питалъ къ нему прежней сердечной привязанности.

Кудеяръ сталъ разспрашивать оставленнаго въ живыхъ плѣнника о Москвѣ: откуда можно лучше глядѣть на нее, и узнавши, что паче другихъ мѣстъ пригодны къ тому Воробьевы-горы, велѣлъ ему вести хана съ мурзами и тѣлохранителями на эти горы, обѣщая за то плѣнника отпустить на волю. Вожъ этотъ, москвичъ, сынъ боярскій Орловъ, поневолѣ исполнилъ приказаніе. Утромъ на слѣдующій день, 24-го мая, орда явилась у Москвы и растянулась кругомъ Замоскворѣчья и до самаго Коломенскаго села, а самъ ханъ съ мурзами и съ Кудеяромъ взъѣхалъ на Воробьевы-горы. Кудеяръ отпустилъ Орлова, приказавши татарамъ не трогать его.

Ханъ помѣстился въ царскомъ дворцѣ, томъ дворцѣ, изъ котораго нѣкогда царь Иванъ глядѣлъ на московскій пожаръ, гдѣ, устрашенный народнымъ возмущеніемъ, отдался въ волю попа Сильвестра. Съ переходовъ этого самаго дворца крымскій ханъ готовился смотрѣть на другой пожаръ Москвы. Его мурзамъ стали разбивать шатры. И Кудеяру разбили шатеръ на самомъ спускѣ съ горы и внесли въ шатеръ его вещи.

VI.

Искушеніе добра.

Вся Москва была какъ на ладони, на небѣ не было ни облачка; весеннее солнце обливало свѣтомъ возносившіяся надъ темносѣрою массою домовыхъ крышъ стѣны церквей, окрашенныя бѣлымъ, краснымъ, зеленымъ, синимъ цвѣтами; лучи его играли на золотыхъ куполахъ и крестахъ; сверкала блестящею серебряною лентою Москва-рѣка, за нею, къ востоку, ярко зеленѣли широкіе луга, усѣянные подгородными селеніями и дворами, вдали темная зелень лѣсовъ. Пѣли пташки; безучастная къ человѣческой злобѣ, природа совершала свой обычный праздникъ весны. Съ вершины горы можно было думать, что для этого праздника сошлась и масса народа, волновавшаяся тогда по московскимъ улицамъ.

Кудеяръ смотрѣлъ на этотъ роскошный видъ, который долженъ былъ, можетъ быть, черезъ часъ замѣниться ужаснымъ видомъ разрушенія. Кудеяръ спѣшилъ сюда съ злобнымъ ожиданіемъ насладиться гибелью столицы, а теперь, мимо его воли, въ сердце ему стало подступать то ощущеніе жалости, которое онъ такъ подавилъ въ себѣ, когда несчастная украинка въ Крыму напомнила ему навсегда потерянную любимую женщину. Кудеяру становилось жаль Москвы. Кудеяръ стыдился этого чувства и всею силою своей воли старался подавить его, а оно, съ своей стороны, какъ будто напрягало всѣ усилія, чтобъ овладѣть имъ. Въ воображеніи Кудеяра неотвязчиво носился образъ Насти. Онъ поглядѣлъ внизъ, и увидѣлъ крымскій дворъ: онъ вспомнилъ, какъ тамъ онъ нашелъ свою погибшую Настю; онъ глянулъ на далекій Даниловъ монастырь и узналъ тотъ лѣсъ, гдѣ Настя съ такою покорностью пожертвовала ему своимъ ребенкомъ. Настя какъ будто теперь говорила ему: «Юрій! за что ты убилъ ребенка? Тебѣ ненавистно было татарское отродье, а теперь ты привелъ татаръ истреблять народъ христіанскій! Ты не далъ мнѣ окрестить ребенка, а теперь самъ отрекся отъ Христа!»

Кудеяръ прогонялъ отъ себя этотъ неотвязчивый образъ, хотѣлъ тѣшить себя надеждою скоро увидѣть пламя столицы, а Настя все-таки внѣдрялась въ его воображеніе и говорила ему: «Юрій! меня убилъ мучитель, а ты мстишь невиннымъ москвитинамъ; мучитель разлучилъ меня съ тобою на этомъ свѣтѣ, а

ты добровольно разлучился со мною и для того свѣта; я осталась вѣрна Христу, а ты отвернулся отъ Него!.. Юрій! Юрій! намъ теперь вѣчная разлука? Ты самъ не захотѣлъ быть со мною!»

Могучая воля боролась съ этимъ искушеніемъ добра, и никакъ не могла побороть его; оно принимало на себя неотразимый образъ любимаго нѣкогда существа и врывалось въ сердце, въ мозгъ Кудеяра. Кудеяръ призывалъ на помощь свою злобу, насилуя себя, притворялся самъ предъ собою, что желаетъ крови, разрушенія, пожаровъ, стоновъ, страданія, нищеты,—а ему было жаль Москвы, жаль безчисленнаго множества народа, осужденнаго на гибель подъ ея развалинами. Вдругъ по всѣмъ московскимъ церквамъ раздался благовѣстъ; былъ праздникъ Вознесенія. Толпы народа валили въ церкви, но не въ праздничныхъ нарядахъ шли они, въ духовномъ веселіи славить торжество Спасителя; они шли готовиться къ смерти и принимать смерть въ церковныхъ стѣнахъ отъ огня и дыма. Звонъ сталъ рѣзать, пилить, печь Кудеяру сердце. Опять предстала предъ его воображеніе Настя и говорила ему: «помнишь ли, Юрій, какъ бывало ты услышишь этотъ звонъ, снимешь шапку и перекрестишься. А теперь — ты не смѣешь снять своей шапки и перекреститься! Помнишь ли, какъ, съ православнымъ народомъ стоя въ храмѣ, только услышишь, что читаютъ о побѣдѣ и одолѣніи, тотчасъ кладешь большіе поклоны и просишь у Бога, чтобъ крестъ святой одолѣлъ бусурманство, а теперь ты слушаешь звонъ, да уже не входишь въ церковь и дожидаешься гибели христіанамъ отъ бусурманъ, которыхъ ты навелъ на нихъ!»

«Прочь, прочь!» твердилъ самъ себѣ Кудеяръ. «Прочь Настю! Къ чорту жалость! Прочь христіанство! Я мусульманинъ, я не вѣрю въ Христа, я не хочу знать Его. Мнѣ нужно христіанской крови! Пожара! дыма смерти!»

Но все было напрасно. Голосъ Насти раздавался въ его душѣ: «Юрій! Юрій! не упрямься. Богъ милосердъ даже и для такихъ грѣшниковъ, какъ ты: надѣнь свой крестъ, бѣги въ Москву! погибни тамъ вмѣстѣ съ православнымъ народомъ. Богъ проститъ тебя!»

А Кудеяръ все-таки не поддавался этому голосу, Кудеяръ все-таки хотѣлъ искать зла, гибели христіанству—мало того: гибели людей какихъ бы то ни было.

Воздухъ сталъ колебаться. Тишина нарушилась, подымался вѣтеръ, природа готовилась помогать злобѣ Кудеяра. А голосъ Насти продолжалъ звать его душу, тянуть ее за собою. «Скорѣе! скорѣе! торопись. Поздно будетъ, видишь какой вѣтеръ: вспыхнетъ Москва—не пройдешь; жалѣть будешь, не воротишь. Юрій!

Юрій! Спѣши ко мнѣ, спѣши! Если ты любишь Настю—иди къ Настѣ. Она недалеко, ты пройдешь къ ней черезъ огонь, который истребитъ православную столицу, дойдешь до нея, если добровольно погибнешь вмѣстѣ съ православными людьми...»

Кудеяръ отбивался; ему давило грудь, сжимало горло; онъ трясся всѣмъ тѣломъ; его ноги, мимо его воли, тащили его съ мѣста. Кудеяръ упирался.

Въ минуты этого внутренняго боренія, происходившаго въ душѣ Кудеяра, прибѣгаютъ татары и ведутъ старика, лысаго, съ сѣдою бородою, одѣтаго въ черную одежду на подобіе рубахи, босоногаго, съ огромною палкою. Это былъ тотъ самый юродивый, который, во время пріѣзда Кудеяра съ Вишневецкимъ въ Москву, напрасно хотѣлъ разсказами о видѣніяхъ побудить царя Ивана Васильевича на войну съ Крымомъ.

— Татъ-агасы!—кричали татары,—вотъ этотъ московскій старикъ пришелъ сюда и зоветъ твое имя... Онъ чего-то хочетъ.

— Кто ты,—спросилъ Кудеяръ.

— Нужно поговорить съ тобой однимъ.

— Говори,—сказалъ Кудеяръ,—татары по-русски не знаютъ.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ старикъ, — вели отойти имъ прочь. Я пришелъ тебѣ сказать, кто ты таковъ?

— Я и безъ тебя знаю, дуракъ!—сказалъ Кудеяръ.—Я ханскій бояринъ, и съ тобою, мужикомъ, что́ мнѣ говорить; вотъ я велю тебѣ голову снять за то, что ты пришелъ ко мнѣ безъ дѣла.

Кудеяру воображалось, что этотъ старикъ пришелъ укорять его.

— Сними съ меня голову,—сказалъ старикъ,—только прежде меня выслушай, а то будешь жалѣть, да не воротишь. Одинъ я знаю, чей ты сынъ, какого ты рода, другой никто того невѣсть. Я пришелъ для того только, чтобъ тебѣ сказать.

Кудеяръ далъ знакъ—татары удалились.

— Цѣлъ ли у̂ тебя золотой крестъ, что̂ тебѣ дала невѣдомая тебѣ родительница?—спрашивалъ юродивый.

— Я отрекся отъ христіанства! Я познал правду!—сказалъ Кудеяръ, пересиливая въ себѣ внутренній голосъ, говорившій ему иное.

— Это твое дѣло!—сказалъ юродивый:—я не обращать тебя пришелъ. Цѣлъ ли твой крестъ? Если цѣлъ, покажи его мнѣ, и я назову тебѣ твоего отца и твою мать.

Кудеяръ пошелъ въ свой шатеръ и вынулъ крестъ изъ маленькой шкатулки, сохраняемой въ одномъ изъ мѣшковъ. Кудеяръ подалъ крестъ юродивому молча.

Юродивый пристально посмотрѣлъ на обѣ стороны креста и сказалъ: «Слушай! Отецъ царя Ивана, великій князь московскій

Василій Ивановичъ, по бѣсовскому искушенію, восхотѣлъ отвергнуть свою законную жену и понять другую, литвинку Елену Глинскую. У великаго князя былъ любимый бояринъ Шигона, и тотъ бояринъ, чѣмъ бы государя своего отъ такого беззаконія отговаривать, забывши заповѣдь божію, человѣкоугодивъ сый, сталъ ему совѣтовать учинить по своей похоти, будто бы того ради, что у великой княгини не было дѣтей. Тогда великій князь Василій повелѣлъ свою жену, великую княгиню Соломонію, постричь насильно въ черницы и приказалъ то дѣло боярину Шигонѣ. Великая княгиня постригаться не хотѣла, и Шигона билъ ее, заставляючи постричься. И князь великій женился на другой женѣ отъ живой жены. А послѣ того великая княгиня Соломонія обрѣтеся во чревѣ имущи; а бояринъ Шигона, узнавъ о томъ, великаго князя не доложилъ, а сказалъ про то новой великой княгинѣ Еленѣ и ея роднѣ, Глинскимъ; а какъ великая княгиня Соломонія родила сына, то великая княгиня Елена велѣла Шигонѣ того младенца извести, а Шигона младенца не убилъ: онъ отдалъ его одному сыну боярскому въ рязанской землѣ, не сказавши чей такой младенецъ, и оставилъ на младенцѣ благословенный крестъ, что́ дала ему мать по крещеніи. По нѣколихъ лѣтѣхъ, великая княгиня Елена родила сына Ивана, нынѣшняго царя, а въ тѣ поры, какъ онъ родился, по всей русской землѣ былъ громъ и буря, какой не помнили старые люди, и тогда говорили русскіе люди: божія де кара на свѣтъ родилась, еже и бысть. Потомъ вскорѣ умре великій князь Василій, и пріятъ правленіе московскаго государства, вмѣсто малаго зѣло сына, жена его Елена, и та живяше блудно и къ пролитію крови склонна бысть. Тогда бояринъ Шигона пріиде въ чувствіе и позна свое беззаконіе, хотѣлъ онъ добыть царевича, Соломоніина сына, и объявить народу, но узналъ, что татары, набѣжавъ на рязанскую землю, извели того сына боярскаго, и младенца съ нимъ не стало».

— А какъ звали того младенца?—спросилъ Кудеяръ.

— Моя рѣчь впереди!—сказалъ юродивый:—ты слушай. Бояринъ Шигона раскаялся зѣло и самъ себе осуди на покаяніе: постричься онъ не хотѣлъ, понеже по дѣломъ своимъ гнюснымъ недостоинъ себе мняше равноангельскаго иноческаго чина, но и волею похабъ сотворися, сирѣчь юродъ сталъ вящшаго ради уничиженія, и ходилъ онъ, странствуя изъ града въ градъ, изъ веси въ весь, никимъ знаемъ, а потомъ пришелъ въ Москву, и тамъ увѣдалъ, что Соломоніинъ сынъ живъ, только Шигона не объявилъ о томъ никому.

— Зачѣмъ не объявилъ?—спросилъ тревожно Кудеяръ.

— Затѣмъ, — сказалъ юродивый, — узналъ, что царь Иванъ, долго упрямясь, хотѣлъ, наконецъ, послѣдовать словамъ мудрыхъ совѣтниковъ и сталъ было собирать рать, чтобъ разорить темное царство крымское; того ради Шигона не хотѣлъ ввергать котору и раздоръ въ христіанство, понеже въ такую пору, великаго ради дѣла, благопотребно быть согласію и единомыслію между христіаны; да и затѣмъ Шигона не объявилъ, что боялся, какъ бы царь Иванъ, увѣдавши про Соломоніина сына, не вздумалъ бы извести его, боячись, чтобъ онъ, яко первородный, не отнялъ у него престола.

— Что сталось съ тѣмъ княжичемъ?—спросилъ Кудеяръ.

— Про то,—сказалъ старикъ,—ты знаешь лучше меня: бояринъ Шигона—я; а ты—князь Юрій Васильевичъ!

Въ это время въ Москвѣ вспыхнулъ пожаръ: разомъ въ пятнадцати мѣстахъ потянулись кверху столбы дыма, и набатный звонъ, замѣнившій торжественный благовѣстъ, раздался въ ушахъ Кудеяра, какъ звукъ трубы послѣдняго суда.

— Это твое дѣло, князь Юрій Васильевичъ?—спросилъ Шигона, указывая на Москву, внезапно покрывшуюся густою тучею дыма.

— Мое!—произнесъ Кудеяръ, затрясшись всѣмъ тѣломъ.

— Проклятъ же ты отъ Бога и отъ людей, князь Юрій Васильевичъ!—сказалъ Шигона.—Томиться тебѣ неизреченнымъ мученіемъ столько лѣтъ, сколько нынѣ погибнетъ людей, православнаго народа въ Москвѣ!

Шигона удалился; Кудеяръ стоялъ какъ вкопанный, глаза его безсмысленно глядѣли на пожаръ. Необычайная тѣлесная сила Кудеяра не могла устоять противъ необычайной душевной бури. Нѣтъ той силы, которая бы могла устоять въ борьбѣ съ добромъ, потому что добро есть самъ Богъ: или покорись ему, или—страшно впасть въ руки Бога живого! Кудеяръ упалъ навзничь бездыханенъ.

Москва горѣла съ поразительной быстротою; солнце, сквозь покрывало дыма, лило зловѣщій бурый свѣтъ, какъ чрезъ закопченое стекло. Вѣтеръ усиливался, колыхая волнами пламени и унося во всѣ стороны снопы искръ; испуганныя стаи голубей, ласточекъ, галокъ сновали по воздуху, не находя себѣ пристанища. Ханъ Девлетъ-Гирей, стоя съ мурзами на переходахъ дворца, любовался этимъ зрѣлищемъ, пришелъ въ поэтическій восторгъ и сыпалъ изреченія изъ корана, приправляя ихъ выраженіями собственнаго вдохновенія.

— О, пророкъ! какъ истинны слова твои! О, пророкъ! какой безумецъ, смотря на сіе, дерзнетъ усомниться въ томъ, что ты вѣщалъ не отъ Бога. Вотъ жребій отвергающихъ откровеніе Му-

гаммеда и отверженныхъ за то Богомъ! Вотъ день трудный для враговъ нашихъ, сыновъ ада и гибели! Чтó, невѣрный царь Иванъ! Ты уповалъ на свои богатства, гордился своими сокровищами, помогли ли они тебѣ? О, безумный! ты не вѣдаешь того, чтó написано въ коранѣ: горе собирающему сокровища, и думающему что они вѣчны. Все богатство человѣческое прахъ и суета предъ добродѣтелью. Не уподобились ли сокровища твои легкокрылымъ бабочкамъ, улетающимъ отъ алчныхъ дѣтей? Гдѣ же ты, невѣрный безумецъ, царь Иванъ. Куда же ты убѣжалъ? Носишь изображеніе орла, а самъ уподобился пугливому зайцу. Приди къ намъ, стань рядомъ съ нами, посмотри вмѣстѣ съ нами на свою столицу, восплачь о погибели множества своихъ великородныхъ бояръ и подлыхъ рабовъ. Ты восплачешь при насъ, а мы возрадуемся при тебѣ! Клянусь быстротою конскихъ ногъ, извлекающихъ огонь изъ камня во время погони за невѣрными, они не устоятъ противъ насъ. Мугаммедъ великъ и правдивъ! Мы пришли въ страну невѣрныхъ, чтобы съузить ихъ предѣлы, да сбудется сіе слово корана. День суда постигъ враговъ нашихъ. Слои огня подъ ногами ихъ, слои огня надъ ихъ головою. Тѣнь чернаго дыма станетъ имъ мракомъ Эблиса: она не защититъ ихъ отъ столпообразнаго пламени, предвѣстника вѣчнаго огня Альготаны, ожидающаго по смерти души ихъ! Эльгавія, мѣсто скорби и мученій—удѣлъ ихъ. Они взываютъ: Господи! отврати отъ насъ огонь и дымъ, а Богъ посылаетъ вѣтеръ, чтобъ умножать огонь и поразить гибелью наибольшее число ихъ. О, Господи, удвой, удесятери ихъ мученія смерти. Пошли на нихъ дождь кирпичей. Да будетъ огонь выкроенною для нихъ одеждою, пусть они просятъ орошенія, а ангелъ смерти подастъ имъ кипящей воды. Пусть въ бѣшенствѣ кусаютъ себѣ руки, пусть грызутъ дерево смерти, и оно станетъ во внутренности ихъ какъ растопленный металлъ. Смотрите, смотрите правовѣрные! Небо стало какъ расплавленная мѣдь, а горы будто покрыты клочками красной шерсти, какъ сказано въ коранѣ. Восхвалите Бога и пророка его, правовѣрные. Наполнитесь духомъ благочестія и отваги. Разите, истребляйте враговъ, не оказывайте имъ никакого милосердія, ибо то не угодно Богу. Убивайте ихъ, проливайте кровь ихъ и связывайте крѣпко путами плѣнниковъ, какъ сказано въ коранѣ. Чрезъ то, паче всякихъ добрыхъ дѣлъ, мы получаемъ отъ Бога себѣ прощенія и рай, гдѣ въ садахъ эдемскихъ будемъ ѣсть плоды и мясо и возляжемъ на богато-убранныхъ ложахъ съ черноокими дѣвами!

Москва-рѣка стала выступать изъ береговъ своихъ, запру-

женная тѣлами тѣхъ, которые, убѣгая отъ огня, въ безпамятствѣ бросались въ воду.

— А гдѣ мой татъ-агасы? — сказалъ ханъ. — Позовите его сюда ко мнѣ, пусть порадуется вмѣстѣ съ нами погибели своихъ прежнихъ соотечественниковъ, которую онъ паче всѣхъ насъ такъ хитро устроилъ.

Девлетъ-Гирею принесли извѣстіе, что его татъ-агасы постигла неожиданная и внезапная смерть: приходилъ къ нему какой-то старикъ изъ Москвы, говорилъ съ нимъ чтó-то по-русски; видѣли издали, что татъ-агасы далъ ему въ руки чтó-то, и опять съ нимъ говорилъ, потомъ старикъ ушелъ, а татъ-агасы упалъ и умеръ.

Девлетъ-Гирей поднялъ кверху указательный палецъ правой руки, держа голову, повернувши влѣво, потомъ сказалъ:

— Подайте мнѣ коранъ. — И когда подали хану коранъ, онъ сѣлъ, углубился въ него, перелистывалъ его, какъ-бы ища въ немъ объясненія странной кончины Кудеяра; наконецъ, положилъ коранъ и ничего не сказалъ, не найдя, какъ видно, въ коранѣ подходящаго отвѣта на возникшій въ его головѣ вопросъ.

Проходили годы, десятилѣтія, столѣтія. Москва, отстроившись послѣ сожженія, причиненнаго ей злобою Кудеяра, не разъ послѣ того испытывала и пожары, и нашествія иноземцевъ. Тяжело приходилось и всей московской Руси: сильно терзали и опустошали ее литовскіе и русскіе воры во время лихолѣтья; потрясали ее скопища Стеньки Разина, Булавскаго, Некрасова, Пугачева и иныхъ; много бродило по ея лѣсамъ и дорогамъ удалыхъ, оставляя по себѣ память въ народныхъ пѣсняхъ, а имя Кудеяра не истребилось изъ народной памяти. Во всей нынѣшней средней Россіи, въ украинныхъ городахъ стараго времени, въ прежней землѣ Сѣверской, на берегахъ Оки, Жиздры, Угры, Упы, Дона, Мечи, Быстрой Сосны и въ древней рязанской землѣ — вездѣ извѣстно имя Кудеяра. Знаютъ про него и на берегахъ Волги, въ саратовскомъ, симбирскомъ, въ самарскомъ краѣ. Гдѣ только есть оврагъ съ слѣдами землянокъ какого-то неизвѣстнаго обиталища—тамъ, говорятъ, жилъ Кудеяръ-разбойникъ... Гдѣ дикая заросль, гдѣ жилище волковъ, человѣку становится поневолѣ жутко, гдѣ человѣка, какъ-будто кто-то сзади хватаетъ — тамъ Кудеяръ. Этотъ Кудеяръ чтó-то бродячее, страшное и тайное, ни живое, ни мертвое, чтó-то такое, чего и объяснить нельзя. Дѣтей пугаютъ именемъ Кудеяра; бѣгаютъ дѣти въ лѣсъ, а отцы говорятъ имъ: не бѣгайте туда, ребята, тамъ Кудеяръ-разбойникъ ходитъ... тамъ страшно!

Н. Костомаровъ.

В. Г. БѢЛИНСКІЙ

Опытъ біографіи.

Окончаніе.

X *).

Послѣдняя болѣзнь и смерть Бѣлинскаго (май, 1848).

1848-й годъ начинался для Бѣлинскаго неблагополучно, и по личному его состоянію, и по тому, что̀ готовилось и потомъ совершалось въ общественныхъ дѣлахъ и литературѣ. Около новаго года онъ опять заболѣлъ — гриппомъ, какъ ему говорили: его мучилъ страшный кашель, истощавшій его силы; грудь его была здорова, какъ ему казалось. Чахотка видимо подкапывала его.—Внѣшнія обстоятельства, какъ увидимъ, были совсѣмъ не успокоительнаго свойства...

По разсказу Панаева, Бѣлинскій въ первое время по возвращеніи изъ-за границы дѣйствительно казался гораздо бодрѣе и свѣжѣе и возбудилъ-было въ друзьяхъ надежду, что здоровье его поправится. Онъ поселился на новой квартирѣ, на Лиговкѣ, въ домѣ Галченкова (недалеко отъ нынѣшней станціи московской желѣзной дороги).

«Квартира эта,—говоритъ Панаевъ,—довольно просторная и удобная, на обширномъ дворѣ этого дома, во второмъ этажѣ деревяннаго флигеля, передъ которымъ росло нѣсколько деревьевъ,

---

*) См. выше: 1874, мартъ, 205; апр., 602; іюнь, 573; окт., 469; ноябрь, 68; дек., 491; 1875, февр., 591; апр., 540; май, 120 стр.

производила какое-то грустное впечатлѣніе. Деревья у самыхъ оконъ придавали мрачность комнатамъ, заслоняя свѣтъ...

«Наступила глухая осень, съ безразсвѣтными петербургскими днями, съ мокрымъ снѣгомъ..., съ сыростью, проникающею до костей. Вмѣстѣ съ этимъ у Бѣлинскаго возобновилось снова удушье, еще въ болѣе сильной степени сравнительно съ прежнимъ; кашель начиналъ опять страшно мучить его днемъ и ночью, отчего кровь безпрестанно приливала у него къ головѣ. По вечерамъ чаще и чаще обнаруживалось лихорадочное состояніе, жаръ... Силы его гаснули замѣтно съ каждымъ днемъ [1])».

Онъ однако все еще работалъ. Для первой книжки «Современника» приготовилъ онъ статью «Взглядъ на русскую литературу 1847 года» (первая половина) и нѣсколько рецензій [2]). Во второй книгѣ помѣщено только нѣсколько короткихъ рецензій [3]). Для третьей книги онъ далъ вторую статью о литературѣ 1847 года [4]),—гдѣ между прочимъ остановился на новыхъ повѣствователяхъ, которые были въ тоже время его любимцами,—какъ Искандеръ, Гончаровъ, Тургеневъ, Даль, Григоровичъ, Дружининъ. Въ четвертой книгѣ помѣстилъ онъ двѣ небольшія рецензіи [5]).

Этимъ кончилась его литературная дѣятельность.

Мы видѣли изъ его собственныхъ словъ, какое значеніе имѣла для него работа: это было—право на жизнь; понятно, что онъ хотѣлъ работать до послѣдней возможности. Наконецъ, онъ былъ не въ состояніи писать; послѣднія статьи были имъ диктованы...

Также подъ диктовку писано письмо къ П. В. А—ву отъ 15-го февраля — послѣднее, какое мы знаемъ изъ переписки Бѣлинскаго.

„Дражайшій П. В., случайно узналъ я, что вашъ отъѣздъ изъ Парижа въ февралѣ отложился еще на два мѣсяца; но это еще не заставило бы меня приняться за перо чужою рукою [6]), еслибъ не представился случай пустить это письмо помимо русской почты. Я, батюшка, боленъ уже шестую недѣлю — привязался ко мнѣ проклятый гриппъ; мучитъ сухой и нервическій кашель, по поверхности тѣла пробѣгаетъ ознобъ, а голова и лицо въ огнѣ; истощеніе силъ страшное—еле двигаюсь по комнатѣ; 2-й № „Современника" вышелъ

[1]) „Совр." 1860, кн. 1, стр. 373.
[2]) Сочин. XI, 315—369; 437—462.
[3]) Тамъ же, стр. 463—476.
[4]) Тамъ же, стр. 370—436.
[5]) Тамъ же, стр. 476—486.
[6]) Онъ диктовалъ женѣ.

безъ моей статьи [1]), теперь диктую ее черезъ силу для 3-го; вытерпѣлъ двѣ мушки, а сколько переѣлъ разныхъ аптечныхъ гадостей—страшно сказать, а все толку нѣтъ до сихъ поръ; вотъ уже недѣли двѣ какъ не ѣлъ ничего мясного, а ко всему другому потерялъ всякій аппетитъ. Къ довершенію всего, выѣзжаю пользоваться воздухомъ въ намордникѣ, который выдумалъ на мое горе какой-то чортъ англичанинъ, чтобъ ему подавиться кускомъ ростбифу. Это для того, чтобъ на холодѣ дышать теплымъ воздухомъ черезъ машинку, сдѣланную изъ золотой проволоки, а стóитъ эта вещь 25 сер. Человѣкъ богатый, я—изволите видѣть—и дышу черезъ золото, и только по прежнему въ карманахъ не нахожу его. Легкія же мои, по увѣренію доктора, да и по моему собственному чувству, въ лучшемъ состояніи, нежели какъ были назадъ тому три года (?). На счетъ гриппа Тильманъ утѣшаетъ меня тѣмъ, что теперь въ Петербургѣ тяжелое время для всѣхъ слабогрудыхъ, и что (я) еще не изъ самыхъ страждущихъ, но это меня мало утѣшаетъ“...

Далѣе, идетъ рѣчь о нѣкоторыхъ личныхъ вопросахъ его корреспондента, а затѣмъ о литературныхъ новостяхъ—о Тургеневѣ, Дружининѣ, Достоевскомъ. Въ то время появлялись въ «Современникѣ» новые эпизоды изъ «Записокъ Охотника». Любопытно, что Бѣлинскій относился къ нимъ очень требовательно: быть можетъ, въ немъ еще оставался слѣдъ того охлажденія, которое наступило у него послѣ перваго восхищенія стихотворными разсказами или поэмами г. Тургенева, быть можетъ (и это вѣроятнѣе) и то, что требовательность возбуждалась самой серьёзностью задачи, которую теперь бралъ на себя авторъ, и Бѣлинскій, очень цѣнившій эту задачу—реальное изображеніе цѣлой области нашей жизни, области помѣщичьей и крѣпостной,—тѣмъ ревнивѣе слѣдилъ за ея выполненіемъ. Дружининымъ онъ продолжаетъ восхищаться. Къ Достоевскому замѣчательно охладѣлъ.

Приводимъ нѣсколько отрывковъ изъ этихъ послѣднихъ дружескихъ бесѣдъ о литературѣ:

„Съ чего вы это, батюшка, такъ превознесли *Лебедянь* Тургенева? Это одинъ изъ самыхъ обыкновенныхъ разсказовъ его, а послѣ вашихъ похвалъ онъ мнѣ показался даже довольно слабымъ. Цензура не вымарала изъ него ни единаго слова, потому что рѣшительно нечего вычеркивать. *Малиновая вода* мнѣ не очень понравилась, потому что я рѣшительно не понялъ Степушки. Въ уѣздномъ лекарѣ я не понялъ ни единаго слова, и потому ничего не скажу о немъ; а вотъ моя жена такъ въ восторгѣ отъ него—бабье дѣло!... Во всѣхъ остальныхъ разсказахъ много хорошаго, мѣстами даже очень хорошаго, но

[1]) Бѣлинскій готовилъ для него продолженіе большой критической статьи, которая начата была въ 1-й книгѣ.

вообще они мнѣ показались слабѣе прежнихъ [1]). Больше другихъ мнѣ понравились *Бирюкъ* и *Смерть*. Богатая вещь—фигура Татьяны Борисовны, недурна старая дѣвица; но племянникъ мнѣ крайне не понравился, какъ списокъ съ Андрюши и Кирюши, на нихъ непохожій"...

Бѣлинскому не нравится также звукоподражательное измѣненіе словъ (въ разговорѣ дѣйствующихъ лицъ) и слишкомъ частое употребленіе словъ мѣстнаго орловскаго языка. Послѣднее замѣчаніе нѣсколько странно: во-первыхъ, этого мѣстнаго языка въ разсказахъ г. Тургенева не такъ много, чтобъ они бросались въ глаза, и едва ли больше, чѣмъ сколько былъ авторъ въ правѣ ввести ихъ для «мѣстнаго колорита»; во-вторыхъ, Бѣлинскому казались неумѣстными даже такія, весьма извѣстныя, слова, какъ «зеленя́». Недовольный отзывъ Бѣлинскаго остается объяснить тѣмъ, что въ то время народный и мѣстный языкъ несравненно меньше, чѣмъ теперь, проникалъ въ литературныя произведенія, хотя и въ то время этотъ языкъ уже сильно пробивался въ литературу, напр., у Даля, который вообще Бѣлинскому очень нравился; мы теперь такъ освоились съ народнымъ языкомъ—особенно, въ новѣйшей натуральной школѣ—Успенскихъ, Рѣшетникова, Слѣпцова и проч., — что въ «Запискахъ Охотника» онъ вовсе не кажется странностью; а въ отзывахъ Бѣлинскаго еще слышна непривычка къ этому нововведенію: онъ искалъ общей картины, и мѣстный колоритъ казался ему нарушающимъ ее излишествомъ...

„А какую Дружининъ написалъ повѣсть новую—чудо [2])! Тридцать лѣтъ разницы отъ „Полиньки Саксъ"! Онъ для женщинъ будетъ тоже, что Г. для мужчинъ. „Сорока-воровка" напечатана, и прошла съ небольшими измѣненіями — несмотря на нихъ, мысль ярко высказывается... „Сорока-воровка" имѣла большой успѣхъ. Но повѣсть Дружинина не для всѣхъ писана, также какъ и записки Крупова [3]). Не знаю, писалъ ли я вамъ, что Достоевскій написалъ повѣсть *Хозяйка*—... [4]). Въ ней онъ хотѣлъ помирить Марлинскаго

---

[1]) „Разсказы Охотника" появлялись тогда въ такомъ порядкѣ: „Совр." 1847, кн. 1: „Хорь и Калинычъ". Кн. 2: „Петръ Петровичъ Каратаевъ". Кн. 6: „Ермолай и Мельничиха",—„Мой сосѣдъ Радиловъ", — „Однодворецъ Овсянниковъ",—„Льговъ". Кн. 10: „Бурмистръ",—„Контора". 1848, кн. 2: „Малиновая вода",—„Уѣздный лекарь",—„Бирюкъ",—„Лебедянь",—„Татьяна Борисовна и ея племянникъ",—„Смерть".

[2]) Бѣлинскій разумѣетъ вѣроятно „Разсказъ Алексѣя Дмитрича", въ Соврем. 1848, книга 2.

[3]) „Соврем." 1847, кн. 9, стр. 1—30: „Изъ сочиненія доктора Крупова".

[4]) Слѣдуетъ очень неодобрительный отзывъ. „Хозяйка" была напечатана въ „Отеч. Зап." 1847, кн. 10 и 12.

съ Гофманомъ, подболтавши немножко Гоголя. Онъ и еще кое-что написалъ послѣ того, но каждое его новое произведеніе—новое паденіе... Надулись же вы, другъ мой, съ Достоевскимъ — геніемъ! О Тург. не говорю—онъ тутъ былъ самимъ собою, а ужъ обо мнѣ, старомъ чортѣ, безъ палки нечего и толковать...

Бѣлинскій прочелъ «Исповѣдь» Руссо, и возымѣлъ къ нему крайнюю антипатію; теперь онъ читалъ романы Вольтера, и въ восторгѣ отъ него, и опять бранитъ Луи-Блана, который не съумѣлъ вѣрно понять Вольтера въ своей «Исторіи революціи».

„... Что за благородная личность Вольтера! какая горячая симпатія ко всему человѣческому, разумному, къ бѣдствію простого народа! Что̀ онъ сдѣлалъ для человѣчества! Правда, онъ иногда называетъ народъ vile populace, но за то, что народъ невѣжественъ, суевѣренъ, изувѣръ, кровожаденъ, любитъ пытки и казни. Кстати, мой вѣрующій другъ [1]) и наши славянофилы сильно помогли мнѣ сбросить съ себя мистическое вѣрованіе въ народъ. Гдѣ и когда народъ освободилъ себя? Всегда и все дѣлалось черезъ личности. Когда я, въ спорахъ съ вами о буржуазіи, называлъ васъ консерваторомъ, я былъ глупецъ, а вы были умный человѣкъ [2]). Вся будущность Франціи въ рукахъ буржуазіи, всякій прогрессъ зависитъ отъ нея одной, и народъ тутъ можетъ по временамъ играть пассивно-вспомогательную роль. Когда я при моемъ вѣрующемъ другѣ сказалъ, что для Россіи теперь нуженъ новый Петръ Великій, онъ напалъ на мою мысль какъ на ересь, говоря, что самъ народъ долженъ все для себя сдѣлать. Что за наивная аркадская мысль! ...Мой вѣрующій другъ доказывалъ мнѣ еще, что избави-де Богъ Россію отъ буржуазіи. А теперь ясно видно, что внутренній процессъ гражданскаго развитія въ Россіи начнется не прежде, какъ съ той минуты, когда русское дворянство обратится въ буржуазію. Польша лучше всего доказала, какъ крѣпко государство, лишенное буржуазіи съ правами. Странный я человѣкъ! когда въ мою голову забьется какая-нибудь мистическая нелѣпость, здравомыслящимъ людямъ рѣдко удастся выколотить ее изъ меня доказательствами: для этого мнѣ непремѣнно нужно сойтись съ мистиками, піэтистами и фантазёрами, помѣшанными на той же мысли—тутъ я и назадъ. Вѣрующій другъ и славянофилы наши оказали мнѣ большую услугу. Не удивляйтесь сближенію: лучшіе изъ славянофиловъ смотрятъ на народъ совершенно такъ, какъ мой вѣрующій другъ; они высосали эти понятія изъ соціалистовъ... Но довольно объ этомъ. Дѣло объ освобожденіи крестьянъ идетъ, а впередъ не подвигается. На-дняхъ прошелъ въ государственномъ совѣтѣ законъ, позволяющій крѣпостному крестьянину имѣть собственность—съ позволенія своего помѣщика! черезъ годъ снимутся таможни на русско-польской границѣ. Передѣлывается, говорятъ, тарифъ вообще... Усталъ диктовать, а потому и говорю вамъ прощайте..., не мистически, а раціонально обожаемый другъ мой, П. В.“

---

[1]) Такъ называлъ Бѣлинскій одного изъ парижскихъ друзей.

[2]) Въ подлинникѣ болѣе сильныя выраженія.

Рукой Бѣлинскаго написана только послѣдняя строка—дата письма.

«Зима 1847—1848 года тянулась для Бѣлинскаго мучительно, разсказываетъ Панаевъ, часто его видавшій.—Съ физическими силами падали и силы его духа. Онъ выходилъ изъ дому рѣдко; дома, когда у него собирались пріятели, онъ мало одушевлялся и часто повторялъ, что ему уже не долго остается жить. Говорятъ, что больные чахоткой обыкновенно не сознаютъ опасности своего положенія... У Бѣлинскаго не было этой иллюзіи; онъ не разсчитывалъ на жизнь и не утѣшалъ себя никакими надеждами»...

Письма, приведенныя нами въ концѣ предыдущей главы и статья въ «Современникѣ» о литературѣ 1847 года были послѣдними порывами его дѣятельности.

«Болѣзненныя страданія Бѣлинскаго,—продолжаетъ Панаевъ,—развились страшно въ послѣднее время отъ петербургскаго климата, отъ разныхъ огорченій, непріятностей и отъ тяжелыхъ и смутныхъ предчувствій чего-то недобраго. Стали носиться какіе-то неблагопріятные для него слухи, все какъ-то душнѣе и мрачнѣе становилось кругомъ его, статьи его разсматривались все строже и строже. Онъ получилъ два весьма непріятныя письма, написанныя, впрочемъ, съ большою деликатностію, отъ одного изъ своихъ прежнихъ наставниковъ, котораго онъ очень любилъ и уважалъ. Ему надобно было, по поводу ихъ, ѣхать объясняться, но онъ уже въ это время не выходилъ изъ дому...

«Нѣкоторые господа, мнѣніемъ которыхъ Бѣлинскій дорожилъ нѣкогда, начинали поговаривать, что онъ исписался, что онъ повторяетъ зады, что его статьи длинны, вялы и скучны... Это доходило и до него, и глубоко огорчало его [1])».

Для объясненія «неблагопріятныхъ слуховъ» и новыхъ особыхъ тревогъ, какія пришлось испытать Бѣлинскому въ послѣднее время его жизни, надобно вспомнить то положеніе, какое занимала лучшая часть литературы, и Бѣлинскій въ томъ числѣ, въ понятіяхъ большинства и руководящихъ авторитетовъ. Это положеніе мы не можемъ лучше объяснить, какъ цитатой изъ воспоминаній другого современника.

«... Тяжелыя тогда стояли времена,—разсказываетъ г. Тургеневъ о срединѣ сороковыхъ годовъ [2])... Пусть читатель самъ

---

[1]) „Воспом.“, тамъ же, стр. 374.

[2]) „Вѣстн. Евр.“, 1869, апр. стр. 718. Опускаемъ слова, гдѣ авторъ сравниваетъ „вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій“,—потому что сами понимаемъ это сравненіе какъ разъ обратно.

посудитъ: утромъ тебѣ, быть можетъ, возвратили твою корректуру, всю исполосованную, обезображенную красными чернилами, словно окровавленную; можетъ быть, тебѣ даже пришлось съѣздить къ цензору и, представивъ напрасныя и унизительныя объясненія, оправданія, выслушать его безапелляціонный, часто насмѣшливый приговоръ... На улицѣ тебѣ попалась фигура господина Булгарина или друга его, господина Греча; генералъ, и даже не начальникъ, а такъ просто генералъ, оборвалъ или, что̀ еще хуже, поощрилъ тебя... Бросишь вокругъ себя мысленный взоръ: взяточничество процвѣтаетъ, крѣпостное право стоитъ какъ скала, казарма на первомъ планѣ, суда нѣтъ, носятся слухи о закрытіи университетовъ, вскорѣ потомъ сведенныхъ на трехсотенный комплектъ, поѣздки за границу становятся невозможны, путной книги выписать нельзя, какая-то темная туча постоянно виситъ надъ всѣмъ такъ-называемымъ ученымъ, литературнымъ вѣдомствомъ, а тутъ еще шипятъ и расползаются доносы; между молодежью ни общей связи, ни общихъ интересовъ, страхъ и приниженность во всѣхъ, хоть рукой махни!..»

Кружокъ людей, въ средѣ котораго дѣйствовалъ Бѣлинскій и которому принадлежала лучшая дѣятельность въ развитіи литературы,—этотъ кружокъ былъ немногочисленъ; сами друзья кружка̀ называли его «сектой», чтобы выразить его уединенность и замкнутость относительно остального общества;—другую подобную секту составляли, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, славянофилы... При всемъ литературномъ успѣхѣ, какой былъ пріобрѣтенъ, вліяніе этого круга и этой литературы ограничивалось необширнымъ числомъ людей, наиболѣе образованныхъ и воспріимчивыхъ, все участіе которыхъ, конечно, не могло бы дать дѣятелямъ литературы никакой опоры и поддержки въ случаѣ невзгоды. Въ массѣ общества господствовало или простодушное невѣжество, или тотъ самый уровень понятій, который нѣкогда производилъ Фамусовыхъ и Скалозубовъ, и который въ сущности мало чѣмъ измѣнился. Естественно, поэтому, что Бѣлинскій, въ которомъ съ самаго начала кипѣла, какъ въ Чацкомъ, страстная вражда къ застою и невѣжеству, пламенное стремленіе возбудить разумное отношеніе къ жизни,—что онъ съ самаго же начала вооружилъ противъ себя все то, что̀ жило, питалось и радовалось этимъ застоемъ, и не желало нарушенія своего покоя. Еще въ тѣ времена, когда онъ стоялъ вполнѣ, сначала на совершенно-отвлеченной почвѣ мирныхъ философскихъ умозрѣній, потомъ на почвѣ совершенно консервативной, онъ успѣлъ уже—одною чисто литературной борьбой противъ устарѣлыхъ авторитетовъ — возбудить

къ себѣ вражду въ защитникахъ неподвижности, прослыть человѣкомъ «безпокойнымъ», писателемъ «неблагонамѣреннымъ». Всѣ мелкія и крупныя, но неоправдываемыя цѣломъ, самолюбія, которыхъ Бѣлинскій никогда не щадилъ, издавна вымещали на немъ свою злость—обвиненіями въ томъ, что онъ ничего не уважаетъ (даже ихъ талантовъ), что онъ стремится унизить наши славныя имена, что онъ разрушаетъ преданія и т. д., словомъ, что онъ—«карбонарій», что онъ «властей не признаетъ». Съ 1836 г. можно указать длинный рядъ подобныхъ нападеній въ полемическихъ статьяхъ, стихотвореніяхъ, даже въ повѣстяхъ. Нападенія хотя всего чаще и бывали нелѣпы, безвкусны, но они были постоянны и злобны, и наконецъ принимали даже свойство «юридическихъ бумагъ», какъ тогда говорили, и становились не безопасны; но Бѣлинскій не думалъ смущаться,—часто бывалъ доволенъ, потому что это показывало, что онъ за живое задѣвалъ враждебныя и ненавистныя ему вещи и идеи. Самые ожесточенные враги его были «Сѣверная Пчела» и «Москвитянинъ». Первая была совершенно ничтожна въ литературномъ смыслѣ, но была опасна своими негласными отношеніями и «юридическимъ» характеромъ своей полемики. «Москвитянинъ» также имѣлъ свои связи—и не стѣснялся изображать дѣятельность Бѣлинскаго какъ вредную и развращающую. Насколько было безотносительнаго смысла въ этихъ обвиненіяхъ, можно видѣть по тому, что она, какъ было замѣчено сейчасъ, началась съ тѣхъ поръ, когда Бѣлинскій былъ еще въ консервативныхъ традиціяхъ. Враги однако чуяли въ немъ живую силу, критическій запросъ, и тѣмъ съ бо́льшимъ ожесточеніемъ возстали на него тогда, когда онъ заявилъ свою послѣднюю точку зрѣнія. Успѣхъ его дѣятельности и журнала дѣлалъ его все болѣе замѣтнымъ и въ тѣхъ кругахъ, гдѣ вообще «мало заботятся на счетъ литературы», и здѣсь утвердилась за нимъ репутація, которую устроивали «Сѣверная Пчела» и «Москвитянинъ». До 1847 года дѣло еще обходилось благополучно, но съ этого времени, вмѣстѣ съ особеннымъ оживленіемъ литературы, надъ ней собираются тучи. Цензура становится все строже; съ первыхъ мѣсяцевъ 1848 года цензурный надзоръ принимаетъ такіе размѣры, какъ этого еще никогда не бывало. Отчасти свои домашнія причины, отчасти начинавшіяся безпокойства въ Европѣ (казавшіяся опасными и для насъ) побудили обратить особенное вниманіе на предполагаемое броженіе умовъ, и это повлекло цѣлый рядъ ограничительныхъ и стѣснительныхъ мѣръ, павшихъ на университеты, на народное образованіе и на литературу...

Въ спеціальныхъ изданіяхъ читатель найдетъ исчисленіе многоразличныхъ цензурныхъ мѣропріятій того времени, которыя могутъ дать понятіе и о взглядахъ цензурной и соприкосновенныхъ съ нею властей, и о томъ, какъ они должны были подѣйствовать на литературный міръ [1]). Нѣсколько вѣдомствъ участвовали въ этихъ мѣропріятіяхъ; кромѣ того, устраивались особенныя коммиссіи и наконецъ такъ-называемый комитетъ 2-го апрѣля, съ обширными полномочіями, которыя, между прочимъ, обнимали и пересмотръ прежней литературы, съ принятой теперь точки зрѣнія. Кромѣ новыхъ предписаній цензорамъ, не однажды собираемы были редакторы періодическихъ изданій для внушеній, иногда поселявшихъ своей строгостью самое основательное безпокойство.

Очень понятно, что Бѣлинскій при этомъ не былъ забытъ. Редакторъ «Отеч. Записокъ» былъ призываемъ для объясненій по прежнему изданію журнала. Цензурныя власти уже давно имѣли представленіе о Бѣлинскомъ, какъ о писателѣ безпокойнаго и неблагонамѣреннаго характера; теперь это представленіе о немъ перешло и въ другое вѣдомство.

Мы слышали разныя объясненія того, по какому собственно поводу нашли тогда нужнымъ обратить на Бѣлинскаго особое строгое вниманіе. Всего вѣроятнѣе, что главнымъ, и пожалуй единственнымъ поводомъ была сама по себѣ литературная дѣятельность Бѣлинскаго,—потому что въ то время уже въ полномъ разгарѣ было дѣло объ ограниченіи литературы, и Бѣлинскій естественно могъ представиться какъ одинъ изъ тѣхъ писателей, сочиненія которыхъ признавались теперь особенно вредными. Но прибавляютъ и другія объясненія. Такъ, мы находимъ въ сообщенныхъ намъ воспоминаніяхъ одного современника разсказъ, что еще на возвратномъ пути изъ-за границы Бѣлинскій ѣхалъ на пароходѣ съ какимъ-то господиномъ, и съ обычной своей горячностью и младенческимъ простодушіемъ не воздержался отъ нѣсколько смѣлаго разговора о политическихъ предметахъ. Предполагали (хотя неизвѣстно, было ли это дѣйствительно), что неосторожный разговоръ былъ сообщенъ; по крайней мѣрѣ Бѣлинскій былъ потомъ очень неспокоенъ относительно этого случая. Предполагали также, что до свѣдѣнія могла дойти ходившая

---

[1]) См. „Историческія свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи“, Спб. 1862, стр. 51—62. Перечисленіе цензурныхъ мѣропріятій съ 1847 г. и въ началѣ 1848 года—въ „Сборникѣ правительственныхъ распоряженій о цензурѣ съ 1720 по 1862 годъ“, стр. 239—248.

по рукамъ переписка Бѣлинскаго съ Гоголемъ, которая впослѣдствіи послужила какъ corpus delicti въ одномъ извѣстномъ процессѣ... Но это толкованіе представляетъ ту трудность, что въ такомъ случаѣ Бѣлинскій едва ли могъ остаться свободенъ отъ объясненій, болѣе настоятельныхъ, чѣмъ тѣ, какихъ отъ него пожелали въ это время...

Тѣ два «непріятныя письма, написанныя, впрочемъ, съ большею деликатностію», о которыхъ упоминаетъ Панаевъ, получены были Бѣлинскимъ отъ его бывшаго наставника, М. М. Попова, о которомъ мы говорили прежде (гл. II). Теперь Поповъ обращается къ Бѣлинскому по своему тогдашнему служебному положенію. Въ первомъ письмѣ, отъ 20-го февраля, Поповъ извѣщалъ Бѣлинскаго, что желаютъ познакомиться съ нимъ, Бѣлинскимъ, какъ съ извѣстнымъ литераторомъ, и назначалъ время, когда Бѣлинскій долженъ явиться.

Но Бѣлинскій не могъ явиться; въ это время онъ былъ уже такъ слабъ, что не въ состояніи былъ самъ писать. Не знаемъ, какимъ образомъ, письмомъ или черезъ кого-нибудь изъ друзей, Бѣлинскій извѣстилъ Попова о своемъ болѣзненномъ состояніи, которое мѣшало ему послѣдовать приглашенію.

На нѣсколько времени его оставили въ покоѣ. Но затѣмъ Бѣлинскій получилъ новое письмо Попова, отъ 27-го марта: Поповъ слышалъ, что Бѣлинскій обезпокоился прежнимъ приглашеніемъ, и зналъ также объ его болѣзни; Поповъ успокоиваетъ его, что съ нимъ желали только познакомиться, что ему будетъ оказанъ самый радушный пріемъ, и—приглашалъ его вновь. Оба письма дѣйствительно написаны въ деликатной формѣ.

Вѣроятно послѣ этого второго письма, Бѣлинскій послалъ за однимъ изъ своихъ близкихъ друзей, — который и передавалъ намъ слѣдующія подробности:

«Придя къ Бѣлинскому, я засталъ его въ страшномъ волненіи и безпокойствѣ. Дѣло въ томъ, что къ нему явился жандармъ съ повѣсткою (это и было, вѣроятно, второе письмо Попова)... По тогдашнимъ обстоятельствамъ можно понять, какое впечатлѣніе должно было произвести неожиданное и загадочное появленіе этого посланнаго... въ квартирѣ Бѣлинскаго.

«Бѣлинскій, не встававшій уже съ кресла, задыхающимся отъ волненія и отъ слабости голосомъ, просилъ меня... отыскать бывшаго его учителя Попова... и узнать, для чего его требуютъ. Пріѣхавъ къ Попову, я объяснилъ ему о тяжкой болѣзни Бѣлинскаго, приковавшей его къ креслу, и спросилъ, чего отъ него

желаютъ. Поповъ вспомнилъ съ нѣжностью о дѣтскихъ годахъ Бѣлинскаго, выразилъ участіе къ его болѣзненному состоянію, просилъ меня успокоить больного и объяснить ему, что онъ вызывался не по какому-либо частному дѣлу или обвиненію, но какъ одинъ изъ замѣчательныхъ дѣятелей на поприщѣ русской литературы, «единственно для того, чтобы лично познакомиться съ начальникомъ вѣдомства (гдѣ служилъ Поповъ), *хозяиномъ* русской литературы»...

Въ мартѣ Бѣлинскій еще работалъ; но затѣмъ оставалось ему только тяжкое страданіе болѣзни, въ которой не выпало на его долю и нравственнаго утѣшенія,—сама литература, для которой онъ жилъ, выносила тогда тяжелый кризисъ...

«Къ веснѣ,—разсказываетъ Панаевъ [1]),—болѣзнь начала дѣйствовать быстро и разрушительно. Щеки его провалились, глаза потухали, изрѣдка только горя лихорадочнымъ огнемъ, грудь впала, онъ еле передвигалъ ноги и начиналъ дышать страшно. Даже присутствіе друзей уже было ему въ тягость.

«Я разъ зашелъ къ нему утромъ (въ маѣ)... На дворъ подъ деревья вынесли диванъ—и Бѣлинскаго вывели подышать чистымъ воздухомъ. Я засталъ его уже на дворѣ. Онъ сидѣлъ на диванѣ, опустя голову и тяжело дыша. Увидѣвъ меня, онъ грустно покачалъ головою и протянулъ мнѣ руку. Черезъ минуту онъ приподнялъ голову, взглянулъ на меня и сказалъ:

— Плохо мнѣ, плохо, Панаевъ!

«Я началъ-было нѣсколько словъ въ утѣшеніе, но онъ перебилъ меня.

— Полноте говорить вздоръ.

«И снова молча и тяжело дыша опустилъ голову. Я не могу высказать, какъ мнѣ было тяжело въ эту минуту... Я начиналъ заговаривать съ нимъ о разныхъ вещахъ, но все какъ-то неловко, да и Бѣлинскаго, кажется, уже ничего не интересовало... «Все кончено»! думалъ я.

«Бѣлинскій умеръ черезъ нѣсколько дней послѣ этого»...

Присутствовавшіе при его смерти разсказывали, что Бѣлинскій, за нѣсколько минутъ до кончины, лежавшій уже въ постели безъ сознанія, вдругъ быстро поднялся, съ сверкавшими глазами, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ, проговорилъ невнятными, прерывающимися словами, но съ энергіей какія-то слова, обращенныя къ русскому народу, говорившія о любви къ нему... Его

[1]) „Воспом.", тамъ же, стр. 374.

поддержали, уложили въ постель и черезъ нѣсколько минутъ онъ умеръ. Это было 26-го мая, въ 6-мъ часу утра [1]).

Немногіе петербургскіе друзья проводили его тѣло до Волкова кладбища. Къ нимъ присоединились (вспоминаетъ Панаевъ) три или четыре *неизвѣстныхъ*, вдругъ откуда-то взявшіеся. Они остались на кладбищѣ до самаго конца погребенія и слѣдили за всѣмъ съ величайшимъ любопытствомъ, хотя слѣдить было совершенно не чего. Бѣлинскаго отпѣли и опустили въ могилу, какъ и всякаго другого.

Въ собранномъ нами біографическомъ матеріалѣ находится между прочимъ замѣтка, писанная однимъ изъ близкихъ друзей, разбиравшимъ бумаги Бѣлинскаго послѣ его смерти. Въ этихъ бумагахъ мало нашлось біографическаго матеріала, напр., переписки съ друзьями, и въ замѣткѣ говорится по этому поводу: «...Скудость постороннихъ матеріаловъ, переписки съ друзьями и даже нѣкоторыхъ задушевныхъ статей, о которыхъ мы знали еще и при жизни Б., — объясняется тѣмъ, что онъ безпощадно, но весьма основательно жегъ передъ смертію своею все, что казалось ему дѣломъ молодости и вертопрашества». Послѣднія слова должно, конечно, понимать въ связи съ указанными выше обстоятельствами того времени...

Семейство Бѣлинскаго осталось, конечно, безъ всякихъ средствъ. Похоронили Бѣлинскаго на деньги, собранныя между близкими друзьями; участвовавшіе въ складчинѣ, согласились вносить и впредь ежегодно извѣстную сумму, пока не будетъ обезпечено семейство покойнаго. При этомъ явилась мысль разыграть въ лотерею, въ пользу семейства, библіотеку Бѣлинскаго. Для этого нужно было выхлопотать оффиціальное разрѣшеніе. Тотъ изъ друзей Бѣлинскаго, который однажды отправлялся уже съ объясненіями къ Попову и слышалъ тогда его теплый отзывъ о Бѣлинскомъ, выбранъ былъ для переговоровъ и въ настоящемъ случаѣ.

Услышавъ о смерти Бѣлинскаго, Поповъ выразилъ сожалѣніе о столь преждевременной кончинѣ замѣчательнаго критика, но лишь только ему сказано было о лотереѣ, онъ весь измѣнился въ лицѣ и отвѣтилъ въ самомъ раздраженномъ тонѣ — отказомъ. Его слова имѣли тотъ смыслъ, что для него имя Бѣлин-

---

[1]) „Восп. Панаева", стр. 375; „Воспоминанія" одного, въ то время юнаго, почитателя Бѣлинскаго — въ „Кронштадтскомъ Вѣстникѣ", 1862, № 47; „Воспоминанія" К. Д. Кавелина и г. Тургенева.

скаго было равнозначительно имени государственнаго преступника [1])...

Вдова Бѣлинскаго переѣхала на житье въ Москву и нѣсколько времени спустя получила въ томъ институтѣ, гдѣ была прежде классной дамой, мѣсто кастелянши, сестра ея опредѣлилась классной дамой, а дочь пользовалась уроками въ томъ же заведеніи. Когда двѣнадцать лѣтъ спустя, основанъ былъ литературный фондъ, однимъ изъ первыхъ его дѣлъ было назначеніе пенсіи семейству Бѣлинскаго (сколько мы знаемъ, это была самая значительная пенсія, какія фондъ опредѣлялъ). Эта пенсія была потомъ сокращена по заявленію самой г-жи Бѣлинской, потому что для нея открылись новыя средства обезпеченія. Это было— изданіе «Сочиненій» Бѣлинскаго, появившееся, какъ только представилась къ тому возможность, благодаря стараніямъ одного изъ старѣйшихъ друзей Бѣлинскаго, Н. Х. Кетчера, и матеріальному содѣйствію К. Т. Солдатенкова и Н. М. Щепкина, извѣстныхъ издателей, которымъ наша литература обязана цѣлымъ рядомъ полезныхъ и замѣчательныхъ книгъ. Трудъ изданія этихъ двѣнадцати томовъ (1859—1862) съ Н. Х. Кетчеромъ раздѣлилъ А. Д. Галаховъ, который составилъ очень полный и точный библіографическій списокъ сочиненій Бѣлинскаго, разсѣянныхъ (почти всегда безъ подписи) въ журналахъ съ 1831 до 1848 года. Успѣхъ собранія «Сочиненій», иные томы котораго выдержали до трехъ изданій, окончательно обезпечилъ семейство Бѣлинскаго.

Въ литературѣ смерть Бѣлинскаго прошла какъ-будто незамѣченной. Два лучшіе журнала того времени, столько съ нимъ связанные, въ тогдашнихъ обстоятельствахъ едва могли сказать нѣсколько словъ о писателѣ, который занималъ въ литературѣ такое господствующее мѣсто и которому они оба были такъ обязаны. Очевидно, они не могли сказать больше [2]).

Эти нѣсколько словъ некролога, совершенно незначительныхъ, надолго остались единственнымъ упоминаніемъ имени Бѣлинскаго. Даже въ то время, когда условія печати стали измѣняться, когда общество и литература начали оглядываться и вспоминать недавнее прошлое, онъ еще оставался безыменнымъ «критикомъ сороковыхъ годовъ», пока, наконецъ, имя его въ первый разъ было опять названо въ 1856 году.

---

[1]) „Воспоминанія" Н. Н. Т—ва.

[2]) Ср. „Современникъ" 1848, іюнь, смѣсь, стр. 173; „Отеч. Записки" 1848, іюнь, стр. 157.

Наружность Бѣлинскаго г. Тургеневъ описываетъ слѣдующимъ образомъ. «Извѣстный литографическій,—едва ли не единственный—портретъ Бѣлинскаго даетъ о немъ понятіе невѣрное... Срисовывая его черты, художникъ придалъ всей головѣ какое-то повелительно-вдохновенное выраженіе, какой-то военный, чуть не генеральскій поворотъ, неестественную позу, что́ вовсе не соотвѣтствовало дѣйствительности и нисколько не согласовалось съ характеромъ и обычаемъ Бѣлинскаго. Это былъ человѣкъ средняго роста, на первый взглядъ довольно некрасивый и даже нескладный, худощавый, со впалою грудью и понурой головою. Одна лопатка замѣтно выдавалась больше другой. Всякаго, даже не медика, немедленно поражали въ немъ всѣ главные признаки чахотки... При томъ же (въ послѣдніе годы), онъ почти постоянно кашлялъ. Лицо онъ имѣлъ небольшое, блѣдно-красноватое, носъ неправильный, какъ бы приплюснутый, ротъ слегка искривленный, особенно когда раскрывался, маленькіе частые зубы; густые бѣлокурые волосы падали клокомъ на бѣлый, прекрасный, хотя и низкій лобъ. Я не видывалъ глазъ, болѣе прелестныхъ, чѣмъ у Бѣлинскаго. Голубые, съ золотыми искорками въ глубинѣ зрачковъ, эти глаза, въ обычное время полузакрытые рѣсницами, расширялись и сверкали въ минуты воодушевленія; въ минуты веселости взглядъ ихъ принималъ плѣнительное выраженіе привѣтливой доброты и безпечнаго счастья. Голосъ у Бѣлинскаго былъ слабъ, съ хрипотою—но пріятенъ; говорилъ онъ съ особенными удареніями и придыханіями, «упорствуя, волнуясь и спѣша» (стихъ г. Некрасова). Смѣялся онъ отъ души, какъ ребенокъ. Онъ любилъ расхаживать по комнатѣ, постукивая пальцами красивыхъ и маленькихъ рукъ по табакеркѣ съ русскимъ табакомъ. Кто видѣлъ его только на улицѣ, когда въ тепломъ картузѣ, старой енотовой шубёнкѣ и стоптанныхъ калошахъ, онъ торопливой и неровной походкой, пробирался вдоль стѣнъ и съ пугливой суровостью, свойственной нервическимъ людямъ, озирался вокругъ —тотъ не могъ составить себѣ вѣрнаго о немъ понятія... Между чужими людьми, на улицѣ, Бѣлинскій легко робѣлъ и терялся. Дома онъ носилъ обыкновенно сѣрый сюртукъ на ватѣ и держался вообще очень опрятно»...

Подобнымъ образомъ и г. Кавелинъ передаетъ черты Бѣлинскаго въ своихъ воспоминаніяхъ. «Онъ былъ небольшого роста, очень невзраченъ съ виду, сутуловатъ, и страшно застѣнчивъ и неловокъ. Наружность его доказывала, что его воспитаніе и жизнь прошли вдали отъ свѣтскихъ кружковъ. Значительна была его голова, и въ ней особенно глаза. Несмотря на весьма некраси-

вые плоскіе волосы, прекрасно сформированный интеллигентный лобъ бросался въ глаза. Большіе сѣрые [1]), страшно проницательные глаза загорались и блестѣли при малѣйшемъ оживленіи. Въ нихъ страстная натура Бѣлинскаго выражалась съ особенною яркостью. Характеристично было въ его лицѣ, что конецъ носа былъ неровенъ, и верхняя губа съ одной стороны была слегка приподнята: то и другое можно видѣть на его маскѣ. Спокойнымъ онъ почти никогда не бывалъ. Въ спокойныя минуты глаза его бывали полузакрыты, губы слегка двигались. Очень некрасивы были у него выдававшіяся скулы. Ходилъ онъ большими шагами, слегка опускаясь при каждомъ шагѣ... Вѣчно бывалъ онъ нервно возбужденъ или въ полной нервной атоніи и разслабленіи. Дѣтей онъ очень любилъ»...

Много примѣровъ этой внѣшней манеры Бѣлинскаго читатель можетъ видѣть въ разсказахъ современниковъ: нѣкоторые изъ этихъ разсказовъ были нами приведены; относительно другихъ, и можетъ быть, еще болѣе характерныхъ, мы должны обратить читателя къ самымъ источникамъ.

Портретъ, о которомъ говоритъ г. Тургеневъ, есть въ самомъ дѣлѣ почти единственный и имѣлъ свою исторію. Онъ сдѣланъ былъ, въ 1843 или 1845 году, тогда еще молодымъ художникомъ К. А. Горбуновымъ, котораго Бѣлинскій зналъ еще съ Москвы и очень любилъ. Г. Горбуновъ былъ портретистомъ кружка́: около того же времени, когда сдѣланъ былъ портретъ Бѣлинскаго, тѣмъ же художникомъ сдѣланы были, и потомъ изданы, болѣе или менѣе удачные портреты Грановскаго, Г., Щепкина, гг. Кетчера, Е. Ѳ. Корша, Анненкова. Изданіе дѣлалось главнымъ образомъ для ближайшаго кружка́, и портретъ Бѣлинскаго былъ мало распространенъ. На этомъ портретѣ Бѣлинскій не имѣетъ бороды и усовъ, которыхъ тогда не носилъ.

Въ первый разъ послѣ того, этотъ портретъ повторенъ былъ въ 1862, въ «Русскомъ Худож. Листкѣ» (№ 29), Тимма, которому онъ былъ указанъ г. Ефремовымъ. Тамъ же помѣщенъ былъ другой, изображавшій Бѣлинскаго въ гробу — по фотографіи съ эскиза, сдѣланнаго К. А. Горбуновымъ на другой день кончины Бѣлинскаго; эта фотографія была сообщена Тимму также г. Ефремовымъ.

Не исчисляя другихъ бо́льшей частью не точныхъ повтореній, отмѣтимъ еще портретъ, помѣщенный въ «Галлереѣ» г. Мюн-

---

[1]) Варіантъ отъ г. Тургенева.

стера: здѣсь рисовальщикъ, по собственному соображенію, далъ Бѣлинскому одни усы, безъ бороды (какъ Бѣлинскій никогда не носилъ) и иначе завязалъ ему шейный платокъ, кажется, для бóльшаго франтовства [1]).

Затѣмъ, при «Сочиненіяхъ» (1862, т. XII) приложенъ портретъ, гравированный Іорданомъ въ 1859. Оригиналъ гравюры— тотъ же прежній портретъ, нѣсколько измѣненный г. Горбуновымъ, въ тоже время когда онъ дѣлалъ посмертный эскизъ.

При «Иллюстрированномъ Альманахѣ», который былъ изданъ въ началѣ 1848 г. редакціей «Современника» и гдѣ помѣщенъ рядъ превосходныхъ каррикатуръ изъ очень извѣстнаго въ свое время альбома г. Степанова, находится также каррикатура, изображающая Бѣлинскаго съ листомъ корректуры, полученной отъ цензора, въ рукахъ и съ подписью: «...своей собственной статьи не узнаю въ печати». Въ оглавленіи каррикатура названа: «Типографскія превращенія» (предполагалось также назвать эту каррикатуру: «Огорченный литераторъ»). По словамъ современниковъ, каррикатура очень удачна. Если не ошибаемся, впослѣдствіи эта каррикатура была отбираема; по крайней мѣрѣ она встрѣчается только въ рѣдкихъ экземплярахъ «Иллюстрир. Альманаха».

Намъ извѣстенъ еще одинъ — небольшой акварельный портретъ, дѣланный, кажется, тѣмъ же Горбуновымъ гораздо ранѣе, вѣроятно еще не въ Москвѣ. Эта акварель принадлежала В. П. Боткину и находится теперь у М. П. Боткина. Бѣлинскій изображенъ здѣсь съ совершенно юношескими чертами, но не знаемъ, насколько вѣрно переданы эти черты.

Мы видѣли еще каррикатурный набросокъ перомъ, очень удачно сдѣланный г. Тургеневымъ и представляющій Бѣлинскаго, сзади, идущаго съ его пріятелемъ Я—мъ.

Наконецъ, существуетъ небольшой портретъ карандашомъ, упоминаемый Панаевымъ, и изображающій Бѣлинскаго, какъ онъ былъ за нѣсколько дней до смерти: исхудалый, съ горящими, лихорадочными глазами, съ всклокоченными волосами. «Этотъ портретъ,—говоритъ Панаевъ, — сдѣланъ женой Языкова (М. А.)... Лицо умирающаго такъ поразило ее и такъ врѣзалось ей въ память, что она тотчасъ по пріѣздѣ домой набросала его на бу-

---

[1]) Другіе портреты, бóльшею частію плохо скопированные, по обычаю нашихъ изданій,—въ „Портретахъ рус. писателей", 1860, Никтополіона Полеваго; въ „Сынѣ Отечества"; въ „Иллюстраціи" г. Зотова; въ „Нивѣ" 1870; въ „Исторіи рус. литер.", П. Полевого.

магу» [1]... Въ настоящее время этотъ портретъ находится у г. Некрасова.

Въ извѣстномъ собраніи г. Третьякова въ Москвѣ находится портретъ, масляными красками, составляющій новое повтореніе прежняго, сдѣланное недавно самимъ Горбуновымъ.

Должно упомянуть наконецъ скульптурное воспроизведеніе, сдѣланное нѣсколько лѣтъ тому назадъ г-мъ Ге: пользуясь портретами Горбунова, посмертной маской и указаніями многихъ друзей Бѣлинскаго, г. Ге вылѣпилъ извѣстный бюстъ, который эти друзья Бѣлинскаго находили очень удачнымъ.

Бѣлинскій былъ похороненъ на Волковомъ кладбищѣ, около могилы пріятеля его, Кульчицкаго, отъ которой теперь, кажется, уже не осталось слѣдовъ. Въ ноябрѣ 1861, рядомъ съ Бѣлинскимъ, похоронили Добролюбова. Видъ могилы Бѣлинскаго, съ старымъ памятникомъ, сложеннымъ изъ простыхъ плитъ, и свѣжей могилы Добролюбова, отмѣченной простою насыпью изъ дерна, — помѣщенъ былъ въ томъ же «Художественномъ Листкѣ» Тимма [2]). Другой видъ этихъ могилъ, съ новымъ памятникомъ Бѣлинскому, недавно поставленнымъ, и съ памятникомъ Добролюбову, изъ массивнаго гранитнаго камня, — находится въ журналѣ «Сіяніе» [3]). Въ 1868 году, рядомъ съ ними, прибавилась могила Писарева.

---

1) „Совр." 1860, № 1, стр. 375.
2) 1862, № 29.
3) 1872, № 34.

Заключеніе.

Намъ предстояла бы теперь еще задача—собрать разсѣянныя черты этого характера и біографіи въ общее изображеніе личности и исторической роли Бѣлинскаго. Дальше мы и сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній о послѣднемъ, т.-е. объ историческомъ его значеніи, которое послѣ законченной дѣятельности есть такъ сказать теоретическій фактъ, дѣло историческаго сравненія и вывода. Такіе историческіе выводы могутъ быть сдѣланы всегда; и впослѣдствіи, когда снимется необходимая теперь сдержанность, рекомендуемая близостью времени и другими обстоятельствами, они будутъ сдѣланы шире, свободнѣе и рельефнѣе: съ своей стороны, мы еще чувствуемъ стѣсняющія условія, и желали бы по крайней мѣрѣ собрать сколько возможно болѣе матеріала для будущихъ рѣшеній вопроса. Но для изображенія личности дѣятеля недовольно было бы однихъ выводовъ, которые въ подобномъ случаѣ могутъ доставлять только болѣе или менѣе гадательное возстановленіе личности: мы старались поэтому указывать современныя свидѣтельства и впечатлѣнія лицъ изъ круга Бѣлинскаго, сохранившихъ память о живыхъ обнаруженіяхъ этого характера.

Въ настоящемъ случаѣ мы только напомнимъ читателю основныя черты этой страстной, увлекающейся, но глубокой, всегда неизмѣнно правдивой натуры,—черты, которыя въ такомъ обиліи читатель можетъ видѣть и въ фактахъ біографіи, и въ разсказахъ современниковъ, а всего больше въ самыхъ произведеніяхъ и личной, замѣчательно, безусловно искренней перепискѣ Бѣлинскаго. Есть много разсказовъ и фактовъ, говорящихъ объ увлеченіяхъ и крайностяхъ Бѣлинскаго; многіе, даже и теперь, обращаютъ эти увлеченія въ оружіе противъ него; но было бы легкомысленно остановиться на этихъ внѣшнихъ обнаруженіяхъ, и не видѣть благородной и возвышенной сущности характера Бѣлинскаго и того глубокаго взгляда на жизнь, которые съ первыхъ шаговъ его сознанія именно и увлекали его мысль и фантазію къ идеальнымъ построеніямъ этой жизни.

Несмотря на всѣ эти увлеченія, крайности и видимыя противорѣчія, о Бѣлинскомъ справедливо можно было сказать, что онъ никогда не измѣнялъ своимъ идеаламъ, — потому что дѣйствительно господствующій идеалъ Бѣлинскаго былъ *всегда одинъ*; хотя въ частности, мы видѣли, онъ увлекался въ разное время различными представленіями объ обществѣ и о личности. Дру-

гими словами, при одномъ господствующемъ характерѣ мысли и чувства, измѣнялись подробности отвлеченнаго теоретическаго *содержанія*. Было время, когда всѣ помышленія Бѣлинскаго были направлены къ воспитанію въ себѣ и другихъ «абсолютнаго» человѣка, съ развитіемъ всѣхъ высшихъ требованій человѣческой личности, какъ это тогда понималось подъ вліяніемъ нѣмецкаго полу-романтическаго идеализма; и когда за этой задачей личнаго развитія онъ былъ равнодушенъ ко всѣмъ общественнымъ вопросамъ, къ внѣшнему быту. Было другое время, когда онъ увидѣлъ, что личная жизнь неизбѣжно связана съ общественностью, и когда, обратившись къ забытому прежде внѣшнему быту, къ обществу, и увлекаясь мнимымъ верховнымъ правомъ «дѣйствительности», понятой слишкомъ буквально и ошибочно, онъ—впрочемъ, очень ненадолго — впалъ въ слѣпое поклоненіе факту и вооружался противъ всякаго отрицанія принимаемой имъ «дѣйствительности», противъ всякаго оспариванія ея мнимой законности. Это была опять крайность, которая, при своихъ первыхъ приложеніяхъ къ живымъ фактамъ, оказалась въ слишкомъ сильномъ противорѣчіи и съ опытами жизни и со всѣми свойствами его собственной натуры, и онъ самъ безпощадно осудилъ свою ошибку. Тогда наступилъ послѣдній періодъ его идей, въ которомъ онъ остался до конца, развивая его все болѣе и болѣе, распространяя на различныя области личной и общественной жизни, «волнуясь и спѣша», чтобы опредѣлить себѣ и другимъ истинныя требованія человѣческой и общественной природы: идея «общества» разъяснилась для него въ совершенно иномъ смыслѣ, и съ тѣхъ поръ онъ неизмѣнно служилъ ей со всѣмъ энтузіазмомъ своей натуры. Но, какъ ни мало сходны были эти точки зрѣнія, которыя онъ послѣдовательно принималъ, черезъ весь путь его размышленія и дѣятельности проходило одно основное начало, которому служили всѣ его свойства—и сильный, точный умъ, и фантазія, и впечатлительное чувство. Это начало было глубокое чувство *нравственной правды* и *человѣческаго достоинства*.

Начинаясь съ личной высокой прямоты и правдивости, это начало проходитъ черезъ всѣ отношенія Бѣлинскаго и черезъ весь его образъ мыслей, во всѣхъ его видоизмѣненіяхъ. Личная правдивость была такова, что его переписка, какъ могъ убѣдиться читатель, представляетъ рѣдкій, можно сказать, единственный примѣръ въ русской литературной біографіи — по удивительной искренности, по неизмѣнной высотѣ нравственныхъ требованій, обращенныхъ всего прежде къ самому себѣ, по готовности при-

знать свою ошибку и осудить ее. Это свойство такъ непривычно для большинства, что не только въ то время его противники думали видѣть въ немъ (когда оно высказывалось и въ печатныхъ сочиненіяхъ Бѣлинскаго) оружіе противъ Бѣлинскаго,—тогда какъ оно говорило именно за него; но и теперь, для критиковъ извѣстнаго рода, читавшихъ у насъ его переписку, осталось непонятно все нравственное достоинство этой прямоты: они съ самодовольнымъ снисхожденіемъ говорили объ «ошибкахъ» Бѣлинскаго—они, безупречные, не ошибавшіеся, — и не видящіе болота, въ которомъ сами пребываютъ... Бѣлинскій слишкомъ серьезно понималъ требованія простой правды, и уступалъ имъ тотчасъ, какъ они становились ему ясны: онъ выносилъ тяжелую борьбу съ самимъ собою, когда шелъ въ немъ этотъ внутренній споръ между пламенной преданностью добытому прежде убѣжденію и возстававшимъ вновь опроверженіемъ, но когда споръ рѣшался, онъ и не думалъ заботиться, что его упрекнутъ старой ошибкой, не думалъ выгораживать своего, очень большого однако, самолюбія, какъ дѣлаютъ — почти всѣ; напротивъ, онъ былъ первымъ обвинителемъ противъ себя и обвинителемъ безпощаднымъ. Мы видѣли изъ воспоминаній современниковъ, какое глубокое впечатлѣніе производила на близкихъ ему людей эта нравственная прямота, — какую глубокую, можно сказать, нѣжную привязанность внушала къ нему литературная дѣятельность, руководимая этими свойствами его природы, — внушала кругу его друзей, въ которомъ были лучшіе люди тогдашней литературы.

Это чувство правды и человѣческаго достоинства, высказываемое съ горячимъ фанатическимъ убѣжденіемъ, было безъ сомнѣнія и главнѣйшимъ основаніемъ его литературнаго вліянія. Оно чувствовалось въ томъ, что́ писалъ Бѣлинскій, и мы еще помнимъ молву сочувствія, говорившую объ его авторитетѣ. Въ самомъ дѣлѣ, эта потребность доискаться нравственной истины, общественной справедливости и опредѣленія человѣческаго достоинства была движущей силой всей его дѣятельности и ставила ей цѣль. Она съ раннихъ лѣтъ внушила ему страстную любовь къ поэзіи и дала то оживленное пониманіе ея, которое называютъ въ немъ чрезвычайно развитымъ эстетическимъ вкусомъ, и иногда заставляла его ошибаться наперекоръ этому вкусу... Эта потребность побуждала его производить надъ собой идеалистическіе эксперименты въ то время, когда онъ съ своими друзьями вѣровалъ въ гегеліянскую философію и философско-романтическую поэзію. Она побудила его потомъ обратиться къ «дѣйствительности» и принять всѣ самыя крайнія послѣдствія ошибочно имъ понятой теоріи,

уже наперекоръ его собственнымъ личнымъ ощущеніямъ и опытамъ, приходившимъ извнѣ. Наконецъ, эта потребность привела его къ тому критическому взгляду на эту дѣйствительность, который онъ затѣмъ развивалъ все съ бóльшей настоятельностью. Критическій взглядъ открылъ ему въ жизни много несовершенствъ,—многія изъ нихъ доходили до размѣровъ бѣдственныхъ: его внутреннее чувство оскорблялось до глубокой степени, и это поддерживало его въ постоянномъ волненіи, какое его отличало. Общественный вопросъ сталъ его господствующимъ интересомъ, и передъ нимъ отступили на второй планъ всѣ другіе, и въ томъ числѣ интересы отвлеченнаго искусства. Поэтическое чутье осталось при немъ, но въ послѣдніе годы онъ уже не довольствовался отвлеченнымъ эстетическимъ наслажденіемъ — въ его глазахъ, это было бы себялюбивое эпикурейство среди положенія вещей, призывавшаго къ сознанію общественной обязанности... Въ послѣдніе годы онъ уже скучалъ (и самъ высказывалъ это) необходимостью говорить непремѣнно только о литературѣ и отвлеченной нравственности, и невозможностью говорить о жизни и нравахъ: онъ продолжалъ говорить о литературѣ, но художественная критика все больше и больше переходила въ публицистическую... Такъ называемое «утилитарное» направленіе Бѣлинскаго было совершенно естественнымъ исходомъ всей его дѣятельности, и никогда онъ уже не могъ бы его оставить: онъ зналъ, что друзья, свидѣтели его прежней чисто-эстетической точки зрѣнія, могли счесть его новый взглядъ крайностью, и не защищался отъ упрека: «я знаю, что сижу въ односторонности»—говоритъ онъ самъ въ этомъ смыслѣ, —но никакъ не хотѣлъ выходить изъ нея, и жалѣлъ о тѣхъ, кто не раздѣляетъ ея съ нимъ. Онъ чувствовалъ, что такъ-называемая «утилитарная» точка зрѣнія и была собственно тотъ зрѣлый, широкій взглядъ, гдѣ литература открывалась передъ нимъ во всѣхъ своихъ сторонахъ, гдѣ такъ-называемое «искусство» (т.-е. русскія повѣсти!) представлялось ему уже не съ одной книжно-теоретической точки зрѣнія, а съ менѣе притязательной, но болѣе серьёзной точки зрѣнія—ихъ дѣйствительнаго значенія...

Такимъ образомъ результатъ, къ которому пришелъ Бѣлинскій къ концу своей дѣятельности,—его самый послѣдній взглядъ конечно, покрывалъ все предыдущее развитіе, завершалъ прежнія понятія новыми, гораздо болѣе точными, многообъемлющими и живыми. И это одно могло бы показать, что прежнія «перемѣны взглядовъ» были вовсе не такъ случайны и произвольны, какъ могло на первый взглядъ казаться, и многимъ дѣйствительно казалось: въ самомъ дѣлѣ, каждый разъ, когда случалась такая

«перемѣна», Бѣлинскій впадалъ въ тяжелое нравственное состояніе, въ безпокойство, въ порывы отчаянія или апатіи; это состояніе и было такъ тягостно потому, что онъ чувствовалъ себя еще не въ силахъ рѣшить осаждавшія его противорѣчія, а когда онъ успокоивался, когда «перемѣна» совершалась и онъ рѣшительно отвергалъ свое прежнее понятіе,—это дѣлалось потому, что онъ и *теоретически* переработалъ эти противорѣчія, что его мысль одолѣла аргументацію прежняго взгляда, и новый являлся у него, вооруженный доказательствами и въ силу этихъ доказательствъ. Онъ дѣйствительно «мѣнялъ копѣйку на рубль», какъ самъ Бѣлинскій замѣтилъ разъ одному изъ друзей, говоря о «перемѣнахъ» въ своихъ убѣжденіяхъ,—потому что въ новой точкѣ зрѣнія онъ былъ уже выше прежняго взгляда, какъ предшествующей ступени.

Оттого, въ позднѣйшее время его жизни онъ и былъ до такой степени поглощенъ вопросомъ общественнымъ. Мы видѣли изъ словъ его друзей, какъ представлялась этому кружку тогдашняя общественная обстановка. Всего сильнѣе она поражала именно Бѣлинскаго... Въ прежнее время онъ думалъ дѣйствовать на общество въ отвлеченно-нравственномъ смыслѣ путемъ «эстетическаго воспитанія»; теперь становилось очевидно, что одно подобное воспитаніе, дѣйствующее отчасти на отдѣльныя личности, было бы слишкомъ трудно и безуспѣшно для улучшенія общественныхъ нравовъ и положенія, — что само наслажденіе искусствомъ есть своего рода роскошь среди умственной и нравственной нищеты массъ, и эта роскошь, въ иныя минуты, была самому Бѣлинскому ненавистна. Какъ только онъ пришелъ къ мысли о состояніи общества, къ которому самъ принадлежалъ и для котораго хотѣлъ работать, ему стала ясна, во-первыхъ, необходимость иного воспитанія его, кромѣ «эстетическаго», и во-вторыхъ, необходимость преобразованія самыхъ условій, въ которыхъ оно живетъ,—потому что въ условіяхъ, тогда существовавшихъ, никакой успѣхъ общества былъ невозможенъ.

Отсюда то страстное исканіе освобожденія мысли и жизни, о которомъ разсказываютъ воспоминанія современниковъ и которое отчасти видѣли мы и въ его перепискѣ. Это освобожденіе было и въ самомъ дѣлѣ неизбѣжной необходимостью — единственнымъ условіемъ, при которомъ возможно было ожидать лучшаго будущаго. Въ этомъ исканіи и заключалось содержаніе послѣдняго образа мыслей Бѣлинскаго. Изъ предыдущаго изложенія читатель могъ видѣть, въ чемъ состояли занимавшіе Бѣлинскаго вопросы: интересы общественности и литературы были

здѣсь нераздѣльны — рядомъ съ освобожденіемъ слова и печати, отмѣна крѣпостного права, улучшеніе суда, расширеніе образованія, освобожденіе личности, освобожденіе женщины отъ тѣхъ наиболѣе грубыхъ стѣсненій, какія ее окружали, и т. д., — вопросы, съ которыми, въ новомъ наступившемъ періодѣ, общество и встрѣтилось дѣйствительно, какъ съ вопросами насущными.

Для Бѣлинскаго это были вопросы нисколько неотвлеченные. Страшно впечатлительный, онъ встрѣчался съ ними безпрестанно, въ обыденныхъ случаяхъ, въ газетномъ извѣстіи, въ журнальной повѣсти; онъ чувствовалъ ихъ своими нервами, какъ нервами возненавидѣлъ таможни. Извѣстны различные разсказы объ этой впечатлительности Бѣлинскаго, напримѣръ, разсказъ о томъ, какъ однажды возмутился онъ, услышавъ отъ своихъ знакомыхъ, къ которымъ пришелъ обѣдать на страстной недѣлѣ, что они ѣдятъ постное «для людей». Въ его перепискѣ есть эпизоды подобнаго крайняго раздраженія — которые мы затруднились передать въ печати, и гдѣ оно вызывалось въ немъ случаями изъ обыденной жизни, на которые обыкновенно мало обращается вниманія... Всѣмъ своимъ существомъ онъ былъ отданъ этому стремленію къ правдѣ и человѣческому достоинству, и оно вызывало эти энергическія протестаціи.

Бѣлинскій не могъ, при тогдашней цензурѣ, высказать десятой доли того, что́ ему хотѣлось сказать объ этихъ предметахъ; но въ ближайшемъ кружкѣ онъ говорилъ объ нихъ все, что́ думалъ; мысли его угадывали и читатели, привыкшіе тогда читать между строками и понимавшіе самые осторожные и отдаленные намеки.

Письмо къ Гоголю, разошедшееся по рукамъ, показало наконецъ всю силу и весь объемъ стремленій Бѣлинскаго.

Мы уже сказали, что́ не будемъ входить въ подробности собственно-литературной дѣятельности Бѣлинскаго и ея результатовъ, такъ какъ это въ общихъ чертахъ было уже достаточно объяснено въ прежнихъ трудахъ [1]). Въ томъ изъ нихъ, который нами указанъ, всего лучше опредѣлено, что́ сдѣлано было Бѣлинскимъ для нашей литературы, для разъясненія ея смысла, для устраненія множества всякихъ фальшивыхъ и вредныхъ понятій, для здраваго направленія ея развитія, наконецъ, для установленія самой ея исторіи. Прибавимъ нѣсколько замѣчаній объ историче-

[1]) Главнымъ образомъ въ статьяхъ „Современника“ 1855—1856.

скомъ значеніи его дѣятельности, которое начало обнаруживаться фактически еще при его жизни, а въ особенности съ новыми литературными поколѣніями,—но и до сихъ поръ нерѣдко объясняется очень невѣрно, между прочимъ и самими современниками Бѣлинскаго.

Въ одномъ изъ своихъ разсказовъ о Бѣлинскомъ [1]), г. Тургеневъ замѣчаетъ: «Бѣлинскій былъ именно тѣмъ, что̀ мы бы рѣшились назвать центральной натурой—то-есть, онъ всѣми своими качествами и недостатками стоялъ близко къ центру, къ самой сути своего народа... Можно быть человѣкомъ весьма умнымъ, блестящимъ и замѣчательнымъ и находиться въ тоже время на периферіи, на окружности, если можно такъ выразиться, своего народа», т.-е. быть ему далекимъ, постороннимъ и безполезнымъ. Это замѣчаніе чрезвычайно справедливо, потому что, въ самомъ дѣлѣ, въ Бѣлинскомъ выражались съ особенной силой тогдашній моментъ общественнаго развитія, и тѣ стремленія, которыми была исполнена лучшая доля общества и которыя заключали въ себѣ истинное благо народа: Бѣлинскій въ этомъ отношеніи есть одно изъ замѣчательнѣйшихъ, и въ судьбѣ русскаго образованія, изъ самыхъ характерныхъ лицъ.

Но мы не можемъ принять безъ оговорки, или даже вовсе не можемъ согласиться съ другими мнѣніями и выводами г. Тургенева,—на которыхъ считаемъ необходимымъ остановиться именно потому, что сказанныя писателемъ авторитетнымъ, близкимъ свидѣтелемъ эпохи, однимъ изъ друзей Бѣлинскаго, они въ особенности могутъ поддержать несправедливыя понятія, во-первыхъ, о личномъ литературномъ положеніи Бѣлинскаго въ свое время; во-вторыхъ, объ его историческомъ отношеніи къ новому литературному поколѣнію.

Таковъ во-первыхъ упрекъ, который такъ долго употреблялся какъ оружіе противъ Бѣлинскаго, и еще употребляется врагами его, существующими до сихъ поръ. Г. Тургеневъ нѣсколько разъ упоминаетъ о «маломъ запасѣ познаній» Бѣлинскаго, о «неохотѣ къ медленнымъ трудамъ», о томъ, что ему «недоставало свѣдѣній — чтобы разработывать массу данныхъ фактовъ, вносить критическій анализъ въ исторію нашей литературы», что «свѣдѣнія его были необширны, онъ зналъ мало» и проч. [2]). Правда, авторъ хочетъ извинить Бѣлинскаго рядомъ замѣчаній—что въ то время «было не до того», чтобы

[1]) „Моск. Вѣстникъ", 1860, № 3.
[2]) „Моск. Вѣстн." 1860; „В. Евр." 1869, апр.

разработывать массу фактовъ, что нужно было «разчистить самый родникъ, уяснить первоначальныя понятія современниковъ о томъ, что въ словесности нашей представлялось какъ правда и какъ красота»;—что въ то время «ученый» человѣкъ и не могъ бы быть такой «центральной натурой», какъ былъ Бѣлинскій, потому что не соотвѣтствовалъ бы средѣ и между ними не было бы гармоніи, необходимой для пониманія;—что, несмотря на этотъ недостатокъ, Бѣлинскій все-таки могъ сдѣлать свое замѣчательное дѣло.

Но Бѣлинскій вовсе не нуждается въ подобномъ оправданіи и снисхожденіи, и болѣе правильное разъясненіе вопроса объ «учености» или «неучености» Бѣлинскаго было уже ранѣе указано въ литературѣ. Къ тому, чтó сказано другими, прибавимъ нѣсколько фактическихъ примѣровъ.

Говорятъ, что недостатокъ свѣдѣній не дозволилъ Бѣлинскому разработать факты, внести критическій анализъ въ исторію нашей литературы. Замѣтимъ, что рѣчь можетъ и должна идти только о новѣйшей литературѣ, съ XVIII вѣка, которая и была предметомъ собственныхъ занятій Бѣлинскаго. Можно подумать, что *въ то время* (потому что прилагать мѣрку *другого* времени не позволяютъ требованія исторической оцѣнки) кто-нибудь другой лучше Бѣлинскаго разработалъ факты и внесъ критическій анализъ въ исторію нашей литературы. Ничего не бывало! никто лучше не разработывалъ и не анализировалъ. Напротивъ, *въ то время* никто не говорилъ объ этомъ предметѣ лучше Бѣлинскаго: онъ былъ положительно лучшій знатокъ и критикъ новѣйшей русской литературы. Когда Бѣлинскій былъ студентомъ, каѳедра русской словесности принадлежала Мерзлякову, который еще восторгался Херасковымъ; когда Бѣлинскій началъ свою дѣятельность, въ московскомъ университетѣ профессорствовалъ Шевыревъ—это были признанные, доказанные патентами и мѣстами «ученые» историки и критики русской литературы: сравнивать ихъ съ Бѣлинскимъ—просто смѣшно. Шевыревъ нѣсколько спасъ свою репутацію «Исторіей древней русской словесности», въ которой было по крайней мѣрѣ изученіе фактовъ (и которая появилась впервые только къ концу сороковыхъ годовъ); но чтобъ ставить его въ параллель съ Бѣлинскимъ, слѣдуетъ брать его какъ критика новой литературы, какъ дѣятеля «Моск. Наблюдателя» (первой редакціи) и «Москвитянина», и тѣмъ, кому сравненіе показалось бы неясно, можно только посовѣтовать самимъ лично познакомиться съ писаніями Шевырева въ этихъ журналахъ — образчиками надутаго педантства, критическихъ нелѣпостей и безвкусія.

Упрекать Бѣлинскаго въ недостаточной разработкѣ фактовъ можно только, сравнивая его труды съ *позднѣйшей* разработкой этихъ фактовъ у писателей, которые были его учениками и преемниками и которые уже имѣли предъ собой его предварительную общую характеристику старой литературы. Но, не говоря о разницѣ времени, новые труды исходили изъ совершенно иной точки зрѣнія.

Бѣлинскій въ свое время имѣлъ задачей, какъ выражается самъ г. Тургеневъ, показать, «что̀ въ словесности нашей представлялось какъ правда и какъ красота», ему нужно было, въ исторіи литературныхъ явленій, объяснить ихъ эстетическій смыслъ, растолковать, что̀ можетъ считаться истинной поэзіей и что̀ было стихоплетствомъ, гдѣ были самостоятельные проблески настоящаго «искусства» и гдѣ было механическое, рабское подражаніе; и съ этой стороны, онъ, для своего времени и для перваго объясненія дѣла, мастерски разработалъ и анализировалъ факты, т.-е. выдѣлилъ дѣйствительно поэтическое и самобытное изъ массы сухого и бездарнаго реторическаго подражанія. Бѣлинскій тогда и имѣлъ въ виду только исторію *художественной* литературы, и въ *этомъ* смыслѣ его трудно даже упрекать за недостатокъ исторической перспективы,—такъ, напримѣръ, въ статьяхъ о Пушкинѣ, гдѣ Бѣлинскій разыскивалъ въ старой литературѣ поэтическіе элементы, подготовившіе Пушкина (первыя статьи), перспектива несомнѣнно соблюдалась. Въ недостаткѣ исторической перспективы скорѣе надобно упрекнуть тѣхъ противниковъ, съ которыми ему приходилось спорить и которые именно забывали о ней, навязывая и въ настоящее время поклоненіе Ломоносову и Державину и не давая мѣста новой литературѣ.

Въ томъ трудѣ, который былъ предпринятъ Бѣлинскимъ, онъ былъ положительно предоставленъ собственнымъ силамъ. Ему нисколько не помогли ни Мерзляковъ, ни Шевыревъ, ни даже Полевой; они скорѣе даже мѣшали ему, потому что въ самое трудное для него время, въ началѣ его дѣятельности, когда онъ впервые высказывался, ихъ мнѣнія и писанія только загромождали его путь ложными понятіями, которыя ему нужно было отвергнуть или исправить. Ему помогъ отчасти Надеждинъ,—но только самымъ общимъ образомъ, намекомъ на болѣе строгія критическія требованія и своей наклонностью скептически смотрѣть на русскую литературу, — а все исполненіе было дѣломъ самого Бѣлинскаго: «Литературныя Мечтанія» сами по себѣ были уже дѣломъ такой критической силы, которой и тѣни не было у Шевырева и у всѣхъ противниковъ Бѣлинскаго, взятыхъ вмѣстѣ.

У новѣйшихъ изслѣдователей (съ конца сороковыхъ годовъ) являлась совсѣмъ иная чисто спеціальная задача: они уже имѣли передъ собой намѣченными основныя черты литературной исторіи съ XVIII вѣка, въ смыслѣ художественнаго развитія, и вовсе не перерѣшали сужденій Бѣлинскаго, а разбирали эту литературу съ другой, совсѣмъ новой стороны,—именно, со стороны бытовой исторіи, исторіи нравовъ и образованности. Для нихъ естественно понадобился иной подборъ фактовъ, иныя подробности; они принялись искать ихъ, и конечно многое находили,—но во всякомъ случаѣ дѣлали уже *другое* дѣло, и ихъ заботы ни мало не уменьшали заслуги Бѣлинскаго. Это были двѣ задачи и два историческіе пріема, изъ которыхъ каждый имѣлъ свое научное основаніе, и второй возможенъ былъ только при первомъ, или послѣ перваго.

Въ видѣ извиненія Бѣлинскому въ «недостаточной разработкѣ фактовъ», указываютъ, что тогда «слѣдовало разчистить самый родникъ, уяснить первоначальныя понятія». Намъ кажется, что «разчистить родникъ»—столь великая задача, что ея исполненіе есть уже достаточно великая и серьёзная заслуга: это — разъяснить самую сущность вопроса, что̀ труднѣе, чѣмъ разработывать подробности.

Понятно, что и «малый запасъ познаній» должно судить по сравненію не съ тѣмъ, какой былъ *послѣ* въ литературномъ обращеніи, а какой бывалъ въ тѣ времена. Въ одной изъ послѣднихъ статей своихъ Бѣлинскій, вызванный противниками, самъ смѣло высказывалъ, что своими трудами больше принесъ пользы литературѣ, чѣмъ «дѣйствительно ученые» его противники (онъ разумѣлъ тогда между прочимъ Шевырева). И онъ былъ, безъ сомнѣнія, правъ. Ученость бываетъ различная: бываетъ ученость, пріобрѣтаемая одной усидчивостью, состоящая въ знаніи заглавій, въ клочкахъ чужихъ мыслей, ничѣмъ несвязанныхъ, и не способная ни къ какому свободному развитію и живому примѣненію научной мысли. Такой учености не было у Бѣлинскаго, но очень много было у Шевырева, и извѣстно, какъ мало помогла эта ученость критическому пониманію Шевырева въ новой литературѣ, и какъ даже въ старой, которую онъ спеціально изучалъ, «ученая разработка» фактовъ привела его только къ самой уродливой исторической теоріи. Бѣлинскій и его друзья, съ которыми онъ параллельно развивался, стояли, конечно, несравненно выше ученаго ареопага ихъ противниковъ — въ томъ, что̀ было истиннымъ движущимъ началомъ тогдашней образованности. Какъ въ настоящее время этимъ движущимъ началомъ становится есте-

ствознаніе, такъ въ то время была имъ нѣмецкая философія: въ *тогдашнемъ* положеніи ученыхъ вещей это былъ высшій научный критеріумъ въ вопросахъ отвлеченной и нравственной философіи. Гдѣ же Бѣлинскій и его друзья познакомились съ этой нѣмецкой философіей? Въ оффиціальномъ ученомъ мірѣ знакомство съ Гегелемъ явилось только позднѣе, у молодыхъ ученыхъ, штудировавшихъ за границей, а первое изученіе Гегеля въ Россіи было самостоятельнымъ дѣломъ кружка́ Станкевича, въ половинѣ тридцатыхъ годовъ, и впослѣдствіи, когда Станкевича уже не было, кружокъ Бѣлинскаго съумѣлъ воспринять и переработать ее въ любопытномъ и замѣчательномъ совпаденіи съ движеніемъ этой философіи въ самой Германіи, въ молодой гегеліянской школѣ, и затѣмъ выдти изъ нея къ новымъ научнымъ и общественнымъ интересамъ. Бѣлинскій имѣлъ здѣсь уже свободную дѣятельную роль. Чѣмъ отвѣчали на это «дѣйствительно ученые» противники? Шевыревъ восхвалялъ въ «Москвитянинѣ» мистическую философію Баадера; И. И. Давыдовъ въ томъ же «Москвитянинѣ», отвергая гегеліянство, рекомендовалъ какую-то супер-натуральную философію умѣренности и аккуратности. Оба они были *докторами* философіи, и журналъ издавался чуть ли не *докторомъ* историческихъ наукъ. Тѣ, кто обвиняетъ Бѣлинскаго въ маломъ запасѣ знаній, вообще забываютъ о томъ, что творилось въ тогдашней литературѣ подъ руками «дѣйствительно ученыхъ» дѣятелей, напр. обо всей массѣ нелѣпостей, какія печаталъ «Москвитянинъ», о томъ презрительномъ шутовствѣ или невѣжествѣ (иногда это трудно разобрать), съ какимъ относился къ русской литературѣ и къ европейской наукѣ Сенковскій, о мистическихъ и хвастливыхъ мечтаніяхъ стараго и новаго славянофильства и т. д. и т. д. Было бы долго пересчитывать странныя и просто дикія мнѣнія, принадлежавшія часто и «дѣйствительно ученымъ», съ которыми приходилось имѣть дѣло мало-ученому Бѣлинскому; образчики этого рода были давно приведены и, къ сожалѣнію, забыты теперь критиками Бѣлинскаго [1]). Въ примѣчаніи читатель найдетъ нѣсколько этихъ об-

---

[1]) Въ упомянутыхъ статьяхъ „Совр.“ 1855—1856 г. Въ одномъ мѣстѣ авторъ этихъ статей, критикъ новаго литературнаго поколѣнія, останавливается на другомъ обвиненіи, какое по преданію взводимо было на Бѣлинскаго,—на обвиненіи въ нетерпимости, въ рѣзкости (печатныхъ) мнѣній. Авторъ объясняетъ, какова была на самомъ дѣлѣ эта мнимая рѣзкость Бѣлинскаго, и могъ ли онъ быть болѣе уступчивъ, когда ему приходилось имѣть дѣло съ мнѣніями, явно нелѣпыми. — Приводимые имъ примѣры могутъ служить и для нашей цѣли.

„Въ спорахъ съ противниками Бѣлинскій не имѣлъ привычки уступать, и въ полемикѣ, которую онъ велъ, не было ни одного случая, когда споръ не кончался бы

разчиковъ: они кажутся невѣроятными, но подлинность ихъ однако несомнѣнна; — читатель можетъ найти ихъ у Сенковскаго, Полеваго, но въ особенности у писателей «Москвитянина» и въ другихъ славянофильскихъ изданіяхъ. — Въ чемъ же дѣло? Въ томъ, что «ученость» (которую всѣ признавали и даже восхваляли у большинства цитированныхъ здѣсь авторовъ) часто вовсе не избавляетъ отъ необразованности, или по крайней мѣрѣ отъ совершеннаго умственнаго безплодія, или неумѣнья съ здравымъ смысломъ пользоваться знаніями, если они и бывали.

У Бѣлинскаго не было ученой спеціальности; онъ и не нуждался въ ней по цѣлямъ своей дѣятельности, — но конечно никто изъ его ученыхъ противниковъ, которыхъ книжныя свѣдѣнія могли превышать «малыя познанія» Бѣлинскаго, не обладалъ тѣмъ пламеннымъ стремленіемъ къ правдѣ, тѣмъ вѣрнымъ угадываніемъ ея и воспринятіемъ и въ личную жизнь и въ служеніе своему обществу,—какія принадлежатъ истинному образованію и которыя были у Бѣлинскаго самой природой. Его знанія, его идеалы никогда не были для него только книжнымъ пріобрѣтеніемъ; онъ

совершеннымъ пораженіемъ противника во всѣхъ пунктахъ... Но должно только припомнить, съ какими мнѣніями велъ онъ борьбу, и надобно будетъ признаться, что иначе споръ не могъ кончаться. Бѣлинскій спорилъ только противъ мнѣній, положительно вредныхъ и рѣшительно ошибочныхъ... (Поэтому именно онъ и не могъ быть уступчивъ; въ противномъ случаѣ, еслибъ его противники имѣли на своей сторонѣ долю правды, онъ охотно призналъ бы ее)... Когда онъ замѣчалъ свои ошибки, онъ не колебался самъ первый обнаруживать ихъ. Но что оставалось ему дѣлать, когда, напримѣръ, одинъ изъ его противниковъ возмущался отсутствіемъ всякихъ убѣжденій въ статьяхъ Бѣлинскаго, когда тотъ же самый противникъ утверждалъ, что Бѣлинскій пишетъ, самъ не понимая смысла своихъ словъ, — потомъ твердилъ, что Бѣлинскій заимствуетъ у него свои понятія (когда дѣло было совершенно наоборотъ, что очевидно каждому при сличеніи стараго „Москвитянина“ съ „Отеч. Записками“),— когда другіе возставали на Бѣлинскаго за мнимое неуваженіе къ Державину и Карамзину (которыхъ онъ первый оцѣнилъ) и т. д., — тутъ, при всей готовности быть уступчивымъ, невозможно было увидѣть въ замѣчаніяхъ противниковъ ни искры правды, и невозможно было не сказать, что они совершенно ошибочны. Таково же бывало положеніе дѣла, когда Бѣлинскій въ свою очередь начиналъ полемику: могъ ли онъ не говорить, что мнѣнія, противъ которыхъ онъ возстаетъ, совершенно лишены всякаго основанія, когда эти мнѣнія были такого рода: „Гоголь писатель безъ всякаго таланта — лучшее лицо въ „Мертвыхъ Душахъ“ кучеръ Чичикова Селифанъ— Гегелева философія заимствована изъ „Завѣщанія“ Владиміра Мономаха—писатели, подобные г. Тургеневу и г. Григоровичу, достойны сожалѣнія потому, что берутъ содержаніе своихъ произведеній не изъ русскаго быта — Лермонтовъ былъ подражателемъ г. Бенедиктова и плохо владѣлъ стихомъ — романы Диккенса произведенія уродливой бездарности — Пушкинъ былъ плохой писатель—величайшіе поэты нашего вѣка Викторъ Гюго и г. Хомяковъ—г. Соловьевъ не имѣетъ понятія о русской исторіи— нѣмцы должны быть истреблены—VII глава „Евгенія Онѣгина“ есть рабское подра-

переживалъ ихъ всѣмъ своимъ существомъ, добытыя убѣжденія считалъ нравственной обязанностью, принималъ ихъ какъ религію,—и въ этомъ была его великая сила.

Намъ остается сказать еще о дальнѣйшей литературной судьбѣ Бѣлинскаго.

По его смерти, имя его названо было въ первый разъ въ 1856 году. Но еще раньше, какъ только открылась возможность намекать на это имя (въ 1855), воспоминаніе объ его дѣятельности было одною изъ первыхъ мыслей возрождавшейся литературы. Съ тѣхъ поръ явился цѣлый рядъ воспоминаній, характеристикъ, біографическихъ очерковъ. Сочиненія его, изданныя въ 1859—1862, имѣли значительный успѣхъ, который показывалъ, что при всей перемѣнѣ интересовъ въ новомъ наступившемъ періодѣ общественной жизни Бѣлинскій привлекалъ къ себѣ не одно историческое любопытство. Очевидно, вліяніе его еще продолжалось въ массѣ читателей.

Для критиковъ новаго литературнаго поколѣнія Бѣлинскій точно также остался предметомъ высокаго уваженія. Объясненію его

жаніе одной изъ главъ „Ивана Выжигина“ — лучшее произведеніе Гоголя его „Вечера на Хуторѣ“ (по мнѣнію однихъ) или „Переписка съ друзьями“ (по мнѣнію другихъ), остальныя же гораздо слабѣе—Англія погибла около 1837 года, такъ что не осталось и слѣдовъ ея существованія, какъ не осталось слѣдовъ платоновой Атлантиды—Англія единственное живое государство въ западной Европѣ (мнѣніе того же писателя, который открылъ, что она погибла)—лукавый западъ гніетъ, и мы должны поскорѣе обновить его мудростью Сковороды — Византія должна быть нашимъ идеаломъ — просвѣщеніе приноситъ вредъ“ и т. д. и т. д. Можно ли найти хотя какую-нибудь частицу правды въ такихъ сужденіяхъ? Можно ли дѣлать имъ уступки? Возставать противъ нихъ значитъ ли обнаруживать духъ нетерпимости? Когда одному изъ людей, воображающихъ себя учеными, и пользовавшемуся сильнымъ вліяніемъ въ журналѣ, который имѣлъ своею спеціальностью борьбу противъ Бѣлинскаго и „Отеч. Записокъ“, вздумалось утверждать, что Галилей и Ньютонъ поставили астрономію на ложный путь, неужели можно было бы вести съ нимъ споръ такимъ образомъ: „Въ вашихъ словахъ есть много справедливаго... но, соглашаясь съ вами въ главномъ, мы должны сказать, что нѣкоторыя подробности въ вашихъ замѣчаніяхъ кажутся намъ не совсѣмъ ясны“: говорить такъ, значило бы измѣнять очевидной истинѣ и дѣлать себя предметомъ общей насмѣшки. Возможно ли было говорить такимъ тономъ и о тѣхъ сужденіяхъ, образцы которыхъ представили мы выше, и которыя въ своемъ родѣ ничуть не хуже опроверженія Ньютоновой теоріи... Относительно такихъ мнѣній нѣтъ средины: или надобно молчать о нихъ, или прямо, безъ малѣйшихъ уступокъ, высказывать, что они лишены всякаго основанія. Разумѣется, нападенія на Галилея и Ньютона можно было оставить безъ вниманія — не было опасности, чтобы кто-нибудь введенъ былъ ими въ заблужденіе. Но другія сужденія не были такъ невинны“... („Соврем.“ 1856, кн. 10, стр. 42—44. О недостаткѣ „учености“ у Бѣлинскаго см. тамъ же, кн. 11, стр. 14—16).

историческаго значенія посвященъ былъ на первыхъ же порахъ обширный трудъ, который свидѣтельствовалъ о самомъ тепломъ сочувствіи и высокой оцѣнкѣ. Новая критика очевидно связывала свое дѣло съ дѣломъ Бѣлинскаго, какъ его продолженіе и развитіе...

Между тѣмъ уже довольно скоро обнаружилось странное недоразумѣніе. Въ литературѣ еще продолжали дѣйствовать современники Бѣлинскаго, люди его круга, его ближайшіе друзья, дѣлившіе съ нимъ и успѣхи, и невзгоды. Въ своей дѣятельности они, конечно, также думали видѣть дальнѣйшее развитіе содержанія, для котораго работали въ болѣе трудныя времена еще съ Бѣлинскимъ; въ явленіяхъ новой литературы и общественности, они могли видѣть (и справедливо) не малую долю своего труда и заслуги. Надо было бы ожидать, что они увидятъ друзей и союзниковъ въ писателяхъ новаго поколѣнія, для которыхъ Бѣлинскій послужилъ школой и исходнымъ пунктомъ: у нихъ, въ самомъ дѣлѣ, было много общихъ стремленій, несомнѣнно было много общихъ враговъ—и въ литературѣ, и въ общественныхъ элементахъ. Нѣсколько времени дѣйствительно сохранялась между тѣми и другими извѣстная солидарность; по крайней мѣрѣ возможно было согласное дѣйствіе и взаимное пониманіе. Но вскорѣ между ними стало больше и больше замѣтно отдаленіе, охлажденіе, наконецъ разрывъ. Двѣ стороны стали (около 1860 года) почти въ то самое положеніе, въ какое обыкновенно становились у насъ два поколѣнія: онѣ перестали понимать другъ друга. Намъ нѣтъ надобности входить въ эту длинную и довольно мудреную для изложенія исторію, — притомъ, главное болѣе или менѣе извѣстно. Эта исторія важна здѣсь для насъ только по отношенію къ Бѣлинскому, по взглядамъ на его дѣятельность, какіе были высказаны съ той и другой стороны. Разногласіе оказалось и въ пониманіи Бѣлинскаго; и начало этого разногласія можно замѣтить уже въ первое время, когда стало возможно говорить о Бѣлинскомъ.

Мы видѣли, по фактамъ, по признаніямъ самого Бѣлинскаго, какъ сложились въ послѣдніе годы его понятія, въ чемъ онъ видѣлъ потребность общественнаго образованія и цѣль своей дѣятельности. И въ свои послѣдніе годы онъ оставался, по традиціи, по необходимости, литературнымъ, эстетическимъ критикомъ, но критика представлялась ему уже совсѣмъ иначе: вопросы чистой эстетики переставали занимать его, и на первомъ планѣ стоялъ интересъ общественный. Мы видѣли, какъ естественно и послѣдовательно совершалась въ немъ эта смѣна, въ которой одинаково отражалось и соединялось его личное развитіе и движе-

ніе самого общества. Отвлеченный нравственный принципъ самъ собою, логическимъ ходомъ, достигалъ большаго опредѣленія и приходилъ къ неизбѣжному результату: горячее, правдивое отношеніе къ нему Бѣлинскаго ясно показывало ему этотъ результатъ, и онъ его принялъ. Совершенно очевидно, что иначе не могло и быть, и что стремленіе къ общественной критикѣ составляло въ немъ исторически необходимую и столь существенную черту, что ея невозможно отдѣлить отъ его цѣлаго историческаго характера. Мы видѣли, какъ этому личному развитію соотвѣтствовало и движеніе самой литературы, гдѣ, хотя не смѣло и сдержанно, но, для понимающихъ, совершенно ясно высказывалось то же направленіе, то же стараніе подойти къ общественной дѣйствительности, отвергнуть ея отживающія начала, заявить новыя требованія. Не говоримъ уже о подобной публицистической наклонности ближайшихъ друзей Бѣлинскаго, работавшихъ рядомъ съ нимъ, о дѣятельности друзей, болѣе юныхъ, какъ Валеріанъ Майковъ, и др.; это направленіе сказывалось и въ чистой беллетристикѣ, въ литературѣ «художественной». Такъ называемая натуральная школа имѣла смыслъ—именно обращенія къ обыденной жизни массъ, указанія ихъ бѣдственности и безправія,—смыслъ филантропіи, но и протеста. Въ послѣ-гоголевской литературѣ вообще примѣнялось и развивалось общественное направленіе самого Гоголя, и у новыхъ писателей это примѣненіе становилось уже видимой цѣлью: таковы—«Разсказы Охотника», повѣсти Григоровича, въ которыхъ читатели видѣли ясные намеки на крѣпостное право; таковы были повѣсти Достоевскаго, явно разработывавшаго темы гоголевской «Шинели», «Записокъ Сумасшедшаго» и т. п.; стихи Некрасова, рѣзко задѣвавшіе «общественныя» темы; съ другой стороны, внѣ непосредственныхъ вліяній Гоголя и подъ явнымъ вліяніемъ Жоржъ-Занда—повѣсти Дружинина, отчасти Кудрявцева, указывавшія на женскій вопросъ, и т. д. Въ самыхъ повѣстяхъ г. Гончарова, рисовавшихъ жизнь безъ предвзятой цѣли, Бѣлинскій съ удовольствіемъ указывалъ ихъ общественную полезность — изобличеніе мечтательнаго бездѣлья, пустой романтики.

Оставляя въ сторонѣ теоретическій вопросъ объ «утилитарности», нельзя не видѣть, что Бѣлинскій вовсе не былъ одинокъ въ своемъ обращеніи отъ «чистаго» искусства къ тенденціозности, къ тому, что̀ называютъ у него «утилитарностью». Всѣ названные писатели, за исключеніемъ развѣ г. Гончарова, были явно, несомнѣнно тенденціозны и въ своемъ собственномъ сознаніи они не только не отвергали этой тенденціозности, но безъ

сомнѣнія считали (и справедливо) ее заслугой, въ тогдашнемъ обществѣ, которому хотѣли указать мрачныя и тяжелыя стороны его настоящаго, и лучшіе идеалы. Общественный голосъ и тогда, и послѣ, признавалъ эту заслугу, которая и опредѣлила ихъ историческое мѣсто. Съ Бѣлинскимъ они были совершенно солидарны.

Но по смерти Бѣлинскаго въ понятіяхъ кружка̀ наступилъ сначало мало замѣтный поворотъ, который чѣмъ дальше, тѣмъ обнаруживался яснѣе. Преданіе какъ будто забывалось. Одной изъ причинъ поворота было то, что въ первое время Бѣлинскому не нашлось преемника равной силы и энтузіазма, а другою то, что крайнее внѣшнее стѣсненіе литературы не позволяло и думать о продолженіи начатаго; невольное удаленіе отъ живыхъ общественныхъ задачъ обращало писателей и критику опять къ отвлеченному искусству и «эстетическому воспитанію». На мѣсто Бѣлинскаго и Валер. Майкова критиками явились Боткинъ (со взглядами его второго періода, т.-е. съ удаленіемъ отъ либеральнаго идеализма и съ культомъ чистаго искусства), Дружининъ и Дудышкинъ, одинъ — изъ самыхъ старыхъ, другіе — изъ новыхъ друзей Бѣлинскаго, которые одинаково думали теперь, что именно продолжаютъ дѣло Бѣлинскаго; и потомъ, когда послѣ этого междуцарствія въ литературѣ началось новое движеніе, и—именно съ того, на чемъ остановилось оно при Бѣлинскомъ,—многимъ изъ друзей Бѣлинскаго стало казаться, что литература, напротивъ, покидаетъ открытый имъ путь и сбивается куда-то на ложную дорогу. Бѣлинскій сталъ представляться этимъ друзьямъ какъ именно чистый эстетикъ; забывая собственную тенденціозную дѣятельность кружка́, начатую еще при немъ, они противопоставляли теорію чистаго искусства новымъ возникавшимъ (или только возвращавшимся) взглядамъ, приводя въ свою защиту и Бѣлинскаго, которому приписывали ту же теорію. Когда новая критика желала отъ писателя только болѣе ясныхъ выраженій того общественнаго направленія, какое литература приняла еще въ сороковыхъ годахъ; когда при этомъ замѣчалось, что для литературы есть болѣе серьёзныя задачи, чѣмъ, напр., извѣстное «чернокнижіе», и въ жизни общества есть еще много важныхъ предметовъ, кромѣ «тайниковъ женскаго сердца»; когда вообще выражено было сомнѣніе, дѣйствительно ли столь «свободно» то наше «искусство», о которомъ такъ много говорилось, и дѣйствительно ли столь велики его пріобрѣтенія въ тогдашней литературѣ,—людямъ прежняго круга Бѣлинскаго казалось, что новая критика не признаетъ «вѣчныхъ» законовъ искусства и хочетъ

ограничить, унизить его для узкой, временной полезности. Когда новая критика желала выяснить самые законы искусства менѣе метафизическимъ способомъ, чѣмъ то дѣлалось со временъ Шеллинга и Гегеля, и пробовала указывать объясненія, болѣе соотвѣтствующія требованіямъ современнаго точнаго изслѣдованія, это показалось просто нарушеніемъ и разграбленіемъ эстетической святыни. Читатель, слѣдившій за этими предметами, припомнитъ эстетическій споръ, который велся въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ, и другой эстетическій разрывъ двухъ сторонъ въ началѣ шестидесятыхъ.

Эти полемическія отношенія отразились и на историческомъ опредѣленіи Бѣлинскаго. Враждебный взглядъ людей прежняго круга Бѣлинскаго на новыя литературныя стремленія получилъ такъ сказать обратное дѣйствіе: свой собственный *новый* взглядъ они приписали и Бѣлинскому и выставили Бѣлинскаго *противъ* тѣхъ идей, съ которыми спорили сами. Другими словами: ставя себя въ солидарность съ Бѣлинскимъ, они отвергали историческую связь его съ ихъ противниками, видѣли въ идеяхъ этихъ противниковъ не преемственность идеямъ Бѣлинскаго, а скорѣе прямое ихъ нарушеніе и отрицаніе.

Мы думаемъ объ этомъ совершенно наоборотъ.

Для объясненія нашихъ словъ возвратимся опять къ тѣмъ воспоминаніямъ о Бѣлинскомъ, которыя доставляютъ о немъ столько любопытныхъ подробностей и которыя, по имени автора, заслуживаютъ и требуютъ особеннаго вниманія. Воспоминанія г. Тургенева въ различныхъ отзывахъ о Бѣлинскомъ самымъ несомнительнымъ образомъ выражаютъ взглядъ, о которомъ мы говорили, и котораго не можемъ обойти при исторической оцѣнкѣ Бѣлинскаго, такъ какъ онъ идетъ отъ очень авторитетнаго писателя и одного изъ ближайшихъ лицъ того кружка́.

Присутствіе указанныхъ соображеній явно обнаруживается слѣдующими словами автора, въ которыхъ, кромѣ полемическаго аргумента, мы не можемъ согласиться и съ тѣмъ характеромъ, какой здѣсь приписывается Бѣлинскому.

Сказавъ о замѣчательномъ эстетическомъ чутьѣ Бѣлинскаго, г. Тургеневъ продолжаетъ:

«Другое замѣчательное качество Бѣлинскаго, какъ критика, было его пониманіе того, что́ именно стоитъ на очереди, что́ требуетъ немедленнаго разрѣшенія, въ чемъ сказывается «злоба дня». Не въ пору гость хуже татарина,—гласитъ пословица; не въ пору возвѣщенная истина хуже лжи, не въ пору поднятый вопросъ только путаетъ и мѣшаетъ. Бѣлинскій никогда бы не

позволилъ себѣ той ошибки, въ которую впалъ даровитый Добролюбовъ; онъ не сталъ бы, напримѣръ, съ ожесточеніемъ бранить Кавура, Пальмерстона, вообще парламентаризмъ, какъ неполную и потому невѣрную форму правленія. Даже допустивъ справедливость упрековъ, заслуженныхъ Кавуромъ, онъ бы понялъ всю несвоевременность (у насъ, въ Россіи, въ 1862 году)—подобныхъ нападеній; онъ бы понялъ, какой партіи они должны были оказать услугу, кто бы порадовался имъ! Бѣлинскій *очень хорошо сознавалъ,* что при обстановкѣ, среди которой онъ дѣйствовалъ, ему *не слѣдовало* выходить изъ круга чисто литературной критики. Во-первыхъ, при тогдашнихъ оффиціальныхъ, житейскихъ, цензурныхъ условіяхъ иначе дѣйствовать было слишкомъ затруднительно... а во-вторыхъ, онъ очень ясно видѣлъ и понималъ, что въ развитіи каждаго народа литературная эпоха предшествуетъ другимъ; что, не переживъ и не преодолѣвъ ея, нельзя двигаться впередъ, что критика, въ смыслѣ отрицанія фальши и лжи, должна сперва подвергнуть анализу явленія литературныя — и что именно въ этомъ и состояло его литературное призваніе. Его политическія, соціальныя убѣжденія были очень сильны и опредѣлительно рѣзки; но они оставались въ сферѣ инстинктивныхъ симпатій и антипатій. Повторяю: Бѣлинскій зналъ, что нечего было думать примѣнять ихъ, проводить ихъ въ дѣйствительность; да еслибъ оно и стало возможнымъ—въ немъ самомъ не было ни достаточной подготовки, ни даже потребнаго на то темперамента, — онъ и это зналъ—и съ свойственнымъ ему практическимъ пониманіемъ своей роли, *самъ* ограничилъ кругъ своей дѣятельности, *сжалъ* ее въ извѣстные предѣлы... Незадолго до смерти Бѣлинскій начиналъ чувствовать, что наступало время сдѣлать новый шагъ, выдти изъ того тѣснаго круга; политико-экономическіе вопросы должны были *смѣнить* вопросы эстетическіе, литературные, но самъ онъ себя уже *устранялъ* и указывалъ на другое лицо, въ которомъ видѣлъ своего преемника—на В. Н. Майкова, брата поэта»... [1]).

Противоположеніе явно сдѣлано съ полемическою цѣлью и дальше, какъ увидимъ, опять повторяется, не въ пользу Добролюбова. Но это противоположеніе есть однако чисто воображаемое, и главное — Бѣлинскому дается при этомъ, по нашему мнѣнію, невѣрная характеристика.

«Не въ пору гость хуже татарина» — такой недвусмысленной фразой авторъ желаетъ опредѣлить ошибку Добролюбова,

---

[1]) „Вѣстн. Евр.", 705—706.

которой, по его мнѣнію, никогда бы не сдѣлалъ Бѣлинскій. Не будемъ спорить съ авторомъ лично о Добролюбовѣ, хотя въ приведенномъ примѣрѣ не видимъ никакой особенной ошибки [1]), но никакъ не можемъ согласиться съ тѣмъ, чтó говоритъ авторъ о Бѣлинскомъ. Слова его о Бѣлинскомъ совершенно опровергаются извѣстными фактами. Неужели правда, въ самомъ дѣлѣ, что Бѣлинскій *сознавалъ*, что ему *не слѣдовало* выходить изъ круга чисто литературной критики? Если не слѣдовало — только по внѣшнимъ, цензурнымъ затрудненіямъ, которыя отъ него ни мало не зависѣли, и не оставляли для него выбора,— то это не былъ уже *его* взглядъ, и объ этомъ не стоило говорить: физическая необходимость заставляла и его, и Добролюбова одинаково покоряться этимъ условіямъ. Но никогда Бѣлинскій (кромѣ 1837—39 г.) не думалъ *самъ*, что это и есть самое лучшее положеніе для его литературной дѣятельности. Мы видѣли длинный рядъ его жалобъ и негодованія на «отеческую расправу», на «шельмованіе», на «палачей»; онъ бился какъ рыба объ ледъ, истинно страдалъ отъ того, что мысль, имъ уже высказанная, т.-е. написанная, погибала въ печати,—и ни мало не думалъ онъ, что ему *не слѣдовало* выходить изъ круга чисто литературной критики: напротивъ, ему давно наскучило говорить «все о литературѣ, и никогда о нравахъ», онъ питалъ отвращеніе

---

[1]) Почтенный авторъ, имѣвшій въ теченіе своей дѣятельности не мало литературнаго опыта, долженъ согласиться, что русская литература, съ самаго начала, вовсе не имѣла относительно „истинъ" такого положенія, которое можно было бы назвать свободнымъ и нормальнымъ; никакой энтузіазмъ, никакая преданность „истинѣ" въ отдѣльномъ писателѣ не давали ему возможности полно и серьёзно развивать ее (хотя бы чисто теоретически)—такъ, какъ онъ самъ былъ въ ней убѣжденъ, какъ стремился бы ее высказать. По собственному опыту въ русской литературѣ авторъ знаетъ, что она и до сихъ поръ очень небогата „истинами", что самое большее, чего она достигала—было только, что ей „удавалось" намекать, сообщать о нихъ, съ грѣхомъ пополамъ, нѣкоторое приблизительное понятіе. Неужели, при такомъ положеніи вещей, „истина" есть для насъ такая обыкновенная вещь, что мы можемъ относиться къ ней съ пренебреженіемъ и трактовать ее „хуже чѣмъ татарина"? И съ другой стороны, возвращаясь къ тому же примѣру, спросимъ, неужели русская литература была въ такомъ положеніи, чтобъ ея голосъ могъ имѣть силу въ *подобныхъ* вопросахъ? „Не въ пору возвѣщенная истина", говоритъ г. Тургеневъ объ ошибкахъ Добролюбова. Но мы недоумѣваемъ, чему и кому могъ помѣшать Добролюбовъ (въ томъ смыслѣ, какъ винитъ его г. Тургеневъ) своими нападеніями на итальянскій парламентаризмъ, или какой партіи они должны были оказать услугу. Сколько мы понимаемъ, одна партія могла быть недовольна: въ то время, когда писалъ Добролюбовъ, это была партія „Русскаго Вѣстника" (уже вскорѣ совершенно объяснившаяся), а когда писалъ г. Тургеневъ — партія „Вѣсти". Едва ли надо сожалѣть, если Добролюбовъ помѣшалъ которой-нибудь изъ нихъ.

къ «лисьему верченію хвостомъ», онъ рвался говорить о жизни, объ обществѣ, о томъ, что̀ именно выходило изъ круга чисто литературной критики. Въ послѣдніе годы его критика въ самомъ дѣлѣ больше и больше покидала чисто литературную почву и обращалась къ вопросамъ общественной жизни. Изъ его послѣднихъ писемъ видно, до какой степени его занимали вопросы этого рода, напр., слухъ о готовящейся отмѣнѣ крѣпостного права; какъ русская повѣсть становится для него цѣнной лишь настолько, насколько въ ней присутствуютъ эти интересы общественной жизни; какъ изъ общественныхъ, и вовсе не только литературныхъ, причинъ развивалась его вражда къ славянофильству и т. п. Его подавляла, томила внѣшняя невозможность говорить о подобныхъ предметахъ въ печати, какъ говорилъ онъ съ друзьями; и никогда онъ не думалъ, по доброй волѣ, что не слѣдовало говорить о нихъ самому обществу—напротивъ, это было бы самое страстное его желаніе. — Если дѣйствительно, какъ замѣчаетъ авторъ, Бѣлинскій видѣлъ подъ конецъ жизни, что наступало время сдѣлать новый шагъ и при этомъ онъ себя уже устранялъ, — то конечно это могло быть сказано только или въ томъ смыслѣ, что Бѣлинскій вообще предчувствовалъ конецъ своей дѣятельности, или въ томъ, что не хотѣлъ браться за предметы (политико-экономическіе), къ которымъ не былъ спеціально приготовленъ: иначе, немыслимо, чтобы Бѣлинскій могъ думать, что ему уже *нечего* говорить, какъ будто могла истощиться масса основныхъ понятій общественнаго права и нравственности, — разъясненіе которыхъ могло бы быть еще необходимѣе для общества въ такую пору, когда бы явились передъ нимъ спеціальные вопросы общественнаго преобразованія, — и нѣтъ сомнѣнія, что по этимъ основнымъ предметамъ общественной нравственности Бѣлинскій могъ бы сказать много краснорѣчивыхъ словъ, полныхъ глубокаго убѣжденія и нужныхъ для общества.

Бѣлинскій очень хорошо видѣлъ, продолжаетъ авторъ, что «въ развитіи каждаго народа литературная эпоха предшествуетъ другимъ, что не переживъ ея, нельзя двигаться впередъ» и пр. Мысль не совсѣмъ опредѣленная, но если и принять ее какъ есть, то гдѣ граница этой литературной эпохи? Кто укажетъ, гдѣ кончается она, и гдѣ должна начаться другая эпоха?

Г. Тургеневъ заключаетъ этотъ параграфъ своихъ воспоминаній повтореніемъ мысли, что дѣятельность Бѣлинскаго «неуклонно» и строго держалась литературной почвы. Мы видѣли, что̀ производило эту неуклонность: не-литературная почва была

заперта. «Только въ одномъ извѣстномъ письмѣ эта страсть, которую Бѣлинскій—

«...Во тьмѣ ночной
«Вскормилъ слезами и тоской»,

прорвалась наружу—какъ тотъ огонь, о которомъ говоритъ Лермонтовъ»...

Да *эта* именно страсть и составляла весь нравственный и историческій характеръ Бѣлинскаго.

Словомъ, въ разсказѣ г. Тургенева, образъ мыслей Бѣлинскаго и его дѣятельность является, что называется honnête et modéré, когда вся его біографія есть исторія страстныхъ увлеченій, упорнаго отрицанія, которыя наполняли всю его литературную роль. «Извѣстное письмо» представляется у г. Тургенева какъ исключеніе, какъ разъ только несдержанный (и по сравненію съ обыкновенной «умѣренностью», конечно, неблагоразумный) порывъ. Перечитавъ всю переписку Бѣлинскаго, какую только могли мы собрать, мы можемъ положительно сказать, что если нѣтъ въ этой перепискѣ другого письма, столько цѣльнаго, какъ это, то существуютъ письма (а существовало и больше), гдѣ порывы страсти столь же пылки и неумѣренны... Нѣкоторое понятіе о подобныхъ настроеніяхъ Бѣлинскаго могутъ дать и напечатанные теперь отрывки.

И въ другомъ мѣстѣ своихъ воспоминаній г. Тургеневъ дѣлаетъ изъ Бѣлинскаго полемическое оружіе противъ новой критики.

«Еще одно замѣчательное качество Бѣлинскаго, какъ критика,—говоритъ онъ,—состояло въ томъ, что онъ былъ всегда, какъ говорятъ англичане, «in earnest»; онъ не шутилъ ни съ предметомъ своихъ розысканій, ни съ читателемъ, ни съ самимъ собою; а позднѣйшее, столь распространенное глумленіе онъ бы отвергнулъ какъ недостойное легкомысліе или трусость. Извѣстно, что глумящійся человѣкъ часто самъ хорошенько не даетъ себѣ отчета, надъ чѣмъ онъ трунитъ и иронизируетъ; во всякомъ случаѣ, онъ можетъ воспользоваться этими ширмочками, чтобы скрыть за ними шаткость и неясность своихъ убѣжденій» и т. д. [1]).

До конца параграфа идетъ противоположеніе Бѣлинскаго съ новыми писателями, подъ которыми опять нельзя не разумѣть Добролюбова... «Мнѣ скажутъ, — прибавляетъ авторъ,—что бываютъ времена, когда можно только намекать на истину, и что смѣющимся устамъ легче высказывать ее... Да развѣ Бѣлинскій жилъ въ такое время, когда можно было все высказывать на

---

[1]) Тамъ же, стр. 713—714.

чистоту? И однако же не прибѣгалъ онъ къ глумленію, зубоскальству»...

Но вѣдь бываютъ у людей, и писателей, разные характеры, складъ ума, свойство таланта. Такая разница была между Бѣлинскимъ и Добролюбовымъ. Бѣлинскій былъ восторженный идеалистъ, всегда увлекающійся энтузіастъ; самъ онъ замѣчалъ, что онъ шутить не мастеръ, какъ говоритъ г. Тургеневъ и какъ мы читали въ собственныхъ письмахъ Бѣлинскаго. Къ подобному энтузіазму, какъ у Бѣлинскаго, обыкновенно и нейдетъ охота и способность къ шуткѣ и остроумію: натура, вполнѣ экспансивная, онъ или безусловно восторгался тѣмъ, что ему нравилось и отвѣчало его мыслямъ, или нервно волновался, впадая въ раздраженіе и гнѣвъ. Добролюбовъ былъ человѣкъ иного рода: несомнѣнно и богато остроумный, также идеалистъ, онъ быстро прошелъ въ своей короткой жизни охлаждавшіе и ожесточавшіе опыты, принималъ ихъ не легко, — какъ бываетъ съ людьми поверхностными,—но, напротивъ, съ тяжелымъ чувствомъ, котораго горечь еще усиливалась сосредоточенностью характера, и въ концѣ-концовъ, его талантъ, его остроуміе, приняли желчное направленіе, которому и жизнь, и литература давали, къ сожалѣнію, слишкомъ много пищи. Понятно, что дѣятельность ихъ, Бѣлинскаго и Добролюбова, сложилась въ разные оттѣнки, но г. Тургеневъ слишкомъ поспѣшно заключилъ, что эта была противоположность, что Бѣлинскій «отвергнулъ бы» шутку Добролюбова. Мы думаемъ напротивъ, что противоположности не было, и—если продолжать гипотезу, въ которой г. Тургеневъ хотѣлъ выразить отношеніе между этими писателями, — то Бѣлинскій безъ всякаго сомнѣнія съумѣлъ бы понять, что было на душѣ у этого, и весело, а чаще желчно шутившаго человѣка: Бѣлинскому не трудно было бы понять это, потому что онъ слишкомъ хорошо зналъ условія русской литературы. Далѣе, если обратиться къ фактамъ, то литература временъ Бѣлинскаго вовсе не была лишена элемента шутки и «глумленія»: такова была полемика «Отеч. Записокъ» въ рукахъ Г. (противъ «Москвитянина»), таковы были другіе примѣры полемики, напримѣръ, нѣкоторыя статьи о Булгаринѣ, приводившія Бѣлинскаго въ восторгъ, или непечатныя стихотворныя пародіи (противъ Мих. Дмитріева, Языкова), доставлявшія ему тоже большое удовольствіе; наконецъ, что такое была статья «Педантъ», самого Бѣлинскаго, какъ не желчное глумленіе надъ противникомъ — въ томъ же стилѣ, какъ иногда бывало у Добролюбова? Притомъ, неужели новая критика занималась однимъ глумленіемъ? Рядъ критиче-

скихъ статей Добролюбова о главнѣйшихъ писателяхъ пятидесятыхъ годовъ, былъ написанъ съ глубокой серьёзностью, не одинъ разъ превышавшей серьёзность самыхъ произведеній, которыми онѣ были вызваны;—эти статьи, конечно, памятны тѣмъ, кто читалъ Добролюбова. Наконецъ, если ужъ загадывать возможности, по характерамъ лицъ, мы не сомнѣваемся, что Бѣлинскій съумѣлъ бы совершенно понять Добролюбова: еслибы даже отрицательное настроеніе Добролюбова перешло и тѣ предѣлы, до которыхъ шелъ самъ Бѣлинскій, то Бѣлинскій понялъ бы, что источникъ этого отрицанія есть именно та «другая сторона любви», о которой говоритъ онъ въ одномъ изъ послѣднихъ приведенныхъ нами писемъ (конца 1847 г.): за это пониманіе ручается то свойство въ характерѣ Бѣлинскаго, которое на этотъ разъ очень вѣрно указываетъ самъ г. Тургеневъ (стр. 721).

Наконецъ, и въ третьемъ случаѣ авторъ проводитъ это противоположеніе Бѣлинскаго съ новой критикой [1]). Намекая на одинъ споръ о началахъ искусства (въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ), авторъ категорически заявляетъ, что мысли объ отношеніи искусства къ дѣйствительности и жизни, высказанныя тогда, по случайному поводу, однимъ изъ новыхъ критиковъ, только-что начинавшимъ свою дѣятельность, — что эти мысли *«не удостоились бы* отъ Бѣлинскаго ни возраженія, ни вниманія». И здѣсь авторъ забылъ историческую перспективу и перенесъ на Бѣлинскаго свое субъективное настроеніе. Мы опять думаемъ совершенно напротивъ. Мы не находимъ достаточнаго повода защищать здѣсь эти мысли объ искусствѣ, осуждаемыя г. Тургеневымъ, но полагаемъ, что Бѣлинскій очень удостоилъ бы ихъ вниманія: онъ безъ сомнѣнія понималъ бы, что въ новѣйшее время для идеи искусства наступаетъ такая же очередь пересмотра и новаго изслѣдованія, какая вообще наступила для всѣхъ прежнихъ философскихъ построеній. Бѣлинскій былъ гораздо болѣе чутокъ къ этой постановкѣ философскаго вопроса, чѣмъ заставляетъ думать г. Тургеневъ. Старое гегеліянство было имъ давно забыто, и онъ понималъ, что если для новыхъ натуралистовъ была просто смѣшна старая, между прочимъ и гегелевская, натуръ-философія, то подобный кризисъ должны были пройти и всѣ другія области абстрактной философіи. Путь этого кризиса былъ для него ясенъ: его мысли шли здѣсь параллельно со взглядами его ближайшаго друга, автора «Дилеттантизма въ наукѣ» и «Писемъ объ изученіи природы», и послѣднимъ философскимъ интересомъ его былъ

[1]) Тамъ же, стр. 715.

позивитизмъ О. Конта и Литтре, какъ рѣшительное отрицаніе метафизики. Длинный трактатъ, посвященный позивитизму въ одномъ изъ его послѣднихъ писемъ, показываетъ, какъ близко было къ его мыслямъ новое ученіе, хотя данная его форма, у Конта, не казалась ему удовлетворительной. Во всякомъ случаѣ будущая система представлялась ему (и совершенно вѣрно) какъ основанная на точныхъ изученіяхъ, враждебныхъ всякой метафизикѣ. Говоря вообще, въ такомъ именно смыслѣ и понятъ былъ вопросъ искусства въ упомянутомъ эстетическомъ взглядѣ. Бѣлинскій могъ, конечно, не согласиться съ новымъ критикомъ въ спеціальной постановкѣ этого предмета, но несомнѣнно былъ бы заинтересованъ новымъ взглядомъ уже какъ попыткой въ новомъ направленіи, смысла и необходимости котораго онъ не могъ не чувствовать. Можно съ увѣренностью сказать, что онъ былъ бы еще болѣе заинтересованъ новой критикой, еслибы видѣлъ ея практическія примѣненія къ произведеніямъ литературы, старымъ и новымъ.

Впрочемъ, оставимъ предположенія; оставимъ также и личные вопросы, относительно которыхъ можемъ только подтвердить то, что̀ сказано было другими [1]).

Словомъ, мы никакъ не находимъ между Бѣлинскимъ и его преемниками въ русской критикѣ того противоположенія, на какомъ настаиваютъ нѣкоторые изъ его современниковъ,—противоположенія, которое видитъ въ дѣятельности новой критики нѣчто въ родѣ извращенія здравыхъ принциповъ, имъ установленныхъ, нѣчто въ родѣ произвольнаго, безсодержательнаго отрицанія, не имѣющаго за собой ни корня въ прошедшемъ, ни результатовъ для дальнѣйшаго литературнаго развитія. Напротивъ, преемники Бѣлинскаго по времени были и дѣйствительными преемниками его дѣла, и какъ самъ Бѣлинскій есть несомнѣнно лицо съ историческимъ значеніемъ въ нашей литературѣ и общественности, такъ и связь его съ новой критикой есть связь исторической преемственности. Если нѣкоторые изъ людей его круга, изъ его близкихъ друзей отвергаютъ эту связь, это есть просто неправильная оцѣнка фактовъ, очень несвободная отъ чисто личныхъ предубѣжденій и пристрастій. Мы говорили въ другомъ мѣстѣ объ отношеніи двухъ поколѣній, такъ называемыхъ «сороковыхъ» годовъ къ пятидесятымъ и шестидесятымъ, и указывали, въ чемъ состоитъ историческая связь ихъ и различіе [2]). Неизбѣжное раз-

---

[1]) „Космосъ“, 1869, прилож., № 1, стр. 99—102.

[2]) „В. Евр.“ 1873, іюль, стр. 257—261, или отдѣльное изданіе „Характ лит. мнѣній“, 507—511.

личіе приводилось самымъ ходомъ вещей и измѣненіемъ обстоятельствъ. Въ половинѣ 50-хъ годовъ внѣшнія обстоятельства въ самомъ дѣлѣ на извѣстный періодъ измѣнились чрезвычайно сильно противъ прежняго: люди «сороковыхъ годовъ» во многомъ могли увидѣть исполненіе ихъ надеждъ; новое поколѣніе, вступавшее теперь въ дѣятельность, раздѣляло ихъ благопріятное настроеніе, потому что сравненіе съ прежнимъ порядкомъ вещей было еще близко. Но, какъ замѣчено выше, взаимное пониманіе сохранилось ненадолго и кончилось раздоромъ, который уже вскорѣ, особенно подъ вліяніемъ дальнѣйшихъ обстоятельствъ, представился какъ вражда «двухъ поколѣній». Изъ являвшихся литературныхъ фактовъ становилось ясно, что писатели «сороковыхъ годовъ» относились далеко не сочувственно къ новому движенію. Со стороны послѣдняго даны были столь же несочувственные отвѣты. Явилась, наконецъ, въ области «искусства», извѣстная характеристика двухъ поколѣній, пріобрѣвшая своего рода фатальное значеніе... Этотъ раздоръ, въ своихъ личныхъ проявленіяхъ, конечно, можетъ найти свои объясненія: одно охлажденіе опыта дѣлаетъ обыкновенно старшія поколѣнія мало чувствительными къ возбужденію и энтузіазму новыхъ, и кладетъ между ними грань, которая потомъ, при какихъ-нибудь личныхъ столкновеніяхъ, можетъ стать непереходимой. Но этотъ раздоръ, въ которомъ дѣйствительно было много личнаго, не измѣняетъ факта исторической связи и преемственности, на который мы указывали. Самая вражда, какъ она выразилась въ нашихъ условіяхъ, и которая такъ часто дѣлитъ у насъ людей однимъ грубымъ счетомъ возраста, свидѣтельствуетъ еще о слабомъ развитіи общественнаго чувства. Смѣна поколѣній бываетъ ощутительна и въ европейскихъ обществахъ; но сколько, несмотря на то, въ этихъ обществахъ знаменитыхъ именъ людей, которые начинаютъ жизнь въ передовыхъ рядахъ движенія, и оканчиваютъ ее въ этихъ же рядахъ, не теряя мужественной энергіи, пониманія и чувства къ тому, что является новой задачей жизни, продолжая идти вмѣстѣ съ новыми поколѣніями, которыя находятъ въ нихъ вѣрныхъ руководителей и друзей? Таковы были тамъ многіе изъ лучшихъ людей и науки и политической жизни одинаково, въ которыхъ охлажденіе лѣтъ не подавляло, а закаляло энергію, которые черезъ долгіе годы реакцій умѣли не поддаваться малодушію и эгоизму мнимаго «опыта», и оставались до конца вѣрны лучшимъ внушеніямъ своей свѣжей поры, не смущаясь неудачами, не мѣшая своего дѣла съ разсчетами самолюбія или какими-нибудь частными раздорами. Главное объясненіе этой энергіи заключается,

конечно, въ давней и крѣпкой образованности, которая и даетъ идеямъ ихъ могущественное вліяніе, и выдержку характерамъ. Наша образованность еще молода, и люди такой нравственно-общественной твердости очень рѣдки въ нашемъ обществѣ; мы слишкомъ легко поддаемся апатическому равнодушію или идемъ вспять, и это снова производитъ «неустойчивость», на которую сталъ жаловаться даже генералъ Фадѣевъ. Но не вѣчно же долженъ продолжаться этотъ «неисповѣдимый законъ судебъ». Наша образованность молода, но для лучшихъ умовъ она, конечно, уже вышла изъ ребячества, — и въ настоящемъ случаѣ отношеніе двухъ поколѣній, и именно стараго къ новому, могло бы быть иное, чѣмъ оно высказалось въ литературѣ около 1860 и въ 1869. Нельзя приказывать чувству, но можно требовать бо́льшаго пониманія, болѣе безпристрастнаго вниманія къ новымъ явленіямъ своего же общества, своей же исторіи. Примѣръ и начало солидарности должны бы исходить именно отъ людей, которыхъ дѣятельность была началомъ послѣдующаго движенія; отсутствіе солидарности прежде всего было бы ихъ виной... Въ настоящемъ случаѣ, нѣсколько больше этого вниманія и сочувствія—не къ лицамъ (въ этомъ можетъ не быть надобности), а къ *своему обществу*, и обвинители новыхъ поколѣній пріобрѣли бы пониманіе такихъ сторонъ, отсутствіе которыхъ извращаетъ все ихъ представленіе о предметѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не было бы возможно появленіе въ немъ такихъ чертъ, которыя дѣлаютъ это представленіе тенденціозно-враждебнымъ. Но такова и вышла упомянутая характеристика, въ области «искусства», двухъ поколѣній,—какъ ни отрекался авторъ отъ всякой тенденціозности и враждебности. Въ послѣднемъ мы готовы ему вполнѣ вѣрить; но факты, несомнѣнныя впечатлѣнія обѣихъ сторонъ, вся позднѣйшая эксплуатація этой характеристики показываетъ, что, несмотря на волю автора, изображеніе оказалось и тенденціозно и враждебно. Неужели таково оно должно было быть? Нѣтъ,—разсматривая дѣло даже съ точки зрѣнія «искусства». «Художника» тѣмъ и отличаютъ отъ обыкновеннаго смертнаго, что онъ долженъ видѣть въ изображаемой имъ жизни не отдѣльныя лица, не частные анекдоты, не случайныя личныя увлеченія, наконецъ, не предметы своей личной досады, а типы, общія явленія, выражающія смыслъ времени, стремленія и страданія общества. Больше вниманія и сочувствія, и писатель увидѣлъ бы, что́ могло скрываться и дѣйствительно скрывалось за индивидуальными чертами, которыя въ первый разъ непривычно его поразили и къ которымъ онъ отнесся подъ слишкомъ большимъ вліяніемъ сво-

ихъ личныхъ впечатлѣній и предубѣжденій. И еслибы такимъ образомъ для дѣятелей прежняго періода разъяснилось новое движеніе, то этимъ самымъ разъяснился бы для нихъ и тотъ фактъ исторической связи поколѣній, о которомъ мы говорили. Наконецъ,—что̀ мы и хотѣли объяснить,—правильное пониманіе этихъ отношеній дало бы и вѣрную оцѣнку историческаго значенія Бѣлинскаго и его отношенія къ послѣдующему литературному развитію.

И нѣтъ сомнѣнія, что Бѣлинскій, на котораго такъ несправедливо ссылаются *противъ* новой критики, сохранилъ бы эту связь—онъ остался бы и для слѣдующаго поколѣнія нравственнымъ авторитетомъ, и самъ съумѣлъ бы понять стремленія, отличавшія послѣдующую эпоху. Для сохраненія этой нравственной связи нуженъ тотъ искренній, безкорыстный идеализмъ, который ставитъ извѣстные общіе интересы высшей цѣлью своихъ стремленій, подчиняетъ имъ свои частныя соображенія, видитъ въ нихъ свой нравственный долгъ,—и этимъ идеализмомъ Бѣлинскій былъ одаренъ въ высокой степени. Именно этотъ идеализмъ, такъ ярко выражавшійся въ вѣчномъ страстномъ возбужденіи Бѣлинскаго, и сохраняетъ въ людяхъ молодую свѣжесть общественнаго чувства и дѣлаетъ ихъ дорогими союзниками новыхъ поколѣній. Мы читали разсказы о томъ, съ какимъ увлеченіемъ Бѣлинскій встрѣчалъ нарождавшіеся таланты, съ какимъ участіемъ онъ ими любовался,—и какъ бывалъ нерѣдко пристрастенъ къ нимъ, безсознательно преувеличивая ихъ дѣйствительную цѣну. Это и было не столько пристрастіе къ близкимъ друзьямъ, сколько радость найти подлѣ себя новыхъ партизановъ защищаемой имъ идеи. Мы видѣли, какъ въ самыхъ противникахъ (нѣкоторыхъ изъ молодыхъ славянофиловъ) Бѣлинскій умѣлъ цѣнить искренность убѣжденія, и, съ другой стороны, при всемъ собственномъ идеализмѣ, понималъ, что̀ можетъ означать скептицизмъ, котораго не было у него самаго. Наконецъ, весь характеръ Бѣлинскаго, какъ онъ отражается въ его собственныхъ признаніяхъ, никогда не позволилъ бы ему остановиться на умѣренныхъ сдѣлкахъ съ настоящимъ и поставить предѣлъ его идеаламъ для будущаго. Поэтому мы и думаемъ, что новая критика была не только не различна, но совершенно однородна съ критикой Бѣлинскаго, была прямымъ ея наслѣдіемъ и дальнѣйшимъ историческимъ развитіемъ. Бѣлинскій, самъ прошедшій столько отрицаній, безъ сомнѣнія, понялъ бы и призналъ бы тѣ новыя стороны отрицанія, какія явились въ критикѣ Добролюбова и его современниковъ, и вмѣстѣ угадалъ бы въ нихъ тотъ же, ему родственный, идеализмъ. Въ

подтвержденіе, напомнимъ слова Бѣлинскаго, въ его послѣдніе годы, гдѣ онъ говоритъ о критическомъ отношеніи литературы къ обществу [1]): онъ не пугался этого отношенія, какъ бы оно ни было смѣло. Наконецъ, въ его письмахъ мы не разъ отмѣчали эпизоды скептическаго сомнѣнія, которые своимъ отчасти жесткимъ тономъ очень близки къ «отрицанію» новыхъ поколѣній, и могли бы напомнить Базарова и—его прототипы.

Бѣлинскій не замѣшался бы и въ малодушную вражду къ новымъ поколѣніямъ. Въ подтвержденіе, напомнимъ другія слова Бѣлинскаго, гдѣ онъ очень категорически говоритъ объ этомъ предметѣ [2]). Знакомые съ сочиненіями Бѣлинскаго, могутъ сами умножить эти цитаты.

Силой своего идеализма и страстнаго убѣжденія Бѣлинскій, безъ сомнѣнія, превышалъ всѣхъ друзей своего кружка, кромѣ только одного, съ которымъ у него было всего болѣе общаго и который, своимъ отношеніемъ къ новому времени, могъ показать, каково было бы, по всей вѣроятности, это отношеніе у самого Бѣлинскаго.

Останавливаясь на этомъ предметѣ, мы именно хотѣли устранить тѣ невѣрныя противоположенія Бѣлинскаго новому времени, которыя извращаютъ все представленіе объ его историческомъ значеніи. Бѣлинскій тѣмъ и дорогъ для русской литературы, что его дѣятельность имѣла важность воспитательнаго элемента, вліяніе котораго несомнѣнно и оказалось въ дальнѣйшемъ литературномъ развитіи. Литературные взгляды Бѣлинскаго за послѣднее время установили новую реалистическую критику. Его общественныя понятія, какъ онѣ были изложены имъ въ 1847, и которыя, замѣтимъ, никѣмъ въ то время не были высказаны такъ рѣшительно и такъ ясно, могутъ считаться исходнымъ пунктомъ, съ котораго начинается новое развитіе этихъ понятій. Наконецъ, въ его положительно выраженныхъ мысляхъ и его идеалахъ уже были задатки многаго, что̀ въ наше время становилось предметомъ общественнаго интереса и идеальныхъ увлеченій. Его личная многострадальная жизнь останется, безъ сомнѣнія, не для одного настоящаго поколѣнія высокимъ примѣромъ нравственнаго достоинства и стремленія къ жизненной истинѣ.

---

[1]) Сочин. VIII, стр. 67. XI, стр. 236—237.

[2]) Сочин. X, стр. 47—50. Напомнимъ еще слова одного изъ современниковъ Бѣлинскаго, приведенныя нами въ другомъ мѣстѣ („Характ. лит. мн.", стр. 471—472) и слова, сказанныя критикомъ „Современника" въ 1856 („Совр.", кн. 11, стр. 16—17), и гдѣ вѣрно угадана та историческая роль, которую получила потомъ критика Бѣлинскаго.

Въ заключенie, мы должны высказать нашу искреннюю признательность лицамъ, которыя содѣйствовали нашему труду сообщенiемъ переписки Бѣлинскаго или своихъ воспоминанiй. Намъ прiятно сказать, что всего больше мы обязаны при этомъ друзьямъ Бѣлинскаго, участiе которыхъ къ нашей задачѣ одно и дало намъ возможность ея исполненiя. Другiя лица, дорожащiя памятью Бѣлинскаго и владѣющiя нѣкоторыми его бумагами, также сообщили намъ много важнаго и любопытнаго матерiала. Главнѣйшее содѣйствiе оказали нашему труду: Н. Х. Кетчеръ, которому принадлежитъ часть бумагъ Бѣлинскаго и другая любопытная переписка сороковыхъ годовъ; Е. Ѳ. Коршъ, который, кромѣ личныхъ воспоминанiй, оказалъ намъ существенную помощь при собранiи матерiала; К. Т. Солдатенковъ, которому принадлежитъ наибольшая доля переписки Бѣлинскаго съ Боткинымъ, письма Кольцова и др.; А. В. Станкевичъ; И. С. Тургеневъ; П. В. Анненковъ; «деревенскiе друзья» доставили значительное собранiе писемъ къ нимъ Бѣлинскаго. Далѣе, личныя воспоминанiя сообщили намъ К. Д. Кавелинъ, А. Д. Галаховъ, Н. Н. Тютчевъ, Д. П. Ивановъ. Нѣсколько писемъ Бѣлинскаго и Боткина сообщилъ намъ А. А. Краевскiй; нѣсколько писемъ къ Боткину получили мы отъ В. А. Крылова. При концѣ нашей работы получили мы нѣсколько писемъ Бѣлинскаго и Станкевича отъ кн. Л. В. Шаховскаго и одно письмо отъ А. Н. Струговщикова.

А. Пыпинъ.

ГЕРМАНІЯ

НАКАНУНѢ РЕВОЛЮЦІИ

VII *).

Имперскій городъ.

Мы разсмотрѣли весь феодальный нарядъ, какъ сохранялся онъ въ Германіи до революціи. Въ этихъ политическихъ формахъ не видно никакого содержанія, все пусто и мертво. Это— дѣйствительно «пустыня въ области политики», какъ назвалъ Германію нашъ посланникъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ при Екатеринѣ, Николай Румянцевъ. А между тѣмъ эти политическія формы были созданы недаромъ, въ основѣ ихъ лежала живая и важная идея. Нѣмцы надѣялись найти въ нихъ символъ своего національнаго единства и орудіе къ переходу изъ феодальнаго быта въ государственный. Непреодолимыя обстоятельства разрушили ихъ надежды, воспрепятствовали имперскимъ учрежденіямъ исполнить свое назначеніе. Причины жизненной крѣпости или безсилія государственныхъ учрежденій коренятся въ глубинѣ общества. Онѣ зависятъ отъ характера и постановки сословныхъ элементовъ, отъ культурныхъ силъ страны, и т. д.

Но обратимся къ анализу политическаго общества Германіи въ эпоху, которой посвященъ нашъ трудъ.

Мы видѣли, какая масса независимыхъ владѣній помѣщалась въ Германіи, какъ государствъ въ государствѣ. Всѣ эти вла-

*) См. выше: май, 193 стр.

дѣнія раздѣлялись, по значенію и правамъ, на нѣсколько сословій или *чиновъ* (Stände). Здѣсь были королевства, курфюршества, герцогства, княжества, графства, ландграфства, маркграфства, «окняженныя» (gefürstete) графства, архіепископства, епископства, пробства, аббатства, владѣнія духовныхъ орденовъ, наконецъ, рыцарства, «господства», имперскіе города и даже имперскія села. Оставимъ пока въ сторонѣ королевства [1]), о которыхъ скажемъ ниже отдѣльно. Остальные чины можно сгруппировать въ болѣе крупные отдѣлы. Именно, по своимъ правамъ, они составляли четыре сословія: городское, рыцарское, духовное и княжеское. Разсмотримъ каждое изъ этихъ сословій.

Въ средніе вѣка города были спутниками монархизма. Ихъ судьба была тѣсно связана съ судьбой послѣдняго. Подобно монархизму, они были признаками наступленія новаго порядка вещей. Подобно ему, они вытекли изъ стремленія націй освободиться отъ гнёта феодализма. Задача, идеалы, содержаніе и формы быта—все было въ нихъ ново. Феодализмъ представлялъ безсвязное собраніе отдѣльныхъ единицъ, а города—общину, эту клѣточку общественнаго организма. Первый основывалъ свои права на оружіи, «кулакѣ», и закрѣпощалъ все, что соприкасалось съ нимъ. Вторые—отстаивали право на трудъ, въ формѣ промышленныхъ и торговыхъ занятій, и идею свободы: здѣсь ремесленники рано вышли изъ крѣпостной зависимости, и уже въ XIV-мъ вѣкѣ получили доступъ къ правленію наравнѣ съ патриціями или городской знатью. Между тѣмъ, какъ феодалъ признавалъ закономъ только свой капризъ, а судьей—свой мечъ, горожанинъ (Bürger) пользовался правильными судами. Сверхъ того, въ городѣ, гдѣ кипѣла общественная жизнь, гдѣ сталкивались люди разнообразныхъ мнѣній и дарованій, гдѣ было много смѣлыхъ купцовъ, ходившихъ по отдаленнымъ морямъ, возникъ политическій смыслъ, а также художественныя и научныя стремленія. Ничего подобнаго не могло развиться въ угрюмомъ замкѣ, гдѣ феодалъ, возвратившись съ грабежа, предавался лѣни и попойками разгонялъ скуку уединенія. Но самое существованіе этого празднаго и обнищалаго хищника было полезно богатому городу. Бюргерамъ некогда было изнѣжиться, утопая въ своихъ богатствахъ. Они постоянно были насторóжѣ, чтобы защищать свои стѣны и дорогую ратушу отъ нападенія феодаловъ, которые начали состав-

[1]) Мы разумѣемъ Австрію (какъ королевства Богемія и Венгрія) и Пруссію. Передъ революціей другихъ королевствъ въ Германіи не было.

лять цѣлыя разбойничьи шайки, подъ именемъ «рыцарскихъ союзовъ».

Города и возникли изъ крови, изъ борьбы съ феодалами. Это — бывшіе крѣпостные рыцарей, отбившіеся отъ своихъ господъ. Во второй половинѣ среднихъ вѣковъ то-и-дѣло, тамъ и сямъ, «земскіе» города, связанные съ имперіей лишь «посредствомъ» феодала, которому они принадлежали, превращались въ свободные или «имперскіе», связанные съ императоромъ прямо, «непосредственно». Земскій или «посредственный» городъ не имѣлъ политическаго значенія. Имъ распоряжался и за него хлопоталъ у императора его земскій господинъ. *Имперскій* или *непосредственный* городъ пользовался мѣстною верховною властью (Landeshoheit), подобно всякому феодалу. За исключеніемъ ленныхъ обязательствъ къ императору, такихъ же, какъ у всякаго фюрста, онъ былъ независимъ, самъ назывался «господиномъ» (Landesherr). Всего болѣе помогало городамъ освобождаться отъ власти феодаловъ образованіе союзовъ. Пора процвѣтанія настала для нихъ съ XIII-го вѣка, когда возникла могущественная Ганза. Съ этихъ поръ они пріобрѣтали такой вѣсъ въ имперіи, что ихъ начали призывать въ собранія всѣхъ чиновъ имперіи для обсужденія обще-государственныхъ вопросовъ, а съ XV-го вѣка ихъ признали необходимыми членами имперскаго сейма, съ правомъ голоса, подобно феодаламъ.

Но съ этихъ же поръ судьба нѣмецкихъ городовъ уже становится непохожею на судьбу городовъ въ остальной Европѣ. Повсюду монархизмъ, опираясь на города, подавилъ господство феодаловъ. Когда были разрушены рыцарскіе за́мки, началъ измѣняться городской бытъ. Средневѣковой городъ представлялъ замкнутый мірокъ: онъ былъ окруженъ стѣнами; ворота запирались на ночь; населеніе раздѣлялось на строго разграниченные цехи, похожіе на касты; знать гордо возвышалась надъ бѣдными ремесленниками и пользовалась властью, какъ истинная плутократія. Но съ паденіемъ феодализма городъ, такъ сказать, раскрылся. Не опасаясь набѣговъ хищниковъ, онъ покинулъ свои стѣны и началъ сливаться съ остальнымъ населеніемъ. Всеуравнивающее вліяніе монархизма разрушило цеховыя перегородки. Охраняя пути сообщенія и истребляя внутреннія таможни, оно открыло торговлѣ и промышленности широкій просторъ. Городъ новаго времени—органическая часть національной жизни, пульсъ которой бьется въ немъ съ особенной силой, какъ въ центрѣ разнообразныхъ интересовъ и классовъ общества. Не то было въ Германіи. Здѣсь развился монархизмъ не государственный, а об-

ластной. Власть главы имперіи не расширялась, а съуживалась, на ея счетъ увеличивалась власть феодаловъ, владѣнія которыхъ превращались изъ мелкихъ леновъ въ сравнительно обширныя государственныя территоріи. Этотъ ненормальный процессъ гибельно подѣйствовалъ на города; послѣднимъ была не-подъ силу борьба съ крупными фюрстами-монархами. Къ тому же, съ XVI-го вѣка начала падать ихъ главная опора, Ганза, поражаемая успѣхами Даніи, Голландіи и Англіи: въ прошломъ вѣкѣ она состояла всего изъ трехъ имперскихъ городовъ—Гамбурга, Бремена и Любека. И вотъ, гордые «непосредственные» города начинаютъ сходить со сцены. Въ XVIII-мъ вѣкѣ около ста изъ нихъ снова превратились въ «земскіе» или зависимые отъ мѣстныхъ владѣльцевъ. Остался только 51 имперскій городъ.

Но эти послѣдніе могикане среди средневѣковыхъ городовъ влачили жалкое существованіе. Область крупнѣйшихъ изъ нихъ, Гамбурга или Нюрнберга, ограничивалась нѣсколькими квадратными милями, въ остальныхъ по большей части было лишь нѣсколько тысячъ жителей. Имъ не было житья отъ притязаній усиливавшихся фюрстовъ, которые часто объявляли свои права на ихъ независимость, не то просто нападали на нихъ. Городамъ приходилось или уступать фюрстамъ часть своихъ земель, или давать имъ стѣснительныя привилегіи въ своихъ стѣнахъ. Такъ, клочокъ владѣній епископа Регенсбургскаго находился въ стѣнахъ города Регенсбурга; курфюрстъ Пфальцскій имѣлъ право назначать въ Ахенѣ часть судей и членовъ ратуши. Одинъ фюрстъ пользовался въ городѣ привилегіей строить дворцы и не отбывать повинностей за нихъ, другой—собирать пошлины, держать почту или миловать преступниковъ. Сверхъ того, императоръ и всѣ имперскія учрежденія, которыхъ не слушались фюрсты, показывали свою власть на беззащитныхъ городахъ. Такъ, только съ нихъ собирали деньги въ имперскую казну, притомъ облагали ихъ въ размѣрахъ прежняго времени, когда они были богаты. Нечего и говорить, что города не могли имѣть политическаго значенія. Изъ имперскаго суда они были исключены съ самаго начала, въ окружной администраціи они подчинялись могущественнымъ фюрстамъ. Только въ имперскомъ сеймѣ они составляли еще свою особенную коллегію, но на нее почти не обращали вниманія: при разногласіи первыхъ двухъ коллегій ее даже не спрашивали. И мы видѣли (глава IV), какъ равнодушны были города къ своей привилегіи отправлять пословъ на сеймъ, которая не приносила имъ ничего, кромѣ издержекъ.

При такихъ условіяхъ должно было остановиться и внутрен-

нее развитіе имперскихъ городовъ. Повсюду пробивалась новая жизнь изъ-подъ гнета феодализма; она искала болѣе широкаго поприща. Она стала сосредоточиваться въ территоріяхъ, которыя были отрицаніемъ феодальной раздробленности и тѣсноты. Торговля и промышленность пошли по новымъ путямъ, куда послѣдовали за ними и идеальные интересы, а старый, имперскій городъ, лишенный друзей и общипанный врагами, стоялъ гордой, но печальной развалиной. И чѣмъ дальше уходила отъ него жизнь, тѣмъ болѣе онъ ненавидѣлъ ее и ударялся въ крайній консерватизмъ. Онъ дорожилъ своимъ затхлымъ бытомъ, какъ святыней, и, какъ ветеранъ, жилъ воспоминаніями былыхъ тріумфовъ. Нигдѣ въ Германіи не сохранялись такъ долго и цѣльно обычаи, правленіе и узкій духъ феодальной эпохи. Въ имперскомъ городѣ мы могли бы изучать въ XVIII вѣкѣ всѣ прелести привилегій, стѣснявшихъ средневѣковую жизнь, и во главѣ ихъ внутреннія заставы да пошлины за складку товаровъ (Stapelrecht). Здѣсь процвѣтали цехи, эти индійскія касты въ промышленности; здѣсь полиція сожигала «вредныя» книги черезъ палача и издавала приказы противъ пышныхъ похоронъ и крестинъ; здѣсь до того почитали всякій нелѣпый, но сѣдой обычай, что, напримѣръ, изгоняли изъ цеховъ, какъ незаконнорожденныхъ, тѣхъ несчастливцевъ, матери которыхъ вѣнчались не съ распущенными волосами. А къ новымъ потребностямъ городъ былъ такъ глухъ, что въ 1790 г. вся городская коллегія на сеймѣ умоляла объ отмѣнѣ «вредныхъ» почтъ.

Конечно, столь отупѣлое бюргерство всего болѣе благоговѣло передъ своими правительственными формами. Городская ратуша (магистратъ) по прежнему была его гордостью и святыней, а ея члены—его трибунами. Она, какъ встарь, гдѣ была единая, гдѣ двойная — «внѣшняя» и «внутренняя». Въ одномъ мѣстѣ это былъ аристократическій сенатъ, который принадлежалъ извѣстнымъ фамиліямъ «патриціевъ», и ими же назначался. Въ другомъ, это былъ, напротивъ, демократическій совѣтъ, въ который избирали всѣ горожане и кого угодно,—избирали гдѣ пожизненно, гдѣ на сроки, но вездѣ въ ратушу попадали негодныя лица, при помощи интригъ, подкуповъ или кумовства. Они смотрѣли на свои мѣста, какъ на собственную территорію, и жили внѣ интересовъ города, даже во вредъ имъ. Они считали бюргеровъ своими крѣпостными; они присвоивали себѣ привилегію на городскую охоту, а жалованье охотникамъ платили граждане; они позволяли только себѣ носить перья на шляпѣ и шпагу; они получали съ бюргеровъ особыя деньги на воспитаніе и путешествія своихъ

сынковъ и на приданое дочерей. Престарѣлые граждане должны были величать безбородыхъ дѣтей ратмановъ «Ew. Gnaden». Часто слышались разсказы, какъ, напримѣръ, бургомистръ далъ оплеуху бюргеру, который облокотился на руки въ его присутствіи.

Дѣлами же члены ратуши не занимались. Они нахватывали себѣ выгодныя мѣста на сторонѣ и не ходили на службу. Только за взятку устроивались засѣданія въ ратушѣ, которыя славились своими фальшивыми протоколами. Особенно блистательно было положеніе финансовъ. Ратуша считала городскія деньги своей собственностью и совершала какія-то таинственныя операціи. Она собирала суммы на имя города, которыя исчезали, неизвѣстно куда. Она расходовала неимовѣрное количество пива и масла на бѣдныхъ и больныхъ, тогда какъ старинныя благотворительныя учрежденія разваливались и пустѣли. Ратуша собирала хорошія старыя деньги и выдавала за нихъ испорченныя. При раскладкѣ налоговъ на ея друзей падала ничтожная доля, а все остальное ложилось на бѣдняковъ. Конечно, при этомъ городская касса страдала отъ недоимокъ, а что̀ и было въ ней, то зачастую сразу украдывалось, и вора никогда не находили; запасы же въ цейхаузахъ и разныхъ магазинахъ исчезали постепенно, штука за штукой. Припомнимъ еще, что на бюргеровъ по преимуществу падали имперскіе налоги. Понятно, что города были въ неоплатномъ долгу. То и дѣло наѣзжали къ нимъ отъ императора слѣдственныя коммиссіи, которыя любили привозить съ собой «экономическіе планы» собственнаго измышленія. Но эти коммиссіи служили къ окончательной погибели городскихъ финансовъ. Ихъ нужно было содержать, а онѣ, конечно, ухищрялись затягивать и запутывать слѣдствіе. Нельзя не повѣрить одному путешественнику прошлаго вѣка, которому знаменитый Кёльнъ показался въ такомъ видѣ: «дома разваливались; улицы пусты, соборъ и не думаютъ кончать. Повсюду у дверей голодныя, жалкія фигуры въ лохмотьяхъ, просящія милостыню, да грязныя женщины, подкарауливающія прохожихъ [1])».

Впрочемъ, въ имперскихъ городахъ были, кажется, учрежденія, которыя превосходили даже ратушу своей негодностью, по крайней мѣрѣ о бюргерской юстиціи ходило больше скандальныхъ анекдотовъ, чѣмъ объ администраціи; даже надворный совѣтъ въ Вѣнѣ справедливо считалъ ее хуже себя самого. Какъ онъ, такъ и имперскій судъ часто заявляли городскому правосудію

[1]) *Lang*: Memoiren. Cf. *Perthes*: Das deutsche Staatsleben, p. 136.

свое желаніе, чтобъ оно отдѣлалось отъ открытаго взяточничества и непостижимыхъ безпорядковъ. Но все было напрасно. Городскіе суды, состоявшіе частью изъ тѣхъ же членовъ ратуши, частью изъ особыхъ чиновниковъ, поступали весьма патріархально. Здѣсь выкрадывали или подчищали документы; здѣсь отпускались на волю уличенные подсудимые, а на деньги можно было, кого угодно, посадить въ тюрьму на много лѣтъ, и весьма быстро. Но безъ взятокъ дѣла тянулись изъ года въ годъ, и хотя конца имъ не было, но съ обѣихъ сторонъ брали огромныя судебныя издержки. Если случайно и наставало рѣшеніе, то никто не исполнялъ его. Иногда же, наоборотъ, императоръ жаловался, что «несогласно съ формами юстиціи» (injustificirlicher Weise) начинали процессъ прямо съ исполненія несуществующаго рѣшенія (ab executione).

Можно указать только на четыре имперскихъ города, которые представляли исключеніе изъ этой мрачной картины. Аугсбургъ и Нюрнбергъ до конца XVIII вѣка вѣрно служили идеальнымъ интересамъ, которые выдвинули ихъ въ XV столѣтіи. Сюда стекались художники и любители искусствъ; здѣшняя живопись, гравированіе, рѣзьба по дереву, мѣди и слоновой кости пользовались европейскою извѣстностью. На сѣверѣ, Гамбургъ напоминалъ о минувшей славѣ Ганзы. Онъ не только сохранялъ значеніе важнаго центра морской торговли, но и отзывался на новыя требованія жизни. Здѣсь проходили умственныя направленія, освѣжавшія нѣмецкую націю. Здѣшній «Correspondent» былъ первою политическою газетой въ Германіи. Но болѣе всѣхъ подходилъ къ типу новыхъ городовъ маститый Франкфуртъ-на-Майнѣ. Нигдѣ въ Германіи не было столько движенія, общественной жизни и богатства. Во Франкфуртѣ проживали древнія землевладѣльческія фамиліи, покровительствовавшія наукамъ и искусствамъ. Здѣсь сосредоточивались богатые торговые дома, гордившіеся своимъ древнимъ кредитомъ. Здѣсь же собирались окружные сеймы Верхняго Рейна и Куррейна, и совершались коронаціи императоровъ. Хотя во Франкфуртѣ не было ни одного имперскаго учрежденія, его можно было назвать центромъ имперской политики. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стóитъ только прочесть въ московскомъ архивѣ донесенія нашего посланника временъ Екатерины II, Николая Румянцова, о франкфуртской ярмаркѣ. Эта знаменитая ярмарка, придававшая Франкфурту значеніе центра внутренней торговли Германіи, была какъ бы конгрессомъ владѣтельныхъ особъ Германіи. Тутъ собирались всѣ фюрсты и ихъ министры, а также агенты иностранныхъ дворовъ.

Здѣсь совершались подкупы фюрстовъ разными дворами и политическіе браки между ними. Здѣсь была школа отмѣннаго придворнаго этикета нѣмецкихъ потентатовъ и европейской дипломатской формалистики.

Франкфуртъ менѣе всѣхъ другихъ имперскихъ городовъ походилъ на средневѣковые города. Но и ему трудно было бороться съ резиденціями фюрстовъ, которыя возникали повсюду на новыхъ основаніяхъ. Вѣна, Берлинъ, Дрезденъ, Мюнхенъ, Дармштадтъ, въ особенности же университетскіе города—Веймаръ, Іена, Гёттингенъ, Кенигсбергъ, привлекали къ себѣ всѣ свѣжія силы націи. У нихъ не было стѣснительныхъ феодальныхъ преданій. Это чистые типы городовъ новаго времени. Они-то были послѣднею причиной, погубившею имперскіе города съ ихъ устарѣлымъ бытомъ.

VII.

Рыцарство.—Нѣмецкій «юнкеръ».

Въ имперской конституціи за городскимъ чиномъ слѣдовалъ *рыцарскій* (reichsunmittelbare Ritterschaft). Извѣстно, что первоначально въ рыцарствѣ были свои хорошія стороны. Въ нѣмецкомъ феодальномъ правѣ оно называлось «опорой имперіи, истребителемъ зла». Рыцарь съ своей дворней защищалъ не только свои верховныя права, но также честь своего отечества и знамя своего императора. Но къ концу среднихъ вѣковъ роль рыцарства измѣнилась. Реформа военнаго дѣла выдвинула на первый планъ пѣхотинца съ ружьемъ. Повсюду возникающій монархизмъ оперся на новую армію, образовавшуюся изъ низшихъ сословій. Представитель феодальнаго быта, рыцарь, обратился во врага новаго порядка вещей. Ему хотѣлось удержать свои верховныя привилегіи, переходившія къ монарху; но онъ не могъ бороться съ новымъ бытомъ открыто. Тяжелыя латы, неповоротливый конь, длинное копье были безсильны противъ пороха и легкихъ движеній мужика или мастерового-пѣхотинца. Рыцарь сталъ разбойникомъ, поджидавшимъ на большой дорогѣ свою жертву, кидавшимся на мирнаго жителя изъ своего за́мка. Въ Германіи онъ, даже въ XVI вѣкѣ, славился своею «центавровскою» силой и грубостью. Онъ истязалъ проѣзжихъ, отрубалъ имъ руки, изувѣчивалъ члены. Въ остальной Европѣ, рыцарь уже въ началѣ новой исторіи погибъ въ борьбѣ съ монархизмомъ и низшими сословіями. Въ Германіи же судьба его была такъ же нenор-

мальна, какъ и судьба всѣхъ феодальныхъ учрежденій. Здѣсь монархизмъ размѣнялся на мелкую монету, перешелъ въ руки многихъ фюрстовъ; оттого-то здѣсь рыцари стали врагами этихъ мелкихъ потентатовъ, а не императора. Фюрсты вели съ нимъ ожесточенную борьбу. Они отняли феодальныя права у многихъ изъ нихъ—и этимъ путемъ образовалось *земское дворянство* (landsässige Adel) или простые помѣщики. Но уцѣлѣло до полуторы тысячи рыцарскихъ фамилій, которыя сохранили свои верховныя права, хотя и утратили въ борьбѣ съ фюрстами почти всѣ свои земли, богатства и значеніе. Они-то назывались громкимъ именемъ «имперскаго» или «непосредственнаго» рыцарства, ибо не признавали надъ собой никакой власти, кромѣ императорской.

Это уродливое явленіе сохранялось до самой французской революціи. Рыцарскія владѣнія сосредоточивались на Рейнѣ, во Франконіи и Швабіи, особенно въ послѣдней области, которой принадлежала половина ихъ. Они отчасти были обязаны своимъ долгимъ существованіемъ федеративному устройству, къ которому прибѣгнули рыцари въ тяжелыя для нихъ времена, начиная съ XVI вѣка. Чтобы противопоставить фюрстамъ сплоченную силу, рыцари соединили свои земли въ 14 «кантоновъ» или «мѣстъ» (Rittercantone, Ritterorte). Члены кантона собирались на «рыцарскіе сеймы» (Rittertag, Ortsconvent) и выбирали «мѣстное представительство» (Ortsvorstand). Послѣднее состояло изъ предводителя рыцарства или директора (Ritterhauptmann), совѣтниковъ, рыцарскихъ депутатовъ, ученыхъ засѣдателей и канцеляріи. Оно собиралось въ извѣстные сроки на «директорскіе сеймы» (Directorialtag). Здѣсь обсуждались взаимныя пререканія рыцарей, споры между ними и ихъ подданными, вопросы внутренняго управленія кантона, наконецъ, дѣла, касающіяся имперскихъ чиновъ и учрежденій. Надъ кантональнымъ управленіемъ стояли «директоріи» трехъ «рыцарскихъ округовъ» (Ritterkreis)—швабскаго, франконскаго и рейнскаго. Онѣ слѣдили за соблюденіемъ рыцарскихъ привилегій и прямо сносились съ императоромъ и его совѣтниками. Въ важныхъ случаяхъ онѣ созывали все окружное рыцарство на «окружный съѣздъ» (Kreisconvent). Каждая изъ директорій поочередно играла роль общаго правительства для всѣхъ трехъ округовъ или для всего «имперскаго рыцарскаго корпуса».

Конечно, эта организація придавала нѣкоторую силу рыцарству, но она постепенно ослабѣвала и утрачивала свое вліяніе. Въ прошломъ вѣкѣ она пользовалась такою же незавидною сла-

вой, какъ и имперскія учрежденія. Рыцарскіе сеймы напоминали наши дворянскіе выборы; здѣсь время проходило въ попойкахъ, да ссорахъ, выбирали того, кто лучше угощалъ честную компанію, или былъ богатъ и имѣлъ связи. Какъ въ вѣнскомъ надворномъ совѣтѣ, въ «мѣстномъ представительствѣ» управленіе принадлежало не этимъ безтолковымъ избранникамъ, а канцелярскимъ «синдикамъ», да «консулентамъ». Послѣдніе тянули дѣла до безконечности и руководствовались взятками. Имъ ничего не смѣли сказать, ибо они не принадлежали къ рыцарскому «корпусу» и могли тотчасъ же предложить свою опасную опытность фюрстамъ или имперскимъ учрежденіямъ. Сверхъ того, правители разныхъ кантоновъ грызлись между собой. Иногда безпорядки доходили до того, что весь рыцарскій корпусъ жаловался императору на собственныхъ избранниковъ. Впрочемъ, это случалось рѣдко, потому что на рыцарскихъ съѣздахъ у всякого рыльцо было въ пуху; а если кто-нибудь протестовалъ серьёзно, того тотчасъ же избирали въ совѣтники—и онъ умолкалъ. Сами рыцари въ грошъ не ставили своего управленія, они прямо говорили, что было бы безуміемъ и противозаконіемъ, еслибы «непосредственный» рыцарь, самъ чуть не монархъ, подчинялся какому-нибудь предводителю рыцарства.

Такая жалкая организація не могла спасти рыцарства отъ гибели. Она не могла защитить его отъ притязаній фюрстовъ, тѣмъ болѣе, что противъ него былъ почти весь имперскій нарядъ. Рыцари отчасти сами были виноваты въ этомъ. Они презирали имперскія учрежденія и уклонялись отъ общихъ повинностей. Они не платили имперскихъ налоговъ, не поставляли войскъ въ имперскую армію и даже требовали денегъ за постой и подводы для солдатъ. Точно также рыцари ничего не давали на содержаніе имперскаго сейма и суда, и знать не хотѣли ихъ распоряженій. Они дѣйствительно находились въ особенномъ, исключительномъ положеніи. Рыцари не были подданными чиновъ, управлявшихъ имперіей, но въ то же время они не участвовали въ этомъ правленіи, ихъ не допускали ни въ имперскій сеймъ, ни въ каммергерихтъ. Единственною связью между ними и имперіей былъ—императоръ. Только его признавали рыцари своимъ главой и своею высшею инстанціей; отъ него получали они пожалованіе ленами и всѣми верховными правами; его считали своимъ покровителемъ и защитникомъ. Императоръ, въ свою очередь, ласкалъ рыцарей, какъ своихъ естественныхъ союзниковъ. Онъ опирался на нихъ въ борьбѣ съ фюрстами. Его главные доходы съ имперіи заключались въ ихъ «полюбовныхъ

субсидіяхъ» (см. гл. III). Еслибы не рыцари, да еще церковныя учрежденія, онъ имѣлъ бы на югѣ Германіи такъ же мало власти, какъ и на сѣверѣ.

Но мы знаемъ, какъ вообще ничтожно было вліяніе императора. Оно, пожалуй, могло задерживать, но ужъ никакъ не отвратить гибель рыцарства. Рыцарство падало постоянно и отъ внѣшнихъ, и отъ внутреннихъ причинъ. Его душило, съ одной стороны, земское дворянство, которое завидовало его привилегіямъ, съ другой — фюрсты и города, нежелавшіе раздѣлять съ нимъ верховныхъ правъ. На имперскомъ сеймѣ только тогда и не было ссоръ, когда рѣчь заходила объ укрощеніи рыцарей. Имперскіе суды, и даже нѣмецкая публицистика прошлаго вѣка, были переполнены спорами между фюрстами и рыцарями. Первые доказывали, что имъ житья нѣтъ отъ рыцарскаго «духа непосредственности», намекая на враждебную имъ политику императора. Рыцари же жаловались на стремленіе фюрстовъ «округлять» свои владѣнія и расширять свои верховныя права. Въ жизни эти враги вѣчно сталкивались изъ-за охоты, рыбной ловли, пошлинъ и т. под. Поводы къ ссорамъ встрѣчались на каждомъ шагу. Рыцарскія имѣнія были раскинуты среди княжескихъ и городскихъ. Рыцари переманивали къ себѣ княжескихъ подданныхъ, записывая ихъ въ свой «корпусъ»; а фюрсты требовали отъ рыцарей участія въ общихъ повинностяхъ. Особенно много ссоръ было изъ-за древнихъ ленныхъ правъ, которыя запутывали всѣ отношенія. То рыцари считали себя ленными господами фюрста, основываясь на проданномъ ему клочкѣ земли, то наоборотъ. По бо́льшей части въ этихъ спорахъ выигрывали фюрсты, пользуясь собственнымъ могуществомъ и содѣйствіемъ имперскихъ чиновъ. Къ тому же, относительное богатство давало имъ перевѣсъ. Часто рыцарскія владѣнія переходили въ ихъ руки путемъ покупки. Выморочныя имѣнія рыцарей — а ихъ было не мало, — по закону доставались фюрсту, въ области котораго они лежали. Рыцарскій «корпусъ» уменьша́лся еще оттого, что многіе рыцари возводились въ санъ имперскихъ графовъ. Въ одномъ швабскомъ округѣ, начиная съ 1521 г., исчезло 307 рыцарскихъ за́мковъ, городковъ, мѣстечекъ, деревень и усадьбъ.

Не лучше было внутреннее состояніе рыцарства. Въ этомъ сословіи кишили безсильныя и недостойныя личности. Здѣсь-то выработался знаменитый типъ нѣмецкаго «*юнкера*», нравственныя черты котораго, быть можетъ, не вполнѣ выродились и понынѣ. По мѣрѣ уменьшенія земельныхъ владѣній возростало число лицъ, желавшихъ пользоваться рыцарскими правами. Такихъ безземель-

ныхъ рыцарей законъ называлъ «персоналистами». Это были нищіе, однако считавшіе себя монархами; они напоминали польскую шляхту. Впрочемъ, почти такимъ же нищимъ былъ и рыцарь-землевладѣлецъ. Обыкновенно, онъ былъ въ неоплатномъ долгу; поправить его финансы или получить съ него долгъ считалось чудомъ, вошедшимъ въ пословицу. Его чиновники нерѣдко прибѣгали къ подлогамъ; фальшивыя ипотеки встрѣчались сплошь и рядомъ. Эта нищета была прямымъ слѣдствіемъ быта рыцаря. Рѣдко встрѣчался рыцарь-хозяинъ, который жилъ запросто съ своими подданными и раздѣлялъ ихъ труды. Еще рѣже попадались рыцари, учившіеся въ университетахъ, собиравшіе библіотеки въ своихъ незатѣйливыхъ усадьбахъ и дарившіе отечеству такихъ дѣятелей, какъ Штейнъ, Вурмзеръ, Гагернъ, Дальбергъ. Обыкновенно рыцарь выучивался грамотѣ у деревенскаго писаря, потомъ, кое-какъ занимался въ училищѣ сосѣдняго городишка, не то у дешеваго гувернёра или пастора. Онъ рано вступалъ въ жизнь, и всегда окруженный лошадьми, собаками, да дорогими бездѣлушками. Верховая ѣзда, охота, игра, обѣды, круговыя попойки, причемъ переѣзжали гурьбой изъ усадьбы въ усадьбу—вотъ на что шло все время рыцаря. При этомъ, конечно, не были забыты женщины. Дурная семейная жизнь приводила къ тому, что или вовсе не было дѣтей, или рождались слабыя, болѣзненныя поколѣнія. Оттого-то такъ часто встрѣчались выморочныя имѣнія.

Жизнь рыцаря характеризуется множествомъ судебныхъ процессовъ, въ которыхъ жаловались на «гнусное, безчестное, неприличное, опасное» и т. д. поведеніе этого юнкерства, на «смертоносныя покушенія», на обманы, кровосмѣшенія, поддѣлку монетъ и документовъ и т. под. Иногда приходилось арестовывать слишкомъ загулявшихъ рыцарей, и императорская опека налагалась сплошь и рядомъ. Рыцарь не только не умѣлъ хозяйничать, но и жилъ не по средствамъ. Онъ считалъ себя равнымъ чуть не императору и изъ кожи лѣзъ, чтобъ подражать фюрстамъ. Его дамы старались перещеголять нарядами княгинь и княженъ; его пышность равнялась только его рыцарской спѣси. Не только крестьяне, но даже земскіе дворяне скорѣе получали доступъ къ важному фюрсту, чѣмъ къ юнкеру. А между тѣмъ этотъ юнкеръ нерѣдко шелъ на службу къ фюрсту, какъ въ Польшѣ шляхтичъ къ пану. Онъ искалъ здѣсь или поправленія своихъ финансовъ и развлеченія отъ скуки, или же титула «Excellenz» и случая покушать изъ одной тарелки съ мѣстнымъ потентатомъ. Онъ унижался, добиваясь чести тереться поближе

къ фюрсту. Но, по замѣчанію очевидца К. Ф. Мозера, «дворъ рѣдко обогащаетъ человѣка. Фюрстъ, правда, даетъ дворянину приличное жалованье, но игрой и балами помогаетъ ему истратить это жалованье съ почетомъ. Дворянинъ прибавляетъ еще своихъ и занимаетъ. Кредиторъ требуетъ уплаты. Дѣло доходитъ до фюрста—и придворная контора платитъ долги рыцаря, но... пріобрѣтаетъ за это его имѣніе. А рыцарь получаетъ знатную должность при конюшнѣ или дворѣ, на кухнѣ или погребѣ,—и этой должности достаточно, чтобы забыть ему навсегда свое блестящее рабство».

И этотъ-то униженный, нищій и развратный юнкеръ, этотъ ходячій памятникъ средневѣкового варварства, стоялъ надъ горстью своихъ подданныхъ, почти какъ безотвѣтственный владыка, вооруженный обширною властью. Эту власть даровала ему конституція нѣмецкой имперіи. Вестфальскій миръ расширилъ ее, предоставивъ «свободному и непосредственному имперскому дворянству» такія же права въ церковныхъ дѣлахъ, какъ фюрстамъ. Каждыя новыя условія при выборѣ императора закрѣпляли власть рыцаря, и каждый императоръ старался привязать къ себѣ юнкерство новыми льготами. Рыцари хвастались, что они никого не признаютъ выше себя, кромѣ Бога да потворствующаго имъ императора. Придерживаясь средневѣковой терминологіи, они говорили, что единственная ихъ обязанность—«жертвовать тѣломъ и кровью за имперію». Но это была пустая фраза, которою прикрывались юнкера, чтобы не нести никакихъ общихъ повинностей, кромѣ субсидій императору, имѣвшихъ видъ взятки. Имперскіе рыцари совсѣмъ ускользнули отъ всеуравнивающаго монархизма. Они сами были миніатюрными монархами, ибо обладали многими верховными правами. Въ своихъ земляхъ они издавали законы, судили нерѣдко даже въ уголовныхъ дѣлахъ, содержали собственную полицію, чеканили монету, собирали пошлины и доходъ съ охоты, почтъ и горныхъ промысловъ; отбирали выморочныя и конфискованныя имѣнія у своихъ подданныхъ; наконецъ, могли заключать союзы съ другими чинами и даже иностранными державами. Рыцари не только собирали подати, но сохраняли это право даже въ томъ случаѣ, когда продавали свои владѣнія, ибо податная повинность лежала не на подданныхъ, а на землѣ. Этого мало. Рыцарь былъ еще помѣщикъ. Подданные сажали у него въ лѣсу ольху и иву, дубки и ель, рубили строевой лѣсъ, дрова и можжевельникъ, нарѣзывали тычинки для хмѣля. На барскомъ полѣ они пахали, сѣяли, косили, молотили, вѣяли, собирали хлѣбъ въ амбары и мѣряли его. При господ-

скихъ постройкахъ возили лѣсъ, камни, песокъ; на пивной заводъ доставляли воду, на кузницу—уголь. Въ садахъ искореняли тернъ и шиповникъ, ухаживали за газономъ, собирали овощи. Крестьяне подметали барскій дворъ и выпалывали на немъ траву, ловили рыбу, кололи ледъ и набивали имъ господскіе погреба. Наградой имъ за все это было скудное угощенье, приправленное грошевымъ пивомъ съ барскаго завода. Подданные рыцаря не пользовались никакими удобствами, которыя бываютъ въ большихъ, хотя бы и деспотическихъ, государствахъ. Заброшенныя среди территорій враждебныхъ имъ фюрстовъ, крошечныя рыцарскія владѣнія были лишены свободы движеній. Здѣсь не было столбовыхъ дорогъ и прочныхъ мостовъ, не было ярмарокъ, торговли и промысловъ. А благодаря бездѣйствію владѣльца, здѣсь не было ни школъ и судовъ, ни полиціи, порядка и безопасности. Сюда стекались псевдо-адвокаты и шарлатаны - врачи, нищіе, бродяги и цыгане, преслѣдуемые у фюрстовъ.

Можно себѣ представить, что̀ творилось въ этихъ нѣмецкихъ захолустьяхъ, которыя, уже въ силу своей ничтожности, укрывались отъ суда гласности! А юнкеръ только и думалъ о томъ, какъ бы содрать лишнюю копѣйку съ своихъ обнищалыхъ подданныхъ. Чего не могъ онъ добиться, какъ помѣщикъ, того достигалъ, какъ потентатъ. Собравши, напримѣръ, подать, онъ требовалъ ее вторично (Nachsteuer), припоминая феодальный законъ, по которому подданные должны были выкупать господъ изъ плѣна, помогать въ нуждѣ или при замужствѣ барской дочери, и вообще «дѣлать чрезвычайные сборы въ случаѣ крайней необходимости». Юнкеръ забывалъ при этомъ другое правило добраго стараго времени, «не отягощать сверхъ силъ несчастныхъ подданныхъ» и обращаться съ ними «какъ отецъ съ дѣтьми или какъ пастырь съ стадомъ». Онъ налагалъ на подданныхъ штрафы и конфискаціи безъ всякаго суда, принуждалъ ихъ къ самой тяжкой барщинѣ. Особенно горька была участь протестантовъ, принадлежавшихъ рыцарю-католику. Имъ не давали молиться по-своему, разрушали ихъ церкви и школы, а за малѣйшее ослушаніе ихъ объявляли бунтовщиками. Немудрено, что тамъ-и-сямъ гудѣлъ зловѣщій набатъ и вспыхивали бунты. Цѣлыя деревни переходили подъ защиту сосѣдняго фюрста, объявляя, что имъ «житья нѣтъ, и ѣсть нечего». Современники говорятъ, что, подъѣзжая къ разоренному имѣнію, нечего было и спрашивать, чье оно: навѣрно рыцарское.

Понятно, что юнкерство было самымъ непопулярнымъ сословіемъ. Никто не подвергался въ Германіи такимъ проклятіямъ,

какъ оно, начиная съ XVII вѣка. Подданные рыцарей возставали. Сосѣди, особенно города, жаловались, что эти помѣстья—убѣжище воровъ и мошенниковъ. Алчное мелкое дворянство негодовало на этихъ крошечныхъ монарховъ изъ зависти, а фюрсты—съ досады, что не могутъ проглотить ихъ. Интеллигенція оплакивала въ литературѣ эту застарѣлую язву, которая задерживала развитіе націи.

VIII.

Духовенство.—Нѣмецкій прелатъ и каноникъ.

Рыцарство было тѣсно связано съ *духовенствомъ*, члены котораго именовались *прелатами*,—слово, по значенію близкое къ нашему народному названію архіерея: «владыка». Въ Германіи духовенство было также жалкимъ остаткомъ глубокой старины. Подобно городамъ и рыцарямъ, оно первоначально приносило пользу. Оно было единственнымъ представителемъ умственныхъ и нравственныхъ интересовъ націи; оно не только руководило совѣстью людей, но было единственнымъ хранителемъ наукъ и искусствъ. Въ этомъ заключалось право духовенства не на одно историческое существованіе, но и на видную роль въ государствѣ. Правда, грубые средніе вѣка не могли понимать чисто-умственной силы безъ матеріальной подкладки. Прелаты получали земли и превращались въ феодальныхъ владѣльцевъ. Но ихъ матеріальная сила была сравнительно не велика; между тѣмъ трое духовныхъ курфюрстовъ занимали первыя мѣста въ имперіи, а майнцскій былъ всегда канцлеромъ имперіи, и нерѣдко отъ нихъ зависѣла судьба Германіи. Весьма важно было другое, національное, значеніе духовенства. Средніе вѣка были царствомъ почти кастическаго аристократизма. Если бы не церковь, каждый талантъ, рожденный не въ юнкерской кожѣ, предназначался къ погибели. Но двери церкви были открыты для всѣхъ. Крестьянинъ или горожанинъ могъ поступить въ разрядъ духовенства и, при политическомъ призваніи, дойти до управленія всею Германіей. Такъ, церковь была первою проводницей демократизма, — этой основы новыхъ, монархическихъ государствъ. Оттого низшимъ классамъ было легче жить здѣсь, чѣмъ на земляхъ привилегированнаго аристократизма. Въ старину существовала пословица: «подъ посохомъ хорошо живется».

Когда сталъ разлагаться средневѣковой бытъ, измѣнилось и значеніе духовенства. Новое направленіе въ исторіи было про-

тивъ него. Протестантизмъ, съ его секуляризаціей церковныхъ имуществъ, нанесъ ему смертельный ударъ. Затѣмъ, территоріальныя утраты нѣмцевъ въ борьбѣ съ французами пали на церковныя земли, раскинутыя именно у западныхъ границъ имперіи. Въ XVIII вѣкѣ, въ Германіи уже не насчитывалось и сотни церковныхъ владѣній. Во многихъ мѣстахъ ихъ совсѣмъ нельзя было замѣтить. Они жались въ кучку по Рейну и особенно въ Швабіи.

Еще серьёзнѣе была перемѣна во внутреннемъ значеніи духовенства. Съ конца среднихъ вѣковъ умственная сфера расширилась, узкіе интересы католицизма уже не могли наполнять ее. Науки и искусства обогатились обширнымъ содержаніемъ и вышли изъ-подъ односторонняго вліянія церкви. Духовенство перестало играть роль просвѣтителя націи. Напротивъ, оно отстало отъ новой культуры, и поэтому превратилось въ ея врага. Наконецъ, вполнѣ измѣнилась общественная роль духовенства. Оно стало оплотомъ аристократіи, и самой вредной—именно отживающаго юнкерства. То было слѣдствіе упорной борьбы императорства съ папствомъ. Пользуясь ею, духовенство успѣло освободиться отъ обѣихъ этихъ властей. Постановленія Вормскаго конкордата (1122 г.), раздѣлившія право назначенія духовныхъ лицъ между соперниками, были пустой формальностью. Въ сущности духовенство стало избирать само себя. Но для этого оно должно было составить прочное цѣлое, т.-е. примкнуть къ какой-нибудь организованной феодальной силѣ. Оно пристроилось къ древнему католическому дворянству, и именно къ рыцарству, съ которымъ раздѣляло страхъ къ крупнымъ фюрстамъ. Эта связь выразилась въ церковныхъ *капитулахъ*,—явленіи, на которомъ необходимо остановиться.

Огромное значеніе капитуловъ заключалось въ томъ, что имъ исключительно принадлежалъ выборъ представителей церковныхъ учрежденій—епископовъ разныхъ степеней и аббатовъ [1]). А состояли они изъ членовъ рыцарскихъ семействъ, которые назывались «соборными господами» (Domherren) или «канониками». Далеко не все юнкерство было связано съ капитулами. Этой привилегіей пользовалось лишь нѣсколько фамилій, которыя такъ и назывались «соборными» (stiftsfähige Familien), это—особаго рода юнкерская аристократія. Она была довольно замкнута, тѣмъ бо-

---

1) Императоръ только присылалъ своихъ коммиссаровъ, чтобы слѣдить за правильностью избирательной процедуры. Папа обыкновенно безпрепятственно утверждалъ выбранное лицо и даже давалъ ему «диспенсацію», т.-е. освобожденіе отъ тѣхъ, требуемыхъ канонами условій, которыхъ часто недоставало новоизбранному.

лѣе, что капитулы пополнялись собственнымъ выборомъ. Нелегко было попасть въ нее. Она была недоступна протестантамъ. Подобно римскому патриціату, она состояла только изъ древнихъ и чистокровныхъ фамилій. Въ Майнцѣ и Трирѣ канонику полагалось имѣть не менѣе 16-ти предковъ. Въ Мюнстерѣ, во избѣжаніи обмана, ежегодно носили по городу, съ барабаннымъ боемъ, щитъ и шлемъ новаго каноника. Наконецъ, требовались большія издержки, чтобы купить голоса при выборѣ въ члены капитула. Соборныя фамилія смотрѣли на мѣсто каноника, какъ на наслѣдственную аренду. Онѣ предназначали одного изъ своихъ сыновей къ наслѣдованію дворянскаго титула и помѣстья, а другого — къ духовному званію, т. е. къ мѣсту въ капитулѣ. Послѣдній смолоду зачислялся въ каноники. Его учили духовные, чаще всего іезуиты. Затѣмъ его посылали въ Парижъ, чтобы пріобрѣсти лоскъ, которымъ щеголяли тогда свѣтскіе потентаты. Вступивши въ капитулъ, каноникъ велъ пышную и веселую жизнь, давая знать, что онъ нѣчто среднее между юнкеромъ и фюрстомъ. Но, сверхъ ожиданія, эта жизнь не приводила его въ долговую тюрьму; напротивъ, не только онъ самъ, но и вся его фамилія уплачивала многолѣтніе долги и богатѣла. Попасть въ капитулъ значило обзавестись на всю жизнь необыкновенно-теплымъ и пріятнымъ мѣстечкомъ. Каноникъ ничего не дѣлалъ, но пользовался изрядною долею церковныхъ доходовъ, которые достигали въ Вюрцбургѣ, напримѣръ, полмилліона, а въ Майнцѣ — много превышали милліонъ гульденовъ. Сверхъ того, каноникъ получалъ иногда за-разъ нѣсколько выгоднѣйшихъ синекуръ, въ родѣ посланника или егермейстера. Наконецъ, онъ пользовался большою политическою властью.

Собственно говоря, церковными учрежденіями управляли капитулы, а не прелаты. Между тѣмъ, какъ въ большихъ территоріяхъ монархизмъ подавилъ рыцарство, здѣсь возникло противоположное явленіе. Прелатъ находился въ такой же зависимости отъ канониковъ, какъ императоръ отъ фюрстовъ. Вездѣ его избиралъ капитулъ, а кое-гдѣ даже существовалъ законъ избирать только изъ канониковъ. Власть его постоянно ограничивали при выборахъ новыми условіями. Онъ не могъ сдѣлать шагу безъ капитула. Направленіе политики, замѣщеніе должностей, сборъ и распредѣленіе доходовъ—все зависѣло отъ обязательныхъ совѣщаній съ канониками. Когда владыка выѣзжалъ изъ своей территоріи, ему сопутствовали члены капитула, какъ эфоры спартанскому царю. Чиновники и придворные присягали какъ ему, такъ и каноникамъ. Нерѣдко подданные прямо обязывались повиноваться

капитулу, если владыка станетъ поступать вопреки избирательнымъ условіямъ, а при ваканціи прелатскаго мѣста капитулъ непосредственно управлялъ страною уже въ силу закона. Конечно, владыка старался отбиться отъ докучливой опеки, между нимъ и капитуломъ постоянно шла борьба, вошедшая въ пословицу. Соперники подсматривали другъ за другомъ, перекорялись и жаловались надворному совѣту. Мѣстами, каноники безъ церемоніи запрещали повиноваться приказаніямъ владыки. Прелаты, съ своей стороны, только передъ выборами клялись исполнять самыя невозможныя условія, а потомъ нарушали ихъ, выхлопотавъ у папы разрѣшеніе отъ присяги, или опираясь на императора и каммергерихтъ, оттого иногда при выборахъ заключались позорныя условія: прелатъ, напримѣръ, отдавалъ все свое имущество въ обезпеченіе своей присяги.

Постоянная борьба вызывала проблески жизни въ церковныхъ владѣніяхъ. Здѣсь было меньше того политическаго равнодушія и застоя, которыми славились другіе чины Германіи. Здѣсь выработывались нѣмецкіе политиканы. Къ сожалѣнію, вся ихъ энергія и способности были направлены на мелкія интриги и корыстныя цѣли. Никто не думалъ о благѣ страны и подданныхъ. Каноники смотрѣли на свои мѣста, какъ на выгодную спекуляцію. Въ борьбѣ съ прелатами они отстаивали не національную свободу, а свой личный произволъ. Они эксплуатировали въ свою пользу церковную землю, съ которою не были связаны ничѣмъ; нерѣдко они были родомъ издалека. Въ Кёльнѣ, окруженномъ протестантами, капитулы состояли изъ швабскаго и франконскаго рыцарства. Если же попадался каноникъ изъ мѣстныхъ юнкеровъ, то онъ проводилъ полжизни въ другихъ областяхъ, ибо обыкновенно участвовалъ разомъ въ нѣсколькихъ капитулахъ. Владыка также руководился личнымъ интересомъ. Его обыкновенно выбирали въ преклонныхъ лѣтахъ. Онъ зналъ, что власть не перейдетъ къ его потомству и спѣшилъ пользоваться ею для обезпеченія своихъ родственниковъ. Онъ смотрѣлъ на свое мѣсто не какъ собственникъ, а какъ арендаторъ, котораго навѣрное сгонятъ съ земли по минованіи срока.

Вообще, церковныя владѣнія Германіи были образцомъ однѣхъ дурныхъ сторонъ избирательной формы правленія. Здѣсь онѣ не вознаграждались тѣмъ, что всякій политическій талантъ въ народѣ не пропадаетъ даромъ. Выборы вращались въ затхлой средѣ юнкерской аристократіи. Оттого-то даже у безкорыстнаго и даровитаго владыки отпадала охота мучиться надъ постройкой политическаго зданія, которое завтра будетъ разрушено его дюжин-

нымъ преемникомъ. Къ тому же, онъ, подобно каноникамъ, зачастую былъ чужеземецъ или же разомъ управлялъ нѣсколькими епископствами и аббатствами. Такъ, въ срединѣ прошлаго вѣка Климентъ-Августъ, герцогъ баварскій, былъ въ одно и то же время курфюрстомъ въ Кёльнѣ, коадъюторомъ (помощникомъ владыки) въ Регенсбургѣ, епископомъ въ Мюнстерѣ, Падерборнѣ, Оснабрюкѣ и Гильдесгеймѣ, пробстомъ въ Люттихѣ и еще гофмейстеромъ нѣмецкаго ордена въ Мергентеймѣ. Странѣ было одинаково горько — выбирали ли владыку изъ мелкаго рыцарства, или же изъ важнаго княжескаго рода. Въ первомъ случаѣ наставалъ истинный грабежъ, ибо ничтожный юнкеръ спѣшилъ обогатиться; во второмъ—возникали политическія смуты. Выборъ важнаго фюрста въ прелаты, и особенно въ курфюрсты, тревожилъ не только другихъ нѣмецкихъ династовъ, но и иностранныя державы. Онъ сопровождался подкупами и интригами со стороны Версаля и Рима, Лондона и Петербурга, Пруссіи и Австріи, Баваріи и Саксоніи. Особенно въ прошломъ вѣкѣ было много волненій изъ-за церковныхъ выборовъ. Тогда всякой нѣмецкой державѣ хотѣлось усилиться этимъ путемъ. У курфюрстовъ баварскихъ и пфальцскихъ былъ даже договоръ поддерживать другъ друга при выборахъ, «чтобъ пріобрѣсти чрезъ это голоса на сеймѣ и увеличить свои доходы и блескъ своего двора». Владыка, выбранный изъ такой среды, конечно, думалъ только о своихъ династическихъ интересахъ. Онъ вовлекалъ церковную землю въ войны и тяжбы своей фамиліи. Онъ грабилъ народъ, чтобы придать своему двору блескъ, соотвѣтствующій его высокому происхожденію. Эти родовитые владыки были до того вредны, что въ Мюнстерѣ, напримѣръ, хотѣли издать законъ, чтобы не избирать епископовъ изъ крупныхъ князей.

Итакъ, всякій владыка, былъ ли онъ фюрстъ или рыцарь, слѣдовалъ одной политикѣ съ капитулами. Борьба между ними была борьбой личныхъ, корыстныхъ цѣлей, а не принциповъ. Въ сущности, всѣ были мазаны однимъ мѵромъ, всѣ представляли одинъ типъ. Прелатъ точно также, какъ и каноникъ, былъ не что иное, какъ юнкеръ въ рясѣ. Онъ ничѣмъ не занимался, кромѣ своихъ придворныхъ сплетень и интригъ. Дѣлами завѣдывали или капитулы, или чиновные канцеляристы изъ рыцарей. Духовный потентатъ отличался отъ свѣтскаго только тѣмъ, что время отъ времени совершалъ торжественное богослуженіе. Но и этимъ онъ занимался лишь съ политическою цѣлью. Пышные и эффектные обряды увеличивали блескъ двора и внушали зависть фюрстамъ, не имѣвшимъ права на устройство подобныхъ

зрѣлищъ, въ сущности же прелатъ гнушался своими религіозными обязанностями и избѣгалъ ихъ, чтобы не прослыть педантомъ. Онъ пуще ада страшился стать предметомъ насмѣшекъ въ средѣ юнкерства, воспитаннаго не на ладонѣ, а въ раздушенныхъ салонахъ Парижа. Владыка самъ только о томъ и думалъ, какъ бы состряпать у себя Версаль въ миніатюрѣ. Онъ заводилъ кучу генераловъ, оберъ-егермейстеровъ, каммергеровъ, шталмейстеровъ и маршаловъ. У него роскошные балы съ блестящими любовницами смѣнялись пышными обѣдами, театральныя представленія—шумной охотой. Легкіе великосвѣтскіе нравы и беззастѣнчивый языкъ парижской школы процвѣтали здѣсь, какъ нигдѣ, прикрывая доморощенную грубость и невѣжество нѣмецкаго юнкерства. Примѣръ сверху проникалъ въ массы, низшее духовенство развратничало и кутило открыто. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ издавались даже законы о томъ, напримѣръ, чтобы, во избѣжаніе соблазна, на свадебные пиры не приглашали наложницъ пастырей церкви.

Такъ все праздновало и веселилось въ церковныхъ земляхъ Германіи. Масса тунеядцевъ, въ видѣ бѣлаго духовенства и монашества, лежала тяжелымъ бременемъ на народѣ. Въ однихъ епископствахъ да въ нѣсколькихъ большихъ аббатствахъ кормилось до 70,000 монаховъ, не считая священниковъ и причта. Немудрено, что положеніе крестьянина было незавидно. Правда, здѣсь не замѣчалось той жалкой нищеты, которая была удѣломъ рыцарскихъ подданныхъ; вѣдь Швабія и Рейнъ — благословеннѣйшій край въ Германіи, вознаграждающій сторицею за малый трудъ! Къ тому же церковныя владѣнія почти не несли имперскихъ повинностей. Но тѣмъ поразительнѣе было отсутствіе зажиточности у церковныхъ крестьянъ. Здѣсь царствовала обыкновенная бѣдность, съ ея грязью и лѣнью, и не было возможности выбиться изъ нея, ибо не было гроша за душой. Здѣсь была классическая страна бездомныхъ нищихъ, скитавшихся по деревнямъ съ монахами. Среднимъ числомъ, въ церковныхъ земляхъ на одну квадратную милю приходилась тысяча крестьянъ и ремесленниковъ, которая кормила 50 священниковъ и 260 нищихъ, не считая монаховъ и всего правительственнаго паряда. Сверхъ того, народъ отбывалъ барщины у своихъ помѣщиковъ, содержалъ пышный дворъ прелатовъ и роскошный бытъ канониковъ, отправлялъ подать въ Римъ, платилъ проценты по большимъ государственнымъ долгамъ. И не было будущаго у этого народа,—онъ не протестовалъ. Увлекаясь примѣромъ свыше, онъ погрязалъ въ лѣни. Духовенство, которому такъ выгодно было сохранить этотъ порядокъ вещей, закрывало щели, черезъ кото-

рыя могли проникнуть сюда новыя идеи. Оно ввело строгую цензуру. Протестантовъ совсѣмъ не пускали, такъ что въ 1783 г. газеты съ изумленіемъ заявили объ одномъ протестантѣ, которому дозволили жить въ Кобленцѣ и совершать домашнюю службу по своему обряду. Школы были въ рукахъ невѣжественнаго и развратнаго низшаго духовенства. Торговое и промышленное движеніе было убито высокими пошлинами.

Это стоячее болото не было способно къ оживленію. Во второй половинѣ прошлаго вѣка «просвѣщеніе» пыталось проникнуть и сюда. Тамъ-и-сямъ появлялись просвѣтители въ рясѣ. Никогда еще не было столько энергическихъ и умныхъ владыкъ, но они только ускорили процессъ разложенія политическаго трупа. Нигдѣ новый государственный идеалъ не прививался такъ туго, какъ въ этомъ разсадникѣ синекуръ, теплыхъ мѣстечекъ, богаделенъ и всякихъ милостынь. Дѣятельность просвѣтителей только раскрывала недостатки духовенства. Поднялся всеобщій ропотъ, пошли толки о необходимости секуляризовать церковныя владѣнія. Тоскливое чувство близкой погибели смутило это спящее царство лѣни и тунеядства. Всѣ знали, что никто не вступится за погибающую развалину, завѣщанную средними вѣками. Римъ не дорожилъ учрежденіемъ, которое подрывало авторитетъ церкви своимъ великосвѣтскимъ бытомъ; имперія тяготилась прелатами, которые запустили лучшія земли Германіи, не защищали ее съ запада, привлекали къ ней иностранныя интриги, почти не давали ни денегъ, ни солдатъ, а между тѣмъ пользовались значительными правами: на сеймѣ было 34 голоса духовныхъ князей и два сборныхъ голоса меньшихъ владыкъ [1]), а нѣмецкая нація стала презирать этотъ неразжимающійся тормазъ ея развитія, когда рванулась къ просвѣщенію. Интеллигенція въ самыхъ церковныхъ земляхъ желала его погибели. Оттого-то эти области первыя бросились навстрѣчу революціонному потоку, который принесся съ запада и потопилъ это уродливое наслѣдіе феодализма.

---

[1]) Мелкіе аббаты, аббатиссы и т. под., которыхъ насчитывалось до 40, пользовались на сеймѣ всѣ вмѣстѣ двумя голосами (которые назывались „куріатными“), ибо они раздѣлялись на двѣ „скамьи“—швабскую и рейнскую. Эти голоса причислялись къ княжеской коллегіи.

IX.

Графъ и «господинъ».

Намъ остается разсмотрѣть высшій имперскій чинъ,—князей. Мы приблизились такимъ образомъ къ владѣніямъ, которыя, по нѣмецкой мѣркѣ, назывались «большими». Впрочемъ, путь въ эти любопытныя земли все еще загражденъ для насъ разною мелочью: Бѣда въ томъ, что княжескій чинъ рѣзко раздѣлялся на двѣ степени—на собственно фюрстовъ да на графовъ и другихъ мелкихъ князей. Послѣдніе представляли такое ничтожество, что, по значенію, ихъ должно отнести къ низшимъ чинамъ, описаннымъ выше. Въ сущности это были тѣ же рыцари, нѣкоторые изъ нихъ даже подчинялись леннымъ владѣльцамъ, требовавшимъ отъ нихъ «не касаться доходовъ графства, не уклоняться отъ суда и повинностей, подавать голосъ въ сеймѣ по благоусмотрѣнію леннаго господина». Но вообще эти мелкіе потентаты были гораздо спѣсивѣе рыцарей, ибо, по своимъ верховнымъ правамъ, они причислялись къ высшему чину въ имперіи, нѣкоторые изъ нихъ даже носили громкій титулъ «фюрстовъ», хотя большинство пользовалось болѣе скромнымъ именемъ *имперскихъ графовъ* и *господъ* (Herren). Они даже засѣдали на сеймѣ, и именно въ княжеской коллегіи, хотя обладали не личными, а сборными голосами [1]). Графы гордились еще тѣмъ, что многія изъ ихъ фамилій были возвышены, послѣ Вестфальскаго мира, въ санъ князей. Они старались подражать курфюрстамъ и фюрстамъ,—точно также составляли свои союзы и съѣзды, заводили директоріи, содержали посланниковъ. Особенно щекотливы были они въ отношеніи церемоніала. На сеймахъ это были истинные enfants terribles. Они-то всегда начинали горячіе споры изъ-за ранговъ; они-то долго обсуждали такіе вопросы, какъ о томъ, подавать руку юнкеру, или нѣтъ.

А въ сущности графъ былъ тотъ же провинціальный юнкеръ. У какого-нибудь бурграфа Рейнека былъ всего одинъ зáмокъ, 12 нищихъ подданныхъ, одинъ еврей и нѣсколько усадьбъ съ мельницами, а онъ считалъ себя равнымъ любому курфюрсту. Онъ любилъ напоминать о своей верховной власти «Божіей милостью». Увлекаясь теоріей Людовика XIV, иной Рейссъ-Шлейцъ-

---

[1]) Графовъ насчитывалось болѣе сотни, а голосовъ у нихъ было четыре—(куріатныхъ), ибо все сословіе раздѣлялось на четыре куріи — веттеравскую, швабскую, франконскую и вестфальскую.

Лобенштейнъ восклицалъ: «государство — это я». Онъ одѣвалъ свою армію и дворъ, состоявшіе изъ дюжины солдатъ и лакеевъ, въ желто-красно-зеленые мундиры и презрительно смотрѣлъ изъ своего дворца на черно-желто-голубыя ливреи сосѣда, какого-нибудь Шварцбургъ-Рудольфштадта, который, въ свою очередь, могъ изъ собственной резиденціи взирать на него невооруженными глазами. Графъ до того дорожилъ своимъ высокимъ происхожденіемъ, что гнушался браками даже съ рыцарями, если они принадлежали къ новому, патентованному, дворянству, а не къ древнимъ родовитымъ фамиліямъ. Подражая фюрстамъ, графъ заводилъ пышный дворъ и обширное управленіе. У него было собраніе драгоцѣнныхъ камней, картинъ и изящныхъ бездѣлушекъ. Онъ тщеславился изысканною мебелью и рѣдкой посудой. Во время путешествія и визитовъ онъ сыпалъ деньгами и принималъ величаво милостивый тонъ. Онъ содержалъ любовницъ, хористовъ и комедіантовъ. Словомъ, графъ не оскорблялъ придворныхъ обычаевъ своего времени: у него было все comme il faut, какъ принято въ этой средѣ. Точно также графъ изображалъ собою великаго потентата и въ управленіи своей территоріей. У него было много министерствъ, департаментовъ и коллегій,—изъ которыхъ одни издавали законы, другіе судили, третьи завѣдывали войсками и финансами, школами и церквами. И во всѣхъ этихъ мѣстахъ было понасажено множество чиновниковъ. Въ одномъ ничтожномъ графствѣ была каммеръ-коллегія, игравшая роль министерства финансовъ, въ которой числились: президентъ, 2 директора, 2 тайныхъ каммеръ-совѣтника, около дюжины гофъ-каммеръ-ратовъ, 4 каммеръ-засѣдателя, 2 оберъ-сборщика, 4 кассира, 6 каммеръ-секретарей, 4 регистратора, 4 канцеляриста, не считая разсыльныхъ, сторожей, каммеръ-гусаровъ и т. д. И обязанностью всей этой орды было считать всего отъ полмилліона до милліона гульденовъ въ годъ!

Въ 1781 г., въ Гильдбургхаузенѣ, гдѣ было менѣе 12 кв. миль и около 30,000 жителей, числилось: нѣсколько тайныхъ совѣтниковъ съ титуломъ «Excellenz» и безъ онаго, оберъ-маршалъ, оберъ-егермейстеръ, оберъ-шталмейстеръ, президенты высшихъ коллегій, титулярные тайные совѣтники, тайные гофраты, регирунгсъ-раты, каммеръ-раты, легаціонсъ-раты, дѣйствительные гофраты, оберъ-лейтенанты, оберъ-форстмейстеръ, рейзе-оберъ-шталмейстеръ, каммеръ-юнкеръ, дѣйствительные регирунгсъ-раты, каммеръ-раты, консисторіаль-раты, легаціонсъ-раты, гофъ-юнкеры и ягдъ-юнкеры, майоры, рейзе-шталмейстеръ, титулярные регирунгсъ-раты, каммеръ-раты, консисторіаль-раты, легаціонсъ-раты,

канцлей-раты и т. д., и т. д. Такъ какъ всему этому содому нечѣмъ было управлять, то конечно никто ничего не дѣлалъ. Въ правительственныхъ мѣстахъ господствовалъ первобытный хаосъ. Составлявшіе ихъ «раты» приходили кто когда хотѣлъ. Канцеляристы, даже сторожа, съ ихъ нахальными женами, вваливались въ залу и подавали свои мнѣнія. Первый явившійся ратъ бралъ дѣло, какое попадалось подъ руку, читалъ изъ него, сколько хотѣлъ, а другіе дремали или читали газеты, не то спорили о вчерашней игрѣ или о продажѣ какого-нибудь вола. Такъ проходило время отъ 10 часовъ до полудня. Какъ только било 12, никакія силы не могли удержать ратовъ. Они спѣшили въ полпивныя, а дѣла сдавали секретарю съ просьбой «придѣлать къ нимъ хвостъ».

Такъ эти подобія нашихъ покойныхъ уѣздныхъ судовъ и губернскихъ правленій мало интересовались обычными, текущими дѣлами, но съ тѣмъ бо́льшимъ рвеніемъ предавались они высшей политикѣ. Они не желали отставать отъ большихъ государствъ, гдѣ правительство старалось быть вездѣсущимъ и все предопредѣлять. Въ маленькомъ графствѣ это стремленіе приводило къ несносному вмѣшательству правительства въ мелочи домашней жизни, что́ называлось громкимъ именемъ «улучшенія земскаго и государственнаго хозяйства». Однажды, въ княжествѣ Эттингъ-Эттингенскомъ и Эттингъ-Шпильбергскомъ все правительство было занято переписью собакъ. Каждый чиновникъ былъ обязанъ прислать списки собакъ его вѣдомства, съ прописаніемъ имени субъекта, его внѣшняго вида, возраста, повадки, а также на что́ онъ употребляется. Сверхъ того, онъ долженъ былъ представить свое «соотвѣтственное вѣрноподданническое мнѣніе» о каждомъ псѣ. Въ другомъ мѣстѣ правительство задалось проведеніемъ идей меркантилистовъ. Былъ изданъ законъ о вредѣ употребленія кофе, который отвлекаетъ подданныхъ отъ ихъ ремеслъ, развиваетъ расточительность и уноситъ изъ страны огромныя суммы. Для отвращенія этого ужаснаго зла воспрещалось пить кофе подъ страхомъ крупныхъ штрафовъ. Купца, дерзнувшаго продавать это зелье по мелочамъ, ставили къ позорному столбу. На базарахъ не дозволяли продавать кофейныя мельнички. Ходили по домамъ и отбирали кофейные приборы. Подозрительныхъ лицъ привлекали къ суду, и здѣсь они должны были доказать подъ присягой, что не варили и не пили кофе.

Самъ графъ также увлекался высшею политикой. Онъ вмѣшивался во всѣ жизненныя отношенія своихъ подданныхъ. Послѣднихъ онъ нерѣдко зналъ по именамъ. Всѣ они или служили

у него при дворѣ, или отбывали разныя барщины у него на глазахъ. Мелочныя событія какого-нибудь обывателя крошечной резиденціи графа были предметомъ споровъ и обсужденій при дворѣ. Эта колоссальная и безконечная сплетня составляла всю политику. Впрочемъ, иногда случалось, что съ такою политикой еще можно было существовать подданнымъ. Попадались графы-добряки, которые вели патріархальную жизнь мелкопомѣстнаго степняка-помѣщика. Зная всю подноготную о своихъ подданныхъ, они помогали имъ, примиряли враговъ, устроивали свадьбы, крестили дѣтей, брали бѣдныхъ ребятъ на воспитаніе, или надѣляли ихъ своими обносками, кормили жиденькимъ супцомъ нищихъ на своей кухнѣ и представляли видъ, что не замѣчаютъ, какъ поваръ или лакей стащитъ лакомый кусокъ къ своей кумушкѣ. Многіе въ Германіи знали, напримѣръ, о добромъ старикѣ, князѣ Шпильбергскомъ, который вѣчно сидѣлъ у окна надъ воротами дворца, глазѣлъ на прохожихъ, разговаривалъ съ ними и, изумляясь при видѣ новой физіономіи, останавливалъ незнакомца вопросомъ: «это еще кто?» У такихъ потентатовъ дни текли спокойно и мирно, сегодня какъ вчера. Здѣсь даже рыцари забывали свою юнкерскую спѣсь и сходились по вечерамъ въ полпивныхъ поболтать за-панибрата съ купцами и мастеровыми. За кружкой пива всѣ пускались въ разсужденія, бывшія отголоскомъ придворной политики, и свободно болтали о жизни двора, замѣняя имя своего государя мѣстоименіемъ «нашъ».

Но бѣда въ томъ, что такихъ графствъ, хотя гнилыхъ и безполезныхъ, но мирно прозябающихъ, встрѣчалось немного. Вообще же эти мелкія владѣнія были скопищемъ авантюристовъ и плутовъ. Особенно во времена Фридриха Великаго сюда стекалось все застарѣлое зло, которое изгоняли изъ болѣе крупныхъ территорій. Здѣсь не встрѣчались правительства съ новыми идеями, съ лучшими стремленіями. Здѣсь гнѣздились самые злые, мелкіе тираны, славившіеся истязаніемъ подданныхъ, развратомъ, пьянствомъ и дикими охотами. Обыкновенно, графчикъ воспитывался у грубаго рыцаря-дядьки да у безнравственныхъ и невѣжественныхъ гувернёровъ изъ Парижа. Научившись легкой французской болтовнѣ, онъ объѣзжалъ фюрстовъ, чтобы усвоить великосвѣтскіе нравы и придворные обычаи. Онъ возвращался домой съ крайне высокимъ понятіемъ о своей власти «Божіей милостью» и съ жаждой разыграть роль пышнаго потентата въ своемъ родовомъ гнѣздѣ. Тотчасъ же возникалъ блестящій дворъ съ его раздушеннымъ бытомъ. Появлялись кавалеры и фрейлины, заводилась роскошная любовница. Придворные украшались орденами

и бантами. Дорогіе экипажи съ рѣдкими лошадьми въ косичкахъ сопровождались скороходами и гайдуками. Мелкіе князья заключали между собой договоры о томъ, чтобы называть своихъ царедворцевъ «Excellenz» и содержать каммергеровъ. Съ тою же цѣлью, для пущей важности, они привлекали къ себѣ иностранныхъ дворянъ, по бо́льшей части французскихъ прощалыгъ, которые покоились здѣсь въ прекрасныхъ экипажахъ и сытно ѣли за графскимъ столомъ. Серьёзнымъ занятіемъ графа была только высшая политика, т.-е. уже описанное нами вмѣшательство въ частную жизнь подданныхъ. Одинъ князёкъ, по заявленію его царедворцевъ, «съ свойственнымъ ему вкусомъ занялся ревизіей стараго пѣсенника,—и высочайшая рука произвела нѣсколько прелестныхъ поправокъ». Всѣ остальныя дѣла возлагались на министровъ и канцелярію, а при дворѣ забава смѣнялась забавой. Подданные очень хорошо знали эти развлеченія. Если ихъ государь любилъ пиры, то всѣ чиновники, а также ихъ жены и взрослыя дочери, получали приказаніе присутствовать на маскарадахъ подъ страхомъ штрафа. Если у него была слабость къ прекрасному полу, то всякое семейство, въ которомъ была красивая женщина, подвергалось опасности. Еще хуже, если графъ былъ охотникъ, что́ именно случалось чаще всего. Тутъ всѣ подданные обращались въ егерей и боролись съ дичью. Ихъ часто гоняли съ мѣста на мѣсто, чтобы устраивать облавы. Всюду палили, орали, скакали. Шумъ и гвалтъ становился удѣломъ цѣлаго государства. У крестьянъ являлись новыя пошлины — кормить высочайшихъ собакъ и лошадей, да день и ночь сторожить дичь и беречь ее такъ, что вся маленькая территорія превращалась въ зоологическій садъ. Если звѣрь слишкомъ одолѣвалъ подданныхъ, и подавались жалоба за жалобой, графъ назначалъ осмотръ мѣстности, а наканунѣ ночью разгоняли всю дичь выстрѣлами и трещетками. Охота, эта тягчайшая изъ повинностей крестьянина, считалась почти такимъ же завѣтнымъ признакомъ верховной власти, какъ выраженіе «Божіей милостью». Случалось, что графъ не былъ охотникомъ и вовсе не ѣздилъ въ поле; тѣмъ не менѣе онъ содержалъ весь охотничій нарядъ. И у него были оберъ-егермейстеры, оберъ-форстмейстеры, шутовскіе охотничьи мундиры и значки, куча собакъ и лошадей, и онъ созывалъ гостей на охоту и послѣ нея устраивалъ для нихъ шумныя оргіи.

Слѣдствіемъ такого быта всегда оказывался недочетъ въ скудной казнѣ графа,—эта язва всѣхъ нѣмецкихъ потентатовъ прошлаго вѣка. Графъ и его клевреты вѣчно были озабочены изы-

сканіемъ новыхъ средствъ; у нихъ было замѣчательно развито чутье къ деньгамъ, ни одинъ источникъ доходовъ не ускользалъ отъ ихъ вниманія. Конечно, тутъ пускались въ ходъ всѣ мѣры, находившіяся въ распоряженіи графа, какъ помѣщика и государя. Гдѣ не было земскихъ собраній, нѣсколько стѣснявшихъ произволъ потентата, тамъ просто «Божіей милостью» издавались одинъ за другимъ указы о новыхъ податяхъ; а гдѣ уцѣлѣло земство, тамъ графъ ласкалъ его вліятельныхъ членовъ, приглашалъ ихъ къ своему обѣду, или же застращивалъ, не то обманывали земство, требуя денегъ на небывалыя имперскія повинности. Сверхъ того, графъ на каждомъ шагу доказывалъ, что, по его понятіямъ, власть «Божіей милости» значитъ: всѣ права потентату, всѣ обязанности подданнымъ. Онъ портилъ монету, изобрѣталъ всевозможные штрафы и пошлины, торговалъ помилованіями, устраивалъ лотереи. Онъ бралъ у подданныхъ продукты по произвольной низшей цѣнѣ, и заставлялъ ихъ только у него покупать соль, пиво, дрова, колесную мазь и т. п.; изобрѣталъ удивительныя регаліи. Въ графствѣ Фюрстенбергъ всякій, кто не желалъ платить десяти талеровъ штрафа, былъ обязанъ купить правительственный календарь, и чиновники усердно разнюхивали, нѣтъ ли гдѣ семьи безъ календаря. Въ другомъ мѣстѣ каждый обязанъ былъ, подъ страхомъ значительнаго штрафа, ежегодно доставлять по 20 воробьиныхъ головъ, хотя во всей территоріи далеко не было столько этой невинной дичи. Въ Баденъ-Дурлахѣ графъ замѣнилъ караульную повинность деньгами, но сверхъ этого налога заставлялъ подданныхъ отчасти платить нанятымъ имъ сторожамъ, отчасти же служить-таки лично. Такимъ образомъ, графъ выжималъ изъ своей землицы все, что только можно было достать ему въ качествѣ государя. Затѣмъ, онъ прибѣгалъ къ средствамъ частнаго человѣка. Графъ вѣчно возился съ ростовщиками и закладчиками, не то заводилъ фабрики, пускался на всякія предпріятія, обѣщавшія наживу. Злополучна была судьба графскихъ казначеевъ: графъ требовалъ у нихъ собственныхъ денегъ, если казна была пуста, и эти вынужденныя ссуды рѣдко уплачивались. При напоминаніи объ нихъ, казначей получалъ отставку и былъ радъ, что уходилъ цѣлымъ.

Несмотря на всю изворотливость этихъ миніатюрныхъ деспотовъ, нерѣдко они кончали формальнымъ банкротствомъ. У кредиторовъ истощалось терпѣніе и они прибѣгали къ имперскому правосудію. Слабыя имперскія учрежденія радовались случаю, что находились потентаты ничтожнѣе ихъ самихъ, и изливали

на нихъ всю свою строгость. Являлась императорская долговая коммиссія—и однимъ изъ графствъ становилось меньше въ Германіи, или же какой-нибудь фюрстъ Сальмъ-Краутгеймъ, содержавшій эскадронъ гусаръ и т. п. забавы, оставался, послѣ аукціонной продажи его имущества, при 5,000 гульденовъ дохода. Въ прошломъ вѣкѣ погибло такимъ образомъ множество мелкихъ князьковъ, которые не были въ силахъ сопротивляться даже императору и каммергерихту. Нерѣдко разгулявшееся графское величіе постигала другая печальная судьба. Бывало, доведенные до крайности подданные, начинають закидывать графа жалобами. Тотъ имъ отвѣчаетъ пустыми любезностями, принимая тонъ попечительнаго отца, или кладетъ просьбы подъ сукно (ad acta), затѣмъ выражаетъ гнѣвъ и грозится. Одинъ графъ отвѣчалъ своимъ подданнымъ такимъ указомъ: «Мы, Божіей милостью, не хотимъ имѣть подданныхъ резонеровъ (Rässonneurs). Симъ запрещается многократное резонерство нашихъ подданныхъ, подъ страхомъ полугодичнаго заключенія въ смирительномъ домѣ». Но вѣрные подданные не унимались, и представляли свои резоны имперскимъ судамъ. Послѣдніе издавали резолюціи, въ родѣ слѣдующихъ: Графъ Гебгардъ цу-Вольфегъ-Вальдзеръ заключается въ тюрьму на два года за «плутовство, особенно относительно вдовъ и сиротъ». Послѣдній изъ графовъ Вильдъ-Рейнъ-цу-Рейнграфенштейнъ, приговаривается къ тяжкому 10-ти-лѣтнему заключенію «за гнусные обманы, за безотвѣтственное злоупотребленіе верховной властью и за подлоги, которые онъ многократно совершалъ, допускалъ и приказывалъ совершать, въ чемъ самъ сознался». Послѣдній изъ графовъ Лейнингенъ-Гунтерсблумовъ былъ арестованъ и низложенъ «за ужасное богохульство, за покушеніе на убійство, за составленіе ядовъ, за двоеженство, за оскорбленіе величества, за угнетеніе своихъ подданыхъ, за непозволительныя оскорбленія иностранцевъ и даже духовныхъ особъ».

X.

Фюрстъ.—Его власть.

Намъ остается разсмотрѣть самый важный и самый любопытный чинъ нѣмецкой имперіи—*фюрстовъ* или князей.

Первостепенное значеніе фюрстовъ видно изъ того мѣста, которое занимали они въ имперскомъ представительствѣ. Каждый изъ нихъ имѣлъ на имперскомъ сеймѣ личный, а не собирательный голосъ, каждый считалъ себя полноправнымъ монар-

хомъ. Конечно, нѣмцы и здѣсь не могли обойтись безъ извѣстной лѣстницы ранговъ и титуловъ. Нѣкоторые изъ фюрстовъ назывались курфюрстами, герцогами, ландграфами, маркграфами, но это были пустыя клички, завѣщанныя феодализмомъ: онѣ имѣли значеніе только въ имперскомъ церемоніалѣ.

Одни курфюрсты пользовались нѣкоторыми преимуществами передъ своими товарищами. По «Золотой Буллѣ», ихъ было семь: три духовныхъ—Майнцъ, Кёльнъ и Триръ, да четыре свѣтскихъ—Саксонія, Рейнскій Пфальцъ (Палатинатъ), Богемія и Бранденбургъ. По Вестфальскому миру, образовалось восьмое курфюршество изъ Верхняго Пфальца, который отошелъ къ Баваріи. Въ 1692 г. возникло девятое курфюршество—Ганноверское. Но въ 1777 г. снова стало восемь курфюрстовъ, такъ какъ обѣ линіи дома Виттельсбаховъ, баварская и пфальцская, слились. Эти восемь потентатовъ выдѣлялись на сеймѣ, какъ знатнѣйшіе чины имперіи. Они составляли отдѣльную коллегію, голосъ которой имѣлъ первостепенное значеніе. Кромѣ того, они числились также въ коллегіи фюрстовъ, какъ владѣльцы нѣкоторыхъ княжескихъ земель, и здѣсь, конечно, мелкіе фюрсты были ихъ послушнымъ орудіемъ. Курфюрсты считались главой имперской администраціи, какъ бы соправителями императора. Но важнѣе всего то, что они же избирали императора. Габсбурги, дорожившіе императорской короной, выказывали глубокое уваженіе къ этимъ «главнымъ столпамъ имперіи», какъ назвала ихъ Золотая Булла. Они точно исполняли предписаніе закона—«всегда содержать курфюрстовъ въ особенно-высокомъ почтеніи». Въ имперскомъ церемоніалѣ курфюрсты были окружены исключительной пышностью. Понятно, что нѣмецкій крестьянинъ благоговѣлъ передъ своими курфюрстами, какъ передъ подобіемъ императора, и сладкою мечтой каждаго значительнаго фюрста было достигнуть этого лестнаго званія. Но привилегіи курфюрстовъ не выходили за предѣлы общаго, имперскаго управленія; и здѣсь ихъ главная сила состояла въ правѣ избранія императора. Во всемъ же остальномъ, и именно въ своихъ собственныхъ земляхъ, курфюрсты, по значенію и власти, были тѣ же фюрсты. На это указываетъ самое ихъ названіе—«фюрстъ», съ прибавкой слова «кур»—выборъ.

Кромѣ восьми курфюрстовъ, къ княжескому чину принадлежало около ста владѣтельныхъ особъ. Мы уже знаемъ, что на сеймѣ, въ коллегіи фюрстовъ, считалось 34 духовныхъ и 60 свѣтскихъ голосовъ. Ихъ владѣнія назывались крупными, но, конечно, только по нѣмецкому масштабу прошлаго вѣка. Среди

нихъ было много земель, напоминавшихъ графства своей миніатюрностью. Дѣйствительно, важныхъ насчитывалось всего съ десятокъ, да и тѣ были обязаны своимъ значеніемъ постороннимъ обстоятельствамъ, въ особенности же родству съ Австріей, Пруссіей, Россіей, Англіей, Голландіей.

Такъ какъ у фюрстовъ всѣхъ ранговъ были одинакія владѣтельныя права, то мы обрисуемъ общій типъ нѣмецкаго фюрста передъ революціей. Прежде всего укажемъ на его исторію.

Мы уже видѣли, какъ къ концу среднихъ вѣковъ гордый феодалъ становился блѣднымъ призракомъ передъ блескомъ монархизма, а въ Германіи онъ торжествовалъ побѣду, превращался въ фюрста.

Фюрсты образовались въ теченіи среднихъ вѣковъ постепенно и изъ различныхъ источниковъ, но во всякомъ случаѣ ихъ власть была связана съ крупнымъ землевладѣніемъ и съ ленными отношеніями. Фюрстъ—прямой потомокъ феодальнаго вассала, но онъ не вассалъ: его значеніе состоитъ именно въ томъ, что онъ выбился изъ ленной зависимости.

Освободившись отъ ленныхъ обязанностей, фюрстъ усердно взялся за расширеніе своей верховной власти. Обстоятельства благопріятствовали его задачѣ; все, и добро, и зло, словно сговорилось помогать ему. Реформація, этотъ могущественный протестъ противъ средневѣковыхъ основъ нравственности, въ политикѣ способствовала національной раздробленности, свойственной феодализму. Какъ сила новаго времени, она сочувствовала монархизму: слѣдовательно, въ Германіи она обречена была на служеніе фюрстамъ. Обширныя секуляризаціи церковныхъ имуществъ и проповѣдь лютеранъ о повиновеніи свѣтской власти «Божіей милостію» оказали неоцѣненную услугу князьямъ. Бичъ Германіи, тридцатилѣтняя война, также помогла фюрстамъ. Реформація искоренила одного изъ ихъ злѣйшихъ враговъ—мелкое рыцарство, спѣсивыхъ и задорныхъ «юнкеровъ»; тридцатилѣтняя война сгубила гордыхъ и богатыхъ бюргеровъ, которые умѣли отстаивать свою независимость. Когда окончилась религіозная борьба, Германія лежала въ развалинахъ, ея сельское и въ особенности городское хозяйство рухнуло, а фюрсты вознеслись на высшую степень могущества. Вестфальскій мирный трактатъ—дипломъ на абсолютизмъ, выданный Европою фюрстамъ. Онъ воздвигъ послѣднія преграды императорской власти, запретивъ жаловаться на князей имперскимъ судамъ; онъ вручилъ фюрстамъ штыкъ, приказавъ ихъ подданнымъ «содѣйствовать содержанію крѣпостей и гарнизоновъ».

Въ то же время сама жизнь была за фюрстовъ. Духъ новаго времени требовалъ большихъ территорій и сильныхъ правительствъ съ крѣпкой организаціей, которыя разрушали бы феодальныя привилегіи, эти перегородки внутри націи, стѣснявшія движенія общества. Новички въ дѣлѣ, фюрсты, быть можетъ, не сразу вывели бы всѣ слѣдствія, вытекавшія изъ ихъ новаго положенія, но во Франціи, тамъ, гдѣ монархизмъ развился раньше и полнѣе, чѣмъ въ остальной Европѣ, новый политическій идеалъ воплотился всесторонне на порогѣ XVIII-го вѣка. Примѣръ Лудовика XIV рѣшилъ судьбу Германіи. Фюрсты начали ревностно подражать ему, развивая на всѣ лады идею, которая называлась тогда «государственною пользой» (ratio status, въ нѣмецко-французскомъ переводѣ того времени—Staatsraison). Эта теорія сильно подкрѣплялась въ глазахъ фюрста еще примѣромъ большихъ нѣмецкихъ державъ—Австріи, и особенно Пруссіи, которыя быстро пошли по новому пути. Солдатское воспитаніе, тотчасъ же усвоенное князьями, да безмолвіе народа, забывшаго «старую нѣмецкую свободу» и расправу, довершили остальное.

Прусскій король, Фридрихъ Вильгельмъ I, первый похвалился, на тогдашнемъ нѣмецкомъ жаргонѣ, что воздвигъ въ Германіи «бронзовую скалу» (Rocher von Bronze). «Мы,—говорилъ онъ,—можемъ дѣлать, что́ угодно, ибо мы—король». Епископъ шпейерскій возвѣстилъ публично, что признаетъ надъ собой только «судъ царя царей». Затѣмъ, епископъ издалъ родъ катехизиса для народа, въ которомъ говорилось: «мы, подданные, должны вести себя, какъ слуги, ибо фюрстъ—нашъ господинъ, и властенъ какъ надъ нашей жизнью, такъ и надъ всѣмъ нашимъ добромъ». Карлъ Вюртембергскій, услышавъ отъ своего чиновника намекъ на «отечество», воскликнулъ: «отечество?.. *Я*—отечество!» Всѣ фюрсты, до самаго мелкаго, повторяли знаменитое изреченіе Лудовика XIV. Вскорѣ ложная наука явилась на помощь новой идеѣ. Возникла цѣлая школа публицистовъ, которую нѣмецкій патріотъ того времени, Ю. Мозеръ, назвалъ непереводимымъ «Ober- und Kerzenmeister der Souverainetäts-Macherzunft»,—въ родѣ «шайки дѣлателей верховныхъ правъ». Она облекала въ систему и почти въ божественное ученіе теорію «sic volo, sic jubeo» (хочу, приказываю!)—какъ назвалъ ее одинъ изъ ея же служителей, баварскій министръ.

Около половины XVIII вѣка, на смѣну этой теоріи явилась новая, вытекшая изъ такъ-называемаго «просвѣщенія». Она вовсе не посягала на полноту власти фюрста, она только ставила но-

вую, высшую цѣль для этой власти, но не измѣняла средствъ къ ея достиженію. «Все *для* народа, но ничего *посредствомъ* народа», гласила она, и по прежнему распространялась о «государственной пользѣ». Она предоставляла осуществленіе новаго идеала доброй волѣ личностей и тѣхъ сферъ, гдѣ принципы Лудовика XIV стали уже рутиной.

А между тѣмъ, по мѣрѣ того, какъ все способствовало развитію княжескаго абсолютизма, падали послѣднія ограниченія его. Въ этомъ смыслѣ особенно важна судьба *земства* или, по мѣстному выраженію, *земскихъ чиновъ* (Landstände).

Земство было необходимымъ колесомъ въ сложномъ механизмѣ феодальнаго быта; только черезъ него ленный господинъ могъ сноситься со всѣмъ подчиненнымъ ему населеніемъ. Съ другой стороны, только оно давало возможность этому населенію отвергать требованія леннаго господина и вообще сдерживать его произволъ. Это былъ, такъ сказать, средневѣковой парламентаризмъ, но онъ существенно отличался отъ конституціонныхъ основъ новаго времени. Согласно съ духомъ привилегій, которымъ былъ проникнутъ феодализмъ, земство обнимало тогда только часть народа. «Земскіе сеймы» или «ландтаги» состояли лишь изъ рыцарей, прелатовъ, да горожанъ: въ то печальное время закрѣпощенное крестьянство нигдѣ не имѣло голоса. Каждый членъ сейма говорилъ только за себя, за свои частные интересы, слѣдовательно, земство было голосомъ отдѣльныхъ сословій и корпорацiей, а пе выраженіемъ національной воли. Здѣсь господствовали узкіе интересы привилегированнаго класса, наиболѣе вредные для народнаго благосостоянія; оттого-то это земство вовсе не приносило пользы народу, напротивъ, оно было прямо враждебно его интересамъ. Нація стремилась высвободиться изъ оковъ сословной и корпоративной исключительности—и будущее было за абсолютизмомъ фюрста, жаждавшаго поглотить земство. Не земскіе чины, отстаивавшіе свою свободу отъ податей и свою помѣщичью власть, а фюрсты выступили противъ чрезмѣрнаго обремененія крестьянъ налогами, противъ крѣпостного права и мрака невѣжества. Средневѣковое земство, это дитя феодализма, должно было погибнуть вмѣстѣ съ нимъ. Въ странахъ съ болѣе правильнымъ политическимъ развитіемъ оно замѣнилось національнымъ представительствомъ, основанномъ на идеѣ *общаго* государственнаго блага. Въ Германіи же изъ него не выработалось никакихъ ограниченій абсолютизма—и, съ его смертью, власть фюрста освободилась отъ послѣднихъ стѣсненій.

Наканунѣ революціи, земства въ Германіи представляли са-

мый жалкій видъ. Во многихъ областяхъ ихъ вовсе не было, и чаще всего они умирали тихо, собственною смертью, даже безъ заявленій объ ихъ прекращеніи. Если гдѣ они уцѣлѣли, то лишь на посмѣшище современникамъ. Фюрсты терпѣли ихъ только какъ орудіе или маскировку своего абсолютизма. Черезъ нихъ собирали тяжелые налоги, выходившие изъ законныхъ рамокъ, да уплачивали провинціальные долги. Фюрстъ обыкновенно сохранялъ за собой право созывать земство, «когда потребуютъ того различныя конъюнктуры». Онъ то запугивалъ ихъ угрозами, то усыплялъ сладкими, но пустыми рѣчами. Въ одномъ мѣстѣ на ихъ многократныя заявленія отвѣчали: «не смѣйте такъ часто и несвоевременно безпокоить государя!» Въ другомъ требовали, чтобы они не разсуждали, а только выслушивали приказанія и выражали свое «искреннее мнѣніе о предложенныхъ пунктахъ». Въ курфюршествѣ Саксоніи земскіе чины безропотно выносили всѣ разорительные капризы Августа Сильнаго, а когда, послѣ семилѣтней войны, они осмѣлились протестовать противъ новыхъ налоговъ, ихъ заперли въ залѣ и не выпускали до тѣхъ поръ, пока не вынудили согласія. Немудрено, что нѣкоторыя земства просили только объ одномъ—«чтобы обращались съ ними, какъ съ привилегированными подданными, чтобы не смѣшивали ихъ съ толпой и не смотрѣли на нихъ, какъ на рабовъ, похожихъ на восточные народы». Лишь кое-гдѣ земства сохраняли нѣкоторое значеніе. Такъ, въ Брауншвейгѣ и особенно въ Мекленбургѣ и Виртембергѣ они все еще отравляли жизнь фюрстовъ упорнымъ отстаиваньемъ своихъ правъ. Въ описываемое время они даже заставили герцога Карла виртембергскаго бѣжать изъ столицы [1]). Но протестъ такихъ земствъ только указывалъ на болѣзнь, не излечивая ея; онъ приводилъ къ безполезнымъ возстаніямъ, вызывавшимъ кровавыя и жестокія мѣры.

Должно еще замѣтить, что въ концѣ своего существованія, земства, съ ихъ узкимъ провинціальнымъ духомъ, вредили общимъ имперскимъ интересамъ. Жертвы для всей Германіи, требуемыя имперскими чинами, были непонятны и противны земскимъ чинамъ. Оттого-то имперскія учрежденія не поддерживали земства, а желали ихъ погибели.

Мы видѣли, какъ неудовлетворительна была имперская конституція, которой суждено было замѣнить земства. По духу, она была ихъ родною сестрой. Это также было не національное

---

1) Препирательства виртембергскаго земства съ своимъ герцогомъ подробно описаны въ депешахъ Николая Румянцова къ Остерману.

представительство, а оплотъ привилегій и сословной исключительности. Безсильныя имперскія учрежденія, руководимыя фюрстами, конечно, не представляли преградъ княжескому абсолютизму. Они думали только объ ограниченіи ничтожной власти императора, а не широкаго авторитета фюрстовъ. Обыкновенно, они потворствовали беззаконіямъ своихъ потентатовъ. Они отсылали жалобы подданныхъ на «рѣшеніе» ихъ же государю, не то проходило одно-два поколѣнія—и имперскіе суды отвѣчали на эти жалобы: «надѣемся, что фюрстъ N. N. самъ соизволитъ позаботиться объ устраненіи указанныхъ тягостей». Если же порой имперскій судъ произносилъ справедливый приговоръ, фюрстъ не обращалъ вниманія на него. Въ Гессенъ-Дармштадтѣ долго служилъ безпорочно извѣстный публицистъ, Карлъ Фридрихъ Мозеръ. Вдругъ, безъ всякой причины и безъ суда, его изгоняютъ изъ отечества. Мозеръ жалуется вѣнскому надворному совѣту, который рѣшаетъ дѣло въ пользу его. Но ландграфъ знать ничего не хочетъ и продолжаетъ преслѣдовать несчастнаго литератора, конфискуетъ его имущество, и т. под. Семь разъ имперскій судъ дѣлалъ ему внушенія—и все напрасно. Лишь спустя восемь лѣтъ, Мозеръ освободился отъ мученій,—и то только благодаря смерти своего преслѣдователя.

Жалкая глава имперскихъ учрежденій, императоръ, принужденъ былъ, противъ воли, поддерживать своихъ соперниковъ, фюрстовъ, а не ихъ подданныхъ. Онъ былъ связанъ избирательными условіями, которыя съ любовью останавливались на вопросѣ о повиновеніи подданныхъ. Такъ, напримѣръ, онъ присягалъ: «держать подданныхъ въ должномъ послушаніи ихъ государямъ; служить опорой государственныхъ правъ фюрстовъ; въ соединеніи съ другими чинами, помогать князьямъ противъ ихъ подданныхъ и приводить послѣднихъ къ повиновенію; запрещать и останавливать всякіе ненадлежащіе, ненавистные союзы, скопы и общія дѣйствія подданныхъ». Въ предупрежденіе жалобъ и домогательствъ подданныхъ, императоръ объявлялъ: «если кто обратится къ намъ или къ имперскимъ судамъ съ подобными вещами, тотъ не будетъ выслушанъ: его отстранятъ отъ порога правосудія и обратятъ къ должнымъ счетамъ съ его государемъ».

Главнымъ элементомъ абсолютизма фюрстовъ была судебная власть, она послужила ему основой. Въ средніе вѣка только она намекала на монархизмъ, ибо только она служила не однимъ личнымъ интересамъ леннаго господина, но и общественнымъ цѣлямъ. Всѣ остальные элементы княжескаго абсолютизма возникли позже и, такъ сказать, приростали къ этому первоначальному зерну. Но

въ феодальную эпоху судебная власть ленника была сильно ограничена. Тогда въ юридическомъ бытѣ господствовалъ тотъ здравый принципъ, къ которому Европа возвратилась лишь въ послѣднее время. Тогда каждая община считала только себя способною рѣшать вопросъ—нарушено ея право въ данномъ случаѣ, или нѣтъ. Этотъ приговоръ постановляли члены общины—рыцари, горожане или крестьяне: то были присяжные среднихъ вѣковъ, ленникъ же только прилагалъ законъ къ случаю, уясненному общиной. Но когда распался феодальный бытъ, когда утратилось значеніе замкнутыхъ общинъ, а принципъ національнаго единства еще не проникъ въ жизнь, некому было сознавать, что́ право и что́ безправіе; тогда-то фюрстъ проскользнулъ къ народному трибуналу и тихо овладѣлъ обѣими сторонами судебнаго быта. Его судьи стали рѣшать и фактическіе, и юридическіе вопросы.

Исторія доказываетъ, что правосудіе можетъ существовать и при такихъ условіяхъ, но для этого необходима независимость суда. У фюрстовъ же ея не было. Они смотрѣли на суды, какъ на свои домашнія учрежденія, созданныя для исполненія ихъ воли. Судьи, вполнѣ завися отъ фюрста, соображались съ его взглядами и наклонностями. Если же порой они не были достаточно догадливы или послушны, то на сцену являлась такъ-называемая «кабинетная юстиція», т.-е. прямой приказъ свыше, отмѣнявшій приговоръ суда. По словамъ одного современника, въ Баваріи, «если только отвѣтчикъ былъ чиновникъ, дворянинъ, священникъ или богатый еврей, онъ всегда выходилъ чистъ, а челобитчиковъ и судей постигала месть».

Этого мало. Тогда въ Германіи господствовало прямое смѣшеніе администраціи съ судомъ, которое всегда служитъ признакомъ болѣзненности государственнаго организма. Многія отрасли народной жизни были совсѣмъ лишены судебной защиты, ибо подчинялись спеціальнымъ чиновничьимъ трибуналамъ разныхъ министерствъ. Существовали особые суды акцизные, финансовые, горные, и т. д. Наконецъ, фюрстъ могъ всегда бросить грязью въ любую юстицію, дѣйствуя, какъ говорится, административнымъ путемъ тамъ, гдѣ его воля расходилась съ предписаніями закона. Характеристично, что извѣстная исторія мельника въ Сансуси, состоящая въ томъ, что Фридрихъ II не ограбилъ своего подданнаго, надѣлала такъ много шуму въ Европѣ. И тотъ же Фридрихъ съ позоромъ лишилъ мѣстъ судей, которые совершенно справедливо осудили другого мельника, Арнольда, спорившаго съ своимъ сосѣдомъ, рыцаремъ, изъ-за воды. Іосифъ II обыкновенно

увеличивалъ наказаніе, налагаемое судами на безчестныхъ чиновниковъ, хотя это противорѣчило законамъ. Въ другихъ мѣстахъ совершались гораздо болѣе возмутительные факты: безъ всякаго суда и слѣдствія хватали людей и заключали ихъ въ тюрьму, иногда на всю жизнь, а ихъ имущество конфисковали. Особенно славились этими короткими расправами сначала Саксонія, потомъ Баварія и Виртембергъ. Герцогъ Карлъ виртембергскій держалъ подъ утонченно-жестокимъ арестомъ, и даже безъ допроса, извѣстнаго публициста, Іоганна Якоба Мозера (отца помянутаго выше) и поэта Шубарта,—перваго шесть лѣтъ, второго—десять.

Рядомъ съ развитіемъ судебной власти фюрста росло его финансовое и военное могущество, безъ котораго немыслимъ никакой абсолютизмъ.

Въ средніе вѣка ленникъ довольствовался доходами съ собственныхъ владѣній, да ничтожными субсидіями своихъ подчиненныхъ. Субсидіи были строго опредѣлены; свыше нормы фюрстъ не могъ требовать: онъ только просилъ прибавки или «добровольныхъ приношеній» у земскихъ чиновъ. Конечно, фюрстъ всячески стремился выработать принципъ произвольнаго обложенія податями, безъ спроса подданныхъ. И онъ достигъ этого, опираясь на идею общаго блага или государственной пользы. Затѣмъ, онъ сталъ злоупотреблять безконтрольностью своей финансовой власти. Къ тому же, на встрѣчу его желаніямъ шла изъ Франціи теорія меркантилистовъ, которая видѣла богатство только въ деньгахъ. Иной фюрстъ не шутя воображалъ, что если у него большая казна, какими бы путями ни набралась она, значитъ, государство благоденствуетъ и онъ—прекрасный правитель.

Въ описываемое время фюрсты отличались необыкновенной фискальной изобрѣтательностью. Тогда уже миновало время простыхъ и сносныхъ прямыхъ податей. Подлѣ нихъ процвѣло царство косвенныхъ налоговъ, самыхъ ненавистныхъ народу, ибо они въѣдаются въ него до глубины, не щадятъ нищаго. Къ тому же, они приносили и политическій вредъ, окончательно подрывая земство, которое спрашивали только при прямыхъ податяхъ. Косвенные налоги особенно развились у Фридриха II, который первый заимствовалъ ихъ у французовъ. Подражая ему, фюрсты осѣтили народъ массой сборовъ, которые преслѣдовали его на каждомъ шагу, почти при каждой куплѣ и продажѣ. Въ то же время они стали, опять по примѣру Фридриха, купцами-монополистами.

Вообще, фюрсты обладали замѣчательнымъ коммерческимъ духомъ. Они продавали за-границу все, что только покупалось у нихъ—именно свою совѣсть, свои права, должности и даже са-

михъ подданныхъ. Они постоянно получали субсидіи за свои голоса на сеймѣ, за нейтралитетъ или вооруженную помощь. Сто́итъ только вчитаться въ депеши Румянцова и въ прилагаемыя имъ письма фюрстовъ къ Екатеринѣ, чтобы видѣть, до чего были способны унижаться эти потентаты даже изъ грошовыхъ выгодъ. Одни получали пенсіи отъ Англіи или Россіи, другіе отъ Пруссіи или Австріи. Но больше всѣхъ издерживалась на нихъ Франція. Въ 1750—1772 годахъ она выплатила имъ 137 милліоновъ франковъ. Курфюрсты вели спеціальную торговлю своими голосами. Майнцскій долго получалъ съ Австріи по 100 тысячъ гульденовъ въ годъ за императорскіе выборы. Продажа должностей была обычною системой. Часто подданные покупали ихъ въ наслѣдственную аренду и даже отдавали въ приданое дочерямъ. Еще болѣе пагубна и гнусна была торговля людьми, продажа подданныхъ въ солдаты чужому государю. Во время борьбы американскихъ колоній за независимость фюрсты получили отъ Англіи за солдатъ около 35-ти милліоновъ талеровъ,—отъ ста до полутораста талеровъ за голову. При этомъ Гессенъ-Кассельскій отправилъ на поля Америки $4^1/_2$% своего населенія, а Ангальтъ-Цербтскій—5 процентовъ! Но ихъ превзошелъ ландграфъ Ганаускій: онъ спустилъ за ту же цѣну всѣхъ своихъ колодниковъ.

Когда исчерпывались всѣ фискальныя мѣры съ торгашескимъ характеромъ, брались за безбожную порчу монетъ и за принудительные займы. Затѣмъ шли финансовыя мѣры мелкаго разбора. Онѣ особенно любопытны: здѣсь обнаруживался весь геній изобрѣтательности фюрстовъ. Одинъ возвышалъ елико возможно судебныя пошлины, другой выдумывалъ препятствія къ свадьбамъ, за устраненіе которыхъ бралъ штрафы, третій собиралъ «Werbegeld», т.-е. выкупъ за военную повинность, и все-таки производилъ насильственные наборы. Особенно славился находчивостью все тотъ же Карлъ виртембергскій. Вотъ въ чемъ обвиняло его земство. Онъ присвоилъ себѣ древнее право общинъ торговать солью и очень дорого продавалъ плохую соль, притомъ принуждалъ подданныхъ покупать гораздо больше, чѣмъ сколько нужно было имъ. Онъ насильно покупалъ лошадей у коноводовъ за ничтожную цѣну, а при продажѣ ихъ за-границу взималъ пошлину. Онъ бралъ хлѣбъ изъ общинныхъ магазиновъ и продавалъ его въ свою пользу. Онъ вторично собиралъ уже уплаченныя недоимки. Этотъ же изобрѣтательный герцогъ завелъ собственную типографію и печаталъ въ ней стихи погубленнаго имъ Шубарта, такъ какъ они имѣли хорошій сбытъ.

Когда всѣ указанныя мѣры не помогали, тогда являлась на

сцену лотерея. Она до того господствовала въ Германіи, что была истинной язвой и развращеніемъ націи. Она проникла повсюду. Даже въ Пруссіи ее ввелъ самъ Фридрихъ II. Но всего болѣе свирѣпствовала она на Рейнѣ. Здѣсь, между Кобленцомъ и Дюссельдорфомъ, на разстояніи двадцати часовъ пути, было девять лотерей! Какъ выгодно было для фюрстовъ это пагубное учрежденіе, видно изъ примѣра маленькаго Аншпаха, гдѣ государь получалъ отъ него 80,000 гульденовъ ежегодно. Немудрено, что ненасытный герцогъ виртембергскій принуждалъ къ устройству лотерей даже монастыри. Множество примѣровъ свидѣтельствуетъ о глубинѣ нравственнаго паденія фюрстовъ, связаннаго съ этою мѣрой. Въ Пфальцѣ правительство завлекало подданныхъ въ лотерею, провозглашая ее «самымъ вѣрнымъ путемъ къ счастью». Въ Австріи, лотереи 1759—1769 годовъ дали 21 милліонъ гульденовъ, изъ нихъ дворъ взялъ себѣ $3^1/_2$ милліона. Устроителю ея, какому-то итальянцу, досталось $8^1/_2$; но всѣ говорили, что истиннымъ арендаторомъ ея былъ не итальянецъ, а самъ императоръ. Но лучше всего поступали въ Брауншвейгѣ: тамъ не отдавали выигрышей, такъ что осчастливленные колесомъ фортуны принуждены были жаловаться имперскому суду.

Собранныя такими путями средства сначала употреблялись преимущественно на войска. Военное могущество, безъ котораго немыслимъ абсолютизмъ точно также, какъ и безъ денегъ, развивалось рука объ руку съ финансовымъ.

Ленный господинъ довольствовался временными дружинами своихъ вассаловъ и рыцарей, которые стекались къ нему, въ случаѣ нужды, въ силу особаго договора, ленной присяги. Онъ не имѣлъ права возстановить первоначальный обычай — призывъ *всѣхъ* свободныхъ людей (Heerbann). Если ему не хватало ленныхъ дружинъ, онъ запасался наемными войсками. Фюрсту уже мало было этого скуднаго войска. Ему помогъ Вестфальскій миръ съ своимъ закономъ о княжескихъ «крѣпостяхъ и гарнизонахъ», который послужилъ юридической основой для постоянной арміи. Конечно, эта армія была не дѣломъ народа, не слѣдствіемъ его нуждъ, а созданіемъ и опорой интересовъ фюрста. Это видно изъ того, что почти цѣлое столѣтіе она составлялась исключительно посредствомъ вербовокъ. Меркантилизмъ поддерживалъ эту вредную, антинаціональную систему: тогда считалось верхомъ политической мудрости нанимать чужихъ подданныхъ, а своихъ сохранять въ цѣлости. Вербовали всякаго, кто попадался подъ руку. Тутъ были и бродяги, отъ которыхъ старалась избавиться полиція сосѣдняго фюрста, и негодныя дѣти, которыхъ родители про-

давали въ солдаты «на исправленіе», не то вербовщики прибѣгали къ насиліямъ, обманамъ и спаиванію неосторожныхъ юношей: они получали премію за каждаго новобранца. Идея военной службы, какъ всеобщей повинности, какъ національнаго долга, возобладала только къ концу прошлаго вѣка. Впервые наборы (конскрипція, enrôlement) появились въ Пруссіи, при Фридрихѣ-Вильгельмѣ I (1733 г.); позже они были введены въ Австріи и въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ Германіи, но они не достигали большихъ размѣровъ и не вытѣсняли вербовокъ. Къ тому же, наборъ производился только съ крестьянъ: остальныя сословія были свободны отъ воинской повинности даже въ Пруссіи. Наконецъ, конскриптовъ распускали по домамъ, обучивши ихъ на̀-скоро, и постоянное войско все-таки составляли наемники. Каждый фюрстъ старался образовать возможно-большую армію. Въ крупныхъ государствахъ это имѣло хоть какой-нибудь смыслъ, въ мелкихъ-же было просто смѣшно и нелѣпо, а между тѣмъ, чѣмъ миніатюрнѣе былъ фюрстъ, тѣмъ болѣе содержалъ онъ войска, сравнительно съ числомъ подданныхъ. Каждый ничтожный потентатъ изъ кожи лѣзъ, чтобы окружить себя военнымъ блескомъ. Тутъ нѣсколько заглушалась его зависть къ могуществу крупныхъ товарищей, тутъ онъ находилъ средство держать въ повиновеніи своихъ, дочиста обобранныхъ, подданныхъ. Наконецъ, солдаты служили ему источникомъ доходовъ: при нуждѣ онъ продавалъ ихъ болѣе богатымъ фюрстамъ или даже иностраннымъ державамъ.

Завладѣвъ судебною властью, сосредототивъ въ своихъ рукахъ финансы страны и окруживъ себя штыками, фюрстъ сталъ единственнымъ источникомъ законовъ и безконтрольнымъ администраторомъ своей территоріи.

Излишне характеризовать законодательную власть фюрста. Съ паденіемъ земства,—этого послѣдняго слѣда независимости хотя привилегированныхъ сословій, никто не могъ оспаривать ея. Фюрстъ съ своимъ кабинетомъ издавалъ повелѣнія какъ ничтожнаго, такъ и государственнаго свойства. Тутъ даже не разберешь, что̀ законъ и что̀ указъ,—точь-въ-точь какъ въ восточныхъ султанатахъ. Если въ судебномъ бытѣ «кабинетная юстиція» вторгалась въ обыкновенную, то законодательство только и было кабинетное.

Административная власть фюрста была очевиднѣе всего даже для темнаго люда. Послѣдній крестьянинъ чувствовалъ на себѣ, какъ для нея не было ничего завѣтнаго, какъ она вторгалась въ самыя мелкія проявленія жизни. Подданный на каждомъ шагу сталкивался съ чиновниками. Съ другой стороны, положеніе этихъ

мелкихъ тирановъ ясно свидѣтельствовало о безконтрольной власти фюрста. Это были дворяне, — люди, ничему неучившіеся и не привыкшіе къ производительному труду. Изгнаніе изъ канцеляріи равнялось для нихъ голодной смерти. Нѣмецкій чиновникъ прошлаго вѣка остался тѣмъ же блюстителемъ личныхъ интересовъ своего патрона, какимъ онъ былъ при ленномъ господинѣ, для него не существовало превращенія феодальныхъ отношеній въ государственныя, онъ лишь по имени несъ «государственную» службу, въ сущности это былъ холопъ фюрста. Невѣжество, грубость и продажность, подобострастіе передъ господиномъ и деспотизмъ въ обращеніи съ низшими, наконецъ убійственное рутинёрство—вотъ его характеристика. Фюрстъ обращался съ чиновниками, какъ съ лакеями, что̀ лишало ихъ послѣдней искры совѣсти и чести. Онъ назначалъ и смѣнялъ ихъ по произволу, если только не продавалъ должностей; онъ употреблялъ ихъ всюду по капризу. Одинъ фюрстъ, рѣшивъ въ своемъ умѣ создать новый кварталъ въ столицѣ, заставлялъ ихъ строить дома на собственный счетъ; другой по цѣлымъ годамъ не платилъ имъ жалованья или даже бралъ у нихъ взаймы безъ отдачи; третій вдругъ приказывалъ всѣмъ носить усы и являться на охоту, или же требовалъ, чтобы гофраты были не менѣе шести футовъ росту. Фюрстъ обращался съ чиновниками грубо и пошло, называлъ ихъ неупотребительными въ печати именами. «Вотъ я дамъ по 25 палокъ этимъ негодяямъ!» воскликнулъ какъ-то курфюрстъ баварскій. Въ Пруссіи, въ 1796 году конвентуалы одного монастыря, состоявшіе на государственной службѣ, получили слѣдующій указъ: «ваше *ничтожество* должно понять, что вы только по королевской милости получаете хлѣбъ и жалованье; если вы тотчасъ же не сдѣлаете того, чего требуютъ отъ васъ, то васъ кассируютъ, безъ дальнихъ разсужденій, какъ непослушныхъ подданныхъ».

Тогда этотъ характеръ чиновничества проникъ повсюду. Земскіе города, наиболѣе привыкшіе къ своему древнему самоуправленію, также подчинились административному произволу. Ихъ нѣкогда гордые и независимые магистраты превратились въ княжескихъ слугъ, нерѣдко они прямо назначались свыше. Фюрстъ продавалъ имъ право уклоняться отъ отчетовъ горожанамъ; онъ разрѣшалъ пріемъ новыхъ лицъ въ цехи; онъ слѣдилъ за городскимъ хозяйствомъ. Въ Пруссіи всякій расходъ думы свыше десяти талеровъ требовалъ разрѣшенія короля, и каждый остатокъ отъ смѣты поступалъ въ казну. Абсолютизмъ опутывалъ всю жизнь города: нельзя было провести дорогу, построить мостикъ

или сторожку, вырыть колодезь безъ осмотра и разрѣшенія свыше. Власть фюрста въ городахъ лучше всего характеризуется слѣдующимъ событіемъ, случившемся въ Баваріи, и притомъ въ самомъ концѣ прошлаго вѣка. Клевретъ курфюрста подстроилъ благодарственный адресъ своему господину, отъ имени Мюнхена, за украшеніе города. Магистратъ, помимо котораго велось дѣло, протестовалъ. Тогда на него посыпались непріятности. Курфюрстъ грозилъ перенесеніемъ своей резиденціи въ другой городъ, возмущалъ шайки бездѣльниковъ противъ магистрата и т. под. Наконецъ, упрямая дума была временно разогнана и замѣнена чиновничьимъ правленіемъ. Нѣкоторыхъ членовъ магистрата отрѣшили отъ должности и принудили къ торжественному извиненію передъ портретомъ курфюрста. Удивительно ли послѣ этого, что въ государственныхъ календаряхъ фюрстовъ представители городовъ, бургомистры, упоминались въ послѣднемъ разрядѣ, ниже придворныхъ лакеевъ по части поднесенія пива (Hofbierschenken)?

То же самое должно сказать о власти фюрста въ селахъ. Здѣсь наиболѣе сохранялась древняя самостоятельность: дворъ былъ далекъ отъ этихъ тихихъ уголковъ, да и вообще сельская община не легко поддается разложенію. Здѣсь все еще существовали сходки и волостныя правленія. Тѣмъ не менѣе, въ концѣ XVIII-го столѣтія, и въ селахъ ясно замѣчалось вліяніе княжескаго абсолютизма. И сюда все чаще и чаще заглядывалъ чиновничій произволъ, опиравшійся на помѣщичью власть. И здѣсь стали появляться тяжкіе и унизительные указы, стремившіеся проникнуть до глубины патріархальнаго быта. Фюрстъ вмѣшивался въ свадебные обычаи крестьянина, въ мелочи его хозяйства до одежды и раскладки податей. Онъ даже вводилъ въ сельскую общину новыхъ поселенцевъ безъ ея спроса. Словомъ, эта община лишилась почти всѣхъ своихъ исконныхъ правъ и служила только средствомъ къ обогащенію фюрста. Нерѣдко она еще играла роль болвана, на которомъ примѣряли всевозможныя сельско-хозяйственныя системы, изобрѣтаемыя капризомъ потентата.

Такъ, фюрстъ сталъ воплощеніемъ безграничной власти въ матеріальномъ быту. Вслѣдъ затѣмъ онъ овладѣлъ и нравственными интересами народа. Въ этомъ случаѣ особенно интересны отношенія фюрстовъ къ церкви.

Государственныя теоріи протестантизма и католичества совсѣмъ различны. Первый съ самаго своего основанія сталъ въ подчиненныя отношенія къ свѣтской власти. Поэтому неудивительно, что въ протестантскихъ земляхъ фюрстъ безъ труда обратилъ церковь въ государственное учрежденіе, въ своего лакея-чинов-

ника. Пасторы быстро усвоили идею безусловнаго повиновенія, которая стала главною тэмой ихъ проповѣдей. Они увлеклись своимъ рвеніемъ до того, что гордились такою ролью и не безъ хвастовства говорили: «да, протестантская церковь самая рабская въ мірѣ!» Совсѣмъ на другихъ началахъ основывались отношенія католической церкви къ государству. Она всегда, хотя и по эгоизму, стремилась къ владычеству, къ поглощенію свѣтской власти. Ея центръ тяжести, правда, лежалъ не въ мѣстныхъ интересахъ, а въ Римѣ. Іезуиты, конечно, проповѣдовали теорію рабства, но лишь въ тѣхъ земляхъ, правители которыхъ были послушнымъ орудіемъ папства; въ противномъ случаѣ они подстрекали подданныхъ къ мятежамъ. Съ другой стороны, католическіе фюрсты поддерживали свою церковь, пока шла борьба между католичествомъ и протестантизмомъ и пока еще не окрѣпъ ихъ абсолютизмъ. Но въ описываемое время они стали подражать своимъ врагамъ — протестантскимъ правителямъ. Они начали рѣшительно выступать противъ притязаній римской куріи, энергично проводя и здѣсь идею «государственной пользы». Дѣло дошло до того, что ни одно церковное распоряженіе не могло пройти безъ ихъ разрѣшенія.

Вмѣстѣ съ церковью, въ вѣдѣніе фюрста перешло и народное образованіе, тѣсно связанное съ нею. Отчасти фюрсты сами начали устроивать учебныя и ученыя заведенія, а чаще всего они вполнѣ овладѣвали тѣмъ, что̀ изстари насаждено было церковью. Въ школахъ появились правительственныя программы и разныя инспекціи. Въ университетахъ чиновники начали предписывать направленіе наукамъ и ихъ преподаванію.

Литературная и художественная дѣятельность особенно неуловима и съ трудомъ вмѣщается въ предписанныя рамки. Однако и она не ускользнула отъ вездѣсущаго абсолютизма фюрста. Въ описываемое время искусство само по себѣ было слабо, несостоятельно, оно само искало опоры наверху и пріютилось при дворцахъ. То была эпоха оффиціальнаго, такъ-сказать, «кабинетнаго» художества. Литература, въ которой уже зарождалась публицистика, была нѣсколько сильнѣе, а потому независимѣе и благороднѣе, но на нее уже была изобрѣтена узда. На вопросѣ о тогдашнемъ положеніи печати стоитъ остановиться.

Конечно, это была еще младенческая печать, робкая и неувѣренная въ себѣ. Въ ней еще не было прочныхъ принциповъ, создающихъ могущественное общественное мнѣніе, а новое направленіе умовъ, такъ-называемое «просвѣщеніе», было проникнуто духомъ абсолютизма. Окруженная мало-развитымъ обще-

ствомъ и забитымъ народомъ, печать сама поглядывала наверхъ, ожидая милостей и опасаясь обмолвиться. Въ ней господствовалъ выспренній и слащавый тонъ, она лепетала унизительнымъ языкомъ придворныхъ переднихъ. Въ большей части случаевъ писатель даже игралъ такую же роль домашней прислуги фюрста, какъ и чиновники. И такая-то печать считалась опаснымъ, коварнымъ врагомъ! Отъ нея не знали, какъ отдѣлаться, ее терпѣли кое-гдѣ или какъ украшеніе двора, или какъ неизбѣжное зло. Даже такіе просвѣтители, какъ Фридрихъ II и Іосифъ II, смотрѣли на нее не серьёзнѣе. Въ глазахъ фюрста, печать была какимъ-то грязнымъ исчадіемъ подонковъ общества и преступниковъ. Онъ даже не думалъ осквернять своихъ чиновниковъ опроверженіемъ ея сплетенъ. Поразительная щекотливость фюрстовъ въ этомъ отношеніи прекрасно обрисовываетъ характеръ и степень ихъ абсолютизма.

Только въ Ганноверѣ, Голштиніи, Брауншвейгѣ, Баденѣ да въ нѣкоторыхъ имперскихъ городахъ не особенно увлекались преслѣдованіемъ печати. Но и здѣсь ей мало приходилось говорить. Въ Ганноверѣ, который считался Эльдорадо вольнодумства, Шлёцеръ получилъ строгое предостереженіе, когда слегка коснулся почтамта. Въ Австріи печать не знала какъ ступить и металась въ разныя стороны. Набожная и чопорная Марія-Терезія видѣла атеизмъ въ новомъ направленіи, часто поминавшемъ слово «природа», и за это словечко ея цензоры ненавидѣли даже невинные учебники, въ родѣ «Естественной исторіи для дѣтей». А сынъ Маріи-Терезіи, Іосифъ II, самъ былъ главой новаго направленія въ Австріи — и при немъ, напротивъ, цензура преслѣдовала прежнихъ писателей.

Само собою разумѣется, что наиболѣе мучительно было положеніе печати въ католическихъ, и особенно въ церковныхъ земляхъ. Здѣсь богословскій гнетъ отцовъ іезуитовъ присоединялся къ политическимъ гоненіямъ фюрстовъ. Такъ, въ Австріи, при Маріи-Терезіи, іезуиты доходили до истиннаго мракобѣсія. Они изгоняли писателей изъ столицы и въ указахъ угрожали имъ «фустигаціей» (сѣченіемъ), а доносчикамъ, вынюхивавшимъ псевдонимы, назначали по сотнѣ дукатовъ, да еще съ обѣщаніемъ «скрывать ихъ имена». Они требовали, чтобы всякій представлялъ религіозныя книги своему духовнику, который будетъ снабжать благонамѣренныя изъ нихъ своею подписью и печатью. Въ то же время подъ страхомъ большого штрафа было приказано переплетчикамъ присылать евангелическія книги ихъ духовникамъ. Въ 1765 году, отцы іезуиты выработали первый «каталогъ

запрещенныхъ сочиненій». Но въ 1777 году они запретили и его, «дабы дурные люди не узнали изъ него дурныхъ книгъ, а умные—умныхъ, и не накупили себѣ грязныхъ сочиненій у поганыхъ книжниковъ за десятерную цѣну». Въ Баваріи духовенство запрещало даже книги, пропущенныя свѣтскою цензурой, а иностранныя сочиненія подвергались безусловному и изысканному гоненію. Не говоря про ихъ издателей и распространителей, здѣсь брали штрафы до 100 талеровъ даже съ ихъ читателей. Здѣсь изгоняли по одному подозрѣнію въ сношеніяхъ съ чужеземными редакторами и книгопродавцами. У духовныхъ фюрстовъ было еще лучше, они съ любовью занимались этимъ дѣломъ. Одинъ изъ нихъ самъ цензуровалъ рукописи; другой — публично, съ барабаннымъ боемъ рвалъ неблагонамѣренныя книжки. Въ Кобленцѣ не могло существовать ни книжной лавки, ни библіотеки, да еще сажали въ крѣпость за сочиненія, уже пропущенныя цензурой.

Но былъ свѣтскій фюрстъ, который превзошелъ даже своихъ духовныхъ собратовъ. Мы говоримъ опять о Карлѣ виртембергскомъ. Его ищейки пронюхали, что старшій Мозеръ пишетъ что́-то объ общественномъ правѣ—и у автора была отобрана рукопись. Его поступокъ съ Шубартомъ считался даже тогда безпримѣрной жестокостью. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій этотъ поэтъ мимоходомъ намекнулъ на торговлю солдатами и на любовницъ герцога. Его привлекли обманомъ въ Виртембергъ и бросили въ сырую, темную башню, лишивъ даже движеній на чистомъ воздухѣ. Лишь на четвертомъ году заключенія ему позволили писать письма, а на девятомъ пустили къ нему жену и дѣтей. На десятомъ году (1787) онъ былъ освобожденъ.

Мудрено ли, послѣ всего описаннаго, что этотъ самый Шубартъ называлъ своего фюрста «великимъ Карломъ, превосходнѣйшимъ солдатомъ», а его академію—«разсадникомъ человѣчества» (въ интимныхъ письмахъ онъ называлъ ее иначе—«плантаціей рабовъ»)? Въ то же время старшій Мозеръ поневолѣ похваливалъ крѣпостное право. Журналы, игравшіе роль либеральныхъ, проповѣдовали о «смѣшныхъ претензіяхъ» писателей обсуждать дѣйствія правительства да объ ограниченномъ разсудкѣ подданныхъ. Даже письма писались съ оглядкой. Во многихъ мѣстахъ существовали «тайныя письменныя коммиссіи», гдѣ самымъ безцеремоннымъ образомъ вскрывалась частная корреспонденція.

XI.

Бытъ нѣмецкаго фюрста.

Фюрстъ обладалъ абсолютною, безконтрольною властью. Онъ одинъ долженъ нести отвѣтственность за ея послѣдствія—передъ лицомъ потомства. Онъ былъ единственный государственный умъ, между тѣмъ какъ никому не былъ такъ чуждъ политическій взглядъ, какъ фюрсту и мелкому нѣмецкому двору. Фюрстъ получалъ самое жалкое, солдатское воспитаніе. Онъ былъ кумиромъ, а его дворъ—капищемъ, гдѣ вѣчно совершался обрядъ поклоненія. Присматриваясь къ рабской интеллигенціи и къ невѣжественному народу, онъ могъ, не шутя, считать себя частицей вѣчнаго міроваго порядка. Его не оскорбляли, а радовали такія рабскія безсмыслицы, какъ фраза, сказанная однимъ композиторомъ ландграфу гессенскому: «если бы Богъ не былъ Богомъ, то кто, какъ не вы, былъ бы достоинъ быть Богомъ?» Ясно, что фюрстъ не могъ постигнуть смысла прошедшаго, а слѣдовательно и будущаго. Онъ не уразумѣлъ, что народъ выдвигалъ его только съ цѣлью расторгнуть мелкія путы феодализма, добиться свободы движеній въ обширномъ общежитіи, съ его широкимъ горизонтомъ умственнымъ и матеріальнымъ. Фюрстъ не понялъ своей роли. Онъ не догадался, что стóило взяться за эту истинно-государственную идею—и будущее обезпечено за нимъ. Дѣлая уступку времени и національному чувству, онъ говорилъ объ «общемъ благѣ», о «государственной пользѣ». Но что означали эти слова въ устахъ фюрста — это пояснилъ герцогъ виртембергскій своимъ восклицаніемъ: «отечество?.. *Я*—отечество»!

Тогда была въ ходу еще одна оффиціальная фраза—«династическій интересъ». Это также переводъ извѣстнаго выраженія «государственная польза». Но даже и онъ не выражалъ сущности дѣла. Правда, фюрсты выказывали трогательную заботливость о своихъ дѣтяхъ, не исключая даже незаконныхъ. Интриги и униженія, къ которымъ вообще прибѣгали, чтобы пристроить своихъ дѣтей, входили въ политику фюрста. Онъ старался повыгоднѣе выдать замужъ дочерей и дать тепленькое мѣстечко сыновьямъ, если не у себя, то въ прусской, австрійской, французской и русской арміи, или же въ богатомъ капитулѣ. Но въ сущности эти попеченія о дѣтяхъ сводились къ желанію свалить ихъ на чужую шею. Фюрстъ заботился только о себѣ. Личный интересъ—вотъ его политическая система. Оттого такъ легко обрисовать эту немудреную систему.

Сидя въ своемъ дворцѣ, фюрстъ размышлялъ, какъ бы ему поспокойнѣе и радостнѣе провести новый день, какъ бы расширить свою власть и набрать побольше денегъ. Другія думы не тревожили его. Оттого-то онъ захватывалъ въ свои руки всѣ нити народной жизни, — а дѣла у него не прибавлялось. Онъ требовалъ, чтобы подданные спрашивались у него о каждомъ шагѣ въ своей жизни. И его заваливали просьбами, рапортами, отчетами, отношеніями и бюджетами, а онъ нисколько не смущался бумагами и жилъ какъ помѣщикъ большой деревни. Любопытенъ примѣръ фюрста Эттингенъ-Валлерштейнскаго: онъ сваливалъ въ одну кучу бумаги, подносимыя ему къ подписи, и, когда приходила охота, вытаскивалъ, какая попадется подъ руку. Чтобы напомнить о залежавшихся дѣлахъ, чиновники подавали ему мнѣніе за мнѣніемъ. Отчасти по забывчивости, отчасти изъ желанія помучить свою канцелярію, фюрстъ писалъ имъ резолюціи противоположнаго содержанія. Одного господина много лѣтъ продержали подъ арестомъ, ибо не знали, что̀ дѣлать съ нимъ: по одной резолюціи его слѣдовало повѣсить, по другой—изгнать, по третьей—высѣчь. Къ счастью, преступникъ бѣжалъ—и этимъ вывелъ изъ затрудненія несчастныхъ канцеляристовъ.

Вообще фюрстъ очень просто смотрѣлъ на свои обязанности по внутреннему управленію страной, онъ объявлялъ подданнымъ, что все зависитъ отъ чиновниковъ. Особенно ясно высказался, въ 1766 году, ландграфъ баденскій въ слѣдующемъ указѣ: «наша княжеская придворная палата (Hoffkammer) есть естественная опекунша нашихъ подданныхъ. Ея долгъ - выводить ихъ изъ заблужденій и направлять на путь истинный, поучать ихъ, даже противъ ихъ воли, о томъ, ка̀къ имъ управлять своимъ домоводствомъ и сельскимъ хозяйствомъ, какъ хозяйственнымъ домоводствомъ облегчить себѣ средства къ должной уплатѣ податей». Затѣмъ фюрстъ заводилъ массу чиновниковъ, которые за него пеклись объ его личномъ интересѣ и играли роль лакеевъ и старостъ у крупнаго помѣщика; при этомъ онъ совсѣмъ упускалъ изъ виду династическій интересъ; выборъ чиновниковъ зависѣлъ отъ личнаго впечатлѣнія, отъ ходатайства любовницъ да кредиторовъ, но чаще всего должности продавались, и покупщикъ обыкновенно нанималъ подешевле какого-нибудь крючкотворца, который и строчилъ за него бумаги.

Едвали не хуже были столпы государства — министры. Ихъ выбирали по тѣмъ же соображеніямъ, какъ и мелкихъ чиновниковъ, они вращались въ той же душной сферѣ личныхъ интересовъ. Бездарные и недалекіе отъ природы, они тупѣли здѣсь

окончательно, но, сверхъ того, въ нихъ развивалась крайнее высокомѣріе и педантизмъ. Они принимали глубокомысленный видъ государственныхъ мужей и политиковъ. Имъ казалось, что и они не послѣдняя спица въ колесницѣ, которая называлась европейскою дипломатіей. Дѣло въ томъ, что вся министерія фюрста сосредоточивалась въ финансахъ, которые до того сливались у него съ иностранными дѣлами, что нерѣдко тѣми и другими завѣдывало одно лицо.

Это приводитъ насъ къ иностранной политикѣ фюрста.

Она отличалась такимъ же фискальнымъ характеромъ, какъ внутреннее управленіе. Не имѣя понятія ни о государствѣ, ни о международныхъ сношеніяхъ, ни объ европейскомъ «балансѣ», фюрстъ смотрѣлъ на свой постъ, какъ на выгодную лавочку. Это было все то же хозяйство крупнаго помѣщика, только въ болѣе обширныхъ размѣрахъ. Политическія симпатіи и антипатіи фюрстовъ опредѣлялись, главнымъ образомъ, суммами, которыя они получали съ иностранныхъ дворовъ въ видѣ субсидій, займовъ, пенсій и т. п. При этомъ, такъ какъ ихъ было много, они интриговали, стараясь отбить хлѣбъ другъ у друга. Депеши Н. Румянцова переполнены свидѣтельствами объ этой жалкой вознѣ въ средѣ фюрстовъ, о томъ, какъ они сплетничали, чернили одинъ другого передъ иностранными дворами.

Рядомъ съ финансовымъ принципомъ выдвигался дѣйствительно политическій, но самый тщедушный. Фюрстъ всячески, даже прямо во вредъ своимъ подданнымъ, цѣплялся за такія дипломатическія комбинаціи, которыя укрѣпляли его власть. Онъ бросался въ объятія всякой иностранной державы, которая обѣщала ему охранять его абсолютизмъ. Оттого-то прочны были его связи съ главной соперницей Германіи, — съ Франціей, которая льстила его тщеславію, присылала къ нему пышныхъ пословъ, принимала къ себѣ на службу его сыновей и двоюродныхъ братцевъ, давала щедрые подарки его министрамъ. Та же идея руководила фюрстами въ ихъ союзахъ между собой. Цѣлью «княжескихъ соединеній» (Fürstenverbindungen) или «уній» была защита абсолютизма фюрстовъ отъ притязаній императора и ропота подданныхъ.

Этимъ мотивомъ объясняются и странныя, противоестественныя отношенія фюрстовъ къ имперіи. Здѣсь фюрсты напоминали бога Януса. У нихъ было какъ бы по два лица — одно, обращенное къ имперіи, другое — наоборотъ. Съ одной стороны, фюрстъ ненавидѣлъ имперскія учрежденія, посягавшія на его власть; онъ готовъ былъ поглотить ихъ, и прежде всего самого

императора. Съ другой—онъ глубоко уважалъ имперскій нарядъ, особенно послѣ Вестфальскаго мира. Фюрстъ по природѣ своей былъ великій консерваторъ: онъ дорожилъ имперской конституціей, какъ еврей Талмудомъ; онъ поднималъ крикъ на весь міръ, если кто-нибудь дерзалъ коснуться буквы этого священнаго уложенія. Фюрстъ видѣлъ, что болѣе выгодной конституціи ему не добыть нигдѣ и никогда, оттого-то его отношенія къ Австріи и Пруссіи опредѣлялись имперскою политикой этихъ державъ.

Впрочемъ, изрѣдка встрѣчались отступленія отъ указанныхъ принциповъ иностранной политики,—именно когда замѣшивались непостижимыя прихоти фюрста. Нѣмецкій потентатъ былъ необыкновенно спѣсивъ и тщеславенъ. Нерѣдко страсть къ внѣшнему блеску боролась въ немъ съ алчностью. Иногда фюрстъ предпочиталъ всему дружбу «кузена», отъ котораго мало было поживы, но который лично нравился ему чѣмъ-нибудь. Сверхъ того, иностранныя сношенія основывались на родствѣ и свадьбахъ, на всевозможныхъ прожектахъ и сплетняхъ; можно сказать, что вся политика фюрста была колоссальною сплетней и интригой. Здѣсь судьба государства зависѣла отъ встрѣчъ на ярмаркахъ, на водахъ и свадьбахъ, отъ случайно пророненнаго слова, отъ личныхъ обидъ, напоминающихъ гоголевскаго «гусака». Здѣсь кишили всякіе шарлатаны, увлекавшіе премудрыхъ министровъ диковинными политическими прожектами.

Послѣ всего описаннаго понятны жалобы на свою судьбу нашего посланника при дворахъ фюрстовъ, Николая Румянцова, которому пришлось возиться съ политикой князей. Онъ прямо называетъ политику на этихъ «маленькихъ сценахъ (petits théâtres)» «сплетней на сплетнѣ» (commérage, redites et paquets) [1]).

Бытъ фюрста соотвѣтствовалъ его власти и политикѣ. Въ общихъ чертахъ онъ походилъ на бытъ графа, прелата и рыцаря. Основы того и другого были одинаковы. Но въ частностяхъ, во внѣшнихъ формахъ замѣтна разница. Знакомое намъ хозяйство юнкера и каноника велось у фюрста на широкую ногу. Это уже была исключительная, собственно придворная жизнь. Обрисуемъ ее въ наиболѣе типичныхъ чертахъ.

Эта среда состояла изъ массы военныхъ, придворныхъ дворянъ (Hofadel), интересныхъ дамъ и дворни—камердинеровъ, лакеевъ, камеръ-юнгферъ и т. д. На первомъ планѣ стояли служители Марса. Самъ фюрстъ съ своимъ семействомъ причислялъ

---

[1]) Румянцовъ Остерману 15-го (26-го) февраля и 19-го (30-го) іюня 1785 года.

себя къ нимъ. Онъ хорошо понималъ, что, при полномъ отчужденіи отъ народа, войско—его главная опора, нервъ его жизни, а слѣдовательно и самый опасный элементъ въ государствѣ, оттого-то военщина была главнымъ принципомъ въ быту мелкаго нѣмецкаго потентата. Тотъ самый фюрстъ, который не терпѣлъ малѣйшаго стѣсненія, облекался въ тѣсный военный мундиръ, носилъ всѣ знаки солдатской службы, какъ своей, такъ и иностранной. Онъ велъ себя съ военными осмотрительно, ласкалъ ихъ, даже фамильярничалъ съ ними. Самый скупой и обнищалый фюрстъ не жалѣлъ денегъ на образованіе чрезмѣрной, по числу населенія, арміи и особенно штата офицеровъ. У фюрста фонъ-Гильдбургхаузена, владѣвшаго 15,000 жителями, было 1,000 лейбъ-гвардейцевъ. Въ Виртембергѣ на 5,600 солдатъ приходилось два генералъ-лейтенанта и 8 генералъ-майоровъ. У Карла-Теодора-Пфальцскаго было 5,500 солдатъ, раздѣленныхъ на 11 полковъ, и 1 генералъ-фельдмаршалъ, 1 генералъ-фельдцейхмейстеръ, 9 генералъ-лейтенантовъ, 10 генералъ-майоровъ, т.-е. на каждаго генерала приходилось по 200 или 300 рядовыхъ. Когда этому потентату досталась еще Баварія, его армія дошла до 18,000 человѣкъ, раздѣленныхъ на 30 полковъ, такъ что офицерство составляло почти четверть всего войска. Здѣсь, даже флотъ, состоявшій изъ трехъ шлюпокъ на Рейнѣ, подчинялся «великому адмиралу».

Подлѣ военныхъ фигурировали дворяне. То были члены самыхъ знатныхъ и богатыхъ фамилій. Отъ бездѣлья и безцѣльности жизни въ нихъ развивался нравственный недугъ — особаго рода тщеславіе, которое тянуло ихъ въ весьма стѣснительную придворную сферу. Нерѣдко они поступали чуть не въ придворные служители и, какъ лакеи, получали подарки, за которые цѣловали руки у фюрста. Такъ какъ служба этихъ дворянъ была лишена занятій, то они увлекались интригами, цѣлью ихъ жизни становилась приближенность къ фюрсту. Тутъ они выказывали энергію и даже самопожертвованіе, достойныя лучшаго употребленія. Они, напримѣръ, предлагали вниманію фюрстовъ собственныхъ женъ и дочерей. Самыя знатныя и богатыя фамиліи ссорились между собой изъ-за того, чтобы ихъ дочери достигли высшаго счастья—плѣнить сердце потентата. Понятно, что дворы Германіи кишили этими аристократками, назначенными къ ихъ украшенію и увеселенію.

Въ избранной средѣ, описанной нами, допускались и нѣкоторыя исключенія. Иногда вѣрные слуги фюрста или особенно интересныхъ дамъ, пажи и даже простые лакеи награждались

высшими мѣстами въ государствѣ и входили въ придворную знать. Но отличительной чертой времени было изобиліе при дворѣ иностранцевъ, и именно авантюристовъ. Иногда ихъ набиралась такая масса, что за ними не видно было туземцевъ. Разъ одинъ изъ нихъ сказалъ своему нѣмецкому покровителю: «странно, однако, что вы—единственный иностранецъ въ нашемъ обществѣ!» Авантюристами награждала Германію преимущественно Франція, это—безобразное культурное явленіе, но въ немъ скрытъ серьёзный историческій смыслъ. Недаромъ именно французамъ была дана столь незавидная привилегія. Она служитъ однимъ изъ косвенныхъ свидѣтельствъ культурнаго преобладанія Парижа въ прошломъ вѣкѣ. Нѣмцы настолько стояли ниже французовъ въ бытовомъ отношеніи, они такъ привыкли перенимать и учиться у нихъ, что питали благоговѣніе ко всему, исходящему изъ Парижа. Они походили на школьниковъ, которые затихаютъ даже при видѣ одной палки или шляпы учителя. Довольно взглянуть на поведеніе француза-авантюриста, чтобы убѣдиться въ этомъ. Это былъ не бездомный скиталецъ, а царственная особа, совершающая торжественное путешествіе. Надменный, капризный и дерзкій господинъ, авантюристъ смотрѣлъ съ презрѣніемъ на самого фюрста, свысока удостоивалъ его сближенія съ собой и предписывалъ обществу законы моды. Обыкновенно, онъ привозилъ съ собой рекомендательное письмо отъ какого-нибудь льва парижскаго общества, а также новомодные манеры и покрои платья, невиданное притиранье или духи, неиспытанный жизненный эликсиръ, наконецъ, сальное стихотвореньице или собраніе бон-мо, которыя тотчасъ же списывались и выучивались наизусть. Авантюристъ говорилъ бойко и красно, немилосердно лгалъ и сплетничалъ, съ пренебреженіемъ игралъ въ банкъ, заводилъ дерзкія приключенія, разрушалъ всѣ приличія. Словомъ, французъ-авантюристъ въ средѣ нѣмецкихъ фюрстовъ, это — столичный Хлестаковъ въ наивномъ обществѣ провинціальныхъ властей [1]).

Вотъ среда, которая окружала новорожденнаго фюрста. Конечно, онъ прямо отъ купели поступалъ въ цехъ военныхъ.

---

[1]) Свѣтиломъ авантюристовъ того времени былъ Казанóва, бѣжавшій изъ венеціанскихъ свинцовыхъ тюремъ. Его первое появленіе въ Германіи совершилось въ кёльнскомъ театрѣ. Тутъ отъ него несло такими неслыханными духами, что офицеры бросились знакомиться съ нимъ. Затѣмъ онъ пришелъ *безъ приглашенія* на балъ къ курфюрсту и здѣсь сорвалъ большой банкъ. Хозяинъ обрадовался такому знакомству. Также радъ былъ ему Карлъ виртембергскій, —тотъ самый, который измучилъ въ тюрьмѣ Шубарта и выгналъ изъ своихъ владѣній Шиллера.

Едва онъ становился на ноги, какъ его затягивали въ мундиръ и посвящали во всѣ таинства «службы», чтобы поскорѣе дать ему полкъ. Ружейные пріемы, экзерциры и маневры, съ присоединеніемъ верховой ѣзды и охоты, считались единственными серьёзными занятіями мальчика. Усатые дядьки обращались съ нимъ грозно, по-военному. За неловкое движеніе на лошади или неграціозный поклонъ строго взыскивали, не обращая вниманія на проявленія злой воли, на подготовку дурного характера.

Правда, нельзя было совсѣмъ обойтись безъ науки. Брали ко двору французскихъ гувернёровъ, иногда изъ тщеславія привлекали даже и истинныхъ ученыхъ. Но жалка была участь этихъ забѣглыхъ людей. Родители смотрѣли на нихъ, какъ римляне на своихъ греческихъ рабовъ-педагоговъ. Профессоръ философіи довольствовался 200 гульденовъ содержанія, тогда какъ придворный трубачъ, прачка и вице-лейбъ-кучеръ получали по 250. При столкновеніяхъ съ камердинеромъ, парикмахеромъ или танцмейстеромъ ученый воспитатель всегда оставался въ накладѣ. Въ государственномъ календарѣ онъ числился въ X разрядѣ, ниже камердинеровъ и берейторовъ. Воспитанники говорили ему: «мы—государственныя дѣти, не то, что дѣти каналій; а вы вѣдь тоже изъ простыхъ (von gemeinerem Stoffe)». Педагогу нечего было и думать о собственной программѣ воспитанія. Серьёзныя занятія науками считались мѣщанскимъ педантствомъ, истинно княжеской премудростью было познаніе церемоніаловъ,—науки, литература которой составляла тогда цѣлую библіотеку. Дозволялось также читать «Mercure galant», сообщавшій всякія придворныя извѣстія. Исторіей назывались генеалогіи царствующихъ домовъ въ Европѣ да ученіе о правахъ наслѣдства и привилегіяхъ, которыми пользуются курфюрстскіе дома передъ фюрстскими и старшіе княжескіе роды передъ младшими. Когда подросталъ воспитанникъ, ему давали переводы соблазнительныхъ разсказовъ Боккаччіо да занимательныя «Приключенія Жильблаза».

Вотъ юношеская обстановка фюрста. Здѣсь-то онъ пріобрѣталъ ту грубость и казарменные нравы, которые плохо смягчались требованіемъ говорить дамамъ на придворныхъ soirées двусмысленные комплименты. Здѣсь онъ принималъ ту снаровку командовать и презирать чужія права, которая была отличительной чертой абсолютизма мелкихъ фюрстовъ. Здѣсь онъ привыкалъ къ легкому взгляду на жизнь, къ пренебреженію наукой и дѣломъ. Ему уже становился необходимъ жгучій воздухъ, окружающій раздушенныхъ и сладострастныхъ дамъ; онъ уже мечталъ погру-

зиться въ восточную изнѣженность и бездѣйствіе въ объятіяхъ придворныхъ одалискъ.

Тогда распущенность нравовъ считалась признакомъ аристократизма. Было бы мѣщанствомъ довольствоваться только женой или мужемъ. Точно также было бы обидой и неприличіемъ пригласить къ придворному столу мужа и забыть любовника. Тогда приличіе требовало, чтобы у каждой благовоспитанной аристократки было «уединеніе» (будуаръ), куда не смѣлъ проникать вѣжливый мужъ и которое дозволялось нарушать только «дневному» (du jour) любовнику. При дворѣ повторяли съ безстыднымъ тщеславіемъ фразу, возникшую въ Версалѣ при Людовикѣ XIV: «Il n'y a plus de Lucrèces à la cour!» Вездѣ, даже у архіепископа Майнцскаго, были «метрессы». Онѣ не только не скрывали своего званія, но гордились имъ, выставляли его на показъ. Онѣ, какъ хозяйки, принимали царедворцевъ на аудіенціяхъ, сидѣли за столомъ рядомъ съ своими возлюбленными, иногда даже управляли государствомъ. Супруги фюрстовъ нерѣдко должны были подчиняться имъ или влачить жалкое существованіе. Случалось даже, что онѣ просили заступничества противъ своихъ мужей у иностранныхъ «кузеновъ». Въ депешахъ Н. Румянцова и въ запискахъ современниковъ есть много разсказовъ объ этомъ «хозяйствѣ метрессъ». Понятно, какое тутъ раздолье было интриганамъ [1]) и какъ страдало государство, а отупѣлый народъ до того привыкъ къ этому явленію, что считалъ его необходимостью и признакомъ достоинства своего двора. Однажды, при торжественномъ въѣздѣ въ свою резиденцію юнаго фюрста съ молодою женой, толпа шептала: «теперь нашему князю остается только обзавестись хорошенькой метрессой».

Кромѣ метрессы, юный потентатъ обзаводился кучей офицеровъ, собакъ и лошадей. Когда онъ доказывалъ свое уваженіе къ охотѣ, этой «noble passion» (какъ выражались тогда), безъ которой также немыслимо было княжеское достоинство, тогда только онъ становился настоящимъ фюрстомъ.

Теперь его правительственныя заботы сосредоточивались на двухъ предметахъ—на соблюденіи придворнаго этикета и на доставленіи своему двору славы веселаго и счастливаго.

---

1) Вотъ любопытный примѣръ. Румянцовъ писалъ Остерману, 19/30 мая 1786 года, изъ Цвейбрюкена: „партія берлинскаго двора всемѣрно старалась поссорить герцога съ госпожею Ессбекъ (его старинною страстью), почитая ее тайною мнѣ вспомогательницею. По сихъ поръ таковое стараніе этихъ господъ оставалось въ тунѣ; нынѣ же они успѣваютъ и удалось имъ, какъ кажется, родить въ герцогѣ склонность къ другой женщинѣ".

Этикетъ былъ главнымъ отличіемъ этой сферы отъ быта всякаго роскошнаго помѣщика; вѣроятно, поэтому фюрсты дорожили имъ, какъ древній рыцарь своей честью. Избалованные и капризные, они безропотно подчинялись гнету церемоніала, который, при ихъ безвѣріи, замѣнялъ имъ религіозные обряды. И чѣмъ болѣе мелокъ былъ дворъ, чѣмъ пустѣе и бездѣльнѣе была его жизнь, тѣмъ болѣе этикетъ пріобрѣталъ государственное, великое значеніе.

Курфюрсты долго добивались повышенія своего титула «Durchlauchtig» въ превосходную степень «Durchlauchtigst» (свѣтлѣйшій). Когда ихъ усилія увѣнчались успѣхомъ, остальные фюрсты схватились за оставшійся вакантнымъ «Durchlauchtig». Зорко слѣдили за тѣмъ, какъ императоръ величаетъ того или другого владѣтеля. Немало ломали свои княжескія головы надъ тѣмъ, значитъ ли «D. Liebden» — «Deiner Liebden» или «Dero (den) Liebden». Жертвовали выгодами своего государства изъ тщеславія, ради внѣшняго отличія. Мы уже видѣли, какъ пристрастенъ былъ фюрстъ къ рангамъ въ имперскомъ сеймѣ. При собственномъ дворѣ онъ доходилъ до педантства въ этикетѣ. На каждомъ шагу его приближенные чувствовали на себѣ оковы церемоніала. Особенно мучительны были споры изъ-за мѣстъ на обѣдахъ, напоминавшіе наше древнее мѣстничество. У современниковъ есть много курьёзныхъ анекдотовъ по этому поводу. Н. Румянцовъ нерѣдко посвящалъ этому длинныя шифрованныя депеши.

Не легко было фюрсту достойно исполнять высокую обязанность оберъ-церемоніймейстера, но едвали не труднѣе была другая государственная задача — прославить свой дворъ, какъ рай земной, какъ Эльдорадо забавъ и утѣхъ. Сколько нужно было изобрѣтательности и энергіи, чтобы развлекать пресыщенный высшій свѣтъ!

Жизнь при дворѣ уподоблялась блаженству древнихъ олимпійцевъ. Каждый день изобрѣталось новое развлеченіе, одно другого пышнѣе и изысканнѣе. Здѣсь смѣнялись пестрою вереницей охоты, балы, концерты, маскарады, фейерверки, пикники и всевозможныя parties de plaisir. Гостей встрѣчали сюрпризы— фонтаны и каскады, древніе рыцари и пасту́шки, руины за́мковъ и гондолы. Усталыхъ путниковъ ожидалъ обѣдъ кувертовъ на 100, щеголявшій сокровищами чуть не всѣхъ царствъ природы. Конечно, особенное изобиліе и разнообразіе представляла винная часть. Здѣсь тостамъ также не было конца, какъ и французскимъ остротамъ, двусмысленнымъ шуткамъ и взорамъ. О по-

слѣдствіяхъ этихъ гомерическихъ трапезъ можно судить опять по донесеніямъ Н. Румянцова. Описавъ одинъ изъ обѣдовъ у архіепископа майнцскаго, онъ прибавляетъ: «послѣ обѣда съ курфюрстомъ случилось головокруженіе и рвота [1])». Впрочемъ, къ вечеру больные поправлялись. Тутъ, кажется, можно было наэлектризовать и мертваго. Наставало царство чувственной поэзіи и сильныхъ ощущеній. Сначала итальянская опера, французскій водевиль и балетъ, куда пускали всю знать даромъ, потомъ азартная игра, съ ея цыганской отвагой, при которой спаивали и обирали другъ друга, наконецъ—ужины въ дамскомъ обществѣ. Это обычное теченіе жизни разнообразилось визитами одного двора къ другому, болѣе отдаленными путешествіями, посѣщеніями ярмарокъ и водъ, гдѣ какой-нибудь фокусникъ или аэронавтъ цѣлое лѣто поглощалъ все вниманіе придворной знати.

Такова была будничная, ежедневная жизнь двора. Но толпа пресыщенныхъ сластолюбцевъ постоянно жаждала чего-нибудь небывалаго, она ловила всякій случай къ устройству праздниковъ. Разныя эпохи жизни каждаго члена княжескаго дома и метрессъ фюрста, пріѣздъ чужого потентата, или интереснаго авантюриста, наконецъ, просто какая-нибудь выдумка доставляла эти случаи. Придворный праздникъ—вовсе не шутка. Для фюрста это было генеральное сраженіе, великій дипломатическій шагъ, дѣло чести, которая только въ этомъ обстоятельствѣ и проявлялась. Тутъ онъ чувствовалъ, что вниманіе всей Европы устремлялось на него. Авантюристы, нарочно наѣзжавшіе на торжество, передадутъ до́ма всѣ подробности; посланники опишутъ все въ своихъ депешахъ, любившихъ распространяться именно о такихъ событіяхъ; разные «Mercure galant», только и жившіе подобными извѣстіями, разнесутъ молву о праздникѣ повсюду, гдѣ звучитъ французская рѣчь. Между фюрстами происходили истинные праздничные турниры: каждый старался затмить тутъ своего соперника. Оттого-то въ этихъ случаяхъ фюрстъ поднималъ на ноги всѣ свои канцеляріи и всѣхъ подданныхъ, самъ работалъ по цѣлымъ недѣлямъ и мѣсяцамъ. Тутъ-то совершались истинныя чудеса: исчезали и появлялись цѣлые лѣса, парки и пруды, выростали фантастическіе за̀мки и ландшафты. Карлъ виртембергскій вырывалъ озера на горахъ, чтобы загнать туда стадо оленей на потѣху гостямъ. Въ полночный часъ у него вдругъ загорались огни по лѣсамъ; при ихъ прихотливой игрѣ, выходили изъ гротовъ феи, фавны и са-

[1]) Румянцовъ Остерману $^{6}/_{17}$ января 1785 года.

тиры,—и кипѣлъ сладострастный балетъ, а на землю сходила плѣнительная «аѳинская ночь»...

Фюрсты доказали однако, что сфера сильныхъ ощущеній весьма исчерпаема. Какъ ни соперничали они между собой въ изобрѣтательности, ихъ придворная жизнь впадала въ однообразіе и скуку, ими скоро овладѣвало пресыщеніе. Этимъ объясняется изобиліе капризовъ и чудачествъ, которые придавали своеобразный видъ каждому двору. Одинъ фюрстъ любилъ усы, другой—исполинскихъ царедворцевъ. Кто собиралъ цѣлыя тысячи Библій, кто устраивалъ кунсткамеры и собранія безполезныхъ, но дорогихъ рѣдкостей (напримѣръ, Grüne Gewölbe), оружія, японскаго фарфора, и т. под. Иные члены княжеской фамиліи совсѣмъ отбивались отъ дому и становились беззавѣтными авантюристами. Многіе фюрсты безъ нужды, отъ скуки, переносили столицы: тогда-то образовались пустынныя и жалкія Маннгеймы и Карлсруэ, замѣнившія очаровательныя мѣстности Гейдельберговъ и Дурлаховъ. Подобные капризы, конечно, тяжело отзывались на народномъ благосостояніи.

Только одинъ капризъ встрѣчался у всѣхъ рѣшительно фюрстовъ, былъ какъ бы казеннымъ: мы говоримъ о покровительствѣ искусствамъ и отчасти наукамъ. Это была, такъ-сказать, обязательная страсть, все равно, что noble passion, которая заставляла держать всю охотничью араву даже фюрстовъ, вовсе не увлекавшихся этимъ дѣломъ. Меценатство, навѣянное также Версалемъ, считалось въ Германіи признакомъ хорошаго тона, также какъ и «хозяйство метрессъ». Объ его достоинствѣ можно судить уже по тому, что имъ хвастались люди, которые тратили сотни тысячъ на одно празднество, на одинъ балетъ или оперу, а ученымъ кидали сто-талерныя пенсіи, да и то только для того, чтобы обратить ихъ въ своихъ льстецовъ. Понятно, что ихъ академіи, подтянутыя подъ казенную мѣрку во всемъ, до косъ и мундировъ академиковъ, только убивали талантъ. Ихъ придворные поэты и исторіографы содержались только для удовлетворенія ихъ тщеславія, для воспѣванія торжественныхъ случаевъ въ ихъ жизни; ихъ опера славилась только кастратами, красавицами и дорогими костюмами; ихъ балетъ и водевиль были канканомъ и Оффенбахомъ того времени. Ихъ города, внезапно возникавшіе по приказу, были массой казарменныхъ построекъ и казенныхъ улицъ, вытянутыхъ въ струнку; ихъ зодчества и ваяніе проникнуты извращеніемъ вкуса, чувственностью и театральностью. На этихъ искусствахъ лежитъ печать рабскаго подражанія Версалю да условныхъ правилъ этикета; всюду масса пестрыхъ и пышныхъ

украшеній, безвкусное смѣшеніе стилей; тамъ турецкія кіоски и минареты съ греческими храмами, здѣсь — искусственныя развалины готика съ римскими водопроводами.

Забавы, шумные пиры и капризы тянулись вереницей изо дня въ день, а вороха бумагъ скоплялись на столѣ фюрста. Ихъ некогда было подписывать, не то что читать и обдумывать. Мы уже видѣли, какъ мелкій князь справлялся съ этими несносными бумагами. Не лучше поступали крупные потентаты. Правда, нѣкоторые изъ нихъ даже показывали видъ, что желаютъ посвятить себя «улучшенію быта» подданныхъ, но изъ этого чаще всего выходила комедія, въ родѣ той, которую разыгрывалъ тогда Карлъ виртембергскій. Этотъ потентатъ однажды вздумалъ подражать Фридриху II: онъ приказывалъ будить себя пораньше и нѣсколько часовъ кряду возился съ бумагами, подъ вліяніемъ вчерашней оргіи. Но какъ только крестьяне, которыхъ онъ призывалъ къ себѣ на судъ, вступали въ скучныя разъясненія дѣла, онъ гнѣвно выгонялъ ихъ вонъ. Только прошенія смазливыхъ крестьянокъ онъ обсуждалъ съ ними основательно, «съ глазу на глазъ».

Лишь одно, дѣйствительно, серьёзное дѣло почти ежедневно обсуждалось въ кабинетѣ фюрста; только въ одномъ случаѣ слышались тамъ жаркія пренія и даже брань: это когда входилъ туда министръ финансовъ. При всей изворотливости фюрста, ему, конечно, не хватало денегъ, это была повальная болѣзнь у князей. Тутъ не было исключеній даже для такихъ невинныхъ фюрстовъ, какъ «добрый король Максъ» баварскій, царствованіе котораго переходитъ въ нашъ вѣкъ. Максъ былъ дѣйствительно добрая душа. Ему тяжело было видѣть нищаго и не помочь ему. Чтобы удовлетворять свою страсть къ благотворенію, онъ жилъ весьма просто, издерживалъ на себя мало, завтракъ его состоялъ изъ одной бѣлой булки. Жизнь Макса была лучшимъ образчикомъ добродѣтелей, воспитанныхъ въ описанной средѣ. Но его благотворительность не руководилась никакимъ принципомъ, и въ ней ясно обнаруживались все тѣ же основы абсолютизма фюрстовъ. Максъ получалъ каждый день 1000 гульденовъ карманныхъ денегъ. За утро онѣ уже истощались, ибо король не отказывалъ никому изъ просителей, толпившихся въ его передней, былъ ли то министръ, придворная дама или нищій. Затѣмъ милостивецъ требовалъ еще денегъ у государственныхъ казначеевъ и знать не хотѣлъ, есть ли у нихъ что-нибудь. И чтó значила простота быта Макса, когда обычаи придворной жизни сохранялись у него точно такъ же, какъ и вездѣ! И здѣсь придворные

счеты были безконечны. Здѣсь расходовалось 60 фунтовъ кофе ежедневно. Придворные, пользуясь даровой аптекой, брали, подъ видомъ лекарствъ, цѣлые ящики сахару, спирту, пуншу и т. п. Одинъ царедворецъ выторговалъ участокъ казенной земли за 25,000 гульденовъ, притворился нищимъ — и ему простили эту сумму. Вслѣдъ затѣмъ онъ выпросилъ прирѣзать ему клочокъ земли, будто бы слѣдовавшій къ его участку: оказалось, что этотъ клочокъ былъ лѣсъ, стоившій 200,000 талеровъ. Разъ Максъ самъ увидѣлъ, какъ одна важная особа послала къ себѣ на дачу цѣлые возы съ провизіей изъ придворной кухни, добрякъ только расхохотался отъ души. Понятно, что и здѣсь казначейство осаждали сотни кредиторовъ и лицъ, не получавшихъ жалованья. Контрольная палата была завалена требованіями и жалобами. Желая сократить расходы, она однажды намекнула придворнымъ, что бѣлая булка къ королевскому завтраку стóитъ ежедневно пять гульденовъ. На другой день Максу подали полхлѣба и на его вопросъ объяснили, что контроль не даетъ больше. Король разсердился и, чтобы доказать, что онъ хозяинъ въ домѣ, тотчасъ же купилъ булокъ на 25 гульденовъ и роздалъ ихъ своимъ охотничьимъ собакамъ.

Такимъ образомъ, дворъ каждаго фюрста, даже «добраго» и «скромнаго», представлялъ бездонную бочку; онъ соперничалъ съ военнымъ министерствомъ въ расходахъ. Чтобы видѣть, какую часть государственныхъ доходовъ поглощалъ онъ, приведемъ одинъ только примѣръ. Карлъ-Теодоръ Пфальцскій тратилъ на оперу 200,000 гульденовъ, на конюшню—100,000, на охоту—80,000, на дворцы — 60,000 и столько же на искусственные сады, — всего полмилліона, не считая тутъ собственно содержанія двора; а весь доходъ казны равнялся тремъ милліонамъ гульденовъ. Когда этотъ фюрстъ получилъ Баварію, въ его придворномъ календарѣ (за 1783 годъ) числилось: 431 каммергеръ, 91 камердинеръ и лакей, 3 карлика, 2 поэта, 52 капитана, 21 трубачъ, 130 музыкантовъ, 20 живописцевъ, 21 лейбъ-медикъ, 27 стольниковъ, 181 прислужникъ при обѣдѣ, 178 конюшихъ и т. д. Здѣсь придворный бюджетъ доходилъ почти до 2 милліоновъ, военный—болѣе милліона; а всѣхъ доходовъ было 4½ милліона гульденовъ. Немудрено, что тутъ былъ постоянный дефицитъ въ милліонъ слишкомъ.

Таковъ былъ результатъ хозяйства фюрстовъ повсюду. Въ депешахъ Николая Румянцова то и дѣло встрѣчаются фразы: «Сей принцъ въ сущей нищетѣ находится». «Здѣсь казна совсѣмъ разстроилась». «Кредитъ весь потерянъ». «Казенная палата не

могла вскорѣ уплатить 300 гульденовъ». Затѣмъ слѣдуютъ денежныя просьбы. То же встрѣчаемъ въ бумагахъ другого русскаго агента, Ассебурга. Онъ часто говоритъ о жалобныхъ разговорахъ и слезахъ различныхъ нѣмецкихъ принцессъ и доказываетъ, что у нихъ «чувствуется недостатокъ въ самомъ необходимомъ» [1]). Долги были отличительной чертой нѣмецкихъ княжествъ. И какіе! Въ Баваріи, при 10 милліонахъ гульденовъ доходу, было 138 милліоновъ долгу. Оттого-то, какъ ни щадили фюрстовъ имперскія учрежденія, нерѣдко они принуждены были назначать «долговыя коммиссіи». У герцоговъ Кобургскаго и Гильдбургхаузенскаго земли около ста лѣтъ не выходили изъ-подъ секвестра вѣнскаго надворнаго совѣта. Отсюда же объясняется продажность и зависимость фюрстовъ отъ иностранныхъ державъ: они не могли жить безъ чужихъ денегъ.

Жизнь не по средствамъ, жизнь пустая и безцѣльная лишала фюрста всего, чѣмъ дорожитъ человѣкъ. Она отнимала у него независимость, дѣлала его банкротомъ; мало того, она лишала его какъ духовнаго, такъ и физическаго здоровья. Отчужденность отъ народа, однообразіе и духота дворцовъ, гнетъ условныхъ мелочей и этикета, опьянѣніе безъ отдыха, наконецъ, вѣчная интрига и сплетня, — все это выработало здѣсь мрачный типъ. Фюрстъ только съ виду былъ весь—очаровательная улыбка, невозмутимое самодовольство. Въ душѣ это былъ снѣдаемый скукой мизантропъ, пресыщенный сластолюбецъ и порой идіотъ. Въ чаду оргій и женскихъ прелестей, онъ терялъ и физическую крѣпость, рано становился болѣзненъ и хилъ. И чѣмъ дальше, тѣмъ больше мельчали и вымирали поколѣнія, потому что браки не могли по этикету выходить изъ этого заколдованнаго круга. Германія описываемаго времени представляетъ поразительный примѣръ бездѣтности государей и вымиранія цѣлыхъ царствующихъ домовъ; историка поражаютъ постоянныя заботы княжескихъ подданныхъ о наслѣдникѣ престола, какъ о рѣдкости. Тяжело читать частыя донесенія Румянцова о мѣрахъ, къ какимъ прибѣгали фюрсты для пріобрѣтенія потомства.

Такъ жилъ нѣмецкій фюрстъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Онъ былъ оторванъ отъ всего живого, въ особенности отъ народа, который назывался на тогдашнемъ жаргонѣ «каналья» (la canaille). Онъ былъ также далеко отъ земли, какъ и отъ небесъ, отъ практическихъ интересовъ, какъ и отъ идеальныхъ; онъ жилъ въ какой-то утопіи, въ душной искусственной сферѣ, непонятной и

---

[1]) *Asseburg*, Denkwürdigkeiten, 259—260 и pass.

безполезной для простыхъ смертныхъ. Въ теченіи столѣтія ему некогда было очнуться отъ безконечной оргіи. Въ чаду забавъ и сладострастія фюрстъ проглядѣлъ гигантскіе шаги времени, которое приносило съ собой просвѣщеніе, развитіе національнаго чувства, сѣмена новой культуры. Онъ проспалъ возрожденіе европейскаго человѣчества. Заботясь только о себѣ и о собственномъ днѣ, онъ пожиралъ себя самого, все свое будущее. Его разбудили громы наполеоновскихъ пушекъ, возвѣщавшіе объ его безвозвратной погибели...

XII.

Низшій классъ—«канальѧ».

Мы познакомились со всѣми правительственными элементами нѣмецкаго общества въ концѣ XVIII-го вѣка. Теперь разсмотримъ бытъ низшаго класса, горожанъ и особенно крестьянъ, которые назывались тогда собирательнымъ именемъ «канальи».

Народъ, въ смыслѣ демоса, находился въ незавидномъ положеніи; это былъ Прометей, скованный по рукамъ и ногамъ: масса пьявицъ постоянно высасывала его неистощимую кровь. Бытъ его можетъ служить образцомъ всевозможныхъ стѣсненій.

Эти стѣсненія были трехъ родовъ, потому что они зависѣли отъ трехъ главныхъ причинъ. Укажемъ на эти причины.

Прежде всего мы опять сталкиваемся съ знакомымъ намъ явленіемъ, которое сопровождало насъ въ теченіи всего нашего этюда. Средневѣковщина надолго уцѣлѣла въ Германіи — и это хуже всего отразилось на участи массъ. Отсюда проистекалъ цѣлый рядъ страданій низшаго класса; отсюда должно выводить, по крайней мѣрѣ, привилегированность высшаго сословія и крайнее отчужденіе его отъ народа: слово «canaille» было лишь новою формой для средневѣкового понятія «vilain».

Но важнѣе всего другое наслѣдіе феодализма — партикуляризмъ, или мѣстный и корпоративный духъ. Съ нимъ связана раздробленность въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова,—раздробленность не однѣхъ земель, но всѣхъ вообще національныхъ интересовъ. Въ доказательство укажу только на примѣръ заклятаго врага феодализма, Фридриха II: онъ запрещалъ горожанамъ покупать дворянскія имѣнія, а дворянамъ—заниматься извѣстными ремеслами.

Читатель можетъ нарисовать себѣ общую картину результатовъ партикуляризма по нашимъ прежнимъ главамъ, особенно

по той, которая посвящена церковнымъ землямъ. Мы ограничимся здѣсь указаніемъ на одинъ только изъ этихъ пагубныхъ результатовъ, но на самый очевидный и поразительный. Въ Германіи господствовало какъ бы хроническое междоусобіе: императоръ боролся съ фюрстами, фюрсты—съ нимъ и между собою, имперскія учрежденія другъ съ другомъ, имперскіе города и села [1]) съ земскими, юнкера—съ городами и князьями, владыки—съ канониками. Затѣмъ земства ссорились съ своими государями, ратуши—съ своими гражданами, католики—съ протестантами, лютеране—съ реформатами, офицеры и студенты—съ горожанами. Это не была естественная, мирная борьба различныхъ элементовъ общества. Здѣсь нерѣдко дѣло доходило до своевольной расправы, до открытаго нападенія и кровопролитія. Мы уже не говоримъ о великой борьбѣ Австріи съ Пруссіей, о рядѣ такихъ братоубійственныхъ войнъ, какъ обѣ силезскія, войны за австрійское и баварское наслѣдство, семилѣтняя война. Словомъ, это была не жизнь, а вѣчная тревога. Это былъ отголосокъ средневѣкового кулачнаго права. И на комъ же все это отражалось, какъ не на «канальѣ»? Гдѣ бы ни кололи дрова, а въ него всегда летѣли щепки.

Вторая причина бѣдствій низшаго класса близка къ первой по духу. Она относится къ религіозному фанатизму начала новой исторіи, завѣщанному средними вѣками. Мы говоримъ о борьбѣ католичества съ протестантизмомъ. Нужды нѣтъ, что она окончилась столѣтіемъ раньше описываемой эпохи, слѣдствія ея прямо отражались на положеніи народа въ концѣ XVIII-го вѣка; это потому, что она окончилась ужасною тридцатилѣтнею войной. Нѣмецкіе историки [2]) видятъ опустошительные слѣды этой кровавой драмы даже послѣ революціи, до Наполеона I. Достаточно привести два-три поразительныхъ факта, чтобы убѣдиться въ этомъ. Наканунѣ тридцатилѣтней войны въ Германіи было 17 милліоновъ жителей, послѣ нея—4. До войны было много цвѣтущихъ городовъ съ обширной торговлей и промышленностью, нѣмцы даже вывозили свои товары; ихъ сукна славились по всей Европѣ; ихъ страна называлась «отечествомъ машинъ». Все это

---

[1]) Тогда въ Швабіи и Франконіи насчитывалось болѣе дюжины *имперскихъ непосредственныхъ* (reichsunmittelbare) *селъ*. Эти села также обладали нѣкоторыми верховными правами. Ихъ нужно поставить въ концѣ того необозримаго списка мелкихъ потентатовъ, который мы разбирали въ прежнихъ главахъ.

[2]) Вопросъ о слѣдствіяхъ тридцатилѣтней войны значительно разработанъ въ исторической наукѣ. Его цѣльное изложеніе—*Hanser*, Deutschland nach dem dreissihjährigen Kriege; *Biedermann*, Deutschlands trübste Zeit.

рухнуло во время войны. Многіе изъ городовъ достигли прежняго благосостоянія лишь въ нашемъ вѣкѣ, при появленіи желѣзныхъ дорогъ. То же самое должно сказать про деревни и сельско-хозяйственную культуру. Передъ войной у крестьянъ былъ достатокъ, въ Европѣ завидовали имъ; послѣ нея исчезли цѣлыя группы селъ. Въ Готѣ и Мейнингенѣ, напримѣръ, число деревень даже теперь не дошло до прежней цифры. То же должно сказать про народное просвѣщеніе. Наконецъ, къ слѣдствіямъ тридцатилѣтней войны должно отнести ожесточенность фанатизма, который не могъ остыть въ теченіи столѣтія. Наканунѣ революціи, католику трудно было жить въ протестантскомъ государствѣ, а протестанту—совсѣмъ невозможно въ католической землѣ. Поддерживаемыя въ этихъ случаяхъ своими невѣжественными подданными, католическія правительства обращались съ «евангеликами», какъ въ средніе вѣка христіане съ евреями, они не признавали за ними гражданскихъ правъ. По ихъ собственному признанію, они «стремились истребить религіозный культъ своихъ евангелическихъ подданныхъ и даже самихъ этихъ подданныхъ; и если послѣдніе возражали, то они объявляли ихъ мятежниками и старались совсѣмъ искоренить ихъ посредствомъ штрафовъ и экзекуцій». Въ Баваріи всѣ не-католики были лишены правъ наслѣдства. То же было и въ протестантской Саксоніи. Можно сказать, что тогда въ Германіи положительно существовалъ свой диссидентскій вопросъ, точно также, какъ въ Польшѣ.

И опять-таки спросимъ: кто же, какъ не «каналья» понесъ на себѣ всѣ тяжкіе слѣды тридцатилѣтней войны? Высшее сословіе, напротивъ, выиграло; Вестфальскій миръ—эра полнаго абсолютизма фюрстовъ.

Этотъ абсолютизмъ—третья изъ основныхъ причинъ бѣдствій низшаго класса. Онъ не оправдалъ надеждъ, которыя возлагалъ на него народъ; онъ не истребилъ феодализма, не далъ простора матеріальной дѣятельности народа. На долю нѣмцевъ не досталось благодѣяній, которыми искупается его гнетъ, въ извѣстную пору національнаго развитія, они испытали одну мрачную его сторону. Притомъ это былъ абсолютизмъ низшаго разбора,—тупой и невѣжественный. Фюрстъ былъ жуиръ - помѣщикъ, не имѣвшій понятія о собственномъ хозяйствѣ и сдавшій его старостамъ да управляющимъ. Онъ не понималъ, что́ такое бюджетъ, не зналъ силъ и размѣровъ своего помѣстья, не хотѣлъ думать о завтрашнемъ днѣ. Фюрстъ требовалъ денегъ и денегъ, а не зналъ, какъ и съ кого ихъ собирать. Тогда не было статистики.

Стремленія къ ней Фридриха II были плохимъ подражаніемъ Англіи и Голландіи и не имѣли значенія для Германіи. Кадастрація имуществъ находилась въ первобытномъ состояніи; фюрсты до того не понимали этой основы хорошихъ финансовъ, что совсѣмъ забывали о ней. Въ Саксоніи въ теченіи всего XVIII вѣка дѣйствовалъ кадастръ 1628 года, т.-е. временъ разгара тридцатилѣтней войны! Вообще трудно представить себѣ болѣе удачный примѣръ грубаго полицейско-фискальнаго управленія, чѣмъ хозяйство фюрстовъ.

И при свободѣ высшаго сословія отъ податей и повинностей, на кого же падало оно всею своей тяжестью, какъ не на «каналью»?

Мало того; это управленіе поддерживала господствовавшая тогда экономическая теорія. Въ концѣ прошлаго вѣка еще не было широкаго взгляда на народное богатство, какъ на организмъ, подчиненный своимъ законамъ. Трудъ Адама Смита вышелъ въ нѣмецкомъ переводѣ лишь въ 1794 году. Нелишенная хорошихъ сторонъ, физіократическая теорія Тюрго рѣдко прилагалась, и то лишь въ видѣ насильственнаго опыта. Тогда было царство любопытной системы Кольбера, — меркантилизма. Это — рѣдкій примѣръ соединенія ложныхъ основаній съ увлекательною формой, которая подкупала своей простотой и логичностью. Это — колоссальный софизмъ, измучившій нѣсколько поколѣній своими вредными послѣдствіями. Ему слѣпо подчинялись всѣ, не исключая самыхъ умныхъ правительствъ. Главнымъ его проповѣдникомъ былъ Фридрихъ II. Ясно, что сила его лежала не въ одномъ экономическомъ невѣжествѣ и дѣтствѣ общества, мы приписываемъ ее еще его характеру. И по времени своего происхожденія, и по своему направленію, меркантилизмъ тѣсно связанъ съ государственной теоріей Лудовика XIV. Это — порожденіе духа абсолютизма, царствовавшаго тогда повсюду. Система Кольбера льстила этому духу; она сосредоточивала матеріальныя силы народа на верху; она требовала отъ правительства вмѣшательства во всѣ хозяйственные интересы народа и ему одному предоставляла здѣсь инціативу; она превращала его въ экономическое провидѣніе націи. Централизація и протекціонизмъ, регламентація и бюрократизмъ, трудно сказать, куда отнести всѣ эти прелести тогдашняго быта: къ государственной или экономической теоріи? Меркантильная система была экономическимъ освященіемъ фискально-полицейскаго государства. Она нашептывала правителямъ: «торговля, промышленность, сельское хозяйство, финансы, это — для васъ!»

«Чѣмъ больше денегъ въ карманѣ, тѣмъ лучше», гласилъ меркантилизмъ—и такіе свѣтлые умы, какъ Фридрихъ II, признали его своей правительственной заповѣдью. Какъ-то Фридриху указали на неудовлетворительность дорогъ въ Пруссіи. «И прекрасно,—возразилъ онъ:—чѣмъ дольше путникъ пробудетъ въ странѣ, тѣмъ больше оставитъ онъ въ ней денегъ». Въ своихъ Клевскихъ владѣніяхъ онъ даже запрещалъ путешественникамъ ѣздить по Рейну, «чтобы доставить заработокъ королевской почтѣ». Ставши во главѣ меркантилизма, Фридрихъ повелъ дѣло съ свойственной ему энергіей и широкимъ размахомъ. Онъ ввелъ, подлѣ старой прямой подати, косвенные налоги—извѣстный процентъ съ предметовъ потребленія; возникла масса утонченно-распредѣленныхъ «акцизовъ». Для сбора этихъ налоговъ была выписана изъ Франціи масса спеціалистовъ, глава которыхъ получалъ 15,000 талеровъ жалованья, да еще процентъ со сборовъ. Новая финансовая система была даже названа французскимъ именемъ—régie. Сразу болѣе тысячи иностранныхъ пьявицъ впилось въ нѣмецкую «каналью». Конечно, онѣ старались доставить правительству побольше денегъ; но еще внимательнѣе слѣдили онѣ за собственными карманами, пользуясь безконтрольностью; обыкновенно въ казну попадалъ только третій талеръ. Къ французамъ присоединялась толпа доморощеныхъ финансистовъ, распредѣленная на ранги, съ нѣмецкой педантичностью; тутъ были: акцизъ-раты, акцизъ-коммиссаріи, акцизъ-инспекторы, акцизъ-сборщики, визитаторы и т. д.

Затѣмъ, торговля и промышленность превратились въ государственныя учрежденія. Возникла новая масса чиновниковъ: коммерціенъ-раты, коммерціенъ-консессы, коммерціенъ-депутаціи, ландесъ-экономи-депутаціи. Часть товаровъ правительство взяло въ собственную монополію и стало важнѣйшимъ купцомъ въ своемъ государствѣ. Такъ, только въ его магазинахъ можно было купить фарфоръ, табакъ и кофе. Особенно строго запрещалось подданнымъ самимъ жечь кофе, и такъ какъ даже французамъ трудно было усмотрѣть за этимъ, то отставныхъ солдатъ назначали въ «разнюхиватели кофе» (Kaffeeschnüffler). За правительственными монополіями слѣдовала вереница частныхъ. Фридрихъ считалъ своею особенною заслугой покровительствовать фабричной промышленности; онъ прибѣгалъ для этого ко всѣмъ обычнымъ мѣрамъ протекціонизма. Фабриканты пользовались разнообразными льготами и субсидіями; ради нихъ запрещался вывозъ сырья, особенно шерсти, и ввозъ иностранныхъ товаровъ. Казна строила имъ фабрики на свой счетъ, доставляла сырье, иногда давала

право первымъ покупать извѣстные продукты, по бо́льшей части покровительствовала новымъ мануфактурамъ, вызваннымъ блескомъ дворовъ, т.-е. роскошью и модой, что̀ убивало старыя, полезныя производства. Между тѣмъ, какъ процвѣтали шелковыя и фарфоровыя фабрики, въ Баваріи, выпускавшей въ 1680 году 70,000 штукъ сукна, въ 1780 году изготовляли только 5,000. Еще болѣе гибельно дѣйствовалъ протекціонизмъ на сельское хозяйство и на потребителей, которые были отданы на жертву фабрикантамъ: ими-то и питались новыя мануфактуры.

Заводчикъ меркантильнаго дѣла въ Германіи могъ утѣшаться внѣшними результатами своей системы, они были блестящи. Въ 22 года (1764—1786) въ прусскую казну прибыло доходовъ на 42 милліона больше прежняго; какъ было фюрстамъ не подражать изъ всѣхъ силъ главному потентату Германіи, котораго Европа уже называла «великимъ!» Но можно себѣ представить, что̀ выходило изъ этого здѣсь, когда меркантилизмъ расшатывалъ даже благосостояніе Пруссіи. Остроумный наблюдатель, Мирабо, справедливо сказалъ тогда о Пруссіи: «правительственная машина въ ходу; но въ торговлѣ, промышленности и земледѣліи здѣсь вообще не видишь ничего, кромѣ поденщиковъ». Въ сочиненіяхъ самого Фридриха прорываются подобныя же признанія [1]). Народъ благословлялъ его преемника, когда онъ отмѣнилъ невыносимую régie.

Фридрихъ не замѣтилъ еще одного, косвеннаго, но серьёзнаго вреда своей системы. При меркантилизмѣ нельзя и думать о сколько-нибудь правильномъ распредѣленіи богатствъ, которое составляетъ основу дальновидной политики. Протекціонизмъ вносилъ въ народное хозяйство своего рода азартную игру. Онъ производилъ быстрое, искусственное скопленіе богатствъ въ весьма немногихъ и обыкновенно праздныхъ рукахъ; онъ создавалъ опасную плутократію, богатство которой было потеряно для массы. Завелись своего рода денежные фюрсты. Они примыкали къ своимъ благодѣтелямъ, къ бюрократамъ и дворамъ; они чуждались народа, совсѣмъ выходили изъ него. Насколько они раболѣпствовали наверху, настолько же кичливо обращались съ низшимъ классомъ, и для нихъ народъ былъ «канальей». Они присоединялись къ его палачамъ и вмѣстѣ съ ними жили, какъ олимпійцы. Здѣсь вѣчно веселились, а «канальѣ» доставалось только въ чужомъ пиру похмѣлье.

Теперь окинемъ бѣглымъ взглядомъ это похмѣлье.

---

[1]) Особенно же см. V и VI томы изданія „*Preuss*'а“.

Уже изъ сказаннаго ясно, что тогда въ Германіи не было средняго сословія. Какъ сила съ извѣстными, даже политическими правами, какъ «буржуазія», оно и вездѣ въ Европѣ явилось позже. Въ Германіи до тридцатилѣтней войны было хоть «бюргерство»,— богатое и гордое городское сословіе съ обширными правами внутри стѣнъ своего города. Съ половины XVII вѣка мы уже не видимъ его. Въ концѣ прошлаго вѣка бюргеръ стушевался въ общей массѣ «канальи»; онъ лишился правъ и самостоятельности. Дворяне и особенно офицеры обижали его, какъ хотѣли: они били его, насильно брали у него деньги взаймы, безъ отдачи, да еще буйствовали, нарушали его семейный покой. Бюргеръ несъ на себѣ значительную часть стѣсненій, вытекавшихъ изъ причинъ, указанныхъ выше.

Мы не будемъ говорить о населеніи имперскихъ городовъ. Чтобы понять его участь, довольно вспомнить устройство этихъ городовъ, съ ихъ цехами, заставами и глупѣйшими обычаями, съ ихъ воровскими и спѣсивыми ратушами, съ ихъ разбойничьими судами. Здѣсь бюргеръ не смѣлъ переселиться въ другой городъ, въ подмастерьи бралъ только своихъ. Земли назначались только для той обработки, которая предписывалась ратушей. Въ Ульмѣ даже запрещалось продавать холстъ внѣ города; въ Ахенѣ было опредѣлено число станковъ у ткачей и число рабочихъ у суконщиковъ. Теперь мы имѣемъ въ виду только *земскіе* города, подчиненные фюрстамъ.

Здѣсь, подъ гнетомъ меркантилизма, фабрикантъ попадалъ въ зависимость отъ заказовъ и милостей двора, купецъ же былъ во власти акцизныхъ чиновниковъ; а между тѣмъ эта система, лишавшая бюргера свободы, не доставляла ему ничего взамѣнъ. По прежнему ему почти предписывали занятія, потому что запрещали покупать земли у дворянъ. Чиновники вторгались въ его домашній бытъ. Его ратуша и судъ были окончательно развращены отчасти контролемъ, отчасти же поблажками правительства.

Денежная система, столь важная въ торговлѣ, находилась въ первобытномъ состояніи; монетъ было мало въ обращеніи, и на каждомъ шагу все разныя; одной серебряной монеты ходило до дюжины образцовъ. Это обстоятельство, вмѣстѣ съ разнообразіемъ мѣръ и вѣсовъ въ каждой провинціи и даже городѣ, сильно стѣсняло коммерческія сношенія. Но хуже всего, что мудрено было примѣниться къ цѣнности тогдашнихъ монетъ: фюрсты наперерывъ другъ передъ другомъ безцеремонно портили ихъ. Даже Фридрихъ прибѣгалъ къ этому средству во время войны. А за-

мѣнить монеты было нечѣмъ; другихъ знаковъ денежнаго обращенія, напримѣръ государственныхъ кредитныхъ билетовъ, почти совсѣмъ не существовало. Банковая система только-что начиналась, именно у Фридриха II, но и ее подрывалъ вездѣсущій протекціонизмъ. Фридрихъ принуждалъ вести всѣ денежныя сдѣлки только черезъ свои банки, угрожая въ противномъ случаѣ большими штрафами. Кромѣ того, было очень мало законовъ, охраняющихъ кредитъ. Такъ какъ и суды никуда не годились, то понятно, что послѣдніе капиталы скрывались. Нерѣдко, особенно у крестьянъ, деньги лежали въ кубышкѣ безъ дѣла. Съ другой стороны, онѣ скоплялись при дворахъ и въ рукахъ немногихъ монополистовъ. Результатомъ всего этого было слабое развитіе кредита и высокій процентъ.

Еще хуже было состояніе другого нерва промышленности и торговли,—путей сообщенія. Тогда дороги не далеко ушли отъ того состоянія, въ которомъ онѣ находились до тридцатилѣтней войны; мѣстами онѣ были даже хуже. Особенно Пруссія славилась своими скверными дорогами: здѣсь первое шоссе появилось лишь по смерти Фридриха (въ 1787 году). Въ то время путешествіе безъ крайней нужды считалось геройствомъ. Извѣстно, что Кантъ всю свою жизнь провелъ въ родномъ городѣ. Когда публицистъ Шлёцеръ поѣхалъ, какъ туристъ, по южной Германіи, да еще съ дочерью, объ этомъ писали, какъ о какой-нибудь полярной экспедиціи, и покачивали головой. Казалось, что дороги были созданы только для истязанія проѣзжихъ: повсюду стояли заставы, гдѣ грубые чиновники взимали пошлину. Особенно мучили путниковъ мытари на рѣкахъ. На Рейнѣ, бывало, проѣдешь часъ — и застава, иногда даже двѣ: одна на одномъ берегу, другая на другомъ; и нужно было ѣздить взадъ и впередъ, чтобы заплатить у каждой изъ нихъ. Тогда на Рейнѣ собирали больше пошлинъ, чѣмъ теперь, хотя нынѣ движеніе здѣсь удесятерилось. На водныхъ путяхъ сохранялось еще безобразное складочное право (Stapelrecht), исчезнувшее на сушѣ. Регенсбургское судно, напримѣръ, могло везти въ Вѣну всякій товаръ, но обратно—только вина. Кромѣ того, оно имѣло право плыть съ грузомъ вверхъ по Дунаю только до Ульма, а вѣнское судно—только до Регенсбурга; назадъ же они должны были возвращаться пустыми. Понятно, что при такихъ стѣсненіяхъ суда были плохи. Обыкновенно вверхъ по рѣкѣ тянули лошадьми, внизъ—шли на веслахъ. Немудрено, что, напримѣръ, регенсбургскій купецъ находилъ выгоднымъ продать свое суденышко въ Вѣнѣ и возвратиться домой пѣшкомъ.

При такихъ путяхъ сообщенія не можетъ быть хорошей почты. Къ тому же на нее смотрѣли, какъ на чисто-фискальное, а не общественное учрежденіе. Фридрихъ II поставилъ въ своемъ бюджетѣ опредѣленную сумму почтовыхъ доходовъ и приказалъ, если въ извѣстномъ мѣсяцѣ сборъ будетъ ниже, въ слѣдующемъ —возвышать пошлину съ писемъ. Здѣсь частная конкурренція или была невозможна, или прямо воспрещалась. Почта ходила крайне медленно и неаккуратно. На югѣ еще попадался длинный крытый фургонъ; на сѣверѣ же свирѣпствовала наша перекладная. Письма нерѣдко дѣлали „непостижимые обходы въ сторону отъ мѣста своего назначенія, и даже въ строго-полицейскомъ Берлинѣ валялись по нѣсколько дней на почтѣ. Нерѣдко они и совсѣмъ не доходили по адресу, даже безъ участія тѣхъ «тайныхъ письменныхъ коммиссій», о которыхъ мы упоминали выше.

Какъ ни тяжела была участь бюргера, а крестьянину жилось еще хуже. Бытъ бюргера отличался хотя нѣкоторыми удобствами: у него былъ теплый домъ, нерѣдко даже каменный и съ черепичной крышей. Въ городѣ встрѣчалось тамъ - и - сямъ освѣщеніе, хотя тусклое и вонючее, и нѣсколько мощеныхъ улицъ. Бюргеру удавалось скрыть отъ алчности акцизныхъ деньжёнки, перепадавшія ему отъ удовлетворенія прихотей двора и знати; наконецъ, бюргеръ не былъ лишенъ сознанія собственнаго достоинства. Важно, что онъ былъ лично свободенъ и зависѣлъ только отъ правительства. У него были гордыя воспоминанія, связанныя съ древней, почернѣвшей, но еще крѣпкой ратушей. Подражая столичникамъ, онъ заводилъ пышную мебель, наряжался по модѣ, почитывалъ сальныя книжки,—и воображалъ, что онъ своего рода дворянинъ и не невѣжа.

Бюргеръ не безъ самодовольства смотрѣлъ на истиннаго «каналью», на крестьянина, котораго могъ даже поприжать немного. И былъ правъ. Онъ могъ понять свое, болѣе выгодное положеніе, даже не выходя за стѣны родного города. Здѣсь, подлѣ него жила колонія жалкихъ пролетаріевъ-рабочихъ.

Въ наше время о рабочихъ говорятъ какъ объ извѣстной силѣ въ государствѣ, какъ о «четвертомъ сословіи», имъ предоставлены различныя права; отчасти ихъ даже охраняютъ законы. Сами они сильны развитымъ духомъ ассоціаціи и сравнительнымъ образованіемъ. Наконецъ, колоссальные размѣры промышленности обезпечиваютъ за ними заработокъ и придаютъ имъ серьёзное значеніе,—все-таки участь рабочихъ не всегда обезпечена.

Можно себѣ представить положеніе рабочаго въ концѣ прошлаго вѣка, притомъ въ Германіи, при отсутствіи всѣхъ указанныхъ условій нашего времени! Если фабрикантъ зависѣлъ отъ капризовъ двора и знати, то рабочій, сверхъ того, былъ еще въ ежёвыхъ рукавицахъ у фабриканта. Правда, жизнь была вдвое дешевле, чѣмъ теперь; но за то рабочій получалъ вчетверо меньше. Кромѣ того, тогда, вслѣдствіе ложныхъ основъ экономическаго быта, часто и быстро колебались цѣны на жизненные продукты, а заработная плата могла только понижаться. Нерѣдко законъ опредѣлялъ таксу, выше которой она не могла подниматься. Суда не существовало для рабочаго: было воспрещено жаловаться на хозяевъ. Пользуясь этой привилегіей, фабрикантъ всячески угнеталъ рабочихъ, часто платилъ имъ бракомъ изъ своего товара или монетой, которая не имѣла ходу. Рабочій былъ почти прикрѣпленъ къ фабрикѣ, перемѣнять мѣсто было трудно, невыгодно, иногда же это прямо запрещалось правительствомъ.

Но это было вздоромъ сравнительно съ тройной пыткой, которою истязали село; надъ крестьянствомъ тяготѣли права: государственное, ленное и крѣпостное.

Мы уже имѣли случай замѣтить, что въ селахъ только для виду сохранялись древнія сходки и волостныя правленія, въ сущности здѣсь господствовалъ чиновничій произволъ. Онъ былъ тѣмъ болѣе тяжелъ, что до Бога высоко, а до фюрста далеко, дома же жаловаться было некому. Правда, нельзя было сѣтовать на недостатокъ юстиціи; встрѣчались весьма маленькія мѣстности, гдѣ толпились до дюжины, и даже больше, судебныхъ властей. Но уже это изобиліе трибуналовъ доказывало, что они были учреждены лишь только для прокормленія чиновныхъ тунеядцевъ; ихъ главнымъ занятіемъ было плодить тяжбы, которыя при плохомъ гражданскомъ законодательствѣ рѣшались по произволу. Это было истинное разореніе селъ: устроился новый судъ —все равно, что завелся новый кабакъ.

Впрочемъ, судьи забирали только то, что́ оставалось послѣ сборщиковъ податей и помѣщичьихъ старостъ. Мы не будемъ касаться косвенныхъ налоговъ, которые платилъ крестьянинъ, какъ потребитель: ихъ весьма трудно вычислить; но прямая подать болѣе уловима. Она поражаетъ насъ своими размѣрами: нерѣдко она равнялась всему доходу крестьянина; это въ значительной степени зависѣло отъ вопіющей несправедливости въ раскладкѣ податей, производимой высшимъ сословіемъ. Конечно, выходило такъ, что почти все бремя податей ложилось на самыхъ бѣдныхъ, на самыхъ беззащитныхъ. Вотъ любопытный примѣръ. Во

Франкфуртѣ-на-Майнѣ при капиталѣ до 15,000 гульденовъ брали $6^2/_3$% съ дохода, а при капиталѣ выше 15,000—опредѣленную сумму, именно 50 гульденовъ. Слѣдовательно, налогъ падалъ только на капиталъ до 16,000, ибо 50 гульденовъ равняются $6^2/_3$% съ 800 гульденовъ дохода или съ капитала въ 16,000. Сверхъ того, цѣлые классы общества и много отдѣльныхъ лицъ были совсѣмъ свободны отъ податей.

Кромѣ обычной подати, была масса мелкихъ сборовъ, одно названіе которыхъ составитъ маленькій лексиконъ. Повсюду брали на имперскія учрежденія и на проценты по государственнымъ долгамъ, а въ католическихъ земляхъ еще на папу. Не должно забывать, что фюрстъ былъ просто крупный помѣщикъ, поэтому крестьянинъ, уплативъ всѣ указанные налоги, нисколько не былъ огражденъ отъ всевозможныхъ натуральныхъ повинностей. Правительство всегда могло взять у него подводу, занять его избу военнымъ постоемъ и т. д. Мы видѣли, что крестьяне гдѣ вырывали озера на горахъ, гдѣ освѣщали или вырубали лѣса для княжескихъ маскарадовъ и т. д. Особенно часто поднимали ихъ для ловли дезертировъ. То-и-дѣло раздавался пушечный выстрѣлъ изъ гарнизоннаго городка, и всѣ окрестные крестьяне, иногда до 2,000, сбѣгались искать бѣглеца и дежурили по цѣлымъ суткамъ.

За государственными повинностями слѣдовалъ рядъ ленныхъ и помѣщичьихъ, съ характеромъ которыхъ мы уже знакомы. Напомнимъ только читателю, что крестьяне содержали весь грузный феодальный нарядъ, насколько онъ сохранился отъ среднихъ вѣковъ. Особенно мучительна для нихъ была noble passion, наиболѣе напоминающая феодализмъ. Охота уничтожала посѣвы и отрывала руки отъ работы, она отнимала даже сонъ у крестьянъ. Тутъ законы были драконовскіе: за убитаго зайца, даже просто за выстрѣлъ или разставленіе сѣтей въ собственномъ саду или полѣ взыскивали 25 — 50 талеровъ, или сажали на полгода въ крѣпость; вслѣдствіе этого расплодилась масса звѣрей. Въ Саксоніи дикія свиньи причиняли голодъ цѣлымъ селамъ; въ Альтенбургѣ былъ лѣсокъ, который обойдешь въ 4 часа, а въ немъ гнѣздилось болѣе тысячи дикихъ звѣрей. Такъ какъ крестьянамъ строго воспрещалось имѣть собакъ, ружья и даже дубины, то они бродили по ночамъ вокругъ своихъ пашенъ и старались криками отгонять звѣрей.

Что касается помѣщичьихъ повинностей, то онѣ были особенно тяжелы вслѣдствіе своей неопредѣленности и отбыванія натурой. Барщины мѣстами доходили до того, что на помѣщика

уходило пять дней въ недѣлю! Весьма любопытно свидѣтельство ганноверскаго юстицъ-рата, Мюнхгаузена, которое даже по отдѣльнымъ фразамъ напоминаетъ недавно открытое письмо одного фараоновскаго библіотекаря XV вѣка до Р. Х. «Вотъ, крестьянинъ везетъ прошлогодній хлѣбъ помѣщика, а его нынѣшняя жатва настойчиво требуетъ его присутствія. Вотъ, онъ строитъ безполезное роскошное зданіе, а его необходимая изба разваливается. Нерѣдко онъ везетъ вздорную записку, написанную лишь ради соблюденія приличій, а, быть можетъ, умирающая мать зоветъ его къ себѣ. Онъ ѣдетъ за нѣсколько миль, чтобы внести грошъ подати. Послѣ жатвы, длившейся цѣлый день, онъ ночью сторожитъ господскій дворъ. Онъ тащится за восемь миль, чтобы перевезти мѣру магазиннаго хлѣба на разстояніе всего четырехъ миль. Онъ долженъ оставаться на барщинѣ, между тѣмъ какъ его домъ горитъ». Однажды, дѣйствительно, загорѣлась деревня, когда крестьяне были на барщинѣ. Они видѣли пожаръ, рвались туда, но ихъ не пустили гасить.

Крѣпостное право процвѣтало тогда вполнѣ. Крестьянина можно было согнать съ земли или продать вмѣстѣ съ землей. Послѣ его смерти землей распоряжались не наслѣдники, а помѣщикъ, которому доставалась еще половина движимаго имущества и скота покойника. Обыкновенно помѣщикъ уступалъ все это наслѣдникамъ за извѣстный выкупъ, — и, вѣроятно, смерть крестьянина не печалила его. Земскимъ судамъ по большей части прямо воспрещалось заступаться за крестьянина противъ помѣщика. И это-то крѣпостное право охватывало бо́льшую часть нѣмецкой націи! Около 1750 года, въ Германіи сельское населеніе составляло 70%, и тутъ $^4/_5$ было крѣпостныхъ. Вскорѣ потомъ ихъ число уменьшилось, но немного.

Была еще одна мучительная повинность, которая подрывала не только матеріальное, но и нравственное благосостояніе крестьянъ и лежала исключительно на нихъ. Это—солдатство. Мы видѣли, что тогда на первомъ планѣ была не столько конскрипція, сколько вербовка. Не говоря уже про то, что деньги для этого собирали съ крестьянъ же, вербовки сопровождались обманами и насиліемъ. Крестьяне были такъ бѣдны, что имъ трудно было уклоняться отъ соблазна получить деньги и сбыть лишній ротъ въ семьѣ. Наконецъ, для Германіи было все-равно—своихъ или сосѣднихъ подданныхъ вербовалъ фюрстъ: все-таки это были нѣмцы, а тогда всякій, кто поступалъ въ солдаты, погибалъ для отечества,—чаще всего фюрстъ продавалъ его чужеземцамъ. Кромѣ того, онъ прямо дозволялъ иностраннымъ державамъ вербовать

своихъ подданныхъ, иногда даже наканунѣ войны съ этими державами.

Если же солдатъ оставался въ родной странѣ, онъ погибалъ нравственно. Арміи были сбродомъ блудныхъ сыновъ, преступниковъ, бѣглыхъ монаховъ. Такое воинство можно было удерживать только страхомъ и жестокостью: «сквозь строй» было тогда въ большомъ ходу. У солдата не было никакихъ нравственныхъ побужденій. Офицерскія мѣста были привилегіей дворянства. Даже Фридрихъ предпочиталъ чужого дворянина своему бюргеру, а у фюрстовъ всегда сыновья (даже несовершеннолѣтніе) мелкихъ дворянъ были ротными, а крупныхъ — полковыми командирами. Матеріальное положеніе солдата также только портило, раздражало его. Онъ голодалъ и нерѣдко просилъ милостыню. Одѣтъ онъ былъ нищенски. Вотъ, стоитъ солдатикъ въ непогоду на караулѣ, шинелишка у него изъ такого грубаго матеріала, что похожа на рѣшето; короткая изношенная куртка собралась складками на груди, узкіе штаны, которые онъ засучилъ, чтобъ не запачкать, спустились, и животъ едва прикрытъ старой рубахой, недоходящей до бедръ.

Съ голода и холода, съ горя и скуки, новобранецъ быстро предавался въ такой школѣ распутству и забывалъ крестьянскій трудъ; а между тѣмъ, отслуживъ свой срокъ, солдатъ брелъ домой, покинутый правительствомъ. Лишь изрѣдка онъ получалъ бумагу о томъ, что ему «дозволяется просить милостыню у крѣпостныхъ, живущихъ близъ дорогъ». Онъ возвращался домой круглымъ сиротой, въ родной деревнѣ онъ былъ всѣми забытъ, его чуждались, о немъ никто не заботился. Отставной солдатъ ложился тяжелымъ бременемъ на односельцевъ: за него плати подати, а онъ превратился въ бретёра или разбойника, въ пьяницу или нищаго. Да и во время службы онъ ничего не приносилъ крестьянамъ, кромѣ вреда. Мы уже знаемъ, что̀ такое были арміи фюрстовъ; онѣ не исполняли своего назначенія, не защищали страны отъ врага, войско было лишь новымъ палачомъ крестьянъ. На содержаніе его собиралось много денегъ, оно считало себя привилегированнымъ сословіемъ и обращалось съ крестьянами, какъ съ своими подчиненными.

Такимъ образомъ, крестьянинъ вѣчно трудился, а ничего не пріобрѣталъ. Мѣстами у него не хватало хлѣба на пропитаніе. А если, послѣ всѣхъ поборовъ, оставалось что-нибудь отъ жатвы, не сто̀ило продавать. Цѣна на сельскіе продукты была низка, потому что запрещался ихъ вывозъ. Деревни представляли нищенскій видъ: дома въ нихъ, съ глиняными стѣнами, каменными

или кирпичными полами, соломенными крышами и круглыми оконцами въ свинцовой оправѣ, не стóили 400 талеровъ. Въ нихъ, кромѣ грязи и всѣхъ признаковъ нищеты, часто встрѣчались болѣзни. Тогда медиковъ было мало, ихъ не хватало даже на города, и по большей части это были невѣжи: лейбъ-медикъ Маріи-Терезіи горячо возставалъ противъ оспопрививанія. Крестьяне прибѣгали къ своимъ знахарямъ, а въ католическихъ селахъ считали богохульствомъ лечиться у кого-либо, кромѣ монаховъ съ ихъ чудотворными средствами.

По улицамъ въ добавокъ толпились нищіе и бродяги. Это былъ истинный бичъ крестьянъ, котораго не трогало правительство, занятое другими интересами. Нищіе были безстыдны и опасны: увѣренные въ своей безнаказанности, они грозили краснымъ пѣтухомъ и смертью, совершали насилія, воровали и уродовали дѣтей. Беззащитные крестьяне трепетали передъ ними и откупались отъ нихъ. Нищіе бродили толпами, среди которыхъ красовалось много здоровенныхъ парней, по большей части солдатъ и даже офицеровъ и пропившихся дворянъ съ ихъ семьями. Особенно кишѣли ими Франконія и Швабія. Въ послѣдней былъ даже цѣлый нищенскій орденъ, по прозванью «Свободные люди» (Freileuten). Причина понятна: здѣсь было средоточіе рыцарскихъ и церковныхъ владѣній. Юнкера извлекали пользу изъ нищихъ, принимая ихъ къ себѣ за ничтожную пошлину, а монахи и владыки видѣли въ милостынѣ дешевый способъ щеголять своимъ благочестіемъ. Къ тому же въ ихъ календарѣ было множество праздниковъ, порождавшихъ лѣнь и бѣдность: у нихъ нерабочіе дни поглощали треть года; немудрено, что въ церковной столицѣ Германіи, въ Кёльнѣ, нищіе составляли чуть не половину населенія. Здѣсь у нихъ были опредѣленныя мѣста на паперти, которыя они отдавали по наслѣдству или въ приданое за своими дочерями. Кромѣ нищихъ, села были опустошаемы еще цыганскими таборами; ихъ развелось такъ много и они были такъ вороваты, что Фридрихъ II однажды велѣлъ вѣшать пойманныхъ по достиженіи 18-тилѣтняго возраста.

При такой обстановкѣ, «канальѣ» мудрено было думать о своемъ духовномъ развитіи. Да и гдѣ были средства для этого? Привилегированный классъ, самъ ничему неучившійся толкомъ, считалъ образованіе смѣшной роскошью въ бытѣ крестьянина. Фюрстовъ вообще душило всякое проявленіе умственной жизни, ибо оно могло измѣнить порядокъ вещей, наиболѣе выгодный для ихъ узкой политики. О народныхъ школахъ не заботился никто, —ни правительство, ни земство, ни сельскія общины; удиви-

тельно еще, какъ онѣ существовали кое-гдѣ. Но и эти немногія школы были только напоминаніемъ о дѣятельности могучаго поколѣнія временъ реформаціи. Въ сельскихъ школахъ описываемаго времени дѣйствовали уставы 1560-хъ годовъ. Здѣсь, несмотря на спартанскія истязанія, едва обучали грамотѣ, церковному пѣнію и иногда счисленію. Какъ при Лютерѣ, учителями были мастеровые, занимавшіе должности пономарей и звонарей. Правительство, вовсе недумавшее объ учительскихъ семинаріяхъ, издавало только иногда указы о томъ, именно какое мастерство болѣе соотвѣтствовало, по его мнѣнію, педагогическому призванію.

Понятно, что село было гнѣздомъ грубаго невѣжества, допотопныхъ предразсудковъ и языческаго суевѣрія. Крестьянинъ не понималъ ничего дальше ограды своей деревни. Онъ едва зналъ имя своего государя, да и то лишь потому, что оно стояло на податныхъ роспискахъ. Онъ былъ жертвой всякихъ шарлатановъ: въ каждой деревнѣ гнѣздился свой Каліостро или Иванъ Яковлевичъ. Вѣра въ колдовство была до того жива, что лишь въ 1749 году въ Вюрцбургѣ была сожжена послѣдняя жертва этого предразсудка, какая-то 70-тилѣтняя монахиня.

При такихъ условіяхъ, крестьянская нравственность понятна сама собой. Приведемъ только краткое свидѣтельство одного современника. «Несвободный крестьянинъ или совсѣмъ безчувственъ, или необузданно грубъ, лукавъ, плутоватъ, вороватъ, невоспріимчивъ къ нововведеніямъ, хотя бы самымъ благодѣтельнымъ. Онъ не думаетъ о будущемъ, находится въ вѣчной тайной борьбѣ съ своимъ господиномъ, тиранствуетъ надъ дѣтьми и батраками. Въ его глазахъ достатокъ означаетъ бездѣльничанье, пьянство да обжорство» [1]).

Такъ какъ никто не заботился объ умственномъ развитіи крестьянина, то его воспитывалъ только духъ времени, общее направленіе умовъ. Наверху, въ сферѣ интеллигенціи, одинъ только принципъ считался незыблемымъ. Литература, искусство, академическія рѣчи — все льстило теоріи фюрстовъ. Этотъ духъ резиденцій, которыя тогда еще больше давали тонъ провинціямъ, чѣмъ теперь, проникалъ повсюду, до глубины сельскихъ захолустій. Къ тому же, у него были присяжные проповѣдники, — духовенство и чиновники, эти истинные воспитатели крестьянъ. Понятно, что одно только хорошо зналъ «каналья», — свою гражданскую добродѣтель: послушаніе. Онъ самъ думалъ такъ же, какъ его воспитатели; идеалъ, созданный не имъ, сложился въ его душѣ въ видѣ

---

[1]) *Garve*, Ueber den Charakter der Bauern. 1796.

одного изъ предвѣчныхъ законовъ, которымъ повинуется движеніе вселенной. Крестьянинъ былъ преданъ своему «милостивому» помѣщику и обожаемому фюрсту; все свое горе онъ приписывалъ средѣ. «Ахъ,—восклицалъ онъ,—еслибъ только фюрстъ зналъ объ этомъ!.. Онъ былъ бы хорошъ, еслибъ совѣтники у него были получше!» Крестьянинъ даже былъ недоволенъ, почти обижался, когда у фюрста не было роскошныхъ любовницъ и пышныхъ пировъ.

Въ одномъ современномъ памфлетѣ сказано: «Нѣтъ такого генія, который могъ бы своими приказами истощить наше послушаніе». «У каждой націи, — говоритъ К. Ф. Мозеръ,—есть своя могучая движущая сила: у французовъ—королевская честь, у голландцевъ—торговля, у англичанъ — свобода, у нѣмцевъ — послушаніе». Нѣмецкій крестьянинъ сто лѣтъ тому назадъ—типъ апатіи и умственной спячки. Крестьянинъ не сознавалъ собственныхъ потребностей. Въ немъ замерла жизнь — и онъ не могъ сдѣлать шагу безъ своего земного Провидѣнія. Онъ самъ просилъ фюрста устраивать его мельчайшія дѣла, самъ вызывалъ такія поученія, какъ, напримѣръ, указъ Фридриха II о томъ, чтобы пили теплое пиво, ибо оно «здоровѣе кофе». Тогда былъ въ большомъ ходу романъ извѣстнаго педагога, Зальцмана, съ характеристическимъ заглавіемъ [1]). Въ немъ сказано: «бюргеръ и крестьянинъ не шевельнутъ ни рукой, ни ногой, пока не побьютъ ихъ или не заплатятъ имъ». Но лучшимъ свидѣтельствомъ, выданнымъ «канальѣ», служитъ предсмертное восклицаніе Фридриха II: «я усталъ царствовать надъ рабами!»

Впрочемъ, мѣстами проявлялась энергія и у крестьянина, но отрицательнаго свойства. Гдѣ было не подъ силу жить даже ему, тамъ происходили переселенія. Они достигали размѣровъ, которые повторились лишь въ тридцатыхъ годахъ XIX вѣка (до 20,000 въ годъ). Главные пункты эмиграціи были — Америка, Австрія и Россія. Стремленіе въ наше отечество публицистъ Шлёцеръ называлъ «истиннымъ бѣгствомъ» (das Laufen und Rennen nach Russland). Любопытный фактъ доказываетъ, что причиной выселеній была не одна бѣдность, но также политическій и религіозный гнётъ: множество эмигрантовъ доставляли самыя благословенныя страны—прирейнскія. Но незавидна была участь переселенцевъ: многіе возвращались скоро домой — нищими. Фюрсты стѣсняли эмиграцію: гдѣ брали за позволеніе налогъ, доходившій

[1]) Carl von Carlsberg, oder über das menschliche Elend. 1783 — 1788. (Карлъ изъ Карлсберга, или о человѣческомъ горѣ).

до 10% со всего имущества, гдѣ совсѣмъ запрещали переселеніе. Иногда даже не допускалась перемѣна мѣстожительства въ одномъ и томъ же государствѣ — и эмигранты бѣжали тайкомъ, ночью. Іосифъ II строго запрещалъ выселенія, какъ германскій императоръ, и всячески зазывалъ къ себѣ нѣмцевъ, какъ австрійскій государь.

Иногда возникали и волненія. Въ депешахъ Румянцова встрѣчаются извѣстія о томъ, что тотъ или другой фюрстъ по нѣскольку разъ покидалъ свою столицу именно по этой причинѣ. Особенно неспокойно было въ Виртембергѣ, Баваріи и Брауншвейгѣ. Изрѣдка вспыхивалъ даже мятежъ. И можно себѣ представить, какъ ужасно было мщеніе людей обрисованнаго выше типа! Таковы были возстанія крестьянъ въ Богеміи въ 1775 г., и въ Саксоніи въ 1790. Они были потушены въ крови и привели только къ жестокимъ расправамъ со стороны раздраженнаго побѣдителя.

Подводя итоги къ цѣлой картинѣ политической Германіи за сто лѣтъ предъ симъ, мы можемъ не только сказать, но и объяснить, почему причины особенностей въ развитіи нѣмецкой націи слѣдуетъ прежде всего искать въ государственной ея сферѣ — такая мысль является теперь уже выводомъ изъ всей политической жизни Германіи въ концѣ прошлаго вѣка.

Внутреннее состояніе страны было весьма незавидно, общество — мало развито. Оно далеко отставало отъ общества въ Англіи, Франціи и Голландіи. Причина тому ясна. Надъ Германіей тяготѣлъ не обыкновенный абсолютизмъ, какой встрѣчался тогда повсюду, но абсолютизмъ мелкихъ *фюрстовъ*. Здѣсь политическая сила новаго времени, опасная сама по себѣ, соединялась съ душой среднихъ вѣковъ—съ феодализмомъ. Результатъ послѣдняго, партикуляризмъ, поглотилъ все, чтó могло хоть сколько-нибудь примирять съ политической силой новой исторіи. Онъ превратилъ абсолютизмъ въ самую мучительную, въ мелкую и позорную пытку. Онъ отнялъ даже возможность протеста или жалобнаго стона.

Такъ или иначе, нѣмцы стремились отдѣлаться отъ этого кошмара, и мы можемъ судить о напряженіи ихъ по той силѣ національнаго одушевленія, которая влекла нѣмцевъ на поля Метца и Седана. Но хозяйство фюрстовъ до того подавляло всякое движеніе жизни, что идея національнаго единства, собственно говоря, родилась уже въ наше время. Конечно, стремленіе къ ней было и раньше, ибо дѣло было слишкомъ очевидно, но то было

лишь смутное предчувствіе, отдаленный намёкъ на самую идею. Нѣмцамъ ясно было только одно, что политическое возрожденіе Германіи не могло выдти изъ самой священной имперіи. Культурный переворотъ, но не-политическій, можетъ еще возникать въ маленькомъ обществѣ или въ небольшомъ кружкѣ талантливыхъ людей; иногда судьба культурныхъ идей зависитъ отъ одной великой личности. Но перевороты въ политическомъ складѣ общественнаго ума требуютъ для себя широкаго поприща и огромнаго запаса всякаго рода силъ. Такихъ условій не было въ нѣмецкихъ государствахъ средней руки—ни въ Баваріи, зависѣвшей отъ Франціи, ни въ Саксоніи, подавленной могущественными сосѣдями, ни въ Ганноверѣ, тяготѣвшемъ къ Англіи.

Такимъ образомъ, политическое возрожденіе Германіи могло быть только слѣдствіемъ *внѣшняго* потрясенія. Но Германія полна въ своей прошлой исторіи своеобразій и противорѣчій: *внутри* ея самой существовали силы, которыя можно назвать *внѣшними*. Австрія и Пруссія принадлежали, конечно, къ общему нѣмецкому «фатерланду», но въ то же время были иностранными державами. Онѣ жили особнякомъ и даже тяготились связью съ Германіею; онѣ стремились вовсе не къ федераціи, какъ мелкіе фюрсты, а къ полной независимости, къ разрыву съ священною имперіею, которая сковывала свободу ихъ дѣйствія. Въ то же время, Австрія и Пруссія были могущественными державами: имъ принадлежалъ весь востокъ Германіи, за исключеніемъ одной Саксоніи, которая счастливымъ образомъ заслоняла ихъ другъ отъ друга. Среди Германіи это были единственныя политическія силы съ европейскимъ значеніемъ. Вотъ почему только изъ нѣдръ Австріи или Пруссіи могло возникнуть политическое возрожденіе Германіи. Чѣмъ же были Австрія и Пруссія въ ту же, разсматриваемую нами эпоху?

А. Трачевскій.

МИНЬОНА

Изъ Гёте.

Ты знаешь ли тотъ край, гдѣ рдѣетъ померанецъ,
Гдѣ золотитъ лимонъ зари живой румянецъ,
Гдѣ вѣетъ тишиной съ безоблачныхъ небесъ,
Гдѣ мирта высока́ и тихъ лавровый лѣсъ—
Ты знаешь ли тотъ край?..
Туда, мой другъ, туда
Хотѣла-бъ я съ тобой умчаться навсегда!

Ты знаешь ли чертогъ? Нависнулъ надъ столпами
Узорный потолокъ... сіяетъ залъ огнями...
Портреты мнѣ въ глаза такъ пристально глядятъ:
«Что́ сталося съ тобой, бѣдняжка?»—говорятъ.
Ты знаешь ли его?..
Туда, родной, туда
Хотѣла-бъ я съ тобой умчаться навсегда!

Ты знаешь ли скалу съ подоблачной стезёю?
Ея чело звучитъ подъ кованной пятою;
Въ разсѣлинѣ глухой гнѣздится старый змѣй;
Внизу ревётъ потокъ, гремя среди камней.
Ты знаешь ли ее?
Туда, отецъ, туда
Хотѣла-бъ я съ тобой умчаться навсегда!

Н. Гербель.

ЛЬВИНЫЙ ОСТРОВЪ

Письма съ острова Цейлона *).

III. Лѣсная страна.

Къ востоку и юго-востоку отъ центральной провинціи острова тянется на десятки миль лѣсная страна, иногда называемая стариннымъ именемъ Veddarata, т.-е. страна веддовъ. Ведды не многочисленный народецъ, посмотрѣть на который старается почти всякій попавшій на сказочный островъ, гдѣ столько различныхъ диковинъ. Но видѣть настоящіе образцы этого народа вовсе не такъ легко, и вѣроятно совершенно невозможно безъ содѣйствія мѣстныхъ властей. Въ города́ по своей волѣ ведды не заходятъ, они бродятъ и охотятся въ лѣсной глуши; коренной, первобытный ведда избѣгаетъ даже сосѣднихъ ему сингалезскихъ деревенекъ. Случается иногда, что, удовлетворяя любопытству какого-нибудь высокопоставленнаго лица, мѣстныя власти излавливаютъ нѣсколько веддовъ и приводятъ ихъ напоказъ или въ Канди, или въ Нувара-еліа. Такъ было въ пріѣздъ герцога Эдинбургскаго на Цейлонъ. Ему представили диковинныхъ стрѣлковъ въ Канди. То были, такъ сказать, казовые ведды: угрюмы на видъ, косматы, грязны; молча они продѣлаютъ нѣсколько своихъ штукъ предъ лицомъ важной особы и его свиты: постреляютъ, попляшутъ и т. д., и затѣмъ уйдутъ къ себѣ, унося Богъ знаетъ какое представленіе о бѣломъ человѣкѣ. Ведды остались народомъ дикимъ и почти первобытнымъ, по сосѣдству съ кофейными плантаціями, шоссейными дорогами и всѣми успѣхами европейской цивилиза-

---

*) См. выше: февр. 568 стр.

ціи, занесенными англо-саксонцами въ колонію. Народъ не далеко ушелъ отъ того состоянія, въ какомъ его застаетъ исторія за двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ; ведда и нынѣ такъ же напоминаетъ демона, какъ и въ тѣ отдаленныя времена, когда болѣе культурный сингалезецъ прозвалъ его Якшасомъ (Yakkho—демонъ). Несмотря на всѣ старанія мѣстнаго правительства сдѣлать изъ веддовъ народъ осѣдлый и земледѣльческій, ведды до сихъ поръ главнымъ образомъ полубродячее или совсѣмъ бродячее племя; нѣкоторымъ успѣхомъ, впрочемъ, старанія правительства увѣнчались: ничтожное меньшинство веддовъ живетъ въ деревенькахъ и кое-какъ обработываетъ свои поля; масса же народа осталась по прежнему бродячими стрѣлками; такихъ веддовъ, съ древесною корою у чреселъ, всего труднѣе увидать, они скрываются въ лѣсной глуши и избѣгаютъ людей, имъ неподобныхъ.

На Цейлонѣ ходятъ разнообразнѣйшіе толки объ этомъ народцѣ; всѣ почти согласны, что трудно и даже почти невозможно увидать настоящихъ веддовъ, совершенно нетронутыхъ быстро распространяющеюся здѣсь европейскою цивилизаціей или сношеніемъ съ болѣе культурными сингалезцами; диковинныя вещи разсказываются о языкѣ, религіи, нравахъ и обычаяхъ веддовъ. Нѣкоторые писатели утверждали, что у веддовъ нѣтъ религіи, и сомнѣвались въ существованіи языка у нихъ. Объ ихъ обычаяхъ повѣствуется много любопытнаго и много до крайности несообразнаго. Такими странными красками рисуется жизнь лѣсныхъ стрѣлковъ, что ведды легко могутъ представиться скорѣе звѣрьми, нежели людьми. Нѣтъ возможности давать вѣру всѣмъ толкамъ, и достовѣрная полная характеристика веддовъ поистинѣ должна считаться благодарною проблемою для будущаго изслѣдователя; описаніе народа: его языка, религіи, обычаевъ, составитъ въ высшей степени важный вкладъ въ этнографію. По возможности полное описаніе веддовъ было бы любопытно въ двухъ отношеніяхъ: изъ этого описанія, какъ изъ характеристики всякаго народа дикаго, можно было бы извлечь факты, неоцѣненные для разрѣшенія великой задачи, какимъ путемъ шло развитіе человѣчества, гдѣ его приблизительное начало и какія фазы оно переходило. Но описаніе веддовъ важно и въ другомъ отношеніи. Они живутъ и долго жили на небольшомъ островѣ, со всѣхъ сторонъ окруженные болѣе культурными сингалезцами, необходимо должны были быть и дѣйствительно были постоянно въ сношеніяхъ съ сосѣдями, буддистами, а потому негнушавшимися веддами и непрезиравшими ихъ. Въ продолженіи столѣтій жители острова приходили въ столкновеніе съ многими народами, сюда

являлись и завоеватели, и купцы. Исторія, литература, архитектурные остатки свидѣтельствуютъ о высокомъ культурномъ развитіи сингалезцевъ, а также, что разнообразныя столкновенія съ другими народами не прошли безслѣдно для нихъ; они отразились и въ ихъ народномъ характерѣ, и въ памятникахъ умственной жизни. А между тѣмъ ведда все такъ-же дикъ и такъ же страшенъ, какъ тѣ якшасы, о которыхъ говоритъ легенда. И, глядя на этотъ народъ, невольно задаешь себѣ вопросъ, почему онъ такъ мало измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ впервые является на страницахъ мѣстныхъ хроникъ?...

Пріѣхавъ въ Бадулла, я сталъ въ тотъ же день хлопотать объ устройствѣ поѣздки въ страну веддовъ. Рекомендательныя письма къ мѣстнымъ властямъ помогли мнѣ, и черезъ два дня я былъ на пути въ Алутъ-Нувара. Я выѣхалъ изъ Бадулла въ одноколкѣ, запряженной однимъ быкомъ; моимъ спутникомъ былъ одинъ полу-объевропѣвшій сингалезецъ, состоящій на британской службѣ. Въ нашемъ неудобномъ экипажѣ мы должны были сдѣлать около десяти миль, до Талденія. Дорога отъ Бадулла до Талденія торная и пролегаетъ по очень красивой мѣстности; она вьется внизъ, по скату холмовъ, и хотя очень ровна, но очень узка и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже двумъ одноколкамъ было бы затруднительно разъѣхаться. Но человѣкъ приложилъ свои руки къ этой мѣстности; внизу стелются кофейныя плантаціи, виднѣются домики европейцевъ; вокругъ холмовъ по отлогому склону вьется шоссе. Въ день нашего выѣзда изъ Бадулла шелъ сильный дождь; съ шумомъ каскадами стекали ручейки съ вершинъ холмовъ; въ одномъ мѣстѣ на самомъ шоссе образовалось нѣчто подобное очень бурной рѣчкѣ: не безъ затрудненій переправилась одноколка чрезъ потокъ. Бычокъ тащится далеко не борзо, и десять миль мы проѣхали въ шесть слишкомъ часовъ. Поздно вечеромъ мы добрались до *Rest-hous'a*, въ Талденія. На постояломъ дворѣ, въ такомъ глухомъ мѣстѣ, конечно нельзя было ожидать какихъ-либо удобствъ: никакой ѣды невозможно было добыть; стояли кровати, но постелей на нихъ не было. Помѣщеніе не отличалось также чистотою: бѣлые муравьи, москиты и обиліе другихъ насѣкомыхъ наполняли столовую. Здѣсь мы узнали непріятную новость: вслѣдствіе дождей, ѣхать прямою дорогою отсюда въ Алутъ-Нувара не было никакой возможности; рѣки разлились и переправляться чрезъ нихъ было невозможно; приходилось ѣхать до Бубуле и оттуда свернуть въ сторону, къ сѣверу въ Алутъ-Нувара. Перемѣна въ маршрутѣ составляла разницу на десять миль, и при этомъ при-

ходилось слѣдовать по отвратительной дорогѣ. Дождь шелъ во всю ночь. На другой день, рано утромъ, мы сѣли на коней и пустились въ путь. Сначала мы ѣхали въ гору, по лѣсной тропинкѣ; кони безпрестанно спотыкались, путь былъ каменистый; громадныя глыбы, мелкіе камни покрывали тропинку; на рѣкахъ, рѣчонкахъ не было мостовъ. Приходилось переѣзжать ихъ въ бродъ. Тащились мы шагомъ. Казалось, лѣсу не будетъ конца, и только поздно вечеромъ, однакоже до обѣда, добрались до Бубуле. Здѣсь мы переночевали и на другой день отправились въ Алутъ-Нувара. Дорога шла лѣсомъ и хотя на картѣ она обозначена какъ малая, но была несравненно лучше той, по которой мы ѣхали вчера и которая считается большою. Въ другое время года шесть миль отъ Бубуле до Алутъ-Нувара легко проѣхать часа въ полтора, мы употребили на этотъ переѣздъ четыре съ небольшимъ часа; при этомъ, въ одномъ мѣстѣ мы потеряли настоящую дорогу и сдѣлали мили двѣ лишнихъ. Наконецъ, часовъ въ десять, среди густой зелени завиднѣлась обвалившаяся вершина ступы Mahiyangaña, и мы были въ Алутъ-Нувара.

На ряду съ другими святыми мѣстами, вся мѣстность кругомъ ступы считается буддистами святою. Ежедневно благочестивый буддистъ долженъ памятовать о Mahiyangaña, мысленно обращаться къ ней и въ молитвахъ чтить ее. Исторія ступы, конечно, легендарная, начинается за пять столѣтій до Р. Х. На первыхъ страницахъ туземныхъ хроникъ упоминается о живописной и пріятной мѣстности въ центрѣ острова, гдѣ жили, во дни Будды, демоны. И дѣйствительно, деревенька, около которой въ настоящее время высится святая ступа, расположена на плоскомъ берегу рѣки Махавелли и лежитъ среди очаровательной мѣстности. По-ту сторону рѣки высятся значительные холмы; и холмы, и вся мѣстность кругомъ покрыты роскошною зеленью; кругомъ обиліе разнообразной дичи. Здѣсь, говоритъ легенда, былъ когда-то, въ отдаленныя времена, за двѣ тысячи слишкомъ лѣтъ, великолѣпный садъ, куда собирались демоны или тѣ первобытные обитатели острова, которые и въ настоящее время живутъ кругомъ Алутъ-Нувара. Вся мѣстность кругомъ удивительно живописна; густой, сплошной лѣсъ стелется на мили во всѣ стороны. Въ декабрѣ, послѣ дождей, здѣсь все цвѣло и необыкновенно сильное и очень пріятное благоуханіе наполняло воздухъ. По преданію, ступа Mahiyangaña стоитъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Будда явился и подчинилъ своей власти демоновъ. Онъ явился въ ихъ собраніи, и среди ливня, вихря и тьмы остановился въ

воздухѣ, надъ ихъ головами. Демоны, въ испугѣ, стали молить Вѣщаго о пощадѣ. «Избавлю васъ отъ страха и скорби,—сказалъ милосердый,—дайте мнѣ мѣсто, среди васъ!»—«Даруй намъ безопасность, и мы отдадимъ тебѣ весь островъ»! Разостлалъ Будда кожу, и какъ только сѣлъ на нее, края кожи воспламенились и стали распростираться во всѣ стороны. Демоны, побѣжденные зноемъ, должны были удалиться. На этомъ мѣстѣ, гдѣ можетъ быть произошло первое столкновеніе культуры и первобытности, память о чемъ сохранилась въ оригинальной и нѣсколько уродливой легендѣ, стоитъ одна изъ древнѣйшихъ, а потому самому любопытныхъ ступъ; но она такъ часто разрушалась и возобновлялась, а потому въ настоящее время въ ней можно видѣть странную смѣсь древняго и новаго. Ступа имѣетъ видъ колокола и окружена была террассою; кругомъ видны во множествѣ гранитныя плиты и четырехгранные столбы; кое-гдѣ сохранились гранитныя ступени, покрытыя очень красивою рѣзьбою. Эти ступени вели къ алтарямъ, примыкавшимъ къ ступѣ, съ четырехъ сторонъ. Ступа стояла среди квадратнаго двора, окруженнаго кирпичною стѣною. Главный входъ во дворъ былъ съ востока; съ сѣвера же примыкаетъ другой, меньшій дворъ, среди котораго стоитъ святое древо, Ficus religiosa. Предъ древомъ возвышается алтарь и кое-гдѣ правильно расположенные столбы указываютъ на то, что здѣсь была какая-то постройка, можетъ быть капелла. Внѣ ограды двора, въ недалекомъ разстояніи, находится храмъ бога Іотаи.

Здѣсь, въ Алутъ-Нувара, среди остатковъ глубокой древности, хотя и сильно подновленныхъ (ступа реставрируется въ настоящее время), я увидалъ первыхъ веддовъ. Какъ только я пріѣхалъ въ *Rest-hous* и пока наша прислуга хлопотала о завтракѣ, въ домъ явился первый образецъ веддовъ. То былъ, однакоже, цивилизовавшійся ведда; ребенкомъ былъ онъ взятъ въ сингалезскую семью, вскормленъ ею и женился на сингалезкѣ. Онъ почти забылъ въ настоящее время свой родной языкъ и какъ будто сталъ настоящимъ сингалезцемъ. Но дикій человѣкъ еще былъ видѣнъ въ немъ, хотя Пачга (такъ его звали) значительно цивилизовался: говорилъ мягкимъ голосомъ, улыбался во весь ротъ, кланялся, слагалъ руки въ знакъ почтенія. Онъ былъ малъ ростомъ, косматъ, грязенъ и чуть-чуть не совсѣмъ нагъ. Перевести нѣсколько сингалезскихъ словъ на родной языкъ онъ или не умѣлъ, или не хотѣлъ. Онъ говорилъ по-сингалезски и, казалось, зналъ только сингалезскія слова. Чрезъ нѣсколько часовъ, при помощи мѣстнаго сельскаго старшины, я увидалъ настоящихъ

веддовъ. То были, однакоже, образцы той части народа, которая приходитъ въ сношеніе съ сингалезцами, живущими въ окружныхъ деревенькахъ; самыми дикими веддами ихъ нельзя было назвать. Они были малы ростомъ, косматы, угрюмы на видъ; говорили крикливымъ, очень громкимъ голосомъ. Пониже живота спускалась небольшая тряпочка, а не кусокъ древесной коры. Замѣна коры тряпочкою знаменовала прогрессъ, и въ этомъ состояло все ихъ одѣяніе. Въ рукахъ они держали топоры, луки и стрѣлы; желѣзныя оконечности стрѣлъ—работа сингалезская, и пріобрѣтаются веддами въ обмѣнъ на добычу охоты и дикій мёдъ. Въ языкѣ этихъ веддовъ (насколько я могъ убѣдиться изъ записаннаго мною словарика), множество чисто сингалезскихъ словъ для самыхъ первоначальныхъ понятій; такъ: рука, нога, волосы, пальцы, ногти называются сингалезскими словами. Для ногтя эти ведды употребляютъ весьма любопытное сингалезское слово: kâtu, отъ санскритскаго корня рѣзать: katu, острый. Слово «ноготь», этимологически значущее не болѣе какъ рѣзакъ, остатокъ глубокой древности и, конечно, бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на то состояніе, въ которомъ находился человѣкъ, когда онъ впервые назвалъ ноготь «рѣзакомъ». Тогда, конечно, у него не было ни топора, ни желѣзной оконечности стрѣлъ. Для многихъ животныхъ они имѣютъ сингалезскія слова, для другихъ названія сходныя съ палійскими. Такъ, «рыбу» они называли словомъ «*macchi*» (на палійс. maccha, по скр. matsya), а курицу «*chapi*» (на палійс. chapa значитъ птенецъ). Многихъ звѣрей они называли совершенно оригинальными именами, и для слона и лошади имѣютъ одно и то же названіе. «Сколько у тебя пальцевъ на рукѣ?» спросили старѣйшаго изъ веддовъ. «Tunai!»—три! (сингалезское слово) отвѣчалъ онъ не задумавшись, хотя и не былъ безпалымъ. Другой бойко пересчиталъ сингалезскими числительными пять пальцевъ на одной рукѣ, на второй сбился и упорно называлъ девятый палецъ десятымъ, а десятый девятымъ. Прощаясь съ ними, я далъ имъ нѣсколько мелочи. Пересчитать монеты никто изъ нихъ не могъ. И на вопросъ: «сколько?», каждый отвѣчалъ: «kati-ak», много, а монетъ было всего четыре. Насколько возможно было убѣдиться изъ разспросовъ, чрезъ переводчика, у веддовъ есть опредѣленныя религіозныя представленія. Они имѣютъ и названія боговъ, и съ нѣкоторыми цвѣтами соединяютъ религіозныя представленія. Такъ они говорили, что цвѣтокъ Dematu-mal особенно любимъ ихъ богами. Въ заключеніе нашего перваго свиданія ведды плясали. Подъ звуки заунывной однообразной пѣсни, ставъ въ кружокъ, они толклись

на одномъ мѣстѣ. Лица оставались по прежнему суровы и неподвижны. Они пѣли: «плету цвѣточки Dematu-mal, плету цвѣточки Kadiran-val, разставляйте навѣсъ», и т. д. Мало по-малу темпъ пѣсни ускорялся, ведды какъ будто оживлялись и даже начинали приходить въ какой-то дикій экстазъ: они потрясали головами и, кружась, высоко поднимали то ту, то другую ногу. За пляской слѣдовала стрѣльба изъ лука. Особеннаго искусства ни въ томъ, ни въ другомъ я не замѣтилъ. Когда ведду что-либо не нравится, онъ произноситъ: «me! me!» Такъ, при видѣ своего изображенія въ зеркалѣ онъ произноситъ тотъ же звукъ. Опытъ съ зеркаломъ повторялся нѣсколько разъ, многими лицами, и всегда получался тотъ же результатъ: посмотритъ на себя ведда и тотчасъ же отвернется, произнося: «me! me!».

Изъ Алутъ-Нувара я долженъ былъ ѣхать въ Бубуле, гдѣ мнѣ обѣщали показать другихъ веддовъ. Дорога отсюда до Бубуле пролегаетъ также по лѣсу. Мѣстность во всю дорогу, какъ и во всемъ центрѣ острова, необыкновенно живописна. Мы выѣхали въ свѣтлый день и во всю дорогу ѣхали въ тѣни, подъ густымъ сводомъ деревъ. Лѣсъ, послѣ ночного дождя наканунѣ, сильно благоухалъ. Чѣмъ ближе мы были къ Бубуле, тѣмъ чаще попадались сингалезскія деревеньки. На половинѣ дороги мы сдѣлали привалъ у одного *ambalam* (постоялый дворъ, родъ павильона для пѣшеходовъ), вблизи котораго находится источникъ необыкновенно чистой и холодной воды.

Совершенно почти стемнѣло, когда мы достигли мѣстечка Бубуле. По дорогѣ стояла толпа народу, и нашъ караванъ двигался медленно, среди праздно зѣвавшаго народа. Нашихъ лошадей вели подъ узцы, и по четыре человѣка несли два кресла, на длинныхъ палкахъ. Утомленные долгимъ переѣздомъ, мы шли пѣшкомъ. Передъ Rest-hous'омъ была воздвигнута арка, въ изобиліи увѣшанная зеленью, и сдѣлана была аллея также зелени. Въ домѣ комнаты были увѣшаны нѣсколько грязноватыми, но бѣлыми тканями, словомъ, мѣстный старшина постарался сдѣлать намъ пріемъ любезный и торжественный. Неудобный Rest-hous былъ превращенъ его стараніями въ очень приличный и уютный домикъ; на полахъ были разостланы цыновки; незабыты были и спальни: на кроватяхъ были и мягкія постели, и сѣтки отъ москитовъ. Въ столовой горѣла свѣча, правда, единственная въ цѣломъ домѣ, но за то въ серебряномъ подсвѣчникѣ. Но вмѣстѣ со всѣми этими удобствами, меня ждало здѣсь горькое разочарованіе: старшина сообщилъ мнѣ, что за разливомъ рѣкъ увидать веддовъ очень трудно, они ушли въ глубь страны и приходъ ихъ

въ Бубуле или мѣста окрестныя болѣе нежели сомнителенъ. На другой день, однакоже, часовъ въ двѣнадцать онъ досталъ откуда-то человѣкъ шесть дикарей. То были дѣйствительно ведды, хотя сначала я сомнѣвался въ томъ; то были наименѣе любопытные образцы народа. Они пришли въ Rest-hous подъ предводительствомъ сингалезца. Трое изъ нихъ были небольшого роста и такъ же раздѣты, какъ и тѣ, которыхъ я видѣлъ въ Алутъ-Нувара; но у одного въ ушахъ были мѣдныя серьги и у всѣхъ мѣшочки съ бетелемъ. Трое другихъ были повыше ростомъ; у одного изъ этихъ послѣднихъ волосы были заплетены въ пучокъ; онъ бойко взошелъ, улыбаясь, и тѣмъ сразу изобличилъ свою цивилизованность; дикій ведда, говорятъ, никогда не улыбается и не смѣется. Улыбавшійся ведда не имѣлъ лука и стрѣлъ, онъ былъ вооруженъ однимъ топоромъ, который держалъ на плечѣ. Говорили эти ведды скороговоркою, но голосомъ тихимъ и даже глухимъ. На видъ они были такъ же грязны и косматы, какъ и въ Алутъ-Нувара. У тѣхъ и другихъ были усы и бороды, тѣло было покрыто волосами, но далеко не въ обиліи. У самыхъ дикихъ веддовъ, тѣхъ, которыхъ называютъ «Gabvedda», т.-е. веддами пещеръ, тѣло густо покрыто волосами. Такъ мнѣ сообщилъ, попавшійся мнѣ по дорогѣ въ Бубуле, одинъ мавръ-торгашъ. Мавръ этотъ много бродилъ по лѣсамъ и постоянно вступалъ въ сношенія съ веддами, какъ съ живущими въ пещерахъ, такъ и съ тѣми, которые строятъ хижины. Они строятъ эти хижины или изъ древесной коры всякаго рода, или плетутъ ихъ изъ растенія varang и прикрываютъ травою mona или iluk. Слова, слышанныя мною въ Бубуле, изъ устъ веддовъ, были или чисто сингалезскія, или близко сродныя съ сингалезскими, но считать и эти не умѣли. Нѣкоторые изъ нихъ знали названія сингалезскихъ числительныхъ, но, повидимому, не соединяли опредѣленныхъ представленій съ произносимымъ звукомъ. Другіе на всѣ вопросы: «сколько?» упорно отмалчивались, хотя охотно отвѣчали на иные вопросы. У одного спросили, какъ на его языкѣ туча; онъ сказалъ нѣсколько синонимовъ, и всѣ были сингалезскаго происхожденія; огонь онъ называлъ сингалезскимъ словомъ и таковыми же словами выражалъ понятіе «варить»; хижину они называли словамъ kuduai, что по-сингалезски значитъ и «клѣтка», и «гнѣздо». Слово «Богъ» не умѣли перевести, и называли kiri-amma (бабка— по-сингалезски), великая вѣдьма, и kiri-appai (дѣдъ—по-сингалезски), великій демонъ. Они вѣрятъ, что родители, отецъ и мать по смерти дѣлаются демонами, якшасами. То же повѣрье я слышалъ въ Алутъ-Нувара. Трудно рѣшить, насколько это по-

вѣрье оригинально у веддовъ, и не занесено ли оно къ нимъ изъ буддійскихъ книгъ сингалезцами. Такое же точно повѣрье извѣстно въ одной буддійской канонической книгѣ. Плясали эти ведды совершенно такъ же, какъ ведды въ Алутъ-Нувара; сперва медленно и какъ-бы нехотя, затѣмъ все быстрѣе и быстрѣе, кружась на одномъ мѣстѣ, подъ ускоренный темпъ заунывной пѣсни. Пѣли они здѣсь другую пѣсню; въ ней было множество припѣвовъ, смыслъ которыхъ ведды не умѣли объяснить. Ведда съ пучкомъ, умѣвшій улыбаться, говорилъ, что это очень старая пѣсня; ихъ отцы пѣвали ее передъ кандійскими царями. Я отпустилъ ихъ, давъ имъ по шиллингу на человѣка; дикари попросили рису. Я прибавилъ еще шиллингъ, и приказалъ сторожу постоялаго двора дать имъ рису. Они ушли, но скоро вернулись съ просьбою дать имъ горшокъ. Эти мелочи рисуютъ, насколько ведды, видѣнные мною въ Бубуле, тронуты цивилизаціей чрезъ сношенія съ болѣе культурными сингалезцами. Коренные ведды, даже тѣ, которыхъ я видѣлъ въ Алутъ-Нувара, къ серебру относятся равнодушно и приняли отъ меня деньги даже нехотя, ибо не знали, что́ съ ними дѣлать. Они вообще не жадны, никогда не крадутъ, но въ то же время далеко не такой безобидный народъ, какими они иногда рисуются. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Биктенѣ, т.-е. около Алутъ-Нувара, произошло слѣдующее: въ одну изъ деревушекъ веддовъ зашелъ охотникъ, сингалезецъ; утомленный ли долгимъ путемъ, или вслѣдствіе другихъ причинъ, ему пришла несчастная мысль прилечь въ тѣни, у одной изъ хижинъ. Хозяина хижины не было дома; но въ хижинѣ спала его жена, и это обстоятельство было поводомъ трагической развязки. Вернувшійся домой хозяинъ убилъ непрошеннаго гостя; онъ убилъ его, какъ самъ показалъ на судѣ, внезапно: увидавъ странника у своей хижины, онъ быстро подошелъ къ невинно спавшему и однимъ взмахомъ топора лишилъ его жизни. Мертвое тѣло онъ бросилъ въ лѣсъ. Мать убитаго хватилась сына очень скоро; по горячимъ слѣдамъ трупъ отыскали въ короткое время. При убитомъ нашлось нетронутымъ все его достояніе, въ томъ числѣ нѣкоторая сумма денегъ. Убійца не тронулъ ничего и добровольно, безъ всякихъ запирательствъ, сознался въ своемъ поступкѣ. Мотивовъ своего поступка онъ не съумѣлъ на судѣ объяснить съ ясностью; было, однакоже, очевидно, что имъ руководила ревность, какъ будто нѣкоторое сознаніе, что его домашній кровъ оскверненъ. Присяжные оправдали его.

Бракъ существуетъ у веддовъ; нѣкоторые писатели утверж-

даютъ даже, что онъ сопровождается особыми обрядами; на мѣстѣ мнѣ этого не подтвердили, но этому не слѣдуетъ придавать особаго значенія, такъ какъ современные сингалезцы относятся къ веддамъ свысока и безпрестанно повторяютъ фразу: они подобны звѣрямъ. Тѣ же сингалезцы говорили мнѣ, что ведды женятся на младшихъ сестрахъ. Старшую сестру почитаютъ наравнѣ съ матерью. Случается, что отецъ женится на дочери. Многоженство между ними неизвѣстно. Я старался добиться отъ веддовъ названія различныхъ степеней родства, и успѣлъ записать названія: отца, матери, сына, дочери, брата, сестры, жены. Тетку они называютъ однимъ именемъ съ матерью; и для дяди я не могъ добиться перевода, такъ точно, какъ для дальнѣйшихъ степеней родства. Но, можетъ быть, это слѣдуетъ объяснять неумѣніемъ моего переводчика ставить вопросы и его плохимъ знаніемъ говора народа. Въ Бубуле одинъ изъ веддовъ, тотъ самый, который улыбался и завязывалъ волосы въ пучокъ, говорилъ сравнительно бойко по-сингалезски, но тамъ и онъ, и другіе говорили мнѣ все сингалезскія слова. Ведды преимущественно охотники, и потому главнымъ образомъ питаются мясною пищею; ѣдятъ они также сѣмя kukurañg и охотно лакомятся мясомъ обезьянъ и слоновъ. Къ земледѣлію они не склонны, несмотря на всѣ усилія правительства пріучить ихъ къ тому. По прежнему ведда, главнымъ образомъ, бродячій стрѣлокъ. Добываютъ они также дикій медъ и ведутъ имъ мѣновую торговлю, главнымъ образомъ, чрезъ посредство мавровъ, которые весьма часто попадаются въ этихъ лѣсныхъ мѣстахъ.

Собранные мною матеріалы не вполнѣ достаточны для совершенно точнаго опредѣленія отношенія языка веддовъ къ языку сингалезскому. Несомнѣнно однакожъ, что ихъ языкъ принадлежитъ къ числу индо-европейскихъ. Самое названіе этого народа: «ведда» (вѣроятно, данное ему сосѣдями)—индо-европейскаго происхожденія; оно объясняется изъ сингалезскаго слова «bedi» лѣсъ (лѣсъ ведды называли въ Алутъ-Нувара словомъ veddai), которое въ свою очередь можно сблизить съ палійскимъ veddha (скр. vyaddha)—охотникъ, отъ корня vyadh—бить; лѣсъ понимался народомъ дикимъ, какъ мѣсто охоты, гдѣ онъ билъ звѣря и добывалъ себѣ пропитаніе. Первоначальное этнологическое значеніе мало по-малу затемнилось, лѣсъ пересталъ считаться единственно какъ поприще для охоты, но старое слово, какъ прозвище народа, удержалось и въ смыслѣ «народа стрѣлковъ» и «народа лѣсного, лѣсовиковъ».

IV. Цейлонскія древности.

На Цейлонѣ обиліе археологическихъ памятниковъ и древнихъ надписей. Списаны и изданы очень немногія надписи; обнародовано ихъ такъ мало, что ученый міръ до сихъ поръ находится въ нѣкоторомъ невѣдѣніи о томъ, какая богатая жатва ожидаетъ археолога на островѣ. Въ нынѣшнемъ году мѣстное управленіе опредѣлило израсходовать особую значительную сумму на археологическія розысканія. Благодаря этому просвѣщенному предпріятію, можно надѣяться, что года черезъ два будутъ обнародованы и доступны всѣмъ интересующимся предметомъ фотографіи описаній архитектурныхъ памятниковъ, и также точныя факсимиле надписей. Цейлонскія надписи могутъ быть раздѣлены на три группы: 1) сингалезскія, новѣйшія по времени, но очень важныя для разъясненія нѣкоторыхъ вопросовъ, касательно мѣстной исторіи, и для провѣрки мѣстныхъ хроникъ; 2) написанныя древнею азбукою, вторымъ видоизмѣненіемъ древней индійской азбуки, на языкѣ неизвѣстномъ, такова, напр., прекрасно сохранившаяся надпись на камнѣ, врытомъ передъ золотою ступою, въ Анурадапурѣ; третій родъ подписей писанъ наидревнѣйшею азбукою на языкѣ, который мы можемъ назвать съ нѣкоторою смѣлостью цейлонскимъ или сингалезскимъ Пôло. Особенно много надписей находится въ СЗ провинціи, около Курунегала, въ сѣверной провинціи, около Анурадапуры и Михиптале. Курунегала, городъ, бывшій цейлонскою столицею въ сравнительно позднее время, изобилуетъ остатками древностей. Почти въ каждомъ монастырѣ, въ каждомъ храмѣ найдется что-либо любопытное. Остатки древностей, мало цѣнимыя англичанами и совершенно непонимаемыя туземцами, гибнутъ здѣсь, и многое, конечно, уже безвозвратно погибло. Погибли для науки многіе памятники архитектуры и зодчества, уничтоженные рукою времени или невѣжественными руками монаховъ, поправляющихъ или исправляющихъ старое. Но Курунегала, Япаху и многія другія мѣста въ СЗ провинціи не могутъ дать настоящаго понятія о степени развитія и о культурѣ древнихъ сингалезцевъ; для того, чтобы составить себѣ вѣрное понятіе объ этомъ, нужно ѣхать на сѣверъ, въ Анурадапуру.

Въ продолженіи двѣнадцати столѣтій городъ Анурода былъ столицею острова. Уже въ V вѣкѣ до Р. Х. онъ былъ резиденціею царя (Анурода), именемъ котораго и сталъ называться: городъ Анурода или Анурадапура. Имя города было извѣстно на западѣ, и Птолемей упоминаетъ о немъ; до насъ дошло въ

высшей степени любопытное описаніе города, сдѣланное очевидцемъ. Въ V вѣкѣ по Р. Х. на Цейлонъ зашелъ благочестивый китайскій странникъ (буддистъ) Фо-сянъ. Фо-сянъ побывалъ передъ тѣмъ въ Индіи, гдѣ онъ видѣлъ большіе города, грандіозныя постройки, и за всѣмъ тѣмъ цейлонская столица могла поразить его своимъ блескомъ и, какъ будто удивляясь роскоши ея построекъ, ея многолюдству, простодушный буддистъ нарисовалъ намъ очень живую картину Ануродапуры. Онъ упоминаетъ о прекрасныхъ улицахъ города; онѣ были широки, ровны; высокіе домы, великолѣпно изукрашенные снаружи, стояли по обѣимъ сторонамъ улицъ. Четыре главныхъ улицы были извѣстны ему; по другимъ источникамъ эти улицы носили названія: Царской, Лунной, Песочной и Рѣчной. Онѣ перекрещивались обыкновенно подъ прямымъ угломъ; въ Лунной улицѣ было одиннадцать тысячъ домовъ, изъ которыхъ многіе были двухъ-этажные; четыре главныя улицы были усыпаны бѣлымъ пескомъ посрединѣ и чернымъ по обоимъ бокамъ. Во многихъ мѣстахъ стояли арки, увитыя цвѣтами и флагами; статуи съ лампами, вазы съ цвѣтами. Въ концѣ четырехъ главныхъ улицъ стояли зданія для проповѣди. Здѣсь, три раза въ мѣсяцъ, воздвигалась каѳедра и произносилась проповѣдь къ народу. Въ опредѣленные дни года по главнымъ улицамъ совершались религіозныя процессіи, съ мощами Будды. По улицамъ развѣшивались картины, разставлялись статуи; улица превращалась такъ сказать въ музей, гдѣ все повѣствовало о жизни и дѣятельности Будды. За нѣсколько дней передъ тѣмъ по городу проѣзжалъ человѣкъ на слонѣ, и съ этой живой каѳедры онъ разсказывалъ народу, когда и гдѣ жилъ Будда, въ чемъ состояло его ученіе и т. д. Во всякое время, по улицамъ было сильное движеніе и размѣры города были чудовищны: шестнадцать миль въ длину и столько же въ ширину. Такова была столица въ дни своего великолѣпія; но столько разъ малабарскія полчища разрушали цейлонскую столицу, такъ часто она была сценою междоусобицъ, а потому нисколько неудивительно, что относительно такъ мало осталось отъ этого блеска. Въ настоящее время въ Анурадапурѣ считается семьсотъ человѣкъ жителей, и всѣ развалины принадлежатъ бывшимъ предмѣстьямъ города. Всѣ ступы, дворцы, храмы, развалины которыхъ сохранились на удивленіе потомству, стояли внѣ стѣнъ города; стѣны города и самый городъ, по туземнымъ описаніямъ, былъ къ сѣверу. По Фо-сяну, отъ того мѣста, гдѣ теперь стоятъ Rest-hous, святое древо, развалины мѣднаго дворца и гдѣ нѣкогда былъ также великій монастырь, съ тремя тысячами монаховъ, до города считалось три съ половиною версты. Всюду, гдѣ теперь разстилается мелкая лѣсная поросль, гдѣ дичь

и глушь, брешутъ и скачутъ обезьяны, и по ночамъ воетъ шакалъ, всюду здѣсь когда-то среди разнообразной тропической растительности, среди блеска и роскоши жилъ многолюдный, богатый городъ. Въ этой лѣсной чащѣ, куда теперь съ трудомъ можно пробраться, стояли дворцы, окруженные бассейнами, прудами, садами; блестѣли позлащенныя верхушки ступъ, раздавалось согласное пѣніе и стройные звуки тамъ-тамовъ, въ честь безусловно-почившаго великаго учителя. Городъ былъ попреимуществу буддійской метрополіей; его обстроивали и украшали цари, благочестивые буддисты. Я не могу въ настоящее время дать полнаго описанія города; ограничусь бѣглымъ очеркомъ видѣннаго мною.

Я пріѣхалъ въ Анурадапуру поздно ночью. Ночь была темная и я, конечно, ничего не могъ видѣть. На другой день, на разсвѣтѣ, я вышелъ на террассу *Rest-hous'a*, и первые лучи восходившаго солнца освѣтили передо мною картину мертваго города. Кругомъ не было ни души, и все имѣло видъ отжившаго, запущеннаго; кое-гдѣ вдали виднѣлись полу-европейскіе домики и хижины туземцевъ. Развалины передъ моими глазами не поражали величіемъ: тысячи четырехгранныхъ столбовъ (мѣдный дворецъ), полуобвалившіяся ворота, ведущія во дворъ, гдѣ стоитъ Ficus religiosa, святое древо, фундаменты какихъ-то построекъ, гранитныя крыльца, столбы съ роскошною рѣзьбою, вотъ и все, что́ прямо бросается въ глаза. Но когда, затѣмъ, побродишь по теперешнему городу, всмотришься въ попадающіеся на каждомъ шагу остатки древности, громадныя гранитныя плиты, колонны, карнизы, увидишь громадныя ступы, окруженныя дворами, одинакихъ размѣровъ съ прежней Исакіевской площадью, прочтешь здѣсь на мѣстѣ туземныя хроники и убѣдишься, что многое изъ далекаго прошлаго еще помнится народомъ; тогда и мертвое предстанетъ въ другомъ свѣтѣ, прошлое какъ будто станетъ яснѣе, историческая жизнь даровитаго племени и блестящее прошедшее нынѣ одряхлѣвшей и полуотжившей религіи получатъ совершенно иной смыслъ. Нельзя не удивляться, что такъ много изъ прошлаго помнится народомъ здѣсь на мѣстѣ, и въ массѣ всюду безпорядочно разбросаннаго гранита народъ указываетъ на многія историческія мѣста. Такъ, къ сѣверу отъ Rest-hous'a высится громадная ступа, по старой привычкѣ называемая «золотой», хотя давно уже въ ней нѣтъ ничего золотого. У восточныхъ воротъ двора указываютъ на то мѣсто, гдѣ за двѣ тысячи лѣтъ слишкомъ до нашего времени нѣкій царь Гамина, умирая, прощался съ міромъ и каялся въ грѣхахъ передъ лицомъ собравшагося народа. Въ этомъ случаѣ мѣстное преданіе несогласно съ хрониками, которыя говорятъ, что царь Гамина передъ самою смертью

приказалъ принести себя къ южнымъ воротамъ, и здѣсь онъ произнесъ свою прощальную рѣчь къ народу. Бурно протекла его жизнь въ удачной борьбѣ съ малабарцами завоевателями; побѣдивъ и изгнавъ чужеземцевъ, онъ построилъ множество храмовъ, ступъ и подъ конецъ жизни пріобрѣлъ славу благочестиваго царя. Незадолго до своей смерти, почувствовавъ упадокъ силъ и свой близкій конецъ, царь приказалъ принести себя къ южнымъ воротамъ двора ступы. Отсюда онъ могъ видѣть все сдѣланное имъ въ послѣдніе годы: къ югу виднѣлось святое дерево съ монастыремъ и окружными дворцами; къ востоку и сѣверу массивныя ступы. Вокругъ царскаго ложа собрался народъ, почитавшій его избавителемъ отъ чужеземнаго нашествія. Пришли также монахи. Среди этой обстановки нелегко было царю прощаться съ жизнью. «Въ старые годы,—говорилъ онъ,—воевалъ я съ десятью воинами, а теперь одинъ-на-одинъ вступаю въ борьбу съ врагомъ—смертью, и не могу побѣдить врага». Монахи выступили тогда съ религіознымъ утѣшеніемъ: существованіе, увѣряли они, не прекращалось со смертью; добрыя дѣла награждаются; царя ждало полное перерожденіе, можетъ быть еще болѣе блестящее, бытія. Подъ обаяніемъ этихъ увѣреній, царь началъ свою исповѣдь. Передъ лицомъ народа, онъ разсказалъ всю свою жизнь.

Нельзя считать за вполнѣ достовѣрную исторію всего, что́ разсказывается здѣсь на мѣстѣ о развалинахъ, или что́ повѣствуется въ хроникахъ о нихъ. Это исторія, превращенная въ поэтическую легенду; но много несомнѣнно прелести въ томъ, что почти съ каждою развалиною соединенъ образчикъ народнаго творчества. Къ югу отъ Rest-house'a, въ полутора миляхъ, въ сторонѣ отъ большой курунегальской дороги, указываютъ на развалины царскаго дворца; нѣсколько совершенно сродныхъ построекъ сосредоточены въ одномъ мѣстѣ, въ близкомъ разстояніи одна отъ другой; постройки эти напоминаютъ просторные павильоны; громадными гранитными плитами былъ вымощенъ полъ; нѣсколько прекрасно выточенныхъ изъ гранита ступеней ведутъ во внутренній покой; на перилахъ, колоннахъ, карнизахъ рѣзьба очень тонкая и въ изобиліи; всюду, кругомъ, виднѣются тонкія очертанія цвѣтовъ, коней, слоновъ, фламинговъ, и т. д. Въ сторонѣ, у каждаго павильона, былъ искусственный прудъ; до сихъ поръ цѣлы ступени, ведшія къ поверхности воды. По преданію, царь Гамина выстроилъ у каждыхъ воротъ города по дворцу для своего любимаго сына, Сали. Принцъ Сали, такъ же, какъ и его отецъ, одинъ изъ популярнѣйшихъ героевъ цейлонскаго древняго эпоса. Съ однимъ изъ его дворцовъ соединена такая легенда: однажды, на охотѣ, царевичъ встрѣтилъ дѣвушку низшей касты. Она явилась ему среди

самой поэтической обстановки, въ чащѣ деревъ, среди цвѣтовъ. Пораженный ея красотою, Сали остановился, недоумѣвая о томъ, кто это, видѣніе или живое существо? Звучными стихами воспѣлъ какой-то неизвѣстный поэтъ эту встрѣчу; царевичъ говоритъ: богиня ты? или смертная? Откуда ты явилась? и кто ты? И затѣмъ потокомъ полились восточныя метафоры, описывающія ея красоту. Дѣвушка, однакоже, знала, что видитъ передъ собою царевича, и въ отвѣтъ на его восторженную рѣчь скромно объявила, что она принадлежитъ къ кастѣ чандаловъ, къ одной изъ самыхъ низшихъ кастъ, которой въ городѣ былъ отведенъ отдѣльный кварталъ для жизни. Но обаяніе ея красоты было такъ сильно, что, несмотря на это признаніе, царевичъ тутъ же рѣшился жениться на ней. «Не покинетъ человѣкъ,—говоритъ онъ,—дорогого перла, хотя бы и найденнаго въ грязи! Прекрасную дѣву, съ рѣчью пріятною, бери даже изъ низшей семьи!» Но не такъ смотрѣлъ на это царь и весь городъ съ нимъ. Какъ только вѣсть о похожденіи царевича пронеслась по городу и дошла до царя, произошелъ скандалъ. Ни увѣщанія, ни угрозы, ничто не помогло, царевичъ настоялъ на своемъ, женился на дочери чандала. Долго и счастливо жилъ онъ съ нею, владѣя дворцами и творя добрыя дѣла.

Во многихъ мѣстахъ въ Анурадапурѣ помнятся легенды. Нужно замѣтить однакоже, что въ настоящее время на сѣверѣ острова населеніе смѣшанное; рядомъ съ сингалезцами живутъ малабарцы, для которыхъ цейлонская почва неродная и которымъ сингалезская исторія совершенно чужда. О многихъ древнихъ постройкахъ или болѣе новыхъ народъ непомнитъ ничего, кромѣ историческаго имени. Такъ, пройдя нѣсколько болѣе мили по дорогѣ въ Курунегала и свернувъ налѣво, подходишь къ гранитнымъ скаламъ. Три громадныя скалы стоятъ рядомъ, четвертая нѣсколько выступя. Подъ каждою скалою, съ востока и запада находятся естественныя пещеры; скалы представляютъ нѣкоторый навѣсъ, подъ которымъ легко укрыться отъ дождя. Но естественныя пещеры вѣроятно были обращены въ искусственныя постройки; уже въ III вѣкѣ до Р. Х. это мѣсто (Vesiya-giri) упоминается въ числѣ обстроенныхъ. Теперь Vesiya-giri—глухое мѣсто; кругомъ тянется мелкій лѣсъ. Дичь страшная, и подъ вечеръ здѣсь раздается неумолкаемый лай обезьянъ. Съ востока былъ главный ходъ, ибо тутъ видны, на землѣ, изъ гранита высѣченныя притолки двери, ступени, нѣсколько колоннъ и пр. Все это просто, безъ всякихъ рѣзныхъ украшеній, тогда какъ въ теперешнемъ городѣ, Анурадапурѣ, на всѣхъ остаткахъ зданія видны украшенія въ изобиліи. Здѣсь около семи надписей, онѣ сохранили намъ имена

строителей гротовъ. Естественный гротъ или былъ обращенъ въ домъ посредствомъ наружной кирпичной стѣны, нынѣ погибшей, или же, что еще болѣе вѣроятно, гротъ не имѣлъ четвертой стѣны, и представлялъ нѣчто подобное тѣмъ мѣстнымъ аудиторіямъ, которыя до сихъ поръ существуютъ въ Бенгаліи, въ Надія. Скромная келейка, съ тремя стѣнами и крышею, укрывала монаха отъ дождя и вѣтра. Здѣсь онъ могъ предаваться изученію писанія или созерцанію. Не только въ этомъ мѣстѣ, но и въ бо̀льшей части случаевъ, изъ гротовъ открывается широкій видъ на окрестности кругомъ; а на Цейлонѣ, всюду міръ божій прекрасенъ. У монаховъ, какъ будто, въ сильной степени было развито чувство красоты природы. Они выбирали для своихъ монастырей мѣста уединенныя, на горахъ, устроивали кельи подъ навѣсомъ скалъ; отсюда, въ тиши, предъ ними раскрывались во всей роскоши картины тропической природы. Укрытые отъ полуденнаго зноя въ прохладной внутренности пещеры, они могли видѣть на мили кругомъ во всѣ стороны разнообразные пейзажи, одинъ прекраснѣе другого. Удивительно, что среди такой обстановки на Цейлонѣ не развилась описательная поэзія. Образцы здѣшней описательной поэзіи или не оригинальны, слабыя подражанія санскритскимъ произведеніямъ, или полны риторическихъ, условныхъ, утомительныхъ и совершенно ложныхъ выраженій.

Иногда на пещерахъ сохранились имена ихъ владѣтелей монаховъ. Въ восьми миляхъ отъ Анурадапуры, къ востоку, находится замѣчательное мѣстечко Михинтале. Небольшая деревенька, населенная преимущественно малабарцами, полна остатками буддійскихъ древностей. Множество надписей разсѣяно по горнымъ пещерамъ; доступъ къ этимъ надписямъ далеко не легокъ; приходится часто взбираться по совершенно отвѣсной скалѣ, цѣпляясь за сучья и вѣтви. Самое примѣчательное мѣсто здѣсь то, которое носитъ названіе Амбустела. На вершину горы, гдѣ стоитъ ступа, ведутъ сотни и сотни ступеней; они были высѣчены изъ гранита и никогда не были скрѣплены цементомъ; время и дожди совершенно расшатали ихъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ гора представляется какъ бы вымощенною гранитными плитами. Такова особенно часть между первою и срединною террассою, откуда налѣво узенькая тропинка, на краю обрыва, ведетъ къ гротамъ. Первая пещера принадлежала какому-то срамопу (подвижнику) Тиссѣ. Рядомъ еще двѣ пещеры, на которыхъ также сохранились надписи. Рядъ широкихъ ступеней ведетъ со второй террассы на третью; отсюда, своротивъ налѣво и пройдя десятка два шаговъ, достигаешь мелкихъ ступеней, ведущихъ на террассу, гдѣ

стоитъ ступа Ambatthala. Направо отъ входа, по покатой скалѣ, вырѣзана громадная надпись, весьма любопытная въ палеографическомъ отношеніи. Во дворѣ, гдѣ стоитъ вышеупомянутая ступа, рядъ мелкихъ ступеней, высѣченныхъ въ самой горѣ, ведетъ на вершину, къ ступѣ Mahaboya. Отсюда открывается одинъ изъ прекраснѣйшихъ видовъ на всемъ пространствѣ: къ западу виднѣется Ануродапура, озеро Тупавева и цѣлое море зелени во всѣ стороны. Къ востоку, съ той террассы, гдѣ стоитъ ступа Ambatthala, узенькая лѣсенка внизу и затѣмъ тропинка на краю обрыва ведутъ къ нѣсколькимъ пещерамъ, на которыхъ сохранились надписи. Всѣ эти пещеры были жилищами монаховъ. Или сами монахи выбирали такое мѣстопребываніе и вырѣзывали на скалѣ свои имена, напр., въ Михипталѣ, на одномъ гротѣ читается: «сей гротъ принадлежитъ подвижнику Тиссѣ»,—или какой-нибудь благочестивый мірянинъ воздвигалъ наружную стѣну въ пещерѣ, образованной естественнымъ наклономъ скалы и писалъ въ стилѣ своего свящ. писанія, употребляя тѣ же выраженія «селянинъ Абойа, сынъ селянина Тиссы, сына Вала, даруетъ этотъ гротъ общинѣ духовныхъ, настоящаго времени и будущаго, всѣхъ четырехъ странъ». Современные монахи не умѣютъ читать этихъ надписей, и народъ забылъ назначеніе этихъ пещеръ; его фантазія населяетъ ихъ демонами; въ одной изъ пещеръ, въ Михипталѣ, на вершинѣ горы Rajagiri, я видѣлъ грубо сложенный изъ кирпичей алтарь; на картинахъ была копоть и кругомъ лежала скорлупа кокосовъ; весьма вѣроятно, что здѣсь дѣлалось приношеніе демонамъ, якшасамъ.

Кромѣ пещеръ-жилищъ, на островѣ Цейлонѣ сохранились еще пещеры, которыя обращены въ храмы, такъ, напримѣръ, въ Поллапаруа, въ Дамбулѣ, въ Дунумалекандѣ. Надписи встрѣчаются на храмахъ, и также иногда бываютъ вырѣзаны на гранитѣ, на берегу искусственныхъ озеръ, напримѣръ, въ Парамакандѣ (въ сѣверо-западной провинціи, по дорогѣ изъ Курунегала въ Путламъ), на гранитномъ берегу озера, громадными буквами вырѣзана вполнѣ сохранившаяся, очень древняя надпись. Древнія надписи на Цейлонѣ очень кратки, но въ то же время онѣ представляютъ для спеціалиста двоякій интересъ: со стороны языка, такъ какъ въ нихъ встрѣчаются грамматическія формы, неизвѣстныя въ литературныхъ памятникахъ, и со стороны палеографіи. Хотя онѣ писаны древне-индійскою азбукою, но нѣсколько начертаній буквъ совершенно мѣстнаго происхожденія и не встрѣчаются въ нынѣ извѣстныхъ древне-индійскихъ надписяхъ.

И. Минаевъ

ВОЛЬНЫЙ ГОРОДЪ КРАКОВЪ

1815—1846.

Окончаніе.

XVI *).

Сліяніе различныхъ отдѣловъ и комитетовъ польской эмиграціи во Франціи.— Центральный комитетъ и партія подготовительныхъ дѣйствій для возстанія въ Галиціи и Познани.—Дѣятельность Мѣрославскаго въ Познани и неудачи его.—Напряженное положеніе дѣлъ въ Галиціи.—Взаимныя отношенія сельскаго населенія и шляхты въ этомъ краѣ.—Адрессъ Галицкаго сейма къ императору Фердинанду I, отъ 14-го сентября 1845 года.—Планъ демократическаго возстанія въ Галиціи.—Дѣятельность эмиграціонныхъ эмиссаровъ и австрійскихъ властей въ западной Галиціи.—Начало возстанія и Тарновская рѣзня.—Сообщеніе князя Меттерниха французскому правительству.—Положеніе партій въ Краковѣ и донесенія австрійскаго резидента князю Меттерниху.—Вступленіе австрійскаго отряда въ Краковъ.—Объявленіе сената.—Новое сообщеніе князя Меттерниха французскому правительству.—Возстаніе въ Краковѣ и отступленіе австрійцевъ.—Временное правительство и его дѣйствія.—Комитетъ изъ представителей мирныхъ гражданъ.—Борьба между временнымъ правительствомъ и этимъ комитетомъ.—Диктаторъ Тиссовскій и его прокламація.—Вторженіе краковскихъ инсургентовъ въ Галицію.—Попытка мирной партіи въ Краковѣ ограничить власть диктатора, и неудачный исходъ ея.—Соперничество Дембовскаго съ Тиссовскимъ и союзъ послѣдняго съ умѣренной партіей.—Постоянный совѣтъ изъ членовъ послѣдней.—Дѣйствія австрійскихъ войскъ въ западной Галиціи.—Стычка подъ Гдовомъ.—Религіозная процессія изъ Кракова въ Подгорье.—Новое нападеніе австрійцевъ на инсургентовъ.—Переговоры Тиссовскаго съ австрійскими властями и депутація къ нимъ же отъ умѣренной партіи.—Походъ инсургентовъ къ прусскимъ границамъ.—Обезоруженіе ихъ и сдача прусскимъ властямъ.—Комитетъ общественной безопасности въ Краковѣ и его прокламаціи.—Занятіе Кракова войсками трехъ державъ.

Въ эпоху полнѣйшаго господства конференціи резидентовъ въ Краковѣ, сопровождавшагося извѣстнымъ адрессомъ краковскихъ жителей къ правительствамъ Франціи и Англіи и шумными преніями въ парламентахъ этимъ странъ, въ Парижѣ совершилось трудное дѣло объединенія различныхъ отдѣловъ и ко-

*) См. выше: янв. 107; февр. 460; мар. 100; апр. 618; май, 255 стр.

митетовъ польской эмиграціи, до тѣхъ поръ враждовавшихъ между собой. Объединеніе это произошло въ формѣ совмѣстныхъ совѣщаній между депутатами отъ различныхъ частей эмиграціи. Результатомъ такихъ совѣщаній была однообразная организація эмиграціонныхъ комитетовъ, существовавшихъ не только во Франціи, но и въ другихъ земляхъ западной Европы. Французскія палаты оказывали сильное вліяніе на развитіе эмиграціи тѣмъ, что ежегодно, со времени прекращенія польскаго возстанія 1831 года, въ своихъ адрессахъ къ королю упоминали о польскомъ вопросѣ и выражали сочувствіе къ мысли о возстановленіи Польши. Само собой разумѣется, что подобныя ежегодныя напоминанія только прочнѣе утверждали союзъ между державами, участвовавшими въ раздѣлѣ польскихъ земель и въ покровительствѣ Кракову. Тщетно французскія министерства, особенно во время президентства Тьера и Гизо, напоминали палатамъ, что Франція обязана уважать требованія консервативныхъ державъ въ благодарность за признаніе съ ихъ стороны переворота, совершившагося въ ней самой въ 1830 году. Оппозиція постоянно отвѣчала на это, что въ 1830 году въ Россіи думали о войнѣ съ Франціей, что́ и было бы приведено въ исполненіе, еслибъ польская революція не избавила Францію отъ опасности, грозившей ей съ этой стороны, и что польское движеніе, между прочимъ, заставило державы, участвовавшія въ священномъ союзѣ, признать новую Францію. Французское министерство въ наиболѣе опасныя минуты эмиграціонной дѣятельности пріостанавливало выдачу субсидій, назначенныхъ палатами польской эмиграціи, и высылало изъ Франціи слишкомъ горячившихся вождей польской демократической партіи. Но эти мѣры только очищали эмиграцію отъ наиболѣе безпокойныхъ элементовъ и въ свою очередь содѣйствовали ея объединенію. Уже въ концѣ 1838 года въ Лондонѣ образовалось общество освободителей Польши, съ мыслію о династіи Чарторыйскихъ. Въ 1840 году была выбита медаль съ головой князя Адама Чарторыйскаго и надписью: «Боже! возврати намъ короля нашего!». По перенесеніи эмиграціонной централизаціи въ Версаль, начались курсы славянской литературы Мицкевича и совершилось празднество товянизма въ Notre Dame; основана была также центральная эмиграціонная библіотека въ Парижѣ, которая быстро наполнилась періодическими изданіями разныхъ комитетовъ, сочиненіями главныхъ дѣятелей эмиграціи, которые посвящали свои труды одной мысли и одному дѣлу, и множествомъ политическихъ брошюръ, рѣчей, воззваній, которыми такъ богата эмиграціонная литература, принявшая обширные размѣры,

особенно съ 1836 года. Въ то же время военная польская школа въ Батиньолѣ, основанная въ мартѣ 1834 года, подготовляла будущихъ борцовъ за польское дѣло. Но эмиграціонная дѣятельность имѣла ту невыгодную сторону для предположенныхъ ею цѣлей, что совершалась открыто, на виду у всѣхъ, и не могла быть тайной для имѣвшихъ обязанность оберегать отъ ея замысловъ спокойствіе Европы, что́, конечно, мѣшало ея успѣхамъ. Съ 1841 года сношенія объединенной эмиграціи съ Галиціей, Познанью и Краковомъ усиливаются. Въ Галиціи ранѣе, чѣмъ въ другихъ областяхъ, образуются мѣстныя общества, руководимыя изъ Парижа. Въ 1844 году, вожди центральнаго комитета: Гельтманъ, Теофилъ Вишневскій, Малиновскій, Альціато, Якубовскій, уже высылаютъ своихъ эмиссаровъ въ Пруссію и Австрію; въ слѣдующемъ году къ нимъ присоединяется Мѣрославскій. Всему этому движенію на первыхъ порахъ дается совершенно иное направленіе, чѣмъ приготовлявшемуся предъ возстаніемъ 1830 года. Тогда существованіе королевства польскаго, съ особымъ правительствомъ, особою конституціей и особою арміей, съ одной стороны, исключало необходимость эмиграціи и ея усилій, обобщавшихъ отдѣльные интересы раздробленныхъ между тремя державами областей, съ другой,—ограничивало цѣли возстанія независимостью этого королевства, предоставляя будущему освобожденіе Галиціи и Познани. Теперь же все направлено было на возбужденіе возстанія именно въ этихъ двухъ земляхъ, и даже высказывалась мысль о соединеніи ихъ съ царствомъ польскимъ подъ властью русскаго императора. Это была старая мысль князя Адама Чарторыйскаго, основавшаго на успѣхѣ ея всѣ дальнѣйшія предположенія свои. Были даже попытки если не возбудить въ Познани и Галиціи сочувствія къ Россіи, то, по крайней мѣрѣ, выставить его на видъ предъ русскимъ правительствомъ. Издано было даже нѣсколько брошюръ съ этою цѣлью. Конечно, искренняго сочувствія не существовало; но были люди, полагавшіе, что, снискавъ благосклонность русскаго правительства, гораздо легче будетъ дѣйствовать противъ Пруссіи и Австріи, чѣмъ даже противъ одной Россіи. Въ Пруссіи нашлись чиновные кружки́ и газетные дѣятели, которые приняли такія увѣренія за чистую монету, и стали принимать предосторожности. Въ Австріи польская эмиграція обратила вниманіе на то національное возрожденіе, которое стало весьма яснымъ между славянскими народностями ея съ тридцатыхъ годовъ и выразилось въ началѣ сороковыхъ годовъ различными требованіями, заявленными на сеймахъ Праги и Загреба. Въ оффи-

ціальныхъ кружкáхъ Австріи также нашлись люди, которые заговорили о панславизмѣ и его значеніи для польскаго вопроса. Французская публицистика, съ Кипріаномъ Роберомъ во главѣ, схватилась за эту мысль, указывая для поляковъ возможность соперничества на этой почвѣ съ Россіей. Такимъ образомъ, съ 1844 года не только въ дипломатическомъ мірѣ Пруссіи и Австріи, но и въ мѣстныхъ управленіяхъ Познани и Галиціи начинали предчувствовать приближавшуюся борьбу съ польскимъ движеніемъ. Но и Кракову трудно было избѣжать участія въ этомъ движеніи, что̀ должно было затронуть также интересы Россіи, какъ державы покровительствующей.

Когда настроеніе, воспитанное въ эмиграціонной средѣ, стало проникать въ польскія земли, особенно въ шляхетской средѣ и въ городскомъ населеніи, то первыми, подмѣтившими его слѣды, были познанскія власти. Когда вслѣдствіе волненій, обнаружившихся между рабочими, занимавшимися крѣпостными работами въ Познани и настроенными къ тому эмиссаромъ, прибывшимъ изъ Франціи, познанская полиція арестовала, 21-го февраля 1844 года, 55 поляковъ, то нѣмецкое населеніе края поняло, что существуетъ какой-то заговоръ. Задержанныхъ помѣстили сперва въ Магдебургской крѣпости, а потомъ выслали за границу чрезъ Гамбургъ. 25-го февраля слѣдующаго года состоялась необыкновенная охота въ имѣніяхъ Мальчевскаго, въ которой приняли участіе до тысячи человѣкъ крупной и мелкой шляхты, и хотя слѣдствіе по этому дѣлу не открыло никакой видимой опасности, но въ нѣмецкомъ обществѣ подозрѣніе на счетъ польскихъ замысловъ утвердилось еще болѣе. Въ то же время произведены были тайные аресты, коимъ подверглись 45 рабочихъ и гимназистовъ, поведеніе которыхъ возбуждало тогда сомнѣніе, но оно объяснялось вліяніемъ іезуитовъ и крайней католической партіи, раздраженной евангелическою пропагандой польскаго пастора Черскаго, котораго считали орудіемъ германизаціи. Оказалось, что сельское населеніе и школьная молодежь, руководимая духовенствомъ, противопоставляли все католическое, какъ польское, евангелическому, какъ исключительно нѣмецкому. Въ нѣкоторыхъ селахъ произошли даже безпорядки во время религіозныхъ церемоній, указывавшіе на возбужденіе въ польскомъ населеніи. Наконецъ, адрессъ познанскаго сейма и объясненія къ нему депутата, графа Дзялынскаго (напечатанныя въ «Allgemeinen Zeitung», № 129, отъ 9-го мая 1845 года), показали, что требованія польскаго населенія въ Познани состояли въ слѣдующемъ: 1) въ изданіи общаго государственнаго

уложенія, 2) въ сохраненіи провинціальныхъ правъ, 3) въ непринятіи безъ согласія провинціи никакихъ постановленій и мѣръ относительно ея, 4) въ полномъ признаніи всѣхъ правъ польскаго языка, 5) въ открытіи и поддержкѣ польскихъ училищъ, 6) въ замѣщеніи должностей туземцами и знающими мѣстный языкъ. Конечно, нѣкоторая часть этихъ требованій основывалась на обязательствѣ, данномъ прусскимъ королемъ въ 1815 году, сохранить національное учрежденіе Познани; но нѣмецкіе публицисты видѣли въ нихъ стремленіе создать изъ великаго княжества познанскаго ни болѣе, ни менѣе, какъ вице-королевство польское. Тѣмъ не менѣе, они правы были, предполагая, что вся Познань уже покрыта сѣтью комитетовъ, подготовлявшихъ возстаніе, которое назначено было сперва на 17 (29) ноября 1845 года, день варшавскаго возстанія 1830 года. Въ планы эмиграціонныхъ комитетовъ привлечены уже были поляки, служившіе въ войскахъ, ремесленники и даже нѣкоторые изъ сельчанъ. Въ планъ возстанія входило сближеніе между сословіями, истребленіе нѣмецкихъ властей и обложеніе контрибуціями нѣмецкаго населенія. Но уже незадолго до назначеннаго дня стали обнаруживаться несвоевременныя притязанія поляковъ: бывали случаи, когда они требовали пожертвованій отъ нѣмецкихъ ремесленниковъ на неизвѣстныя цѣли, что̀ доходило до свѣдѣнія властей. Было даже покушеніе пробраться ночью въ крѣпость и овладѣть ею. Все это заставило мѣстныя власти принять мѣры предосторожности. Въ теченіи одного ноября арестовано было 80 человѣкъ, въ томъ числѣ два члена городской думы въ Познани; въ Кратошинѣ между 30-ю арестованными находилось нѣсколько мѣстныхъ учителей и гарнизонныхъ солдатъ. Благодаря этимъ мѣрамъ, возстаніе замедлилось; но прибытіе Мѣрославскаго изъ Парижа заставило заговорщиковъ назначить 5 (17) февраля днемъ общаго возстанія во всей Познани. Однакожъ президенту полиціи фонъ-Минутоли удалось разузнать весь планъ возстанія, и 2 (14) февраля произведены были многочисленные аресты важнѣйшихъ заговорщиковъ, осмотръ ихъ домовъ, причемъ открыты склады оружія и захвачены важныя бумаги. Мѣрославскій началъ военныя дѣйствія въ провинціи, но уже въ началѣ марта возстаніе было подавлено, и вслѣдъ затѣмъ открылось судебное слѣдствіе надъ участниками въ немъ. «При этомъ замѣчены были ясные слѣды сочувствія поляковъ къ русскимъ; оно основывалось бо̀льшею частію на славянскомъ происхожденіи поляковъ и русскихъ, на родствѣ ихъ языковъ и надеждѣ, что въ обширномъ славянскомъ государствѣ, образованномъ изъ рус-

скихъ и польскихъ земель, поляки быстро получатъ перевѣсъ, благодаря бо́льшему, научному и общему, образованію ихъ, и такимъ образомъ снова поднимутся, хотя и подъ другимъ именемъ. Но потомъ эта любовь къ русскимъ, по легко объясняемымъ причинамъ, исчезла столь же быстро, какъ и появилась, хотя ея призрачное существованіе, подобно метеору, и успѣло обмануть нѣкоторыхъ недостаточно внимательныхъ наблюдателей». Такъ безуспѣшна была попытка польской эмиграціи поднять Познань.

На сравнительно бо́льшій успѣхъ могло разсчитывать возстаніе въ Галиціи, гдѣ нѣмецкое населеніе было ничтожно и гдѣ поляки преобладали въ войскахъ. Но Австрія, не надѣявшаяся выдти побѣдительницей изъ открытой борьбы съ польскимъ возстаніемъ, прибѣгла къ другому средству, оказавшемуся болѣе дѣйствительнымъ; она возбудила противъ возставшихъ сельское населеніе, по мѣстнымъ условіямъ находившееся во враждебныхъ отношеніяхъ къ классу землевладѣльцевъ. Но эта мѣра, предупредившая политическую революцію, вызвала революцію соціальную. Хотя большинство галицкой шляхты, довольствуясь тѣми выгодами, которыя давало ихъ положеніе, вовсе не сочувствовали замысламъ эмиграціонныхъ комитетовъ и не принимали участія въ возстаніи, вызванномъ демократической партіей; но ихъ постигла равная участь съ возставшими, что́ возбудило тогда сильное негодованіе противъ Австріи не только въ общественномъ мнѣніи Европы, но и въ оффиціальныхъ сферахъ. Причины такого явленія заключались въ самыхъ сословныхъ отношеніяхъ между шляхтою и сельчанами, ведшихъ свое происхожденіе изъ временъ Рѣчи-Посполитой и не только сохраненныхъ Австріей, но и усложненныхъ новыми распоряженіями ея правительства, чѣмъ Галиція отличалась отъ царства польскаго и Познани. Это различіе общественныхъ отношеній двухъ сословій въ польскихъ земляхъ Россіи, Пруссіи и Австріи яснѣе всего указано было въ рѣчахъ, произнесенныхъ членами французскаго парламента, Кастелляномъ и графомъ Монталамберомъ, въ засѣданіяхъ 2-го (14-го) и 7-го (19-го) марта того же года. «Соціальное устройство царства польскаго (прежняго варшавскаго герцогства), великаго княжества познанскаго и королевства галицкаго,—говорилъ Кастеллянъ,—далеко не одинаково. Въ царствѣ польскомъ личныя крѣпостныя отношенія не существуютъ со введенія Наполеоновскаго кодекса, но обязательныя отношенія остались, хотя барщина и значительно сокращена; въ Галиціи, находящейся подъ владычествомъ Австріи, и хлопство и барщина существуютъ; въ

Познани, управляемой Пруссіей, уничтожено и то и другое. Пруссія слѣдовала въ этомъ случаѣ политикѣ вѣрной и справедливой; она одинаково отнеслась ко всѣмъ классамъ своихъ подданныхъ; она дала имъ равномѣрныя права. Австрія поступила иначе; она сохранила все общественное неравенство между землевладѣльцами и сельчанами. Правда, ея правительство приняло подъ свою защиту крестьянъ противъ шляхты, взявъ на себя разрѣшеніе ихъ нескончаемыхъ споровъ; но оно сохранило самую причину этой распри, отказавшись уничтожить рабство, возложивъ въ то же время на шляхту правительственныя обязанности, наиболѣе непріятныя для населенія, и увеличило такимъ образомъ причины къ сословному раздѣленію, возбуждавшія естественную ненависть между двумя классами жителей». Графъ Монталамберъ прибавилъ къ этому: «система, введенная Іосифомъ II въ польскихъ провинціяхъ Австріи, возложила на землевладѣльцевъ надзоръ за выполненіемъ сельскимъ классомъ его повинностей передъ государствомъ, т.-е. сдѣлала ихъ проводниками всего, что́ въ австрійской системѣ управленія ложится на сельское населеніе самымъ тяжелымъ образомъ, угнетаетъ и разоряетъ его. Шляхта обязана была производить рекрутскіе наборы, взимать подати, отправлять полицейскія обязанности и даже замѣнять собою исправительный судъ въ первой инстанціи, съ наложеніемъ тѣлесныхъ наказаній, т.-е. удѣломъ шляхты сдѣлалось все, что́ во всѣхъ странахъ міра выставляетъ власть передъ населеніемъ съ наиболѣе суровой и непопулярной стороны. Нѣкоторые изъ этихъ обязанностей, наложенныхъ на галицкую шляхту, не существовали даже въ древней Польшѣ, каковы: наблюденіе за рекрутчиной и собираніе государственныхъ податей. Такимъ образомъ, всѣ народныя повинности въ Галиціи австрійское правительство взыскивало чрезъ посредство польской шляхты. Такая власть или, лучше сказать, столь чрезвычайное порученіе, возложенное правительствомъ на шляхту, выполнялось людьми, находившимися на содержаніи землевладѣльцевъ, такъ-называемыми мандаторами, но въ то же время зависѣвшими отъ правительства, отъ опеки многочисленной нѣмецкой бюрократіи, лично заинтересованной въ поддержкѣ разъединенія между различными классами галицкаго населенія. Такимъ образомъ, эта безчисленная бюрократія вмѣшивалась въ жизнь сельскаго класса не для того, чтобы самой взимать подати, чтобы самой собирать рекрутовъ, но чтобы пользоваться нѣкотораго рода опекой надъ сельчанами, чтобы принимать ихъ жалобы, выслушивать неудовольствія, удовлетворять ихъ и, надо сказать правду, чтобы без-

престанно возбуждать крестьянъ противъ шляхты, на которую возложена столь печальная обязанность отягощать крестьянъ самыми трудными государственными повинностями. Хотя шляхта и не разъ во время сеймовъ ходатайствовала не только о снятіи съ нея подобныхъ обязанностей, но и объ уничтоженіи барщины, однакожъ просьбы ея не были удовлетворяемы. Австрійское правительство не отвергало ихъ, но, какъ оно всегда дѣлаетъ, откладывало ихъ въ долгій ящикъ. Такъ оно дѣйствовало въ теченіи тридцати лѣтъ; единственное объясненіе такого поведенія заключается въ желаніи раздѣлять оба сословія, чтобы тѣмъ вѣрнѣе властвовать надъ ними. Рано или поздно, такой образъ дѣйствій долженъ былъ привести къ плачевнымъ послѣдствіямъ».

Галицкая шляхта, сознавая всю тягость своего положенія, пыталась еще разъ, на сеймѣ 1845 года, обратить вниманіе австрійскаго правительства на трудное положеніе галицкихъ крестьянъ, на необходимость улучшить отношенія между ними и землевладѣльцами. Сеймъ въ адрессѣ 14-го (26-го) сентября, исключительно посвященномъ этому предмету, обращался къ императору Фердинанду I съ такими заявленіями: «Государь, въ послѣдній годъ, столь роковой для хозяйства по безвременной погодѣ, нанесенъ былъ ударъ всѣмъ надеждамъ земледѣльцевъ, и чрезвычайныя наводненія, разрушивъ средства къ жизни, лишили ихъ обезпеченія въ будущемъ. Въ нынѣшнемъ году жатва была крайне скудна, сборъ картофеля незначителенъ, и оба эти бѣдствія распространены во всей провинціи. Кромѣ того, во многихъ мѣстностяхъ градъ произвелъ опустошенія, рабочій скотъ подвергся эпидемическимъ болѣзнямъ. Сельско-хозяйственныя средства нашихъ гористыхъ странъ разрушены, и бѣдные крестьяне остаются безъ убѣжища, безъ одежды, безъ скота, безъ лошадей; тѣ, которые въ теченіи долгаго времени орошали своимъ пόтомъ земли своихъ предковъ, разбѣгаются и предаются попрошайничеству. Прежніе источники изсякли, а надежды на будущее слабы: сельчанамъ предстоитъ нищета и голодъ. Среди столь великихъ и столь общихъ бѣдствій, ваши вѣрные чины всегда готовы принести всякаго рода пожертвованія, на какія только угодно будетъ указать вашему величеству. Дворянство не проситъ для себя ничего, но оно настоятельно проситъ всего, чтò можетъ оказать скорую и дѣйствительную помощь крестьянамъ, подвергшимся такимъ бѣдствіямъ. Мы почтительнѣйше представляемъ этотъ вопросъ на благоусмотрѣніе вашего императорскаго и королевскаго величества. Жертвы, какія угодно будетъ принести правительству, будутъ сопровождаться таковыми же съ нашей стороны со всею

возможною для насъ ревностію; эти пожертвованія легко будетъ вознаградить въ ближайшемъ будущемъ при обильныхъ урожаяхъ. Ваше величество присоедините, такимъ образомъ, новое благодѣяніе къ вашимъ отеческимъ заботамъ. Мы ожидаемъ особенно счастливыхъ послѣдствій для страны отъ мѣръ, касающихся улучшенія и окончательнаго опредѣленія быта крестьянъ и ихъ отношеній къ землевладѣльцамъ». Затѣмъ, галицкіе чины указывали на необходимость переустройства поземельныхъ отношеній, какъ на средство поддержать общественное спокойствіе и установить болѣе дружественныя отношенія между собственниками земли и крестьянами къ взаимной ихъ выгодѣ.

И въ такое-то опасное для Галиціи время, центральный эмиграціонный комитетъ въ Парижѣ составилъ планъ возстанія съ оттѣнкомъ демократическимъ и чисто-революціоннымъ. По этому плану возстаніе должно было произойти не только въ Познани, о которой мы уже говорили, но также въ Галиціи и Краковѣ всею народною массою, причемъ предполагалось истребить всѣ власти и перебить всѣхъ не-поляковъ. Такъ какъ вся Галиція покрыта была сѣтью мѣстныхъ комитетовъ, то требовалось отъ нихъ направить на города всѣ окрестныя общины и предать эти центры административной жизни разграбленію. По провозглашеніи возстанія, всѣ поляки должны были подчиниться революціонному правительству; вся страна объявлялась на все время революціи общимъ достояніемъ, располагать которымъ могло только это правительство. Ему присвоивалось право выдавать квитанціи частнымъ владѣльцамъ за всѣ отчужденные отъ нихъ капиталы и доходы, которые пришлось бы употребить на общую цѣль. Сопротивляющіеся такому праву революціонныхъ властей осуждены были на смертную казнь. Каждый обыватель, нежелавшій принять участія въ возстаніи, послѣ провозглашенія онаго, долженъ былъ лишиться жизни. Священники, которые отказались бы подготовлять народъ къ возстанію, подвергались той же участи. Смертью грозили даже польскимъ патріотамъ за то, если они въ назначенный часъ не будутъ на указанномъ имъ мѣстѣ. По открытіи возстанія, всѣ и каждый должны были повиноваться главному комитету подъ страхомъ смертной казни. Ужасны были требованія вождей новаго возстанія; не менѣе страшно было разочарованіе, которое должно было постигнуть беззавѣтныхъ приверженцевъ ихъ системы. Насколько безграничны были надежды эмиграціи на успѣхъ галицкаго возстанія, настолько же безпредѣльны были хвастливость и безпечность ея эмиссаровъ. Никогда еще заговорщики не дѣйствовали съ такою откровенностью и съ

такимъ легкомысліемъ. Въ окружномъ городѣ Тарновѣ, который избранъ былъ очагомъ возстанія въ западной Галиціи, долженствовавшаго потомъ перейти въ Краковъ, публично разсуждали о приближающемся возстаніи въ гостинницѣ, сосѣдней съ полицейскимъ управленіемъ, въ присутствіи лицъ неизвѣстныхъ и даже австрійскихъ полиціантовъ; приглашали австрійскихъ офицеровъ выпить за будущее процвѣтаніе Польши. Въ Тарновѣ окружнымъ начальникомъ былъ Брейндль фонъ-Валлерштернъ, человѣкъ ограниченный по мнѣнію поляковъ, но въ сущности превосходившій многихъ изъ ихъ вождей энергіей и предусмотрительностью. Господствующей идеей всего управленія его была германизація Галиціи. Онъ одинаково ненавидѣлъ какъ польскую народность, такъ и католическую церковь, но поклонялся послѣдней при всякомъ случаѣ, когда она доводила до нравственной испорченности и умственнаго приниженія польскую молодежь въ школахъ, зависѣвшихъ отъ ея капитуловъ; онъ презиралъ и осыпалъ насмѣшками нѣкоторыя свойства и привычки польскаго народнаго характера, но восторгался ими, какъ средствомъ удерживать поляковъ въ подчиненномъ положеніи. Онъ также былъ предусмотрительнѣе польской шляхты, довѣрчиво прислушивавшейся къ демократическимъ поученіямъ эмиграціи, и говорилъ, что если классъ землевладѣльцевъ погибнетъ, то достаточно будетъ однихъ чиновниковъ и крестьянскаго сословія для заселенія Галиціи. Онъ даже не препятствовалъ эмиссарамъ версальскаго комитета бродить по управляемому имъ округу, будучи вполнѣ увѣренъ, что они работаютъ на его руку, за что́ впослѣдствіи такъ нападали на него польскіе публицисты. Этотъ-то Брейндль, собравъ подробныя свѣдѣнія о готовившемся возстаніи, сообщилъ ихъ въ Львовъ, а равно указалъ на домашнія средства, которыми надѣялся побороть возстаніе. Въ Львовѣ созванъ былъ чрезвычайный совѣтъ подъ предсѣдательствомъ эрцгерцога Фердинанда, состоявшій: изъ президента провинціальнаго управленія Крига, президента апеляціоннаго суда Энтцендорфа, президента городской думы Крауса, окружного начальника Мильбахера и совѣтника Энзейнгера. Результатомъ этого совѣщанія было слѣдующее донесеніе, посланное въ Вѣну эрцгерцогомъ Фердинандомъ отъ 18-го (30-го) января 1846 года: «край взволнованъ, ясно приготовляется движеніе, всѣ умы въ безпокойствѣ. Но правительство можетъ оставаться спокойнымъ, я не нуждаюсь ни въ какой помощи, ибо приняты всѣ мѣры на случай возстанія, чтобы парализовать движеніе, не компрометтируя войскъ». Войска, расположенныя въ деревняхъ, дѣйствительно были ото-

званы въ города, но многіе изъ солдатъ были уволены въ безсрочный отпускъ. Мѣстныя власти разсчитывали на крестьянъ. Чрезъ отпускныхъ и евреевъ распространенъ былъ въ народѣ слухъ, что шляхта сопротивляется надѣленію крестьянъ землями и готовится къ возстанію противъ правительства.

Между тѣмъ сборнымъ мѣстомъ повстанцевъ назначены были деревни Лисья-гора и Лукова. Число явившихся туда не отвѣчало ожиданіямъ эмиссаровъ, и они принялись склонять народъ къ участію въ возстаніи, но встрѣтили сопротивленіе, и между шляхтой, находившейся въ отрядѣ, и сельчанами произошло первое столкновеніе. Крестьяне связали нѣсколькихъ повстанцевъ и привели ихъ въ Тарновъ; погибшихъ въ стычкѣ также привезли въ городъ. Плѣнниковъ было до 80, убитыхъ около 130. Брейндль выдалъ крестьянамъ за первыхъ по 5 флориновъ, за вторыхъ по 10. Это послужило знакомъ для общаго нападенія сельчанъ на землевладѣльцевъ съ ихъ семействами и служителями въ округахъ: Тарновскомъ, Вадовицкомъ, Бохненскомъ, Сандечскомъ, Ржетовскомъ, Ясловскомъ и Саноцкомъ, входившихъ въ составъ западной Галиціи и заселенныхъ мазурами, принадлежавшими къ одной народности съ польскою шляхтой. При этомъ погибло 1458 человѣкъ шляхты и ея приживальцевъ въ одномъ только Тарновскомъ округѣ, пострадавшемъ, впрочемъ, болѣе другихъ, ибо въ немъ землевладѣльцевъ, оставшихся въ живыхъ, оказалось только восемь. Цѣлыя семейства были истреблены и нѣкоторыя фамиліи прекратились. Все это совершилось въ теченіи нѣсколькихъ дней, съ 6-го по 10-го (18—22) февраля. Нѣкоторые изъ шляхтичей, жившихъ въ сосѣдствѣ съ городами, надѣялись укрыться въ нихъ, но были изгоняемы. За головы убитыхъ, доставляемыхъ крестьянами, въ послѣдніе дни уже не платили деньгами: ихъ только угощалъ виномъ богатый еврей Люксамбургъ, бывшій коммиссіонеромъ Брейндля. Первый возсталъ противъ крестьянскаго движенія епископъ Тарнова, Войтаровичъ, обратившійся къ нимъ съ увѣщаніемъ; затѣмъ уже эрцгерцогъ Фердинандъ предписалъ обезоружить крестьянъ. Между тѣмъ князь Меттернихъ, въ первый же день рѣзни, поспѣшилъ сообщить чрезъ своего посланника французскому министерству нижеслѣдующее: «я опасаюсь, что вспыхнетъ возстаніе крестьянъ противъ шляхты; я опасаюсь, что соціальныя затрудненія усложнятъ бѣдствія, связанныя съ политическимъ вопросомъ; я опасаюсь, что когда послѣдній будетъ разрѣшенъ, мы очутимся лицомъ къ лицу съ затрудненіями соціальнаго свойства». Въ восточной Галиціи, населенной русскими, никакого движенія крестьянъ противъ земле-

владѣльцевъ не произошло, хотя начальники округовъ Самборскаго, Тарнопольскаго, Злочевскаго и Львовскаго предписывали подчиненнымъ властямъ вооружать крестьянъ на случай появленія повстанцевъ въ этихъ мѣстахъ и «вознаграждать ихъ деньгами въ извѣстныхъ случаяхъ», какъ выразился правитель Злочова, Андржеевскій. Впрочемъ, и самое возстаніе сосредоточивалось преимущественно въ западной Галиціи, въ сосѣдствѣ съ Краковомъ, который предназначенъ былъ эмиграціонными комитетами, какъ центръ общаго возстанія. Что́ же дѣлалось въ это время въ Краковѣ?

Въ вольномъ городѣ еще съ конца 1845 года господствовала надъ общественнымъ мнѣніемъ мѣстная демократическая партія, поддерживаемая эмиссарами, прибывшими въ Краковъ подъ вымышленными именами. Не встрѣчая оппозиціи ни въ одномъ изъ учрежденій, преобразованныхъ въ послѣдніе годы въ смыслѣ консервативномъ, краковское правительство не могло знать въ точности, какіе замыслы приготовлялись втайнѣ, тѣмъ болѣе, что они касались не столько мѣстныхъ интересовъ вольнаго города, сколько вопроса объ общемъ возстаніи всѣхъ польскихъ земель. Но зато конференція резидентовъ, располагавшая бо́льшими средствами къ открытію такихъ замысловъ, не могла обманывать себя насчетъ роли, которая назначалась Кракову парижскимъ комитетомъ. Австрійскій резидентъ доносилъ князю Меттерниху, что въ Краковѣ обнаруживается глухое движеніе между революціонной партіей, между молодыми людьми, принадлежащими даже къ хорошимъ семействамъ, и народною массою; что это движеніе пріобрѣтаетъ съ каждымъ днемъ бо́льшую силу; что никто уже не сомнѣвается, что изъ Кракова будетъ поданъ знакъ революціонерамъ, находящимся въ сосѣднихъ провинціяхъ; что зажиточные люди, имѣющіе какую-либо собственность въ Краковѣ, не смѣютъ показываться въ толпѣ, опасаясь, что съ нихъ начнется преслѣдованіе; что самыя власти и лица, занимающія важныя мѣста, убѣждены цѣлымъ рядомъ публичныхъ заявленій со стороны лицъ, извѣстныхъ своимъ революціоннымъ образомъ мыслей, что на нихъ падетъ народная месть, если они осмѣлятся принять какія-либо мѣры, чтобы помѣшать подготовленному возстанію. Такой порядокъ вещей навелъ паническій ужасъ на мирныхъ жителей Кракова и парализовалъ дѣятельность правительства, которое не могло обманывать себя на счетъ ничтожности средствъ къ сопротивленію, находившихся въ его рукахъ. Резиденты покровительствующихъ державъ, имѣвшіе постоянныя свѣдѣнія о ходѣ заговора, получили наконецъ положи-

тельное извѣстіе, что два вождя польской революціонной партіи скрываются въ Краковѣ и готовятся стать во главѣ возстанія, которое должно вспыхнуть 8-го (20) февраля или въ послѣдніе дни карнавала. Послѣ такихъ извѣстій резиденты не могли оставаться спокойными зрителями происходившаго на ихъ глазахъ и обратились къ сенату, временнымъ президентомъ котораго былъ тогда Ксенжарскій, ибо Шиндлеръ уже вышелъ изъ президентовъ, съ такимъ запросомъ: считаетъ ли онъ силы, находящіяся въ его распоряженіи, достаточными, чтобы подавить революціонное движеніе, которое можетъ быть весьма обширно, и чтобы поддержать общественную безопасность и законный порядокъ? Сенатъ отвѣчалъ отрицательно. Тогда конференція резидентовъ пригласила начальника австрійскихъ войскъ, сосредоточенныхъ въ Подгорьѣ, быть въ готовности ко вступленію въ Краковъ, ибо состояніе льда на Вислѣ могло на нѣсколько дней прервать сообщеніе между обоими берегами ея.

6-го (18) февраля австрійскія войска уже вступили въ городъ, и сенатъ обнародовалъ такое объявленіе: «стеченіе чрезвычайныхъ обстоятельствъ, угрожающихъ личной и имущественной безопасности гражданъ и жителей вольнаго города Кракова, настоятельно требовало увеличенія вооруженныхъ силъ въ этой странѣ. Помощь, въ которой она имѣла надобность по этому случаю, оказана вольному городу отрядомъ войскъ одной изъ высокихъ покровительствующихъ державъ, который вступилъ нынѣ въ городъ. Эта мѣра принята единственно съ цѣлію поддержать законный порядокъ и отвратить отъ города покушенія, которыми ему угрожаютъ. Сенатъ, доводя о семъ до свѣдѣнія обывателей, надѣется, что граждане и жители примутъ эту мѣру, какъ доказательство заботливости о благѣ страны, и вполнѣ оцѣнятъ ея благодѣтельныя послѣдствія; сенатъ надѣется также, что они своимъ мирнымъ и законнымъ поведеніемъ поддержатъ правительственныя усилія, направленныя къ поддержанія порядка». Чрезъ день послѣ того, князь Меттернихъ сообщалъ французскому министерству чрезъ своего посланника въ Парижѣ, графа Аппони, что коммунистическій заговоръ, покрывшій своими сѣтями польскія земли, избралъ Краковъ центромъ своей дѣятельности; что краковскій сенатъ обратился къ резидентамъ съ просьбой о помощи, и что вслѣдствіе этого австрійскій военный отрядъ введенъ на нѣкоторое время въ вольный городъ; но что это военное занятіе не имѣетъ въ виду никакихъ политическихъ цѣлей, а только предупрежденіе кровопролитія въ стѣнахъ Кракова и разграбленія его. При этомъ князь Меттернихъ такъ характеризовалъ

планы польской эмиграціи: «заговоръ задуманъ очевидно съ цѣлями коммунистическими и призываетъ къ себѣ на помощь средства устрашающія. Польская эмиграція, долго раздѣленная на двѣ партіи: аристократическую и демократическую, испытываетъ нынѣ участь, общую всѣмъ революціямъ; уже не умѣренная партія властвуетъ надъ тою, требованія которой идутъ гораздо далѣе, а послѣдняя въ свою очередь подчиняется волѣ тѣхъ, намѣренія которыхъ идутъ еще дальше, чѣмъ ея собственныя. Нельзя однакожъ не удивляться, что вожди аристократической партіи примыкаютъ нынѣ къ замысламъ коммунистовъ. Демократическія идеи, вовсе несвойственныя славянскимъ населеніямъ, къ числу коихъ принадлежитъ и польское, выставленныя одною фракціей эмиграціи, необходимо должны обратиться въ коммунизмъ, то-есть направить къ разграбленію собственности и истребленію собственниковъ». Знаменитый государственный человѣкъ Австріи, конечно, намекалъ при этомъ на событія въ западной Галиціи, свѣдѣнія о которыхъ онъ получилъ вмѣстѣ съ извѣстіемъ о военномъ занятіи Кракова. Но онъ еще не зналъ, что въ тотъ самый день, какъ депеша его была отправлена въ Парижъ, австрійскія войска уже должны были оставить Краковъ. Хотя они состояли изъ батальона пѣхоты, изъ полутора эскадроновъ кавалеріи и полубатареи, причемъ число ихъ доходило до 1200 человѣкъ, но оказались недостаточными для борьбы съ возстаніемъ въ предѣлахъ краковской территоріи. Въ краковскомъ округѣ къ возстанію примкнули сельчане. Они произвели нападеніе на Яворжно, куда краковское правительство отправило арестованныхъ имъ заговорщиковъ, большею частію духовнаго званія, подъ прикрытіемъ австрійскихъ солдатъ; крестьяне, горные рабочіе, фабричные и занимавшіеся работами на Краковско-Силезской желѣзной дорогѣ напали на этотъ отрядъ, который былъ немногочисленъ и разбили его, причемъ часть австрійцевъ была перебита, остальные взяты въ плѣнъ; арестованные освобождены; затѣмъ произведены были грабежи въ жилищахъ горныхъ и желѣзно-дорожныхъ чиновниковъ; двое изъ нихъ повѣшены, остальные убѣжали чрезъ прусскую границу. 8-го (20) февраля возставшіе уже вошли съ разныхъ сторонъ въ Краковъ; австрійскія войска отступили почти безъ выстрѣла, потерявъ нѣсколько убитыхъ и не успѣвъ захватить своихъ пушекъ. Прусскій резидентъ Энгельгардтъ бѣжалъ въ австрійскую Силезію. Почтовыя сообщенія Кракова съ сосѣдними державами были прерваны. Прусская почта, прибывшая въ тотъ день на краковскую территорію, была остановлена; письма, привезенныя ею, захва-

чены, но деньги возвращены кондуктору, который отосланъ былъ назадъ въ Пруссію. Австрійскій таможенный чиновникъ, имѣвшій мѣстопребываніе въ Бабицахъ, укрылся вмѣстѣ съ кассою въ предѣлахъ Пруссіи. Мостъ между Краковомъ и Подгорьемъ разрушенъ. Разнеслись также слухи, что русскій и австрійскій резиденты находятся въ плѣну у возставшихъ. 10-го (22) февраля въ Краковѣ образовалось временное правительство, членами коего были: Людвигъ Горшковскій, хранитель физическаго кабинета при академіи, докторъ медицины Янъ Тиссовскій и Александръ Гржегоржевскій. Секретаремъ этого правительства былъ Карлъ Рогавскій. Въ тотъ же день они издали нѣсколько актовъ.

Сперва составленъ былъ протоколъ, коимъ утверждалось національное правительство польской республики. Въ немъ приведены были слѣдующіе мотивы, въ оправданіе такого шага: «четырнадцать лѣтъ усилій храбрыхъ сыновъ отечества, направленныхъ на то, чтобъ возвратить ему его національное существованіе, создали во всѣхъ частяхъ Польши многочисленныя общества, члены которыхъ приготовились ко всевозможнымъ опасностямъ. Всѣ ихъ желанія устремлены къ одной цѣли—возстановить отечество, возвративъ свободу всему польскому народу. 12 (24-го) января сего года комитеты всѣхъ польскихъ обществъ вручили правительственную власть пяти лицамъ и секретарю, которые были избраны въ великомъ княжествѣ познанскомъ, вольномъ городѣ Краковѣ съ его округомъ, Галиціи, Россіи и между эмиграціей; это правительство должно потомъ пополниться избраніемъ двухъ членовъ, одного для возсоединенной Польши, другого для Литвы. Избранные члены и секретарь приняли порученную имъ власть съ тѣмъ, чтобы явиться имъ въ Краковъ къ 9-му (21) февраля. Члены отъ Кракова и его территоріи, отъ Галиціи и отъ эмиграціи, дѣйствительно явились къ назначенному сроку, между тѣмъ какъ представитель великаго княжества познанскаго былъ арестованъ, а представитель Россіи и секретарь до сихъ поръ не прибыли. Членъ отъ эмиграціи, возымѣвшій, по прибытіи австрійскихъ войскъ въ Краковъ, опасеніе за свою свободу, внезапно скрылся за границу. Всеобщее возбужденіе, господствующее въ эти минуты въ Краковѣ, и извѣстія, приходящія со всѣхъ сторонъ, показываютъ, что революція вызвана волею Бога и всего польскаго народа. Эти событія налагаютъ на членовъ правительства, еще неприбывшихъ сюда, священную обязанность вступить въ свою должность не медля, тѣмъ болѣе, что наши братья-землевладѣльцы могутъ пасть подъ тяжкими

ударами и не осмѣлятся въ настоящее время принять участіе въ возстаніи». Изданъ былъ также манифестъ національнаго правительства къ польскому народу, начинавшійся такъ: «часъ возстанія пробилъ, вся раздѣленная Польша поднимается и соединяется»... Кромѣ того, обнародованъ былъ революціонный статутъ изъ семи статей, предписывавшій всеобщее повиновеніе національному правительству, грозившій смертною казнью за дѣйствія, направленныя противъ общаго дѣла, и возстановлявшій національный флагъ и гербъ. Кромѣ того, изданы были обращенія національнаго правительства къ евреямъ и къ нѣмецкому народу; для вящшаго убѣжденія послѣдняго, польское возстаніе сравнивалось съ борьбою Германіи за свое освобожденіе въ 1813 и 1814 годахъ.

Но подлѣ революціоннаго правительства, вслѣдъ за выходомъ австрійскихъ войскъ изъ Кракова, образовался комитетъ, представлявшій интересы мирныхъ гражданъ. Опасаясь грабежа и безпорядковъ, мирные граждане собрались предъ домомъ графа Іосифа Водзицкаго и просили его стать во главѣ правительства, ибо большинство прежнихъ чиновниковъ оставило городъ вмѣстѣ съ генераломъ Коллиномъ. Отвѣчая такимъ желаніямъ, графъ Водзицкій составилъ комитетъ вмѣстѣ съ Петромъ Мошинскимъ, Іосифомъ Коссовскимъ, Львомъ Бохенекомъ и Антономъ Гельцелемъ. Комитетъ этотъ обнародовалъ прокламацію, въ которой объявлялъ, что цѣль его состоитъ не только въ поддержаніи имущественной безопасности, но и въ переговорахъ съ тою силою, которая займетъ Краковъ. Узнавъ о провозглашеніи національнаго правительства, члены комитета отправились къ Тиссовскому, и одинъ изъ нихъ обратился къ нему съ вопросомъ, чьей стороны онъ держится, и желаетъ ли онъ избрать Чарторыйскаго въ короли. Тиссовскій объявилъ, что не принадлежитъ ни къ какой партіи, что правительство образовалось только для поддержки революціи, и что теперь никто не имѣетъ права разсуждать о будущемъ образѣ правленія и предупреждать такимъ образомъ желанія націи. Въ отвѣтъ на такое заявленіе послѣдовали общіе крики: виватъ! взаимныя объятія—и графъ Водзицкій объяснилъ, что комитетъ безопасности не имѣлъ въ виду образовать изъ себя правительство. Комитетъ послѣ этого на время разошелся. Тиссовскій занялся образованіемъ военной силы въ Краковѣ и пріисканіемъ начальника для нея. Генералъ Хржановскій отказался отъ этой чести, сославшись на свое разстроенное здоровье, и вмѣстѣ съ генераломъ Вонсовичемъ объявилъ, что считаетъ всю революціонную затѣю дѣломъ потеряннымъ; Гржегоржевскій совѣтовалъ покрыть краковскія улицы баррикадами, но

такъ-какъ его мнѣніе было отвергнуто, то потребовалъ своего увольненія; Горшковскій, обѣщавшій вооружить 6,000 человѣкъ еще во время занятія Кракова австрійскими войсками, не зналъ теперь что дѣлать и, чтобъ избѣжать затруднительнаго положенія, предложилъ Тиссовскому диктатуру. Послѣдній соглашался подъ условіемъ, если его товарищи выставятъ хоть какой-нибудь правильно устроенный военный отрядъ и пріищутъ ему начальника. Въ это время Эразмъ Скаржинскій привелъ небольшой конный отрядъ, и Тиссовскій провозгласилъ себя диктаторомъ, а Скаржинскаго главнымъ военачальникомъ. По улицамъ Кракова раздавалась новая прокламація, въ коей было сказано: «неурядица, вкравшаяся въ правительство, состоявшее изъ нѣсколькихъ лицъ, и приходящія со всѣхъ сторонъ извѣстія, что сельское населеніе, не зная, о чемъ идетъ дѣло, обратилось противъ шляхты, возлагаютъ на меня обязанность принять въ свои руки исполнительную власть. Извѣщая объ этомъ жителей Кракова, я вмѣстѣ съ тѣмъ довожу до общаго свѣдѣнія, что моя стража получила предписаніе не допускать ко мнѣ никого, кромѣ имѣющихъ разрѣшеніе на представленіе донесеній; къ сообщенію проектовъ и совѣтовъ допускаются лишь тѣ, коимъ будетъ предоставлено это». Потомъ Тиссовскій издалъ прокламацію «ко всѣмъ полякамъ, которые могутъ читать». Въ ней онъ приказывалъ каждому грамотному, по прочтеніи сей прокламаціи, объявлять народу, что національное правительство уничтожаетъ во всѣхъ польскихъ земляхъ барщину и передаетъ крестьянамъ угодья, которыя они прежде обработывали на помѣщиковъ; что необработывавшіе такихъ угодій, въ случаѣ ихъ поступленія на военную службу республики, получатъ земли изъ государственныхъ имуществъ; что національное правительство отмѣняетъ вообще всѣ права привилегированнаго сословія и объявляетъ всѣхъ поляковъ равными.

Между тѣмъ австрійскій генералъ фонъ-Коллинъ продолжалъ свое отступленіе отъ краковскихъ границъ и удалился изъ Подгорья въ Величку. Сосѣдній съ Краковомъ округъ Галиціи, Вадовицкій, наполнился бѣжавшими членами прежняго правительства вольнаго города. Значительнѣйшіе изъ мѣстныхъ шляхтичей получили приказаніе отъ диктатора очистить округъ отъ австрійскихъ войскъ. Вслѣдъ затѣмъ инсургенты заняли Подгорье и Величку. Антонъ Стоевскій былъ назначенъ инспекторомъ національнаго правительства въ Подгорьѣ, объявленномъ предмѣстіемъ Кракова и шестою общиной его. Величка же занята была инсургентами безъ выстрѣла, ибо главный правитель соляныхъ ко-

пей, графъ Благай, удалился оттуда при первомъ извѣстіи о вторженіи краковскихъ инсургентовъ въ Галицію, и Эдуардъ Дембовскій, агентъ національнаго правительства, явившись въ засѣданіе городской думы, провозгласилъ тамъ республику. Затѣмъ, въ Величкѣ появился уже отрядъ инсургентовъ. Адамъ Седьмогродскій посланъ былъ революціоннымъ коммиссаромъ въ Бохню и привелъ ея населеніе къ присягѣ на вѣрность національному правительству. Суммы, найденныя въ соляныхъ управленіяхъ, отправлены были въ Краковъ. Успѣхомъ своимъ въ Галиціи возстаніе обязано было главнымъ образомъ Дембовскому, и послѣдній получилъ сильное вліяніе въ національномъ правительствѣ, оттѣснивъ собою даже Тиссовскаго на второй планъ: съ его появленіемъ революція приняла уже чисто коммунистическое направленіе. Объявленіе крестьянъ собственниками обработываемыхъ ими земель казалось ему уже недостаточнымъ, и онъ задумывалъ произвести соціальный переворотъ въ городахъ, выдвинувъ впередъ рабочій классъ. При такихъ обстоятельствахъ, графъ Іосифъ Водзицкій, Янъ Мѣрошевскій, бывшій до возстанія директоромъ полиціи, профессоръ Вишневскій, пользовавшійся значительнымъ вліяніемъ на студентовъ, составлявшихъ большинство въ городской гвардіи, и Гиларій Мѣцишевскій рѣшились низвергнуть Тиссовскаго и образовать новое временное правительство, до занятія города русскими или австрійскими войсками, что̀, по ихъ мнѣнію, должно было наступить вскорѣ. Но Рогавскій предупредилъ обо всемъ Тиссовскаго, который и отправился въ сопровожденіи своей стражи къ дому, гдѣ происходило совѣщаніе задумавшихъ контръ-революцію. Домъ былъ окруженъ многочисленною молодежью, и Тиссовскій рѣшился войти въ залу совѣщаній безъ всякой свиты. Его однакожъ не пускалъ туда Алоизій Скаржинскій, братъ начальствовавшаго надъ войсками національнаго правительства. Тиссовскій объявилъ, что не ищетъ для себя ничего, но, заботясь только объ общемъ благѣ, желаетъ переговорить съ совѣщавшимися объ ихъ намѣреніяхъ, и въ доказательство своего мирнаго расположенія отдалъ саблю Скаржинскому. Послѣдній ввелъ его въ залу, гдѣ онъ увидалъ профессора Вишневскаго, окруженнаго вооруженной молодежью, членами бывшаго комитета безопасности и множествомъ краковскихъ гражданъ и шляхтичей, въ числѣ коихъ былъ и генералъ Хржановскій. Тиссовскій хотѣлъ что-то, сказать; но Вишневскій объявилъ ему, что теперь некогда спорить, а надо повиноваться, на что̀ Тиссовскій хотѣлъ замѣтить, что онъ желаетъ только удостовѣриться, что Вишневскій имѣетъ добрыя намѣренія и обладаетъ бо́льшимъ довѣріемъ

со стороны гражданъ, чтобы тѣмъ охотнѣе уступить ему свое мѣсто. На это многіе изъ присутствовавшихъ возразили, что не имѣютъ ничего противъ прежнихъ дѣйствій диктатора, но, считая его человѣкомъ чужимъ для Кракова и не пользующимся полнымъ довѣріемъ, желаютъ только замѣнить его другимъ лицомъ, болѣе извѣстнымъ согражданамъ. Вишневскій прервалъ это объясненіе замѣчаніемъ, что Тиссовскій долженъ повиноваться, и предложилъ ему для подписи листъ бумаги, не сообщивъ ему даже содержанія написаннаго. Тиссовскій рѣшился не отказываться отъ власти при такихъ обстоятельствахъ; но замѣтилъ въ залѣ, которая между тѣмъ густо наполнилась, подлѣ себя Дембовскаго, державшаго одну руку въ карманѣ, а въ другой пистолетъ съ поднятымъ куркомъ, направленный въ грудь Вишневскаго на разстояніи не болѣе двухъ шаговъ. Замѣтивъ это, онъ тотчасъ же протянулъ руку Вишневскому и объявилъ, что готовъ передать ему свою власть, на чтó и выдалъ письменное свидѣтельство. Всѣ успокоились, стали обниматься, Вишневскій просилъ Тиссовскаго помогать ему своими совѣтами и даже приказалъ возвратить ему саблю. Но когда Тиссовскій вышелъ на улицу, то окруженъ былъ людьми разныхъ партій, которые упрекали его за то, что онъ выдалъ революцію Россіи; ибо Вишневскій и его товарищи, по ихъ мнѣнію, были сторонниками послѣдней. Тиссовскій вернулся назадъ въ залу и въ теченіи двухъ часовъ имѣлъ разговоръ съ Вишневскимъ, который, набрасывая вчернѣ съ необыкновенной быстротой прокламаціи, въ то же время объяснялъ ему неосновательность вышепомянутаго подозрѣнія. Но въ эту самую минуту на улицѣ раздались крики сторонниковъ Тиссовскаго, что къ Кракову приближаются казаки. Тиссовскій выбѣжалъ на улицу, обнажилъ саблю и приказалъ стражѣ слѣдовать за нимъ, которая послѣдовала его приказанію; Вишневскій же поспѣшилъ оставить залу совѣщаній и вскорѣ подлѣ его прокламаціи, возвѣщавшей о передачѣ ему Тиссовскимъ власти, появилась прокламація послѣдняго, гласившая: «появившееся нынѣ утромъ извѣщеніе объ уступкѣ мною власти въ пользу Вишневскаго, объявляю я исторгнутымъ у меня посредствомъ заговора и съ оружіемъ въ рукахъ; вслѣдствіе сего я предаю Михаила Вишневскаго революціонному трибуналу». Членами этого трибунала назначены были Юліанъ Савичевскій, Эдуардъ Дембовскій и Себастіанъ Корытовскій, обвинителемъ—Рогавскій. Мѣцишевскій и Мѣрошевскій, подвергнутые домашнему аресту, представили трибуналу доказательства своего alibi, и были освобождены; надъ Вишневскимъ произнесенъ былъ смертный приговоръ, за-

мѣненный потомъ тяжкимъ заключеніемъ. У графа Іосифа Водзицкаго отнято было начальство надъ стражей и передано Юліану Савичевскому. Но возраставшее вліяніе на толпу Дембовскаго заставило диктатора пригласить графа Водзицкаго къ учрежденію нерасходящагося совѣта изъ восьми спокойнѣйшихъ и зажиточнѣйшихъ гражданъ города, изъ коихъ двое должны попеременно находиться въ совѣтѣ и быть свидѣтелями дѣйствій Тиссовскаго. Этотъ совѣтъ образовался скоро, и въ числѣ его членовъ были между прочимъ графъ Водзицкій, графъ Мошинскій и генералъ Вонсовичъ. Подъ прикрытіемъ такого совѣта Тиссовскій занялся организаціей арміи, назначеніемъ революціонныхъ властей въ краковскомъ округѣ и сосѣднихъ мѣстахъ Галиціи.

Въ это время положеніе дѣлъ въ Галиціи стало измѣняться не въ пользу возстанія. Борьба сельчанъ противъ шляхты и революціонеровъ не только остановила дальнѣйшіе успѣхи возстанія, но и дала время австрійскимъ военнымъ властямъ собраться съ силами и съ духомъ. Эрцгерцогъ Фердинандъ, узнавъ объ отступленіи генерала фонъ-Коллина, послалъ подполковника Бенедека принять начальство надъ разрозненными отрядами, стоявшими въ западныхъ округахъ Галиціи. Бенедекъ обнаружилъ не только проницательность, но замѣчательную быстроту и рѣшительность во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Прибывъ въ Тарновъ, онъ встрѣтилъ горячее содѣйствіе со стороны Брейндля, который составилъ для него вспомогательный отрядъ изъ 3,000 крестьянъ; регулярныхъ же войскъ у Бенедека было не болѣе 500 человѣкъ. Съ такими средствами онъ остановилъ дальнѣйшее движеніе возстанія, разбивъ подъ мѣстечкомъ Гдовомъ подходившія къ нему постепенно толпы инсургентовъ, которые потеряли при этомъ 186 человѣкъ убитыми, 63 тяжело ранеными; остальные же успѣли разбѣжаться. Крестьяне потеряли много убитыхъ и много раненыхъ. Войска, принимавшія слабое участіе въ сраженіи, имѣли только двухъ убитыхъ. Давъ краткій отдыхъ своей арміи, накормивъ и напоивъ ее, Бенедекъ столь же быстро двинулся къ Величкѣ. Ободренный его дѣйствіями, генералъ фонъ-Коллинъ также перешелъ къ наступленію. Разрозненныя толпы инсургентовъ продолжали отступать передъ ними до самаго Подгорья. Но здѣсь австрійскія войска встрѣтились съ необыкновеннымъ врагомъ. На встрѣчу имъ вышла громадная процессія съ церковными хоругвями, крестами, священными реликвіями и религіознымъ пѣніемъ. Во главѣ ея шелъ Дембовскій въ простомъ крестьянскомъ одѣяніи, затѣмъ значительное число духовнаго сословія, особенно монаховъ, большею частію вооруженныхъ, далѣе кра-

ковскіе обыватели, городская стража и революціонное войско. Вся эта масса была съ оружіемъ въ рукахъ. У Дембовскаго была мысль привлечь на сторону революціи галицкихъ сельчанъ помощью церковнаго оружія и краснорѣчія. Дѣйствительно, изъ ближайшихъ деревень къ процессіи присоединились незначительныя толпы народа. Между тѣмъ инсургенты заняли въ Подгорьѣ казармы, городскую думу, гостинницы и другіе каменные дома; прикрыли собою мостъ чрезъ Вислу и заняли небольшимъ отрядомъ краковскій берегъ рѣки, поставивъ на немъ двѣ пушки. Австрійскія войска приблизились къ Подгорью нѣсколькими колоннами. Произошло почти одновременное сраженіе въ полѣ, на улицахъ Подгорья и на берегу рѣки. Часть инсургентовъ была перебита, большинство бѣжало за Вислу. Но участвовавшіе въ процессіи были отрѣзаны отъ краковской территоріи и оттѣснены къ одной изъ подгорскихъ церквей. Отступившіе за Вислу инсургенты бросились-было снова на австрійскій берегъ, чтобы помочь оставшейся въ Подгорьѣ процессіи, но были прогнаны назадъ картечью. Процессія также была разбита. Дембовскій былъ убитъ и съ нимъ еще 28 человѣкъ, остальные были изранены или взяты въ плѣнъ, въ томъ числѣ 32 духовныхъ лица; но многіе разбѣжались. Битва подъ Гдовомъ и пораженіе въ Подгорьѣ нанесли окончательный ударъ революціи. Галиція была для нея потеряна, ибо Бенедекъ и Коллинъ вскорѣ заняли Бохню и Величку. Оставалось покончить съ Краковомъ; но разлившаяся Висла и испорченный мостъ чрезъ нее не позволяли австрійцамъ вступить въ краковскіе предѣлы. Несмотря на всѣ свои старанія, фонъ-Коллинъ не могъ достать вѣрныхъ свѣдѣній о томъ, чтó происходило въ краковскомъ округѣ. Весь лѣвый берегъ Вислы былъ занятъ революціонными пикетами, и хотя они не производили стрѣльбы, но даже частныя сношенія между обоими берегами были невозможны. Фонъ-Коллинъ принялся возстановлять разрушенный мостъ.

Не одни успѣхи австрійцевъ въ Галиціи подрывали революціонное дѣло въ Краковѣ; ему угрожало также приближеніе прусскихъ войскъ, подъ начальствомъ графа Бранденбурга, изъ Силезіи, и русскихъ, подъ начальствомъ Панютина и Ридигера, изъ царства польскаго. На возбужденіе возстанія не только въ великомъ княжествѣ познанскомъ, но и въ царствѣ польскомъ нельзя было разсчитывать. Въ Познани всѣ вожди революціи были уже схвачены и находились подъ судомъ. Въ царствѣ польскомъ одинъ только помѣщикъ, Панталеонъ Потоцкій, съ нѣсколькими изъ своихъ сосѣдей вздумалъ-было овладѣть городомъ

Сѣдльцомъ, но долженъ былъ бѣжать и вскорѣ былъ задержанъ. Тиссовскій и Скаржинскій, при всѣхъ своихъ усиліяхъ, едва могли собрать въ теченіи пяти дней 200 кавалеристовъ и 1000 пѣхотинцевъ; кромѣ того, они могли располагать 5,000 крестьянъ, вооруженныхъ какъ попало. Но постоянный совѣтъ, окружавшій Тиссовскаго, не могъ довѣриться столь незначительнымъ силамъ и потребовалъ, наконецъ, чтобы инсургенты удалились изъ краковской территоріи. 18-го февраля (2-го марта), Тиссовскій выслалъ парламентера для переговоровъ съ генераломъ фонъ-Коллиномъ; но тотъ объяснилъ, что не ведетъ переговоровъ съ мятежниками и вступитъ въ Краковъ съ оружіемъ въ рукахъ. Но когда въ Подгорье прибылъ галицкій губернаторъ, графъ Лажанскій, туда отправилась депутація отъ краковскихъ гражданъ, состоявшая изъ графа Іосифа Водзицкаго, банкировъ: Вольфа и Гельцеля и обывателя Федоровича. Она признавала, что Краковъ все еще находится въ рукахъ революціонеровъ, но приглашала австрійскія войска вступить возможно скорѣе въ городъ. Генералъ фонъ-Коллинъ требовалъ выдачи Тиссовскаго, исправленія моста и ручательствъ, что въ войска, при ихъ вступленіи въ городъ, не будутъ стрѣлять. По возвращеніи депутаціи въ Краковъ, Тиссовскій имѣлъ совѣщаніе съ Вольфомъ и Водзицкимъ, которые совѣтовали ему удалиться изъ Кракова вмѣстѣ съ инсургентами. Но Тиссовскому трудно было исполнить это, не возстановляя противъ себя наиболѣе горячихъ приверженцевъ революціи; а потому онъ объявилъ походъ противъ пруссаковъ, шедшихъ къ Кракову и обратился съ такимъ предложеніемъ къ совѣту: «такъ какъ обстоятельства заставляютъ меня выдти въ поле противъ непріятеля съ вооруженною силою, то я повелѣваю членамъ совѣта управлять дѣлами подъ ихъ отвѣтственностью, съ обязанностью представить мнѣ отчетъ по возвращеніи моемъ». Жители Кракова вздохнули свободнѣе, узнавъ о такомъ распоряженіи, а Тиссовскій и Скаржинскій занялись составленіемъ плана своего отступленія. Ночью они сообщили на всѣхъ сторожевыхъ постахъ приказъ: тихо собраться всѣмъ отрядамъ на площади предмѣстья Клепаржъ. Раннимъ утромъ они выступили съ этими войсками и въ деревнѣ Броновицахъ сосчитали ихъ: оказалось 210 кавалеристовъ, 200 пѣхотинцевъ, имѣвшихъ огнестрѣльное оружіе и 900 имѣвшихъ только холодное оружіе, и, кромѣ того, одна пушка; но всѣ военные припасы оставлены были въ Краковѣ. Въ Кржешевицахъ инсургенты переночевали, и на другой день держали совѣтъ, причемъ было высказано только два мнѣнія: одни совѣтовали направиться на Олькушъ и перенести воз-

станіе въ царство польское, другіе предлагали перебраться чрезъ Вислу, въ Галицію. Скаржинскій отвергъ оба предложенія, и указалъ на возможность войти въ переговоры съ Пруссіей. Самъ Скаржинскій, Рогавскій и Хладекъ выбраны были для посылки въ Пруссію и заключенія условій о переходѣ за границу инсургентовъ. Въ полдень, всѣ инсургенты перешли границу и въ полумилѣ отъ нея остановились въ ожиданіи извѣстій отъ депутаціи. Въ это время Тиссовскій раздѣлилъ между инсургентами находившуюся при немъ военную кассу. Только въ 4 часа появился отрядъ прусскихъ уланъ съ дружескимъ приглашеніемъ къ ожидавшимъ инсургентамъ слѣдовать къ селенію Хельмеку: здѣсь, при переходѣ черезъ мостъ, произошло обезоруженіе инсургентовъ и передача ихъ прусскимъ войскамъ. Такъ кончилась роль польской демократической республики и ея диктатора. Самому Тиссовскому прусскія власти дали возможность сдаться въ качествѣ простого офицера и потомъ выѣхать по желѣзной дорогѣ чрезъ Бреславль въ Дрезденъ, подъ именемъ купца Боде. Но въ Саксоніи его посадили въ крѣпость Кенигштейнъ. Здѣсь онъ былъ подверженъ допросу смѣшанной австрійско-саксонской слѣдственной коммиссіи и далъ подробныя и вѣрныя показанія обо всѣхъ событіяхъ, совершившихся подъ его диктатурой. Онъ даже предложилъ въ вознагражденіе за суммы, взятыя изъ соляного управленія Велички, находившіеся при немъ 19,895 флориновъ. Саксонское правительство объявило, что оно выдаетъ его Австріи; но императоръ Фердинандъ, согласно просьбѣ Тиссовскаго, разрѣшилъ ему выѣхать чрезъ Тріестъ въ Сѣверную Америку, куда отправлено было его семейство, причемъ имъ выдано было пособіе на путешествіе и 2,000 флориновъ на первоначальное устройство въ Америкѣ. Тиссовскій поселился въ Бостонѣ и получилъ мѣсто учителя въ рисовальной школѣ съ ежегоднымъ жалованьемъ въ 2,000 долларовъ. Онъ умеръ десять лѣтъ спустя послѣ своего диктаторства. Съ его выходомъ изъ краковской территоріи прусское правительство объявило, что спокойствіе на пространствѣ всего великаго княжества познанскаго возстановлено.

По очищеніи краковскаго округа отъ инсургентовъ возстановленъ былъ временный комитетъ общественной безопасности, который и издалъ, 19-го февраля (3-го марта) 1846 года, слѣдующую прокламацію къ жителямъ: «чтобы успокоить обывателей, мы доводимъ до ихъ свѣдѣнія, что для выслушанія воли трехъ высокихъ покровителей относительно города Кракова, равно какъ и для врученія ихъ великодушію жителей сей столицы, поражен-

ной столь великимъ несчастіемъ, были посланы уполномоченные депутаты къ начальникамъ войскъ, расположенныхъ на границахъ. Нижеподписавшіеся члены комитета, прося всѣхъ обывателей спокойно выждать послѣдствій такого дѣйствія, симъ извѣщаютъ: 1) что подъ строжайшимъ наказаніемъ запрещено стрѣлять на улицахъ; 2) что, за исключеніемъ охранительной стражи, никто не можетъ носить оружія; 3) что оружіе и военные припасы должны быть сданы полицейской дирекціи, за исключеніемъ принадлежащихъ охранительной стражѣ. Іосифъ Водзицкій, Петръ Мошинскій, Іосифъ Коссовскій, Левъ Бохенекъ, Антонъ Гельцель. Секретарь Гилярій Мѣцишевскій». Въ тотъ же день, утромъ, въ Краковъ вступилъ русскій отрядъ, встрѣченный весьма привѣтливо со стороны мирныхъ гражданъ, причемъ даже ясно выражено было предпочтеніе русскихъ австрійцамъ, которыхъ въ Краковѣ сильно побаивались въ то время. Вечеромъ того же дня въ Краковъ вступила часть австрійскихъ войскъ, назначенныхъ для его занятія. За́мокъ и главное зданіе городской стражи заняты были русскими и австрійцами совмѣстно. Панютинъ и фонъ-Коллинъ обнародовали на другой день прокламацію, въ которой изложили условія военнаго занятія Кракова отъ имени трехъ покровительствующихъ дворовъ. Условія были слѣдующія: «1) вольный городъ Краковъ находится отнынѣ въ осадномъ положеніи и никто не можетъ оставить его безъ особаго на то разрѣшенія; 2) личность и собственность мирныхъ жителей будутъ уважаемы; 3) всѣ домовладѣльцы или управители домовъ, нежелающіе привлечь на себя всю строгость военныхъ законовъ, должны подъ личною отвѣтственностью представить военнымъ властямъ всѣхъ, кто принималъ участіе въ послѣднихъ безпорядкахъ; 4) всѣ тѣ, которые, не принадлежа къ числу главныхъ вождей, имѣли однакожъ слабость присоединиться къ послѣднимъ, должны для собственныхъ своихъ выгодъ и во избѣжаніе всякаго принужденія явиться добровольно къ властямъ, ибо только въ этомъ случаѣ будутъ приняты во вниманіе ихъ собственныя показанія; 5) всѣ, кто удержитъ при себѣ оружіе и не выдастъ его до полудня 22-го февраля (6 марта), будутъ подлежать всей строгости военныхъ законовъ; 6) президентъ и члены краковскаго сената, удалившіеся вслѣдствіе обстоятельствъ и возвратившіеся теперь въ городъ, составятъ управленіе, которое займется текущими внутренними дѣлами. Сенаторъ Копфъ будетъ до возвращенія президента Шиндлера исправлять его должность; 7) каждый оккупаціонный отрядъ назначилъ одного плацъ-коменданта и одного плацъ-адъютанта, въ соглашеніи съ коими и будутъ дѣйствовать;

8) будетъ учреждена смѣшанная военная слѣдственная коммиссія для опредѣленія степени виновности задержанныхъ лицъ. Тѣ, которые признаны будутъ невинными, получатъ тотчасъ же свободу; съ виновными же будетъ поступлено сообразно съ законами». 24-го февраля (8 марта) въ Краковъ вступили и прусскія войска. Затѣмъ городъ предоставленъ былъ исключительной охранѣ австрійскаго отряда, а русскій и прусскій отряды заняли его округъ. Въ Вѣнѣ образована была особая конференція: изъ князя Меттерниха, русскаго посланника графа Медема и прусскаго повѣреннаго въ дѣлахъ графа Вестфалена, для рѣшенія дальнѣйшей судьбы Кракова, на который уже обращено было вниманіе европейской дипломатіи, особенно же французскаго и англійскаго министерствъ.

XVII.

Пренія во французской палатѣ депутатовъ, 2-го марта 1846 г., и въ палатѣ перовъ, 7-го и 8-го марта, о галицкой рѣзнѣ и краковскихъ событіяхъ по поводу закона о секретныхъ расходахъ. — Дипломатическая переписка между Вѣною, Парижемъ, Лондономъ, Берлиномъ и Петербургомъ во время краковскаго возстанія. — Объяснительныя депеши князя Меттерниха въ Парижъ и Лондонъ о связи галицкихъ дѣлъ съ краковскими.—Спеціальныя конференціи по этому вопросу между представителями трехъ державъ въ Вѣнѣ и Берлинѣ. — Мнѣніе лорда Абердина о томъ же. — Новыя пренія во французской палатѣ перовъ о Краковѣ, по поводу законопроекта объ эмигрантахъ. — Отзывъ резидентовъ покровительствующихъ дворовъ изъ Кракова, по предложенію Меттерниха. — Выступленіе русскихъ войскъ изъ Кракова и народная демонстрація въ честь нихъ. —Рѣшеніе вѣнской конференціи о присоединеніи Кракова къ Австріи.— Договоръ между тремя державами отъ 25-го октября 1846 года.—Протесты Франціи и Англіи. Отвѣтныя ноты Пруссіи. — Отвѣтныя депеши и объяснительный мемуаръ Австріи. — Мнѣніе тогдашней публицистики о присоединеніи Кракова къ Австріи.—Сліяніе краковскаго округа съ Галиціей.

Первое вниманіе на польскую революцію, охватившую Краковъ и западную Галицію, обратила французская палата депутатовъ въ засѣданіи 2-го (14) марта. Вопросъ возбужденъ былъ де-Ларошъ-Жакеленомъ, который назвалъ его не революціоннымъ, а національнымъ. Указавъ на возбужденіе галицкихъ крестьянъ противъ шляхты и обвинивъ въ томъ австрійское правительство, онъ высказалъ опасеніе, что краковская республика можетъ пасть жертвою политическаго возмездія, и требовалъ отъ министра иностранныхъ дѣлъ, Гизо, объясненій по этому поводу. «Такъ какъ нынѣшнее правительство считаетъ себя связаннымъ трактатами 1815 года», говорилъ онъ, «то какія мѣры намѣрено оно принять въ смыслѣ этихъ трактатовъ, чтобы обезпечить за краковской республикой гарантіи, признанныя въ нихъ? Увѣрено ли оно,

что подданные краковской республики не будутъ преданы особымъ судамъ, вмѣсто ихъ естественныхъ судей? Что́ сдѣлало правительство въ этомъ смыслѣ? Что́ оно знаетъ? Что́ оно намѣрено предпринять?» Гизо, касаясь событій въ Галиціи, замѣтилъ: «провозглашать соціальный переворотъ, чтобы защититься отъ политической опасности, преступно; революціонеры дѣлаютъ это, законныя правительства не должны себѣ позволять этого?» Установивъ такую точку зрѣнія на борьбу между сельскимъ населеніемъ и шляхтою въ Галиціи, если источникомъ ея были правительственныя подстрекательства, Гизо возразилъ, что всѣ доказательства въ пользу такого мнѣнія заимствованы лишь изъ газетныхъ корреспонденцій—источника довольно мутнаго. Затѣмъ онъ коснулся устройства земледѣльческаго класса въ Познани и Галиціи, указалъ на печальное положеніе галицкихъ крестьянъ во времена Рѣчи-Посполитой и на защиту, оказываемую имъ австрійскими властями отъ притѣсненій со стороны шляхты; эти притѣсненія онъ считалъ главною причиною галицкой рѣзни. Что касается вмѣшательства въ польскія дѣла вообще и въ краковскія въ особенности, то Гизо далъ такое объясненіе: «мы думали, что Франція должна укрѣплять свое собственное правительство, предпочитать свои прямые интересы менѣе близкимъ, защищать сперва свою собственную независимость, затѣмъ свободу государствъ, съ которыми ея судьба тѣсно связана, Бельгіи, Швейцаріи, потомъ уже Испаніи, и что защита Франціи не должна простираться на слишкомъ дальнее разстояніе и вопреки необходимости. Мы думали также, что другой мотивъ, не менѣе могущественный, не менѣе важный для правительства и народа, уважающихъ себя, предписываетъ намъ ту же политику: это — международныя обязанности, народное право. Франція признала положеніе Европы; Европа признала новое положеніе Франціи. Нашею обязанностію, нашимъ законнымъ дѣйствіемъ было соотвѣтственное поведеніе, поддержка съ иностранными правительствами мирныхъ, добрыхъ, правильныхъ отношеній. Мы это сдѣлали. Что́ было для насъ національнымъ интересомъ, то же самое было и нашею международною обязанностію». Изъ такого положенія Гизо выводилъ двѣ обязанности для Франціи относительно поляковъ: съ одной стороны, не подавать имъ ложныхъ надеждъ, ложныхъ обѣщаній, не возбуждать въ нихъ напрасныхъ иллюзій; съ другой стороны, облегчать ихъ положеніе всѣми средствами, согласными съ интересами Франціи и народнаго права. На объясненія Гизо первый отвѣтъ данъ былъ Кастелляномъ. Онъ расточалъ похвалы прусскому правительству за преобразованіе сословныхъ отношеній

въ подвластныхъ ему польскихъ провинціяхъ, и съ горькимъ упрекомъ отзывался объ Австріи, нашедшей свои выгоды въ поддержкѣ старинныхъ отношеній между хлопами и шляхтой и поставившей свою бюрократію посредникомъ и судьею между обоими сословіями. Касательно газетныхъ извѣстій о галицкихъ событіяхъ, онъ указалъ на оффиціальную газету Пруссіи и на «Аугсбургскую газету», получавшія свѣдѣнія изъ официальныхъ источниковъ, привелъ изъ нихъ нѣсколько отрывкокъ и назвалъ имена погибшихъ. Одиллонъ Барро отвѣчалъ на мысль Гизо, что Франція не имѣетъ выбора въ своей политикѣ, и смѣялся надъ его ссылкою на международное право: «есть народное право», говорилъ онъ, «принуждающее къ отступленію и къ молчанію, и нѣтъ международнаго права, когда нужно опереться на благопріятные трактаты!» Могюэнъ прочелъ нѣсколько отрывковъ изъ «Кёльнской газеты» о поведеніи австрійскихъ властей въ виду возстанія. «Онѣ знали о приготовленіяхъ къ нему», говорилъ онъ, «и дали развиться событіямъ, между тѣмъ какъ Пруссія благоразумно предупредила ихъ въ самомъ началѣ. Теперь надо знать, зачѣмъ это было нужно? Когда организуется заговоръ, то его не допускаютъ до взрыва, если только не имѣютъ въ томъ интереса. Какой же интересъ былъ у Австріи? Конечно, намъ трудно судить о томъ. Мы не можемъ знать въ точности, какія цѣли были у австрійскаго правительства, но очевидно, что цѣли были. Я опасаюсь, что одною изъ такихъ цѣлей было уничтоженіе маленькаго краковскаго государства. Конечно, это государство незначительно, слабо; но оно напоминаетъ еще имя Польши, напоминаетъ о польской національности, а эти два слова приводятъ въ волненіе всю Европу, доказательствами чему служатъ послѣднія событія. Безъ сомнѣнія, краковское государство обречено на уничтоженіе». На основаніи такихъ опасеній ораторъ требовалъ, чтобы французское правительство выступило съ рѣшительнымъ заявленіемъ своей воли и потребовало, чтобъ Австрія, погасивъ возстаніе въ своихъ областяхъ, не шла далѣе. Наконецъ, Могюэнъ не соглашался съ Гизо насчетъ того, что Франція обязана внѣшнимъ миромъ снисходительности европейскихъ правительствъ: правда, сначала она искала мира и не получила его; но потомъ ей грозили войною, и наконецъ событія въ Бельгіи, Италіи и Польшѣ сдѣлали эту войну невозможною. Такимъ образомъ, политика французскаго министерства, державшагося системы невмѣшательства, по мнѣнію оратора, не могла быть обязательною для Франціи и не вызывалась взаимностью ни съ чьей стороны.

Тотъ же вопросъ о Галиціи и Краковѣ обсуждался въ за-

сѣданіяхъ палаты перовъ 7-го (19) и 8-го (20) марта, по поводу закона о секретныхъ расходахъ. Здѣсь-то Монталамберъ представилъ полную картину положенія галицкихъ крестьянъ и вліянія на нихъ мѣстныхъ властей, послужившую впослѣдствіи самымъ сильнымъ основаніемъ для порицанія австрійской политики. Онъ подробно разсказалъ происшествія, совершившіяся въ Тарновскомъ округѣ и сосѣднихъ съ нимъ, указалъ на денежныя награды, розданныя полицейскими властями сельскому населенію; затѣмъ коснулся значенія этихъ событій относительно общихъ вопросовъ европейскаго международнаго права. Гизо отвѣчалъ и въ палатѣ пэровъ то же самое, что было сказано имъ въ палатѣ депутатовъ. Кромѣ Монталамбера говорили еще пять ораторовъ, въ томъ числѣ Викторъ Гюго, генералъ Фабье, графъ Таше и Вильменъ. Викторъ Гюго развивалъ мысль, что великія націи могущественны не одними флотами и арміями, но и своимъ нравственнымъ вліяніемъ; а потому онъ предлагалъ ограничиться парламентарными заявленіями въ пользу потеряннаго дѣла и считалъ это достаточнымъ для его возстановленія. Генералъ Фабье привелъ нѣсколько примѣровъ изъ исторіи Австріи въ пользу той мысли, что эта держава всегда прикрывала своими дипломатическими объясненіями совершенно иныя цѣли, чѣмъ тѣ, о которыхъ заявляла, словомъ, держалась политики обмана; а потому и увѣренія ея относительно Галиціи и Кракова не должны заслуживать, по его мнѣнію, довѣрія. Графъ Таше напомнилъ обѣщаніе, данное французскимъ министерствомъ въ 1836 году, учредить консульство въ Краковѣ, оставшееся однако до послѣдняго времени неисполненнымъ. Вильменъ доказывалъ, что гостепріимство польскимъ эмигрантамъ, денежная помощь имъ несравненно хуже, чѣмъ политическое вмѣшательство въ польскія дѣла, которое, напротивъ, законнѣе и полезнѣе. Послѣ новыхъ объясненій Гизо послѣдовали и новыя возраженія ему со стороны самого Вильмена, герцога Даркура, барона Дюпена, виконта Девильеръ-Дютеражъ и маркиза Буасси. Такъ какъ обсуждавшійся вопросъ касался не прямо польскихъ событій, а только разрѣшенія секретныхъ расходовъ, которые предполагалось употребить на вспомоществованіе новымъ эмигрантамъ, то результатомъ всѣхъ преній было одно лишь утвержденіе палатою предложеннаго ей закона.

Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ обратился однакожъ, четыре дня спустя послѣ преній въ палатѣ пэровъ, съ депешой къ генералу Флаго, французскому посланнику при австрійскомъ дворѣ, въ которой выражалъ надежду, что Австрія

не злоупотребитъ своимъ положеніемъ въ Краковѣ. Указавъ на то, что общественное спокойствіе въ Краковѣ и Галиціи было нарушено на короткое время, что исходъ борьбы при столь несоразмѣрныхъ силахъ былъ несомнѣненъ, и что устраненіе причиненныхъ ею бѣдствій можетъ совершиться съ неменьшею быстротою, Гизо говорилъ, что дальнѣйшій ходъ дѣлъ вполнѣ зависитъ отъ мудрости и человѣколюбія правительствъ. «Что касается военнаго занятія, подъ которымъ теперь находится краковская «республика», прибавлялъ онъ: то завѣренія, которыя далъ мнѣ князь Меттернихъ, и которыя я также получилъ изъ Берлина, внушаютъ мнѣ, въ чемъ я не сомнѣвался съ самаго начала, полное убѣжденіе, что оно есть мѣра исключительная, которая будетъ тотчасъ же отмѣнена, лишь только обстоятельства позволятъ возвратиться къ положенію, созданному вѣнскими договорами. Уваженіе къ трактатамъ есть одно изъ самыхъ существенныхъ основаній консервативной политики, и мнѣ извѣстно, насколько эта политика согласна со всѣми видами австрійскаго кабинета». Другою депешей отъ того же дня Гизо уполномочивалъ посланника снабжать паспортами поляковъ, которые пожелали бы удалиться изъ Кракова или Галиціи во Францію. Англійское министерство и его агенты также слѣдили за дѣйствіями Австріи въ Краковѣ. Агентъ, пребывавшій въ Вѣнѣ, писалъ лорду Абердину отъ 4-го (16) марта: «съ общаго согласія военныхъ начальниковъ и министровъ-резидентовъ трехъ покровительствующихъ державъ, въ Краковѣ учреждено временное правительство подъ предсѣдательствомъ графа Врбны, начальника австрійскихъ войскъ; русскій и прусскій отряды очистили городъ; спокойствіе вполнѣ возстановлено, правительство обременено множествомъ арестованныхъ, между коими находится немало священниковъ». На другой день изъ Петербурга Блюмфильдъ сообщалъ лорду Абердину, что спрашивалъ графа Нессельроде: справедливы ли слухи о намѣреніи трехъ союзныхъ державъ ввести въ конституцію краковскаго правительства перемѣны, которыя должны ограничить его независимость? «Его сіятельство», доносилъ Блюмфильдъ, «отвѣчалъ мнѣ, что краковское государство причиняетъ много безпокойствъ сосѣднимъ державамъ, что до сихъ поръ еще не предложено никакихъ измѣненій въ устройствѣ этого государства; но весьма возможно, что вопросъ этотъ будетъ подвергнутъ обсужденію». Изъ Берлина лордъ Уэстморелэндъ писалъ въ Лондонъ, что прусское министерство иностранныхъ дѣлъ считаетъ положительной необходимостью для покровительствующихъ державъ принять рѣшительныя мѣры про-

тивъ возобновленія волненій, подобныхъ бывшимъ въ Краковѣ, и что вопросъ о независимости этого государства можетъ сдѣлаться предметомъ самыхъ серьёзныхъ совѣщаній между тремя державами; а потомъ сообщалъ, что изъ разговоровъ съ барономъ фонъ-Каницемъ не могъ вынести нималѣйшаго подозрѣнія на счетъ намѣренія прусскаго правительства принять какія-либо мѣры, нарушающія независимость вольнаго города. 20 и 21-го марта (1 и 2-го апрѣля), англійскіе дипломаты, пребывавшіе въ Вѣнѣ и Берлинѣ, писали лорду Абердину, что князь Меттернихъ отправилъ въ Пруссію графа фонъ-Фикельмона для объясненія прусскому королю отношеній Австріи къ польскимъ дѣламъ, и что, по всей вѣроятности, рѣчь будетъ идти о постоянномъ занятіи Кракова австрійскимъ военнымъ отрядомъ, и что въ Берлинѣ признаютъ необходимымъ прежде всего разрѣшить вопросъ о будущемъ правительствѣ Кракова, ибо сенатъ болѣе не существуетъ, его власть прекратилась и трудно сказать, чѣмъ она должна быть замѣнена. Французскій повѣренный въ дѣлахъ при берлинскомъ дворѣ, сообщившій барону фонъ-Каницу депешу Гизо, въ которой выражалась надежда, что независимость Кракова, основывающаяся на вѣнскихъ трактатахъ, не будетъ нарушена, писалъ въ Парижъ, что фонъ-Каницъ сказалъ ему слѣдующее на это: «дѣйствительно, мы никогда не думали протянуть за предѣлы, предписываемые крайнею необходимостію, военное занятіе Кракова и его территоріи; русскія и прусскія войска очистили самый городъ, какъ вы знаете, почти тотчасъ же; но мы должны все возстановить; правительство не существуетъ болѣе; президента Шиндлера мы уже не можемъ поставить во главѣ сената; все это требуетъ времени и связано съ затрудненіями; мы сознаемъ всю необходимость покончить съ этимъ скорѣе. Возстановивъ порядокъ, надо возстановить правильное теченіе дѣлъ, составить правительство, которое могло бы дѣйствовать. Общественное спокойствіе нарушено было въ теченіи немногихъ дней; но бѣдствія, причиненныя этимъ страшнымъ кризисомъ, потребуютъ много времени для своего устраненія». Двѣ недѣли спустя лордъ Уэстмореландъ писалъ лорду Абердину: «строгія рѣшенія приняты здѣсь относительно арестованныхъ уроженцевъ края и польскихъ эмигрантовъ. Эти дѣла, по всей вѣроятности, займутъ отъ 12 до 18 мѣсяцевъ, въ теченіи коихъ три покровительствующія державы сохранятъ временное правительство Кракова; послѣ чего будетъ изготовленъ планъ устройства постояннаго правительства въ краковскомъ государствѣ, который будетъ предложенъ на одобреніе правительствамъ Англіи и Франціи».

Наконецъ, само австрійское правительство высказало свой взглядъ на событія, совершившіяся въ Галиціи и Краковѣ, въ однородныхъ депешахъ, отправленныхъ имъ къ своимъ посланникамъ въ Парижѣ и Лондонѣ. Вотъ что́ сказано было между прочимъ въ депешѣ князя Меттерниха на имя графа Дитрихштейна, бывшаго тогда посланникомъ при англійскомъ дворѣ, отъ 5-го (17) апрѣля: «трудно было бы дать объясненіе событіямъ, совершившимся въ теченіи послѣднихъ недѣль, если бы не было ключа къ нимъ въ духѣ, свойственномъ эмиграціямъ и въ безпредѣльномъ легкомысліи поляковъ. Всякое предпріятіе, отъ коего участвующіе въ немъ могутъ понести только потерю, и отъ коего не послѣдуетъ выгодъ ни для кого, всякое подобное предпріятіе носитъ на себѣ слѣды безумія. Между тѣмъ именно таковъ отличительный характеръ событій, нарушившихъ миръ нашей имперіи. Предпріятіе это проникнуто было тою страстью къ разрушенію, которая ослѣпляетъ всѣхъ, предавшихся ему со всѣми его послѣдствіями. Чего не могла разсчитать эта страсть, то подсказано было легкомысліемъ. Польская эмиграція, чуждая интересамъ и потребностямъ страны, которую она покинула, пропитанная идеями, которыя ни въ какомъ смыслѣ не могутъ быть доступны массѣ жителей этого края, возбужденная и восхищенная почестями, которыми она пользуется за границей, забыла, что освобожденіе отъ повинностей, не только общественныхъ, но равно и тѣхъ, которыя связаны съ собственностію, можетъ сдѣлаться крайне опаснымъ ученіемъ, если проповѣдывать его массамъ. И однакожъ именно къ этому средству прибѣгла партія, называющая себя въ эмиграціонной средѣ демократическою; на него же согласилась и аристократическая партія, чтобы обезпечить себѣ (таково было обольщеніе, раздѣляемое всею эмиграціей!) поддержку со стороны сельскаго населенія. Ошибка была великая, и послѣдствія, принесенныя ею, составляютъ нынѣ цѣлый рядъ затрудненій для правительства и для страны. Нельзя безнаказанно разрушать соціальныя отношенія въ какомъ бы то ни было политическомъ тѣлѣ, а между тѣмъ именно въ эту сторону направлены были событія въ Галиціи въ теченіи четырехъ или пяти дней, или—что̀ будетъ вѣрнѣе съ исторической истиной, —въ теченіи 6 и 7 (18 и 19) февраля въ Тарновскомъ округѣ, надъ которымъ заговоръ выполнилъ свой планъ всеобщаго потрясенія. Возстаніе, которое эмиграція возбудила противъ общественныхъ властей, обратилось противъ землевладѣльцевъ въ ту самую минуту, когда они хотѣли заставить своихъ крестьянъ повиноваться имъ при помощи силы. Смерть нѣсколькихъ кресть-

янъ, которыхъ раздраженные собственники убили пистолетными выстрѣлами, послужила знакомъ для сельчанъ, чтобы кинуться на провозглашавшихъ возстаніе. Они бросились на нихъ, умерщвляя всѣхъ сопротивлявшихся и представляя мѣстнымъ властямъ тѣхъ, которые сдавались. Такова во всей ея простотѣ исторія галицкой революціи; она задумана была въ смыслѣ политическомъ, но на самомъ дѣлѣ обратилась противъ тѣхъ, кто были ея двигателями и соучастниками. Вожди и главные руководители виновнаго предпріятія представили міру новое доказательство личнаго благоразумія. Никто изъ нихъ не явился лично на полѣ битвы; лица, убитыя крестьянами въ ночь съ 6-го на 7-е (съ 18 на 19) февраля, равно какъ и арестованные ими, были только соучастниками. Въ числѣ первыхъ, можно быть увѣреннымъ въ этомъ, нѣтъ ни одного, который бы пожертвовалъ жизнію для дѣла, выполненіе котораго такъ несогласно съ ожиданіями сельскаго населенія Галиціи. Говорить о возстановленіи древней Польши значитъ напоминать людямъ, бывшимъ рабами при прежнемъ управленіи и состоящимъ теперь собственниками въ Галиціи, несчастія, которыя они испытывали подъ этимъ управленіемъ. Все это такъ просто и такъ понятно, за исключеніемъ обольщенія, съ какимъ люди, жившіе на мѣстѣ и находившіеся среди такъ настроеннаго населенія, разсчитывали даже на возможность успѣха своего предпріятія! Единственное объясненіе этой загадки заключается въ способности, съ какою люди, руководимые страстью, надѣются встрѣтить и въ другихъ чувства, которыя одушевляютъ ихъ самихъ! Такъ какъ мы не принадлежимъ къ этому классу людей, то и не рискуемъ потеряться въ химерахъ; потому и наши затрудненія, дѣйствительныя и очень сильныя, въ чемъ мы и сознаемся, совершенно отличны отъ тѣхъ, которыя волнуютъ разгоряченные мозги въ наше время, столь богатое умами такого рода. Я не сомнѣваюсь, что люди умные, и стало, быть, практическіе, составляющіе англійское правительство, раздѣляютъ нашу точку зрѣнія и способъ сужденія о настоящемъ положеніи; я льщу себя надеждой, что ихъ мнѣніе не отличается отъ нашего по вопросу о громадномъ различіи, которое существуетъ между правомъ убѣжища, которое мы имѣемъ привычку уважать, и злоупотребленіями этого права, противъ коихъ мы боремся, не потому только, что имѣемъ право на то, но и по убѣжденію, что страдаемъ отъ зла, происходящаго вслѣдствіе покровительства, оказываемаго въ извѣстныхъ мѣстахъ кастѣ, поставленной данными условіями внѣ мирнаго общества, которая однакожъ должна быть удерживаема въ предѣлахъ приличія, если пользуется убѣжищемъ».

Такимъ образомъ, вопросъ о Краковѣ оказался тѣсно связаннымъ съ положеніемъ дѣлъ въ Галиціи. Ни возстаніе 1830 и 1831 годовъ, ни партизанскій набѣгъ 1833 года, ни происки эмиграціи въ началѣ сороковыхъ годовъ не компрометтировали такъ Кракова, какъ галицкія событія 1846 года и пребываніе въ немъ центральнаго революціоннаго правительства. На совѣщаніяхъ представителей трехъ покровительствующихъ державъ, происходившихъ въ Вѣнѣ, и на совѣщаніяхъ прусскаго двора съ спеціально уполномоченными по этому дѣлу отъ Россіи и Австріи лицами, вѣнское правительство выставило со всею подробностію то опасное значеніе, какое имѣлъ Краковъ для сосѣднихъ провинцій, оставаясь вольнымъ и независимымъ городомъ. Прямой доступъ для агентовъ эмиграціи, пользовавшихся французскимъ гостепріимствомъ, невозможенъ былъ ни въ одной изъ польскихъ областей, находившихся въ непосредственной зависимости отъ Австріи, Пруссіи и Россіи; но Краковъ съ его польскимъ правительствомъ, слабымъ и ограниченнымъ въ своей дѣятельности, всегда могъ укрывать въ себѣ революціонныхъ эмиссаровъ и тѣмъ нарушать условія, отъ коихъ зависѣла его нейтральность. Всѣ средства и мѣры, какими только располагали покровительствующія державы, были ими испытаны, но не могли оградить Краковъ отъ наплыва революціонныхъ элементовъ и сдѣлать его исключительно мирнымъ и торговымъ городомъ. Оставалось одно средство—держать въ немъ постоянно австрійскій отрядъ; но такая мѣра, съ одной стороны, должна была безпрестанно возбуждать дипломатическіе запросы со стороны западной Европы, съ другой—вызывая Австрію на постоянные расходы, ставила ее въ исключительное положеніе даже относительно другихъ покровительствующихъ державъ. Принимая на себя отвѣтственность за спокойствіе Кракова, Австрія желала быть свободною и въ своихъ дѣйствіяхъ, признаваемыхъ ею необходимыми для достиженія возложенной на нее задачи. Наконецъ, торговое значеніе Кракова для Галиціи и его выгодное въ стратегическомъ отношеніи положеніе, ради коихъ Австрія такъ неохотно согласилась на желаніе императора Александра I сдѣлать Краковъ вольнымъ городомъ, заставляли князя Меттерниха предпочитать окончательное присоединеніе краковской территоріи къ австрійской имперіи его постоянному занятію австрійскими войсками. Но въ Петербургѣ и Берлинѣ колебались передъ столь рѣшительнымъ шагомъ, и англійскій повѣренный въ дѣлахъ при берлинскомъ правительствѣ, Говардъ, могъ еще въ своей депешѣ, отъ 11-го (23) іюня, къ лорду Абердину съ полнымъ убѣжденіемъ увѣрять его, что «сохраненіе

краковскаго государства рѣшено самымъ положительнымъ образомъ на конференціяхъ, которыя имѣли австрійскій и русскій уполномоченные съ прусскимъ кабинетомъ, и что только вопросы о будущемъ правительствѣ Кракова, о гарнизонѣ, который тамъ долженъ оставаться и объ участіи трехъ державъ въ управленіи республикой, должны быть отнынѣ предметомъ обсужденія для конференціи, засѣдающей въ Вѣнѣ». Князь Меттернихъ, конечно, былъ лицомъ, направлявшимъ занятія этой конференціи. Кромѣ того, онъ не забывалъ, какъ мы видѣли, знакомить англійское и французское правительство съ его собственными взглядами на участіе Кракова въ послѣдней революціи. Лордъ Абердинъ сталъ первый склоняться въ пользу объясненій, представленныхъ княземъ Меттернихомъ, и высказалъ свой взглядъ на краковскій вопросъ въ депешѣ, отъ 14-го (26) іюня, къ англійскому консулу въ Варшавѣ, полковнику Дюпла, горячему приверженцу политической независимости и торговой будущности Кракова. «Правительство великобританское», писалъ онъ, «не могло понять въ минуту, когда обнаружилось это необдуманное возстаніе, какія причины могли его вызвать; оно не могло дать себѣ отчета и во время самыхъ событій, совершавшихся съ такою быстротою, въ побужденіахъ, руководящихъ лицами, участвовавшими въ этомъ дѣлѣ. Разнузданныя страсти и полное отсутствіе разсудительности представляются мнѣ характеризующими это дѣло отъ начала его до самаго конца. Ясно, что съ самаго начала возстанія и во все его продолженіе, три державы, провинціи которыхъ были непосредственно затронуты имъ, не могли принять иного образа дѣйствій, кромѣ прекращенія возстанія всѣми мѣрами и средствами, какими онѣ могли располагать, не взирая ни на какія привилегіи и гарантіи, данныя краковской республикѣ трактатами. При такихъ обстоятельствахъ положеніе дѣлъ было исключительное, и должно было разсматриваться столь же исключительнымъ образомъ. Не менѣе того очевидно, что три державы имѣютъ право и въ сущности обязаны, въ интересѣ ихъ собственныхъ государствъ, принимать мѣры, способныя оградить ихъ отъ возобновленія опасностей, которымъ онѣ только-что подвергались. При настоящемъ положеніи сего дѣла и пока не произойдетъ что-либо, бросающее свѣтъ на намѣренія трехъ державъ, особенно заинтересованныхъ въ краковскомъ вопросѣ относительно его будущности, правительство ея величества удержится отъ подачи своего мнѣнія и отъ всякаго дѣйствительнаго вмѣшательства въ ихъ отношенія къ этой республикѣ. Когда же выяснится образъ дѣйствій, который примутъ помянутыя дер-

жавы, или когда, по крайней мѣрѣ, представятся довольно ясные намеки на то, великобританское правительство будетъ готово дѣйствовать въ томъ смыслѣ, какой укажутъ ему обстоятельства и обязательства, налагаемыя существующими договорами». Съ такою осторожностью дѣйствовало англійское правительство въ краковскомъ вопросѣ, и ему удавалось поддерживать такое же настроеніе въ парламентѣ.

Въ совершенно иномъ положеніи находилось французское правительство. 20-го іюня (2-го іюля) въ палатѣ перовъ обсуждался законопроектъ объ эмигрантахъ, и дѣла Кракова и Галиціи снова выступили на сцену. Ораторомъ опять явился графъ Монталамберъ. Онъ началъ съ доказательствъ въ пользу права Франціи вмѣшиваться въ дѣла краковской республики; затѣмъ, представилъ февральское возстаніе въ Галиціи и Краковѣ крайне ничтожнымъ, продолжавшемся не болѣе восьми дней и ограничившемся двумя-тремя округами. Хотя австрійскія войска, имѣвшія всю возможность подавить возстаніе въ первую же минуту, только отступали передъ нимъ, какъ-бы завлекая революціонеровъ къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ; но въ Краковѣ, по мнѣнію Монталамбера, произведено было несравненно менѣе безпорядковъ, чѣмъ въ Галиціи въ средѣ ея населенія, управляемаго австрійскими властями. Далѣе, онъ указалъ на то, что къ австрійскимъ войскамъ лишь тогда возвратились храбрость и разсудительность, когда они узнали, что русскія и прусскія войска приближаются къ Кракову, причемъ австрійцы получили достаточное наказаніе въ сочувствіи, выраженномъ жителями Кракова русскимъ, которыхъ они встрѣтили какъ освободителей. Затѣмъ, Монталамберъ подробно описалъ дѣйствія австрійскихъ властей и сельскаго населенія въ Галиціи, почерпая свои свѣдѣнія изъ газетъ и оффиціальныхъ распоряженій, изданныхъ въ то время въ Австріи. Между тѣмъ, по его мнѣнію, ни Франція, ни ея правительство не имѣютъ точныхъ свѣдѣній о томъ, что́ и даетъ ему поводъ потребовать: публичнаго протеста противъ комедіи, разыгрываемой Австріей въ Краковѣ, правительственнаго вмѣшательства съ цѣлью воспрепятствовать какой бы то ни было перемѣнѣ въ положеніи Кракова, и назначенія французскаго агента при краковскомъ правительствѣ, дабы имѣть чрезъ него вѣрныя свѣдѣнія не только о вольномъ городѣ, но и о Галиціи. Гизо, отвѣчая Монталамберу, требовалъ отдѣленія галицкихъ происшествій отъ краковскаго вопроса, и заявлялъ, что намѣренъ поддерживать трактаты, касающіеся послѣдняго. Вильменъ и Монталамберъ, отвѣчая министру, указывали на то, что сама Австрія

основываетъ на галицкихъ происшествіяхъ свои притязанія къ Кракову, причемъ Вильменъ назвалъ дѣйствія галицкихъ властей «оффиціальной жакеріей»; а Монталамберъ требовалъ отъ Гизо объясненія, почему онъ умолчалъ въ своемъ отвѣтѣ о назначеніи французскаго консула въ Краковъ, — было ли это сдѣлано съ умысломъ или невольно? Гизо отвѣтилъ, что его молчаніе по этому предмету имѣетъ свои основанія и онъ считаетъ преждевременнымъ касаться этого вопроса. Рѣчь Монталамбера, произнесенная въ этомъ засѣданіи, была съ такой рѣшительностью направлена противъ Австріи, такъ настойчиво требовала посылки въ Краковъ французскаго агента, который обязанъ былъ бы слѣдить за дѣйствіями Австріи не только въ Краковѣ, но даже и въ Галиціи, что обратила на себя вниманіе въ дипломатическихъ кружкахъ. Англійскій посланникъ въ Вѣнѣ, Робертъ Гордонъ, извѣщалъ лорда Пальмерстона депешей 5-го (17) іюля, что рѣчи графа Монталамбера обратили общественное вниманіе Вѣны на положеніе дѣлъ въ Галиціи, которое и тамъ не считалось вполнѣ удовлетворительнымъ, и что преувеличенія, которыя допустилъ Монталамберъ въ послѣдней рѣчи, конечно, вызовутъ австрійское правительство къ обнародованію оффиціальнаго отчета о всѣхъ печальныхъ происшествіяхъ, сопровождавшихъ возстаніе, чего до тѣхъ поръ избѣгалъ князь Меттернихъ въ виду слѣдствія, производимаго надъ множествомъ лицъ, арестованныхъ по подозрѣнію въ участіи въ недавнихъ событіяхъ. Но Меттернихъ не только не думалъ объ оффиціальномъ отчетѣ о галицкихъ и краковскихъ происшествіяхъ, но и постарался отнять у Англіи и Франціи послѣднее основаніе для присылки своихъ агентовъ въ Краковъ. По его мысли, австрійскій членъ временнаго правительства въ Краковѣ предложилъ своимъ товарищамъ, что такъ какъ это правительство дѣйствуетъ отъ имени трехъ покровительствующихъ державъ, то нѣтъ болѣе никакой надобности въ пребываніи резидентовъ въ Краковѣ. Временное правительство представило объ этомъ тремъ дворамъ, и резиденты ихъ были отозваны изъ Кракова. Вслѣдъ затѣмъ выступили изъ краковскаго округа и русскія войска, все еще остававшіяся въ краковскомъ округѣ. Дюпла̀ такъ описывалъ это выступленіе въ своей депешѣ, посланной имъ 11-го (23) іюля лорду Пальмерстону: «выступленіе войскъ ознаменовано было народною оваціей въ честь Россіи. Говорятъ, что тысячи жителей всякихъ классовъ сопровождали маленькій русскій отрядъ въ его пути къ русской границѣ на разстояніи семи или восьми англійскихъ миль, постоянно привѣтствуя ихъ сочувственными криками въ

честь императора Николая и русскихъ вообще. Военная музыка гремѣла все время и отвѣчала на народный энтузіазмъ, наигрывая краковяки; солдаты, какъ мнѣ сказывали, также отвѣчали безпрестанными: «ура!» на столь дружескія проводы». Этотъ обмѣнъ взаимныхъ привѣтствій между краковскими обывателями и русскими войсками обратилъ на себя такое же вниманіе европейскихъ публицистовъ, какъ и сочувствіе, которымъ были встрѣчены русскія войска при ихъ вступленіи въ Краковъ. Правда, австрійскіе публицисты увѣряли тогда, что вступленіе русскихъ въ Краковъ встрѣчено было привѣтствіями со стороны мирныхъ жителей, преимущественно евреевъ, потерпѣвшихъ во время возстанія; но теперь они не могли уже дать такого объясненія проводамъ, устроеннымъ краковскимъ населеніемъ въ честь русскихъ. Нѣмецкіе публицисты не замедлили объяснить это происшествіе пробуждающимся въ польскомъ населеніи панславизмѣ. Польскіе публицисты говорили, что въ этихъ проводахъ выразилось отвращеніе къ дѣйствіямъ Австріи во время галицкой рѣзни. Какъ бы то ни было, русскія войска видѣли Краковъ въ качествѣ вольнаго города уже въ послѣдній разъ. Три года спустя, они снова шли чрезъ него, направляясь въ Венгрію, и видѣли въ немъ слѣды разрушенія, оставшіеся послѣ бомбардированія, произведеннаго австрійцами, съ коими краковское населеніе жило не въ ладахъ.

Прошло три мѣсяца по выступленіи русскихъ изъ краковскаго округа, и присоединеніе Кракова къ Австріи было рѣшено вѣнскою конференціей, какъ мѣра, вызванная необходимостью моральною и матеріальною, по выраженію князя Меттерниха, извѣщавшаго о томъ своего повѣреннаго въ дѣлахъ при французскомъ дворѣ въ тотъ самый день, какъ подписанъ былъ договоръ между Австріей, Пруссіей и Россіей, рѣшавшій судьбу Кракова, то-есть 25-го октября (6-го ноября) 1846 года. Вотъ этотъ договоръ:

«Принимая во вниманіе, что заговоръ, вызвавшій въ февралѣ 1846 года въ великомъ княжествѣ познанскомъ, въ Краковѣ и Галиціи всѣмъ извѣстныя событія, былъ подготовленъ за границей при содѣйствіи многочисленныхъ участниковъ, пребывающихъ въ краѣ; принимая во вниманіе, что преступный замыселъ поддержанъ былъ оружіемъ, въ назначенное для того время, и повлекъ къ открытію непріятельскихъ дѣйствій и къ появленію прокламацій, приглашавшихъ жителей къ общему возстанію; принимая во вниманіе, что Краковъ служилъ мѣстопребываніемъ центральной власти, называвшейся революціоннымъ правитель-

ствомъ, и что отъ этого правительства исходили предписанія, направлявшія возстаніе; принимая во вниманіе, что всѣ эти обстоятельства, взятыя вмѣстѣ, поставили городъ Краковъ, такъ сказать, въ военное положеніе, которое уполномочивало три двора, австрійскій, прусскій и русскій, воспользоваться всѣми правами, которыя даетъ война; принимая во вниманіе, что по этому одному они имѣютъ право располагать территоріей, которая приняла относительно ихъ враждебное настроеніе; принимая во вниманіе, что три державы не имѣютъ намѣренія подвергать городъ Краковъ праву сильнаго, такъ какъ этотъ законъ не можетъ найти себѣ примѣненія при столь громадной несоразмѣрности силъ; принимая во вниманіе, что тѣмъ болѣе не можетъ быть вопроса объ актѣ мести или наказанія надъ этимъ городомъ, и что три высокія покровительствующія державы желаютъ только возстановить порядокъ и спокойствіе въ краковской территоріи и не имѣютъ другой цѣли, кромѣ обезпеченія ихъ народовъ отъ повторенія событій, столь сильно нарушающихъ ихъ спокойствіе; принимая, кромѣ того, во вниманіе, что въ силу договора, заключеннаго между ними 21-го апрѣля (3-го мая) 1815 года, городъ Краковъ съ его территоріей объявленъ былъ вольнымъ, независимымъ, строго нейтральнымъ и поставленнымъ подъ покровительство трехъ высокихъ договаривающихся сторонъ, и что такою конвенціей три двора хотѣли исполнить условія, относящіяся къ городу Кракову и включенныя въ различные трактаты между ними, изъ коихъ одинъ заключенъ между его величествомъ императоромъ австрійскимъ и его величествомъ императоромъ всероссійскимъ того же 21-го апрѣля (3-го мая) 1815 года, а другой отъ того же числа между его величествомъ императоромъ Россіи и его величествомъ королемъ Пруссіи; принимая во вниманіе, что существованіе вольнаго города Кракова, вмѣсто того, чтобы отвѣчать ихъ видамъ, сдѣлалось источникомъ волненій и безпорядковъ, которые въ теченіи почти двадцати-шести лѣтъ не только нарушали миръ и процвѣтаніе этого города, равно какъ и безопасность сосѣднихъ государствъ, но и имѣли цѣлію низверженіе порядка вещей, основаннаго на трактатахъ 1815 года; принимая во вниманіе, что многочисленные факты этого рода, которые слишкомъ извѣстны, чтобы исчислять ихъ здѣсь, совершенно измѣнили въ самой сущности положеніе вольнаго города Кракова, который, допустивъ дѣйствія, противныя требованіямъ договоровъ, разорвалъ условія, наложенныя на него строгимъ нейтралитетомъ, что эти дѣйствія вызывали въ различное время вооруженное вмѣшательство трехъ державъ, и что всѣ перемѣны, внесенныя въ его внутреннее

устройство съ цѣлію сообщить силу его правительству, не помѣшали однакожъ возобновленію сихъ печальныхъ событій; принимая во вниманіе, что самое долготерпѣніе трехъ покровительствующихъ державъ, выразившееся въ этихъ благосклонныхъ распоряженіяхъ, вмѣсто того, чтобы достигнуть своей цѣли, послужило только къ утвержденію неисправимыхъ враговъ существующаго порядка вещей въ ихъ замыслахъ, и что городъ Краковъ сдѣлался очагомъ новаго заговора, несравненно обширнѣйшаго, развѣтвленія котораго простирались на всѣ старинныя польскія провинціи; принимая во вниманіе, что къ столь беззаконному и преступному предпріятію присоединилось нападеніе, съ оружіемъ съ рукахъ вышедшее изъ того же города, и что Краковъ былъ центральнымъ пунктомъ, откуда революціонный духъ дѣйствовалъ разрушительно на внутреннее спокойствіе сосѣднихъ государствъ; принимая во вниманіе, что, слѣдовательно, Краковъ есть политическое тѣло, очевидно, слишкомъ слабое, чтобы противостать непрестаннымъ интригамъ польскихъ эмигрантовъ, которые держатъ этотъ городъ въ нравственномъ подчиненіи, и что онъ по этому самому не даетъ сосѣднимъ державамъ никакой гарантіи противъ повторенія попытокъ къ возстанію, столь часто обнаруживавшихся; принимая во вниманіе, что предпріятія такого рода суть очевидное нарушеніе трактатовъ 21-го апрѣля (3-го мая) 1815 года, а равно второй статьи конституціоннаго устава 18-го (30) 1833 года города Кракова; принимая во вниманіе, что вышеупомянутыя конвенціи между тремя державами относительно Кракова не воспроизведены въ статьяхъ 6, 7, 8, 9 и 10 акта Вѣнскаго конгресса отъ 28-го мая (9-го іюня) 1815 года, хотя этотъ актъ заключаетъ въ себѣ различныя постановленія конвенціи, принятой въ частныхъ сношеніяхъ между кабинетами; принимая во вниманіе, что если нынѣ три двора измѣняютъ относительно Кракова порядокъ вещей, установленный ихъ собственной волей въ 1815 году, то пользуются чрезъ то лишь правомъ, которое не можетъ быть оспариваемо у нихъ; принимая во вниманіе все это и обращая взоры, наконецъ, на безопасность ихъ собственныхъ государствъ, столь часто нарушавшуюся вольнымъ городомъ Краковомъ, три двора: австрійскій, прусскій и русскій, приняли сообща слѣдующія рѣшенія: 1) три двора: австрійскій, прусскій и русскій отмѣняютъ статьи, касающіяся города Кракова въ трактатахъ, заключенныхъ, съ одной стороны, между его величествомъ императоромъ австрійскимъ и его величествомъ императоромъ всероссійскимъ, а съ другой — между его величествомъ императоромъ Россіи и его величествомъ королемъ Пруссіи, и под-

писанныхъ 21-го апрѣля (3-го мая) 1815 года; дополнительный договоръ между Австріей, Пруссіей и Россіей, присоединенный къ вышеупомянутымъ, также отмѣняется и уничтожается съ сего дня; 2) вслѣдствіе сего городъ Краковъ и его территорія переданы Австріи и возсоединены съ австрійской монархіей, въ качествѣ владѣнія его императорскаго и королевскаго апостолическаго величества, каковымъ онъ былъ до 1809 года».

Въ патентѣ императора Фердинанда I, объявлявшемъ, 30-го октября (11-го ноября), объ окончательномъ включеніи краковской республики въ составъ австрійской монархіи, изложены были вкратцѣ тѣ же причины уничтоженія политической независимости Кракова, какъ и въ вышеприведенномъ актѣ. Кромѣ того, въ немъ было сказано: «мы назначаемъ графа Маврикія фонъ-Дейма, нашего камергера, правительственнаго совѣтника и пражскаго губернатора, нашимъ коммиссаромъ для принятія сего владѣнія, и приглашаемъ настоятельно всѣхъ жителей города Кракова и его бывшей территоріи, въ ихъ собственныхъ интересахъ, повиноваться этому коммиссару, присланному нами, равно какъ и властямъ, которыя мы подтвердимъ или вновь установимъ; мы приглашаемъ ихъ, кромѣ того, исполнять съ точностію повелѣнія, изданныя или имѣющія быть изданными. Съ другой стороны, мы обѣщаемъ имъ поддержку и покровительство нашей святой религіи, безпристрастное правосудіе, равное распредѣленіе податей, полное и совершенное обезпеченіе безопасности тѣмъ, которые окажутся достойными нашей милости, подчинившись немедленно настоящей мѣрѣ, принятой въ ихъ интересѣ, и заявивъ о своей преданности къ нашему дому; мы всегда будемъ владѣтелемъ добрымъ и императоромъ милостивымъ, и употребимъ всѣ наши усилія, чтобы обезпечить за ними благодѣянія, которыя могутъ проистечь для нихъ отъ возсоединенія съ великой и могущественной монархіей».

Рѣшенный такимъ образомъ, по взаимному соглашенію между покровительствовавшими державами, краковскій вопросъ долженъ былъ подвергнуться еще цѣлому ряду дипломатическихъ сношеній между ними и остальными великими державами Европы. Англійскіе дипломаты, аккредитованные при австрійскомъ, прусскомъ и русскомъ дворахъ, поспѣшили извѣстить свое правительство о рѣшеніи, принятомъ союзными державами. Но лордъ Пальмерстонъ уже имѣлъ оффиціальное сообщеніе о томъ отъ посланниковъ этихъ державъ при англійскомъ дворѣ, графа Дитрихштейна, кавалера Бунзена и барона Бруннова. Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ Гизо получилъ такую же депешу отъ

князя Меттерниха чрезъ австрійскаго повѣреннаго въ дѣлахъ фонъ-Тома. Французскому и англійскому посланникамъ при вѣнскомъ дворѣ сообщено было отъ ихъ правительствъ, что извѣстіе о присоединеніи Кракова къ Австріи вызвало въ нихъ глубокое сожалѣніе и сильное удивленіе; что извѣстіе это было для нихъ неожиданно, что рѣшеніе участи Кракова должно было послѣдовать послѣ предварительныхъ переговоровъ о томъ съ Англіей и Франціей, которыя съ своей стороны и не могутъ признать его. Въ депешѣ лорда Пальмерстона къ лорду Понсомби, въ Вѣнѣ, отъ 11-го (23) ноября подробно разбирались всѣ дѣйствія Австріи и союзныхъ съ нею державъ, предшествовавшія послѣднему занятію Кракова, и отвергалась мысль договора, утверждавшаго его присоединеніе къ австрійской имперіи; что актъ Вѣнскаго конгресса, отъ 28-го мая (9-го іюня) 1815 года, не заключалъ въ себѣ общей гарантіи для политической независимости вольнаго города. По мнѣнію лорда Пальмерстона, мѣра, принятая тремя державами относительно Кракова, не оправдывалась никакою необходимостью и противорѣчила вѣнскимъ трактатамъ. Гизо вошелъ въ сношенія съ англійскимъ министерствомъ по этому поводу, и предложилъ ему выступить совокупнымъ протестомъ отъ имени Англіи и Франціи противъ присоединенія Кракова. Пальмерстонъ соглашался на это, но въ депешѣ къ англійскому посланнику при французскомъ дворѣ, маркизу Норманби, замѣчалъ, что Краковъ обязанъ потерей своей независимости дѣйствіямъ эмиграціонной партіи, хотя, по его мнѣнію, спокойствіе, порядокъ и справедливость, обѣщанныя Австріей жителямъ Кракова, не могутъ вознаградить его мирное населеніе за такую потерю. Гизо отвѣчалъ, что его намѣреніе протестовать неизмѣнно, и что его депеша въ этомъ смыслѣ уже отправлена въ Вѣну. Франція протестовала 21-го ноября (3-го декабря) 1846 года; Англія чрезъ четыре дня послѣ того. Протестъ Франціи подробно касался не только послѣднихъ событій, вызванныхъ въ Краковѣ польскою эмиграціей, но и послѣдствій его присоединенія къ Австріи, которое могло вызвать эмиграцію на новую борьбу; кромѣ того, указывалось на нарушеніе правъ другихъ державъ, участвовавшихъ въ Вѣнскомъ конгрессѣ. Протестъ Англіи былъ кратокъ и ссылался только на вѣнскіе договоры. На эти протесты Пруссія отвѣчала двумя весьма обширными нотами; Австрія двумя депешами и, кромѣ того, подробнымъ мемуаромъ, составленнымъ отъ имени всѣхъ трехъ державъ. Объясненія Австріи и Пруссіи, бывшихъ тогда членами Германскаго Союза, а вмѣстѣ съ Россіей — членами Священнаго союза, важные для

насъ потому, что въ нихъ впервые послѣ Вѣнскаго конгресса, спустя тридцать одинъ годъ послѣ него, Австрія и Пруссія высказывали откровенно и не стѣсняясь свой взглядъ на учрежденіе Кракова въ качествѣ вольнаго города и на послѣдствія этого дѣйствія,—взглядъ, которому онѣ на практикѣ всегда слѣдовали, но который въ эпоху Вѣнскаго конгресса, подъ вліяніемъ болѣе важныхъ для нихъ интересовъ, не могли высказать съ такою ясностью и съ такой полнотою. Кромѣ того, изъ этихъ объясненій можно видѣть, путемъ какихъ соображеній пришли покровительствовавшія Кракову державы къ необходимости прекратить его отдѣльное существованіе.

Въ нотахъ Пруссіи дано было двоякое объясненіе относительно присоединенія Кракова къ Австріи: одно вытекало изъ исторіи раздѣловъ Польши и собственной жизни самого Кракова, другое заключало въ себѣ толкованіе вѣнскихъ договоровъ. «Извѣстно,—писалъ прусскій министръ иностранныхъ дѣлъ фонъ-Каницъ въ первой своей нотѣ,—что при распаденіи прежняго польскаго королевства въ 1795 году городъ Краковъ и его территорія отошли къ Австріи. Война 1809 года, окончившаяся вѣнскимъ договоромъ 10-го октября, отняла ихъ у Австріи, и Наполеонъ присоединилъ ихъ къ варшавскому герцогству, не задолго предъ тѣмъ созданному, государемъ коего онъ назначилъ саксонскаго короля. Уже въ 1807 году былъ поднимаемъ вопросъ о возстановленіи прежней Польши, и учрежденіе варшавскаго герцогства считалось какъ бы первымъ шагомъ къ этой цѣли. Теперь нѣтъ надобности розыскивать, имѣлъ ли всегда въ виду такой проектъ императоръ французовъ, или не вѣрнѣе ли будетъ объяснять его взгляды на этотъ предметъ его же словами: «мнѣ нужны поляки, но не Польша» (il me faut des polonais, mais point de Pologne). Несомнѣнный историческій фактъ состоитъ однакожъ въ томъ, что учрежденіе варшавскаго герцогства вовсе не было возстановленіемъ прежняго польскаго королевства, а только четвертымъ раздѣломъ этой страны въ пользу четвертаго государя. Исходъ войны 1812 года поставилъ варшавское герцогство подъ власть императора всероссійскаго, войска коего не встрѣчали болѣе непріятеля со времени пораженія великой арміи, которую Наполеонъ велъ на Москву. Договоры, постановленные въ Вѣнѣ 3-го мая 1815 года между Австріей, Пруссіей и Россіей и подписанные тремя монархами, прямо заинтересованными въ дѣлахъ Польши, разрѣшили этотъ вопросъ и въ то же время создали краковскую республику посредствомъ спеціальной конвенціи между тремя державами, въ коей заключались основы

для конституціи этой маленькой республики. Послѣдствія не отвѣчали надеждамъ, которыя имѣлись тогда въ виду. Свобода, независимость и непрекращающаяся нейтральность, обезпеченныя за этой республикой, послѣ тщетныхъ и безплодныхъ усилій нарушены были весною сего года возстаніемъ, которое приготовлялось долгое время и виновники котораго, провозгласивъ вольный городъ Краковъ польскою республикой, призвали къ возстанію подданныхъ трехъ монарховъ и непосредственно затѣмъ вторглись въ Галицію. Никто, конечно, не будетъ отрицать, что въ обнаружившихся такимъ образомъ дѣйствіяхъ заключалось прямое покушеніе противъ порядка вещей, установленнаго договорами. За исключеніемъ нѣсколькихъ вождей возстанія, которые нашли себѣ убѣжище за-границей, никто не сдѣлался панегиристомъ такого поведенія; однакожъ раздались требованія, чтобы три державы, несмотря на прекратившееся бытіе этого вольнаго города, возстановили его или, такъ какъ нельзя было успокоиться на совершившихся фактахъ, переустроили его на новыхъ основаніяхъ. Между тѣмъ, существуетъ большое различіе между устройствомъ республики, созданной тридцать лѣтъ тому назадъ въ видѣ опыта, и ея возстановленіемъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ. Если уже въ 1815 году могли существовать важныя препятствія къ основанію польской республики, среди трехъ монархій изъ разныхъ частей ихъ, бывшихъ нѣкогда польскими провинціями; то теперь, когда это маленькое государство сдѣлалось центромъ революціоннаго правительства, которое хотѣло при помощи самой ужасной борьбы основать польскую республику на развалинахъ установившагося порядка вещей, надо признать невозможными возстановленіе краковской республики и объявленіе ея снова государствомъ свободнымъ, независимымъ и нейтральнымъ. Никто не можетъ такъ оцѣнить эту попытку къ реставраціи, какъ три покровительствующія державы: вожди и сторонники возстанія считали бы ее уступкою и пользовались бы ею; всѣ друзья порядка оплакивали бы ее, какъ несчастный опытъ; наиболѣе заинтересованныя въ томъ правительства подвержены были бы упрекамъ, возлагавшимъ только на нихъ непредвидѣнныя и печальныя послѣдствія такой реставраціи. Послѣ строгаго обсужденія этого вопроса, три державы, не давая чувствовать сему маленькому краю всего значенія силы, къ которой такъ смѣло обратились вожди возстанія, пришли къ убѣжденію, что невозможно возстановить республику въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ создали ее въ 1815 году. Оставалось разрѣшить вопросъ: что̀ сдѣлать съ городомъ и его территоріей? Согласились

разорвать отношенія, которыя существовали до сихъ поръ между нимъ и тремя покровительствующими державами, и передать территорію республики монархіи, которая владѣла ею прежде, законодательство которой уже дѣйствовало въ ней и съ которой она была связана естественными условіями. Правда, три державы могли дать республикѣ новую конституцію, сохранивъ текстъ прежней конвенціи и тѣ границы, которыя были назначены ими на картѣ, такъ что ея независимость, повидимому, была бы сохранена. Но онѣ не хотѣли играть этой комедіи, и каждый государственный человѣкъ, обсуждающій дѣла безпристрастно и безъ предубѣжденій, не могъ бы поступить иначе. Чтó не можетъ существовать болѣе на дѣлѣ, не должно существовать и по имени, чтобы не благопріятствовать несчастнымъ замысламъ.

«Выставляютъ еще другое, болѣе важное замѣчаніе противъ поведенія трехъ державъ, заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ; оспариваютъ у нихъ право принимать рѣшенія относительно краковской республики и исполнять ихъ безъ предварительнаго согласія другихъ державъ, принимавшихъ участіе въ Вѣнскомъ конгрессѣ. Извѣстно, что актъ Вѣнскаго конгресса подписанъ былъ 9-го іюня 1815 года уполномоченными Австріи, Испаніи, Франціи, Великобританіи, Португаліи, Пруссіи, Россіи и Швеціи, между тѣмъ какъ договоры, заключенные 3-го мая между Австріей, Пруссіей и Россіей относительно земель, составлявшихъ прежде часть польскаго королевства, были уже подписаны тремя монархами, и слѣдовательно дѣло, о которомъ шла рѣчь, уже рѣшено было предварительно тремя державами безъ вмѣшательства остальныхъ. Правда, что постановленія этихъ трактатовъ были включены въ актъ Вѣнскаго конгресса, 10 статья котораго гласитъ: «постановленія о конституціи вольнаго города Кракова, объ академіи этого города, о діоцезіи и капитулѣ его, въ томъ видѣ, какъ они занесены въ статьи 7, 15, 16 и 17 дополнительнаго договора о Краковѣ, приложеннаго къ сему главному договору, будутъ имѣть такую же силу и значеніе, какъ будто они были включены въ текстъ сего акта». Та изъ державъ, которая будетъ опираться только на эти постановленія, безспорно, будетъ наносить ущербъ конвенціи, заключенной между тремя державами; во всякомъ случаѣ это будетъ насиліемъ надъ духомъ и буквою вышеприведенной статьи главнаго акта Вѣнскаго конгресса, будетъ давать ей такое значеніе, котораго она никогда не имѣла и никогда не можетъ имѣть; это значило бы возлагать на три державы обязательство терпѣть въ государствѣ, созданномъ ими, всякаго рода безпорядки и волненія, потомъ допускать

тайные замыслы самые противозаконные, даже открытыя враждебныя дѣйствія, и все-таки возстановлять прежній порядокъ вещей послѣ столь рѣшительнаго нарушенія мира. Если невозможно давать подобнаго толкованія акту, которымъ создана была краковская республика, то остается сдѣлать еще вопросъ, а именно: не должны ли были три державы, однѣ только заинтересованныя въ этомъ дѣлѣ, прежде чѣмъ принимать какое-либо рѣшеніе, убѣдиться въ согласіи другихъ державъ, уполномоченные которыхъ подписали актъ Вѣнскаго конгресса? Разсмотрѣніе этого вопроса возвращаетъ насъ къ тому положенію, въ которое событія поставили дѣло. Когда заговоръ, приготовлявшійся долгое время съ цѣлію возстановить прежнее польское королевство, обнаружился въ Краковѣ и немедленно превратился въ открытое возстаніе, и когда въ то же время сдѣлана была попытка распространить возстаніе на Галицію съ тою же самою цѣлію, вызвавшая однакожъ реакцію въ сельскомъ населеніи и явленія, почти безпримѣрныя въ исторіи; то не могло быть вопроса о дипломатическихъ сношеніяхъ, надо было тотчасъ же выступить противъ революціи со всей энергіей. Военный отрядъ, введенный въ Краковъ предъ революціей, оказался слишкомъ слабымъ, чтобы удержаться въ городѣ. Нашъ король, при первомъ извѣстіи объ этихъ событіяхъ, повелѣлъ двинуть войска въ краковскую территорію. Они нашли городъ уже занятымъ австрійскими и русскими войсками: законное правительство, власти, установленныя конституціей, уже не существовали болѣе. Съ военнымъ занятіемъ города явилась крайняя необходимость учредить новое правительство. Этотъ фактъ уничтоженія краковской республики вслѣдствіе возстанія можетъ быть потерянъ изъ виду за-границей; но три покровительствующія державы не могли оставить его безъ вниманія: онѣ должны были прежде всего назначить временное правительство; онѣ не могли покровительствовать тому, что́ не существовало болѣе, а временное положеніе, затянувшись на долгое время, не могло быть выгодно ни для края, ни для сосѣднихъ государствъ. Три держывы не знали о чемъ спрашивать: основать ли имъ новое краковское государство, или принять какое-либо рѣшеніе относительно территоріи государства, которое перестало существовать? Что касается перваго случая, то изъ всего вышесказаннаго ясно, что возстановленіе государства, сдѣлавшагося очагомъ преступныхъ замысловъ польской эмиграціи, имѣло бы теперь совершенно иное политическое значеніе, чѣмъ образованіе его въ 1815 году и его поддержка съ того времени до обнаруженія послѣдняго заговора. Что касается вопроса о са-

мой странѣ, то прежде всего надо разсмотрѣть: кто имѣетъ право располагать: восемь ли державъ, подписавшихъ вѣнскій трактатъ, или три державы, заключавшія между собою договоры 3-го мая 1815 года, безъ участія другихъ? Мы полагаемъ, что три державы не нанесли ущерба правамъ другихъ, но только воспользовались своимъ правомъ, насколько ихъ обязывало къ тому положеніе дѣлъ».

Во второй нотѣ фонъ-Каницъ, къ прежнимъ доказательствамъ, съ своей стороны прибавилъ еще слѣдующее: «если правительства Франціи и Англіи придаютъ большое значеніе общественному мнѣнію въ ихъ странахъ, даже когда оно взволновано, пристрастно и подчинено предубѣжденіямъ и сомнѣніямъ, то изъ этого не слѣдуетъ, что другія независимыя правительства должны руководствоваться въ своихъ собственныхъ дѣлахъ иностранными мнѣніями и подчинять имъ свое поведеніе. Споръ между кабинетами едвали возстановитъ соглашеніе по этому вопросу; но три державы отвѣтятъ на протесты общею декларацией, спокойною и основательною, въ полномъ убѣжденіи, что онѣ не нарушили никакого права другихъ державъ, защищая свое собственное и поражая революцію». Затѣмъ, фонъ-Каницъ касался сопоставленія Кракова съ вольными городами германскаго союза: «Германскій союзъ основывается на безспорной автономіи его членовъ въ ихъ собственныхъ дѣлахъ; эти отношенія не только не представляютъ никакой аналогіи съ совершенно исключительнымъ положеніемъ, какое дано было краковской республикѣ, но и вполнѣ отличаются отъ него. Автономія членовъ германскаго союза имѣетъ величайшее значеніе для всей Германіи; никакой актъ, никакой протестъ иностранной державы не могъ бы измѣнить этого основного принципа въ ея существованіи. Вольные нѣмецкіе города суть независимые члены германскаго союза; они не состоятъ относительно другихъ правительствъ въ положеніи, подобномъ положенію Кракова: гарантія ихъ политическаго существованія покоится на федеральномъ актѣ, котораго не заключали восемь державъ, но который точно также включенъ въ акты Вѣнскаго конгресса. Границы же германскаго союза и Франціи опредѣлены особымъ договоромъ, заключеннымъ съ Франціей. Та изъ договаривавшихся державъ, которая нарушила бы это опредѣленіе, нарушила бы и договоръ, хотя онъ и не включенъ въ вѣнскіе трактаты. Такъ точно, еслибы которая-нибудь изъ договаривавшихся о Краковѣ сторонъ захотѣла разорвать обязательства, признанныя ею въ договорахъ 3-го мая 1815 года, и овладѣть краковскою территоріей безъ согласія двухъ другихъ, то такое

дѣйствіе, безспорно, было бы нарушеніемъ договоровъ; ибо краковская республика, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ депеша французскаго правительства, не должна составлять часть какой-либо изъ территорій, на которыя раздѣлено было варшавское герцогство въ 1815 году. Но чтобы послѣ того, какъ краковская республика была разрушена возстаніемъ, три договаривавшіяся стороны не имѣли права, какъ говоритъ помянутая депеша, замѣнить прежнюю конвенцію новою относительно ея территоріи, не нарушивъ правъ, данныхъ другимъ державамъ договорами 1815 года,—такое завѣреніе, по нашему мнѣнію, не можетъ быть доказано». Наконецъ, фонъ-Каницъ отвѣчалъ на замѣчанія Гизо относительно прусской Саксоніи, что обладаніе ею прусскимъ королемъ имѣетъ за себя спеціальную гарантію въ вѣнскомъ трактатѣ, а положеніе краковской республики не имѣло такого основанія.

Что касается объясненій, данныхъ княземъ Меттернихомъ, то они основывались бо́льшею частію на общемъ значеніи всего польскаго вопроса для державъ, участвовавшихъ въ раздѣлѣ Рѣчи-Посполитой. «Краковскій вопросъ,—писалъ онъ,—въ продолженіи всей слабой и ненормальной жизни этого маленькаго государства не касался одного только Кракова; онъ всецѣло заключался въ усиліяхъ полонизма, который покушался даже на существованіе трехъ великихъ монархій. Самый городъ и его территорія объявлены были свободными для торговли. Участь такого porto-franco, который не имѣетъ другихъ границъ, кромѣ трехъ сосѣднихъ государствъ, окруженныхъ таможенными линіями, кидается въ глаза. Онъ долженъ или погибнуть отъ нищеты, или превратиться въ пропасть нравственной и матеріальной контрабанды; и Краковъ дѣйствительно сталъ мѣстопребываніемъ контрабандистовъ и искателей приключеній всякаго рода. Этотъ городъ, который въ 1809 году былъ богатымъ и цвѣтущимъ, нынѣ нищъ, мало населенъ и преданъ матеріальнымъ и нравственнымъ бѣдствіямъ. Не надо искать Кракова въ его собственныхъ стѣнахъ, но въ клубахъ Франціи и Брюсселя. Что̀ носило имя торговли, было бо́льшею частію ядомъ, который берегли въ республикѣ для распространенія въ сосѣднихъ государствахъ, согласно предписаніямъ вождей польской эмиграціи. Изъ Кракова доставлялись въ Галицію произведенія польской радикальной печати, которыя подготовили и произвели ужасныя сцены, залившія кровью эту провинцію въ февралѣ прошлаго года; Краковъ снабдилъ сотнями тысячъ ружей, которыми землевладѣльцы и собственники вооружали своихъ крестьянъ, но которыя обращены были сель-

чанами противъ нихъ самихъ». Упомянувъ о томъ, сколько затрудненій доставляли покровительствующимъ державамъ военныя занятія Кракова, и сколько разъ оказывались потомъ безполезными, ибо по удаленіи войскъ революціонная партія тотчасъ же принималась за прежнее, Меттернихъ продолжалъ: «управлять можно только собственною страной, и никакою другой; вліяніе, которое большія государства оказываютъ на маленькія, очень часто имѣетъ видъ угнетенія, такъ что самыя благодѣтельныя намѣренія, подвергаясь клеветѣ, создаютъ новыя затрудненія. Три державы столько времени сохраняли за Краковомъ часть той независимости, которая была дарована ему договорами 1815 года; но республика сама заставила ихъ прекратить ея воображаемую свободу, которую она уступила эмиграціонному правительству. Это была единственная причина, заставившая союзныя державы поступить такъ, какъ онѣ сдѣлали. Еслибы это рѣшеніе исполнено было ранѣе, то Галиція и другія сосѣднія страны не подверглись бы тѣмъ кровавымъ событіямъ, которыя они испытали. Краковъ, конечно бы, сохранилъ свое существованіе, еслибъ польская эмиграція не избрала его своимъ передовымъ постомъ. Три двора, нисколько не обманывая себя насчетъ затрудненій времени, поостереглись бы созидать новыя, еслибъ не были убѣждены въ крайней необходимости нанести рѣшительный ударъ революціонной партіи, вызвавшій съ ея стороны такіе неистовые крики. Они совѣщались въ этомъ случаѣ съ главнымъ закономъ, обязательнымъ для каждаго государства, съ правомъ собственнаго сохраненія и покровительства своимъ подданнымъ; а потому они и дѣйствовали, убѣжденные въ своемъ правѣ и своихъ обязанностяхъ. Въ этомъ именно, а не въ чемъ-либо другомъ, заключается весь краковскій вопросъ».

Мемуаръ, присоединенный къ депешѣ князя Меттерниха и посланный въ Парижъ и Лондонъ 28-го декабря 1846 года (9-го января 1847), оправдывалъ рѣшеніе, принятое тремя державами относительно Кракова: исторіей взаимнаго положенія бывшей краковской республики и трехъ покровительствующихъ ей державъ, свойствомъ взаимныхъ правъ и обязанностей всѣхъ трехъ дворовъ по отношенію ихъ къ Кракову, оцѣнкою возможныхъ въ этомъ случаѣ претензій къ тремъ дворамъ со стороны державъ, участвовавшихъ въ Вѣнскомъ конгрессѣ. Положеніе вольнаго города Кракова обрисовано было въ мемуарѣ такими чертами: «Краковъ объявленъ былъ политическимъ организмомъ единственно по волѣ покровительствовавшихъ ему державъ; русскій дворъ, въ согласіи съ Австріей и Пруссіей, отдѣлилъ отъ земель, завоеваніе

которыхъ дало ему безспорное право располагать ими свободно, извѣстную долю территоріи, которой даровалъ независимость, каковою эта территорія никогда въ прежнія времена не обладала; три двора могли бы дать Кракову иное устройство и иначе опредѣлить его судьбу; но его независимость не была абсолютною; она связана была съ исполненіемъ извѣстныхъ условій; краковская республика не была стороною договаривающеюся, когда рѣшался вопросъ объ ея существованіи, и потому не была призвана занять въ системѣ европейскихъ государствъ опредѣленное мѣсто, для котораго ей недоставало равенства происхожденія и историческаго права; Европа не могла входить въ соглашенія съ Краковомъ, который политически былъ представляемъ покровительствующими державами, что необходимо вытекало изъ самыхъ свойствъ этого покровительства; три двора, имѣвшіе право объявить Краковъ свободнымъ государствомъ, имѣли въ то же время право опредѣлить формы и условія его существованія. Но Краковъ не выполнилъ этихъ условій, и его существованіе прекратилось. Три двора въ 1815 году заключили между собою договоры, опредѣлявшіе бытіе Кракова, не испрашивая согласія на то никакой другой державы и не встрѣтивъ въ томъ протеста ни съ чьей стороны; точно также эти дворы имѣли право отмѣнить, по взаимному соглашенію, нѣкоторыя условія помянутыхъ договоровъ, какъ и совершенно уничтожить ихъ. Право участія державъ, участвовавшихъ въ Вѣнскомъ конгрессѣ, ограничивается самымъ свойствомъ договоровъ. Кромѣ договоровъ общаго характера, внесенныхъ въ главный трактатъ, были договоры частные, и въ теченіи тридцати лѣтъ, протекшихъ послѣ конгресса, эти частныя условія нерѣдко измѣнялись только по соглашенію дворовъ, имѣвшихъ непосредственныя отношенія къ нимъ: Пруссія, получившая по вѣнскимъ трактатамъ Саксонію, уступила большую часть Нейштадтскаго округа великому герцогу веймарскому; § 52 вѣнскаго трактата далъ Австріи верховную власть надъ княжествомъ Изембургскимъ, а она въ 1819 году уступила это право великому герцогу гессенскому; Вѣнскій конгрессъ присудилъ княжество Лихтенбергское герцогу саксенъ-кобургскому, который въ 1834 году уступилъ его Пруссіи. Такимъ образомъ, Вѣнскій конгрессъ не обязывалъ державы, отдѣльные договоры которыхъ внесены въ его акты, производить въ нихъ измѣненія не иначе какъ по соглашенію со всѣми остальными державами. Три двора своимъ общимъ постановленіемъ о Краковѣ не только не нарушили буквальный текстъ актовъ Вѣнскаго конгресса, но и дѣйствовали въ его духѣ, ибо Краковъ въ теченіи многихъ

лѣтъ дѣйствовалъ вопреки ясныхъ условій, внесенныхъ въ эти акты. Право дворовъ, подписавшихъ главный актъ Вѣнскаго конгресса, заключается въ посредничествѣ между договаривавшимися сторонами въ случаѣ, еслибъ между ними возникли несогласія и еслибъ онѣ пригласили другіе дворы къ такому вмѣшательству; въ краковскомъ же вопросѣ не существуетъ разногласія между сторонами, заключившими договоръ 21-го апрѣля (3-го мая) 1815 года, и стало быть, матеріальнаго условія, которое могло бы вызвать такое вмѣшательство, не существуетъ въ данномъ случаѣ».

Не одни, впрочемъ, дипломаты занимались въ то время разсмотрѣніемъ вопроса о правѣ вмѣшательства государствъ, участвовавшихъ въ Вѣнскомъ конгрессѣ, въ распоряженія державъ, покровительствовавшихъ Кракову. Этотъ вопросъ разсматривали многіе публицисты того времени: были между ними склонявшіеся въ пользу вмѣшательства; были и такіе, которые отвергали его законность. Одинъ изъ послѣднихъ, профессоръ лейпцигскаго университета Бюлау указалъ на слѣдующія мѣста въ сочиненіяхъ по международному праву Мартенса и Клюбера, которые въ то время считались авторитетами въ этомъ отношеніи. Въ § 338 сочиненія Мартенса сказано было о гарантіи договоровъ слѣдующее: «Она не уполномочиваетъ противиться перемѣнамъ, которыя желаютъ сдѣлать договаривавшіяся стороны». Въ § 159 книги Клюгера говорилось о томъ же предметѣ: «Гарантировавшій не имѣетъ права противиться уничтоженію, сокращеніямъ или измѣненіямъ, вносимымъ въ гарантированный трактатъ, съ общаго согласія договаривавшихся сторонъ». На этомъ окончились препирательства дипломатовъ и публицистовъ по краковскому вопросу.

Пріобрѣтя Краковъ, Австрія, съ одной стороны, ввела его округъ въ свою таможенную линію и соединила административно съ Галиціей, а съ другой—устранила денежныя претензіи бывшаго вольнаго города къ царству польскому и уступила послѣднему право, которымъ прежде пользовался Краковъ, получать изъ соляныхъ копей Велички по уменьшеннымъ цѣнамъ опредѣленное количество соли.

Такъ рѣшенъ былъ вопросъ о Краковѣ, по взаимному соглашенію между сосѣдними съ нимъ державами.

Нилъ Поповъ.

ПО СЕЛАМЪ и ЗАХОЛУСТЬЯМЪ

Деревенскіе разсказы О. Забытаго.

III *).

Встрѣча.

I.

На 23-е августа, 186... года, въ село Рождественское назначенъ былъ, по маршруту, пріѣздъ мѣстнаго архіерея.

Еще недѣли за двѣ до этого событія, въ рождественскомъ причтѣ началось сильное движеніе. Въ церкви закипѣла работа. Священникъ гусинымъ крыломъ смахивалъ съ престола и жертвенника пыль, нѣсколько разъ вынималъ изъ ковчега и тщательно пересматривалъ запасные дары, перекладывалъ съ мѣста на мѣсто метрическія книги и т. п. Дьяконъ усердно чистилъ сосуды, евангеліе и выносилъ изъ алтаря лишнія вещи. Дьячокъ и пономарь—то терли суконками подсвѣчники и паникадила, а то, обернувши головы холстиной, мели полъ и снимали по стѣнамъ паутину, причемъ засматривали въ такіе углы, въ которые въ обыкновенное время имъ и въ голову не приходило заглянуть. Пономарь до того проникся стремленіемъ къ чистотѣ и опрятности, что даже смелъ соръ съ ведущихъ на колокольню лѣст-

---

*) См. выше: май, 217 стр.

ницъ и счистилъ съ колоколовъ птичій пометъ. Кромѣ того, онъ позаботился замѣнить полусгнившія веревки у колоколовъ новыми, потому что, если, дескать, порвутся при владыкѣ, такъ — бѣда!—Навозившись вдоволь въ церкви, клирики не сразу расходились по домамъ, а всѣ шли прямо на рѣчку и тамъ омывались.

Но вымести, вычистить и привести въ порядокъ церковь для рождественскаго причта не значило еще вполнѣ приготовиться къ пріѣзду владыки. Нужно было еще получше заняться собой: твердо-на-твердо выучить «ставленую грамоту», катихизисъ и т. п. А тутъ—рабочая пора, въ полѣ яровое перезрѣло, и время уже сѣять рожь. Нужно было вездѣ поспѣть—и рождественскій причтъ поспѣвалъ.

Дьяконъ, Лука Иванычъ, и дьячокъ, Филиппъ Гаврилычъ, съ крюками на плечахъ, идутъ въ поле и бесѣдуютъ:

— Тебѣ, Гаврилычъ, хорошо: ты катихизисъ-то готовилъ въ прошлыя Петровки, къ пріѣзду благочиннаго. Тебѣ теперь только слегка просмотрѣть его, и довольно. А вотъ насъ съ попомъ благочинный-то не спрашиваетъ, такъ я Филарета-то еще съ того архіерейскаго пріѣзда въ руки не бралъ,—вотъ ужъ третій годъ.

— Да, слегка,—толкуйте! У меня память-то что́ рѣшето: сейчасъ выучилъ, сейчасъ же все и просыпалось. Да и мудренъ же этотъ Филаретъ, особливо тексты! Я думаю, и самъ владыко-то не всѣ ихъ знаетъ.

— Это, братъ, не твое дѣло. А ты учи да отвѣчай, коли тебя спрашиваютъ. Ты бы въ школѣ-то получше учился, да шелъ бы въ академію; вотъ и не зубрилъ бы теперь, а ѣздилъ бы по епархіи, да другихъ спрашивалъ.

— Ну, да вѣдь... Вотъ нашъ Потапычъ—(пономарь) учитъ «Начатки», и то говоритъ,—трудно. Какъ же мы-то теперь — Филарета? а? да еще въ этакую пору?

— Богъ поможетъ, какъ-нибудь. Я вотъ взялъ книгу съ собой: покошу-покошу, да поучу; анъ все дѣло-то впереди будетъ.

— Да и я тоже взялъ: все, думаю, текстикъ, другой, подгоню между дѣлъ.

Сказано—сдѣлано. Дьяконъ пройдетъ рядовъ пять, положитъ крюкъ, подойдетъ къ межѣ, напьется изъ кувшина квасу, сядетъ на разостланный подрясникъ и—ну зубрить. То же повторяется съ буквальною точностію и на сосѣдней полосѣ Гаврилыча.

— Что́, Гаврилычъ?—освѣдомляется отецъ дьяконъ у своего сподвижника:—какъ у тебя идетъ?

— Плохо! — отзывается съ своей межи Гаврилычъ.—Все мучусь надъ однимъ текстомъ... Ничего не подѣлаешь, хоть брось!

— Ничего, ничего, братъ!—ободряетъ отецъ дьяконъ.—Главное—вѣруй! Что̀ Кириллъ-то Іерусалимскій говоритъ? «На вѣрѣ основывается земледѣліе, ибо кто не вѣритъ тому, что соберетъ произросшіе плоды, тотъ не станетъ сносить трудовъ.»

— Да, мало ли что!—а поди-ка вотъ тутъ... Вонъ и попъ въ снопахъ съ книгой сидитъ: видно, тоже лихо пришло. Не даромъ въ эти дни онъ присмирѣлъ-то,—словно шелковый сталъ. Почуялъ, знать, что и надъ нимъ начальство есть. Это, вѣдь, не съ нами: — болванъ да такой-сякой... Такъ-то вотъ, вникни... и узнаешь...

По діагонали дьяконской полосы проходитъ пошабашившій пономарь.

— Богъ помочь!

— Спасибо. Овесъ кончилъ?

— Кончилъ.

— А «Начатки» кончилъ?

— Какое кончилъ! Ничего въ голову не идетъ, хоть тресни! Только и знаю, что насчетъ иконъ... за то ужъ такъ знаю, что хоть сейчасъ къ отвѣту.

— Ну-ка, прочти.

Пономарь садится на межу и, откашлявшись, начинаетъ: «Впрочемъ, сіе правильное и святое иконъ почтеніе можетъ быть обращено въ порокъ идолослуженія, когда кто къ святымъ иконамъ все свое почтеніе привязываетъ и на ихъ вещество надѣется, не вознося ума и сердца къ тому, что̀ оныя изображаютъ?»

— А гдѣ-жъ у тебя начало-то?

— Я это сейчасъ только позабылъ, а то зналъ и начало.

— Ну, братъ, вижу, что тебѣ гонка будетъ, — замѣчаетъ отецъ дьяконъ.

— А кому-жъ она и не будетъ въ этакое-то время?—возражаетъ пономарь.—Мнѣ-то, кажись, и бояться бы нечего: вѣдь ниже пономаря не съѣдешь; а оторопь такъ и забираетъ! Поди ты вотъ...

II.

Наступило наконецъ грозное 23-е августа. Съ ранняго утра клирики села Рождественскаго были уже на ногахъ и въ парадѣ. Всѣ они выкупались чуть не до свѣту; у всѣхъ сапоги были вымазаны саломъ; подрясники понадѣты чистенькіе; на шеѣ повязаны бѣлыя коленкоровыя косынки; волосы до глянцовитости намаслены были коровьимъ масломъ. Пономарь, ради торжественнаго случая, распустилъ даже свою косу, дотолѣ постоянно закрученную въ пучокъ.

Въ домѣ дьякона шла репетиція. Пономарь излагалъ свои «Начатки», а дьячокъ съ отцомъ дьякономъ «гоняли» другъ друга по «пространному» катихизису. Вопросы предлагались сгоряча, безъ всякаго вниманія къ связи рѣчи. Напримѣръ: «покажите *все сіе* изъ священнаго писанія?» Или: «почему *оно* нужно»? И вопрошаемый, не мудрствуя лукаво, спѣшилъ показать *все сіе* изъ свящ. писанія, или объяснить, почему *оно* нужно.

Во время репетиціи пришелъ въ домъ дьякона церковный староста, крестьянинъ сосѣдней деревни, бойкій и разухабистый.

— Миръ честной компаніи!.. Чего вы тутъ сидите? Владыка давно ужъ въ церкви!

— Э, ну тебя совсѣмъ, Прохорычъ,—не мѣшай!

— Что, отцы духовные, попались вѣрно? Вотъ онъ вамъ, владыка-то, задастъ! Особливо Потапычу... ужъ и будетъ ему на орѣхи! А ну-ка, скажеть, вычитай мнѣ «помилуй мя Боже?»..

— Охъ ты, храбрецъ!—отозвался пономарь.—У самого, вѣдь, тоже душа въ пятки уйдетъ.

— У меня-то? Небось, братъ. Мнѣ что? По наукѣ меня не спросятъ, а сумма у меня вся на виду: смотри кто хочешь... А что я васъ всѣхъ осрамлю ныньче, это вѣрно.

— Какъ это такъ?

— Да такъ. Вы ужó всѣ будете дрожать, а я съ владыкой въ разговоръ войду. Моя упокойница-матушка для своей памяти отказала сто рублей на рѣшетки въ церковь. Какъ только владыка-то въ церковь, я сейчасъ въ ноги: молъ, ваше преосвященство! хочу матушкѣ торжество сдѣлать,—вотъ и все...

— Будетъ тебѣ!—ограничилъ оратора отецъ дьяконъ. — Ну-ка, Гаврилычъ,—тропарь воскресенъ, гласъ пятый?

— «Свѣтлую воскресенія пропо-вѣдь»...—затянулъ Гаврилычъ.

— Попалъ!—осадилъ его отецъ дьяконъ.—*Онъ* тебѣ задастъ свѣтлую проповѣдь.

— Да! Что я? «Собезначальное слово» надо-то, а я—«свѣтлую!»—поправился Гаврилычъ.

Между тѣмъ староста, ища исхода своему игривому настроенію, обратился къ семинаристику, безмолвному свидѣтелю репетиціи:

— Петруша! Ты коли учишься, такъ учись по настоящему, чтобъ повыше куда забрать, а въ причтъ не ходи: послѣднее дѣло... не стóитъ! Архіереемъ быть—ну, это такъ. А то этакъ-то вотъ мучиться?.. Тьфу! Мы—мужики, да и то никого не боимся.

Репетиція была прервана приходомъ сторожа, который возвѣстилъ, что батюшка велѣлъ всѣмъ сейчасъ—въ церковь.

— Ну, братіе, пріиде часъ!—сказалъ съ глубокимъ вздохомъ дьяконъ, и положилъ «Филарета» на божницу. — Вскую прискорбна еси, душе моя? Уповай на Бога!..

— Оказія!—съ испугомъ воскликнулъ дьячокъ:—чѣмъ ближе дѣло подходитъ къ владыкѣ, тѣмъ пуще забываешь...

— Эхъ, кабы *онъ* меня объ иконахъ! А то—Боже упаси...—въ какомъ-то раздумьѣ пробормоталъ пономарь.

— Ничего, отцы, не робѣйте: я подскажу, коли часомъ у васъ чего не дохватитъ!—острилъ неустрашимый Прохорычъ.

— Скаль зубы-то!—мрачно проговорилъ дьяконъ и, перекрестившись, двинулся во главѣ процессіи.

Вошедши въ церковь, клирики еще разъ подвергли все осмотру и приведенію въ порядокъ. Порядокъ въ церкви былъ до такой степени надлежащій, что причту, повидимому, ничего не оставалось дѣлать по этой части. Тѣмъ не менѣе причтъ нашелъ-таки себѣ дѣло. Священникъ протеръ полой подрясника и безъ того чистое зеркало въ алтарѣ; потянулъ коверъ отъ престола къ царскимъ дверямъ; приподнялъ зачѣмъ-то съ престола евангеліе, и снова положилъ. Дьяконъ опрокинулъ вверхъ дномъ серебряный корчикъ на жертвенникѣ и снялъ съ оконнаго переплета изсохшій трупъ мухи. Дьячокъ ходилъ возлѣ иконостаса и, водя пальцемъ по позолотѣ, удостовѣрялся, нѣтъ ли на ней пыли. Пономарь преусердно сколупывалъ ногтемъ воскъ съ крышки октоиха и т. п.

Во все это время староста неподвижно стоялъ предъ картиною, изображающею богача въ пламени.

Кончивъ осмотръ, причтъ сгруппировался на амвонѣ въ кучку.

— Кажется, все какъ слѣдуетъ,—сказалъ священникъ.

— Намъ-то кажется такъ,—замѣтилъ дьячокъ,—а вѣдь Богъ *его* знаетъ: вдругъ что-нибудь такое...

И дьячокъ взглянулъ вверхъ, подъ куполъ, какъ-бы опасаясь, нѣтъ ли тамъ чего подозрительнаго.

— Не облачиться ли намъ теперь?—предложилъ священникъ.—Станемъ въ притворѣ и будемъ ждать. Владыка подъѣдетъ, а мы тутъ и есть!..

— Чего же ждать?—возразилъ дьяконъ:—можетъ быть, онъ еще не скоро. Мы лучше пойдемъ теперь за церковь, да послушаемъ, гдѣ звонятъ: тогда и видно будетъ, скоро ли...

Причтъ, вмѣстѣ съ старостой, вышелъ за церковь, на гору. Съ этой горы открывался видъ за рѣку на весьма большое пространство, на которомъ можно было разсмотрѣть до восьми церквей. Выстроившись въ рядъ, рождественцы съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣли въ даль и чутко прислушивались. Въ селѣ Прудкахъ, верстахъ въ четырехъ, раздался звонъ. Клирики вздрогнули, староста улыбнулся.

— Вонъ онъ, вонъ онъ гдѣ!—какимъ-то таинственнымъ голосомъ проговорилъ дьячокъ.

Звонъ затихъ.

— Теперь, значитъ, началось тамъ самое...—продолжалъ дьячокъ.—Ухъ, издали страхъ беретъ!

Чрезъ нѣсколько времени звонъ раздался снова, и всѣ устремили глаза на пролегающую вдали, за рѣкой, полевую дорогу, разсчитывая увидѣть тамъ владыку. Чтобъ заслужить себѣ честь перваго вѣстника, дьячокъ выступилъ шаговъ на десять впередъ и зачѣмъ-то поднялся даже на цыпочки.

— Видите, видите—ѣдетъ!—воскликнулъ онъ.

— Гдѣ?

— Да вонъ, вонъ: смотрите правѣй-то!..

— Городи тамъ еще,—строго проговорилъ священникъ:—это всего одна подвода, а если бы онъ-то ѣхалъ, такъ было бы три: впереди становой, за нимъ благочинный, а тамъ ужъ и владыко—въ каретѣ.

Минутъ черезъ десять дьячокъ снова закричалъ:

— Такъ вонъ же онъ, теперь ужъ, ей-Богу, онъ! Три повозки: впереди низенькія, а позади высокая,—значитъ, карета.

— Гдѣ? Что ты?—не безъ смущенія спросилъ священникъ, увидавшій подлинно три *повозки*, причемъ позади—высокую.—Отецъ дьяконъ! намъ теперь ужъ не того ли?..

— Да, можетъ, онъ еще не къ намъ?—возразилъ дьяконъ.

— Нѣтъ, по всему, что къ намъ,—увѣрялъ священникъ.

— Значитъ, мнѣ сейчасъ на колокольню?—засуетился пономарь.

— Что вы, что вы! Гдѣ это вы видите владыку?—воскликнулъ наконецъ староста, доселѣ пристально смотрѣвшій въ даль изъ-подъ ладони.—Двѣ повозки впереди—это навозъ везутъ, а высокая сзади—везутъ снопы,—сейчасъ умереть,—снопы!

Клирики еще посмотрѣли въ даль и убѣдились, что точно—навозъ, снопы и ничего больше.

Прошелъ часъ, другой, третій, седьмой, восьмой,—а владыки все нѣтъ. Нѣсколько разъ рождественцы отпирали и запирали церковь, нѣсколько разъ взлѣзали на колокольню, нѣсколько разъ выходили на гору,—а владыки все нѣтъ. Стало, наконецъ, смеркаться. Голодные и трепетные, клирики, какъ тѣни, бродили по горѣ и все прислушивались. Звонъ, раздававшійся то въ томъ, то въ другомъ изъ ближайшихъ селъ, наконецъ, совсѣмъ затихъ. Клирики чувствовали крайнюю усталость и дошли до совершеннаго отупѣнія.

— Легче бы полосы двѣ овса скосить, нежели вотъ такъ-то...—упавшимъ голосомъ проговорилъ дьяконъ.

— Авось, Богъ дастъ, теперь скоро,—утѣшалъ священникъ:—того и жди, что вотъ подкатитъ.

Пономарь, отступивши нѣсколько въ сторону, и приложивши палецъ къ носу, шепталъ про-себя: «Впрочемъ, сіе правильное и святое иконъ почтеніе... иконъ почтеніе... почтеніе...» тьфу! Господи, что же это такое? Все равно, что не училъ!..

Затѣмъ, подойдя къ дьячку и слегка ткнувъ его пальцемъ въ плечо, вполголоса спрашивалъ:

— Гаврилычъ! Аще случится поліелей...

— Отстань!—сердито перебилъ его Гаврилычъ:—что теперь за поліелей? Тутъ животъ къ спинѣ подвело, а онъ—поліелей! Теперь, братъ, удобѣе молчаніе. Я ужъ на отчаянную пошелъ: что́ будетъ, то будетъ.

Къ пономарю впопыхахъ подбѣгаетъ жена.

— Что тебѣ?

— Да кобыла пропала... Скотину давно пригнали, а ея до сей поры нѣтъ. Искала, искала...

— Провались ты совсѣмъ съ кобылой! Тутъ *обзоръ*, а она лѣзетъ!..

— Какой теперь обзоръ? Ночь на дворѣ. Владыка, стало быть, ужъ завтра...

— Вѣдь вотъ, чортъ-баба, толкуетъ свое! Уйди отъ грѣха, пока цѣла!

Пономариха пошла и забормотала:

— Я тебѣ не пойду теперь искать... Ищи самъ, а то хоть и на коровѣ ѣзди—мнѣ все равно...

Хоть бѣдной пономарихѣ и досталось, но ея появленіе на горѣ послужило чѣмъ-то въ родѣ deus ex machina для затруднительнаго положенія клириковъ. Ея слова: «владыка, стало быть, ужъ завтра», произвели на нихъ рѣшительное дѣйствіе.

— Видно, и вправду намъ не дождаться нынѣ владыки,— сказалъ дьяконъ,—съ какой стати ему ѣздить по ночамъ? Пойдемте-ка теперь спать, а завтра, Богъ дастъ, встанемъ пораньше и—прямо въ церковь. Завтра, я думаю, онъ ранехонько припожалуетъ.

Всѣ съ минуту помолчали.

— Что же,—рѣшилъ наконецъ священникъ,—домой, такъ домой: не всю же ночь намъ торчать здѣсь!

— А что, если онъ, какъ женихъ въ полунощи?—возразилъ съ нѣкоторымъ колебаніемъ пономарь.—Разойдемся, а онъ тутъ и есть!..

— Не пріѣдетъ, это ужъ вѣрно!—утверждалъ староста,— прямое дѣло—заночевалъ гдѣ-нибудь.

— Э-эхъ, Господи, Господи!—размышлялъ дьячокъ:—думали ныньче отмучиться, анъ еще день маячить придется. Страхъ— страхомъ, а опущеніе въ работѣ-то какое!..

— И не говори!—проговорилъ староста, махнувъ рукой.— Я вотъ за нынѣшній-то день Богъ знаетъ чего не взялъ бы! Теперь у меня на постояломъ дворѣ народу-то страсть. Нуженъ счетъ-разсчетъ, а жена ничего не понимаетъ. Вотъ владыка-то вашъ что́ мнѣ надѣлалъ!.. Вы, батюшка, позвольте мнѣ на ночь домой сходить,—посмотрѣть, что́ и какъ; а завтра я чуть свѣтъ верхомъ прискачу.

— Пойди, только смотри у меня...

— Да ужъ будьте покойны!

Всѣ разошлись. Староста поспѣшилъ въ свою деревню; пономарь, переодѣвшись, отправился отыскивать кобылу; дьячокъ усѣлся съ женой на крыльцѣ перевѣсла вертѣть, дьяконъ и священникъ залегли спать.

Прошло болѣе полчаса съ того времени, какъ наши клирики попрощались другъ съ другомъ и со старостой. Вдругъ на площади, возлѣ церковныхъ домовъ, послышался топотъ тяжелыхъ сапоговъ и раздался хриплый, прерывистый крикъ: «ѣдетъ!.. ѣдетъ!.. Скорѣй!.. Въ церковь!..

— Гдѣ?—крикнулъ съ крыльца дьячокъ, и остолбенѣлъ съ перевѣсломъ въ рукахъ.

— Тамъ... Иду, а онъ... навстрѣчу... Лошадей—страсть!.. Шагомъ... А я по песку-то... въ гору-то... Охъ, смерть!..

Этотъ мараѳонскій вѣстникъ былъ не кто иной, какъ староста.

Торжественный звонъ внезапно огласилъ уснувшее село и окрестности. Поднялось смятеніе. Бабы и дѣвки, мужики и мальчишки, полураздѣтые и раздѣтые, густыми толпами повалили къ церкви.

Пономарь, пораженный звономъ версты за полторы отъ села, на лугу, чуть не умеръ съ испуга. Снявъ съ себя сапоги и подхвативъ ихъ подъ мышку, онъ пустился во всѣ лопатки и въ отчаяніи причиталъ: «такъ и есть—въ полунощи! Пропалъ! Куда ужъ теперь иконы!.. Пресвятая Богородица! Антоній и Ѳеодосій! Дѣтушки мои милыя!..»

Въ церкви, между тѣмъ, происходила страшная суматоха. Старостѣ насилу удалось освѣтить церковь. Второпяхъ, онъ нѣсколько разъ зажигалъ и нѣсколько разъ гасилъ свѣчи. Священникъ и дьяконъ, толкаясь другъ о друга въ темномъ алтарѣ, ощупью отыскивали свои облаченія.

Собравшись кое-какъ, клирики (за исключеніемъ пономаря) выстроились, наконецъ, въ притворѣ, откашлянулись и съ трепетомъ ожидали великаго момента. Вотъ послышался возлѣ церкви топотъ копытъ и стукъ колесъ... Священникъ крѣпко сжалъ въ рукѣ крестъ; дьяконъ судорожно замахалъ кадиломъ; дьячокъ поправилъ себѣ галстухъ и поднялъ глаза къ небу. Экипажъ остановился, и черезъ минуту по ступенямъ паперти раздались тяжелые, медленные шаги. Народъ разступился, и среди мертвой тишины дрожащіе голоса затянули: «Достойно есть яко»...

— Стойте, стой!—прервалъ клириковъ густой басъ полунощнаго жениха.

И клирики съ удивленіемъ увидѣли передъ собой протодьякона.

— Владыка къ вамъ—завтра, а сегодня онъ ночуетъ у помѣщика Т.

Народъ отхлынулъ отъ церкви и загалдѣлъ.

Наткнувшись за оградою на пономаря, мужики заговорили: «вернись, Потапычъ! Они тамъ обознались: протодьяконъ съ пѣвчими пріѣхалъ, а они за владыку почли. У страха глаза-то велики...»

— О-охъ, Господи!—простоналъ пономарь, и въ изнеможеніи прислонился къ оградѣ.

— Что за «Господи!» Тамъ, вонъ, благочинный весь мокрый

прискакалъ. Услыхамши нашъ звонъ-то, онъ хотѣлъ-было тоже къ владыкѣ подоспѣть, — кинулся въ бродъ, да въ потьмахъ-то чуть-было не утонулъ. Вò, вѣдь, какъ!..

III.

Утромъ слѣдующаго дня владыка, дѣйствительно, пожаловалъ въ Рождественское и, пробывши въ церкви часа полтора, уѣхалъ въ другое село.

Скатилось бремя тяжкое, отъ сердца отлегло, языки развязались, почувствовался просторъ.

Священникъ, сидя съ женой за чаемъ, изъяснялъ:

— Теперь подумаешь: ну, чего я боялся? Все сошло по надлежащему. Первое: изъ катихизиса попадались мѣста самыя хорошія. Второе: «ставленую» прочелъ твердо и безъ ошибокъ. Только одно слово *онъ* мнѣ поправилъ, я прочелъ: «отъ самòго великаго архіерея», а онъ говоритъ: «отъ самáго»... Опять же вотъ это. У васъ, говоритъ, на иконѣ пророка Иліи кони очень толсты нарисованы. А я взялъ смѣлость, да и пошутилъ... Усмѣхнулся и — ничего... Одно слово, попадья, жди скуфьи, и конецъ дѣлу! А то—бояться! Смѣшно даже...

Дьяконъ позвалъ къ себѣ дьячка и пономаря съ женами — подѣлиться впечатлѣніями и *вкупѣ* утѣшиться. На столѣ красовался самоваръ, графинъ водки и т. п.

— Вотъ и проводили!—возгласилъ пономарь.—Долго ждали, да скоро разстались: пріѣхалъ, прослушалъ и — маршъ! А не спросилъ, какъ мы тутъ живемъ, треплемся, горе мычемъ...

— Вишь, вѣдь, чего захотѣлъ!—ироническимъ тономъ замѣтилъ дьяконъ.—Напрасно владыка не растрялъ съ тобой почтеніе: молъ, какъ вы поживаете, Максимъ Потапычъ? Супруга ваша здорова-ли? Можетъ быть, тебѣ хотѣлось еще, чтобы онъ съ тобой и водочки выпилъ? А? Ха-ха-ха-ха!..

Хозяинъ и гости вслѣдъ за тѣмъ выпили.

— А ты благодари Господа,—продолжалъ дьяконъ, утерши губы рукавомъ:—что обзоръ-то благополучно сошелъ.

— Да это ужъ само собой: великая милость Божія! Вѣдь надо-жъ было ему спросить меня объ иконахъ! Вѣрно ангелъ-хранитель шепнулъ... либо дѣтишки умолили. Только-что Гаврилычъ кончилъ «ставленую», *онъ* сейчасъ ко мнѣ: а какъ, говоритъ, нужно думать о почитаніи иконъ?.. Господи, Боже мой!

Ровно бы я тутъ сто рублей нашелъ: всякій страхъ потерялъ!.. Вѣдь какъ я выручился на этихъ иконахъ-то!..

— А какъ-было *онъ* ко мнѣ за «иже на всякое время-то» придрался!—возгласилъ дьячокъ:—у-у, Боже мой! Развѣ, говоритъ, *многоутробне? Многоблагоутробне!* Дуракъ!—говоритъ. А потомъ и ничего—обшелся.

Дьяконица, дьячиха и пономариха, отдѣлившись отъ мужьевъ въ уголъ, толковали:

— *Мой* то-то испугался-то давча—страхъ! Онъ и такъ всегда блѣденъ, а тутъ еще надѣлъ бѣлый стихарь, да струсилъ-то... ровно бы вотъ полотно бѣлое стоитъ! Кабы меня такъ-то на экзаменъ: кажись, такъ бы и обмеръ!..

— Экзаменъ!.. Тутъ только посмотрѣть да послушать, и то —страсть. Я давча какого страху-то набралась! Послѣ многолѣтія вошли это они къ владыкѣ въ алтарь. Думаю: что-то будетъ? Вдругъ слышу, мой затянулъ: «Господи воззвахъ»... Голосъ-то у него дрожитъ, а владыка тамъ что-то таково строго: то-то-то-то-то... Такъ у меня колѣнки и подсѣклись!..

— Это все ничего,—слава Богу. Мнѣ-то вотъ горе какое: святительскаго благословенія получить не пришлось... Идетъ онъ, батюшка, по церкви да благословляетъ, идетъ, да благословляетъ. Взяла я свою Машутку за руку, кое-какъ протолкалась къ *нему* сквозь народъ, и только было хотѣла... Откуда ни возьмись кузнечиха! такъ и суетъ меня локтями, такъ, сволочь, и суетъ! Я, этакъ, хочу съ правой стороны — и она съ правой; я съ лѣвой —и она съ лѣвой. Такъ до самой паперти и толклись. Благословилъ онъ тутъ кузнечиху, да и въ карету. Такъ я и не сподобилась. Вотъ, вѣдь, горе какое... А все кузнечиха окаянная!

— По настоящему,—разсуждалъ между тѣмъ дьяконъ,—староста какое угощеніе-то теперь долженъ бы сдѣлать! А онъ вотъ домой улизнулъ. Да еще давча какую штуку отмочилъ: у васъ, говоритъ, что у бабъ, только волосъ дологъ, а на расправу-то, говоритъ, вы жидки. Каковъ? Носится съ своими рѣшетками и хвалится, что никого не боится; а кто вчера кутерьму поднялъ? Онъ же, вѣдь, животное!

— А какъ ты, Потапычъ, вчера съ лугу-то на своихъ на двоихъ скакалъ?—острилъ замѣтно подгулявшій дьячокъ.

— Вѣкъ не забыть!—воскликнулъ пономарь. — Духъ захватило, совсѣмъ-было карачунъ задалъ.

— Духъ захватило... Эхъ ты, слабость! — упрекнулъ дьячокъ.

— Эхъ ты, крѣпость!—передразнилъ пономарь:—самъ мухи не раздавитъ, а вѣдь туда же...

— Я-то? — вскричалъ дьячокъ: — да я такихъ, какъ ты-то, десятокъ расшибу!

— Э?

— Вотъ тебѣ «э»! Хочешь?

Дьячокъ всталъ изъ-за стола и поднялъ кулакъ.

— А вотъ мы сейчасъ сдѣлаемъ пробу твоей силѣ, — вмѣшался дьяконъ: — коли раздавишь въ рукахъ сырое яйцо поперекъ, значитъ, силачъ.

— Да не раздавитъ: гдѣ-жъ ему!—подзадоривалъ пономарь.

— Раздавлю!

— Не раздавишь!

— Совсѣмъ съ курицей раздавлю!—горячился силачъ.

Принесли сырое яйцо и вручили дьячку. Онъ выступилъ на средину комнаты, взялъ яйцо поперегъ между ладонями и, стиснувъ зубы, изо всей мочи сдавилъ его. Яйцо треснуло, желтокъ потекъ по полѣ подрясника, мокрая скорлупа пристала къ рукамъ.

— Что ты, извергъ, сдѣлалъ съ подрясникомъ-то? — вскрикнула дьячиха.

— Ничего, ничего,—бормоталъ дьячокъ, растопыривъ руки и посматривая на подрясникъ.

Вертѣвшаяся въ комнатѣ собачонка подбѣжала къ дьячку, обнюхала его, и ну слизывать желтокъ съ подрясника.

— И лизаху... и лизаху его... и лизаху его пси!—едва могъ выговорить дьяконъ, заливаясь со смѣху и показывая пальцемъ на дьячка.

— А посему выпьемъ вси!—срифмовалъ пономарь.

Сильные и слабые примирились, и выпивка пошла своимъ чередомъ...

Было уже часовъ десять ночи. Все село спало крѣпкимъ сномъ, а въ домѣ дьякона все еще свѣтился огонь, и дьячокъ все продолжалъ возглашать: господину нашему, преосвященнѣйшему... съ богохранимою его паствою мно-о-о-гая лѣ-ѣ-ѣ-ѣ-та-а!...

IV.

Широкая душа.

Стояла невыносимая іюльская жара. Воздухъ не колыхался. Вороны и галки, распустивши крылья и широко раскрывши клювы, изнывали отъ духоты.

Въ такое-то время тащился я съ сестрой на немощной клячонкѣ «изъ гостей», изъ прежалкаго-жалкаго городишка Т... Тридцать верстъ разстоянія отъ этого городишка до моего родимаго села казались мнѣ нескончаемо длиннымъ путемъ. Никакой защиты отъ жгучаго солнца—ни естественной, ни искусственной: кругомъ чистое поле, а сверху — одна фуражка. Потъ ручьями лился по лицу. Чувствовалось крайнее разслабленіе и непреодолимая дремота. Говорить не хотѣлось. Только изрѣдка, какъ бы въ бреду, обмѣнивались мы съ сестрой объясненіями въ родѣ слѣдующихъ:

— Яковъ-то Лаврентичъ Зазнаевъ какъ постарѣлъ! Давно уже я не видалъ его.

— Постарѣлъ, а все такая же дубина. Вчера прихожу я въ его лавку патоки купить, а онъ съ попомъ въ шашки играетъ. Посмотрѣлъ на меня и — хоть бы насмѣхъ кивнулъ! А вѣдь очень хорошо знаетъ меня... Я слышала, его въ газетѣ пропечатали: по дѣломъ!

Молчаніе.

— А у Ольги Павловны мужъ-то ничего себѣ...

— О, славный! Вотъ мужъ-то, такъ ужъ именно мужъ! Ты замѣтилъ, какъ онъ бережетъ жену? Самъ слазилъ въ печку, досталъ щи и на столъ намъ подалъ... А вѣдь чиновникъ!..

— Да.

Молчаніе.

— Скоро ты увидишь, наконецъ, свою фотографическую карточку.

— Да. Конечно, пріятно въ первый разъ... Но неужели и въ другихъ городахъ такія-жъ фотографіи, какъ у уѣзднаго учителя въ Т..?

— Въ другихъ городахъ гораздо лучше...

— То-то... А то, что это за фотографъ? Завелъ на дворъ, посадилъ Богъ знаетъ гдѣ, да и говоритъ: смотрите, сударыня, вотъ сюда и не извольте ничѣмъ шевелиться. Если, говоритъ, шевельнете ручкой, то она на карточкѣ выйдетъ, какъ бревно-съ. А

ужъ тутъ не до того: мухи и вонь страшная! Насилу отмучилась.

И снова молчаніе, и снова усыпленіе.

Но вотъ, позади послышался крикъ, свистъ и стукъ колесъ. Я оглянулся и — сразу оживился. Меня настигалъ мой давній пріятель, печникъ Сидоръ Ивановичъ съ своимъ неразлучнымъ подмастерьемъ, Максимомъ. Поровнявшись со мною, онъ крикнулъ Максиму «стой»! спрыгнулъ съ телѣги, подошелъ ко мнѣ и, снявши картузъ, возгласилъ:

— А! мой великій, священный, высокоторжественный Ѳедоръ Ивановичъ! Мое почтеніе! Давно душа горѣла повидаться съ вами. Ко мнѣ, ко мнѣ пожалуйте; сядемъ вмѣстѣ и побесѣдуемъ.

— Да гдѣ-жъ тамъ? У васъ тѣсно: телѣжка маленькая, а васъ двое.

— Да, Господи, пожалуйте! На колесѣ сяду, а ужъ вамъ покой предоставлю.

Я согласился. Но Сидоръ Ивановичъ на колесѣ не сѣлъ, а устроилъ мнѣ помѣщеніе въ своемъ «экипажѣ» на счетъ удобствъ и спокойствія Максима, который принужденъ былъ прилѣпиться, дѣйствительно, чуть не на колесѣ. Я усѣлся, насколько возможно было, удобно, но Сидоръ Ивановичъ не скоро успокоился и нѣсколько минутъ сряду утѣснялъ Максима: «Максимъ, двинься еще! Максимъ не толкай плечомъ! Максимъ,—ноги! Максимъ, прими руку! Максимъ отклонись маленько» и т. п. Максимъ сжался, скорчился въ уголкѣ и выпучилъ на меня глаза, какъ на «диводивное» и «чудо-чудное».

Мы поѣхали шагомъ и забесѣдовали.

— Отдыхать теперь изволите у своихъ родителевъ?—началъ Сидоръ Ивановичъ.

— Да.

— Да какъ вамъ и не отдохнуть? Вѣдь она, наука-то, пуще всякой работы,—я такъ понимаю... Да, тяжела она, матушка, но за то и сладка опосля бываетъ,—ухъ, какъ сладка—посмотришь! Такъ ли?

— Ну, это кому какъ...

— Позвольте,—вмѣшался Максимъ:—вы небезсудьте, если я, примѣрно, что-нибудь не складно...

— Ничего, ничего...

— Вотъ вы теперь ужъ на возрастѣ, а все еще въ наукѣ состоите. Чему же васъ до сей поры учатъ?

— Экой ты, братъ, непонятный! — перебилъ Сидоръ Ивановичъ.—Чему учатъ? Извѣстно, ужъ не читать да писать, коли

люди на возрастѣ. Ихъ теперь учатъ до всего доходить. Вотъ, примѣрно, хоть кобыла... Тебѣ что? Кобыла да кобыла! А у нихъ сейчасъ: какъ кобыла? Почему кобыла? Отчего кобыла? И все это они тебѣ представятъ. То-то и другое-то что-нибудь... У нихъ все сейчасъ въ дѣло производится. Оттого-то, вѣдь, умные люди-то бываютъ. Вѣдь вотъ Ѳедоръ Ивановичъ теперь съ тобой, дуракомъ, ѣдетъ, а опосля, посмотри, архіереемъ будетъ. Потому ихъ къ этому и пріобучаютъ, къ этому и ведутъ въ этой самой ихней академіи.

— Владыка-то нашъ, стало быть, оттуда же произошелъ?— возразилъ Максимъ.

— Владыка-то? Какъ же, все оттуда же. Теперь-то, вѣдь, онъ «ваше преосвященство»... «*исполается* деспота»... на шестернѣ со звономъ ѣдетъ, — а прежде-то былъ тоже вотъ, какъ Ѳедоръ Ивановичъ: въ фуражечкѣ этакъ, въ сюртучкѣ и все прочее... Такъ-то вотъ подумаешь: великая премудрость Божія! Мальчишка бѣгаетъ по улицѣ, въ бабки играетъ, объ святой съ родителями грошики сбираетъ, и вдругъ—владыка! Господи Боже мой, Отецъ милосердый!.. А все наука доводитъ.

— Дай Богъ всякому! Кому что дано,—замѣтилъ Максимъ, и глубоко вздохнулъ.

— Кто про то говоритъ! Дай Богъ всякому — прямое дѣло! Я собственно про премудрость... Ты пойми: владыка, и—такъ-то вотъ въ фуражечкѣ... Ахъ ты, Господи! Ѳедоръ Ивановичъ! Васъ-то скоро-ли Господь удостоитъ?

— Не знаю,—отвѣтилъ я.—Я, можетъ быть, не буду архіереемъ: безъ меня найдутся.

— О, нѣтъ, — взмолился Сидоръ Ивановичъ, — вы ужъ пожалуйста, непремѣнно во владыки! Я жду — не дождусь, когда вы къ намъ владыкой припожалуете. То-то радость-то будетъ— и сказать нельзя! *Свой*, доморощенный владыка пріѣдетъ: вѣдь это чего стóитъ? Да я тогда всѣ колокола разобью, ей-Богу, разобью!

— Вотъ бы, вправду, Господь привелъ... Пресвятая Богородица! — проговорилъ Максимъ, и состроилъ преумилительную физіономію.

— Приведетъ, — увѣрялъ Сидоръ Ивановичъ, — ужъ это ты будь покоенъ, что приведетъ! Вѣдь это Ѳедоръ Ивановичъ только такъ... чтобы не вдругъ себя обозначить... Эхъ, Ѳедоръ Ивановичъ, завидую я вамъ. Съ-измальства васъ пустили по наукѣ, и вотъ вы все идете, идете, и дойдете до своего. Всякое понятіе получите,—это само собой, да еще въ какую благодать попадете!

И вы къ людямъ, и люди къ вамъ, — все это будетъ вокругъ васъ высоко и благородно. И душа-то, я думаю, ровно бы другая сдѣлается. Сладость—одно слово! Это не то, что наше дѣло. Вотъ я хоть про себя скажу. Что моя за жизнь такая? Положимъ, благодареніе Господу, насчетъ продовольствія у меня всего въ волю, да для души-то моей у меня оченно мало! Душа у меня, надо сказать, широкая и самая настоящая,—даромъ что я печникъ. Чувствую, что у меня и тутъ есть (при этомъ Сидоръ Ивановичъ ткнулъ пальцемъ себя подъ козырекъ). Можетъ, я теперь не хуже другого все бы вызналъ, все бы понялъ, — такъ бы все и схватилъ. А ничего не подѣлаешь: науки не проходилъ, умнаго человѣка вокругъ тебя нѣтъ, который бы тебѣ могъ вложить и все прояснить. Вотъ у меня теперь въ голову-то всякое приходитъ, и то, и другое, и третье: чтó, отчего и какъ? Вамъ теперь на все это плевать, потому—вы все понимать можете; а мнѣ тоска. Самъ не совладаешь, а сунуться некуда. Отчего же я теперь такъ радъ-то? Я соображаю свое: вотъ, молъ, умный человѣкъ подвернулся; онъ мнѣ что-нибудь покажетъ. Ему, молъ, ничего не стóитъ, а мнѣ годится. Вотъ дайте мнѣ, Ѳедоръ Ивановичъ, отвѣтъ на одно дѣло. Недѣлю цѣлую оно у меня изъ головы нейдетъ.

— Что такое?

Сидоръ Ивановичъ кашлянулъ, протеръ губы свернутымъ въ яичко ситцевымъ платкомъ, и началъ *дѣло*.

— Первое: благоуханіе святыни, по всей Россіи распространяющее. Второе: благодать священства, насъ освящающая. Третье: благолѣпіе храмовъ, всѣхъ умиляющее... Что вы на это скажете?

Озадаченный такими мудрыми тезисами, я, молча, во всѣ глаза взглянулъ на Сидора Ивановича. Яичко снова скользнуло по губамъ Сидора Ивановича, и онъ пояснилъ:

— Я собственно насчетъ того, что теперь вотъ стали приписывать церкви одну къ другой.

— Такъ что же?

— Какъ что? Не благочестно и клонитъ ко вреду и грѣху великому! Я такъ понимаю, что быть вездѣ расколу.

— Какъ же это такъ?

— А вотъ какъ. Къ примѣру, я человѣкъ зажиточный. Пришло на меня благоговѣніе, и я созиждилъ храмъ. Всѣ ходятъ въ *мою* церковь; у меня свое благолѣпіе, свой священникъ. На душѣ отрада и память въ роды-родовъ. Вдругъ начальство говоритъ: мы твою церковь запремъ, а ты ступай молиться вонъ куда! Пріятно это мнѣ, аль нѣтъ? Моя же церковь, и меня же

вонъ куда! Помрутъ родители, и прахъ ихъ я должо́нъ туда же!... Какая же тутъ вѣра? Какъ тутъ удержать православіе? Иной потерпитъ, потерпитъ, да и не удержитъ...

Я разъяснилъ колеблющемуся Сидору Ивановичу, что церковь зажиточнаго человѣка не припишутъ къ другой, если онъ обезпечитъ и церковь, и причтъ.

— Коли такъ, такъ это еще ничего. Я полагалъ, что все это безъ вниманія... Ну, а другимъ-то развѣ тоже не обидно? Возьмемъ хоть Никольскихъ. Ихъ, говорятъ, припишутъ къ Каменской церкви. То у нихъ церковь-то подъ бокомъ, а то—ступай теперь за десять верстъ. Каково это имъ покажется? Пожалуй, имъ и не въ моготу придетъ, и разбредутся дѣтки отъ матки. А вѣдь это страсть!—пагуба!

Я замѣтилъ, что приписка церквей и приходовъ вызвана у насъ крайнею необходимостью, что всякій умный и благочестивый христіанинъ не измѣнитъ вѣрѣ изъ-за того, что ему придется пройти или проѣхать къ обѣднѣ лишнихъ версты двѣ-три,— что, молъ, истинные христіане не отступали отъ своей вѣры и тогда, когда ихъ гнали и мучили, а о дурныхъ не сто́итъ и жалѣть; пускай ихъ идутъ въ расколъ.

Выслушавъ все это, Сидоръ Ивановичъ минуты съ двѣ молчалъ и водилъ по губамъ ситцевымъ яичкомъ. Затѣмъ онъ проговорилъ:

— А, пожалуй, оно и резонъ. И вправду: ступай въ расколъ, хоть за расколъ, коли тебѣ вѣра такъ дешево пришлась! Свиньей ты родился, свиньей ты и издыхай! Который ежели чувствуетъ по закону, тотъ этого не сдѣлаетъ. А ты иди, коли тобой богомерзость овладѣла... Ты, Максимъ, какъ полагаешь?

— Да, ужъ, стало быть, пущай идетъ, коли...—отозвался Максимъ.

Изъ приближающейся тучи послышался громъ.

Сидоръ Ивановичъ перекрестился и говоритъ:

— Я вотъ какой человѣкъ, доложу вамъ, Ѳедоръ Ивановичъ: отъ меня ничто даромъ не уходитъ. Вотъ, слышу я громъ и творю молитву; а разума ужъ со мною нѣтъ: онъ вонъ куда взлетѣлъ (Сидоръ Ивановичъ показалъ на небо). Вѣдь иной осѣнитъ себя крестомъ и — только, ему и дѣла больше нѣтъ. А у меня совсѣмъ другое. У меня сейчасъ ужъ и пошло: отчего это гремитъ? Что́ на небѣ дѣлается, когда громъ бываетъ? Понять хочу, а не могу. У васъ это все въ наукѣ показано: скажите ужъ кстати, какъ объ этомъ понимать нужно?

Чтобы удовлетворить научнымъ вопросамъ «широкой души»,

я изложилъ цѣлую лекцію объ электричествѣ. Сидоръ Ивановичъ сдѣлалъ видъ, что все до капельки понимаетъ изъ этой лекціи, и все безпокоился только на счетъ воспріимчивости Максима. То и дѣло онъ прерывалъ мою рѣчь вопросами: Максимъ, понялъ?—Максимъ, ты-то понимаешь-ли?—Максимъ, ну что?...» Максиму, повидимому, ужасно понравилось электричество. Притаивъ дыханіе, вытаращивъ глаза и широко раскрывши ротъ, онъ, казалось, хотѣлъ не проронить ни одного моего слова. Въ отвѣтъ на вопросы Сидора Ивановича онъ сильно морщился и только молча, какъ-то неторопливо отмахивался рукой:—дескать, ради Бога не мѣшай, иначе все пропало!...

Лекція кончилась, и Сидоръ Ивановичъ какъ-то особенно оживленно заговорилъ:

— Такъ вонъ оно, чтó тамъ раздѣлывается-то!—Максимъ,—а? Вѣдь ты вѣкъ бы свой скончалъ, а самъ бы этого не понялъ.— Ты думалъ, это все Илья тамъ дѣйствуетъ?—Хе-хе-хе! — Нѣтъ, братъ, не туда!—Ступай къ бабамъ, коли Илья!...

— Понять... — чудное дѣло — понять!—Поди-ка пойми по пальцамъ-то!—Тутъ и толковать нечего. Намъ не подъ силу забрать высоту этакую... Самъ же ты говорилъ,—нѣсколько обидчиво замѣтилъ Максимъ.

Захотѣлось мнѣ польстить Сидору Ивановичу, я и говорю: — Какой вы Сидоръ Ивановичъ, любознательный! Я и не видывалъ такихъ людей, какъ вы.

Сидоръ Ивановичъ встрепенулся и весь просіялъ.

— Эхъ, милый мой Ѳедоръ Ивановичъ!—воскликнулъ онъ.— По моимъ мыслямъ-то развѣ мнѣ въ такомъ положеніи-то быть?— Я, вѣдь, это чувствую. Я вѣкъ не забуду, что мнѣ разъ Сосновскій отецъ дьяконъ сказалъ. Слушалъ, слушалъ это онъ меня да и говоритъ: «Сидоръ Ивановичъ!» — Я говорю: чево-съ? — «Жаль мнѣ тебя»,—говоритъ.—Я говорю: а что?—«Кабы на твой умъ,—говоритъ,—да науку, такъ ты,—говоритъ, — теперь митрополитомъ бы былъ».—А? Каково мнѣ это было слышать-то?—А я глину толку!... Вѣдь вотъ вы теперь ужъ меня поняли. Какъ у васъ *тутъ-то* есть у самихъ-то, такъ вы и въ другихъ можете видѣть и цѣнить. А у насъ въ селѣ какой народъ-то? Никто ничего не смыслитъ, а всякій норовитъ тебя обезчестить, не то чтобы пользу тебѣ какую доставить... Вотъ у насъ теперича попъ, — вѣдь лицо священное и науки кое-какія проходилъ: долженъ бы, кажется, понимать и судить; а мнѣ сдѣлалъ самую неблагодарную вещь, и совсѣмъ по-пустому.

— Чтó же онъ вамъ сдѣлалъ?

— Да вотъ чтó. Я къ нему, видите ли, хаживалъ, — иной разъ по дѣлу, а иной разъ такъ, потолковать о чемъ-нибудь по писанію, или по наукамъ. Сперва онъ принималъ меня радушно, а потомъ отчего-то началъ коситься на меня: ровно бы ему и не по сердцу, что я хожу къ нему. Вотъ, однажды, сижу это я у него... Слово за-слово... Мнѣ и вздумалось спросить: зачѣмъ, молъ, это, батюшка, *достойну* благовѣстять? — «Извѣстно,—говоритъ, — зачѣмъ: хвала Богу...» — Я говорю: вѣдь и все въ службѣ-то хвала Богу.—А онъ мнѣ на это: «то,—говоритъ,—хвала,—а то другая; хвала хвалѣ,—говоритъ,—рознь». Сказалъ онъ это, да какъ крикнетъ на меня: «что тебѣ, говоритъ, все нужно? Что ты все пристаешь ко мнѣ каждый разъ? Твое дѣло, говоритъ, ходи въ церковь да молись! — Ты, говоритъ, плинфодѣль, и знай свое...» — Я говорю: что это обозначаетъ, — плинфодѣль?—«Тебя и обозначаетъ»,—говоритъ. Еще, говоритъ, хвалишься, что писаніе читалъ, а этого не знаешь....» — Нѣтъ, говорю, знаю: плинфодѣль — это тотъ, что кирпичи дѣлаетъ, а я кирпичей не дѣлаю, а только печки кладу. Значитъ, вы ошибаетесь, — говорю. Батюшки мои, какъ онъ меня послѣ этого!... «Ахъ ты,—говоритъ,—кирпичное рыло! ахъ ты, говоритъ, скудельная свинья! Туда же лѣзетъ! — Мудрецъ какой нашелся... Помни же это ты, — говоритъ. Вотъ у тебя жена скоро родитъ,—такъ я тебѣ такое имя нареку, что не выговоришь», — говоритъ. Что-жъ вы думаете? И нарекъ. Сраму-то что было по всему селу. Жена голосомъ кричала. — Вотъ вамъ и священникъ!—Да что, священникъ!—Это по-крайности хоть отецъ духовный; не такъ обидно отъ него и перенесть что-нибудь этакое. А вотъ пономарь: вѣдь ужъ, прямо сказать, неучъ, и обращенія никакого не знаетъ, и тотъ себя выше понимаетъ и тебя ни во что ставитъ. Объ Святой у насъ вотъ какое дѣло было. Отслужили у меня молебенъ. Я, по обыкновенію своему, говорю: пожалуйте хлѣба-соли откушать, — это причту-то. Ну, значитъ, сѣли. Только этотъ пономарь, по невѣжеству своему, и сядь выше священника. А ужъ мнѣ смерть, коли что не по закону! Эхъ, думаю, сѣла ворона не на свой колъ: какъ бы это ее спугнуть? Взямши это я полштофъ въ одну руку, а рюмку въ другую, подхожу къ столу, да и говорю—благородно таково: Платонычъ, — говорю (это пономарю-то),—какъ въ писаніи-то сказано? Ты еси іерей въ *кончину?*... А онъ: «ничего, ничего, говоритъ, наливай по чину. Всѣ: ха-ха-ха! а всѣхъ пуще пономарь. Ты, говоритъ, съ высока-то не хватай, а чтобъ было по-проще, да посытнѣй». Я же и ду-

ракъ, а пономарь уменъ... А спросите у него, къ чему какое писаніе клонитъ? — Вовѣки не скажетъ!.. Вотъ тутъ и живи! Разуму твоему никто не поможетъ; всякъ еще тебя хаетъ за разумъ-то.—Обидно, горько, а ничего не подѣлаешь. Придетъ вечеръ: сидишь, сидишь, — думаешь, думаешь, обо всемъ передумаешь. Голова кругомъ пойдетъ, въ глазахъ потемнѣетъ. Плюнешь.. Эхъ!—пойду выпью... Что вы такъ на меня смотрите?—Насчетъ запою, или тамъ блуда,—какъ теперь вотъ прочіе,—я ни—Боже-мой! Я человѣкъ твердый и строгій; со мною если что бываетъ иной разъ, то собственно отъ сильнаго воображенія. Разъ пришелъ я домой, на порядкахъ-таки выпивши. Жена такъ и ахнула. Сидоръ!—говоритъ: ты задурилъ; ахъ, ты, говоритъ, такой-сякой! — а еще, говоритъ, другихъ коришь... Взяло меня тутъ горе великое: ну, думаю, всѣ на меня, и жена туда же! Такъ я ужъ тутъ ей прямо: отстань, говорю, Аксинья! Ты пойми одно: почему я на тебѣ женился?—Потому что я теперь не митрополитъ... И она хоть бы слово на это! Потому, хоть она меня и обидѣла, а вѣдь, стало быть, понимаетъ тоже, что мнѣ совсѣмъ не тотъ предѣлъ положенъ...

Мы доѣхали, наконецъ, до перекрестка. Мнѣ оставалось проѣхать съ полверсты направо, а Сидору Ивановичу нужно было ѣхать по прямому направленію еще верстъ пять. Туча совсѣмъ почти надвинулась на насъ. Поднялся сильный вѣтеръ. Крупныя, но еще рѣдкія капли дождя застучали по плечамъ и по козырькамъ нашихъ фуражекъ. Я слѣзъ съ гостепріимной телѣжки, со мной спрыгнули и печники, и началось прощанье. Сидоръ Ивановичъ обнялъ меня, и ну цѣловать.

— Прощайте, мой... (поцѣлуй) милый! — Прощайте, мой... (поцѣлуй) умственный!—Прощайте, мой (поцѣлуй) владыка!

— Вы, то-есть, насъ вотъ какъ ублаготворили: вѣкъ не забыть!—изъяснялъ между тѣмъ Максимъ.

— Ну, Максимъ, аршъ-маршъ! — засуетился Сидоръ Ивановичъ:—ты теперь пугни кобыленку-то, а то это самое алестричество насъ теперь до смерти захлещетъ!...

V.

На роду написано.

Дѣло было великимъ постомъ.

Дьяконица-старушка, въ огромныхъ очкахъ, сидѣла въ залѣ на лежанкѣ и держала на колѣняхъ Четьи-Минеи. Дядя Филатъ, въ ожиданіи «часовъ» зашедшій къ отцу дьякону покалякать, съ глубокимъ вниманіемъ слушалъ чтеніе и разсказы дьяконицы о святыхъ угодникахъ.

— И вотъ, — повѣствовала дьяконица, протирая пальцами влажные углы губъ,—удалился Маркъ Фраческій въ пустыню и подвизался тамъ девяносто лѣтъ, не видя лица человѣческаго. И обросъ онъ весь волосами, аки звѣрь, и не былъ его достоинъ весь міръ.

— Весь?—волосами? Господи помилуй!—съ изумленіемъ проговорилъ дядя Филатъ, и покачалъ головою.

— И приспѣло ему время окончить свой животъ,—продолжала дьяконица...

Но въ это время изъ сѣней отворилась дверь, и въ передней послышался старческій женскій голосъ:

— Охъ, Владычица!.. Есть кто дома-то?

— Есть, есть; войди, Авдотья,—отозвалась съ лежанки дьяконица, узнавъ гостью по голосу.

Въ залу вошла старуха въ нагольномъ полушубкѣ, покрытая бѣлымъ платкомъ. Заплаканные глаза, необсохшая еще влага слезъ въ ложбинкахъ морщинистыхъ щекъ, учащенное, тяжелое и отрывистое дыханіе—все это показывало, что старуха была чѣмъ-то сильно поражена и взволнована. Помолившись предъ иконами, она низко поклонилась дьяконицѣ и дядѣ Филату, и болѣзненнымъ голосомъ спросила:

— Отца-то дьякона аль дома нѣтъ?

— Да у Самойлы стогъ сѣна продается, такъ онъ пошелъ посмотрѣть,—отвѣтила дьяконица. — Онъ скоро придетъ; присядь-ка покуда. Что это ты такая грустная? Горе что-ль есть какое?

— Горе, матушка, охъ,—горе!—заголосила старуха и въ изнеможеніи опустилась на стулъ.—Василья-то моего, сына-то... Ой-ой-ой, Господи!

Старуха закрыла лицо руками, закачалась и громко зарыдала.

— Ты, бабка, говори дѣломъ,—замѣтилъ дядя Филатъ:—чего гудишь-то? Какое-такое у тебя горе? Бываетъ, мы пособить можемъ.

— О-охъ, не пособить вамъ мнѣ,—простонала бабка Авдотья, не переставая рыдать.

— Какъ знать? Можетъ и пособимъ,—сказала дьяконица.—Ты объяви намъ горе-то. Вѣдь ты вѣрно за тѣмъ и пришла, чтобы размыкать его?

— Затѣмъ, родная, истинно затѣмъ.

— Ну?..

— Постой... погоди... дай срокъ,—съ разстановкой проговорила старуха, стараясь успокоиться.—Сыночка-то моего, Васятку-то, опору-то мою, утѣшеніе-то мое...

И старуха снова зарыдала.

— Въ солдаты, что-ль?—предположила дьяконица.

— Въ солдаты!—не сказала, а взвизгнула старуха и, всплеснувъ руками, уронила голову на колѣни.—Одинъ и былъ, что́ свѣтъ въ окнѣ, и того лишаютъ,—сквозь слезы продолжала она, выпрямившись:—душеньку у меня вынимаютъ, кровь мою испиваютъ, во гробъ меня укладаютъ.

— Чего же ты, Авдотьюшка, такъ убиваешься?—ласково и съ участіемъ заговорила дьяконица, сдвинувъ очки на лобъ.—У васъ въ семьѣ есть еще подростокъ, племянникъ твой, Степанъ: онъ кормить васъ будетъ. А Василій пускай съ Господомъ Богомъ послужитъ за вѣру православную. Служба теперь недолгая, жизнь солдатская ужъ не то, что́ прежде. Гляди, еще въ побывку пустятъ года на три, на четыре. Да и то еще надо размыслить: вѣдь не твоего только сына забрѣютъ, а и другихъ не пощадятъ, на кого падетъ очередь. Вотъ какъ тебя дѣло коснулось, такъ ты и сго́рилась; а ты подумай, сколько матерей-то убивалось по святой Руси во время прежнихъ солдатчинъ, когда о твоемъ сынѣ и помину не было. Тогда другія плакали, а тебѣ ни печали, ни воздыханія не было. Господь-Батюшка всѣхъ равняетъ: у него не бываетъ такъ, что одному человѣку все горе, а другому все радость; у него горе то-и-дѣло переходитъ съ одного на другого. Вотъ хоть бы ты теперь плачешь, сокрушаешься, а послѣ возрадуешься; а другой нынче смѣется, радуется, а завтра восплачетъ. На свѣтѣ нельзя безъ этого. Ты, можетъ быть, завидуешь намъ, что въ нашемъ быту солдатчины не бываетъ; а посмотри поближе, и увидишь, что и у насъ та же солдатчина. Вотъ у меня сынъ-то тоже одинъ и есть, а вижу я его или нѣтъ? Каково отдежурить въ школѣ-то двѣнадцать, а то и всѣ

пятнадцать лѣтъ? Вотъ тебѣ и солдатчина. А послѣ этого развѣ помощь какая будетъ матери-то? Нѣтъ, матушка, не жди: закатится куда-нибудь, обзаведется женой, семействомъ,—и вѣсточки родителямъ не пришлетъ, не то, чтобы прочее что-нибудь. Такъ-то, Авдотьюшка!

— Родимая ты моя,—со вздохомъ проговорила бабка Авдотья, нѣсколько успокоившись:—вѣстимо, каждому свое дѣтище жалко; да вѣдь жалость жалости рознь. Тебѣ, по крайности, страху такого нѣтъ, какъ мнѣ. Твой сынокъ иной разъ хоть и не пропишетъ тебѣ, да ты, по крайности, знаешь, что онъ живъ и въ спокойствіи; а солдатская служба—служба страшная, служба смертная. Каково супротивъ непріятелевъ-то? Того и гляди, что голова долой.

— Не всѣмъ же солдатамъ приходится быть на войнѣ, да и на войнѣ не всѣхъ убиваютъ,—возразила дьяконица.

— Какъ знать, матушка, какъ знать?—продолжала старуха, утираясь рукавомъ.—Война не война, а ты все будешь думать, что война. У меня и теперь съ ума нейдутъ эти оглашенные непріятели, особливо ночью: такъ и стоятъ въ глазахъ—все такіе страшные, да мерзкіе, и все намыряются штыками, да саблями.

— Да вѣдь отъ смерти, Авдотьюшка, никуда не уйдешь,—замѣтила дьяконица.—Недаромъ поется:

За спиною смерть съ косою
Ходитъ бодренно, не спитъ.

Бываетъ, что и солдатъ живъ остается; а иной разъ и простой человѣкъ умираетъ: чтó кому суждено. Вотъ недавно у Зипоновыхъ какой вѣдь малый-то свалился! Теперь, небось, родители-то думаютъ: лучше бы онъ двѣ солдатскихъ службы отслужилъ, чѣмъ такую скоропостижность получить... Нужно еще и то сказать, что солдатскую смерть Господь больше всякой смерти любитъ, потому что эта смерть—за вѣру православную, смерть мученическая. Вотъ и изъ писанія видно (при этомъ дьяконица ткнула пальцемъ въ Четьи-Минеи), что иные солдаты за свою смерть царствія Божія удостоились. Вотъ хоть бы Иванъ Воинъ, Ѳедоръ Стратилатъ. Ты замѣть: *воинъ*, а святой! Вотъ тебѣ и солдатъ! Ты по человѣчеству теперь плачешь; а по христіанству-то ты бы еще радоваться должна, что твой Василій можетъ сдѣлаться молитвенникомъ за тебя на небеси. Вотъ вѣдь какъ по христіанству-то.

— Золотая ты моя,—слезливо и нараспѣвъ заговорила ста-

руха:—дюжо мы грѣшны-то, трудно намъ по христіанству... Ты говоришь: плакать не надо, а радоваться. Не въ-сутерпъ, моя милая,—охъ, не въ-сутерпъ. Не до радости тутъ, когда свѣтика моего...

Старуха снова заплакала.

— Радоваться не радоваться,—вмѣшался дядя Филатъ,—а что плакать тебѣ, бабка, по настоящему не слѣдъ. Вотъ Григорьевна сказала: что̀ кому суждено. Это она самое вѣрное сказала. Въ нашей жизни всякая вещь и всякій, напримѣръ, предметъ причиняется отъ судьбы. А что мы на людей ссылаемся, будто они намъ зло наносятъ,—это одна слѣпота наша, не больше. У всякаго, напримѣръ, свой предѣлъ: ей вотъ положенъ предѣлъ быть дьяконицей, и—она дьяконица; мой предѣлъ мужицкій, и—я мужикъ; а твоему Василью, стало быть, солдатскій предѣлъ подошелъ. И этого предѣла не то, что ты, а и самъ царь отмѣнить не можетъ, потому—это дѣло вышнее. Я вотъ тебѣ разскажу, а ты, напримѣръ, послушай.

Дядя Филатъ кашлянулъ, пошевелился на стулѣ, наклонился впередъ по направленію къ бабкѣ Авдотьѣ, сложилъ руки между колѣнъ и началъ:

— Жилъ одинъ баринъ. У этого барина былъ лакей. Этого лакея баринъ такъ любилъ, такъ, напримѣръ, любилъ, что жить безъ него не могъ. Обучилъ баринъ лакея манерамъ, водилъ его чисто, съ нимъ вмѣстѣ ѣлъ и пилъ, въ гости его съ собой бралъ и тамъ возлѣ себя сажалъ. И сталъ онъ ужъ не лакей, а ровно бы баринъ. Не житье ему было, а просто масляница: баринъ имъ доволенъ, и онъ бариномъ, напримѣръ, доволенъ. Только что же ты думаешь, напримѣръ? Разъ этотъ самый лакей, зазнавшись, въ чемъ-то не потрафилъ барину. Разгорѣлся барскій гнѣвъ, и грянула на лакея, напримѣръ, гроза. Въ былое время, знаешь, бары эти были народъ блажной: бывало, чуть что-нибудь не по нихъ,—сейчасъ у дѣвки косы съ головы летятъ, лакея дерутъ на конюшнѣ. А этому лакею, о которомъ я-то тебѣ говорю, еще пуще конюшни досталось. Баринъ, въ сердцахъ-то, возьми, да и забрѣй его въ солдаты. Ты пойми: послѣ этакой жизни—и, напримѣръ, въ солдаты! Лакей самъ не въ себѣ, остервенился совсѣмъ, а ничего не подѣлаетъ. И запала ему тутъ въ голову дьявольская мысль: если, говоритъ, возвращусь изъ солдатовъ, то не быть барину въ живыхъ,—убью за измывательство. Вотъ, долго ли, коротко ли, много ли, мало ли онъ служилъ, только пришлось ему возвратиться изъ солдатовъ домой. И вотъ

онъ идетъ, а самъ все думаетъ: убью, убью такого-сякого. И чѣмъ ближе, напримѣръ, подходилъ онъ къ родинѣ, тѣмъ пуще разгоралось его сердце противъ барина. Разъ онъ припоздалъ на дорогѣ: жилье отъ жилья далече случилось. Вдругъ, откуда ни возьмись, напримѣръ, старичокъ старый-престарый. — «Здорово, служивый!»—Здорово, старичокъ! «Куда идешь?» — Домой, изъ службы. «Радъ небось?» — Не такъ я радъ, говоритъ, тому, что родныхъ увижу, какъ тому, что съ своимъ злымъ ворогомъ расправлюсь. «Съ какимъ?»—Да съ своимъ прежнимъ бариномъ. И лакей разсказалъ тутъ старику про все, и открылся ему насчетъ убивства. Старичокъ выслушалъ, да и говоритъ: «грѣшишь ты, служба: баринъ тутъ ни въ чемъ невиноватъ». А лакей ему: — какъ, говоритъ, невиноватъ, когда онъ изъ-за малости меня въ солдаты упекъ? «Да, такъ и не виноватъ, — говоритъ старичокъ: тебѣ, говоритъ, на роду написано въ солдаты. Я, говоритъ, толковать съ тобой объ этомъ много не буду, а скажу тебѣ только одно: подойдешь ты сейчасъ къ деревнѣ, зайди ты въ крайній домъ, направо, и попросись ночевать. Тебя не будутъ пускать, прогонять тебя будутъ, потому тамъ женщина родами мучится, а ты все просись, покель не впустятъ тебя въ избу. Впустятъ тебя, ты лягъ, молча, на лавку и дожидайся, покель эту женщину Богъ, напримѣръ, проститъ. Проститъ онъ ее, ты и встань,—встань, да и скажи: люди добрые, христіане православные, дайте мнѣ взглянуть на ребеночка. Тутъ опять долго не будутъ тебѣ давать, а ты все приставай. Какъ покажутъ тебѣ ребеночка, тутъ-то ты и поймешь свою жизнь, и узнаешь, кто я». Сказалъ это старичокъ, и сталъ невидимъ. Лакей такъ и сдѣлалъ, какъ сказано ему было. Выпросился въ крайней избѣ, направо, ночевать и безо всякихъ обстоятельствъ легъ на лавку. Немного погодя слышитъ онъ, прокричалъ ребеночекъ. Лакей встрепенулся, забилось его сердце и дюжо захотѣлось ему на этого ребеночка взглянуть. Долго ему отказывали, наконецъ, того дали. Взглянулъ лакей—такъ и обмеръ. Вышло дѣло, что это совсѣмъ не ребеночекъ, а настоящій солдатикъ: на головкѣ киверокъ, на тѣльцѣ шинелечка, въ ручкѣ ружьецо. И видимость такая была одному только лакею, а больше никому; бабы, тутъ бывшія, этого не видали. Лакей смотрѣлъ, смотрѣлъ, да какъ взвоетъ! «Чего ты?» спрашиваютъ бабы. — Грѣшный, говоритъ, и окаянный я человѣкъ: ни за что хотѣлъ погубить душу христіанскую, незнавши того, что каждому человѣку жизнь на роду написана. Тутъ лакей разсказалъ бабамъ все, какъ есть.

Разсказалъ онъ имъ, да и говоритъ: «какъ возьмутъ у васъ этого дитю въ солдаты, не пеняйте ни на кого,—судьба его такая,—а молитесь Николаю угоднику. Онъ, батюшка, на дорогѣ мнѣ явился, обозначилъ мою судьбу и отвелъ отъ грѣха»... И этотъ самый лакей не токмо что убивать барина, а еще прощенія у него просилъ. Баринъ обрадовался ему, какъ брата родного принялъ и пуще прежняго въ честь произвелъ. Такъ-то и ты, бабка,—заключилъ дядя Филатъ: — не должна, напримѣръ, плакать, потому — судьба: быть тому, и ничего тутъ не подѣлаешь. Ты думаешь, твоему сыну не написано на роду? Написано, бабка, повѣрь; ты только не видала то. Мало-ли мы чего не видимъ? Да Николай-то угодникъ видитъ, а подъ часъ и другому, напримѣръ, показываетъ.

Дядя Филатъ всталъ со стула, заложилъ руки за спину и прошелся по комнатѣ.

Старуха въ раздумьѣ покачала головой и промолвила:

— Все это такъ, можетъ и написано; да разумъ-то нашъ глупый, въ толкъ этого не возьметъ, а представляетъ свое. Вѣдь я будто и чувствую, что и Григорьевна говоритъ правду, и ты—правду; да подѣлать-то съ собой ничего не съумѣю. Валится съ плечъ моя головушка, опустились мои ручепьки, щемитъ мое сердце тоска неотступная. Вотъ я теперь поплакала, да поговорила съ вами, мнѣ ровно бы и легче стало; а тамъ, глядишь, и опять... Крѣпость-то моя слабая... Господи Владыко! Зайду ужо́ еще съ отцомъ дьякономъ потолковать. Человѣкъ онъ словесный, сладкій: авось онъ поддержитъ меня глупую, скорбную.

Ударили къ часамъ. Собесѣдники перекрестились.

— Ты, бабка, ступай вотъ въ церковь, да помолись покрѣпче,—внушилъ дядя Филатъ. — Всякое горе по первоначалу лихо бываетъ, а тамъ, напримѣръ, и ослабѣетъ. А главное: всякому на роду написано. Вспоминай это почаще, и успокоишься, напримѣръ...

VI.

Новый праздникъ.

— Православные!—взывалъ отецъ Алексѣй къ прихожанамъ послѣ обѣдни: — есть у насъ чудотворная икона Владычицы; много страждущихъ къ ней притекаетъ, и великія чудеса она источаетъ, а праздника ей у насъ до сихъ поръ нѣтъ. Непристойно и грѣшно намъ не почтить праздникомъ сію неоскудную благодать. Подобаетъ намъ установить сей Владычицѣ такой же праздникъ, какой установленъ у насъ Сергію преподобному и Николаю угоднику. И будемъ мы для утѣшенія и спасенія вашего ходить съ сей иконой по приходу... Соберите сходку, подумайте объ этомъ и скажите мнѣ, на чемъ положите.

Одни изъ прихожанъ промолчали, другіе загалдѣли: «ладно, батюшка, идетъ: соберемся, подумаемъ, скажемъ. Вещь великая, стоющая; какъ не подумать? Подумать надо, потому — всякому источаетъ, дѣло видимое, а намъ, значитъ, грѣшно»...

Послѣ обѣда сельскій староста ходилъ по селу и, стуча палкою въ ставни, провозглашалъ: «эй, вы,—на сходку, праздникъ обдумывать! Живѣй!»..

Мужики собрались на просторномъ крыльцѣ старосты и начали обдумывать праздникъ.

— Починъ за Иваномъ Артамонычемъ,—проговорилъ кто-то изъ толпы:—во всякомъ дѣлѣ надо по старшинству.

Иванъ Артамонычъ, старикъ съ длинными сѣдыми волосами, съ бѣлою широкою бородою и огромнымъ носомъ, тряхнулъ головой, надвинулъ на глаза высокую шапку, оперся на палку, кашлянулъ, и среди общей тишины, хриплымъ голосомъ началъ:

— Икона наша, — такъ будемъ говорить, — чудотворная, и толковать супротивъ этого нечего. Про это знаетъ всякъ, отъ мала до велика, и изъ дальнихъ странъ народъ къ ней собирается; заступница, одно слово. А праздники, мой сгадъ, дѣло не наше; ихъ установляетъ Господь, а не мы, мужики. И какіе праздники положены, тѣ и надо содержать. Заводить новые праздники—дѣло неподходящее, сумнительное. Наше дѣло—молись, по усердію своему, а тамъ Господь самъ устроитъ, что́ нужно. А на попа намъ смотрѣть нечего: мало ли онъ что?..

— Вѣрно!—загорланило въ одинъ голосъ нѣсколько мужиковъ:—изстари у насъ Никола да Сергій,—они и должны стоять

во вѣки вѣковъ. Владычица—она хоть и Богородица, а безъ Божьей воли ей праздника не установишь. Попъ-то вѣдь себѣ на умѣ. По приходу, говоритъ, ходить будемъ... Ему лишь бы денегъ побольше съ насъ собрать, а о Божьемъ дѣлѣ онъ не помышляетъ. По приходу ходить! Мало они ходятъ? Годъ-годской разовъ десять обойдутъ по насъ: объ Святой ходятъ; Рождество и Крещенье—ходятъ; объ Николѣ вешнемъ и зимнемъ ходятъ; Сергіевъ день—ходятъ. Имъ все мало; въ непоказанное время еще ходить вздумали. Попы, что фараоны: съ живого, съ мертваго дерутъ. Нѣтъ, ихъ дѣло не подойдетъ.

— Вы погодите зря шумѣть-то,—началъ дѣдъ Филиппъ,—нужно говорить дѣло, а не озорничать. Тутъ вещь касаемая важнаго дѣла, и надо уладить такъ, чтобъ никого не прогнѣвить. Путное ли дѣло Сергія и Николу почитать, а Богородицу оставить втуне? Объ этомъ надо поразмыслить да поразмыслить, а тамъ ужъ и говорить. Тебя вотъ Богородица-то пока милуетъ, ты и горланишь; а какъ она за твою супротивность отвратится отъ тебя, что ты тогда запоешь? Потужишь, да не воротишь; пять праздниковъ ей установишь, да поздно будетъ. Смекай лучше теперь, пока есть время. Вотъ вы говорите, что вамъ попы тяжелы; это дѣло легко можно поправить. Теперича у насъ празднуются два Николы: вешній и зимній. Давайте вотъ праздновать одного какого-нибудь, а на мѣсто другого введемъ Богородицу. Тогда и Богородица будетъ въ чести, и попамъ лишняго не отдадимъ. А что Иванъ Артамонычъ боится вновь праздновать, это онъ напрасно. Съ чего не праздновать? Развѣ тутъ грѣхъ какой? Господь наказывать за это не станетъ, а еще въ угожденіе себѣ поставитъ. Вотъ къ какому резону я пришелъ; а тамъ смотрите сами: у всякаго свой разумъ и языкъ.

— Пришелъ ты, дядя Филиппъ, да не туда,—возражали крикуны.—Какого-нибудь Николу... Легко сказать! А какого бы ты это Николу оставилъ? Оставишь вешняго, зимній обидится; зимняго одного будешь справлять,—вешній прогнѣвается. Вонъ вѣдь что выходитъ! Придумалъ, да нескладно.

— Придумалъ-то онъ, пожалуй, и складно,—замѣтилъ изъ-за угла кривой дядя Климъ:—хаять его не за что, а нужно его разуму помочь и—дѣло сладится. Николу на Николу промѣнять легче, чѣмъ Николу на Богородицу, потому—она больше каждаго Николы источаетъ. Дѣло только вотъ въ чемъ: какого Николу отмѣнить и какого удержать? Дѣло извѣстное, что зимній Никола важнѣй: онъ и путь строитъ, и морозы крѣпитъ; вотъ

его и удержать, а на мѣсто вешняго будемъ праздновать Владычицу. Чего лучше? Тутъ и толковать много нечего.

Но и на это послышались возраженія.

— А кто тебѣ блюдетъ посѣвы весной, какъ не Никола вешній? Ты думаешь, тутъ безъ него дѣло обходится? Онъ тутъ самый главный-то и есть. Тебѣ-то морозъ нуженъ, потому—ты извозомъ занимаешься,—а другому посѣвъ всего дороже, и безъ вешняго Николы ему обойтись никакъ невозможно. Значитъ, постановлять тебѣ за другихъ нечего.

— Я и не постановляю,—защищался Климъ,—я только говорю, какъ по моему разсчету выходитъ.

— Вотъ то-то и есть; такъ бы ты и сказалъ... Ну что же, православные, къ какому же концу мы это дѣло приведемъ? Иванъ Артамонычъ, мы опять за тебя: ты какъ объ этомъ?..

Иванъ Артамонычъ съ минуту подумалъ и захрипѣлъ:

— Теперича, послѣ всего этого, я вамъ вотъ что скажу: лишняго грѣха намъ брать на душу не приходится. Николъ держатся почитай всѣ, а Владычицу желаютъ не всѣ, такъ пусть оба Николы стоятъ по старинѣ, а на счетъ Владычицы никого не стѣснять: кто хочетъ—справляй, а кто ежели не хочетъ—какъ хочетъ. Къ чему намъ наступать другому на совѣсть? У иного, примѣрно, есть усердіе; какъ ему скажешь: не празднуй и иконы не примай? Этого дѣлать не должно.

— Дѣло!—подхватили мужики въ одинъ голосъ.—Николы сами по себѣ, по старому, а Владычицу положить на совѣсть: хошь—принимай поповъ съ иконой, хошь—нѣтъ. Всѣ согласны. Староста, неси батькѣ отвѣтъ.

— Погоди-ка съ своимъ отвѣтомъ,—отозвался староста,—вонъ дядя Семенъ идетъ; что-то онъ еще скажетъ. Онъ вѣдь всегда поперегъ насъ...

Къ «сходному крыльцу» медленно приближался толстый, задыхающійся отъ жиру дворникъ, дядя Семенъ.

— Мы, дядя Семенъ, ужъ порѣшили: Николъ по старому, а Владычицу какъ кто хочетъ.

Дядя Семенъ снялъ шапку, утеръ со лба потъ ситцевымъ платкомъ и пробасилъ:

— Я вашего рѣшенья не примаю. Николъ у насъ два, а Владычица одна и есть. Самое резонное дѣло—вешняго Николу отмѣнить, а Владычицу праздновать всѣмъ.

— Ну, поперъ по-своему; хоть бы разъ когда въ согласіе пришелъ; все не по немъ.

Сходъ немного пошумѣлъ, и порѣшилъ: слова дяди Семена въ разсчетъ не принимать, а стоять на своемъ,—такъ и батькѣ объявить.

— Какъ хотите,—отдуваясь проговорилъ пузатый протестантъ,—а я на Богородицу поповъ приму, а на вешняго Николу и на порогъ не пущу.

— Пустишь,—замѣтилъ кто-то изъ толпы,—поломаешься, поломаешься, а къ намъ пристанешь.

— Вотъ увидите,—заключилъ дядя Семенъ и, сдвинувъ шапку на затылокъ, медвѣжьимъ шагомъ направился къ своему дому.

— Ну, что́ придумали?—спросилъ отецъ Алексѣй старосту, явившагося къ нему съ рѣшеніемъ схода.

— Надумали, батюшка, кажись, самое настоящее: Николъ обоихъ держать по старинѣ, а Владычицу положить на совѣсть. Кто хочетъ, пущай беретъ чудотворную икону, а кто не хочетъ—не беретъ.

— Напрасно, напрасно,—проговорилъ отецъ Алексѣй, запустивъ руки въ карманы подрясника,—слѣдовало всѣмъ праздновать. Этакая икона... Гдѣ ты найдешь еще этакую икону? Нѣтъ въ васъ духа Христова.

— Тяжеленько показалось, батюшка-кормилецъ,—дюжо́ много у насъ праздниковъ; лишніе расходы и прочее...

— Тяжеленько... Богу и причту пятакъ-другой вамъ тяжеленько, а въ кабакъ у васъ рубли летятъ, и то не тяжеленько. Нѣтъ въ васъ духа Христова, посмотрю я, совсѣмъ нѣтъ.

— Это, батюшка, дѣло не мое, дѣло мірское; міръ такъ положилъ,—замѣтилъ староста, переступая съ ноги на ногу.

— Всѣ такъ положили?

— Всѣ; только дядя Семенъ заартачился. Богородицу праздновать согласился, за то вешняго Николу выбросилъ, и причтъ, говоритъ, съ вешнимъ Николой не приму. Онъ у насъ на сходкѣ завсегда поперегъ міра воротитъ, а тамъ, смотришь—обойдется и уступитъ иной разъ. И въ этомъ дѣлѣ ему не устоять; надо полагать—сдастся. Какъ не принять причтъ? Извѣстное дѣло—приметъ; это одинъ только разговоръ его. Рыболову этому пуще всего зубы почесать.

— Вотъ еслибы вы и на новый праздникъ всѣ принимали, это было бы хорошо,—заключилъ отецъ Алексѣй,—и отъ людей была бы вамъ честь, и отъ Бога награжденье немалое.

Наступилъ праздникъ вешняго Николы. Причтъ послѣ утрени отправился съ иконою по селу. Дядя Семенъ, обвѣшавшись рыболовными сѣтями, спрятался за ворота и поджидалъ поповъ. Вотъ священная процессія, съ праздничною иконою во главѣ, приблизилась къ дому упорнаго толстяка. Дядя Семенъ, заслышавъ изъ-за воротъ знакомые голоса, выступилъ изъ засады въ одной рубахѣ, босикомъ, съ сѣтями на плечахъ и преспокойно пересѣкъ дорогу процессіи, не обращая ни малѣйшаго вниманія ни на икону, ни на поповъ. Изумленный причтъ съ минуту постоялъ возлѣ воротъ дяди Семена, посмотрѣлъ ему въ слѣдъ и направился къ слѣдующему дому...

VII.

Ночь подъ Крещенье.

I.

...Въ селѣ Сосновкѣ все уже спало крѣпкимъ сномъ. Лишь въ домѣ отца Степана происходило нѣкоторое движеніе. Хотя самъ отецъ Степанъ съ своею супругою, Авдотьею Петровною, еще съ восьми часовъ возлегъ на широчайшую кровать въ темной спальнѣ и заявлялъ о своемъ существованіи только пронзительнымъ храпомъ и свистомъ, но сынокъ его, Михаилъ Степанычъ (Миша тожъ) и дочка Марья Степановна (Машенька тожъ), не спали и шопотомъ бесѣдовали между собою «о разныхъ обстоятельствахъ жизни и чудесахъ». Они сидѣли рядомъ въ маленькомъ зальцѣ. Здѣсь, предъ длиннымъ рядомъ иконъ, симметрично разставленныхъ на двухъ полкахъ, горѣла лампада; по потолку и по стѣнамъ прыгали какія-то жиденькія тѣни; атмосфера была пропитана запахомъ деревяннаго масла. На столѣ, передъ святымъ угломъ, аккуратно сложены были подрясникъ и ряса, а на нихъ свернутый галстухомъ бѣлый коленкоровый платокъ; на углу стола красовалась большая деревянная ложка съ кускомъ коровьяго масла и массивный, аляповатый гребешокъ, приспособленный болѣе къ расчесыванію лошадиной гривы, чѣмъ къ приведенію въ порядокъ жиденькихъ и мягкихъ волосъ отца Степана. Полы были чисто вымыты и по мѣстамъ покрыты чистыми дерюжками. Все какъ будто говорило о томъ, что завтра праздникъ. Даже сѣрая кошка, любимица семьи отца Степана,

и та какъ будто готовилась къ встрѣчѣ праздника: чинно войдя въ залъ, она скромно садилась на дерюжкѣ и начинала тщательно вылизывать себя и приглаживать лапкой свою головку.

Висящіе въ залѣ на стѣнѣ старинные часы прошипѣли одиннадцать.

— Тятенька сказывалъ, —шептала Машенька, что антихристъ произойдетъ изъ колѣна Данова, и налетятъ, говоритъ, прузи...

— Да это еще неизвѣстно,—замѣтилъ Михаилъ Степанычъ.— Постой... кто-то стучится, — перебилъ онъ себя: — должно быть Аксинья.

— Пора ужъ ей,—проговорила Машенька, и поспѣшила въ сѣни отперетъ дверь.

Минуту спустя, въ полуосвѣщенномъ зальцѣ замѣтно обрисовалась фигура молоденькой крестьянской бабёнки, одѣтой въ овчинную, покрытую синей нанкой шубу, съ двумя различной величины платками на головѣ. Въ лѣвой рукѣ у нея былъ большой глиняный кувшинъ. Гостья помолилась передъ иконами, поздоровалась и, замѣтивъ на своихъ кóтахъ снѣгъ, тотчасъ же боязливо отступила въ темную переднюю.

— Ничего, Аксинья, войди-войди, — ободрила гостью Машенька:—тутъ дерюжка...

— Нѣтъ, я лучше сперва кóты сниму, — отозвалась та изъ передней.

Аксинья сняла въ передней кóты, оставила тамъ кувшинъ, и войдя въ залъ, прилѣпилась на краешкѣ стула.

— Что ты такъ поздно? Я ужъ думала, что ты не придешь,—замѣтила Машенька.

— И-и, Степановна, какъ не придти, когда пообѣщалась, да еще по такому дѣлу?.. А это я, вишь ты, въ баню ходила ноньче; изъ бани-то прямо скотину убирать принялась, да такъ-то прозябла! Пришла въ избу, залегла на печку, пригрѣлась да и проспала. Проснулась—ажъ испугалась: батюшки мои, знать я полуночную-то воду проспала!..

— И то чуть не проспала, пора идти,—подхватила Машенька:—лучше *тамъ* подождемъ.

Начались сборы. Машенька клочкомъ бумажки достала въ лампадкѣ огня, зажгла имъ сальную свѣчку и на цыпочкахъ отправилась въ спальню разыскивать платье. За нею тихонько поплелся и Миша. Чрезъ нѣсколько минутъ всѣ трое уже толпились въ передней, совсѣмъ готовые въ путь. Машенька одѣлась въ заячью шубу, укуталась огромною, толстою шалью, на-

дѣла на руки самодѣльныя шерстяныя перчатки и взяла желѣзное ведро. Миша облачился въ отцовскій нагольный тулупъ, скрутился кушакомъ и вооружился кочергой. Всѣми овладѣло какое-то тревожное, трепетное чувство.

Шопотъ становился тише и таинственнѣе. Аксинья какъ-то тяжело дышала, морщилась и нѣсколько разъ продувала и крестила свой кувшинъ.

— Ну, съ Богомъ!—произнесла Машенька, и первая отворила дверь. Всѣ тронулись въ путь.

II.

Ночь темна, на небѣ тучи,
Бѣлый снѣгъ кругомъ,
И разлитъ морозъ трескучій
Въ воздухѣ ночномъ.

По узкой снѣжной тропинкѣ, одинъ за другимъ, спускаются наши полуночные путники подъ гору къ рѣкѣ. Кругомъ все тихо, безмолвно; слышно только, какъ хруститъ снѣгъ подъ ногами, да позвякиваетъ кочерга. Изрѣдка Машенька проговоритъ: «Миша, не уходи далеко впередъ!» Или: «ахъ, чуть было не упала» — и снова молчаніе. Прошли наши герои мимо бань, прошли немного по берегу и приблизились, наконецъ, къ рѣчной проруби. Машенька подобрала полы, присѣла къ проруби, пробила ведромъ тонкій ледъ, покрывавшій поверхность воды въ ней, выбрала оттуда леденички, и, низко свѣсивъ голову въ прорубь, начала внимательно присматриваться къ водѣ. Миша съ Аксиньей помѣстился подлѣ Машеньки. Въ теченіи нѣсколькихъ минутъ никто не проронилъ ни слова, не сдѣлалъ никакого движенія; всѣ чувствовали, будто надъ прорубью носится какая-то невидимая, благодатная сила. Вниманіе было сильно напряжено, чувства особенно воспріимчивы къ впечатлѣніямъ. Послышится ли легкій трескъ льда, кусты ли на берегу зашевелятся отъ тихаго вѣтерка, или изъ ближайшей деревни донесется до слуха хриплый лай полусонной собаки,—всѣ вздрагиваютъ и съ затаеннымъ дыханіемъ творятъ молитву. Снова послышится трескъ, снова зашевелятся кусты, и вѣтеръ, снявъ слой снѣга съ рѣки, принесетъ его къ проруби,—группа остается неподвижною, нѣмая сцена все продолжается... Но вотъ, Машенька встрепенулась и засуетилась: «Слава тебѣ, Господи!.. Миша! Аксинья! Скорѣе!

пора черпать: вода плесканулась», и около проруби началось сильное движеніе. Машенька почерпнула ведро, встала на ноги, стряхнула съ шубы снѣгъ и громко заговорила: «черпай, черпай Аксинья, — полный кувшинъ черпай! Какъ хорошо-то, Господи! въ самый разъ... Какъ она вдругъ —плёскъ!—такъ я ужъ и не знаю, что со мной... Господи Боже мой! Ты, Аксинья, слышала?

— Охъ, милая, не слыхала,—то-то окаянная-то!—отозвалась Аксинья, поднимаясь съ кувшиномъ отъ проруби.

— Да какъ же это? Эхъ ты!—съ сожалѣніемъ и вмѣстѣ съ упрекомъ произнесла Машенька.—А ты, Миша?

— Я, кажется, слышалъ... тамъ будто что-то такое...—проговорилъ Миша, и опустилъ кочергу въ прорубь, какъ-бы желая такимъ образомъ провѣрить свидѣтельство сестры и свое собственное наблюденіе.

— Что́ ты дѣлаешь? Ахъ ты грѣховодникъ! — воскликнула Маша...—Ну, идемъ же, идемъ! Ступай-ка, Миша, опять передомъ.

По селу уже перекликались пѣтухи, когда наши путники приближались къ дому отца Степана.

III.

Придя домой, Машенька поспѣшно раздѣлась, достала изъ шкафа чайную чашку, налила въ нее «полуночной» святой воды и, благословясь, выпила. Ея примѣру послѣдовали и Маша съ Аксиньей. Аксинья, поднося къ губамъ чашку, шептала: Господи Іисусе... во Іорданѣ крещающему»...

Вотъ ужъ который годъ Господь сподобляетъ,—добавила она, ставя чашку на столъ,—а все тебѣ спасибо, милая Степановна. Коли-бъ я одна-то... да ни за что бы на свѣтѣ! А то вотъ и съ благодатью.

— Куда тутъ одной!—подхватила Машенька.—И втроемъ-то идешь, и то ни живъ, ни мертвъ. Полночная пора самая страшная: тутъ и въ сѣни-то выдти страхъ беретъ, а не то что... Пуще всего я боюсь ходить ночью мимо бань; незнамо—что тебѣ слышится, незнакомо — что мерещется: не чаешь ихъ миновать. Лютаго звѣря и лихого человѣка я такъ не боюсь... А вотъ мой дяденька, такъ тотъ ничего не боится, совсѣмъ безстрашный. Ты, вѣдь, знаешь—онъ у насъ часто бываетъ...

— Это Пётра-то?—спросила Аксинья.

— Да. И всякій-то разъ онъ приходитъ къ намъ въ самую

полночь, а то и позже; идетъ себѣ—посвистываетъ, либо пѣсенку напѣваетъ, а за плечами ружье. Иной разъ онъ съ недѣлю у насъ гоститъ, и почти каждую ночь пропадаетъ. Какъ вечеръ, такъ ружье за плечи и—маршъ: бродитъ по лѣсамъ, по оврагамъ, зайцевъ розыскиваетъ. Придетъ домой — мы всѣ ужъ спимъ давно, а на утро начнетъ разсказывать, какъ зайцы скакали, какъ волки подлѣ него гудѣли. Слушать-то, и то страсть, а ему ничего: посмѣивается себѣ да руки потираетъ. Однажды онъ меня то-то напугалъ-то! забыть не могу. Поставилъ онъ въ рѣкѣ удочки на ночь. Вотъ, часовъ въ десять, либо въ одиннадцать ночи и говоритъ мнѣ: «Маша, пойдемъ щукъ таскать». Я говорю: я боюсь. «Ничего, говоритъ,—со мной-то? что ты!» Я и пошла съ нимъ. Только подходимъ мы къ банямъ, онъ и говоритъ: «теперь *тѣ-то*, говоритъ, небось погуливаютъ тутъ за мое почтеніе! теперь, говоритъ, *имъ* самый просторъ».

Аксинья молча покачала головой и перекрестилась.

— Я,—продолжала Маша,—перекрестилась и говорю: «что вы, дяденька?—Да воскреснетъ Богъ и расточатся...» А онъ еще пуще,—то и дѣло чертыхается: «*тѣ-то*,—говоритъ, — *тѣ-то!*— Эй, вы, говоритъ, выходите сюда! — я васъ не боюсь». Какъ разъ въ это время на банной крышѣ солома зашумѣла. Я такъ и обмерла. Уцѣпилась дядѣ за сюртукъ и дрожу вся, какъ въ лихорадкѣ. О-о, никогда я этого не забуду... Тятенька послѣ узналъ,—не мало ругалъ дядю за это. Этимъ, говоритъ, дѣвку на всю жизнь испортить можно.

— А то развѣ не испортишь?—заговорила Аксинья.—Я тоже смерть боюсь ночью этихъ каторжныхъ бань... У насъ корова все ходила домой, все ходила; а то разъ и не пришла. Батюшка-свекоръ ругается: ступай, говоритъ, ищи гдѣ хочешь. Я пошла; а ужъ ночь на дворѣ. Спросила кой у кого, говорятъ: видѣли возлѣ бань. Чтò тутъ дѣлать? Иду къ банямъ, и то и дѣло творю молитву. Слышу, корова сапитъ и щиплетъ траву и—какъ есть возлѣ самой бани! Я ее издали: бурка, бурка! — нейдетъ; я въ нее камнемъ — нейдетъ. И страхъ меня беретъ, и досада страшная. Тутъ ужъ я:—Господи Іисусе Христе! чтò будетъ, то будетъ... Какъ разбѣгусь къ коровѣ-то, да какъ крикну!... Моя бурка взбрыкнула, да бѣжать, а я за ней въ догонку во всѣ-то лопатки лечу. Сердце страхъ какъ забилось, а сзади какъ будто кто такъ и хватаетъ меня, такъ и хватаетъ. До самаго двора мы съ коровой бѣжали!... Да какъ, моя милая, и не бояться? Вѣдь въ этихъ баняхъ святости этой, хоть бы теперь образовъ, нѣтъ; а

всякая тамъ нечистота и погань. Тутъ-то *имъ* самый и притонъ-то.

Наступило молчаніе.

— Моя упокойница матушка,—продолжала Аксинья,—дюжо́ строга была насчетъ черныхъ словъ. Терпѣть не могла, ежели кто при ней выпуститъ что-нибудь этакое. А нашъ Архипъ, братъ мой старшій, ужъ такой-то былъ нечистый на языкъ, что просто бѣда. Горячій такой былъ. Возьметъ его, бывало, досада, онъ и ну: «*тотъ-то* тебя обдери, тотъ тебя задави!» а иной разъ и хуже еще ввернетъ. Матушка, бывало, щуняетъ-щуняетъ его за это: «Архипъ! брось ты эту свою пакость, не марай ты свою душу. Если ты ужъ съ собой совладать не можешь, — не называй ты *его*, какъ прочіе, а говори *чиртъ*: грѣха, по крайности, меньше будетъ». А Архипу, бывало, все нипочемъ: осерчаетъ на кого — и пошелъ опять крошить по-своему.... О-о, строга была упокойница! А ужъ какъ Богу молилась!...

Снова произошло молчаніе.

Аксинья, подперши рукою щеку, задумчиво смотрѣла на чашку, изъ которой недавно пили «полуночную» воду.

— Ты бы, Аксиньюшка, прилегла пока до заутрени-то, — предложила Машенька, взглянувши на часы:—ты, кажется, дремлешь.

— Нѣтъ, касатка, я разгулялась,—отозвалась Аксинья.—Теперь, почитай что и не изъ чего ложиться,—только голову ломать: скоро, чай, заблаговѣстятъ. Днемъ завтра посплю: дѣло праздничное.... Я вовсе и не задремала, а такъ.... объ водѣ задумалась. Вотъ, говорятъ, въ нынѣшнюю полночь вода-то вездѣ плещется, если покараулить: въ ведрѣ, аль въ кадкѣ какой — все одно. Какъ подоспѣетъ это самое время, когда Христу-то креститься, такъ она, вишь, и заплещется.

— Да вѣдь Господь-то крестился не въ сосудѣ какомъ-нибудь, а въ рѣкѣ; поэтому въ рѣкѣ только и должна плескаться вода, а больше нигдѣ, — серьёзно замѣтилъ Михаилъ Степановичъ, перелистывавшій дотолѣ святцы.

— А Богъ его знаетъ...—говорятъ...—продолжала Аксинья. Знамое дѣло, изъ рѣки-то ужъ лучше почерпнуть, потому—тамъ самое крещенье... И—Господи Боже мой, что́ значитъ святость-то! Теперь эту воду сколько хочешь береги—не испортится. А простая-то вода... простоитъ въ ведрѣ сутки, другія—и провоняетъ.

— У тебя, небось, еще прошлогодняя цѣла?—спросила Машенька.

— Ни капельки, милая,—отвѣтила Аксинья съ сожалѣніемъ.—

То людямъ въ разное время давала, а то батюшка-свекоръ уничтожилъ. Я тебѣ еще не разсказывала про этотъ грѣхъ-то. Видишь ты: свекоръ-то мой—вѣдь ты знаешь—запоемъ запиваетъ. Ну, вотъ, какъ найдетъ на него этакое колесо-то, такъ ему то и дѣло давай водки,—хоть роди, да давай. Тутъ свекровь деньги у него отберетъ, водку, какая есть въ домѣ, спрячетъ. Тутъ ужъ онъ лютѣй звѣря лютаго сдѣлается: ночи не спитъ, шумитъ, ругается, ко всѣмъ придирается, и вездѣ шаритъ, нѣтъ ли водки. Разъ какъ-то ночью полѣзъ онъ въ полку,—тамъ водки нѣтъ; пошелъ въ чуланъ — тоже нѣтъ; въ холодную горницу — и тамъ нѣтъ. А у насъ въ избѣ, подъ поломъ, яма есть, ровно бы въ погребъ: туда мы кое-что по домашнему ставимъ, тамъ же у меня и бутылки со святой водой стояли. Онъ возьми да и залѣзь туда. Увидалъ бутылку, думалъ—это водка; ототкнулъ, покушалъ—анъ это вода. Онъ разсерчалъ, да съ пьяну-то и ну колотить,—всѣ переколотилъ. У меня ажъ волосъ дыбомъ сталъ, когда я узнала про это. Опосля, трезвый, онъ и самъ спохватился: я, говоритъ, ничего не помнилъ, а то бы, говоритъ, я этого не сдѣлалъ... Такъ мы безъ воды и остались. А какъ безъ ней? Она то и дѣло нужна. Бываетъ, мышь въ капусту ввалится: сейчасъ возьмешь—выбросишь ее, польешь туда святой водицы и—ничего. Или, поганый сверчокъ завязнетъ въ тѣсто—опять то же. Какъ можно! безъ воды никакъ нельзя.... А теперь вотъ отъ недуга — вѣдь какъ помогаетъ! Накатитъ на ребенка *младенческая*, аль родимецъ схватитъ, первое дѣло — ему полуночной водицы. И ужъ тутъ что-нибудь одно: или сейчасъ же на́-легкость пойдетъ, или ужъ окончится. Одна только дворничиха у насъ боится ею младенцевъ лечить. Разъ схватило у ней одного, она и воетъ. Я говорю: приходи—дамъ «полуночной». Ну тебя,—говоритъ: хорошо, какъ на́-легкость; а какъ ежели, говоритъ, помретъ?... Такъ и не взяла.

— Еще бы она безъ вѣры-то! Безъ вѣры и самъ Богъ съ нами ничего не подѣлаетъ,—замѣтилъ Михаилъ Степанычъ.

— Ну, вотъ поди-жъ ты... То-то, вѣдь, дурь-то человѣческая!—вздохнувши произнесла Аксинья...

Раздался благовѣстъ къ заутренѣ. За переборкой, въ спальнѣ, затрещала кровать. Авдотья Петровна проснулась и начала будить своего супруга:

— Степанъ Иванычъ, а—Степанъ Иванычъ!

Отецъ Степанъ невозмутимо храпѣлъ протяжнымъ, мѣрнымъ тактомъ.

— Степанъ, а—Степанъ! Вставай:—благовѣстятъ.

Храпъ все продолжался.

— Хозяинъ, а хозяинъ! Полно дрыхнуть-то... — Храпъ не прерывался.

— Попъ, а попъ!!..—Да что же это за наказанье!

Тутъ Авдотья Петровна должно быть сильно толкнула своего Степана, хозяина и попа. Отецъ Степанъ какъ-то отрывисто храпнулъ самымъ отчаяннымъ «фортиссимо», проснулся и забормоталъ:

— Что́... давно?

— Да, ужъ давно: сейчасъ зазвонятъ во всѣ.

— Что-жъ ты мнѣ... тово... подрясникъ-то?

— Готовъ.

— И ряска, и галстучекъ?

— И ряса, и галстукъ.

— Э-э-э... Отецъ Степанъ зѣвнулъ и потянулся. Ну, а... какъ его... маслице-то, голову-то помаслить?

— Да все, все готово: будетъ тебѣ балясничать-то! давно бы ужъ собрался...—съ досадой заключила Авдотья Петровна.

Отецъ Степанъ крякнулъ на весь домъ и поднялся съ постели...

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КРИТИКА

Замѣчанія Ю. Ѳ. Самарина на книгу „Задачи Психологіи".

II *).

Въ вопросѣ: что̀ такое психическій міръ и какъ понимать его реальность?—мы съ Ю. Ѳ. Самаринымъ стоимъ на различныхъ путяхъ. Отсюда и происходитъ наше коренное разномысліе.

Исходная точка зрѣнія Ю. Ѳ. Самарина, какъ я ее понимаю, есть слѣдующая: единое начало, которое, по моему мнѣнію, выражается въ двухъ рядахъ явленій дѣйствительнаго міра,—матеріальномъ и психическомъ,—по взгляду Ю. Ѳ. Самарина, служитъ источникомъ тоже для двухъ началъ, изъ которыхъ одно выражается въ матеріальныхъ явленіяхъ, а другое въ средѣ, имѣющей бытіе и реальность внѣ матеріальнаго міра. Человѣкъ живетъ подъ вліяніемъ и дѣйствіемъ обоихъ. Согласно съ тѣмъ, психическая жизнь человѣка не одно и то же съ психическою жизнью вообще. Психическая среда, по отношенію къ человѣку, такая же внѣшняя, какъ матеріальная природа, и столько же, какъ она, реальная, дѣйствительная. Такъ какъ я объ этой психической средѣ ничего не говорю, то Ю. Ѳ. Самаринъ предполагаетъ, что я ее отрицаю, и видитъ подтвержденіе этой мысли въ томъ, что я будто бы, съ одной стороны, произвожу душу изъ матеріальной природы, а съ другой—смотрю на всѣ факты психическаго свойства, какъ на продукты психической переработки, слѣдовательно, не признаю за ними психической реальности внѣ человѣка. Въ то же время Ю. Ѳ. Самаринъ думаетъ, что такая реальность доступна только личному сознанію,

---

*) См. выше: май, 361 стр.

а не наукѣ, которая имѣетъ дѣло лишь съ матеріальными реальностями.

Изъ сказаннаго тотчасъ же становится яснымъ, отчего мы не сходимся въ выводахъ. Ю. Ѳ. Самаринъ стоитъ на точкѣ зрѣнія личныхъ чаяній, субъективнаго убѣжденія, недоступнаго научной, объективной повѣркѣ, но требуетъ, чтобы явленія, неподдающіяся научному знанію, были признаны за объективную, реальную дѣйствительность. Я же стою на точкѣ зрѣнія научнаго, объективнаго изслѣдованія и знанія, а потому имѣю и могу имѣть дѣло только съ истинами, подлежащими повѣркѣ и потому доступными для всѣхъ и каждаго. Я не могу ни доказывать, ни опровергать того, что́ составляетъ предметъ личнаго сознанія и убѣжденія и не можетъ быть предметомъ научнаго изслѣдованія. Такимъ образомъ, имѣя передъ собою факты различнаго рода и обращаясь къ нимъ съ различнаго рода требованіями, мы естественно приходимъ къ различнымъ выводамъ. Ю. Ѳ. Самаринъ указываетъ на среду, доступную одному личному сознанію, я же могу говорить объ этой средѣ только въ той мѣрѣ, какъ она выражается въ явленіяхъ, подлежащихъ объективному изслѣдованію и повѣркѣ. Для Ю. Ѳ. Самарина реальность психической среды внѣ матеріальной природы несомнѣнна, потому что о ея реальности свидѣтельствуетъ личное сознаніе. Для меня, ищущаго реальности, доступной для всѣхъ, реальною представляется психическая среда въ живомъ человѣкѣ и въ остальной природѣ—въ тѣхъ явленіяхъ, которыя этой средѣ соотвѣтствуютъ. Высшимъ выраженіемъ такой реальности представляется мнѣ человѣческая душа—самостоятельный и самодѣятельный организмъ въ физическомъ тѣлѣ. Объ ея дѣйствительномъ существованіи я заключаю изъ ея внѣшнихъ проявленій, которыя только и могутъ быть предметомъ научнаго, т.-е. объективнаго изслѣдованія. Насколько душа выражается въ явленіяхъ, настолько я объ ней говорю и могу говорить. О фактахъ психическаго свойства, на которыя указываетъ Ю. Ѳ. Самаринъ, я не могу говорить, какъ о реальностяхъ потому, что психическій анализъ обнаруживаетъ въ нихъ болѣе или менѣе сложные продукты психическихъ процессовъ, переработывающихъ внѣшнія или внутреннія, матеріальныя или психическія впечатлѣнія. Итакъ, психическую реальность я не отрицаю, но ищу ее не въ томъ и не тамъ, гдѣ видитъ и находитъ ее Ю. Ѳ. Самаринъ.

Но если такъ, то о чемъ же, спрашивается, мы споримъ? Какъ могли мы придти къ коренному разногласію, когда, строго говоря, мы только вращаемся въ различныхъ сферахъ и потому могли бы, кажется, никогда не сталкиваться?

Поводъ къ этому подаетъ Ю. Ѳ. Самаринъ, отрицая возможность

объективнаго знанія психическихъ явленій и ставя на его мѣсто личное сознаніе и убѣжденіе, которое, не опираясь на положительныя научныя доказательства, имѣетъ однако, по его мнѣнію, характеръ объективной истины. Ставя вопросъ такимъ образомъ, Ю. Ѳ. Самаринъ уничтожаетъ грань между вѣрою и знаніемъ, смѣшиваетъ ихъ и вступаетъ въ область науки, чтобы упразднить ее и замѣнить вѣрой. Вотъ противъ чего я спорю и вотъ откуда происходитъ между нами разномысліе.

Требованіе, сверхъ личнаго сознанія и убѣжденія, еще и научнаго, объективнаго знанія психическихъ фактовъ, не есть дѣло прихоти, а коренится, какъ мнѣ кажется, въ самыхъ условіяхъ существованія человѣка посреди другихъ людей.

Личныя убѣжденія, имѣющія единственнымъ основаніемъ сознаніе и неподлежащія объективной повѣркѣ, могутъ быть весьма различны. Еслибъ люди жили и могли жить въ одиночку, троглодитами, то необходимость объективной истины относительно психическихъ фактовъ, можетъ быть, никогда и не представилась бы ихъ уму. Но человѣкъ роковымъ образомъ вынужденъ быть въ сообществѣ съ подобными себѣ всю свою жизнь, и это наталкиваетъ его, волей-неволей, на исканіе объективной истины по отношенію къ другимъ людямъ, точно также какъ усилія его заставить внѣшнюю природу служить себѣ наводятъ его на исканіе и открытіе законовъ природы—объективной истины матеріальныхъ явленій. Человѣческое общежитіе было бы совершенно немыслимо, еслибы каждый сталъ дѣйствовать только въ силу своего личнаго сознанія и убѣжденія. Необходимо общее сознаніе, общее убѣжденіе, чтобы согласить благоустроенное общежитіе съ свободною дѣятельностію каждаго отдѣльнаго лица. Въ исторіи термины такого соглашенія являлись то въ видѣ внѣшняго даннаго, которому люди, волей-неволей, должны были подчиняться, то въ видѣ договора. Но ни та, ни другая форма не разрѣшаетъ задачи и, рано или поздно, обѣ уступаютъ напору измѣнившихся личныхъ убѣжденій, которымъ не въ состояніи ничего противопоставить. Ключъ къ загадкѣ лежитъ въ подробномъ изученіи человѣка въ отдѣльности и въ общежитіи, и въ выясненіи чрезъ то общихъ законовъ, которыми они управляются. Историческія данныя и добровольныя соглашенія могутъ измѣняться, и по натурѣ своей, и тѣ и другія крайне разнообразны; одни общіе законы постоянны; ихъ ни обойти, ни измѣнить нельзя. Эти-то законы, открываемые точнымъ изслѣдованіемъ, сдѣлавшись предметомъ личнаго индивидульнаго сознанія, обращаются въ личное убѣжденіе и служатъ основаніемъ того кодекса нравственности, которому мы считаемъ себя обязанными добровольно слѣдовать не только во внѣш-

нихъ своихъ поступкахъ, но и во внутреннихъ движеніяхъ, насколько они зависятъ отъ нашей воли. Я глубоко убѣжденъ въ томъ, что законы нравственности, выведенные изъ положительнаго изученія антропологіи и науки о человѣческомъ общежитіи, совпадаютъ съ правилами нравственности, которымъ учитъ евангеліе, и мимоходомъ указываю въ „Задачахъ психологіи" на такое ихъ совпаденіе. Но, въ то же время, я настаиваю на томъ, что эти правила доступны не одному личному сознанію и убѣжденію, а вмѣстѣ и объективному изслѣдованію, и что они могутъ быть изучены и доказаны съ такою же очевидностью и осязательностью, какъ и всякая другая объективная научная истина. Въ этомъ именно пунктѣ мы существенно расходимся съ Ю. Ѳ. Самаринымъ. По его мнѣнію, религія есть дѣло личной опытности, и только сознаніе свидѣтельствуетъ объ истинахъ религіознаго свойства. Въ то же время Ю. Ѳ. Самаринъ утверждаетъ, что всякое нравственное требованіе теряетъ свою обязательность, если не основано на данныхъ религіознаго свойства. Первое мнѣ кажется безспорнымъ. Религія тѣмъ и отличается отъ науки, что первая говоритъ личному сознанію, а послѣдняя прежде всего стремится установить объективные, обязательные для ума признаки истины. Но съ мыслью, будто нравственное требованіе, не основанное на данныхъ религіознаго свойства, необязательно, никакъ нельзя согласиться. Изъ словъ Ю. Ѳ. Самарина слѣдуетъ, что люди, не носящіе въ своемъ сознаніи данныхъ религіознаго свойства, не могутъ быть нравственны въ строгомъ смыслѣ слова. Но данныя религіознаго свойства могутъ быть очень разнообразны и, смотря по вѣроисповѣданіямъ, даже противорѣчивы. Согласно съ тѣмъ и нравственныя требованія могутъ быть весьма различны и даже противоположны другъ другу. Какъ же согласить ихъ въ общежитіи?

Съ своей стороны, я думаю, что къ нравственнымъ убѣжденіямъ ведутъ два пути: личное сознаніе, основанное на данныхъ религіознаго свойства, не поддающихся никакой повѣркѣ, и объективная истина, добытая путемъ научнаго изслѣдованія психическихъ явленій и законовъ человѣческой природы и человѣческаго общежитія. Нравственныя требованія, опирающіяся въ глазахъ однихъ на данныя религіознаго свойства, будутъ, въ глазахъ другихъ, необходимымъ условіемъ нормальнаго существованія человѣка и правильно устроеннаго общежитія. Вотъ почему я и говорю, что въ научномъ смыслѣ этика есть прикладная, практическая часть антропологіи и соціологіи. Когда самодѣятельность, свобода воли, займетъ принадлежащее ей мѣсто въ научной психологіи и такимъ образомъ научная почва для этики будетъ окончательно завоевана, ученіе о нравственности найдетъ

полное свое научное объясненіе и оправданіе въ основныхъ началахъ науки о человѣкѣ и человѣческомъ общежитіи.

Ошибочное воззрѣніе Ю. Ѳ. Самарина проистекаетъ, какъ мнѣ кажется, изъ того, что онъ неправильно смотритъ на отношеніе научнаго знанія къ психическимъ фактамъ, а это, въ свою очередь, объясняется тѣмъ, что въ борьбѣ съ ученіями, въ которой правда, по существу дѣла, на его сторонѣ, а неправда на сторонѣ его противниковъ, онъ принялъ вызовъ на почвѣ, выбранной ими и для нихъ очень выгодной, согласился на ихъ предпосылки, и затѣмъ, уже по необходимости, самъ того не замѣчая, впалъ въ такую же исключительность, какою страдаютъ ихъ взгляды, хотя и въ противоположномъ смыслѣ. Мнѣнія Ю. Ѳ. Самарина и тѣ, противъ которыхъ онъ полемизируетъ, находятся между собою въ неисходномъ, неразрѣшимомъ противорѣчіи. Споръ постановленъ такъ, что каждой сторонѣ остается только утверждать свое, безъ всякой надежды опровергнуть противника и тѣмъ рѣшить задачу убѣдительно для постороннихъ, непричастныхъ спору, но желающихъ узнать, кто же наконецъ правъ и кто нѣтъ. Коренныя современныя заблужденія, строго-логически ведущія къ скептицизму, отрицанію нравственныхъ элементовъ и, въ заключеніе, къ полнѣйшему нравственному индифферентизму, держатся, какъ мнѣ кажется, только отъ того, что мы останавливаемся на окончательныхъ выводахъ ученій и не провѣряемъ критически ихъ первыхъ основаній и исходныхъ точекъ. Но выводы, почти всегда, бываютъ безукоризненно вѣрны; ошибка обыкновенно скрывается въ предпосылкѣ, которая вводится въ аргументацію безсознательно, незамѣтно для самого изслѣдователя. Стало быть, вся сила критики должна быть направлена на самый источникъ ошибокъ; а этого-то Ю. Ѳ. Самаринъ, мнѣ кажется, и не сдѣлалъ. Пораженный нелѣпостью выводовъ, онъ отвернулся отъ нихъ, повѣрилъ на слово противникамъ, что основанія ихъ правильны, и не далъ себѣ труда провѣрить, насколько вѣрны самыя основанія. Точно также, задолго передъ тѣмъ, поступили и его противники, съ доктриною, которую онъ защищаетъ. Они точно также обрушились на личное сознаніе за сдѣланные изъ него его поборниками ошибочные выводы. Но очевидно, что этимъ путемъ никуда придти нельзя и надо искать новаго.

Я счелъ необходимымъ остановиться на этихъ соображеніяхъ съ нѣкоторою подробностью, чтобъ какъ можно яснѣе представить читателю, въ чемъ именно мы расходимся въ мнѣніяхъ съ Ю. Ѳ. Самаринымъ. Онъ замѣчаетъ, что мои чаянія и стремленія правильны, но они, по его мнѣнію, не вытекаютъ изъ началъ, которыхъ я придерживаюсь; отъ логическихъ послѣдствій основныхъ своихъ воззрѣ-

ній я, будто бы, спасаюсь только при помощи счастливой непослѣдовательности. Такъ ли это? Правъ ли Ю. Ѳ. Самаринъ, отвергая положительную науку психическихъ фактовъ изъ-за нелѣпыхъ выводовъ, которые изъ нея дѣлаются, или правъ я, доказывая, что эти выводы вовсе не вытекаютъ изъ положительной науки? Вотъ что́ необходимо выяснить.

Ю. Ѳ. Самаринъ убѣжденъ, что положительной наукѣ доступенъ только реальный міръ и что она не можетъ подняться до явленій психической жизни. Вслѣдствіе этого, онъ старается опровергнуть мои попытки добраться, путемъ положительнаго знанія, до чисто психическихъ данныхъ. Онъ полагаетъ, будто, по моему мнѣнію, все психическое содержаніе человѣческой души ограничивается внѣшними впечатлѣніями въ непосредственномъ или переработанномъ видѣ, будто бы изъ сказаннаго въ „Задачахъ Психологіи“ выходитъ, что „всѣ наши общія представленія и понятія суть не иное что, какъ психическія переработки матеріальныхъ впечатлѣній“. Но такой взглядъ я не могу принять за свой, и привелъ мѣста изъ своей книги (стр. 89, 95, 103, 105, 110, 139, 163 и 164) въ доказательство, что, кромѣ внѣшнихъ впечатлѣній, я признаю впечатлѣнія психическія, которыя приписываю фактамъ, неимѣющимъ ничего общаго съ внѣшними впечатлѣніями; что душа отражаетъ въ себѣ свои движенія, состоянія и самое себя, вслѣдствіе чего въ нашемъ умѣ есть представленія, понятія, мысли, неимѣющія прототипа въ впечатлѣніяхъ внѣшняго міра; что Локкъ, указывая на внѣшнія впечатлѣнія и психическіе процессы, какъ на источники представленій, понятій и мыслей, не обратилъ вниманія на третій источникъ,—на прирожденныя свойства психическаго организма.

Ю. Ѳ. Самаринъ не нашелъ этого объясненія удовлетворительнымъ, и въ отвѣтѣ своемъ говоритъ:

„Приписавъ вамъ мысль, будто бы *всѣ* наши общія представленія и понятія суть не иное что, какъ психическія переработки матеріальныхъ впечатлѣній, я дѣйствительно выразился крайне неточно. Если бы, вслѣдъ за словомъ *всѣ*, я вставилъ слово *начальныя*, тогда моя фраза была бы повтореніемъ положенія, встрѣчающагося на многихъ страницахъ вашей книги (стр. 31, 42, 43, 93, 110, 128, 139, 140, 144, 165 и 166 и т. д.). Но здѣсь я имѣлъ въ виду иную мысль, именно ту, которая въ другомъ мѣстѣ выражена у меня словами: въ той мѣрѣ, въ какой психическая жизнь обусловливается содержаніемъ *извнѣ*, она поставляется въ зависимость только отъ міра вещественнаго. Противъ этого вы кажется и не протестуете, ибо все остальное ея содержаніе (помимо впечатлѣній, получаемыхъ отъ міра вещественнаго), содержаніе, которое въ свою очередь можетъ сдѣлаться источникомъ новыхъ впечатлѣній, есть не иное что, какъ продуктъ психической переработки первоначальныхъ впечатлѣ-

ній, полученныхъ извнѣ. Иначе и быть не можетъ при отрицаніи прирожденности идей, категорій и схемъ съ одной стороны, и при игнорированіи „акта сообщенія данной истины“ съ другой. Дѣйствіе матеріальнаго міра на душу—внѣшнее впечатлѣніе—и дѣйствіе души на эти впечатлѣнія—внутреннее впечатлѣніе—вотъ изъ чего слагается психическая жизнь. Правда, дополняя Локка, вы указываете еще на *прирожденныя свойства психическаго организма* (стр. 164); но эти свойства дѣлаются доступными сознанію только въ психическихъ процессахъ, въ дѣятельной переработкѣ внѣшнихъ впечатлѣній и, *какъ свойства*, представляются не инымъ чѣмъ, какъ послѣдующимъ отвлеченіемъ отъ цѣлаго рода сознанныхъ умственныхъ операцій, а не самостоятельнымъ и изначальнымъ источникомъ внутреннихъ ощущеній“.

Чтобъ вполнѣ понять мысль, выраженную Ю. Ѳ. Самаринымъ въ концѣ, необходимо припомнить слѣдующее мѣсто изъ его возраженій.

„Выходитъ (по-моему), что въ той мѣрѣ, въ какой психическая жизнь обусловливается содержаніемъ и побужденіями извнѣ, она поставляется въ зависимость только отъ міра матеріальнаго; всѣ же факты свойства психическаго суть не иное что, какъ продукты внутренней, психической переработки (сравненія, разложенія и обобщенія), слѣдовательно, существуютъ только въ насъ, а не внѣ насъ. Почему такъ?—я не вижу. Вы, мнѣ кажется, впали въ такую же ошибку, въ какой сами уличили крайнихъ идеалистовъ, то-есть вы отвергли реальность и объективность невещественнаго міра на томъ только основаніи, что *понятіе* о немъ зарождается въ нашей субъективной средѣ“.

Разъясненія Ю. Ѳ. Самарина не точно передаютъ то, что́ сказано въ „Задачахъ Психологіи“, и потому я не могу принять его толкованій. Въ моихъ глазахъ, дѣйствительно, всѣ факты психическаго свойства находятся въ насъ, а не внѣ насъ, и суть результаты психическихъ процессовъ; но я думаю, что матеріалъ, который перерабатывается послѣдними, не берется исключительно изъ внѣшняго міра; въ составъ этого матеріала входятъ также и первоначальныя, прирожденныя психическія данныя. Невещественный міръ, о которомъ говоритъ Ю. Ѳ. Самаринъ, и есть, по моему взгляду, сама душа съ ея прирожденными свойствами, которыхъ мы не встрѣчаемъ въ матеріальномъ мірѣ и которыя потому мы вынуждены признать за нѣчто новое, необъяснимое законами внѣшняго міра, хотя и существующее въ немъ и въ неразрывной съ нимъ связи. Ю. Ѳ. Самаринъ старается свести психическія данныя, на которыя я указываю, къ переработаннымъ внѣшнимъ впечатлѣніямъ. Но, или я выразился не ясно, или онъ неправильно истолковалъ мои слова; во всякомъ случаѣ, съ этимъ взглядомъ невозможно согласиться. Во многихъ мѣстахъ своей книги, я говорю о способности души раздвояться,

оставаясь единой, о сознаніи и самосознаніи, о внутреннемъ, психическомъ зрѣніи, о психической самопроизвольности или свободной волѣ, какъ о явленіяхъ, которымъ нѣтъ ничего подобнаго въ матеріальномъ мірѣ. Эти свойства, подобно внѣшнимъ впечатлѣніямъ, отражаются въ душѣ, производятъ психическія впечатлѣнія, и переработываются психическими процессами. Ю. Ѳ. Самаринъ ошибочно смѣшиваетъ этого рода данныя съ переработанными внѣшними впечатлѣніями, потерявшими первоначальный свой видъ и поступающими снова въ психическую обработку. Такъ, напримѣръ, понятіе о растеніи, будучи результатомъ многихъ разложеній, отвлеченій и обобщеній, произведенныхъ надъ единичными внѣшними впечатлѣніями, конечно, не похоже ни на одинъ изъ нихъ; оно, конечно, есть продуктъ психическихъ процессовъ, но такой, котораго составные элементы или данныя почерпнуты изъ дѣйствія на насъ внѣшняго міра. Но что̀ сказать о нашихъ представленіяхъ и понятіяхъ о сознаніи, о двойственности души, о свободной волѣ? Къ какимъ внѣшнимъ, матеріальнымъ впечатлѣніямъ приведетъ насъ анализъ этихъ продуктовъ психической переработки? Напрасно будемъ мы сводить эти представленія и понятія къ реальному міру,—напрасно потому, что они выработаны изъ отраженій въ душѣ ея свойствъ, неимѣющихъ ничего общаго съ внѣшними впечатлѣніями. Ю. Ѳ. Самаринъ замѣчаетъ, что эти свойства дѣлаются доступными сознанію только въ психическихъ процессахъ, въ переработкѣ внѣшнихъ (?) впечатлѣній и суть лишь отвлеченія (?) отъ умственныхъ операцій, а не самостоятельный, изначальный источникъ внутреннихъ ощущеній. Но, во-первыхъ, свойства души дѣлаются доступными сознанію въ переработкѣ не однихъ внѣшнихъ, но и внутреннихъ, психическихъ впечатлѣній; во-вторыхъ, они—не отвлеченія отъ сознанныхъ умственныхъ операцій, а выказываются какъ ихъ условіе и предпосылка. Но, положимъ, что мы въ самомъ дѣлѣ получаемъ понятіе о свойствахъ души тѣми путями, на которые указываетъ Ю. Ѳ. Самаринъ. Почему же, спрашивается, эти свойства не могли бы быть признаны за самостоятельные и изначальные источники внутреннихъ ощущеній? Потому развѣ, что они не дѣйствуютъ непосредственно на душу? Но свѣтовая и звуковая волна, но атомы и молекулы, но тысячи веществъ, извѣстныхъ намъ въ природѣ только въ соединеніи съ другими, тоже не дѣйствуютъ на душу непосредственно; однако ихъ нельзя же не признать за самостоятельные и изначальные источники внѣшнихъ ощущеній. Изслѣдованіе психическихъ явленій приводитъ къ заключенію, что источникъ ихъ, душа, есть своеобразный организмъ, имѣющій свои прирожденныя свойства, которыя обусловливаютъ характеръ психическихъ явленій, и о которыхъ мы можемъ заключать

только анализируя и изучая послѣднія. Но изъ того, что мы не ощущаемъ ихъ непосредственно, еще не слѣдуетъ, что они не могутъ быть источниками внутреннихъ ощущеній.

Въ связи съ этими возраженіями Ю. Ѳ. Самарина находится другое. Я высказываю мысль, что чрезъ весь извѣстный намъ міръ, начиная отъ низшихъ ступеней и до самыхъ высшихъ, повидимому, проходятъ паралелльно два ряда явленій, которыхъ сосуществованіе и тѣснѣйшая взаимная связь несомнѣнны, но мы не знаемъ, и до сихъ поръ, несмотря на всѣ усилія, не можемъ, помощью извѣстныхъ намъ пріемовъ изслѣдованія, открыть законъ ихъ взаимной связи. Къ этой мысли приводятъ многія данныя. Въ неорганизованной природѣ мы видимъ сосуществованіе предметовъ и ихъ свойствъ, но не умѣемъ опредѣлить ихъ взаимныхъ отношеній; мы замѣчаемъ, что въ организованной природѣ составныя части организма и самый организмъ—не одно и то же, но не имѣемъ никакихъ средствъ опредѣлить, что́ такое организмъ по своему существу; наконецъ, мы видимъ рядъ своеобразныхъ явленій, называемыхъ психическими, но не имѣемъ возможности свести ихъ къ матеріальнымъ или реальнымъ явленіямъ. Извѣстная попытка въ этомъ родѣ проф. Сѣченова, вслѣдъ за множествомъ другихъ изслѣдователей, служитъ новымъ доказательствомъ и подтвержденіемъ тщеты подобныхъ усилій. Естественныя науки изучаютъ одинъ изъ указанныхъ двухъ рядовъ, именно явленія матеріальнаго свойства, открывая дѣйствіе законовъ матеріальнаго міра даже тамъ, гдѣ его еще въ недавнее время и не подозрѣвали. Мнѣ, вслѣдъ за многими другими, казалось возможнымъ, по примѣру изслѣдователей природы, сблизить между собою явленія другого ряда на всѣхъ ступеняхъ дѣйствительнаго міра, прослѣдить ихъ взаимную связь, и законъ ихъ постепеннаго развитія и усложненія. Въ возраженіяхъ проф. Сѣченову я указываю на пассивную, страдательную роль этого ряда въ неорганизованномъ мірѣ и на постепенное возрастаніе, съ каждымъ восходящимъ звеномъ, его дѣятельной, активной роли, которая въ человѣкѣ достигаетъ высшей своей точки. Въ возраженіяхъ Ю. Ѳ. Самарину я обращаю вниманіе на другую характеристическую черту того же ряда, а именно: на низшихъ ступеняхъ этотъ рядъ едва замѣтенъ, онъ почти ничѣмъ не заявляетъ себя, а въ послѣдующихъ онъ все болѣе и болѣе выступаетъ на первый планъ, выдѣляется, и наконецъ въ человѣкѣ, въ его психической жизни и дѣятельности, рѣзко различается отъ другого ряда, получаетъ самостоятельное значеніе и становится самодѣятельнымъ. Такимъ образомъ, все существующее, доступное научному знанію, представляетъ сосуществованіе двоякаго рода реальностей: матеріальной и нема-

теріальной. На низшихъ ступеняхъ природы, послѣдняя едва замѣтна; но чѣмъ выше мы поднимаемся вверхъ, къ человѣку, тѣмъ она яснѣе и яснѣе выступаетъ впередъ, выдѣляется, становится самостоятельной и самодѣятельной. Почти стушеванный и едва замѣтный въ неорганизованной природѣ, этотъ рядъ въ человѣкѣ достигаетъ высшей, доступной научному наблюденію точки своего развитія.

Ю. Ѳ. Самаринъ не раздѣляетъ этого мнѣнія и по поводу его замѣчаетъ слѣдующее:

„Сказавъ, что вы мѣстами подаете поводъ считать душу продуктомъ физической природы, я, кажется, только извлекъ смыслъ, заключающійся въ выраженіяхъ *„высшая ступень и продолженіе* матеріальнаго міра“. Отношеніе, подразумѣваемое между фактами, изъ коихъ одинъ происходитъ отъ другого, или отъ ряда другихъ, предполагаетъ два условія: органическое ихъ единство и послѣдовательность ихъ явленія во времени. Оба условія даны въ понятіи *продолженія.* Теперь, удерживая условіе единства, вы отвергаете послѣдовательность, поясняя, что оба элемента: психическій и вещественный, представляются, на разныхъ ступеняхъ развитія, искони сосуществующими въ неразрывной связи, въ самыхъ зачаточныхъ формахъ. Иными словами: не только всѣ проявленія душевной жизни въ человѣкѣ, въ животныхъ, въ растеніяхъ, но и такъ-называемыя силы неорганической матеріи совокупляются *въ одно начало,* и между ними проводится своего рода генеалогическая связь. Что́ же, однако, общаго между механическими, химическими и физическими свойствами тѣлъ съ одной стороны, и памятью, самосознаніемъ, свободою съ другой, кромѣ развѣ названія *силы,* придаваемаго тѣмъ и другимъ? Кажется и Dubois Raymond, въ недавно произнесенной имъ рѣчи, сравнивалъ отношеніе души къ тѣлу съ отношеніемъ матеріи къ силамъ; но онъ выводилъ изъ этого сопоставленія только необъяснимость обоихъ отношеній, и сколько мнѣ помнится, не шелъ далѣе. Производить душу отъ матеріи, или утверждать, что одно и то же начало, въ различныхъ моментахъ своего развитія, является сперва въ формѣ вещественныхъ, а затѣмъ психическихъ силъ, одинаково произвольно. Въ научномъ отношеніи, вторая гипотеза ничѣмъ не лучше первой, а на практикѣ вліяніе обѣихъ на темпераментъ и настроеніе души современнаго человѣка не можетъ не быть одинаково“.

Мысль, что психическая жизнь есть высшая ступень и продолженіе матеріальнаго міра, или что невещественное начало заявляетъ себя, хотя весьма слабо и едва замѣтно, уже въ зачаточныхъ явленіяхъ матеріальнаго міра, есть, конечно, гипотеза, на которой я особенно не настаиваю и которая, строго говоря, лежитъ внѣ моей задачи. Она невольно вылилась у меня изъ-подъ пера, въ виду матеріалистическихъ и идеалистическихъ воззрѣній, изъ которыхъ одни совсѣмъ отрицаютъ самостоятельность и самодѣятельность психическихъ элементовъ, другіе, напротивъ, выносятъ ихъ вонъ изъ предѣ-

ловъ дѣйствительнаго міра. Полемизируя противъ тѣхъ и другихъ и, отстаивая основную свою мысль, именно, что съ научной точки зрѣнія нельзя ни отрицать самостоятельнаго и самодѣятельнаго психическаго начала въ дѣйствительномъ мірѣ, ни доказать его метафизическаго бытія, я вынужденъ былъ коснуться вопросовъ, не входящихъ въ кругъ психологическихъ изслѣдованій, чтобъ обнаружить слабость философскихъ теорій, которыя опровергаю. Какъ разсуждаютъ матеріалисты и идеалисты? Первые втягиваютъ психическія явленія въ кругъ явленій соматическихъ; а между тѣмъ, съ перваго же шага, на самыхъ низшихъ ступеняхъ природы, мы встрѣчаемся съ двумя рядами явленій, которыхъ связи и отношенія не знаемъ. Оказывается, что вопросъ о вещественномъ и невещественномъ мірѣ начинается не съ психической жизни человѣка, а гораздо раньше, въ той области, которая, казалось, безповоротно и исключительно закрѣплена за естествознаніемъ. Идеалисты, наоборотъ, хотѣли бы обособить психическую природу человѣка, выдѣлить ее изъ реальнаго міра и пріурочить къ міру метафизическому. Противъ этой гипотезы положительная наука можетъ выставить тотъ же самый фактъ, который выше приведенъ противъ матеріалистовъ, — именно тотъ, что не въ одной психической природѣ человѣка мы встрѣчаемся лицомъ къ лицу съ невещественнымъ началомъ, а вездѣ, всюду, куда ни обратимся. Между различными проявленіями этого начала на различныхъ ступеняхъ развитія я не привожу генеалогической связи, какъ говоритъ Ю. Ѳ. Самаринъ, ибо мы не можемъ доказать происхожденія одной ступени изъ другой; но разныя формы, въ которыхъ это невещественное начало обнаруживается, мы можемъ сопоставлять, сравнивать между собою и изъ этого сравненія дѣлать заключенія о бóльшей или меньшей ихъ относительной развитости, полнотѣ и совершенствѣ. Ю. Ѳ. Самаринъ спрашиваетъ: чтó общаго между механическими, физическими и химическими свойствами тѣлъ съ одной стороны, и памятью, самосознаніемъ, свободою—съ другой, кромѣ названія „силы“? Если сравнивать ихъ непосредственно, то, конечно, нѣтъ ничего между ними общаго. Но въ общей связи явленій между тѣми и другими можно указать не одну аналогическую черту. Во-первыхъ, механическія, физическія и химическія свойства тѣлъ также составляютъ факты, неподлежащіе чувствамъ, какъ и указанные выше психическіе факты; во-вторыхъ, тѣ и другіе одинаково обнаруживаются не непосредственно, а въ явленіяхъ; въ-третьихъ, отношеніе и тѣхъ, и другихъ къ тѣламъ, въ которыхъ происходятъ, одинаково неизвѣстно; извѣстно только ихъ сосуществованіе съ тѣлами; въ-четвертыхъ, тѣми и другими опредѣляются существенные, характерные признаки тѣлъ, по которымъ мы отличаемъ ихъ одни отъ другихъ. Затѣмъ, безъ со-

мнѣнія, память и тяжесть, самосознаніе и химическое сродство не могутъ быть сравниваемы между собою. Но если припомнить, что механическія, химическія и физическія свойства обнаруживаются не иначе, какъ вслѣдствіе внѣшняго возбужденія, а память, самосознаніе суть необходимыя условія психической самостоятельности и самодѣятельности, и что послѣдняя выражается въ свободѣ, то окажется, что и ихъ сопоставленіе возможно и что такое сопоставленіе наводитъ на мысль о пассивности механическихъ, физическихъ и химическихъ свойствъ тѣлъ и о самодѣятельности, активности психическаго начала. Изученіе промежуточныхъ формъ между этими двумя оконечностями подтверждаетъ ту же мысль, представляя рядъ звеньевъ, въ которыхъ пассивное отношеніе къ окружающему мало по-малу переходитъ въ активное, дѣятельное.

Повторяю: отстаивая научное знаніе въ области психологіи и встрѣчая на своемъ пути философскія системы, построенныя на гипотезахъ, я невольно, самъ того не замѣчая, увлекся и противопоставилъ имъ другую гипотезу. Она во всякомъ случаѣ не хуже указанныхъ, а между тѣмъ даетъ возможность избѣжать ошибокъ реализма и идеализма. Но всякая гипотеза, разумѣется, не болѣе, какъ субъективное убѣжденіе и чаяніе, пока успѣхи положительнаго научнаго знанія не придадутъ ей характера несомнѣнной объективной истины.

Какъ бы то ни было и какъ бы кто ни взглянулъ на мою гипотезу, я во всякомъ случаѣ не могу согласиться съ Ю. Ѳ. Самаринымъ, что на практикѣ вліяніе этой гипотезы на темпераментъ и настроеніе души современнаго человѣка не можетъ не быть одинаково съ теоріями реализма и позитивизма. Слабую сторону того и другого составляетъ то, что въ нихъ нѣтъ мѣста для личности, для ея цѣлей, для творческой самодѣятельности и свободы. Я не могу понять, почему бы на темпераментъ и настроеніе современнаго человѣка могла дѣйствовать одинаково съ реалистическими ученіями доктрина, которая, твердо установивъ объективные законы нравственнаго порядка и тѣмъ положивъ научное основаніе этики, въ то же время разъясняетъ свободное отношеніе къ этимъ законамъ каждаго отдѣльнаго человѣка? Зная, что тѣ или другіе наши поступки должны имѣть неизбѣжныя для насъ самихъ послѣдствія, или непосредственныя или чрезъ посредство общественнаго организма, мы тѣмъ съ бо́льшимъ убѣжденіемъ будемъ дѣлать одно, не дѣлать другого, въ виду нашихъ личныхъ и общественныхъ цѣлей, точно также какъ мы сообразуемся съ законами природы, подчиняя ее своимъ цѣлямъ, или какъ мы слѣдуемъ совѣту врача, когда прибѣгаемъ къ его помощи. На темпераментъ и настроеніе души вредно можетъ дѣйство-

вать только убѣжденіе, что мы не властны свободно поставить себѣ цѣль и настойчиво ее преслѣдовать, что мы дѣйствуемъ не свободно и во всѣхъ нашихъ поступкахъ, каковы бы они ни были, являемся только слѣпыми исполнителями рокового закона, котораго ни отвратить, ни избѣжать не можемъ. Такой взглядъ, убивающій личный починъ въ самомъ принципѣ и предполагающій полное отрицаніе индивидуальности, не имѣетъ ничего общаго съ задачами научнаго знанія. Послѣднее, при удержаніи личной самопроизвольности и свободы, служитъ только къ большему и сильнѣйшему убѣжденію въ необходимости нравственнаго настроенія, безъ котораго немыслимо никакое общежитіе, даже если и допустить, что оно ни на чемъ другомъ не основано, какъ на одномъ внѣшнемъ, для всѣхъ равно обязательномъ юридическомъ законѣ.

Вотъ заключенія, къ которымъ я пришелъ, разсмотрѣвъ, со всевозможнымъ вниманіемъ, возраженія Ю. Ѳ. Самарина относительно реальности психическаго элемента. Идя строго научнымъ путемъ, нельзя не признать, что психическое начало существуетъ реально и что оно опредѣляетъ собою цѣлый рядъ явленій дѣйствительнаго міра; но нѣтъ никакихъ данныхъ, чтобъ признать, какъ научную истину, метафизическую реальность этого начала. Убѣжденіе въ его метафизической реальности можетъ зародиться въ субъективномъ, личномъ сознаніи, и не трудно указать на основанія, изъ которыхъ такое убѣжденіе можетъ сложиться. Метафизическій міръ можно построить за предѣлами дѣйствительнаго міра, какъ его предполагаемое дальнѣйшее продолженіе; но ни доказывать, ни опровергать его нельзя. Ю. Ѳ. Самаринъ особенно настаиваетъ на реальной дѣйствительности этого міра. Я, съ своей точки зрѣнія, не пойду за нимъ, но и не стану съ нимъ спорить. Оставаясь въ предѣлахъ положительной науки, я искренно сочувствую его усиліямъ отстоять права личнаго сознанія, субъективнаго убѣжденія, но во имя той же положительной науки вынужденъ буду стать въ ряды его противниковъ, если онъ потребуетъ, чтобъ субъективное убѣжденіе было признано за объективную истину, обязательную для всѣхъ. Мнѣ кажется, что на этихъ терминахъ могутъ быть размежеваны и соглашены между собою индивидуальное и общее, субъективное и объективное. Заслуга, которая должна быть признана за мнѣніями Ю. Ѳ. Самарина, существенно состоитъ въ томъ, что онъ беретъ подъ свою защиту начало личности, индивидуальности, заброшенное и забытое въ наше время, вслѣдствіе крайне односторонняго направленія научнаго знанія. Это-то полное пренебреженіе къ психической сторонѣ индивидуальности, лица, и есть больное мѣсто господствующихъ воззрѣній и цѣлой эпохи. Но вѣрная въ своемъ основаніи мысль Ю. Ѳ. Сама-

рина ослабляется, какъ мнѣ кажется, тѣмъ, что она ставится имъ безусловно и потому односторонне. Истина личная и истина общая, субъективная и объективная, могутъ примириться и жить рядомъ, только съ той минуты, когда каждая изъ нихъ будетъ введена въ свои границы, а ихъ можетъ обозначить одна лишь положительная наука. Ю. Ѳ. Самаринъ говоритъ мнѣ, что я стою на остріѣ ножа, и долженъ или окончательно перейти въ лагерь матеріалистовъ, или взять назадъ многое изъ того, что́ ему уступилъ. Это замѣчаніе, кромѣ своего буквальнаго смысла, заключаетъ въ себѣ, если не ошибаюсь, другой, болѣе глубокій. Мнѣ слышится въ немъ такое разсужденіе: возможно ли съузить и взнуздать свою мысль до того, чтобъ она остановилась тамъ, гдѣ ей прикажутъ? Неужели отвѣтъ: „не знаю“, можетъ поставить ей такую преграду, черезъ которую она не будетъ пытаться перескочить, чтобъ пуститься на новые и новые поиски? Довести смиреніе мысли до того, чтобъ она отказалась отъ порываній за предѣлы такъ-называемаго положительнаго знанія, не значитъ ли оскопить ее? Кто же въ состояніи это сдѣлать? А если это невозможно, то что́ же значатъ всѣ усилія положительнаго значенія,—этой паутины, которая насъ вяжетъ до тѣхъ только поръ, пока намъ не вздумается разорвать ее?

Отвѣтъ на эти вопросы заключается въ томъ, что́ я сказалъ выше объ отношеніи истины субъективной и научной. Строго разграниченныя, онѣ не мѣшаютъ одна другой. Вѣра и знаніе примирятся, когда наука совершитъ полный свой кругъ. Вѣра, по существу своему, не можетъ быть доказана, а положительное знаніе, въ смыслѣ отвѣта на задаваемые мыслью вопросы, дѣйствительно оказывается безсильнымъ. Оно не въ состояніи теперь разрѣшить всѣ такіе вопросы, и врядъ ли когда-нибудь будетъ въ состояніи разрѣшить ихъ, при всевозможныхъ успѣхахъ наукъ. Мнѣ представляется, что, изслѣдуя психическіе элементы далѣе и далѣе въ направленіи, указанномъ Локкомъ и Кантомъ, выработывая до возможной тонкости психологическій анализъ, мы упразднимъ массу вопросовъ, неразрѣшимыхъ теперь только потому, что они неправильно поставлены. Но не будучи и затѣмъ въ состояніи дать ключа къ разгадкѣ всѣхъ явленій, къ разрѣшенію всѣхъ задачъ, научное знаніе по крайней мѣрѣ строго и точно разграничитъ личныя убѣжденія отъ неоспоримыхъ, хотя и относительныхъ истинъ, на которыя каждый, разсуждающій о предметѣ, волей-неволей, долженъ согласиться, передъ которыми онъ долженъ сдаться, въ виду неоспоримыхъ доказательствъ. Инстинктъ любознательности вымученъ у рода человѣческаго насущною потребностью выработать сумму положеній, на которой сходились бы въ одно разнообразнѣйшіе люди и ихъ разно-

образнѣйшія убѣжденія. Медленно, но неудержимо совершается дѣло такого неотразимаго объединенія племенъ, народовъ и поколѣній; съ каждымъ новымъ его шагомъ, кругъ личныхъ, т.-е. субъективныхъ убѣжденій, какъ сказано, неизбѣжно долженъ съуживаться, кругъ общихъ, объективныхъ, напротивъ, расширяться. Намъ теперь этотъ процессъ представляется пока въ видѣ непримиримой борьбы партій, въ видѣ дерзкаго посягательства на личныя вѣрованія, въ видѣ „отравы", какъ говоритъ Ю. Ѳ. Самаринъ. Но выше я старался объяснить, что отрицательный характеръ положительнаго знанія есть результатъ ближайшей его исторіи, есть временный наростъ, который отпадетъ самъ собою, когда послѣдніе отголоски дуализма, изъ котораго выросла и посреди котораго развилась современная положительная наука, замрутъ передъ великимъ умственнымъ и нравственнымъ единеніемъ. Ю. Ѳ. Самаринъ нѣсколько разъ ссылается на истины, которыхъ доказать нельзя, но которыя мы принимаемъ съ внутреннимъ убѣжденіемъ и которыя ему одному только и доступны. Разъ, выбравшись изъ борьбы партіи, положительная наука не будетъ отрицать такихъ убѣжденій; она только опредѣлитъ ихъ границы, за которыми личное убѣжденіе становится въ противорѣчіе съ великимъ дѣломъ единенія. Въ этомъ смыслѣ положительное знаніе работаетъ надъ разрѣшеніемъ той же задачи, какую преслѣдуютъ общественныя учрежденія, воспитаніе, цивилизація; только по своему объективному характеру, она общѣе обнимаетъ задачу и прочнѣе достигаетъ цѣли. Мы иногда не замѣчаемъ этого, вслѣдствіе того, что принимаемъ за науку ея различныя историческія фазы и переходныя ступени, и смѣшиваемъ съ нею тѣхъ или другихъ изъ ея временныхъ представителей и дѣятелей...

Перейдемъ, въ заключеніе, къ тому пункту, на который Ю. Ѳ. Самаринъ направляетъ главную силу своей аргументаціи.

К. Кавелинъ.

ТОРГОВЫЙ БАЛАНСЪ
и
ЕГО ЗНАЧЕНІЕ.

Въ послѣднія 50 лѣтъ русское правительство заключило внѣшнихъ займовъ на нарицательную сумму: 207,000,000 руб., 79,290,000 голландскихъ гульденовъ, и 93,204,550 фунтовъ стерлинговъ *).

Изъ этой суммы занято въ 1842, 1843, 1844, 1847, 1849, 1870, 1871, 1872, 1873 годахъ на постройку желѣзныхъ дорогъ: 42 милліона рублей и 59,424,150 фунтовъ стерлинговъ. Слѣдовательно, собственно на подкрѣпленіе государственнаго казначейства обращено по займамъ 1831, 1832, 1840, 1854, 1855, 1859, 1860, 1862, 1864, 1866 годовъ: 165 милліоновъ руб., 79,290,000 гульденовъ и 33,780,400 фунтовъ стерлинговъ.

Въ дѣйствительности же поступило по всѣмъ этимъ займамъ въ государственное казначейство около 183 милліоновъ рублей, 66 милліоновъ гульденовъ и 82 милліона фунтовъ стерлинговъ, а процентовъ и на погашеніе по сіе время уплачено по сказаннымъ займамъ до 302 милліоновъ рублей, 39 милліоновъ гульденовъ и 35 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Рублями уплачено болѣе чѣмъ иностранною монетою потому, что первоначально внѣшніе займы, изъ которыхъ нѣкоторые уже погашены, заключались въ рубляхъ; новѣйшіе же заключаются на иностранную монету. Суммы, уплаченныя по сіе время рублями, доказываютъ, какъ дорого обходятся займы и какія суммы они уносятъ ежегодно изъ Россіи.

По государственной росписи на 1875 годъ назначено къ платежу процентовъ и погашенія: 1) по внѣшнимъ, государственнаго казначейства долгамъ 34,019,246 рублей; 2) по консолидированнымъ облигаціямъ желѣзныхъ дорогъ 21,076,611 рублей; 3) по облигаціямъ Николаевской желѣзной дороги 7,200,000 рублей; 4) на досрочное погашеніе государственныхъ процентныхъ бумагъ 236,369 рублей; итого=59,532,226 рублей. Сверхъ того, правительство приняло на себя гарантію процентовъ и погашенія по облигаціямъ и акціямъ

*) 1 голл. гульденъ=52,512 коп. серебряною монетою; 1 фун. стерлинговъ=6 руб. 28,640 коп. серебр. монетою.

обществъ многихъ желѣзныхъ дорогъ, всего къ 1-му января 1874 г., на сумму 24,454,887 руб. Изъ этой суммы потребовалось къ отпуску изъ государственнаго казначейства въ 1873 году только 11,836,767 руб., остальное было пополнено изъ доходовъ самихъ желѣзныхъ дорогъ; но, имѣя въ виду, что большая часть желѣзнодорожныхъ акцій и облигацій находится въ рукахъ иностранныхъ капиталистовъ, платимыя по нимъ суммы ежегодно выходятъ за границу. Туда же высылаются проценты по займамъ разныхъ частныхъ обществъ, заключеннымъ за границею, какъ-то: общества взаимнаго поземельнаго кредита, помѣстившаго по сіе время за границею пятипроцентныхъ листовъ своихъ на 84 милліона рублей металлическихъ, равно центральнаго земельнаго банка, выпустившаго по тремъ первымъ займамъ за границею закладныхъ листовъ на 24,250,000 р., по которымъ ежегодно уплачивается 1,442,500 руб. За предѣлы Россіи также отпускаются деньги, расходуемыя казною въ чужихъ странахъ на содержаніе своихъ агентовъ, на заграничное плаваніе судовъ и на разныя покупки, а также суммы, вывозимыя путешественниками. Русскихъ же выѣхало черезъ таможни по европейской границѣ въ 1872 году—198,997, а въ 1873 году—236,257. Если каждый изъ нихъ оставилъ за границею только по 100 руб., то это составляетъ уже слишкомъ 20 милліоновъ рублей. Иностранцы же, коихъ въ 1872 г. пріѣхало въ Россію 513,701 и въ 1873 году 585,742, принадлежатъ бóльшею частью къ недостаточному классу людей и потому денегъ привозятъ въ Россію мало. По всему этому смѣло можно оцѣнить свыше 100 милліоновъ рублей, сумму, ежегодно, внѣ торговыхъ оборотовъ, вывозимую изъ Россіи за границу. По даннымъ же таможенныхъ мѣстъ, привезено въ теченіи 11 лѣтъ, съ 1863 по 1874 годъ, товаровъ на 3,907 мил. и отпущено на 2,884 милліоновъ рублей, а золота и серебра привезено въ это же время на 135,885,389 и вывезено на 248,123,534 руб., значитъ отпускъ этихъ металловъ превысилъ привозъ на 112,238,145 руб. Слѣдовательно, по торговому балансу оказывается недочетъ, и хотя привозные товары, сравнительно съ отпускаемыми, всегда цѣнятся выше по причинѣ причисленія расходовъ на доставку и на коммиссію; но, принимая во вниманіе, что по самой тщательной оцѣнкѣ, сдѣланной двумя различными способами, оказалось:

	въ 1872 г.	въ 1873 г.
привозъ 1)	435	442
„ 2)	367	359
отпускъ 1)	345	342
„ 2)	327	364

т.-е., что привозъ постоянно превышаетъ вывозъ, не представляется

никакого основанія предполагать, чтобы цѣнность отпускаемыхъ за границу товаровъ превышала стоимость привозимыхъ оттуда, тѣмъ болѣе, что немало товаровъ путемъ контрабанды или чрезъ посредство пріѣзжающихъ изъ-за границы проходятъ мимо таможенъ. Перевѣсъ привоза товаровъ надъ отпускомъ подтверждается еще превышеніемъ отпуска драгоцѣнныхъ металловъ надъ ихъ привозомъ. Впрочемъ, движеніе торговли драгоцѣнными металлами въ Россіи представляется почти загадочнымъ. Съ 1863 по 1873 годъ вывозъ золота и серебра превысилъ, какъ выше сказано, отпускъ на 112 милліоновъ рублей. Между тѣмъ, съ 1866 по 1873 годъ употреблено на чеканку мелкой серебрянной монеты 18,235 пудовъ серебра на сумму 15 милліоновъ рублей, и поступило въ размѣнный фондъ государственнаго банка золота и серебра на сумму 138.243,343 руб.; итого употреблено въ Россіи на 153 милліона рублей, не считая того количества драгоцѣнныхъ металловъ, которое получило промышленное назначеніе. Въ Россіи же, съ 1863 по 1873 годъ добыто шлиховаго золота 18,345 пудовъ и выплавлено серебра 9,805 пудовъ. Въ шлиховомъ золотѣ можно круглымъ числомъ считать примѣси до 20%, такъ что чистаго золота выручено, примѣрно, въ это время 14,675 пудовъ на сумму 200 милліоновъ рублей, а серебра на сумму свыше 8 милліоновъ рублей. Какимъ образомъ изъ 208 милліоновъ могли быть 153 милліона удержаны въ Россіи, 112 милліоновъ отправлены за границу и вмѣстѣ съ тѣмъ еще удовлетворены потребности промышленности—это необъяснимо, а потому слѣдуетъ придти къ заключенію, что не всѣ приведенныя нами цифры отличаются полною достовѣрностью.

Стремленіе русскаго золота за границу было бы еще гораздо сильнѣе, если бы оно не останавливалось переводомъ въ Россію суммъ, ежегодно занимаемыхъ тамъ правительствомъ или частными обществами. Если эти суммы, малою частью только, поступаютъ въ Россію наличностью, а преимущественно расходуются на мѣстахъ займа, для покрытія дѣлаемыхъ за границею расходовъ, то это доказываетъ, очевидно, что совокупность внѣшнихъ расходовъ государства не покрывается суммами, вырученными продажею въ чужихъ краяхъ произведеній Россіи; однимъ словомъ, что торговый балансъ клонится не въ ея пользу. Естественнымъ послѣдствіемъ такого положенія внѣшняго баланса есть между прочимъ то, что всѣ русскія процентныя бумаги, по которымъ платежи производятся звонкою монетою и которыя поэтому способны обращаться за границею, постоянно туда вывозятся, въ дополненіе къ отпускаемымъ за границу произведеніямъ Россіи. Явленіе это совершенно противоположно тому, что передъ нами случилось во Франціи. Народъ тамошній

успѣлъ уже скупить почти всѣ облигаціи, выпущенныя за границею его правительствомъ по случаю пятимильярднаго займа, такъ что французскій народъ впредь будетъ платить по этому займу проценты своимъ же собственнымъ капиталистамъ, а не чужимъ. Таковая операція была исполнена обмѣномъ этихъ облигацій частью на процентныя бумаги чужихъ государствъ, коихъ, какъ увѣряютъ, находилось въ рукахъ французскихъ капиталистовъ до послѣдней войны на сумму до 7-ми мильярдовъ франковъ, частью на французскія произведенія, такъ какъ отпускъ ихъ, въ послѣднее время, далеко превзошелъ цѣнность привозимыхъ изъ-за границы товаровъ.

Политики раздѣляютъ государства на богатыя и бѣдныя. Первыя ссужаютъ послѣднихъ избыточными своими капиталами, а должники работаютъ на нихъ и ежегодно высылаютъ своимъ кредиторамъ плоды труда своего. Къ первымъ принадлежатъ: Англія, Франція, Германія, Голландія, Бельгія и Швейцарія; а ко вторымъ: Россія, Австрія, Италія, Турція, Сѣверо-Американскіе Штаты и Испанія. Всѣ государства второй категоріи, большею частью, начали сперва уплачивать свои долги обращавшеюся у нихъ звонкою монетою, замѣнивъ ее у себя бумажными деньгами, а по истощеніи этого запаса стали производить платежи вновь выпускаемыми процентными бумагами, которыя сбывали за границею. Передъ нашими глазами Сѣверо-Американскіе Штаты и Италія вступили на этотъ путь. Въ Россіи же и въ Австріи издавна положено начало настоящему положенію.

Прибыли англійскихъ капиталистовъ отъ иностранныхъ бумагъ, находящихся въ ихъ рукахъ, достигаютъ не менѣе 50—60 милліоновъ фунтовъ стерлинг. въ годъ, а нѣмцы изъ подобнаго источники получаютъ, какъ утверждается, отъ 60 — 80 милліоновъ талеровъ. Способность скупать и удерживать у себя иностранныя процентныя бумаги на столь громадныя суммы доказываетъ, что эти богатыя государства постоянно продавали за границу болѣе своихъ произведеній, чѣмъ насколько они получали изъ чужихъ странъ. Выгодный торговый балансъ и морской извозъ одни только могли имъ доставлять средства для ссуженія деньгами другихъ государствъ. Притомъ, при благопріятномъ лишь балансѣ, попавшіяся въ руки капиталистовъ иностранныя бумаги могли быть ими удерживаемы, такъ какъ процентныя бумаги имѣютъ положительное стремленіе возвращаться въ свое отечество и, сверхъ того, по своей подвижности служатъ вообще платежными средствами. Слѣдовательно, страна, которая хранитъ у себя большое количество иностранныхъ процентныхъ бумагъ, положительно пользуется благопріятнымъ торговымъ балансомъ, тогда какъ народъ, неимѣющій возможности удерживать у себя собственныя свои бумаги, этимъ однимъ достаточно обнаруживаетъ невыгод-

ность своего торговаго баланса. Стремленіе всякихъ процентныхъ бумагъ къ возвращенію въ свое отечество объясняется тѣмъ, что основаніе ихъ кредита должно имъ придавать государство, которому они принадлежатъ, и которое болѣе иностранцевъ способно оцѣнивать достоинство своихъ бумагъ. Поэтому цѣна всякимъ бумагамъ, сравнительно, должна быть выше въ предѣлахъ своего отечества, чѣмъ на чужихъ рынкахъ. Если, несмотря на то, онѣ не только выходятъ за границу, но и остаются тамъ, то это—явное доказательство невыгодности внѣшняго баланса. При малѣйшемъ превышеніи кредита надъ дебетомъ, процентныя бумаги возвращаются въ свое отечество, какъ это нынѣ случилось во Франціи. Слѣдовательно, выгодность внѣшняго баланса есть непремѣнное условіе накопленія капиталовъ; но нынѣ, когда процентныя бумаги составляютъ такой же товаръ, какъ и всякій другой, нельзя не принимать ихъ въ разсчетъ при оцѣнкѣ торговаго баланса отдѣльныхъ государствъ. Посему, сравненіе собственно товарнаго привоза и вывоза не даетъ еще вѣрнаго понятія о международныхъ торговыхъ отношеніяхъ государствъ. Въ Великобританіи и въ Германіи, напримѣръ, въ настоящее время жалуются на невыгодность торговаго баланса. Цѣнность привоза товаровъ превысила вывозъ ихъ въ Великобританію по сложности 1854 — 1863 г. на $38^{1}/_{5}$, а 1864 — 1873 г. на $55^{1}/_{5}$ милліоновъ; между тѣмъ какъ привозъ туда драгоцѣнныхъ металловъ въ это же время ежегодно превышалъ вывозъ по $4^{7}/_{10}$ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Это обстоятельство уже доказываетъ, что, въ сущности, внѣшній балансъ Англіи не могъ быть убыточенъ. Если присовокупить тѣ суммы, которыя заработываетъ извозомъ англійскій торговый флотъ, и проценты, полученные англійскими капиталистами съ денегъ, помѣщенныхъ ими за границею, то можно вполнѣ убѣдиться, что невыгодность торговаго баланса есть только кажущаяся. Балансъ Англіи притомъ дополняется торговлею остъ-индскихъ ея владѣній, которыя по сложности 1867 по 1873 г. вывезли товаровъ на 40 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ въ годъ болѣе, чѣмъ привезено туда. Эта же сумма бóльшею частью пошла на покрытіе обязательныхъ платежей Индіи съ Англіею. Балансъ Франціи также оказывался постоянно въ ея пользу, за исключеніемъ послѣднихъ лѣтъ Наполеоновскаго царствованія. Такъ ежегодный отпускъ превысилъ привозъ по сложности 1847—56 на 146, 1857—66 на 216, въ 1872 г. на 191 и въ 1873 г. на 370 милліоновъ франковъ. При этомъ полагаютъ, что иностранцами проживается во Франціи отъ 160 до 240 милліоновъ франковъ въ годъ. Съ помѣщенныхъ за границей капиталовъ французскіе капиталисты, до войны, получали дохода ежегодно свыше 500 милліоновъ франковъ. Въ Германскомъ таможенномъ союзѣ вѣ-

домости таможенъ составляются столь небрежно, что на нихъ вполнѣ положиться нельзя, но не подлежитъ сомнѣнію, что по окончаніи войны съ Франціею наплывъ оттуда денегъ чрезмѣрно поднялъ цѣну на всѣ товары. Это усилило до того ихъ привозъ, что по даннымъ таможни привезено въ 1873 г. товаровъ на 3766 и вывезено на 2301 милліонъ марокъ, значитъ, привозъ превысилъ отпускъ на 1454 милліона марокъ или 489 милліоновъ талеровъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки также обнаруживается дефицитъ въ торговомъ балансѣ. Несмотря на неизмѣримое богатство этой страны, на 70 милліоновъ долларовъ золотомъ и серебромъ, ежегодно тамъ добываемыхъ, на значительныя суммы, ввозимыя туда переселенцами, платежи по государственнымъ и желѣзнодорожнымъ займамъ, помѣщеннымъ въ Европѣ, такъ велики, что нѣкоторыя отрасли промышленности, какъ, напримѣръ, кораблестроительная и морской извозъ, до того упали, вслѣдствіе вызванной безмѣрными выпусками денежныхъ знаковъ, крайней дороговизны, что внѣшній балансъ въ послѣдніе годы клонится въ невыгоду Соединенныхъ Штатовъ. Оттого именно бумажныя деньги, коихъ обращается нынѣ на 800 милліоновъ долларовъ, не могутъ подниматься до нарицательной ихъ цѣны, хотя большая ихъ половина считается вполнѣ обезпеченною залогомъ государственныхъ бумагъ и торговыхъ цѣнностей. Во Франціи, напротивъ, благодаря выгодному внѣшнему балансу, бумажныя деньги, въ суммѣ 3000 милліоновъ франковъ, обращаются наравнѣ съ звонкой монетою безъ всякаго лажа. Несмотря на столь очевидное значеніе внѣшняго или торговаго баланса, проповѣдники свободной торговли совершенно отрицаютъ его важность. По ихъ мнѣнію, весь родъ человѣческій составляетъ одно цѣлое, среди котораго движеніе должно совершаться безпрепятственно, безъ всякаго распредѣленія на отдѣльныя народности и государства. Всякое обособленіе въ экономическомъ смыслѣ ими отвергается. Но едва ли осуществленіе подобнаго идеала возможно. Несмотря на усовершенствованные способы сообщенія, отдѣльныя народности обособляются болѣе прежняго. Природныя свойства людей, условія климата и почвы, степень просвѣщенія и богатства, исторически сложившійся образъ жизни, законы, форма управленія, все это оставляетъ свой отпечатокъ на странахъ и на людяхъ, а какъ при различныхъ точкахъ отправленія путь для достиженія даже той же цѣли общаго благосостоянія не можетъ быть одинаковымъ, то различные народы требуютъ и различныхъ пріемовъ для экономическаго своего развитія. Какъ скоро же признано будетъ невозможнымъ разрушить грани, отдѣляющія государство отъ государства, то нельзя и отвергать необходимости отдѣльнаго существованія каждаго и возникновенія особенныхъ мѣстныхъ

интересовъ, не всегда согласныхъ съ интересами сосѣдей. Такимъ образомъ, состязаніе и соперничество между ними становятся неизбѣжными [1]).

Въ мірѣ вещественномъ предметомъ состязаній и борьбы бываютъ имущественные интересы; самыя враждебныя чувства возбуждаются между имущими и неимущими. Но между гражданами одного государства находится столько общихъ интересовъ, что несогласія ихъ въ одномъ отношеніи могутъ сглаживаться сходствомъ въ другомъ. Какъ скоро же людей раздѣляетъ государственная грань, то подобнаго уравновѣшенія интересовъ ждать нельзя. Рабочіе классы, напримѣръ, вездѣ жалуются, что капиталисты злоупотребляютъ своимъ вліяніемъ и богатствомъ, но рабочіе обязаны капиталу существованіемъ промысловъ, которые ихъ кормятъ; притомъ достаточные классы народа проживаютъ дома свои избытки и этимъ поддерживаютъ промышленность; на нихъ же лежитъ, напримѣръ въ Англіи, почти вся тяжесть прямыхъ податей. Въ Великобританіи же они безвозмездно служатъ обществу, и ихъ пожертвованіями содержатся многія благотворительныя заведенія.

Никакой подобной связи между лицами, принадлежащими къ одному государству, не можетъ быть между гражданами различныхъ странъ. Эти послѣдніе остаются совершенно чуждыми другъ другу, и вредъ, происходящій отъ абсентеизма богатыхъ классовъ жителей,

---

[1]) Позволимъ повторить, по поводу выводовъ и обобщеній, сдѣланныхъ почтеннымъ авторомъ настоящей статьи, то, что не разъ говорилось уже въ нашемъ журналѣ. Мы и, вѣроятно, многіе изъ нашихъ читателей вполнѣ оцѣнятъ весь научный интересъ, фактическую обстоятельность и обширное знаніе дѣла со стороны автора, но выводы и обобщенія мы должны возложить на личную его отвѣтственность, такъ какъ „проповѣдники свободной торговли“ имѣютъ, по нашему убѣжденію, достаточныя основанія иначе понимать важность торговаго баланса, этого, дѣйствительно, неподкупнаго *указателя* напряженія промышленной и торговой дѣятельности того или другого народа. Исторія фактически опровергаетъ то положеніе, будто „несмотря на усовершенствованные способы сообщенія, отдѣльныя народности обособляются болѣе прежняго“: не далѣе, какъ съ 19-го іюня текущаго года будетъ установлена *всемірная* почтовая такса—дѣло, о которомъ, лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, смѣшно было бы и подумать. По поводу только-что закрытаго съѣзда нашихъ машиностроителей мы говоримъ ниже, во внутреннемъ обозрѣніи, болѣе подробно о значеніи протекціонизма и его извѣстной формулы: fiat protectio, pereat populus! Здѣсь же замѣтимъ только, что мы придаемъ большую цѣну научнымъ изученіямъ торговаго баланса и строгимъ надъ нимъ наблюденіямъ, но дѣлаемъ вовсе не тѣ практическіе выводы, какіе дѣлаются протекціонистами. Съ послѣднимъ заключительнымъ выводомъ настоящей статьи мы вполнѣ согласны: „развитію производительности въ Россіи—заключаетъ ниже авторъ—могли бы содѣйствовать также нѣкоторыя иныя мѣры, *независимо* отъ возвышенія таможенныхъ пошлинъ“; мы сказали бы даже—безъ всякаго повышенія тарифа, если уже нельзя его понизить.—*Ред.*

на который, напримѣръ, постоянно жалуются ирландцы, въ отношеніи къ богатымъ землевладѣльцамъ изъ англичанъ и что́ составляетъ также одно изъ золъ, гнетущихъ новѣйшую Россію, выражается въ высшей степени между гражданами различныхъ государствъ. Ирландскій землевладѣлецъ проживаетъ внѣ Ирландіи доходы, получаемые отъ своихъ фермеровъ, какъ русскій баринъ тратилъ, напримѣръ, въ Парижѣ оброки своихъ крестьянъ, и никакая часть этихъ денегъ не оплодотворяетъ почвы, изъ которой они выбраны, а потому деньги эти для родного края составляютъ чистую потерю, тогда какъ англійскій землевладѣлецъ, проживающій большую часть года въ своемъ помѣстьѣ, не отчуждаетъ отъ него извлекаемыхъ доходовъ. Понятно, что платежи, произведенные иностраннымъ капиталистамъ, также невозвратно для народа потеряны. То, что́ было сказано объ отношеніяхъ отдѣльныхъ классовъ народа между собою, въ несравнимо высшей степени относится къ цѣлымъ государствамъ, находящимся между собою въ отношеніяхъ должника къ заимодавцу. Какъ въ предѣлахъ одного государства одинъ классъ народа становится въ зависимость отъ другого, такъ цѣлыя государства дѣлаются должниками другихъ, безъ всякой надежды на возмездіе. Должники, осужденные работать на своихъ заимодавцевъ, постоянно посылаютъ имъ свои выручки, теряя всякую надежду на какое-либо, хотя косвенное, участіе въ богатствахъ, созданныхъ кровавымъ ихъ по́томъ. Такимъ образомъ, задолжимость государства къ государству сопряжена всѣми самыми рѣзкими невыгодами эксплуатаціи, труда капиталомъ, и нельзя отрицать, что сознаніе подобной зависимости можетъ современемъ вести къ той же раздражительности, къ той же борьбѣ, которая нынѣ уже проявляется въ отношеніяхъ между собою наемщиковъ и нанимателей во всей Европѣ. Изъ всего сказаннаго съ достаточною опредѣлительностью, кажется, выяснилось значеніе международныхъ разсчетовъ. Современное же состояніе ихъ обнаруживается для каждаго въ отдѣльности государства, въ торговомъ или внѣшнемъ его балансѣ. Государства, подобно частнымъ лицамъ, размѣниваются между собою своими произведеніями или доходами отъ заработковъ. Равновѣсіе въ бюджетѣ сохраняется, пока доходы не превышаютъ расходовъ; при малѣйшемъ отклоненіи въ ту или другую сторону прибѣгается, по необходимости, къ кредиту, т.-е. къ отсрочкамъ въ платежѣ. Если недостатокъ одного года можетъ быть покрытъ перевѣсомъ въ другомъ, то долгъ погашается, въ противномъ же случаѣ краткосрочный сначала кредитъ удлиняется, и проценты, причитающіеся по нему, входятъ уже въ постоянный бюджетъ должника, и если задолжавшееся государство не желаетъ постепеннаго увеличенія своего долга, то остается только на сумму

процентовъ и погашенія или увеличить отпускъ своихъ произведеній за границу, или сократить настолько привозъ оттуда товаровъ. Значитъ, торговый балансъ въ точности обозначаетъ степень оплатности каждаго народа.

Въ странахъ, гдѣ обращается звонкая монета, временныя колебанія торговаго баланса не имѣютъ большого значенія потому, что недостатокъ въ отпускныхъ товарахъ покрывается звонкою монетой, вынимаемою изъ народнаго обращенія; при перевѣсѣ же отпуска надъ привозомъ вливается въ народное обращеніе иностранная монета.

Въ совершенно иномъ положеніи находятся государства съ бумажно-денежнымъ обращеніемъ. Для нихъ не существуетъ драгоцѣнныхъ металловъ, этихъ всемірныхъ регуляторовъ торговыхъ разсчетовъ; они въ одинаково затруднительномъ положеніи въ случаѣ какъ перевѣса отпуска, такъ и перевѣса привоза. Въ первомъ случаѣ они вынуждены отказываться отъ монеты, которую имъ предлагаютъ въ уплату за свои произведенія, потому что монета у нихъ не употребляется, а во второмъ—не имѣютъ подъ рукою предмета для пополненія недостатка въ отпускныхъ товарахъ. Это положеніе станетъ еще болѣе яснымъ, если вникнемъ въ пріемы, употребляемые при торговыхъ разсчетахъ.

Всемірная торговля, если взглянуть на нее, какъ на одно цѣлое, представляется операціею чрезвычайно простою и стройною. Продавецъ товара весьма рѣдко получаетъ за него наличныя деньги, ему платятъ векселями, т.-е. обязательствами въ покрытіи долга черезъ извѣстное время. Продавецъ отсрочиваетъ такимъ образомъ покупателю платежъ, пока тотъ, перепродажею товара, не добудетъ средствъ къ погашенію своего долга. Такимъ образомъ, векселя дѣлаются представителями товаровъ, и въ этомъ качествѣ поступаютъ на всемірную биржу для взаимныхъ между торговцами разсчетовъ. На биржѣ этой, въ сущности, производится то, что̀ дѣлается, напримѣръ, въ лондонской разсчетной палатѣ (clearing house) для мѣстныхъ векселей и ассигновокъ, т.-е. векселя обмѣниваются; затѣмъ сводится балансъ по каждому государству отдѣльно, и дефицитъ погашается звонкою монетою или слитками золота или серебра. Вслѣдствіе сего, металлы эти пересылаются изъ конца въ конецъ, по всему міру, смотря по встрѣтившейся въ нихъ надобности, но только значительными партіями, на томъ же основаніи, какъ деньги переходятъ въ мелкой торговлѣ изъ рукъ въ руки. Но что̀ дѣлается, въ случаѣ недочета, у народа, неимѣющаго запаса звонкой монеты? Онъ долженъ прибѣгнуть къ кредиту, т.-е. выдавать векселя, а по недостатку такихъ, которые бы основывались на совершенной уже

торговой операціи, выпускать векселя, необезпеченные товаромъ уже существующимъ и проданнымъ, но товаромъ будущимъ. Хотя бы иностранцы и приняли подобные векселя въ уплату за отпущенные ими товары, но они, безъ сомнѣнія, будутъ ихъ цѣнить ниже вполнѣ обезпеченныхъ, т.-е. тѣхъ, по которымъ уже совершилась дѣйствительная торговая сдѣлка, и упадокъ цѣны спекулятивныхъ векселей будетъ тѣмъ чувствительнѣе, чѣмъ значительнѣе недостатокъ товарныхъ векселей, т.-е. чѣмъ больше дефицитъ въ торговомъ балансѣ и чѣмъ длиннѣе кредитъ, требуемый задолжавшеюся страною.

Еслибы, напримѣръ, Россіи недоставало отпускныхъ товаровъ на покрытіе покупокъ заграничныхъ произведеній, и вслѣдствіе этого иностранцы стали бы предлагать за русскіе векселя 10% менѣе обыкновеннаго,—вмѣсто 400 только 360 сантимовъ за рубль, то этимъ обозначался бы упадокъ на биржѣ кредитнаго рубля на 10%. Въ случаѣ продолжительности такого курса, онъ бы перешелъ съ пограничной биржи на внутренніе рынки, и лажъ этотъ выразился бы повсемѣстно. Еслибы въ слѣдующіе затѣмъ годы отпускъ не поравнялся съ привозомъ, то кредитные билеты стали бы еще болѣе понижаться въ цѣнѣ, и тогда могло бы случиться, что обращающіеся нынѣ 800 милліоновъ рублей кредитными билетами, которые на французскую, напримѣръ, монету должны бы цѣниться въ 3200 милліоновъ франковъ, упали бы до 1/4 нарицательной стоимости, какъ это было нѣкогда съ ассигнаціями, т.-е. 800 руб. кредитныхъ стоили бы 800 франковъ или 200 руб. металлическихъ. Изъ этого, кажется, можно убѣдиться, что состояніе торговаго баланса имѣетъ удвоенное значеніе въ отношеніи къ государствамъ съ бумажно-денежнымъ обращеніемъ. Пока въ народѣ ходитъ звонкая монета, она, въ случаѣ невыгоднаго баланса, употребляется на покрытіе внѣшняго долга; но чѣмъ болѣе монеты на этотъ предметъ уходитъ за границу, тѣмъ она становится дороже въ растратившейся странѣ, почему цѣны всѣхъ товаровъ какъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ, въ сравненіи съ вздорожавшею монетою, падаютъ; вслѣдствіе сего отпускъ усилится, а привозъ уменьшится. Это естественно должно вести не только къ возстановленію баланса, но и къ ввозу золота, пока не пополнится недостатокъ въ обращающейся монетѣ, и пока цѣна ея въ пострадавшемъ государствѣ не поравняется съ цѣною драгоцѣнныхъ металловъ на всемірномъ рынкѣ.

Въ совершенно другомъ видѣ представляется дѣло въ государствѣ, гдѣ монеты не имѣется. Тамъ, по недостатку наличныхъ средствъ, въ товарахъ или золотѣ, расплата, какъ выше замѣчено, можетъ состояться только посредствомъ кредита; кредитъ же легче завлекаетъ въ новые долги, чѣмъ необходимость немедленной ликви-

даціи наличными средствами. Притомъ, кредитъ этотъ не отражается столь быстро на цѣнности денегъ, какъ это бываетъ при вывозѣ монеты; почему и реакція противъ невыгоднаго баланса бываетъ гораздо медленнѣе, а чѣмъ она слабѣе, тѣмъ больше опасности, что болѣзнь затянется; но за то послѣдствія невыгоднаго баланса и понизившагося, вслѣдствіе того, вексельнаго курса, потрясаютъ и подкапываютъ весь экономическій организмъ страны, обезцѣнивая тотъ предметъ, который самъ долженъ служить мѣриломъ всѣхъ цѣнностей. Если въ государствѣ обращалось 100 милліоновъ полуимперіаловъ и изъ нихъ вдругъ, для уравновѣшенія баланса, половина была вывезена за границу, то вздорожаніе остальной половины тотчасъ же обнаружится въ отношеніи ко всѣмъ предметамъ, которые придется покупать на эту монету. Если же вмѣсто этихъ полуимперіаловъ обращалась только равная, по нарицательной цѣнѣ, сумма бумажными деньгами, то при столь же невыгодномъ положеніи внѣшней торговли вексельный курсъ, быть можетъ, упалъ бы еще болѣе, чѣмъ на 50%; но это пониженіе едва ли тотчасъ обнаружится по отношенію билетовъ къ товарамъ, потому что количество билетовъ оставалось неизмѣннымъ, а для убѣжденія публики во всѣхъ концахъ государства въ томъ, что внутреннее ихъ достоинство измѣнилось, потребуется немало времени.

Звонкая монета есть всемірный товаръ, никому, такъ сказать, въ собственность непринадлежащій, и который для учиненія торговыхъ ликвидацій переходитъ изъ государства въ государство. Бумажныя же деньги суть исключительная собственность той страны, которая ихъ выпустила, и за предѣлами которой никакой цѣны не имѣютъ, почему и совершенно неспособны быть орудіемъ международныхъ разсчетовъ. Въ предѣлахъ же своего отечества онѣ способны вполнѣ замѣнять звонкую монету, пока останутся въ сторонѣ отъ всякихъ разсчетовъ съ заграничными мѣстами, а это возможно только при условіи постоянно выгоднаго торговаго баланса или при совершенной замкнутости страны, прекратившей всякія сообщенія съ иностранными государствами. При этихъ условіяхъ требуется только, чтобы было соблюдаемо количественное отношеніе денежныхъ знаковъ къ народной въ нихъ потребности. Будь ихъ много, то поднимутся сравнительно цѣны на всѣ товары, а если мало, то товары подешевѣютъ.

Средства, принимаемыя для обезпеченія денежныхъ знаковъ, представляются также двухъ родовъ, смотря по тому, имѣютъ ли они въ виду поддерживать эти знаки во внутреннемъ только обращеніи, или также на случай расплатъ съ заграничными мѣстами. Въ первомъ случаѣ требуется главнѣйше обезпеченіе противъ излишнихъ выпус-

ковъ. Для сего выпуски обусловливаются представленіемъ соотвѣтственнаго залога, или обязательнымъ размѣномъ билетовъ на монету; при этомъ частныя кредитныя установленія, пріобрѣтая право на выпускъ денежныхъ знаковъ, часто подчиняются условіямъ болѣе охранительнымъ, чѣмъ тѣ, которымъ подчинило бы себя правительство при своихъ выпускахъ.

Гарантированіе же билетовъ отъ вліянія внѣшнихъ сношеній не можетъ быть достигнуто иначе, какъ сравненіемъ ихъ съ звонкою монетою, т.-е. принятіемъ мѣръ, чтобы, на случай требованія монеты за границу для уравновѣшенія торговаго баланса, билеты, представляющіе монету, могли быть свободно и во всякое время обмѣниваемы на оную. Каковъ для этого долженъ быть запасъ монеты сравнительно съ количествомъ обращающихся билетовъ, совершенно зависѣть будетъ отъ состоянія торговаго баланса съ одной стороны, а съ другой—отъ того наименьшаго количества денегъ, безъ котораго государство обходиться не можетъ и которое поэтому къ размѣну представлено быть не должно.

Постараемся провѣрить общія правила, здѣсь высказанныя, на исторіи бумажныхъ денегъ въ Россіи.

Въ Россіи было въ обращеніи ассигнацій въ 1817 году 863 милліона рублей. Къ 1822 году, за погашеніемъ, осталось въ обращеніи 595 милліоновъ. Вслѣдствіе такого сокращенія и улучшившагося, отъ введенія въ 1822 г. запретительной таможенной системы, торговаго баланса, курсъ ассигнаціоннаго рубля, въ отношеніи къ иностранной звонкой монетѣ, сталъ постепенно подниматься. Въ 1824 году, за рубль серебряный давали уже, вмѣсто прежнихъ 400, 375 копѣекъ мѣдью или $3^3/_4$ рубля ассигнаціями, и хотя количество бумажекъ оставалось неизмѣннымъ, курсъ ихъ постепенно поднимался и дошелъ въ 1839 году до 350 коп. за рубль. Этотъ курсъ и былъ принятъ при переложеніи, въ 1843 г., ассигнаціоннаго рубля на кредитный. Между тѣмъ, внутри имперіи цѣнность ассигнаціонныхъ денегъ стала подвергаться чрезвычайнымъ колебаніямъ. Количество ихъ положительно не соотвѣтствовало потребности въ нихъ; заграничный курсъ ихъ поднимался, и потому образовался на нихъ лажъ, чрезвычайно мѣшавшій правильному ходу торговли. Тогда допущено было совмѣстное съ ассигнаціями обращеніе иностранной монеты и пріемъ оной въ казначействахъ. Вслѣдствіе сего появилось звонкой монеты столько, что при открытіи, 1-го января 1840 г., депозитной кассы могло быть положено въ оную 25 милліоновъ рублей звонкой монеты. Сумма эта быстро возрастала, и по соединеніи депозитной кассы съ размѣнною кредитныхъ билетовъ, отъ новыхъ поступленій металловъ въ обмѣнъ на кредитные билеты рубль за рубль, оказалось къ 1-му января 1847

года въ запасѣ монеты и металловъ слитками на 101 милліонъ рублей. Кредитныхъ билетовъ, ими обезпечиваемыхъ, было тогда въ обращеніи на 226 милліоновъ рублей, т.-е. на 66% только болѣе суммы размѣннаго фонда, хотя по закону 1843 г. требовалось обезпечительнаго фонда не свыше 1/6 части противъ суммы билетовъ. Обмѣнъ билетовъ на монету и обратно монеты на билеты продолжался безостановочно до 1854 года; между тѣмъ, торговый балансъ не переставалъ быть благопріятнымъ Россіи. Такіе замѣчательные результаты были достигнуты совокупнымъ дѣйствіемъ благопріятнаго торговаго баланса и недостаточнымъ числомъ денежныхъ знаковъ, которое въ теченіи 20 лѣтъ, т.-е. до 1840 года не было увеличено, несмотря на приращеніе населенія. Балансъ торговый представлялся въ слѣдующемъ видѣ, въ 25-ти-лѣтній періодъ, съ 1824 по 1848 годъ, по европейской торговлѣ:

	Отпущено.	Привезено.
Товаровъ на . . .	1.723,108,400	1.409,785,800
Золота и серебра.	67,509,900	200,773,700
	1.790,618,300	1.610,459,500

Слѣдовательно, цѣнность отпущенныхъ за границу товаровъ значительно превысила стоимость привоза, и какъ бы шатки ни были данныя таможни, но они подтверждаются приливомъ золота и серебра, скоплявшагося въ размѣнномъ фондѣ кредитныхъ билетовъ. Перевѣсъ привоза золота надъ вывозомъ тѣмъ замѣчательнѣе, что съ 1823 по 1851 годъ добыто было въ Россіи 19,357 пудовъ золота и 32,000 пудовъ серебра—количество, считавшееся огромнымъ до открытія розсыпей въ Калифорніи и Австраліи въ 1847 и 1851 годахъ. Но привозъ монеты вполнѣ объясняется высотою вексельныхъ курсовъ. Въ 1846 и 1847 годахъ, вслѣдствіе безпримѣрнаго требованія на русскій хлѣбъ, вексельный курсъ поднялся до 426 сантимовъ за рубль. Тогда министерство финансовъ, чтобы облегчить Франціи способы уплаты за купленный ею хлѣбъ, согласилось купить на суммы размѣннаго фонда французской государственной ренты на 30 милліоновъ рублей, которая и пріобщена къ фонду. Размѣнный фондъ продолжалъ рости до конца 1853 года, когда достигъ 161 милліона руб. при 333 милліонахъ рублей кредитными билетами, обезпеченныхъ по сему фондомъ, равнымъ 49% ихъ стоимости. Такое положеніе нельзя было не признать блестящимъ; денежное обращеніе казалось основаннымъ на самыхъ твердыхъ началахъ, и графъ Канкринъ имѣлъ полное право гордиться своимъ твореніемъ.

Но все это великолѣпное зданіе въ мигъ разлетѣлось передъ грозою, вызванною войной 1854 и 1855 годовъ. Новыми, ничѣмъ необезпеченными выпусками, сумма кредитныхъ билетовъ возрасла въ

теченіи нѣсколькихъ лѣтъ до 740 милліоновъ, размѣнъ ихъ прекратился, вексельный курсъ сталъ понижаться, и когда правительство, поддерживавшее вексельный курсъ искусственно, временно остановило эту дорого-стоившую операцію, то въ апрѣлѣ 1859 г. цѣнность рубля упала до 325 сантимовъ. Новыя усилія, сдѣланныя правительствомъ въ 1862 и 1863 годахъ для возстановленія цѣнности кредитнаго рубля, поглотившія огромныя суммы, послужили только къ уменьшенію количества кредитныхъ билетовъ, но не къ увеличенію цѣны ихъ. Къ 1864 году находилось ихъ въ обращеніи на сумму 636 милліоновъ рублей при размѣнномъ фондѣ въ 56 милліоновъ, т.-е., почти въ 9 разъ низшемъ. Такимъ образомъ, десять лѣтъ, съ 1854 по 1864 годъ, разстроили всю денежную систему Россіи; это же произошло не только отъ удвоенія суммы денежныхъ знаковъ, но и отъ коренного измѣненія экономическихъ отношеній Россіи къ чужимъ странамъ. Во время 22-лѣтняго управленія министерствомъ финансовъ графомъ Канкринымъ, заключено для надобностей государственнаго казначейства только три внѣшнихъ займа (въ 1831, 1832 и 1840 годахъ), всего на сумму нарицательнаго капитала 65 милліоновъ рублей. Затѣмъ, при немъ и его преемникѣ занято еще за границею на сооруженіе петербургско-московской желѣзной дороги, съ 1842 по 1849 годъ, 42 милліона рублей и $5^1/_2$ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Суммы, высылаемыя ежегодно за границу для уплаты процентовъ по этимъ займамъ, не могли не вліять на внѣшній балансъ Россіи, но до 1854 г., несмотря на временное пониженіе вексельныхъ курсовъ въ 1848, 1849, 1850 и 1851 годахъ, вліяніе этихъ платежей еще не обозначилось столь сильно, чтобы затруднить размѣнъ кредитныхъ билетовъ. Въ слѣдующія затѣмъ десять лѣтъ прибавилось внѣшнихъ займовъ на 100 милліоновъ рублей и $28^1/_2$ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. На уплату процентовъ и на погашеніе по всѣмъ внѣшнимъ долгамъ уплачивалось въ 1864 г. свыше 35.000,000 рублей,—сумма весьма значительная, равнявшаяся 20% всей стоимости отпущенныхъ въ этомъ году за границу товаровъ. Одновременно съ этими платежами подѣйствовали на ухудшеніе внѣшняго баланса Россіи еще два обстоятельства: измѣненіе таможеннаго тарифа и пониженіе пошлины съ заграничныхъ паспортовъ.

Императоръ Николай Павловичъ и его первый министръ финансовъ, графъ Канкринъ, держались системы полной замкнутости Россіи. Либеральный таможенный тарифъ 1819 года былъ замѣненъ въ 1822 году вполнѣ запретительнымъ. Погашеніе ассигнацій, произведенное съ большими пожертвованіями, съ 1817 по 1820 годъ, было остановлено въ той надеждѣ, что черезъ развитіе промышленности и внутренней торговли удастся постепенно поднимать достоинство ассиг-

націй. Къ внѣшнимъ займамъ, увеличивающимъ задолженность государства, положено было прибѣгать какъ можно рѣже; вмѣсто нихъ правительство открывало себѣ возможность позаимствованія нужныхъ ему денегъ изъ русскихъ кредитныхъ установленій, куда привлекало оно всѣ свободные капиталы. Наконецъ, когда, вслѣдствіе облегченныхъ способовъ сообщенія, стало высказываться желаніе русскихъ почаще бывать за границею, то для предупрежденія вывоза русскихъ денегъ въ чужія страны паспорты были обложены небывалою пошлиною.

Совокупностью всѣхъ этихъ мѣръ внѣшній балансъ Россіи оставался благопріятнымъ, а это дало возможность устроить систему денежнаго обращенія на основаніяхъ вполнѣ удовлетворительныхъ. Преемники графа Канкрина или не дали себѣ яснаго отчета въ причинахъ, побудившихъ его къ поддержанію глубоко обдуманной и стройной его системы, или, убѣдившись въ неоспоримыхъ ея недостаткахъ, принялись ее разрушать, не подозрѣвая вѣроятно, что они вмѣстѣ съ тѣмъ разстроивали всѣ основы тогдашней денежной системы.

Послѣдовавшими, въ 1850, 1858 и 1868 гг., измѣненіями въ таможенномъ тарифѣ Россія постепенно перешла къ началамъ свободной торговли. Послѣдствіемъ этого было быстрое возрастаніе привоза иностранныхъ товаровъ. Цѣнность привоза составляла, по сложности 1845—1847 годовъ, 70 милліоновъ; 1856—1858=128 милліоновъ; 1864—1866=153 милліона; 1867—1869=260 милліоновъ; и 1871—1873=388 милліоновъ.

Хотя соотвѣтственно привозу поднимался и отпускъ товаровъ, но перевѣсъ оставался на сторонѣ перваго, а именно съ 1863 по 1874 годъ привезено по европейской границѣ и по финляндской товаровъ на 3097 и отпущено на 2884 милл. рублей. Что касается числа русскихъ подданныхъ, выѣхавшихъ за границу, то оно простиралось по сложности:

1845—47	годовъ до	26,980.
1851—53	„ „	15,126.
1858—60	„ „	151,882.
1872—73	„ „	217,659.

Хотя между отправлявшимися за границу, безъ сомнѣнія, много пограничныхъ жителей, выѣзжавшихъ только на короткое время, но суммы, вывозимыя такимъ огромнымъ числомъ лицъ, должны быть весьма велики; онѣ никакъ не уравновѣшиваются тѣми, которыя привозятся иностранцами, прибывающими въ Россію, такъ какъ большинство изъ нихъ пріѣзжаетъ не съ деньгами, а за деньгами.

Этотъ краткій обзоръ бумажно-денежнаго обращенія въ Россіи

ясно доказываетъ, въ какой степени оно было поддерживаемо совершенною замкнутостью государства, и какое на него вліяніе имѣли заграничные платежи. Въ настоящее время финансовое управленіе Россіи достигло снова довольно твердаго стоянія вексельныхъ курсовъ, съ одной стороны, возстановленіемъ равновѣсія въ приходо-расходномъ балансѣ государственнаго казначейства, а съ другой—открывъ обильный источникъ цѣнностей, которыми Россія покрываетъ заграничные свои расходы. Такимъ образомъ, непоколебимое начало равновѣсія во внѣшнемъ балансѣ, какъ главное условіе удовлетворительнаго обращенія кредитныхъ билетовъ, обнаруживается вновь въ полной силѣ. Къ сожалѣнію, цѣнности, которыми нынѣ покрывается бóльшая часть заграничныхъ расходовъ Россіи, не имѣютъ всѣхъ свойствъ обычныхъ товаровъ: онѣ неспособны заканчивать счеты Россіи за границею; черезъ нихъ отсрочивается только разсчетъ; однимъ словомъ, это—новыя долгосрочныя долговыя обязательства, которыя хотя и не всегда выпускаются прямо съ цѣлью погашенія старыхъ долговъ, однако непосредственно на это употребляются. Къ числу такихъ обязательствъ принадлежатъ не только выпускаемыя для нуждъ государственнаго казначейства, но и акціи и облигаціи обществъ желѣзныхъ дорогъ, закладные листы земельныхъ банковъ и другія бумаги, помѣщенныя за границею. Всѣ эти бумаги разнятся между собою лишь относительно источниковъ, назначенныхъ на ихъ погашеніе. Если вырученныя отъ ихъ продажи суммы были употреблены производительно, то окончательное ихъ погашеніе можетъ совершиться постепенно и легко, въ противномъ случаѣ погашеніе это должно родить новыя затрудненія. Постараемся это ближе разъяснить.

Положимъ, что въ Россіи, въ 1875 году, цѣнность собственно товарнаго привоза и отпуска оказалась бы одинаковою, равняясь суммѣ 400 милл. рублей, но что Россіи приходится выслать, сверхъ этого, за границу 100 милл. рублей на платежъ процентовъ и дивиденда по займамъ правительственнымъ и частнымъ, на покрытіе расходовъ русскихъ путешественниковъ и на разные другіе предметы. Суммы эти должны, разумѣется, быть уплачены звонкою монетою. Исполненіе подобной задачи оказалось бы почти невозможнымъ или произвело бы неимовѣрное пониженіе вексельныхъ курсовъ и цѣнности кредитнаго рубля. Но, къ счастью, въ томъ же 1875 г. заключается правительствомъ заемъ на постройку желѣзныхъ дорогъ, общество взаимнаго поземельнаго кредита выпускаетъ за границею новую серію своихъ закладныхъ листовъ, центральный земельный банкъ слѣдуетъ его примѣру, и г. Путилову англійскіе капиталисты даютъ значительную сумму на сооруженіе порта въ С.-Петербургѣ. Всѣ эти

деньги, положимъ, составятъ именно тѣ 100 милліоновъ руб., которыхъ недостаетъ для покрытія внѣшняго баланса Россіи.

Въ такомъ случаѣ деньги, внесенныя иностранными подписчиками на эти разнородные займы въ кассу банкировъ, принявшихъ на себя реализацію обязательствъ, высланныхъ имъ изъ Россіи, будутъ поставлены въ кредитъ частью русскаго правительства, частью частныхъ лицъ въ Россіи. Министерство финансовъ распорядится удовлетвореніемъ изъ этихъ суммъ своихъ заграничныхъ заимодавцевъ и предъявителей купоновъ русскихъ государственныхъ бумагъ, а частныя лица, коимъ нужны переводы суммъ за границу, обратятся для сего къ тѣмъ русскимъ банкирамъ, которые находятся въ сношеніяхъ съ иностранцами, хранящими внесенныя по сказаннымъ займамъ суммы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, соотвѣтственный занятой за границею суммѣ капиталъ кредитными билетами будетъ выдаваться въ Россіи правительствомъ изъ суммъ, назначенныхъ по государственной росписи на уплату процентовъ по займамъ, а частными лицами или обществами, нуждающимися въ переводѣ денегъ за границу, изъ своихъ средствъ.

Такимъ образомъ, 100 милліоновъ, занятыхъ Россіею за границею, и которые слѣдовало бы перевести сюда, останутся сполна въ тѣхъ мѣстахъ, откуда они заимствованы, и перейдутъ только по ассигновкамъ, даннымъ изъ Россіи, изъ рукъ однихъ иностранцевъ въ руки другихъ, но черезъ это равновѣсіе сохранено, вексельный курсъ не падаетъ и все дышетъ благополучіемъ.

Но нельзя не сознаться, что основанія подобнаго благополучія довольно шатки. Не случись въ 1875 году внѣшнихъ займовъ, все зданіе рухнуло бы. Притомъ, по новымъ займамъ вновь уплачиваются проценты, увеличивающіе задолжимость Россіи.

Эти внѣшніе займы, поддерживающіе вексельный курсъ и вмѣстѣ съ тѣмъ цѣнность кредитныхъ билетовъ, имѣютъ однако еще то неудобство, что они служатъ къ прикрытію истиннаго достоинства этихъ билетовъ. Съ 1867 года понынѣ вновь выпущено оныхъ на 147 милліоновъ, или 23% всего необезпеченнаго долга, существовавшаго въ 1867 году, безъ того, чтобы вексельный курсъ упалъ, и изъ этого публика заключаетъ, что наплывъ билетовъ не имѣлъ никакого вліянія на ихъ достоинство. Но такое заключеніе совершенно неосновательно. Цѣнность бумажныхъ денегъ измѣряется какъ отношеніемъ ихъ къ звонкой монетѣ, которой онѣ служатъ представителями, такъ и къ товарамъ, на кои онѣ обмѣниваются. Первое должно обнаруживаться при обмѣнѣ бумажекъ на монету руссскаго чекана или на иностранную. Звонкой же монеты въ народномъ обращеніи въ Россіи не имѣется, а встрѣчающаяся у мѣнялъ есть предметъ за-

граничной торговли, почему цѣна ихъ совершенно зависитъ отъ вексельныхъ курсовъ, т.-е. отъ цѣны кредитнаго рубля на иностранныхъ биржахъ, выраженной стоимостью векселей. Эта же цѣна неспособна проявляться свободно, пока курсъ поддерживаться будетъ внѣшними займами. Затѣмъ остается только измѣреніе цѣнности рубля посредствомъ товаровъ; но мѣрило это чрезвычайно шатко. Огромный наплывъ золота и серебра изъ Америки, Австраліи и Сибири понизилъ цѣну этихъ металловъ, а сравнительно съ ними поднялъ цѣну на всѣ товары; но насколько это подѣйствовало, въ разныя времена, на цѣну товаровъ, невозможно опредѣлить уже потому, что цѣнность товаровъ подвержена разностороннимъ вліяніямъ, и что обстоятельства дѣйствуютъ различно на различные роды товаровъ. Каково однако вообще вліяніе количества добываемыхъ золота и серебра на цѣну товаровъ, заключить можно изъ того колебанія, которое оно производило во взаимныхъ отношеніяхъ этихъ двухъ металловъ между собою.

Въ древнемъ мірѣ золото относилось по цѣнности своей къ серебру какъ 1: 12 или 13. Ко времени открытія Америки золото подешевѣло, и стóило только отъ $10^1/_2$ до 11 разъ дороже серебра. Вліяніе на это отношеніе вновь разработываемыхъ, вслѣдъ за открытіемъ Америки, мексиканскихъ серебряныхъ рудниковъ начинается около половины XVI-го столѣтія. Въ то время годовая добыча золота простиралась примѣрно до 540,000 талеровъ, а серебра до $3^1/_2$ милліоновъ, т.-е. серебра въ 7 разъ болѣе золота. Черезъ сто лѣтъ добыча эта выросла до 3.200,000 талеровъ золота и 21.000,000 талеровъ серебра. Хотя такимъ образомъ отношеніе количества золота къ серебру не измѣнилось, но послѣдній металъ значительно подешевѣлъ, и по свѣдѣніямъ 1670 года отношеніе золота къ серебру было уже въ Европѣ 1: 14,50.

До открытія золотыхъ розсыпей сперва въ Сибири, потомъ въ 1847 г. въ Калифорніи и въ 1851 г. въ Австраліи, добыча серебра продолжала значительно превышать добычу золота, и по приблизительному исчисленію доставлено на міровой рынокъ, съ 1500 по 1848 годъ, золота $8^9/_{10}$ милліоновъ фунтовъ, цѣною въ 4,094 милліона талеровъ, и серебра 2,950 милліоновъ фунтовъ, цѣною въ 8,850 милліоновъ талеровъ. Съ того времени вдругъ добыча золота увеличилась въ небывалыхъ размѣрахъ, и ежегодная выплавка съ 48,000 фунтовъ въ 1800, и 90,000 фунтовъ въ 1846 г. поднялась въ 1853—1862 годахъ до 375,000 фунтовъ, и держится понынѣ на этой высотѣ. Выплавка серебра далеко не увеличивалась въ равной степени, и были годы, въ которые цѣнность добытаго серебра не превышала цѣнности вымытаго золота. Если къ этому присоединить, что съ

1850 по 1866 г. огромныя количества серебра вывезены въ Индію и Китай, то почти непонятнымъ становится удешевленіе серебра, которое въ 1874 г. на $16^{15}/_{100}$ разъ цѣнилось дешевле золота. Это явленіе объяснимо только тѣмъ, что золото во всѣхъ почти европейскихъ государствахъ и въ сѣверныхъ штатахъ Америки вытѣснило серебро изъ народнаго обращенія, на что́ потребовались огромныя количества этого металла. По примѣрному исчисленію полагается, что народы, участвующіе во всемірныхъ торговыхъ оборотахъ, располагаютъ въ настоящее время количествомъ золотой и серебряной монеты равнымъ 18,700 милліонамъ талеровъ. Но этимъ далеко не исчерпывается все количество оборотныхъ знаковъ, имѣющихся въ распоряженіи публики, къ нимъ принадлежатъ и бумажныя деньги, и банковые билеты, и векселя. Наконецъ, въ настоящее время публика, всякими способами избѣгая платежа монетою, употребляетъ для разсчетовъ болѣе упрощенные способы.

Все это не могло не подѣйствовать на удешевленіе денегъ, и несмотря на то, что торговые обороты, внутренніе и внѣшніе, всѣхъ государствъ усилились въ небывалыхъ размѣрахъ, покупательная сила денегъ, т.-е. отношеніе ихъ къ стоимости товаровъ, постоянно понижается. Вздорожаніе хлѣбныхъ товаровъ въ XVI-мъ столѣтіи, послѣ открытія мексиканскихъ серебряныхъ рудниковъ, оцѣнивалось въ 250%. Насколько же наплывъ золота, въ послѣднія 25 лѣтъ, понизилъ покупательную силу денегъ и поднялъ цѣну товаровъ, вообще опредѣлить невозможно. Наиболѣе дорожаютъ сырыя, необработанныя произведенія, потому что количество ихъ находится въ прямой зависимости отъ нерастяжимаго пространства земли или отъ производительныхъ ея силъ, наименѣе же дорожаютъ издѣлія, произведенныя посредствомъ силы механической, постоянно совершенствующейся.

По мѣстностямъ, наибольшее вздорожаніе замѣтно въ большихъ городахъ, куда стекаются деньги, тогда какъ въ отдаленныхъ мѣстахъ деньги, по рѣдкости своей, цѣнятся выше.

Изъ всего этого легко убѣдиться, что едва ли представится возможнымъ опредѣлить, насколько выпускъ 150 милліоновъ рублей кредитныхъ билетовъ вліялъ на возвышеніе цѣны русскихъ именно произведеній, независимо отъ обще-европейскихъ и другихъ мѣстныхъ причинъ вздорожанія. Приведемъ только слѣдующія данныя.

Въ Англіи, со времени отмѣны въ 1846 г. пошлины на привозный хлѣбъ, цѣна за квартеръ пшеницы была:

съ	1846 по	1851	годъ	49	шиллинговъ.
„	1852 „	1856	„	62	„
„	1853 „	1863	„	50	„
„	1864 „	1871	„	51,3	„

Въ Пруссіи шеффель ржи стоилъ по сложности

1816—1820	г.	64	гроша	7	пфенниговъ.
1820—1830	„	34	„	1	„
1830—1840	„	40	„	7	„
1840—1850	„	49	„	1	„
1850—1860	„	65	„	3	„
1860—1870	„	61	„	5	„
1872—1873	„	63	„	„	„

По биржевымъ прейскурантамъ цѣна четверти была

ржи въ Петербургѣ			пшеницы въ Одессѣ.
съ 1839 по 1847 г.	550	коп.	525.
„ 1848 „ 1853 „	385	„	566.
„ 1856 „ 1860 „	600	„	800.
„ 1861 „ 1864 „	700	„	800.
„ 1865 „ 1873 „	735	„	1,000.

Изъ этого видно, что въ продолженіи послѣднихъ 25 лѣтъ цѣна ржи поднялась въ Петербургѣ почти на 50%, а цѣна пшеницы въ Одессѣ на 100%, т.-е. несравненно болѣе, чѣмъ въ Пруссіи, не говоря уже объ Англіи, гдѣ незамѣтно никакого вздорожанія пшеницы. Самое быстрое возвышеніе цѣнъ въ Россіи послѣдовало послѣ выпуска, во время Крымской войны, кредитныхъ билетовъ на 400 милліоновъ рублей — это видно изъ всѣхъ биржевыхъ прейскурантовъ. Всякое быстрое вздорожаніе тяжко отзывается на всѣхъ классахъ населенія, прежде чѣмъ народъ успѣваетъ соображаться съ новыми цѣнами; промышленная часть населенія постепенно приноравливаетъ свои выручки къ расходамъ; въ накладѣ же преимущественно остаются лица, живущія опредѣленнымъ доходомъ.

Гораздо пагубнѣе отражается это вздорожаніе на заграничной торговлѣ. Если вздорожаніе только кажущееся, какъ напримѣръ въ то время, когда въ Россіи серебряный рубль превратился въ ассигнаціонный, т.-е. упалъ на 300%, то оно окончательно не могло имѣть чувствительнаго вліянія на цѣну русскихъ товаровъ за границею, потому что и на тамошнихъ биржахъ достоинство рубля упало на столько, сколько въ Россіи. За прежнимъ рублемъ осталось одно названіе, но за французскій франкъ, вмѣсто прежнихъ 25, стали давать 100 копѣекъ, и на франкъ можно было покупать то же количество русскихъ произведеній, какъ и прежде. Рабочая плата вмѣстѣ съ тѣмъ въ Россіи возвысилась только номинально; произведенія русскія, въ отношеніи къ звонкой монетѣ, не вздорожали, и потому отпускъ ихъ за границу, отъ упадка ассигнацій, не уменьшился. Совершенно въ иномъ видѣ представляется дѣло нынѣ, когда цѣна русскаго рубля искусственно поднята какъ на внутреннихъ, такъ и на иностранныхъ рынкахъ, когда, благодаря под-

держкѣ вексельнаго курса, рубль постоянно принимается по 350 сантимовъ, тогда какъ по покупательной его силѣ онъ долженъ бы цѣниться гораздо ниже. Сравнивая цѣны нѣкоторыхъ изъ главныхъ статей отпуска на Петербургской биржѣ, усматривается изумительное возвышеніе цѣнъ.

	Берковецъ Льна.	Берковецъ Пеньки.	Пудъ Сала.	Четверть Ржи.
съ 1824—1831 г. рублей ассигнаціями	121	85	11	11
съ 1832—1838 г. ассигнаціями	122	69,5	11,9	16
съ 1839—1847 г. серебромъ	31	26	3,5	$5^1/_2$
съ 1848—1853 г.	$29^2/_3$	24	3,4	3,85
„ 1856—1860 „	41	24	4,9	6
„ 1861—1864 „	$42^1/_2$	33	4,6	7
„ 1865—1873 „ высшая	46,72	38,13	5,40	8,0
низшая	35,88	30,0	4,82	6,67

По всѣмъ этимъ товарамъ видно весьма слабое возвышеніе до выпуска въ 1854 и 1855 годахъ огромныхъ количествъ кредитныхъ билетовъ; съ того же времени обнаруживается вздорожаніе на 50 и 100%. Если бы курсъ кредитныхъ билетовъ былъ предоставленъ самъ себѣ, то онъ вѣроятно потерпѣлъ бы соотвѣтственное пониженіе, но отъ постояннаго поддерживанія его искусственными средствами послѣдовало истинное, некажущееся всеобщее поднятіе цѣнъ. Всѣ побывавшіе за границею знаютъ по собственному опыту, насколько тамъ жизнь дешевле, чѣмъ въ Россіи, и только въ Германіи, отъ наплыва французскаго золота, почувствовалось вдругъ всеобщее вздорожаніе, подобное русскому.

Явленіе это, вѣроятно, не будетъ продолжительнымъ. Излишняя монета уже теперь огромными количествами вывозится изъ Германіи, такъ что тамошніе государственные люди опасаются, что вскорѣ недостанетъ золота для совершенія предположенной монетной реформы. Остается только вынуть изъ обращенія демонитезированную серебряную монету, чтобы очистить мѣсто для новой золотой. Дешевизна денегъ въ Россіи вполнѣ оцѣнивается иностранными артистами, пріѣзжающими въ Россію, соотвѣтственно этой дешевизнѣ опредѣляющими цѣну своему таланту, равно всѣми продавцами иностранцами, когда передъ ними является русскій покупатель. Эта дешевизна денегъ вытекаетъ естественно изъ количества обращающихся денежныхъ знаковъ. Ихъ было въ 1840 г.—170 милліоновъ рублей, нынѣ почти впятеро болѣе, несмотря на то, что желѣзныя дороги, теле-

графы, банки, содѣйствовали значительному сбереженію денегъ. Такъ, напримѣръ, въ 1873 г. платежей на сумму до 3000 милліоновъ было въ Россіи исполнено разными банками посредствомъ чековъ или ассигновокъ, а по почтѣ переслано капиталовъ по сложности 1857—61 гг. 764 милліона; 1862 г. 808 милліоновъ; въ 1869 г. 646 милліоновъ, и въ 1873 г. 778 милліоновъ. Слѣдовательно, сумма ихъ не возрастаетъ, благодаря сокращеннымъ пріемамъ при производствѣ платежей, а потому должно полагать, что, несмотря на приращеніе населенія, на расширеніе предѣловъ имперіи и на чрезвычайное оживленіе торговыхъ оборотовъ, надобность въ денежныхъ знакахъ не возрастаетъ и нынѣ находящееся въ обращеніи количество превышаетъ потребность въ нихъ, оттого сокращеніе ихъ числа или пониженіе ихъ достоинства было бы благодѣтельнымъ для народа. Тогда понизилась бы цѣна русскихъ произведеній за-границею, и вмѣстѣ съ тѣмъ усилился бы ихъ отпускъ туда, а иностранцы находили бы менѣе выгоднымъ сбывать свои товары въ Россію. Отъ англичанъ нельзя, напримѣръ, требовать, чтобы они дороже платили за русскій хлѣбъ, потому только, что искусственными мѣрами возвышена цѣна земли и рабочая плата въ Россіи. Ихъ отвѣтъ на подобное требованіе заключается въ нынѣшнемъ совершенномъ застоѣ торговли въ Одессѣ, несмотря на избытокъ тамъ всякаго товара. Признавая за всѣмъ тѣмъ увеличеніе суммы кредитныхъ билетовъ противнымъ прямымъ выгодамъ публики, едвали можно одобрить покупку золота и серебра государственнымъ банкомъ на кредитные билеты, вновь имъ выпускаемые. Эта операція, начатая съ 1867 г., была бы совершенно законна, если бы она сопровождалась правомъ обратнаго обмѣна кредитныхъ билетовъ на монету, но при нынѣшнемъ одностороннемъ дѣйствіи банка она даже едвали согласна съ уставомъ онаго.

Въ 1867 году было въ обращеніи кредитныхъ билетовъ на сумму 650 милліоновъ руб. при размѣнномъ фондѣ 57 милліоновъ; къ 1-му января 1875 г. обращалось билетовъ на 797 милліоновъ, а въ размѣнномъ фондѣ покоилось золота и серебра на 229 милл. рублей, слѣдовательно, банкъ, усиливъ размѣнный фондъ на 172 милліона, выпустилъ кредитныхъ билетовъ на 147 милліоновъ. Этимъ доставилъ онъ кредитнымъ билетамъ значительное обезпеченіе, но польза отъ этого въ настоящемъ едвали велика, а для будущаго она будетъ зависѣть отъ употребленія, которое сдѣлаютъ изъ этого фонда. Причины, побудившія государственный банкъ къ усиленію своего металлическаго запаса, заключались не только въ желаніи улучшить отношеніе между суммою билетовъ и обезпечивающимъ ихъ фондомъ, но и въ томъ, чтобы открыть рынокъ драгоцѣннымъ металламъ, до-

бываемымъ въ Россіи или привозимыми туда изъ-за границы съ установленіемъ нормальной цѣны на кредитные билеты. Эта послѣдняя цѣль вполнѣ достигнута: большихъ колебаній въ цѣнѣ кредитныхъ билетовъ, съ 1867 года, не проявлялось. Вмѣстѣ съ тѣмъ размѣнный фондъ, вмѣсто прежнихъ 9%, поднялся до 27% противъ суммы билетовъ. Но послѣ реализаціи хранившихся въ банкѣ государственныхъ фондовъ, государственный банкъ не имѣлъ иного средства къ пріобрѣтенію такого количества металловъ, кромѣ выпуска въ обмѣнъ на нихъ новыхъ кредитныхъ билетовъ. Это обстоятельство естественно возбуждаетъ вопросъ: не слишкомъ ли дорого куплены выгоды, сопряженныя съ сказанною операціею банка, такъ какъ произвольное увеличеніе количества бумажныхъ денегъ никакъ нельзя признать полезнымъ?

Усиленіе размѣннаго фонда имѣетъ преимущественно значеніе нравственное. Упованіе на хранящіяся въ кладовыхъ банка громадныя количества золота и серебра [1]) внушаетъ иностраннымъ капиталистамъ довѣріе къ кредиту Россіи, но при настоящемъ положеніи внѣшняго баланса двухъ-лѣтняго прекращенія заграничныхъ займовъ было бы достаточно для совершеннаго истощенія фонда, который потому не можетъ считаться достаточнымъ для полнаго обезпеченія достоинства кредитныхъ билетовъ, но онъ способенъ, на случай какого-либо кризиса, временно поддерживать ихъ цѣну. Равнымъ образомъ, одновременное увеличеніе размѣннаго фонда и суммы кредитныхъ билетовъ не можетъ вести къ открытому обмѣну билетовъ на монету, для этого нужно или уравновѣсить торговый балансъ, или довести сумму денежныхъ знаковъ до самыхъ меньшихъ размѣровъ. Цѣль открытія постояннаго сбыта звонкой монетѣ могла бы быть достигнута пріемомъ ея по всѣмъ платежамъ въ казну. Это дѣлалось въ Россіи постоянно до 1839 года. Для пріема иностранной монеты обнародывался тогда подробный тарифъ. Противъ такого пріема монеты можно бы было только замѣтить, что имъ увеличивалась бы сумма обращающихся въ народѣ денегъ, но еслибы монета оказалась излишнею, то уходила бы за-границу, тогда какъ выпускаемые нынѣ, въ обмѣнъ на покупное золото, кредитные билеты за предѣлы Россіи не выходятъ. Полагать же, что часть кредитныхъ билетовъ, которая обезпечена рубль за рубль звонкою монетою, не тяготѣетъ надъ денежнымъ рынкомъ, вполнѣ ошибочно; это имѣло бы мѣсто лишь въ томъ случаѣ, если бы обмѣнъ билетовъ на монету оставался открытымъ, до этого же времени существованіе мнимо

---

[1]) Къ 1-му января 1874 г. размѣнный фондъ кредитныхъ билетовъ состоялъ изъ золотой монеты съ 3% лажемъ на 139.106,839 руб., серебряной монеты на 11.781,299 руб. и золота и серебра въ слиткахъ на 66.355,216 рублей.

обезпечительнаго фонда ни въ чемъ не измѣняетъ свойства обращающихся бумажныхъ денегъ. Такимъ образомъ, настоящая операція государственнаго банка имѣетъ единственнымъ послѣдствіемъ крайне вредное увеличеніе количества кредитныхъ билетовъ. Защитники настоящихъ порядковъ питаютъ твердую надежду, что Россія до того разбогатѣетъ помощью иностранныхъ капиталовъ, что она вскорѣ погаситъ свои долги. Посмотримъ, даетъ ли настоящій ходъ развитія Россіи надежду на скорое достиженіе этой цѣли, и приносятъ ли занимаемые за границею капиталы столь очевидную пользу, что за погашеніемъ ихъ накопятся въ Россіи суммы, достаточныя для ея обогащенія.

Остановимся на капиталахъ, обращенныхъ на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ: къ 1-му января 1875 года протяженіе сѣти россійскихъ желѣзныхъ дорогъ составляло 17,422 версты; изъ нихъ было правительственныхъ 526 верстъ, а остальныя принадлежали частнымъ обществамъ.

Изъ 53 обществъ желѣзныхъ дорогъ, 15 не пользуются правительственною гарантіею, изъ остальныхъ 38-ми, 12 обществъ получили гарантію на одинъ облигаціонный капиталъ, а прочія и на капиталъ акціонерный. Весь основной капиталъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи простирался въ 1874 г. до 1.677.399,660 руб. металлическихъ и 129.002,180 рублей кредитныхъ, или всего до 1.506,792,921 кредитныхъ (по курсу $32^5/_8$ пенсовъ за рубль). Сверхъ этого, на желѣзныхъ дорогахъ лежитъ правительственный залогъ (по уплатамъ за нихъ процентовъ и по ссудамъ) 33.355,656 рублей металлическихъ и 200.800,603 кредитныхъ, или всего до 239,833,392 рублей кредитныхъ [1]). Причисливъ эту сумму къ прежней стоимости дорогъ, весь итогъ равенъ 1.746.626,913. Раздѣливъ эту сумму на число верстъ открытыхъ въ 1875 году дорогъ, выходитъ, что онѣ потребовали по сіе время расхода до 100,000 рублей на версту.

Между тѣмъ сборъ съ дорогъ былъ на версту:

	Валовой.	Чистый доходъ.
въ 1866 г.	8,220	2,772
„ 1867 „	9,104	3,589
„ 1868 „	9,774	4,355
„ 1869 „	9,693	4,436
„ 1870 „	8,841	3,591
„ 1871 „	8,371	3,045
„ 1872 „	7,721	2,778
„ 1873 „	7,890	3,318

[1]) Всѣ эти суммы, кажется, еще недостаточно провѣрены, такъ какъ министерство финансовъ считало въ долгу на обществахъ желѣзныхъ дорогъ къ 1874 г. 191,801,583 руб. кредитныхъ и 338.329,247 рублей металлическихъ.

Изъ этого видно, что чистый доходъ съ русскихъ желѣзныхъ дорогъ составляетъ въ сложности отъ 3% до 4% [1]) и что увеличенія этого дохода не обнаруживается.

Одна изъ причинъ малодоходности желѣзныхъ дорогъ въ сложности заключается въ быстромъ ихъ расширеніи, новыя же линія только постепенно крѣпнутъ и притягиваютъ къ себѣ грузъ и пассажировъ. Опытъ доказываетъ, что движеніе по всѣмъ линіямъ нашимъ усиливается, и безъ сомнѣнія еще болѣе разовьется съ усиленіемъ подвижного ихъ состава, но по сіе время расходы управленія въ Россіи несравненно выше, чѣмъ на заграничныхъ дорогахъ, и за исключеніемъ нѣкоторыхъ дорогъ, находящихся въ особенно благопріятныхъ условіяхъ и доставляющихъ потому значительные доходы, остальныя на долго еще должны будутъ довольствоваться весьма умѣренными прибылями, а многія даже подаютъ мало надежды на уплату процентовъ лежащихъ на нихъ долговъ.

Въ 1873 г. шесть обществъ изъ пользующихся гарантіею правительства: московско-рязанское, курско-кіевское, рязанско-козловское, воронежско-козловское, воронежско-ростовское и московско-ярославское вовсе не требовали уплаты по дарованной имъ гарантіи, а изъ прочихъ обществъ отпущено по дарованной имъ гарантіи: 1) двумъ менѣе 50%, 2) пяти отъ 50 до 75%, 3) тремъ менѣе 100%, а 4) семи полныхъ 100%.

По государственной росписи на 1875 годъ назначено платежей по внѣшнимъ займамъ, заключеннымъ на сооруженіе Николаевской желѣзной дороги, 3.550,000 рублей. Сверхъ того, на уплату процентовъ и на погашеніе по консолидированнымъ желѣзно-дорожнымъ займамъ и по облигаціямъ Николаевской желѣзной дороги 29.276,611 р.; на пособіе разнымъ обществамъ желѣзныхъ дорогъ 11.163,195 руб., итого до 44 мил. руб. Доходовъ же ожидается: 1) отъ казенныхъ дорогъ 2.878,917 руб. и 2) отъ частныхъ на платежи по облигаціямъ 20.151,379 рублей. Слѣдовательно, казна должна будетъ переплачивать до 21 милліона рублей.

Но польза, приносимая желѣзными дорогами, не измѣряется исключительно приносимыми ими прямыми доходами, которые и въ другихъ государствахъ представляются вообще крайне умѣренными. Главная польза ихъ заключается во вліяніи ихъ на оживленіе промышленности.

Въ 1873 г. перевезено по желѣзнымъ дорогамъ Россіи: товаровъ 1,200 милліоновъ пудовъ и пассажировъ 22.800,000; между тѣмъ

---

[1]) Если принять въ основаніе разсчеты министерства финансовъ, то доходъ не достигаетъ и 3%.

какъ движенiе по водянымъ путямъ не уменьшилось, такъ какъ по нимъ перевезено грузовъ по сложности 1859—1862 г. 372 миллiона пудовъ, оцѣненныхъ въ 167 миллiоновъ рублей, а въ 1870 г. 402 мил. пудовъ на 182 миллiона рублей.

Принимая въ разсужденiе незавидное положенiе колесныхъ дорогъ въ Россiи и сравнительную съ доставкою по онымъ дешевизну перевозки по желѣзнымъ дорогамъ, легко вообразить громадное сбереженiе для народа, достигаемое сколько на провозной платѣ, столько и отъ сбереженiя времени. Этому обстоятельству по преимуществу слѣдуетъ приписать поразительный приливъ произведенiй всякаго рода, особенно хлѣба, къ портамъ. Мѣста, которымъ прежде по своей отдаленности заграничный рынокъ казался недостигаемымъ, отправляютъ нынѣ туда свои произведенiя. Оттого на мѣстахъ производства послѣдовало значительное повышенiе цѣнъ и соотвѣтственное вздорожанiе земли.

Въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ выгоды строителей желѣзныхъ дорогъ преимущественно разсчитаны на доходность прилегающихъ къ желѣзнымъ путямъ земель. При дарованiи концессiи, правительство уступаетъ строителямъ земли, лежащiя на извѣстномъ пространствѣ, по обѣ стороны предположенной линiи, но не сплошною массою, а на подобiе шахматной доски, въ перемежку съ землями, удерживаемыми за собою казною.

Такимъ образомъ, выгоды правительства тѣсно связываются съ пользою частной компанiи, и отъ возвышенiя цѣнъ на земли, вслѣдствiе проведенiя желѣзной дороги, оба выгадываютъ одинаково. Въ Россiи цѣны на земли быстро поднимаются по всей черноземной полосѣ, и потому можно считать проведенныя тамъ дороги производительными, польза же ведущихъ на сѣверъ путей состоитъ преимущественно въ доставленiи къ балтiйскимъ портамъ произведенiй южныхъ губернiй; мѣстное же ихъ значенiе весьма ограничено и промышленнаго оживленiя въ прилегающихъ къ нимъ мѣстностяхъ незамѣтно. Съ этой двойной точки зрѣнiя, мѣстной и обще-торговой, слѣдовало бы разсматривать всякое желѣзнодорожное предпрiятiе, и тогда, между прочимъ, никто не поколеблется въ рѣшенiи вопроса: полезнѣе ли провести линiю, имѣющую связать Россiю съ Сибирью черезъ Костромскую или Казанскую губернiю. Значительное приращенiе внѣшней торговли съ 1863 по 1874 г., а именно по отпуску съ 149 на 364, и по привозу съ 144 на 442 миллiона рублей, должно быть преимущественно приписано влiянiю желѣзныхъ дорогъ, тѣмъ болѣе, что въ способахъ обработки земли, доставляющей почти исключительно произведенiя, назначенныя для внѣшняго рынка, произошло чрезвычайно мало улучшенiя, между тѣмъ приращенiе от-

пуска послѣдовало почти по всѣмъ статьямъ землепашества. Такъ, напримѣръ, вывезено по сложности 1862—1864 г. и 1871—1873 г. хлѣбныхъ продуктовъ на 7.834,047 и 38.198,381 рубль въ годъ. Свекловичнаго сахара добыто въ періодъ 1864 — 1865 г. 3.333,000 пуд., а въ 1872—1873 г. 6.304,171 пудъ. Табачныхъ бандеролей выбрано въ 1864 г. на 3.683,000 руб., а въ 1872 г. на 7.462,856 руб. Какъ бо́льшая часть обработываемаго въ туземныхъ фабрикахъ табаку русскаго происхожденія, то это уже доказываетъ улучшеніе туземнаго производства. Отпускъ произведеній скотоводства уменьшается потому, что при возрастающей дороговизнѣ земли прежній дикій способъ содержанія скота уже оказывается неудовлетворительнымъ, а до болѣе раціональнаго содержанія животныхъ еще не дозрѣли.

Насколько именно сооруженіе желѣзныхъ дорогъ содѣйствовало успѣхамъ механическаго дѣла въ Россіи, безъ котораго развитіе издѣльной промышленности въ наше время немыслимо, видно изъ того, что изъ 167 частныхъ машиностроительныхъ заводовъ, нынѣ въ Россіи существующихъ, $^3/_4$ занимаются постройкою и ремонтомъ желѣзнодорожныхъ принадлежностей. Число рабочихъ на этихъ заводахъ 41,832. Степень развитія механическаго производства усматривается также изъ того, что въ 1865 г. на петербургскихъ заводахъ строилось машинъ на 8.400,000, а въ 1874 г. на 18.400,000 рублей.

Сверхъ отечественной механической производительности увеличивается съ каждымъ годомъ и число привозныхъ машинъ.

Таковыхъ именно изъ-за-границы привезено:

въ 1865	году	11.025,188	штукъ.
„ 1866	„	16.740,000	„
„ 1867	„	26.441,000	„
„ 1868	„	32.492,000	„
„ 1872	„	40.000,000	„
„ 1873	„	2.059,947	пудовъ на

18.148,083 рубля, и машинъ, необложенныхъ пошлиною, на 7.342,431 рубль. Свѣдѣнія, собираемыя о состояніи фабрикъ и заводовъ, недовольно положительны, чтобы на нихъ основывать какіе-либо выводы, вѣрнѣйшимъ же мѣриломъ можетъ служить возрастающее ежегодно количество матеріаловъ, привозимыхъ для надобностей русскихъ фабрикъ. Такъ, хлопчатой бумаги привезено по европейской границѣ, по сложности 1856—1859 г., 2.386,450 пудовъ, а 1871—1873 г. 3.600,682 пуда. Сверхъ того, получается нынѣ вѣроятно вчетверо болѣе бумаги сырца изъ Азіи, чѣмъ до американской междоусобной войны, а именно до 500,000 пудовъ.

Цѣнность привезенныхъ по европейской границѣ красокъ, масла

деревяннаго, шерсти, бумаги пряденой, химическихъ матеріаловъ, шелка, поднялась постепенно съ 21 милліона, въ 1863 г., до 76 мил., въ 1873 г. Вмѣстѣ съ тѣмъ таможенный сборъ въ послѣднія 10-ть лѣтъ выросъ на 80%. На нижегородской ярмаркѣ, въ прежнее время, кяхтинскій чай и уральское желѣзо составляли главную статью привоза, нынѣ они отступили на задній планъ, и первое мѣсто занимаютъ разныя ткани русскаго издѣлія, коихъ продано на ярмаркахъ въ 1864 г. на 26 милліоновъ, въ 1867 г. на 31 милліонъ, въ 1872 г. на 53 милліона и въ 1874 году на 65 милліоновъ рублей. Тѣхъ же родовъ иностранныхъ европейскихъ издѣлій продано на ярмаркахъ въ тѣ же годы: на 4.077,250, 3.483,000, 1.362,000, 1.385,000 рублей. Въ Россію же этихъ послѣднихъ товаровъ привезено и оплачено пошлиною въ 1864 г. на 9.885,680; въ 1867 г. на 18.699,929; въ 1872 г. на 33.744,986, а въ 1873 г. на 30.734,024 рубля.

Это доказываетъ, что, несмотря на возрастающій привозъ иностранныхъ тканей, они стали менѣе проникать въ восточную половину Россіи, преимущественно снабжающуюся товарами на нижегородской ярмаркѣ. На ярмаркѣ этой всего продано товаровъ въ 1864 г. на 92 милліона, въ 1867 г. на 104 милліона, въ 1872 г. на 154 милліона, и въ 1874 г. на 164 милліона рублей. Цѣнность русскихъ ткацкихъ издѣлій составила изъ этихъ суммъ 28, 32, 34 и 40%.

Признакомъ бо́льшаго оживленія внутренней торговли служитъ и увеличивающійся выборъ свидѣтельствъ на право торговли, а именно: въ 1864 г. на 8.375,812, а въ 1875, по ожиданіямъ государственной росписи, на 15.337,571 рубль.

Равнымъ образомъ поступило:

	Въ 1866 году.	По росписи на 1875 г.
Пошлинъ гербовыхъ. . .	5.761,532	9.292,000.
Крѣпостныхъ	2.956,706	8.592,000.

Послѣдняя цифра въ особенности доказываетъ, что переходы недвижимой собственности чрезвычайно участились.

Вообще, по всѣмъ статьямъ государственнаго дохода видно изумительное приращеніе, а именно: въ 1857 г., по государственной росписи ожидалось доходовъ 216 милліоновъ, въ 1863 г.—332 милліона, а по смѣтѣ на 1875 г. 551 милліонъ рублей.

Сообразно увеличившимся денежнымъ оборотамъ, выросъ и народный капиталъ.

При преобразованіи, въ 1859 г., государственныхъ кредитныхъ установленій, оказалось у нихъ частныхъ процентныхъ вкладовъ 690 милліоновъ рублей.

Въ то время частныхъ банковъ вовсе не существовало, а процентныхъ бумагъ обращалось очень мало, такъ что сумма эта приблизительно представляла весь свободный народный капиталъ. Къ 1-му января 1874 г. оказалось процентныхъ вкладовъ въ акціонерныхъ банкахъ 275 милліоновъ; въ обществахъ взаимнаго кредита 70 милліоновъ, въ городскихъ банкахъ 91 милліонъ, наконецъ, въ государственномъ банкѣ съ его конторами 199 милліоновъ, всего въ кредитныхъ установленіяхъ 635 милліоновъ, т. е. немногимъ менѣе, чѣмъ въ бывшихъ государственныхъ установленіяхъ. По вкладамъ этимъ въ сложности, вѣроятно, уплачивается около 4%.

Сверхъ этого, однако въ рукахъ русскихъ капиталистовъ находится нынѣ огромное количество процентныхъ бумагъ, какъ правительственныхъ, такъ и частныхъ обществъ, а именно [1]): 1) 2% билетовъ прежнихъ кредитныхъ установленій (16.886,761); 2) 5% банковыхъ билетовъ 3-хъ выпусковъ (334.682,250); 3) выкупныхъ свидѣтельствъ 5 и 5½% (283.073,592); 4) 4% непрерывно-доходныхъ (153.866,845); 5) 4% металлическихъ (51.354,000); 6) 5% билетовъ съ выигрышами (193.000,000); 7) билетовъ государственнаго казначейства (216.000,000); итого 1.248 милліоновъ рублей.

Изъ числа бумагъ, по которымъ проценты уплачиваются звонкою монетою, весьма немногія обращаются въ Россіи, потому что при общей невыгодности внѣшняго баланса онѣ вывозятся постоянно за границу. Изъ сего исключаются только 4% банковые (металлическіе) билеты, которые, будучи употребляемы въ казенные платежи, цѣнятся выше въ Россіи, чѣмъ за границею. Изъ акцій и облигацій желѣзнодорожныхъ обществъ, тѣ, по которымъ проценты уплачиваются звонкою монетою, также въ небольшомъ только числѣ обращаются въ Россіи, но ихъ все-таки здѣсь болѣе, чѣмъ государственныхъ фондовъ, неотмѣчаемыхъ даже на биржевыхъ прейсъ-курантахъ.

Къ 1-му января 1874 г. было выпущено:

	Металлическихъ	На кредитные рубли.
Обществъ желѣзныхъ дорогъ акцій. .	343.174,581.	120.147,180.
облигацій. .	834.225,074.	8.855,000.
	1177.399,655.	129.002,180.

Эти послѣднія бумаги всѣ находятся въ рукахъ русскихъ капиталистовъ.

Закладныхъ листовъ разныхъ поземельныхъ банковъ: а) акціонерныхъ выпущено понынѣ на 108,166,000, и б) херсонскаго взаим-

[1]) Бумаги царства польскаго и остзейскихъ губерній въ перечень этотъ не входятъ, потому что онѣ обращаются только на мѣстныхъ рынкахъ.

наго кредита на 39.902,000. Закладные листы общества поземельнаго кредита на 84.700,000 рублей, какъ выпущенные на металлическіе рубли, обращаются преимущественно за границею, а закладные листы земельныхъ банковъ остзейскихъ на 50,906,000 и польскихъ на 90.310,000, не выходятъ изъ рукъ мѣстныхъ капиталистовъ.

Городскія кредитныя общества: петербургское, московское и одесское, выпустили уже закладныхъ листовъ на 165.437,000 рублей.

Такимъ образомъ, на долю русскихъ рынковъ приходится закладныхъ листовъ разнаго рода на 313,805,000 рублей.

Наконецъ, по свѣдѣніямъ, собраннымъ въ министерствѣ финансовъ, основной капиталъ нынѣ дѣйствующихъ въ Россіи акціонерныхъ обществъ, за исключеніемъ желѣзно-дорожныхъ, составлялъ къ 1-му января 1874 г. 447.156,200 рублей кредитныхъ и 43.150,000 металлическихъ.

Слѣдовательно, по нарицательной ихъ цѣнѣ, процентныхъ бумагъ обращается въ Россіи на 2,000 милліоновъ, а какъ бо́льшая часть этой суммы составилась изъ сбереженій послѣднихъ 15-ти лѣтъ, то сбереженія эти должны превышать 100 милліоновъ руб. въ годъ.

Сумму эту нельзя не считать довольно умѣренною для 80-ти-милліоннаго населенія, сравнительно съ западною Европою, такъ какъ во Франціи, Великобританіи, Бельгіи, Германіи, Голландіи и Швейцаріи съ населеніемъ въ 115 милліоновъ народа, по сложности 1871, 1872, 1873 годовъ выпущено въ годъ займовъ на 13 мильярдовъ франковъ или по 113 франковъ на душу. Изъ $10^{9}/_{10}$ мильярдовъ, выпущенныхъ въ 1873 г., занято разными правительствами: 4.389,634,035; кредитными установленіями 1.747.291,700, и на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ 4.821.195,590 франковъ.

Изъ послѣднихъ двухъ итоговъ упадаютъ на счетъ Россіи 168 и 426 милліоновъ.

1873 годъ отличается тѣмъ отъ 1871 года, что большая часть займовъ заключена съ производительною цѣлью, тогда какъ въ 1871 г. $^{4}/_{5}$ занятыхъ капиталовъ получили назначеніе чисто фискальное.

Сильнѣйшимъ пособіемъ для составленія капиталовъ въ Россіи служила мобилизація недвижимой собственности, которая до освобожденія крестьянъ оставалась почти мертвымъ капиталомъ.

При закрытіи, въ 1859 г., государственныхъ кредитныхъ установленій лежало на имѣніяхъ, населенныхъ и ненаселенныхъ, долга 427 милліоновъ, а на городскихъ строеніяхъ 25 милліоновъ долга. Изъ этой суммы числилось еще къ 1-му января 1874 года на заемщикахъ 99 милліоновъ, а за погашеніемъ остальныхъ 328 милліоновъ выкупными платежами выданы прежнимъ помѣщикамъ выкуп-

ныя свидѣтельства и 5% банковые билеты на сумму свыше 350 милліоновъ рублей. Сверхъ этого, закладныхъ листовъ земельныхъ банковъ выпущено на 332 милліона, слѣдовательно, землевладѣльцамъ выдано новыхъ ссудъ на 682 милліона нарицательнаго капитала. Ссуды подъ городскія строенія съ 25 милліоновъ поднялись на 165 милліоновъ рублей. Несмотря на такой громадный наплывъ бумагъ, спросъ на новыя ссуды нескончаемъ, и акціонерные земельные банки, чтобы не окончательно уронить свои закладные листы, вынуждены были ограничить свои выпуски суммою 30 милліоновъ въ годъ.

Для расширенія рынка русскимъ закладнымъ листамъ явился на помощь центральный банкъ, выпускающій, подъ обезпеченіе ихъ, облигаціи металлическія, помѣщаемыя за границею.

Такихъ облигацій понынѣ выпущено на 24.152,500 рублей.

Какъ земельные и городскіе банки увеличили подвижность недвижимыхъ имуществъ, такъ торговые банки разнаго рода облегчили обращеніе процентныхъ бумагъ и всякихъ движимостей.

Государственнымъ банкомъ выдано въ 1873 г. ссудъ подъ залогъ государственныхъ бумагъ, акцій и облигацій 46 милліоновъ рублей; частными же банками—369 милліоновъ рублей.

Векселей учтено было государственнымъ банкомъ и его конторами въ 1860 г., т.-е. въ первый годъ его существованія, когда частныхъ банковъ вовсе не было, на 72 милліона рублей, въ 1873 г. на 151 милліонъ рублей (сюда включены и купоны), а частными банками на 460 милліоновъ рублей. Приращеніе весьма значительное; но, принимая въ разсужденіе, что въ германской имперіи въ томъ же 1873 году выдано векселей на 5,000 милліоновъ талеровъ, что въ томъ же году въ одной лондонской учетной палатѣ (Clearing-house) покончено счетовъ на 5.973,568,000 фунтовъ стерлинговъ,—наши цифры покажутся совершенно ничтожными, тѣмъ болѣе, что большая часть векселей не имѣетъ въ Россіи свойства, которое они имѣютъ въ чужихъ странахъ. Тамъ векселя преимущественно переводные. Простые векселя по французскому закону даже таковыми не признаются. Переводный вексель состоитъ въ ассигновкѣ, данной однимъ лицомъ на имя другого, потому въ основаніи оной необходимо лежитъ соглашеніе между двумя лицами, и притомъ соглашеніе, обыкновенно основанное на торговыхъ разсчетахъ. По переводному векселю, какъ скоро онъ принятъ, т.-е. осуществится, отвѣчаютъ два лица по меньшей мѣрѣ. Въ Россіи 9/10 всѣхъ векселей суть простыя одноличныя обязательства векселедателей, которыя никакого опредѣленнаго характера не имѣютъ; притомъ, векселя за границею выдаются обыкновенно на весьма непродолжительные сроки, въ Россіи же даже на годы. Оттого учетъ векселей, который считается въ западной Европѣ

операціею самою вѣрною, принадлежитъ въ Россіи къ крайне рискованнымъ, и полагаютъ, что если бы частные наши банки не разсрочивали платежей по учитаемымъ ими векселямъ, то оказалось бы взысканіе по многимъ безнадежнымъ.

Необезпеченностью въ возвратѣ ссудъ и въ выручкѣ сдѣланныхъ затратъ слѣдуетъ объяснить высоту промышленнаго процента въ сравненіи съ тѣмъ, которымъ довольствуются въ Россіи при прочномъ помѣщеніи капиталовъ, но и этотъ процентъ постоянно выше чѣмъ въ западной Европѣ, потому что спросъ на капиталы далеко превышаетъ ихъ предложеніе; недостатокъ же капиталовъ для долгосрочныхъ предпріятій не имѣетъ ничего общаго съ предложеніемъ денегъ на кратковременное помѣщеніе. Сихъ послѣднихъ можетъ быть избытокъ отъ случайнаго наплыва, или отъ остановки въ торговлѣ, безъ того чтобы это отражалось на состояніи капиталовъ.

Изъ указаній, сдѣланныхъ въ предыдущемъ изложеніи, на успѣхи Россіи на поприщѣ промышленнаго развитія, нельзя не убѣдиться, что занятые ею за границею, для сооруженія желѣзныхъ дорогъ, для ссудъ подъ залогъ земель и на другія надобности, капиталы принесли немалую пользу. Но долгъ платежемъ красенъ. По сіе время внѣшніе долги наши только растутъ, а новыхъ источниковъ для уплаты ихъ не отыскивается; старые долги уплачиваются новыми, и сумма ихъ постоянно увеличивается. Единственный же способъ уплаты внѣшняго долга заключается въ перевѣсѣ отпуска надъ привозомъ, а его нѣтъ, и при настоящихъ обстоятельствахъ едва ли онъ предвидится въ близкомъ будущемъ.

Ссылка на то, что привозъ уменьшится при остановкѣ дальнѣйшей постройки желѣзныхъ дорогъ, не довольно успокоительна. Дѣйствительно, съ 1869 по 1874 годъ привезено рельсовъ 65.464,769 пудовъ на 69.600,000 руб., и локомотивовъ и вагоновъ на 95.170,000 рублей, всего на сумму 33 милліона рублей въ годъ. Но постройка дорогъ далеко еще не кончена. Между тѣмъ нынѣ уже снимается ежегодно съ желѣзныхъ нашихъ дорогъ, въ годъ, до 15 милліоновъ пудовъ негодныхъ рельсовъ, т.-е. вѣсомъ не менѣе, чѣмъ производятъ желѣза всѣ русскіе желѣзные заводы. Подобное соперничество способно подавить отечественную заводскую промышленность.

Причины невыгоднаго торговаго баланса суть троякія, а именно: 1) свойство предметовъ, изъ Россіи отпускаемыхъ и туда привозимыхъ; 2) нѣкоторыя особенности народнаго быта, и 3) бумажно-денежное обращеніе.

Изъ Россіи отпускаются въ западную Европу исключительно сырыя произведенія. Стоимость ихъ находится въ прямой зависимости отъ плодородія и цѣнности земли. Плата же за трудъ, къ нимъ

прилагаемый, составляетъ частицу гораздо менѣе значительную, чѣмъ во всякомъ обработанномъ товарѣ.

Между тѣмъ отъ увеличивающагося населенія свободной земли становится менѣе, она быстро дорожаетъ, и черезъ вывозъ за границу произведеній земли въ сыромъ видѣ Россія лишается даже средствъ удобренія земли, т.-е. возвращенія почвѣ тѣхъ питательныхъ частей, которыя въ зернѣ, въ скотинѣ, уходятъ за границу. Настоящее увеличеніе отпуска хлѣба объясняется, какъ выше сказано, преимущественно тѣмъ, что многимъ закоулкамъ обширной Россіи, недоступнымъ дотолѣ по недостатку путей, открытъ нынѣ сбытъ. Это можетъ продолжаться еще нѣкоторое время, но этимъ не измѣнится законъ природы, ставящей въ крайне тѣсныя рамки производительность странъ, черпающихъ все изъ земли и дающихъ мало простора труду. Земля представляетъ элементъ неподвижности, трудъ растяжимъ до безконечности, и потому при общемъ вздорожаніи въ нашъ вѣкъ всѣхъ предметовъ дороговизна слабо отзывается на издѣліяхъ мануфактурныхъ, но даетъ себя чрезмѣрно чувствовать въ отношеніи къ сырымъ произведеніямъ. Это обстоятельство не можетъ не затруднять сбыта туземныхъ произведеній, тѣмъ болѣе, что Россія не въ силахъ состязаться съ странами, менѣе ея населенными и болѣе облагодѣтельствованными природою. Такимъ образомъ, по мѣрѣ увеличенія населенія въ Россіи, долженъ уменьшаться вывозъ произведеній ея земли.

Произведеній скотоводства было отпущено:

	въ 1864 г.		въ 1873 г.	
Скота штукъ	161,307	на 1.821,472	806,251	на 10.667,554
Волосъ и гривы пудовъ	42,392	287,411	51,346	415,595
Кожъ пудовъ	180,358	1.344,052	349,183	3.782,017
„ штукъ	37,420			
Кости пудовъ	439,976	337,011	1.157,375	852,212
Роговъ и копытъ	17,766	13,855	11,922	27,808
Сала	2.066,543	9.017,245	784,922	3.897,213
Шерсти	1.414,597	19.470,739	924,337	9.253,528
Щетины	96,372	3.308,582	120,529	2,688,111
Масла коровьяго	131,657	1.153,785	112,925	1.030,096
		36.464,152		32.614,134

Слѣдовательно, въ теченіи послѣднихъ лѣтъ, несмотря на чрезвычайное возрастаніе цѣнъ на всѣ произведенія скотоводства, отпущено ихъ въ 1873 г. на 4 милліона руб. менѣе, чѣмъ въ 1864 г., и приращеніе видно только по статьямъ живого скота и кости, т.-е. предметамъ самыхъ первобытныхъ видовъ производства.

Въ сущности, приращеніе отпуска въ теченіи этихъ 10 лѣтъ об-

наруживается единственно въ произведеніяхъ земли: хлѣбѣ—съ 54 на 164 милліона рублей; льнѣ—съ 18 на 47 милліоновъ, сѣмени льняного—съ 18 на 27 милліоновъ и лѣсномъ товарѣ—съ $7^1/_2$ на 29 милліоновъ. Эти четыре статьи доставили до 170 милліоновъ рублей приращенія, чѣмъ и объясняется увеличеніе всей суммы отпуска съ 164 на 345 милліоновъ рублей. Вызванное лѣсною торговлею безпримѣрное истребленіе лѣсовъ не можетъ быть продолжительно и будетъ имѣть самое пагубное вліяніе на хозяйственный бытъ всего русскаго населенія.

Цѣнность отправляемыхъ за европейскую границу обработанныхъ товаровъ составила въ 1864 г. 2%, а въ 1873 г. только $1^1/_4$% всей суммы отпуска, а по азіатской границѣ, въ эти годы, вывезено разныхъ издѣлій на $3^1/_2$ милліона рублей въ годъ. Для 1873 года сумма эта оказалась бы значительнѣе, если бы не была упразднена оренбургская таможенная линія, почему о количествѣ товаровъ, черезъ оную отпущенныхъ, свѣдѣній не имѣется. Напротивъ, цѣнность привезенныхъ по европейской границѣ обработанныхъ товаровъ поднялась, съ 1864 по 1874 годъ, съ 21 милліона на 111 милліоновъ рублей, т.-е. впятеро; сырыхъ и полу-обработанныхъ предметовъ, подлежащихъ еще обработкѣ въ Россіи, съ 68 на 200 милліоновъ, т.-е. втрое; а жизненныхъ разныхъ припасовъ, какъ-то: колоніальныхъ товаровъ, фруктовъ, напитковъ и т. д., съ 48 на 95 милліоновъ, т.-е. вдвое. Слѣдовательно, наибольшее приращеніе по привозу обнаруживается въ окончательно обработанныхъ, а по отпуску въ самыхъ сырыхъ товарахъ—положеніе самое безотрадное и экономически невыгодное. По климатическимъ условіямъ, Россія всегда должна будетъ заимствовать бо́льшую часть потребныхъ ей предметовъ изъ странъ южнѣйшихъ, возрастаніе же привоза предметовъ роскоши и прихоти въ размѣрахъ, далеко превышающихъ процентъ приращенія населенія, ясно доказываетъ избытокъ платежныхъ средствъ. Но не есть ли этотъ избытокъ мнимый въ настоящемъ и весьма сомнительный въ будущемъ?

Пусть иностранные капиталисты откажутъ въ новыхъ ссудахъ; тогда останется только прибѣгнуть къ размѣнному фонду кредитныхъ билетовъ для уплаты внѣшнихъ долговъ государства, а по истощеніи онаго 800 милліоновъ кредитныхъ билетовъ, представители всего достоянія Россіи, разлетятся въ прахъ. Мнимое наше богатство, поэтому, имѣетъ основаніе довольно шаткое, а выдти изъ этого опаснаго положенія можно только склоненіемъ торговаго баланса въ пользу Россіи, т.-е. сокращеніемъ привоза и усиленіемъ отпуска товаровъ. Путь, по которому Россія нынѣ слѣдуетъ, едва ли ведетъ къ этой цѣли.

Въ торговлѣ, какъ и во всѣхъ другихъ явленіяхъ, все само собою стремится къ равновѣсію. Во внѣшнемъ балансѣ Россіи равновѣсіе это доступно. Отпускъ изъ Россіи составляется изъ купеческихъ товаровъ и долговыхъ обязательствъ, а взамѣнъ этихъ цѣнностей привозятся товары иноземные, и расходуются за границею суммы, необходимыя на уплату процентовъ по прежнимъ займамъ и на разныя другія надобности.

Еслибы при такомъ положеніи Россія вдругъ отказалась отъ покупки какого-либо иностраннаго товара, составляющаго нынѣ важную статью привоза, напримѣръ, отъ бумаги хлопчатой, коей въ 1873 г. привезено на 37 милліоновъ рублей, то равновѣсіе въ торговомъ балансѣ было бы нарушено и иностранцы должны бы были пріискать иной предметъ для замѣна бумаги.

Въ государствахъ, гдѣ обращается звонкая монета, предметомъ этимъ могли бы быть золото или серебро; даже въ Россію, въ теченіи послѣднихъ 7 лѣтъ, привезено такого нѣкоторое количество, поступившее въ кладовыя государственнаго банка, но при избыткѣ бумажныхъ денегъ нѣтъ мѣста звонкой монетѣ, а потому всякое усиленіе отпуска непремѣнно должно вести или къ соотвѣтственному привозу иностранныхъ товаровъ, или къ расходованію русскихъ денегъ за границею иными способами.

Значитъ, бумажныя деньги, при нынѣшнихъ условіяхъ, ведутъ къ расточительности, и чѣмъ ихъ будетъ болѣе, тѣмъ болѣе поднимется цѣна на всѣ товары, что̀ поощряетъ привозъ иностранныхъ и сокращаетъ отпускъ туземныхъ произведеній.

Изъ этого видно, что, признавъ необходимымъ дать перевѣсъ отпуску надъ привозомъ и убѣдившись въ томъ, что вызываемый чрезъ это привозъ звонкой монеты возможенъ лишь въ томъ случаѣ, если ей будетъ очищено мѣсто въ народномъ обращеніи, остается только сократить по возможности количество кредитныхъ билетовъ, тогда представится возможность дать отпуску перевѣсъ надъ привозомъ и накопляющаяся вслѣдствіе сего въ народѣ звонкая монета, русская или иностранная, послужитъ для уплаты внѣшнихъ долговъ, не прибѣгая къ новымъ займамъ; при этихъ условіяхъ и долгосрочныя обязательства Россіи постепенно перейдутъ въ руки русскихъ капиталистовъ.

Сокращеніе количества кредитныхъ билетовъ можетъ быть достигнуто двумя способами: выкупомъ или пониженіемъ цѣны билетовъ. При благопріятномъ внѣшнемъ балансѣ, каковъ нынѣ, благодаря заграничнымъ займамъ, балансъ Россіи, послѣднее средство недѣйствительно потому, что цѣнность бумажныхъ денегъ зависитъ отъ состоянія вексельнаго курса, установленнаго внѣшнимъ балансомъ. Что

касается выкупа, то способы его подробно изложены въ весьма дѣльной статьѣ г. Кауфмана, появившейся въ мартовской книжкѣ „Вѣстника Европы“, „О реформѣ кредитной денежной системы въ Россіи“. Авторъ предлагаетъ выкупить половину нашихъ кредитныхъ билетовъ и передать соотвѣтственную имъ сумму государственному банку для производства ссудъ подъ коммерческія цѣнности. Нельзя не надѣяться, что расходы, которые потребуетъ эта операція, окупятся пользою, которую она принесетъ государству, тѣмъ болѣе, что, по нашему глубокому убѣжденію, этимъ только способомъ можетъ быть оберегаемъ кредитъ Россіи на будущее время.

Предлагаемый г. Кауфманомъ выпускъ кредитныхъ денежныхъ знаковъ, не иначе какъ подъ обезпеченіе совершенно благонадежныхъ залоговъ, служилъ бы надежнымъ противодѣйствіемъ излишнимъ выпускамъ, но международный курсъ подобныхъ банковыхъ билетовъ можетъ быть обезпечиваемъ только свободнымъ ихъ обмѣномъ на звонкую монету, а на возможное его установленіе не надѣется и г. Кауфманъ.

Въ противность его мнѣнію, мы полагаемъ, что чѣмъ болѣе шатки основанія настоящаго внѣшняго баланса Россіи, тѣмъ болѣе должна стремиться она къ замѣнѣ бумажныхъ денежныхъ знаковъ звонкою монетою, которая служила бы постояннымъ регуляторомъ истиннаго положенія торговаго баланса, подобно тому, какъ это бываетъ нынѣ, напримѣръ, въ Англіи, гдѣ размѣръ учетнаго процента государственнаго банка указываетъ всему міру на положеніе англійскаго денежнаго рынка, тѣсно связаннаго съ внѣшнимъ балансомъ Великобританіи. Потери, сопряженныя съ частными колебаніями учетнаго процента, дѣйствительно бываютъ весьма значительны, и во избѣжаніе ихъ гораздо удобнѣе жить за ширмою бумажныхъ денегъ, поддерживаемыхъ мѣрами правительства и потому неподверженныхъ вліяніямъ внѣшнимъ; но несознаніе болѣзни даетъ ей укореняться и удаляетъ ея излеченіе до времени, когда и помочь будетъ поздно; постоянное, напротивъ, битье по карманамъ есть единственное средство, чтобы цѣлый народъ держать на-сторожѣ. Мы совершенно согласны съ г. Кауфманомъ въ томъ, что немыслимо занимать деньги за границею для замѣна кредитныхъ билетовъ звонкою монетою. Но монета явится, какъ скоро для нея будетъ очищено мѣсто въ народномъ обращеніи. Стремиться къ этой цѣли необходимо, а потому всякія мѣры, способныя склонить торгово-товарный балансъ въ пользу Россіи, оправдывались бы вполнѣ, хотя бы для того нужно было прибѣгнуть къ возвышенію пошлинъ на нѣкоторые иностранные товары, ради поощренія отечественной производительности.

До какой степени трудно склонить народъ, плававшій нѣкоторое

время въ раздольѣ бумажныхъ денегъ, воротиться къ монетному обращенію, всего нагляднѣе показываютъ Сѣверо-Американскіе Штаты.

При концѣ войны между южными и сѣверными Штатами, въ 1866 г., было въ обращеніи, въ этихъ послѣднихъ, государственныхъ бумажныхъ денегъ на 399 милліоновъ долларовъ, а вмѣстѣ съ билетами разныхъ банковъ было выпущено денежныхъ знаковъ на 800 милліоновъ долларовъ, лажъ на нихъ доходилъ до 40%. По окончаніи войны правительство Соединенныхъ Штатовъ распорядилось такъ, что въ его распоряженіи оставались ежегодно большія суммы для погашенія своего долга, и на первый разъ сумма бумажныхъ денегъ была уменьшена выкупомъ таковыхъ до 356 милліоновъ. Но потомъ партія поборниковъ бумажекъ получила въ конгрессѣ такой перевѣсъ, что не только выкупъ билетовъ былъ остановленъ, но новыми выпусками количество бумажекъ увеличено до 382 милліоновъ, между тѣмъ въ средствахъ къ выкупу недостатка не было. Правительство употребило на погашеніе, вмѣсто безпроцентныхъ, процентныхъ своихъ бумагъ на 375 милліоновъ долларовъ, чѣмъ оно сберегло ежегодныхъ платежей до 25 милліоновъ долларовъ. Употребивъ свои сбереженія на выкупъ бумажныхъ денегъ, они были бы уже окончательно погашены.

Этотъ образъ дѣйствія правительства Соединенныхъ Штатовъ объясняется, главнѣйше, огромнымъ вліяніемъ на членовъ парламента со стороны спекулянтовъ всякаго рода, выигрывающихъ отъ колебанія курса. Въ 1869 г., они продѣлками своими уронили биржевую цѣну бумажекъ даже до 65% ихъ нарицательной цѣны. Нынѣ лажъ держится на 12%. Потери въ народномъ хозяйствѣ отъ безпримѣрнаго возвышенія цѣнъ на всѣ предметы огромны, но по сіе время президентъ Грантъ тщетно борется противъ партіи защитниковъ бумажныхъ денегъ.

Развитію производительности въ Россіи могли бы содѣйствовать также нѣкоторыя иныя мѣры, независимо отъ возвышенія таможенныхъ пошлинъ. Между ними занимало бы важное мѣсто нѣкоторое измѣненіе въ распредѣленіи населенія.

Заселеніе Россіи совершилось въ смыслѣ противоположномъ общимъ экономическимъ законамъ. Чѣмъ болѣе человѣкъ находится въ зависимости отъ неуклонныхъ законовъ природы, тѣмъ болѣе долженъ бы онъ селиться въ странахъ наиболѣе богатыхъ дарами этой природы. Славяне же скучились въ лѣсахъ сѣвера Россіи, гдѣ вся жизнь представляется нескончаемою борьбою съ препятствіями, противопоставляемыми суровымъ климатомъ и тощею почвою.

Поселенцевъ сначала кормила охота, но когда они перешли къ земледѣлію и почувствовали всю тяжесть условій сѣверной природы,

то искали себѣ подпоры въ промыслахъ мѣстныхъ и отхожихъ. Такъ естественно образовался кустарный промыселъ, т.-е. рукодѣлія поселянъ въ свободное отъ полевыхъ занятій время. Но произведенія кустарниковъ, нѣкогда доставлявшія имъ безбѣдное пропитаніе, не могутъ уже нынѣ состязаться съ издѣліями болѣе усовершенствованныхъ промысловъ, и заработки становятся все скуднѣе и трудъ тяжелымъ до изнуренія. Такимъ образомъ, кустарниковъ ожидаетъ та же участь, которая постигла, напримѣръ, ткачей въ Бельгіи и Германіи; они бѣдствовали, и наконецъ исчезли. Но съ прекращеніемъ зимняго промысла крестьянъ немыслимо и продолженіе на сѣверѣ хлѣбопашества, которое неспособно кормить земледѣльца, а потому бо́льшая часть жителей сѣверныхъ губерній должна будетъ перенестись въ полуденныя части имперіи, и переселенію этому слѣдовало бы всячески содѣйствовать, дабы рабочая сила не истощалась тщетно и безъ пользы для народнаго богатства.

Но такое передвиженіе населенія едва ли обрекло бы сѣверъ на вѣчное время на безлюдство. Всѣмъ извѣстно, что при неблагопріятныхъ климатическихъ и почвенныхъ условіяхъ земледѣліе и скотоводство способны окупаться только при помощи науки и капитала. Они одни даютъ земледѣльцу возможность, до нѣкоторой степени, побороть невыгодныя условія, въ которыя его ставитъ природа. Потому весьма вѣроятно, что люди, окрѣпшіе и развившіеся на лонѣ щедрой природы южныхъ губерній, со временемъ вновь поднимутся на сѣверъ, куда ихъ будетъ манить изобиліе пустопорожней земли. Такъ было съ остзейскими губерніями, единственными изъ сѣверныхъ нашихъ областей, гдѣ процвѣтаетъ земледѣліе. Къ нимъ нѣмцы съ запада перенесли свои познанія, свой вѣковой трудъ, и нынѣ прибалтійскія страны сами служатъ разсадникомъ, откуда сельско-хозяйственныя знанія и излишекъ рабочихъ силъ изливаются на сосѣднія губерніи. Опустѣніе сѣвера имѣло бы ту несомнѣнную выгоду, что оно дало бы ему вновь покрыться лѣсами, нынѣ безпощадно истребляемыми. Укажемъ еще на тѣ вредныя послѣдствія, которыя разгулъ и распущенность народа должны имѣть для производительности Россіи. Однимъ изъ многочисленныхъ поводовъ къ этому служитъ бо́льшое число праздничныхъ дней. По показанію, напримѣръ, съѣзда московскихъ фабрикантовъ, на тамошнихъ фабрикахъ считается 240 рабочихъ дней; въ западной же Европѣ не менѣе 300. Потеря 60 дней или 20% всѣхъ заработковъ огромна, и достаточна была бы для объясненія сравнительной дороговизны русскихъ произведеній. Опытъ однакожъ доказалъ, что отъ воли самихъ фабрикантовъ зависитъ сократить у себя число празднич-

ныхъ дней. Такъ, на нѣкоторыхъ фабрикахъ въ С.-Петербургѣ, по правиламъ ими установленнымъ на 1875 г., будетъ допущено только $19^1/_2$ дней праздничныхъ сверхъ воскресныхъ, почему рабочихъ дней ожидается $293^1/_2$. Примѣръ этотъ достоинъ подражанія; но недостаточно придерживаться этого правила на фабрикахъ, оно должно быть распространено на всякія заведенія, промышленныя и учебныя.

Отъ трудовъ коммиссіи, занимающейся нынѣ составленіемъ условій для найма рабочихъ, должно ожидать существенной пользы, и если удастся охранить Россію и впредь отъ волненій въ рабочемъ классѣ, столь вредно дѣйствующихъ на производительность западной Европы, то она будетъ имѣть чувствительное надъ Западомъ преимущество, способное вознаградить ее за недочетъ по разнымъ другимъ статьямъ.

Ю. Г.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е іюня, 1875.

Всеподданнѣйшій докладъ министра народнаго просвѣщенія о пересмотрѣ университетскаго устава.—Обзоръ шестилѣтія почтоваго управленія.—Почтовое вѣдомство и почтовое дѣло.—Отчетъ рижской городской гимназіи. — Нѣмецкія училища въ Петербургѣ.—Петербургскіе нѣмцы.—Полицейскія правила.—Особый видъ общественной „самодѣятельности".—Съѣздъ машиностроителей.

Весь истекшій мѣсяцъ наше общество было занято толками по поводу всеподданнѣйшаго доклада г. министра народнаго просвѣщенія, признавшаго необходимымъ подвергнуть пересмотру университетскій уставъ, дѣйствующій уже болѣе десяти лѣтъ, съ нѣкоторыми, впрочемъ, перемѣнами и отступленіями отъ его первоначальной редакціи. Намъ, конечно, не могутъ быть извѣстны мотивы, убѣдившіе въ необходимости такого пересмотра, но во всякомъ случаѣ мы считаемъ преувеличеннымъ пессимизмъ, къ которому часто склонялись тѣ вышеупомянутые общественные толки. Источникъ такого пессимизма намъ, впрочемъ, понятенъ. Въ обществѣ сопоставили нѣкоторыя изъ словъ, сказанныхъ г. Георгіевскимъ, членомъ совѣта министерства народнаго просвѣщенія, въ его надгробной рѣчи, по случаю смерти одного изъ редакторовъ „Московскихъ Вѣдомостей", и извѣстныя статьи г. Любимова, печатанныя въ „Русскомъ Вѣстникѣ" подъ заглавіемъ „Университетскій вопросъ". Г. Георгіевскій публично заявилъ, что уставъ классическихъ гимназій былъ дѣломъ, главнымъ образомъ, умершаго Леонтьева. Послѣ этого, публика легко могла напасть на мысль, что изъ „Русскаго Вѣстника" должна выдти реформа университетовъ, какъ по заявленію г. Георгіевскаго, уставъ классическихъ гимназій будто бы обязанъ своею окончательною редакціею одному изъ редакторовъ „Московскихъ Вѣдомостей". Конечно, въ словахъ г. Георгіевскаго много преувеличенія и риторики; назвалъ же другой ораторъ покойнаго „матерью", забывъ даже при

этомъ, что онъ рискуетъ вовсе уже не кстати напомнить извѣстный панегирикъ:

Славься симъ, Максимъ Петровичъ,
Славься, нѣжная къ намъ мать!

Публика, нѣтъ сомнѣнія, могла бы сама сообразить, что нельзя основываться въ своихъ сужденіяхъ на ораторскихъ пріемахъ; но „Московскія Вѣдомости“ поспѣшили поддержать въ обществѣ эту неосновательную иллюзію относительно предполагаемой роли г. Любимова въ настоящемъ университетскомъ вопросѣ. Въ одномъ изъ майскихъ нумеровъ, эта почтенная газета посвящаетъ цѣлую передовую статью ожидаемой университетской реформѣ; по принятымъ ею привычкамъ, она сначала даетъ знать, что ей-де очень хорошо извѣстно, въ чемъ дѣло и въ какомъ смыслѣ будетъ проведена реформа; отлагая на этотъ разъ обычный ей консерватизмъ въ сторону, она выступаетъ яростнымъ радикаломъ и требуетъ полной ломки устава 1863 года, хотя въ то же время не забываетъ старыхъ привычекъ и мимоходомъ замѣчаетъ, что въ пользу сохраненія устава ратуютъ вмѣстѣ съ петербургскими газетами и „женевскіе эмигранты наши“. Однимъ словомъ, эта передовая статья даетъ чувствовать, что ей извѣстны-де намѣренія правительства, и тутъ же резюмируетъ изъ „Русскаго Вѣстника“ пресловутое твореніе г. Любимова: „согласно уставу 1863 года—гласятъ „Московскія Вѣдомости“—центръ тяжести всего университетскаго управленія полагается въ многолюдномъ (?) собраніи, именуемомъ (какая иронія!!) совѣтомъ, и долженствующемъ, какъ выражались нѣкоторые при обсужденіи этого устава, быть мыслью и волею университета, совмѣщать въ себѣ всѣ отправленія университетской жизни такъ, чтобы лѣтопись совѣтскихъ собраній была по преимуществу исторіей университета, чтобы университетъ былъ не на каѳедрахъ и въ кабинетахъ, а на креслахъ, вокругъ стола совѣтскихъ засѣданій“. Идеи г. Любимова извѣстны нашимъ читателямъ („В. Е.“ 1874, май): онъ предпочитаетъ перенести „центръ тяжести“ въ департаменты и различныя канцеляріи; передовая статья, глумясь надъ дѣятельностью университетскихъ совѣтовъ, „вокругъ стола совѣтскихъ засѣданій“, не объясняетъ намъ однако, чѣмъ лучше будетъ дѣятельность вокругъ департаментскихъ столовъ, а также совершенно упускаетъ изъ виду то обстоятельство, что еще до настоящаго пересмотра устава 1863 года изъ его механизма были вынуты весьма важныя составныя части. Во всякомъ случаѣ, мы находимъ притязанія редакціи „Московскихъ Вѣдомостей“ выдавать себя не только за авторовъ руководящихъ статей, но и руководителей, крайне неумѣстными и возбуждающими напрасно тревожные

общественные толки. Для успокоенія ихъ мы можемъ привести доводы, болѣе основательные, нежели тѣ, внушенные самомнѣніемъ фантазіи московскихъ публицистовъ. По Высочайшему повелѣнію предсѣдателемъ коммиссіи назначено лицо, весьма хорошо извѣстное по своему прежнему положенію въ министерствѣ народнаго просвѣщенія и притомъ дѣятельно участвовавшее въ составленіи университетскаго устава 1863 года. Это—бывшій попечитель с.-петербургскаго округа И. Д. Деляновъ. Ему лучше другихъ можетъ быть извѣстно, что печальныя университетскія исторіи 1861 года происходили отъ того ненормальнаго и вполнѣ зависимаго положенія совѣта отъ департаментовъ и канцелярій, въ какое онъ былъ поставленъ уставомъ 1835 года, отъ котораго, впрочемъ, къ 1861 году не осталось почти ни одного параграфа: одни были отмѣнены, а другіе замѣнены министерскими и попечительскими распоряженіями. Назначеніе во главѣ коммиссіи лица, оставившаго по себѣ добрую память въ своемъ университетѣ за прежнюю вполнѣ просвѣщенную дѣятельность, ручается намъ, что если при пересмотрѣ и окажутся какіе-либо недостатки въ уставѣ 1863 года, то средствомъ къ ихъ исправленію не будетъ признано возвращеніе къ недостаткамъ устава 1835 года и къ тѣмъ порядкамъ, когда „центръ тяжести“ университета лежалъ даже и не въ департаментѣ народнаго просвѣщенія, а просто въ попечительской канцеляріи—идеалу „Московскихъ Вѣдомостей“. Мы увѣрены, что новая коммиссія обратитъ, между прочимъ, вниманіе и на то, не было ли причиною нѣкоторыхъ неблагопріятныхъ явленій въ университетской жизни нашихъ дней именно то обстоятельство, что многіе изъ существенныхъ параграфовъ университетскаго устава 1863 г. были отмѣнены, и не нужно ли возстановить ихъ въ прежней силѣ. Такое опытное лицо, какъ И. Д. Деляновъ, конечно, не остановится предъ упомянутымъ пріемомъ московскихъ публицистовъ, заявившихъ впередъ, что защищать университетскій уставъ 1863 года, значитъ быть въ союзѣ съ „женевскими эмигрантами“. Если женевскіе эмигранты начнутъ увѣрять г. Каткова, что у него два глаза, то неужели онъ выколетъ себѣ глазъ на зло имъ! Не будетъ, конечно, забыто и то, чтò вызвало пресловутыя статьи г. Любимова: все дѣло пошло изъ-за того, что совѣтъ московскаго университета забаллотировалъ, при избраніи на новое пятилѣтіе, одно весьма почтенное лицо, посвящавшее все свое время на занятіе въ редакціи „Московскихъ Вѣдомостей“ и потому читавшее лекціи изрѣдка, въ минуты досуга. Ну, какъ же допускать самостоятельность совѣтовъ, которые обращаютъ вниманіе на подобные пустяки и не оцѣниваютъ государственной важности—писанія въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“?! Delenda sunt!!

Мы всегда встрѣчаемъ съ сочувствіемъ отчеты административныхъ вѣдомствъ, знакомящіе общество съ направленіемъ ихъ дѣятельности. Къ сожалѣнію, далеко не всѣ главныя части государственнаго управленія печатаютъ свои ежегодные отчеты, не всѣ даже и составляютъ ихъ своевременно. Передъ нами теперь обзоръ, выходящій изъ круга годичныхъ отчетовъ, обзоръ дѣятельности почтоваго управленія за шесть лѣтъ, истекшихъ со времени назначенія нынѣшняго главнаго его начальника, именно за 1868—1875 годы. Постановка почтоваго дѣла у насъ еще далека отъ совершенства,—съ этимъ согласится всякій. Но если сравнить нынѣшнее положеніе его съ существовавшимъ всего 6 лѣтъ назадъ и отчасти уже забытымъ, то нельзя не сказать, что въ этотъ краткій періодъ достигнуты весьма значительные результаты. Преобразованіе коснулось почти всѣхъ основныхъ условій дѣла, и сравненіе цифръ показываетъ, что рядомъ съ преобразованіемъ шло быстрое развитіе самаго дѣла, стало быть, реформы здѣсь состояли не въ перемѣнѣ названій, какъ то иногда бываетъ, но въ улучшеніи дѣла. И, дѣйствительно, въ обзорѣ этихъ шести лѣтъ управленія почтовымъ вѣдомствомъ, читателя, всегда наклоннаго къ нѣкоторому скептицизму въ дѣлѣ реформъ бюрократическихъ, пріятно поражаетъ то, что онъ не встрѣчаетъ новой разбивки управленія на отдѣльныя части, переименованія департаментовъ въ управленія, коммиссій въ комитеты, съ дробленіемъ будто бы для спеціализаціи, а въ сущности для усложненія центральнаго рычага, который, какъ извѣстно, и служитъ всегда главнымъ образомъ для поднятія грудъ бумажныхъ, между тѣмъ, какъ все настоящее дѣло дѣлается подчиненными, мѣстными органами, заслоняемыми департаментскимъ величіемъ, плохо оплачиваемыми, рѣдко награждаемыми. Преобразованія, произведенныя почтовымъ начальствомъ, имѣли совсѣмъ иной характеръ. При чтеніи обзора, васъ прежде всего подкупаетъ и располагаетъ къ довѣрію тотъ простой, повидимому, но въ сущности не совсѣмъ простой у насъ фактъ, что никакой перетасовки не произошло, что почтовый департаментъ какъ былъ, такъ и остался почтовымъ департаментомъ, а почтамты почтамтами, но вся заботливость обращена была на то, чтобы составъ центральнаго управленія сократить, а составъ мѣстныхъ почтовыхъ учрежденій усилить, уменьшить централизацію и дать лучшее содержаніе служащимъ, особенно въ мѣстныхъ учрежденіяхъ. Такимъ образомъ, личный составъ центральнаго почтоваго управленія былъ сокращенъ болѣе чѣмъ на половину противъ 1868 года (вмѣсто 248, служившихъ въ 1874 г. было 116), а въ мѣстныхъ почтовыхъ учрежденіяхъ личный составъ былъ усиленъ болѣе чѣмъ на треть (вмѣсто 9,059 служащихъ и служителей — 12,714).

Съ сокращеніемъ числа служащихъ въ департаментѣ, вознагражденіе имъ изъ остатковъ увеличилось почти на половину противъ прежняго, а въ мѣстныхъ учрежденіяхъ, при усиленіи состава на треть, расходъ на штатное содержаніе увеличился почти вдвое, а вознагражденіе изъ остатковъ мѣстнымъ чиновникамъ теперь производится въ 16 разъ болѣе прежняго.

Почтовое вѣдомство, въ давніе годы, было особымъ, замкнутымъ въ себѣ міромъ въ Россіи, гдѣ, впрочемъ, вмѣщалось не мало подобныхъ міровъ. Оно было не только отдѣльнымъ вѣдомствомъ, но почти особымъ сословіемъ, въ значительной степени наслѣдственнымъ. Служившіе въ немъ не доводили своихъ сыновей до окончанія школьной премудрости, предпочитая подъ непосредственнымъ своимъ руководствомъ сажать ихъ прямо канцеляристами за денежное дѣло, такъ какъ имъ была извѣстна плодовитость рубля, который, переходя изъ рукъ въ руки, хотя бы и въ сохранности, на пути своемъ неизбѣжно давалъ бытіе копѣйкамъ. Постоянный приливъ посторонняго элемента въ этотъ сословный, скромный, но благополучный въ своей безвѣстности міръ, представлялся только—странно сказать—съ полей битвъ. Существовало обязательное опредѣленіе въ почтовое вѣдомство штабъ- и оберъ-офицеровъ, состоявшихъ подъ покровительствомъ комитета о раненыхъ и унтеръ-офицеровъ, отказавшихся отъ производства въ офицеры. Первыхъ назначали въ помощники почтмейстеровъ, и такимъ образомъ отставные воины находили послѣ грома сраженій такое убѣжище въ скромномъ и небезвыгодномъ почтовомъ мірѣ, — что́ было согласно и съ исторической основою нашей жизни—„кормленіемъ“. Унтеръ-офицеровъ же, въ старину, всячески поощряли къ тому, чтобы отказывались отъ офицерскаго чина, ими выслуженнаго по сроку; политика въ одно время, какъ извѣстно, опасалась чрезмѣрнаго размноженіи бѣднаго, но благороднаго сословія, хотя все, что́ дѣлалось въ то же время, прямо и неизбѣжно вело именно къ огромному наростанію этого сословія. Поступая въ должности станціонныхъ смотрителей, заслуженные унтеръ-офицеры тѣмъ съ ме́ньшимъ сожалѣніемъ могли отказываться отъ перваго чина, что на этихъ мѣстахъ они пользовались заурядъ извѣстною прерогативой 14-го класса... Хотя такимъ образомъ они дѣлались все-таки нѣчто въ родѣ „благородныхъ“, но это, очевидно, была уже не noblesse d'épée, а только noblesse de robe.

О томъ, могли ли соединенныя условія наслѣдственности, неученья и кормленія производить составъ служащихъ, вполнѣ грамотныхъ, способныхъ, знакомыхъ съ требованіями высшаго управленія и склонныхъ къ облегченію сношеній съ почтою публики, особенно же того громаднаго большинства ея, которое „публикою“ обыкно-

венно не величается, — можетъ догадаться и тотъ, кто старыхъ порядковъ на почтѣ не видалъ. А кто видѣлъ ихъ, тотъ еще помнитъ грозную команду экспедиторовъ въ почтамтахъ и энергическую ихъ диктатуру надъ бѣдными „сѣрыми“ отправителями, въ страхѣ несшими свои кусочки сургуча. Этотъ особенный, почтамтскій міръ на вершинѣ своей замыкался департаментомъ и главнымъ начальникомъ. Міру внѣшнему, обществу, онъ былъ извѣстенъ, какъ весьма богатое вѣдомство, и петербургскій большой свѣтъ, издавна посѣщая почтамтскую церковь, весьма красивую и снабженную хорошимъ хоромъ пѣвчихъ, и картинную галерею одного изъ прежнихъ главныхъ начальниковъ почтамта, выносилъ именно изъ такого знакомства съ почтовымъ вѣдомствомъ представленіе о чемъ-то весьма богатомъ, и съ нѣкоторымъ умиленіемъ передавалъ слухи, что должность главнаго начальника почтамта вознаграждается лучше всякой министерской должности.

Многое въ этой картинѣ измѣнилось еще до вступленія въ дѣятельность нынѣшняго почтоваго начальства. Самое упраздненіе должности главноначальствующаго надъ почтовымъ департаментомъ, или отдѣльнаго министра для почтъ и телеграфовъ, должно было значительно сократить расходъ на центральное почтовое управленіе. Но существовала еще крайняя несоразмѣрность этого расхода съ расходомъ на мѣстное управленіе; для примѣра достаточно привесть фактъ, что суммы ежегодныхъ остатковъ распредѣлялись такимъ образомъ, что на долю одного департамента приходилось изъ нихъ 61%, а на всѣ остальныя почтовыя учрежденія оставалось всего 39%. Нынѣшнее начальство, вмѣсто этого отношенія, установило совсѣмъ иное: 13% для департамента и 87% для мѣстныхъ почтовыхъ учрежденій. Вообще же, матеріальное положеніе служащихъ въ мѣстныхъ учрежденіяхъ усилено было новыми штатами. Чтобы имѣть болѣе способныхъ служащихъ, отмѣнено было обязательное опредѣленіе въ почтовое вѣдомство офицеровъ, состоящихъ подъ покровительствомъ комитета о раненыхъ и унтеръ-офицеровъ, отказавшихся отъ офицерскаго чина, а для опредѣленія къ должностямъ управляющихъ почтовой частью въ губерніяхъ, уѣздныхъ почтмейстеровъ и ихъ помощниковъ установлено испытаніе въ знаніи предстоящихъ имъ обязанностей и спеціальнаго почтоваго дѣлопроизводства. Уменьшена централизація вообще, сокращена переписка почтоваго департамента, и кругъ власти губернскаго почтоваго начальства расширенъ. Директоръ почтоваго департамента предпринималъ семь поѣздокъ по европейской и азіатской Россіи и царству польскому „для ближайшаго ознакомленія съ составомъ служащихъ и преподанія на мѣстѣ надлежащихъ указаній по отправленію почтоваго дѣла“, какъ

сказано въ отчетѣ. Но такъ какъ знакомство съ настоящими условіями дѣла не могло быть пріобрѣтено изъ одной переписки, то нельзя не допустить, что одною изъ существеннѣйшихъ пользъ такихъ поѣздокъ директора было именно практическое ознакомленіе его самого съ дорогами, устройствомъ станцій, средствами перевозки, однимъ словомъ, съ реальными условіями почтоваго дѣла. Мы узнаемъ изъ отчета еще объ одномъ послѣдствіи этихъ поѣздокъ и сопряженныхъ съ ними ревизій: „составленныя подробныя отмѣтки *и аттестаты* о всѣхъ служащихъ, находившихся во время ревизій на лицо, служатъ и впредь могутъ служить основаніемъ и руководствомъ при повышеніи упомянутыхъ въ этихъ отмѣткахъ чиновниковъ, при назначеніи имъ наградъ и другихъ поощреній, и вообще для оцѣнки ихъ способностей и служебной дѣятельности". Вообще естественно, что начальникъ дѣлалъ во время поѣздокъ замѣтки для памяти, но въ какой мѣрѣ было признано удобнымъ обращать ихъ изъ частныхъ замѣтокъ въ аттестаты — этого мы не знаемъ. Аттестаты обыкновенно основываются на всей совокупности службы чиновника, а не на одномъ свиданіи съ нимъ и по необходимости бѣглымъ ознакомленіи съ его дѣятельностью въ минуту обзора. Личное впечатлѣніе при поѣздкахъ, на которыхъ начальнику приходилось обревизовать 1274 почтовыхъ учрежденія и оцѣнить способности 5000 чиновниковъ, едва ли можетъ служить прочнымъ основаніемъ для сужденія о людяхъ въ теченіи всей ихъ послѣдующей службы. Легко могло случиться, что въ моментъ подобнаго рѣшенія ихъ судьбы на все будущее время, способный и добросовѣстный, но неповоротливый чиновникъ произвелъ менѣе благопріятное впечатлѣніе, чѣмъ рѣчистый и ловкій служащій, умѣвшій показать „товаръ лицомъ".

Но какъ бы то ни было, важна уже та польза, какую главный начальникъ долженъ былъ извлечь изъ личнаго ознакомленія съ условіями дѣла, и эта польза становится очевидною изъ весьма многихъ улучшеній, введенныхъ имъ въ почтовое дѣло. Такъ, прежде городскія почты существовали только въ 4-хъ городахъ во всей Россіи, а теперь онѣ существуютъ въ 47-ми городахъ; вообще почтовыхъ мѣстъ въ 1868 году было 2,321, а въ 1874 г. уже 3,200, и хотя доселѣ, по громадности имперіи и разбросанности ея населенія, оказывается еще невозможнымъ распространить почтовыя сношенія на всѣ населенія, однако уже много сдѣлано для развитія государственной почты и въ помощь ей начинаютъ возникать почты земскія, которымъ предоставлено имѣть свои почтовыя марки; такія земскія почты въ настоящее время существуютъ уже въ 72-хъ уѣздахъ. Устройство правильнаго почтоваго сообщенія съ туркестан-

скимъ краемъ и въ восточной Сибири по теченію Амура и Уссури было создано въ теченіи послѣднихъ лѣтъ, а внутри имперіи прекращена была приплата станціямъ за лошадей, въ дѣйствительности не содержавшихся; сдѣлано распоряженіе о снятіи излишнихъ лошадей и о закрытіи такихъ почтовыхъ станцій, въ которыхъ, за проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, миновала надобность—что̀ и имѣло послѣдствіемъ сбереженіе для казны до полмилліона рублей въ годъ. Затѣмъ, новое почтовое начальство приняло во вниманіе, что вообще „производимая за содержаніе почтовыхъ лошадей ежегодная приплата въ нѣсколько милліоновъ рублей есть прямое послѣдствіе слишкомъ низкой прогонной таксы за почты и проѣзжающихъ, перевозимыхъ поэтому, вопреки здравому смыслу, на счетъ податного сословія, которое, къ тому же, почтовыми лошадьми вовсе не пользуется“, приступило къ возвышенію прогонной таксы: въ европейской Россіи съ $1^1/_2$—$2^1/_2$ коп. (по нормальнымъ кондиціямъ) и 3 коп. (для вольныхъ почтъ) до 3 коп. для первыхъ и 4 для послѣднихъ, какъ съ проѣзжающихъ, такъ и съ почтъ. Нынѣ, системѣ вольныхъ почтъ отдается полное предпочтеніе и предполагается дальнѣйшее возвышеніе прогонной таксы, до совершеннаго прекращенія приплаты изъ казны. Но такъ какъ вольныя почты вводились до сихъ поръ съ успѣхомъ только на бойкихъ трактахъ, то въ ожиданіи ихъ повсемѣстнаго распространенія отмѣнены были разныя постановленія нормальныхъ кондицій, которыя препятствовали выгоднѣйшей отдачѣ станцій въ содержаніе и въ томъ числѣ — отмѣнены были подорожныя. Результатомъ этихъ мѣръ уже и въ короткое время оказалось уменьшеніе приплаты на $1^1/_2$ милл. р. Общее развитіе почтовыхъ сообщеній съ 1868 по 1875 г. выражается пространствомъ, то-есть числомъ верстъ, которыя проходятся почтами въ теченіи года: въ 1868 году пространство это изображалось цифрою 29.441,664 версты, а къ 1875 году—цифрою 45.567,972 версты.

Упомянемъ въ краткомъ перечнѣ важнѣйшія улучшенія, введенныя въ послѣдніе годы въ порядокъ пересылки и условія пріема почтовой корреспонденціи. Составлены указатели порядка пересылки корреспонденціи между всѣми почтовыми мѣстами, чѣмъ устранилось прежнее направленіе корреспонденціи непремѣнно на губернскій городъ той губерніи, куда предназначалось письмо, нерѣдко съ далекимъ обходомъ и, стало быть, промедленіемъ; введены открытыя письма, отмѣненъ досмотръ посылокъ при выдачѣ; вмѣсто страховыхъ писемъ, въ которыхъ безразлично отправлялись прежде и простое письменное сообщеніе, и процентныя бумаги на всякую сумму, съ отвѣтственностью почтамта за утрату ихъ всего 13-ю рублями— введены цѣнные пакеты, въ которые процентныя бумаги могутъ быть

вкладываемы по описи, обезпечивающей ихъ неприкосновенность и—заказныя письма; понижена почти до половины страховая такса за денежныя и другія цѣнныя отправленія, допущена пересылка печатныхъ произведеній и образчиковъ товаровъ подъ дешевымъ бандеролемъ. Въ числѣ измѣненій, которыхъ мы не можемъ отнесть къ улучшеніямъ, назовемъ установленіе новой таксы за пересылку повременныхъ изданій, таксу, которая въ высшемъ размѣрѣ доходитъ до 16% цѣны изданія.

Развитіе внутренней корреспонденціи въ послѣдніе годы представляется общими цифрами писемъ и посылокъ за 1868 и 1874 годы: въ 1868 г. было переслано 75.569,100 штукъ, а въ 1874-мъ—105.419,104 штуки. Не менѣе важные результаты достигнуты и по преобразованію почтовыхъ сношеній Россіи съ другими государствами. Прежде по иностранной корреспонденціи наше почтовое управленіе было только пріемщикомъ; почтовыя сношенія Россіи съ государствами Запада регулировались исключительно прусскимъ почтамтомъ, который и служилъ для Россіи полноправнымъ распорядителемъ ея международной корреспонденціи: онъ назначалъ таксы, установлялъ правила, велъ разсчеты и разбиралъ жалобы. Зависѣло это отъ того, что иностранная корреспонденція изъ Россіи въ другія государства отправлялась въ Пруссію поштучно, а стало-быть разбиралась, сортировалась и направлялась въ Пруссіи, такъ что на русскихъ отправителяхъ должны были отражаться не только ошибки русскаго почтамта, но еще и ошибки почтамта прусскаго. Чтобы измѣнить этотъ порядокъ, освободить себя отъ такой зависимости и уменьшить шансы „засылки" писемъ, необходимо было пересылать иностранную корреспонденцію изъ Россіи чрезъ Пруссію въ закрытыхъ постпакетахъ, обмѣниваемыхъ непосредственно съ почтовыми вѣдомствами тѣхъ странъ, куда они бы назначались. Это и было сдѣлано, и съ этой цѣлью заключены были почтовыя конвенція съ Даніею, Нидерландами, Бельгіею, Франціею, Швейцаріею и Италіею, за которыми послѣдовало и заключеніе дополнительныхъ почтовыхъ договоровъ съ Германіею и Австро-Венгріею. Заключеніе всѣхъ этихъ международныхъ соглашеній было послѣдствіемъ заграничной поѣздки, предпринятой директоромъ почтоваго департамента въ 1872 году; изъ нихъ пока не введены еще въ дѣйствіе только конвенціи съ Нидерландами и Швейцаріею. Сверхъ прочихъ удобствъ, связанныхъ съ такимъ полнымъ преобразованіемъ нашихъ международныхъ почтовыхъ сношеній, оно имѣло послѣдствіемъ значительное удешевленіе иностранной корреспонденціи. Такъ, напр., письмо изъ Петербурга въ Парижъ прежде стоило 28 копѣекъ, и могло замедлиться или затеряться въ Германіи; теперь же оно стóитъ 13

копѣекъ и задѣлывается въ Петербургѣ въ постпакетъ, который вскрывается на третьи сутки въ Парижѣ. Иностранная и внутренняя корреспонденціи еще удешевятся съ 19-го іюня (1-го іюля) текущаго года, когда войдетъ въ силу бернскій международный почтовый договоръ; въ силу его, вѣсовой сборъ за корреспонденцію понизится до 8 коп. за лотъ или 15 граммовъ, а вмѣстѣ съ нимъ отмѣнится 3-хъ и 2-хъ копѣечный сборъ за доставку и выдачу корреспонденціи и повѣстокъ.

Отъ отчета административнаго перейдемъ къ отчету учебному— отчету рижской городской гимназіи за 1874 годъ. Эта реальная гимназія не совсѣмъ устояла передъ совершившимися въ учебномъ вѣдомствѣ измѣненіями; она превратилась въ гимназію полу-реальную, полуклассическую, основанную на системѣ такъ-называемой бифуркаціи, то-есть съ общею для обоихъ научныхъ направленій прогимназіею и съ спеціальными для каждаго изъ нихъ тремя высшими классами. Преобразованіе это совершилось еще такъ недавно (около года тому назадъ), что никакихъ сравнительныхъ результатовъ представлено быть не можетъ, и въ отчетѣ не можетъ быть данныхъ для сужденія о томъ, которому изъ двухъ элементовъ суждено взять верхъ въ преобразованномъ училищѣ. Но отчетъ его представляетъ другой интересъ. По особенности своего положенія, рижская городская гимназія могла сохранить за своими учебными планами нѣкоторую самобытность. Какъ училище, совмѣщающее два научныхъ направленія, и къ тому же училище нѣмецкое, рижская гимназія не могла цѣликомъ усвоить себѣ росписей учебныхъ часовъ, какъ онѣ введены въ русскихъ классическихъ гимназіяхъ и реальныхъ школахъ. По распредѣленію времени на преподаваніе, она болѣе подходитъ къ существующимъ въ Петербургѣ нѣмецкимъ церковнымъ школамъ, которыя также имѣютъ классическое и реальное отдѣленія и которыя сравнены въ правахъ съ гимназіями и реальными училищами. Но и распредѣленіе учебнаго времени, и самый планъ преподаванія въ рижской городской гимназіи въ нѣкоторыхъ существенныхъ чертахъ расходятся съ принятыми въ здѣшнихъ нѣмецкихъ школахъ и, какъ намъ кажется, расходятся къ выгодѣ рижской гимназіи. На различіе въ планѣ преподаванія между рижскою городскою гимназіею и русскими гимназіями было бы безполезно указывать; всякое заявленіе въ этомъ смыслѣ было бы безплодно. Поэтому, мы ограничимся нѣкоторыми сравненіями между рижской городской гимназіей и петербургскими нѣмецкими училищами, которыя пользуются нѣкоторою автономіею и могутъ, до нѣкоторой степени, принимать въ соображеніе не одни предписанія, но и живой примѣръ.

Бросимъ взглядъ на распредѣленіе уроковъ по предметамъ въ рижской городской гимназіи. Въ четырехъ низшихъ классахъ, образующихъ прогимназію, наибольшее число уроковъ въ недѣлю предоставлено тремъ предметамъ: латинскому языку, русскому языку и математикѣ; усиленное преподаваніе перваго и третьяго изъ названныхъ предметовъ въ низшихъ классахъ необходимо потому, что прогимназія подготовляетъ одновременно и будущихъ классиковъ, и будущихъ реалистовъ; усиленное преподаваніе русскаго языка должно объяснить справедливымъ убѣжденіемъ составителя плана, что нѣмцамъ, которые будутъ служить и дѣйствовать въ Россіи, необходимо еще въ дѣтскомъ возрастѣ усвоить себѣ полное владѣніе русскимъ языкомъ. Обученіе греческому языку начинается съ кварты (соотвѣтствующей и нашему четвертому классу), но преподается онъ только тѣмъ ученикамъ, которые готовятъ себя въ классическое отдѣленіе слѣдующаго класа (терціи—нашего V класса), и притомъ въ замѣну одинаковаго числа уроковъ по французскому языку. За то въ слѣдующемъ же классѣ (классическаго отдѣленія) число уроковъ по греческому языку удвоивается, и въ этомъ классѣ (терціи) онъ становится главнымъ предметомъ, уступая затѣмъ въ секундѣ и примѣ (VI и VII классы) первое мѣсто опять латинскому языку. Какъ то оказывается неизбѣжнымъ для нынѣшнихъ условій поступленія въ университетъ, главными предметами классовъ классическаго отдѣленія являются древніе языки. Ученики классическаго отдѣленія выходятъ изъ гимназіи, посвятивъ въ теченіи 7-ми лѣтъ болѣе, чѣмъ по одному уроку въ день изученію латинскаго языка (отъ 6 до 9 уроковъ въ недѣлю; только въ одномъ классѣ 5), въ теченіи 4-хъ лѣтъ около одного урока языку греческому (отъ 4 до 8 уроковъ въ недѣлю, въ четырехъ высшихъ классахъ). Реалисты, которые въ низшихъ, общихъ классахъ имѣли вмѣстѣ съ классиками почти ежедневный, въ теченіи 4-хъ лѣтъ урокъ латинскаго языка, освобождаются отъ него въ трехъ спеціальныхъ классахъ своего отдѣленія: за то въ этихъ классахъ имъ преподается ежедневно математика, которую они уже и въ низшихъ классахъ слушали вмѣстѣ съ классиками отъ 4 до 6 разъ въ недѣлю.

Вотъ то, что касается спеціализаціи. Высшій классъ классическаго отдѣленія прима—въ рижской городской гимназіи еще не открытъ, и потому мы не видимъ изъ отчета, будутъ ли въ немъ объясняться философскія сочиненія Платона. Но еслибы этого и не оказалось, бѣда была бы не велика. Въ преподаваніи языковъ вообще важно болѣе всего твердое усвоеніе ихъ формъ, и лучше умѣть бѣгло переводить Цезаря и Ксенофонта, чѣмъ спотыкаться въ равной степени и на Цезарѣ съ Ксенофонтомъ, и на Платонѣ съ Титомъ-Ли-

віемъ. Изученіе языковъ имѣетъ ту особенность, что можно, пожалуй, начинать переводы прямо съ самыхъ трудныхъ писателей. Это будетъ неудобно, но, строго говоря, это возможно. Совсѣмъ иначе обстоитъ преподаваніе наукъ, которыхъ истины вытекаютъ одна изъ другой въ ненарушимой послѣдовательности мышленія, особенно преподаваніе разныхъ частей математики. Ученикъ, нетвердый въ начальной алгебрѣ и геометріи, не можетъ быть только въ равной же степени нетвердымъ въ высшихъ частяхъ математики: онѣ вовсе и безусловно недоступны его пониманію. Ученикъ классическаго отдѣленія и на Титѣ-Ливіѣ можетъ доучиваться спряженіямъ глаголовъ, но ученикъ реальнаго отдѣленія не можетъ понять ни одного слова изъ высшей математики, если онъ нетвердъ въ ея основаніяхъ. Замѣчаніе, которое мы сдѣлали, имѣетъ цѣль: объ успѣхахъ учениковъ высшихъ классическихъ классовъ мы не можемъ съ достовѣрностью судить по одному тому факту, что тамъ читается такой-то авторъ; съ помощью учителя (не говоря уже о печатныхъ переводахъ, которые доступны ученикамъ) можно читать труднѣйшаго писателя при знаніи этимологіи и двухъ-трехъ синтаксическихъ правилъ; но объ успѣхахъ учениковъ высшихъ классовъ реальныхъ мы съ достаточной достовѣрностью можемъ судить на основаніи одного свѣдѣнія: до какой степени тамъ признано возможнымъ преподавать науку. И вотъ, изъ отчета рижской городской гимназіи оказывается, что преподаваніе математики должно быть поставлено тамъ прочно, когда въ реальной примѣ признается возможнымъ преподавать аналитическую геометрію и уравненія высшихъ степеней. Возможность успѣшнаго исполненія такой задачи и достигается, конечно, тѣмъ, что въ этомъ училищѣ и въ высшихъ реальныхъ классахъ нѣтъ подраздѣленій „коммерческаго", „механико-техническаго" и т. д. Наука доводится въ этомъ училищѣ до значительной высоты потому, что преподается только чистая наука, а не примѣненія ея, естественно входящія въ кругъ преподаванія училищъ спеціальныхъ, техническихъ. Мы должны замѣтить, впрочемъ, что, судя по плану преподаванія, реальное отдѣленіе рижской гимназіи особенно сильно именно только по математикѣ; преподаванію физики и химіи, взятыхъ вмѣстѣ, посвящается менѣе уроковъ въ недѣлю, чѣмъ одной математикѣ, и преподаваніе двухъ выше названныхъ предметовъ далеко не доводится до равной высоты, какъ преподаваніе математики; что же касается естественной исторіи, то она въ реальныхъ классахъ совсѣмъ отсутствуетъ, и только въ общихъ классахъ прогимназіи преподается „описаніе природы", которое напоминаетъ подобный же предметъ въ русскихъ школахъ. Указываемая нами неполнота, вѣроятно, за-

виситъ отъ согласованія плана реальнаго преподаванія въ гимназіи съ курсомъ рижскаго политехникума.

Обратимся теперь къ общимъ предметамъ, то-есть къ тѣмъ, которые не относятся къ цѣлямъ специализаціи общаго образованія. Здѣсь упомянемъ прежде всего о русскомъ языкѣ. Мы уже выше замѣтили, что по числу еженедѣльныхъ уроковъ, русскій языкъ является въ рижской городской гимназіи главнымъ предметомъ послѣ древнихъ языковъ и математики; эту степень онъ сохраняетъ въ высшихъ классахъ почти наравнѣ, какъ и въ низшихъ, далеко оставляя за собой число уроковъ по нѣмецкому языку. Нѣмецкому языку во всѣхъ классахъ и обоихъ отдѣленіяхъ, вмѣстѣ взятыхъ, посвящается въ недѣлю 27 уроковъ, русскому же—49; такое явленіе въ училищѣ нѣмецкомъ весьма замѣчательно. Что оно зависѣло отъ личнаго убѣжденія лицъ, стоящихъ во главѣ гимназіи, а не отъ какихъ-либо соображеній обязательнаго свойства, доказывается гораздо меньшимъ развитіемъ преподаванія русскаго языка и въ русскихъ гимназіяхъ, и въ петербургскихъ нѣмецкихъ школахъ. При составленіи устава русскихъ гимназій, какъ извѣстно, было принято такое соображеніе, что „излишнее“ число уроковъ по русскому языку ведетъ только къ пустословію. Что же касается нѣмецкихъ школъ въ Петербургѣ, то въ нихъ относительно-слабое развитіе преподаванія русскаго языка должно быть прямо отнесено къ исключительности нѣмецкаго элемента въ Петербургѣ вообще, исключительности, которую школа въ свою очередь поддерживаетъ.

Здѣсь необходима оговорка о цѣли этихъ замѣчаній. Мы вообще не сторонники какихъ-либо принудительныхъ мѣръ въ сферѣ нравственной. Далека отъ насъ мысль требовать какихъ-либо мѣропріятій для обрусенія нѣмецкихъ училищъ въ Петербургѣ. Такая аргументація, что школы эти сравнены въ правахъ съ гимназіями, а потому правительство имѣло бы право требовать обрусенія ихъ, руководствуясь хотя бы примѣромъ германскаго правительства въ Познани и Эльзасѣ-Лотарингіи, какъ убѣдительна она ни кажется нѣкоторымъ умамъ, никогда не будетъ нашею. Положимъ, право безспорно и примѣръ на лицо. Но для того, чтобы воспользоваться правомъ и послѣдовать примѣру, надо быть увѣреннымъ въ пользѣ и убѣждаться изъ примѣра, что польза эта несомнѣнна—а вотъ этого-то въ настоящемъ случаѣ и не имѣется. Дѣло въ томъ, что знаніе языка еще не служитъ порукою присоединенія къ національности. Ирландскіе рипилеры на чистѣйшемъ англійскомъ языкѣ требовали отмѣны акта о соединеніи. Эльзасецъ Тейтшъ—повидимому нѣмецъ и по имени и по языку, заслужилъ одобреніе отъ самого князя Бисмарка за чистоту и красоту нѣмецкаго языка въ той рѣчи, которою онъ

однакоже протестовалъ противъ присоединенія Эльзаса и Лотарингіи и требовалъ плебисцита съ несомнѣнной цѣлью. Вожди послѣдняго польскаго возстанія, за исключеніемъ одного Лангевича, говорили по-русски гораздо лучше тѣхъ остзейскихъ уроженцевъ, которые участвовали въ ихъ усмиреніи, и это зависѣло отъ того, что поляки издавна учатся въ русскихъ школахъ. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что принудительныя мѣры въ сферѣ нравственной производятъ скорѣе всего результаты, противоположные своей цѣли. Но совсѣмъ иное дѣло было бы, если бы сами согражданe наши, нѣмцы, пожелали, въ своемъ же интересѣ и нисколько не отрекаясь отъ своей національности, отказаться отъ нѣкоторой доли своей исключительности. Мы разумѣемъ здѣсь въ особенности нѣмцевъ петербургскихъ, такъ какъ рѣчь наша идетъ по поводу здѣшнихъ нѣмецкихъ училищъ. Вслѣдствіе историческихъ условій, сопровождавшихъ основаніе и возрастаніе нынѣшней столицы русскаго государства, здѣшняя нѣмецкая колонія, насчитывающая десятки тысячъ членовъ, и составляющая весьма значительную часть всего грамотнаго населенія Петербурга, быть можетъ, цѣлую треть его, представляетъ оригинальное явленіе, едва ли гдѣ-либо существующее. Колонія эта, правда, постоянно пополняется приливомъ нѣмцевъ изъ остзейскаго края и изъ-за границы; но корень ея—чисто мѣстный, наслѣдственный. И вотъ, не одна тысяча людей грамотныхъ, съ весьма значительнымъ процентомъ людей образованныхъ, двумя, тремя поколѣніями живетъ въ Петербургѣ, освоилась съ его жизнью и условіями, такъ что принадлежитъ къ самому коренному петербургскому населенію, разумѣется, утратила всякую реальную связь съ Германіею, но вмѣстѣ не пріобрѣла никакой нравственной связи съ русскимъ народомъ, остается совершенно чуждою его литературѣ и всѣмъ его стремленіямъ. Такимъ образомъ, создался какой-то странный, особенный типъ, котораго нравственныя стремленія не имѣютъ реальной почвы, кромѣ нѣскольких узкихъ церковныхъ интересовъ, а реальная жизнь остается лишенною нравственно-общественныхъ цѣлей. Членъ наслѣдственной нѣмецкой колоніи въ Петербургѣ, коренной петербургскій нѣмецъ, есть безспорно—нѣмецъ; но онъ уже значительно отсталъ отъ германца; міросозерцаніе его чисто-германское, всѣ нравственныя стремленія его—въ Германіи, но онъ самъ и его родители, иногда предки, постоянно жили въ Россіи. Они жили въ Россіи, но чуждались русской мысли. Отсюда произошло, что германскій типъ въ немъ закоснѣлъ, замертвѣлъ, такъ какъ ему нѣтъ общественной почвы для обновленія жизнью. Дубъ наполовину засохшій послѣ пересадки—безспорно дубъ, а не береза. Даже во время безплодной, всеоледенявшей зимы легко было отличить одно

дерево отъ другого, хотя оба они были лишены листьевъ, не могли дышать. Но съ приближеніемъ весны, когда на живой березѣ уже появились почки, а дубъ оставался засохшимъ, различіе между ними обозначилось еще болѣе; что же будетъ, когда настанетъ лѣто, и неужели дубъ откажется цвѣсти вмѣстѣ съ сосѣдними деревьями только потому, что его грѣетъ „не то солнце"?

Оставивъ аллегорію, укажемъ, что для образованныхъ петербургскихъ нѣмцевъ—не говоримъ о единичныхъ исключеніяхъ—русская литература какъ бы не существуетъ и что они почти совершенно равнодушны къ вопросу, какъ живется русской мысли, легко или тяжело, какъ идетъ общественное развитіе той страны, въ которой дѣйствовали ихъ отцы, дѣйствуютъ они сами и готовятъ къ дѣятельности своихъ дѣтей. Образованные петербургскіе нѣмцы, читавшіе Тургенева, Некрасова, гр. Л. Толстого, составляютъ исключеніе. Да и тѣмъ все направленіе русской литературы, начиная съ Гоголя и кончая Островскимъ, кажется какою-то аберраціею, такъ какъ воспитаніе не дало имъ солидарности съ русской жизнью, а стало-быть, и пониманія естественнаго движенія русской мысли. На это нѣкоторые русскіе могутъ возразить намъ—что молъ и Богъ съ ними, съ нѣмцами, и безъ нихъ проживемъ; съ своей стороны, нѣкоторые нѣмцы могутъ сказать — пока наши матеріальные интересы отъ такого нравственнаго разобщенія не страдаютъ, мы спокойно замыкаемся хоть издали въ умственную жизнь Германіи, переносимся, хотя бы и искусственно, въ широкую общественную жизнь великаго народа—нашихъ иноземныхъ родичей. Фактъ разобщенія, неоснованнаго ни на чемъ, не на какой-либо враждѣ, остается тѣмъ не менѣе фактомъ прискорбнымъ, и приведенныя возраженія сами по себѣ далеко не убѣдительны. Если мы сообразимъ, какое вліяніе на ходъ дѣлъ въ Россіи имѣли и имѣютъ, уже по своей многочисленности, образованности и связямъ, русскіе нѣмцы, то легко убѣдимся, что для самаго нашего развитія вовсе не все равно, знакомъ ли и солидаренъ ли съ русской мыслью и русскими стремленіями столь вліятельный классъ, или же онъ недоступенъ для этой мысли и этихъ интересовъ, равнодушенъ къ нимъ, а тѣмъ болѣе если бы онъ былъ склоненъ къ пренебреженію ими, стало быть, и къ противодѣйствію имъ. Справедливость требуетъ признать, что послѣдняго нѣтъ; есть только полное безучастіе—и это уже далеко не полезно. Что же касается матеріальныхъ интересовъ самихъ нѣмцевъ, то едва ли можно согласиться, будто и они не страдаютъ отъ малаго знакомства съ русскимъ языкомъ и исключительности своихъ воззрѣній вообще. Положимъ, то и другое не служитъ помѣхою русскимъ нѣмцамъ въ торговлѣ и ремеслахъ, то-есть тѣмъ ученикамъ здѣшнихъ нѣмецкихъ училищъ,

которые оставляютъ ихъ послѣ трехлѣтняго курса низшихъ классовъ. Но неполное знакомство съ русскимъ языкомъ и одностороннее, въ извѣстномъ смыслѣ, направленіе образованія весьма чувствительно ограничиваютъ то поле дѣятельности, какое представлялось бы абитуріентамъ этихъ школъ, то-есть ученикамъ, которые оканчиваютъ полный курсъ и съ потребностями которыхъ должна соображаться вся система преподаванія въ этихъ школахъ. Неполное знакомство съ русскимъ языкомъ, незнаніе его литературы, неудовлетворительное знаніе русской исторіи, слишкомъ одностороннее преподаваніе исторіи всеобщей и новыхъ языковъ, при которомъ все приносится въ жертву элементу германскому, все это по необходимости съуживаетъ для этихъ учениковъ поле практической дѣятельности и заставляетъ ихъ впослѣдствіи чувствовать себя неловко въ обществѣ русскомъ настолько, насколько его развитіе вмѣщаетъ элемента русскаго и насколько оно вмѣщаетъ въ себѣ элемента космополитическаго, который въ нѣмецкой школѣ также отсутствуетъ. Въ числѣ присяжныхъ повѣренныхъ и литераторовъ нѣмцевъ почти нѣтъ, между тѣмъ какъ поляковъ много—это характеристическій фактъ. Даже въ гражданской службѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ техническихъ вѣдомствъ, нѣмцевъ, относительно говоря—немного. Духовной карьеры для русскихъ нѣмцевъ въ Россіи, кромѣ балтійскихъ провинцій, почти не существуетъ, не только по малому числу лютеранскихъ приходовъ, но и потому еще, что пасторъ — прежде всего проповѣдникъ, а проповѣдникъ и русскимъ нѣмцамъ нуженъ такой, который бы говорилъ не унаслѣдованнымъ въ Россіи нѣмецкимъ языкомъ, но свѣжимъ, полнымъ жизни языкомъ уроженца Германіи. Собственно ученая карьера, конечно, доступна воспитанникамъ нашихъ нѣмецкихъ училищъ. Но если они желаютъ идти далѣе положенія учителей древнихъ языковъ въ гимназіяхъ, при нынѣшней общедоступности этой должности, то встрѣчаютъ и въ филологическомъ и въ математическомъ факультетахъ затрудненія по своей малоподготовленности. Математика никогда не была сильной стороной здѣшнихъ нѣмецкихъ школъ, а филологія въ русскомъ университетѣ вмѣщаетъ въ себѣ филологію русскую и славянскую, между тѣмъ какъ этимъ молодымъ людямъ приходилось бы начинать ея изученіе съ орѳографіи.

Такимъ образомъ, абитуріентамъ здѣшнихъ нѣмецкихъ школъ изъ предоставленнаго имъ права вступленія въ университеты представляется главнымъ образомъ такое употребленіе, чтобы идти на факультетъ медицинскій. Такъ оно и есть въ дѣйствительности; кромѣ того, нѣкоторые изъ нихъ идутъ въ высшія спеціальныя заведенія. Въ прежнее время болѣе или менѣе образованнымъ нѣмцамъ пред-

ставлялась въ Россіи еще одна обширная карьера—военная служба, въ которой весьма многіе изъ нихъ и оказали великія заслуги государству. Тамъ менѣе, чѣмъ гдѣ-либо, требовалось знаніе русскаго языка, а въ особенности русской литературы, конечно. Достаточно было знаніе команды. Военное поприще остается открытымъ для нашихъ сограждан-нѣмцевъ и теперь. Но противъ прежняго времени уже и теперь ощущается нѣкоторое различіе въ его условіяхъ. Съ одной стороны, на низшихъ степеняхъ воинскаго командованія теперь представляется важнымъ условіемъ и здѣсь обученіе русской грамотности, веденіе полковой школы. Съ другой стороны, высшіе воинскіе чины хотя и доселѣ открываютъ еще доступъ къ высшимъ должностямъ гражданскимъ, но уже не въ той мѣрѣ, какъ прежде, когда существовали военные губернаторы и когда большинство начальствующихъ лицъ въ частяхъ центральныхъ управленій были или съ военными чинами, или переименованные въ гражданскіе чины изъ военныхъ. По мѣрѣ того, какъ въ государствѣ получатъ болѣе и болѣе значеніе народная мысль и народное слово, будетъ неизбѣжно съуживаться сфера дѣятельности для тѣхъ, кто останется имъ чуждымъ.

Уже однихъ этихъ практическихъ соображеній, кажется, достаточно, чтобы побудить начальства здѣшнихъ нѣмецкихъ училищъ ко введенію значительныхъ измѣненій въ планъ преподаванія, принятый въ этихъ заведеніяхъ, въ такомъ смыслѣ, чтобы усилить въ нихъ преподаваніе русскаго языка, русской литературы и, не обращая ихъ въ школы русскія, придать имъ космополитическій характеръ, вмѣсто исключительно-нѣмецкаго. Можно было бы даже читать въ высшихъ классахъ нѣкоторые предметы на русскомъ языкѣ, нѣкоторые — на французскомъ, и на нѣмецкомъ—бо́льшую часть, но никакъ не всѣ. Странно слышать, что мальчики, родившіеся въ Россіи, отъ родителей также рожденныхъ въ Россіи, узнаютъ названіе русскихъ городовъ и дѣятелей русской исторіи по нѣмецкому правописанію и съ нѣмецкимъ произношеніемъ именъ, узнавая, напримѣръ, Псковъ подъ псевдонимомъ Плескау. Сверхъ практическихъ выгодъ, какія могло бы дать ученикамъ этихъ школъ подобное преобразованіе, расширивъ для нихъ сферу дѣятельности въ Россіи, весьма важнымъ результатомъ было бы и сближеніе петербургскихъ нѣмцевъ съ мыслью и нравственными интересами русскаго общества. Въ настоящее же время исключительность здѣшней нѣмецкой колоніи поддерживается главнымъ образомъ исключительностью, односторонне-германскимъ направленіемъ ея училищъ. Въ немъ — корень отчужденности нашихъ нѣмцевъ отъ русскаго умственнаго міра.

Хотя въ этихъ училищахъ очень много учениковъ чисто-русской

національности, но отъ насъ далека мысль не только о какихъ-либо принудительныхъ мѣропріятіяхъ, но даже о томъ, чтобы совѣтовать самимъ нѣмцамъ добровольно превратить свои школы въ русскія гимназіи. Дѣло въ томъ, что ученики, ихъ посѣщающіе, находятся въ томъ возрастѣ, когда школа не только сообщаетъ научныя знанія, но и производитъ еще воспитательное вліяніе. А въ этомъ послѣднемъ отношеніи здѣшнія нѣмецкія училища стоятъ выше нашихъ гимназій. Гуманность въ отношеніяхъ къ ученикамъ низшихъ классовъ, постепенное и весьма замѣтное измѣненіе въ этихъ отношеніяхъ по мѣрѣ возрастанія учениковъ, правильно градуированный переходъ отъ благосклонной фамильярности къ уваженію личнаго достоинства въ подросткахъ, съ полнымъ однако же устраненіемъ всякой игры въ мнимое равенство учителей съ учениками, которое въ русскихъ школахъ нерѣдко ведетъ къ возбужденію въ ученикахъ самомнѣнія и вмѣстѣ къ нравственному возмущенію противъ взысканія, когда его налагаетъ учитель, ставшій на равную ногу съ учениками—все это, вмѣстѣ взятое, представляетъ драгоцѣнныя воспитательныя условія, которыхъ постановка и правильная выдержка могли, конечно, явиться только какъ продуктъ высокой цивилизаціи германскаго народа. Прибавимъ къ нимъ сравнительную нравственную цѣлость и чистоту, нѣкоторую здоровую дѣтскость въ настроеніи и вкусахъ, которыя сохраняются учениками нѣмецкихъ школъ до самыхъ высшихъ классовъ и которыя, правда, обусловливаются въ значительной мѣрѣ первоначальнымъ семейнымъ воспитаніемъ. Нѣтъ, пусть школы эти сохраняютъ эти превосходныя свои качества; пусть только планъ преподаванія въ нихъ нѣсколько расширится или, лучше сказать, пусть характеръ его обобщится, пусть обученіе въ нихъ приметъ нѣсколько болѣе космополитическій характеръ, отводя достаточное мѣсто знакомству съ русской народной мыслью—и цѣль была бы достигнута. Преобразованіе это сгладило бы въ русско-нѣмецкомъ обществѣ ту отчужденность и искусственную исключительность, которую оно выносило доселѣ изъ своихъ школъ; но и для природныхъ русскихъ эти школы представили бы тогда драгоцѣнный пріютъ отъ разныхъ увлеченій, какъ юношескихъ, такъ и педагогическихъ.

Насъ отвлекло далеко въ сторону отъ рижской городской гимназіи обсужденіе того весьма замѣчательнаго факта, что въ этомъ образцовомъ училищѣ, находящемся въ самомъ центрѣ остзейскаго края, русскому языку дано въ преподаваніи столь важное мѣсто, наравнѣ съ латинскимъ языкомъ и математикою, отведено гораздо болѣе времени, чѣмъ языку нѣмецкому. Но предметъ, которому мы посвятили предшествующія страницы — отношенія русскихъ нѣмцевъ къ русскому обществу — весьма важенъ, и его необходимо было коснуться

когда-нибудь. Мы воспользовались для этого случаемъ, который намъ представился въ прекрасномъ примѣрѣ рижской городской гимназіи. Начальство этого училища, повидимому, приняло во вниманіе практическія соображенія необходимости сдѣлать русскимъ нѣмцамъ доступными всѣ сферы дѣятельности въ Россіи. Само собою разумѣется, что нѣмецкое училище въ остзейскомъ краѣ находится въ нѣсколько иныхъ условіяхъ, чѣмъ нѣмецкія училища въ Петербургѣ; германскій элементъ не можетъ не имѣть въ немъ бóльшаго преобладанія, и, напримѣръ, введеніе преподаванія нѣкоторыхъ научныхъ предметовъ на другихъ языкахъ, сверхъ нѣмецкаго, здѣсь не представляется столь естественнымъ и даже положительно необходимымъ, какъ оно представлялось бы для нѣмецкихъ гимназій, существующихъ въ Петербургѣ. Замѣчательно однако, что и французскому языку въ трехъ классахъ прогимназіи дано возможно-бóльшее мѣсто, а именно по 4 урока въ недѣлю, между тѣмъ какъ нѣмецкому языку въ тѣхъ же классахъ отведено только по 3 урока въ недѣлю. Четыре французскихъ урока въ недѣлю остаются и въ высшихъ классахъ для реалистовъ, между тѣмъ какъ для классиковъ необходимость заставляетъ приносить ихъ въ жертву греческому языку. Такимъ образомъ, въ рижской городской гимназіи нѣтъ выбора между тѣмъ или другимъ изъ новѣйшихъ языковъ, какъ онъ установленъ въ гимназіяхъ русскихъ. Въ русскихъ гимназіяхъ даже добровольное изученіе двухъ новѣйшихъ языковъ допускается не иначе, какъ при достаточныхъ успѣхахъ въ древнихъ языкахъ, такъ что могутъ быть примѣры, что ученику, избравшему нѣмецкій языкъ, но заявившему желаніе учиться и французскому, послѣднее будетъ просто *воспрещено*. Напротивъ, въ томъ училищѣ, о которомъ мы говоримъ, и классики обязаны учиться французскому языку, сверхъ нѣмецкаго. Можно замѣтить, что имъ легче соединить два новыхъ языка, такъ какъ нѣмецкому языку имъ учиться не трудно. Но вѣдь за то имъ гораздо труднѣе учиться русскому языку, чѣмъ воспитанникамъ нашихъ гимназій. Въ реальныхъ классахъ обязателенъ и англійскій языкъ. Преподаваніе исторіи, въ противоположность и нѣмецкимъ училищамъ въ Петербургѣ, и русскимъ гимназіямъ, здѣсь — то-есть въ рижскомъ училищѣ — начинается съ самаго низшаго класса (септимы или по нашему—1-го) и идетъ весьма ровно: по 2 урока въ недѣлю въ низшихъ классахъ, по 3 — въ высшихъ. Это вполнѣ раціонально, такъ какъ исключеніе историческихъ разсказовъ изъ низшихъ классовъ, между тѣмъ какъ у дѣтей наиболѣе преобладаетъ именно воображеніе, и замѣна исторіи нѣкоторыми сухими матеріями, требующими бóльшей силы мышленія, составляетъ, вообще говоря, одну изъ очевидныхъ педагогическихъ ошибокъ. Итакъ, весь планъ преподаванія,

принятый въ рижской городской гимназіи, обнаруживаетъ глубокую обдуманность и просвѣщенное стремленіе его составителей обезпечить возможно-бóльшее, возможно-полное умственное развитіе учениковъ, при соблюденіи неизбѣжныхъ условій. Такія стремленія ручаются за успѣхъ, и остается только пожелать, чтобы примѣръ этого заведенія произвелъ вліяніе въ тѣхъ равностепенныхъ училищахъ, которыя доступны дѣйствію какого бы то ни было убѣжденія и примѣра—въ нѣмецкихъ гимназіяхъ, существующихъ въ Петербургѣ.

Нѣсколько замѣчаній объ отношеніяхъ полицейскихъ чиновъ къ публикѣ въ нашемъ обозрѣніи 1-го апрѣля не остались одиночнымъ заявленіемъ по этому предмету въ печати. Замѣчанія эти нашли себѣ отголосокъ въ „Новомъ Времени"; затѣмъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" появилась передовая статья, въ которой указывалось на тѣ же недостатки и предлагалась та же мѣра, о которыхъ мы говорили, а въ „Голосѣ" упомянуто было въ фельетонѣ о неудовлетворительности обращенія низшихъ полицейскихъ чиновъ съ публикою при большихъ стеченіяхъ народа. Но самое компетентное подтвержденіе нашимъ словамъ мы нашли въ одномъ изъ приказовъ петербургскаго градоначальника за минувшій мѣсяцъ, гдѣ указывалось, что „въ послѣднее время неоднократно были замѣчены въ дѣйствіяхъ полицейскихъ чиновъ нѣкоторыя отступленія отъ установленнаго порядка". Въ числѣ такихъ отступленій упоминались и тѣ именно, которыя были предметомъ нашихъ замѣчаній. „Городовые", сказано въ приказѣ, „замѣтивъ, что кто-либо изъ частныхъ лицъ записываетъ ихъ нумеръ, приглашаютъ такихъ лицъ въ управленіе участковъ, а иногда прибѣгаютъ даже къ принудительнымъ мѣрамъ, не ограничиваясь простымъ приглашеніемъ. Обращеніе низшихъ полицейскихъ чиновъ съ частными лицами нерѣдко не соотвѣтствуетъ тому характеру внимательности и крайней осмотрительности, какими должна отличаться полицейская дѣятельность". Затѣмъ, въ приказѣ порицалось еще, что чины полиціи не всегда правильно прибѣгаютъ къ „принудительному отправленію нетрезвыхъ въ полицейскіе дома для вытрезвленія", и разъяснялось, что къ этой мѣрѣ должно прибѣгать только относительно людей, находящихся въ такомъ положеніи, что они подвергаются сами или другихъ подвергаютъ опасности или производятъ „явное безобразіе". Въ заключеніе, въ приказѣ градоначальника выражалось крайнее неудовольствіе его по тому поводу, что подобныя указанія съ его стороны оказываются все еще необходимыми, несмотря на неоднократныя разъясненія въ прежнихъ приказахъ, „касавшіяся именно вышеупомянутыхъ случаевъ".

Мы приводимъ содержаніе этого приказа не для того только, чтобы подтвердить замѣчанія, прежде нами высказанныя — неопровержимымъ свидѣтельствомъ. Мы возвращаемся къ этому, весьма близко касающемуся всѣхъ предмету уже потому, что приведенное заявленіе начальника города должно произвесть на общество самое благопріятное впечатлѣніе. Контроль надъ дѣйствіями низшихъ органовъ власти всегда труденъ для главнаго начальника части. Обыкновенно требуется не только многочисленныхъ заявленій изъ общества о какомъ-либо неудобствѣ, но еще какихъ-нибудь особенно рельефныхъ случаевъ, недоразумѣній, которымъ бы подверглись непосредственно лица съ виднымъ положеніемъ, для того, чтобы жалобы, долгое время проходившія безслѣдно, были наконецъ признаны справедливымъ указаніемъ на недостатокъ, дѣйствительно подлежащій устраненію. Въ настоящемъ случаѣ, всѣ съ удовольствіемъ замѣтятъ, что благодаря внимательности, чуткости главнаго начальника полиціи къ интересамъ ввѣреннаго ему дѣла, для него контроль оказывается гораздо легче, чѣмъ онъ обыкновенно бываетъ для главныхъ начальниковъ административныхъ управленій. Петербургскій градоначальникъ въ весьма короткое время успѣлъ лично убѣдиться, что отношенія полицейскихъ чиновъ къ публикѣ нуждаются въ нѣкоторомъ исправленіи. Онъ напоминаетъ участковымъ приставамъ обязанность ихъ „заботиться о развитии ввѣренныхъ имъ нижнихъ чиновъ“, онъ призываетъ полицію къ внимательности и крайней осмотрительности“. Сверхъ того, изъ нынѣшняго приказа нельзя не вывесть заключенія, что былъ цѣлый рядъ приказовъ, изданныхъ въ разное время, и разъяснявшихъ полицейскимъ чинамъ ихъ права и обязанности по отношенію къ публикѣ и къ служебному ихъ долгу.

Но это послѣднее заключеніе и побуждаетъ насъ возвратиться къ предложенію, которое мы уже высказали и къ осуществленію котораго мы не видимъ и теперь никакихъ серьёзныхъ препятствій, а именно— къ кодифицированію приказовъ и инструкцій объ отношеніяхъ полицейскихъ чиновъ разныхъ степеней къ частнымъ лицамъ, о дѣйствіяхъ полиціи на улицахъ и въ общественныхъ собраніяхъ для охраненія порядка и благочинія и объ изданіи главнѣйшихъ изъ этихъ правилъ, въ видѣ сжатаго полицейскаго наставленія, особою брошюрой. Дѣло въ томъ, что никакой агентъ власти не можетъ руководствоваться одной только „внимательностью и крайней осмотрительностью“, какъ бы добросовѣстенъ и даже умственно развитъ онъ ни былъ. Съ другой стороны, частныя лица, имѣющія съ нимъ дѣло, не могутъ полагаться безусловно на одну только внимательность и осмотрительность отдѣльнаго служебнаго лица; въ стра-

нахъ, управляемыхъ закономъ, который даже по отношенію къ персоналу судебному, совмѣщающему, во всякомъ случаѣ въ степени высшей, чѣмъ личный составъ полиціи, условія развитія, даетъ частнымъ лицамъ гарантіи гораздо болѣе точныя, чѣмъ такія личныя свойства, какъ внимательность и осмотрительность, точно опредѣляетъ предѣлы власти, и за то требуетъ уже въ этихъ предѣлахъ безусловнаго повиновенія. Правила объ отношеніяхъ между полиціею и частными лицами, разъясняющія и дополняющія законъ, должны быть точно извѣстны и самимъ низшимъ полицейскимъ чиномъ и обществу, должны сдѣлаться достояніемъ каждаго жителя въ городѣ, быть популяризованы всѣми средствами. Безъ этого немыслима истинная правильность такихъ отношеній, невозможно постоянное содѣйствіе полиціи со стороны самой публики. Только тогда, когда частныя лица, зная требованія правилъ, зная свои права и предѣлы власти полиціи, перестанутъ бояться вообще имѣть съ нею какое-бы то ни было сношеніе, только тогда, говоримъ мы, полиція можетъ сдѣлаться популярною у насъ, какъ она популярна въ Англіи, и только тогда постоянное содѣйствіе публики будетъ ей обезпечено, а стало быть, и число случаевъ употребленія силы будетъ ограничено, такъ какъ всякій полицейскій агентъ будетъ имѣть на своей сторонѣ готовую силу общества.

Изъ всѣхъ нашихъ общественныхъ собраній и съѣздовъ всегда рѣзко выдаются своей оживленностью, числомъ участниковъ, энергіею ораторовъ, обиліемъ данныхъ, собираемыхъ для разработки вопросовъ, наконецъ готовностью въ скорое время придти къ законченнымъ, практическимъ выводамъ, тотчасъ же сводимымъ въ полные проекты,—съѣзды нашихъ заводчиковъ. Еслибы такую же энергію въ убѣжденіи, усердіе въ работѣ и неуклонное стремленіе къ положительнымъ результатамъ всегда проявляли наши земскія собранія, то было бы, въ самомъ дѣлѣ, съ чѣмъ поздравить нашу общественную самодѣятельность. Но одно дѣло—заботиться объ интересахъ общества для огражденія своего интереса съ ними солидарнаго, другое дѣло —сохранять свои личные интересы, стараясь представить интересы общественные солидарными съ всякимъ огражденіемъ нашихъ собственныхъ выгодъ. Эксперты, собранные передъ послѣднимъ преобразованіемъ таможеннаго тарифа, передъ измѣненіемъ свеклосахарнаго акциза и эксперты машино-строительнаго дѣла, засѣдавшіе въ истекшемъ мѣсяцѣ въ Петербургѣ, приходили къ сходному заключенію: къ необезпеченности существованія нашей заводской и фабричной промышленности вообще безъ высокихъ покровительственныхъ пошлинъ. Положимъ, естественно, что въ подобныхъ собраніяхъ экс-

пертовъ считаются a priori неопровержимыми принципы меркантилизма и протекціонизма, и что обязанность государства непремѣнно создавать и поддерживать у себя посредствомъ налоговъ такія отрасли производства, которыя не могли бы безъ нихъ возникнуть — является въ умахъ большинства членовъ съѣзда неподлежащею никакому сомнѣнію, всякое заявленіе сомнѣнія устраняется на первомъ словѣ какъ ребячество, несерьёзное отношеніе къ дѣлу, а ученія лучшихъ экономистовъ—какъ „общія мѣста фритредерскаго пустословія". Допустимъ, что все это еще довольно естественно, такъ какъ каждый интересъ склоненъ считать наиболѣе серьёзнымъ только самого себя. Но спеціально во многихъ сужденіяхъ и рѣшеніяхъ съѣзда машино-строителей и въ выработанномъ однимъ изъ его отдѣловъ проектѣ измѣненія пошлинъ представлялись нѣкоторыя особенныя черты.

Начать съ того, что механическое производство въ Россіи принадлежитъ къ тѣмъ, которыя въ послѣднее время сдѣлали наиболѣе успѣховъ. Казалось бы, стало быть, что наименѣе можетъ быть рѣчи о возвышеніи ввозныхъ пошлинъ въ его пользу. Но у заводчиковъ иная логика: правда, что пошлины дозволили создать наши заводы; безъ пошлинъ они не могли бы возникнуть; но чѣмъ бо́льшіе успѣхи нами сдѣланы въ относительно короткое время, чѣмъ быстрѣе было развитіе, чѣмъ бо́льшіе размѣры приняты механическимъ производствомъ, тѣмъ менѣе оно обезпечено, тѣмъ скорѣе ему можетъ угрожать кризисъ, тѣмъ необходимѣе огражденіе его—возвышеніемъ пошлинъ. Уже одна эта логика по сущности своей вызываетъ сильныя возраженія. Но это не все. Пусть бы такъ разсуждали, напр., сахаровары—представители другого заводскаго производства въ Россіи, сдѣлавшаго наибо́льшіе успѣхи. Пусть они говорили, что хотя развитіе ихъ дѣла даетъ имъ уже нынѣ возможность выдерживать конкурренцію иностраннаго песка на заграничныхъ рынкахъ, стало быть, безъ всякаго поощренія, но что именно для поддержанія такой силы нашихъ сахарныхъ заводовъ, такого цвѣтущаго ихъ состоянія—необходимо взимать высокую пошлину съ иностраннаго песка, когда онъ является на внутренніе рынки. Это была бы только одна сознательная логическая ошибка. Но зато сахаровары, по крайней мѣрѣ, ничего не получаютъ болѣе отъ правительства, чѣмъ возвышеніе цѣны ихъ продуктовъ—тарифомъ. Механическіе же заводчики въ Россіи находятся въ совсѣмъ иномъ положеніи. Ихъ заводы развились между прочимъ и вслѣдствіе цѣлаго ряда поощреній другого рода со стороны правительства: его заказовъ и производимыхъ имъ ссудъ и субсидій. Они въ значительной степени уже существуютъ прямо на счетъ государственнаго бюджета, то-есть получаютъ

сверхъ выгодъ покровительственнаго тарифа государственную поддержку въ другой формѣ, въ прямомъ направленіи денегъ изъ казны —въ кассы заводчиковъ. Казна не производитъ нынѣ ссудъ сельскому хозяйству, не выдаетъ субсидій и не дѣлаетъ заказовъ съ цѣлью поддержанія производства, напр., прядильнымъ заводамъ или судостроенію. Между тѣмъ, что́ же дѣлаютъ механическіе заводчики, которые пользуются въ государствѣ двойной системой покровительства? Они едва не требуютъ для себя рѣшительной монополіи заказовъ, жалуются, что даже желѣзнодорожные заказы миновали ихъ, что желѣзнодорожное строительство не дожидалось своего осуществленія отъ постепеннаго развитія русскаго механическаго дѣла; съ негодованіемъ относятся къ слухамъ о какомъ-либо значительномъ заказѣ правительства за границей, хотя бы по цѣнамъ, за которыя они сами ни въ какомъ случаѣ не согласились бы работать, и вмѣстѣ съ тѣмъ требуютъ еще возвышенія ограждающаго ихъ таможеннаго тарифа, лишая въ своемъ проектѣ права безпошлиннаго ввоза машинъ даже и сельское хозяйство, и прядильное производство, и судостроеніе; даже на ножницы для стрижки овецъ налагаютъ пошлину по 1 р. 25 коп. съ пуда, наравнѣ съ машинами! Правда, они сами отказываются отъ права безпошлиннаго полученія металловъ изъ-за границы, и даже возвысили пошлину на металлы, кромѣ однако на желѣзо и сталь, наиболѣе имъ нужные. Но въ какомъ размѣрѣ они возвышаютъ эти пошлины—на чугунъ 10 коп. вмѣсто 5-ти, на мѣдь 1 р. вмѣсто 60 коп.! Спрашивается, что́ значитъ для механическаго заводчика, который переработываетъ пудъ металла въ издѣлія, стоющія 300% въ сравненіи съ цѣной металла, что́ значитъ для него возвышеніе пошлины на пудъ привознаго металла въ 5%? Если онъ, отказываясь отъ безпошлиннаго полученія металла, согласенъ доплатить пошлину въ 35 или 50 коп. съ пуда, который въ издѣліяхъ онъ продастъ за 30 рублей, то что́ значитъ эта уступка сравнительно съ его требованіемъ, чтобы сельскій хозяинъ, который не платитъ за иностранную земледѣльческую машину никакой пошлины, платилъ теперь за нее, для пользъ внутренняго механическаго производства, по 1 р. 25 коп. съ пуда?

По вычисленію профессора Андреева, вся сумма тарифныхъ переплатъ, налагаемыхъ новымъ проектомъ на всѣ промышленности, пользующіяся металлами, инструментами и машинами, составила бы, по обороту 1873 года, сумму въ 13 милліоновъ рублей. Правда, защитники проекта противъ этого возражаютъ, что г. Андреевъ сдѣлалъ свой разсчетъ на основаніи сравненія того, что́ пришлось бы платить по проекту, съ тѣмъ, что́ было въ дѣйствительности уплачиваемо доселѣ при существованіи изъятій, допущенныхъ для желѣз-

ныхъ дорогъ и самихъ машино-строителей, а не съ тѣмъ, что́ пришлось бы платить по тарифу 1868 года, еслибы не было этихъ изъятій, которыя новый проектъ предполагаетъ отмѣнить. Такимъ образомъ, разсуждаютъ они, и по тарифу 1868 г., еслибы не допускалось изъятій, потребители металловъ уплачивали бы изъ упомянутыхъ 13 милл. р., если не всю сумму, то милліоновъ 10 рублей, „такъ какъ разница между безпошлиннымъ и оплаченнымъ пошлиною полученіемъ металловъ оставалась въ карманахъ тѣхъ лицъ, которыя пользовались этой привилегіей" („Спб. Вѣд."). Но, вѣдь, отнимая право безпошлиннаго ввоза машинъ у сельскаго хозяйства и другихъ отраслей промышленности, вы подвергаете ихъ безусловно новому для нихъ налогу, а между тѣмъ машино-строители, отказываясь въ свою очередь отъ безпошлиннаго полученія металловъ, во-первыхъ, приносятъ жертву весьма легкую, сравнительно съ цѣнностью, какую получаютъ эти металлы въ ихъ издѣліяхъ, а во-вторыхъ, по всей вѣроятности уничтожатъ и эту жертву соотвѣтственнымъ и даже несоотвѣтственнымъ возвышеніемъ цѣнъ на свои издѣлія, подъ предлогомъ вздорожанія металла. Съ этой стороны потребители машинъ нисколько не гарантированы; напротивъ, отмѣною безпошлиннаго ввоза нѣкоторыхъ машинъ они прямо отдаются въ руки русскихъ машиностроителей, а между тѣмъ общее повышеніе пошлинъ на привозныя машины и отмѣна безпошлиннаго полученія металловъ машиностроителями должны повесть прямо къ вздорожанію машинъ, приготовляемыхъ въ Россіи. При такомъ положеніи дѣла, спрашивается еще, ограничится ли 13-ю милліонами переплата всѣми промышленностями, которымъ нужны инструменты и машины; не будетъ ли она гораздо больше?

Подобное требованіе со стороны представителей такой промышленности, которая въ значительной мѣрѣ и теперь поддерживается прямо на счетъ государственнаго бюджета, пользуется двойной системой покровительства — пошлинъ, заказовъ и ссудъ, желаніе ихъ, сверхъ того, еще поработить себѣ прочія отрасли промышленности, и въ томъ числѣ сельское хозяйство, эксплуатируя ихъ въ самой основѣ ихъ улучшенія—въ нужныхъ имъ машинахъ и инструментахъ, и рядомъ съ тѣмъ возвысить еще таможенное покровительство русскимъ машино-строителямъ—все это можетъ быть названо неиначе, какъ желаніемъ „съ одного вола" снимать уже не только двѣ, но три, четыре шкуры. Остается надѣяться, что министерство финансовъ приметъ такое „изложеніе нуждъ" механической производительности въ Россіи къ свѣдѣнію, но никакъ не къ исполненію.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

12-го (24) мая, 1875.

Политическія тревоги.

Прошло болѣе года съ тѣхъ поръ, какъ германскій рейхстагъ занимался разсмотрѣніемъ военныхъ законовъ. Во время преній ($^4/_{16}$ февраля), Мольтке произнесъ надѣлавшую шуму рѣчь, въ которой между прочимъ было сказано: „пріобрѣтенное нами посредствомъ оружія въ теченіе полугода, предстоитъ отстаивать *съ оружіемъ въ рукахъ* въ теченіи полувѣка, чтобы снова не утратить всего“. Эти слова представляютъ самую точную характеристику современнаго положенія Германіи. Если бы въ Германіи въ настоящее время болѣе придерживались одного внутренняго смысла этихъ словъ, то, вѣроятно, смотрѣли бы на многое гораздо правильнѣе, чѣмъ это замѣчается на дѣлѣ. Слѣдуетъ ясно сознавать существующую опасность и быть готовымъ идти ей на встрѣчу, но не слѣдуетъ отравлять этимъ сознаніемъ всю свою жизнь.

Прусское правительство именно такъ и разсуждало. Князь Бисмаркъ не упускалъ случая напоминать, что народу слѣдуетъ приняться спокойно и съ полнымъ довѣріемъ къ правительству за мирныя занятія. Это и не трудно, когда каждый можетъ быть убѣжденъ, что правительство стоитъ на стражѣ страны: Бисмаркъ въ вопросахъ политическихъ, Мольтке въ военномъ дѣлѣ.

Въ послѣднемъ дѣлѣ, при настоящихъ средствахъ сообщенія и свободѣ печати невозможно одному государству скрыть отъ другого чрезвычайныя военныя приготовленія. По той же причинѣ о внезапномъ нападеніи также не можетъ быть и рѣчи.

Совсѣмъ иное представляетъ дипломатія, которая по своему существу скрывается въ непроницаемой тайнѣ. Чѣмъ шире ея планы, тѣмъ старательнѣе хранится секретъ, и весьма возможно, что противъ какого-нибудь государства будутъ замышляться ковы, а оно, несмотря на все свое вниманіе, не замѣтитъ ихъ.

Не имѣя въ виду разбирать отношеній между Франціей и Германіей со времени окончанія войны — скажемъ только, что эти отношенія состояли въ обмѣнѣ самыхъ дружескихъ увѣреній между правительствами и въ весьма рѣзкихъ выраженіяхъ желанія отплаты со стороны французской печати,—а затѣмъ прямо приступимъ къ послѣднимъ событіямъ, и начнемъ съ опредѣленнаго числа. 4-го

марта (20-го февраля) было издано въ Германіи *запрещеніе вывоза лошадей.* Такая, невольно бросающаюся въ глаза мѣра, наносящая вредъ коноводству собственной страны, можетъ найти оправданіе только въ опасеніи, что наличность лошадей страны можетъ быть значительно ослаблена врагомъ для своихъ цѣлей. Въ оффиціозныхъ прусскихъ обсужденіяхъ этой мѣры значилось (я цитирую слово въ слово строго-оффиціозную газету „*Provincialcorrespondenz*" и подчеркиваю только тѣ слова, которыя тамъ подчеркнуты): „Было *самымъ несомнѣннымъ* образомъ доказано, что Франція улаживала покупку 10,000 лошадей съ большими задатками, конечно, для скорѣйшаго выполненія реорганизаціи французской кавалеріи. Въ виду такого факта наше правительство должно было позаботиться оградить какъ интересы германскаго сельскаго хозяйства, такъ и интересы ремонтировки собственной арміи, которая будетъ производиться нынѣшнимъ лѣтомъ. При этомъ не имѣлось предположеній о близкихъ воинственныхъ намѣреніяхъ со стороны Франціи". Вы должны согласиться со мной, что такимъ объясненіемъ нельзя удовлетвориться: слову *близкихъ* можно придать значеніе по произволу.

Это было первымъ моментомъ къ возбужденію тревоги, которая поднялась около мѣсяца спустя, бушевала четыре недѣли съ неслыханной силой, и затѣмъ прекратилась гораздо быстрѣе, чѣмъ наступила. Говорю—гораздо быстрѣе, потому что наступила она не вдругъ, и совершенно невѣрно связывать появленіе ея съ одной или двумя газетными статьями. Тревога наступила неожиданно только потому, что большинство не обращало вниманія на признаки близкой бури.

Вторымъ моментомъ было обсужденіе и принятіе французскимъ національнымъ собраніемъ закона о кадрахъ. Я не желаю здѣсь вдаваться въ содержаніе этого закона. Достаточно сказать, что онъ значительно расширяетъ составъ арміи, и въ случаѣ войны она появится гораздо многочисленнѣе, чѣмъ была до сихъ поръ.

Но въ первый моментъ безпокойство было вызвано не содержаніемъ самаго закона, а главнымъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ былъ принятъ почти незамѣтно національнымъ собраніемъ. Если припомнить, какія безконечныя пренія возбудилъ военный законъ въ германскомъ парламентѣ, то поведеніе французскаго парламента покажется еще болѣе страннымъ. Но удивляться этому нечего, потому что извѣстно, что французы, возбужденные горячимъ патріотизмомъ, готовы на всякую жертву, чтобы поднять свою страну до того политическаго уровня, который она утратила вслѣдствіе послѣдней войны.

Кадровый законъ подалъ поводъ къ безконечнымъ разсужденіямъ,

которыя усложнились еще тѣмъ, что вопросъ о возможности или невозможности войны возмездія разбирался съ истинно германской основательностью. Эта тема неистощима, а потому для любителей поспорить весьма пріятна. Одни утверждали, что каждый годъ мирнаго времени долженъ дѣйствовать успокоивающимъ образомъ на французовъ, пока наконецъ потеря, понесенная ими въ послѣднюю войну, не забудется. Другіе—что, напротивъ, не замѣтно ни малѣйшаго уменьшенія враждебности къ Германіи и жажды возмездія. Одни находили, что Франціи нужно еще не менѣе семи лѣтъ на преобразованіе своей арміи, а до тѣхъ поръ она не „рискнетъ" на войну съ Германіей; другіе указывали на то, что вооруженіе будетъ всегда продолжаться и что война есть дѣло настолько случайное, что французы могутъ открыть ее въ каждый моментъ, и съ разсчетомъ на успѣхъ. Чѣмъ труднѣе привести абсолютные, неотразимые доводы въ пользу того или другого мнѣнія, тѣмъ сильнѣе разгораются страсти. Пессимистовъ прокричали алармистами и шовинистами, оптимистовъ упрекали въ измѣнѣ отечеству или въ чемъ нибудь подобномъ. Это—постоянно повторяющееся явленіе и въ другихъ странахъ, имѣющихъ парламентъ и свободу печати. Только у насъ къ этому еще не привыкли, а потому и принимаютъ дѣло слишкомъ къ сердцу.

Возбужденіе, несмотря на то, не достигло бы такихъ размѣровъ, какъ вышло на дѣлѣ, если-бы не присоединилось множество разныхъ обстоятельствъ въ поддержку пессимистическихъ воззрѣній. Эти обстоятельства были частью политическаго характера, частью матеріальнаго. Свѣдѣнія о чрезвычайномъ развитіи французской промышленности со времени окончанія войны, весьма благопріятномъ торговомъ балансѣ, о возстановленіи финансоваго обаянія Франціи произвели здѣсь весьма глубокое впечатлѣніе, тѣмъ болѣе что Германія и особенно Пруссія во всемъ упомянутомъ не только отстала отъ Франціи, но представляетъ прямую противуположность этой послѣдней.

„Рѣдко,—такъ пишетъ недавно одинъ превосходный французскій политикоэкономъ Леруа-Боліé съ торжествующимъ тономъ,—рѣдко начинался годъ съ лучшими предзнаменованіями, какъ 1875-й. Отчетъ о поступленіи податей за первую четверть года указываетъ на избытокъ въ 12 милліоновъ франковъ по сравненію съ предположеннымъ поступленіемъ, и въ 8 милліоновъ сравнительно съ поступленіемъ въ соотвѣтствующую эпоху прошлаго года. Таможенный доходъ города Парижа видимо поправляется, желѣзныя дороги показываютъ съ недѣли на недѣлю остатки, которые на нѣкоторыхъ большихъ линіяхъ достигли до 16 процентовъ. Внѣшняя торговля

даетъ такую цифру для вывоза, какой никогда не достигалось. Государственныя бумаги стоятъ высоко и спросъ на нихъ значительный. Главные кассиры, принимающіе сбереженія деревень и маленькихъ городовъ, продолжаютъ покупать еженедѣльно на 5—600,000 франковъ ренты, что соотвѣтствуетъ основному капиталу въ 10—12 милліоновъ. Остальныя биржевыя цѣнности поднимаются въ цѣнѣ и почти достигли той высоты, на которой находились до войны и т. д., и т. д."

Я обращу вниманіе только на одну цифру. Покупка государственной ренты конечно не есть единственное употребленіе постоянно сберегаемаго капитала, она поглощаетъ навѣрно не болѣе трети или четверти всего сбереженія, но, если даже предположить, что все сбереженіе идетъ на покупку ренты, то, разсчитывая проценты на проценты, окажется, что въ нѣсколько лѣтъ это сбереженіе покроетъ всю контрибуцію, уплаченную Германіи, если она уже и безъ того не была покрыта въ короткое время необыкновенно благопріятнымъ торговымъ балансомъ. Торговый балансъ Германіи, наоборотъ, чрезвычайно неблагопріятенъ, а также и всѣ остальныя финансовыя дѣла. Въ 1872 году въ Германію привезено было круглымъ числомъ на сумму 3,468 милліоновъ марокъ, и вывезено на 2,494 милліона, т.-е. на 974 мил. марокъ привозъ превышалъ вывозъ. Въ 1873 году привозъ представлялъ цѣнность въ 4,257 мил. марокъ, а вывозъ 2,489 милліоновъ. Такимъ образомъ, вывозъ немного понизился въ сравненіи съ предшествовавшимъ годомъ и перевѣсъ привоза достигъ колоссальной суммы 1,768 милліоновъ. Политикоэкономы и финансисты хотятъ, правда, увѣрить, что это ничего не значитъ, но слабость ихъ аргументацій слишкомъ ясна, чтобы поддаться обману.

Причины, которымъ Франція обязана столь быстрому возстановленію своихъ матеріальныхъ средствъ, совершенно ясны. Надѣленная природой богаче всѣхъ остальныхъ странъ Европы, она имѣла нѣсколько хорошихъ урожаевъ, именно урожаевъ винограда. Это ея неотъемлемое преимущество. Это—*счастье*. Но Франція *протянула руку* счастью. Она сама себѣ помогла, она побѣдила всѣ финансовыя затрудненія увѣренностью въ себѣ и энергіей достойной удивленія, она работала и дѣлала сбереженія. Много способствовало тому, я полагаю, кровавое низверженіе парижской коммуны, гдѣ погибли главнѣйшіе соціалистическіе элементы французскаго рабочаго населенія, которое притихло, между тѣмъ какъ германскіе рабочіе, опираясь на свободу коалицій, открыли походъ противъ капитала, нанесшій столь тяжкіе удары германской промышленности и ослабившій до крайности способность Германіи конкуррировать съ Франціей.

Но еще одно обстоятельство играетъ тутъ немаловажную роль. Французскіе соціалисты сколько бы ни толковали объ интернаціональности, все же они въ глубинѣ души остаются французами, равно какъ французскій ультрамонтанъ прежде всего французъ. Нѣмецъ же серьёзно отвергаетъ національность, будь онъ соціалистъ, или ультрамонтанъ. Повторяется тоже, что весьма часто переживалось и рельефнѣе всего было въ 1795 году. Французы напали на Германію съ лозунгомъ „свобода", и нѣмецкіе республиканцы приняли ихъ съ распростертыми объятіями. Стали сообща насаждать свободу, но братство и свобода не помѣшали французамъ занять германскія владѣнія и разыгрывать тамъ совершенно серьёзно господъ! Въ этомъ проявляется слѣдствіе отчасти различія въ исторіяхъ обѣихъ странъ, изъ которыхъ одна уже въ теченіе многихъ вѣковъ составляла одно цѣлое, отчасти же различія въ характерѣ обѣихъ націй. Нѣмцы, воображающіе себя идеалистами, бываютъ на дѣлѣ рѣдко таковыми и только въ извѣстныхъ пунктахъ. Они безграничные эгоисты, и это мѣшаетъ согласію въ добровольныхъ рѣшеніяхъ.

Кромѣ того, послѣдняя война снова показала, что всякая вещь имѣетъ двѣ стороны, что гдѣ свѣтъ, тамъ должна быть и тѣнь. Несчастіе послѣдней войны отрезвило французовъ. Несмотря на тонъ парижскихъ журналовъ, который мы считаемъ ихъ недостойнымъ, несмотря на презрѣніе, съ которымъ указываютъ нѣмцы на то, что вся Франція, даже либералы бросаются въ объятія ультрамонтанизму, несмотря на постоянные раздоры партій въ національномъ собраніи—въ одномъ французы вполнѣ согласны, *всѣ* согласны. Они вооружаются для отплаты: они работаютъ и дѣлаютъ преобразованія для того, чтобы въ благопріятный моментъ выступить противъ Германіи съ разсчетомъ на успѣхъ.

Это право французовъ совершенно естественно, и они были бы недостойны славы своихъ предковъ, еслибы дѣйствовали иначе! Ни одинъ справедливый нѣмецъ не отнимаетъ у нихъ этого права, конечно, удерживая при этомъ за своимъ народомъ право отстаивать старыя нѣмецкія земли, пріобрѣтенныя послѣ столь страшной борьбы. Но большинство нѣмецкихъ либераловъ прячетъ, какъ страусъ, голову въ кустъ, чтобы ничего не видѣть. Они утверждаютъ, что французы успокоятся и нѣмцамъ можно отдыхать на лаврахъ.

Возвращаюсь къ изложенію хода тревожныхъ событій. Въ послѣднихъ числахъ марта сдѣлалось извѣстнымъ, что императоръ Францъ-Іосифъ намѣренъ посѣтить короля итальянскаго, въ самой Италіи. Сначала прибрала къ своимъ рукамъ это извѣстіе французская печать. Она съумѣла наплести про разладъ между Германіей и Россіей, а также между Австріей и Германіей. Австрійское пра-

вительство, по словамъ французскихъ журналовъ, недовольно ходомъ прусской церковной политики, Италія—точно также, и оба правительства по этому поводу желаютъ бóльшаго сближенія. Австрійскіе оффиціозные органы не замедлили, конечно, опровергнуть такое толкованіе фактовъ. Они напомнили о существованіи союза трехъ императоровъ, къ которому Италія стоитъ близко и будетъ, конечно, еще ближе привлечена. Но эти объясненія, хотя и звучали очень опредѣленно, не разогнали всѣхъ опасеній. Не должно забывать, что въ Австріи существуетъ очень вліятельная католико-легитимистская партія, которая симпатизируетъ всѣмъ врагамъ Пруссіи, ультрамонтанизму и карлизму, и которая, будучи въ настоящее время устранена отъ дѣлъ, можетъ совершенно неожиданно снова появиться во главѣ правленія.

Одновременно съ этими событіями здѣсь поднялась необыкновенная дѣятельность. Наслѣдный принцъ посѣтилъ Бисмарка много разъ, одинъ за другимъ; князь имѣлъ продолжительныя совѣщанія съ императоромъ.

Въ газетахъ ежедневно сообщались новыя извѣстія о столкновеніи между Германіей и Бельгіей. Между обоими правительствами происходилъ горячій обмѣнъ нотъ. Едва прошла недѣля такого безпокойнаго состоянія, какъ появилась 5-го апрѣля въ „Кельнской газетѣ“ корреспонденція изъ Вѣны (чтобы придать ей бóльшее значеніе, редакція помѣстила ее впереди газеты), въ которой высказывались весьма серьёзныя опасенія относительно существованія католической лиги, задуманной іезуитами еще въ 1870 году противъ протестантской Германіи.

Въ Австріи существуетъ — такъ развивалъ свой взглядъ корреспондентъ—сильная аристократія. Бóльшая часть ея не можетъ разстаться съ воспоминаніями объ австрійскомъ владычествѣ въ Италіи и Германіи. Въ арміи не мало вліятельныхъ голосовъ, которые готовы еще примириться съ потерей Венеціи, потому что съ этой потерей сопряжено воспоминаніе о побѣдоносныхъ дняхъ подъ Кустоццей, но которые не въ состояніи позабыть о богемскомъ походѣ, связанномъ съ рядомъ пораженій, безъ единой побѣды. Соглашеніе по существу столь разнородныхъ элементовъ, общая связь между которыми состоитъ только въ недовольствѣ современнымъ положеніемъ дѣлъ, можетъ гораздо легче осуществиться, чѣмъ многіе полагаютъ, на основаніи единства вѣроисповѣданія и союза старыхъ враговъ между собою: на первомъ планѣ стоитъ низверженіе графа Андраши, возстановленіе централизаціи или федеративной системы, со священствомъ, дворянствомъ и наконецъ арміей во главѣ. Къ этому слѣ-

дуетъ присоединить нерасположеніе, существующее между Германіей и Россіей съ одной стороны, и Франціей и Римомъ съ другой.

Эта корреспонденція произвела много шума, но была бы забыта, если бы не появилась вторымъ, дополненнымъ изданіемъ нѣсколько дней спустя, въ одной изъ *здѣшнихъ* газетъ „*Post*".

Тѣмъ временемъ, правда, присоединилось еще одно обстоятельство, усилившее тревожное настроеніе умовъ. 6-го числа еще вездѣ было заявлено, что путешествіе императора Вильгельма въ Италію есть рѣшеное дѣло. На слѣдующій день газеты принесли извѣстіе, что вслѣдствіе рѣшенія консиліума врачей, бывшаго *6-го числа* (!), путешествіе императора отмѣняется.

Вамъ, конечно, понятно, что весьма немногіе повѣрили такому объясненію. Всеобщее убѣжденіе было напротивъ, что внезапная отмѣна путешествія обусловливалась политическими причинами, и это находило подтвержденіе еще въ томъ, что путешествію кронпринца въ Италію, предпринятому нѣсколько дней позже, былъ приданъ совершенно частный характеръ.

Послѣ такой подготовки почвы, появилась 8-го числа вечеромъ статья въ „*Post*", озаглавленная: *Предстоитъ война или нѣтъ?*—давшая тему для безконечныхъ политическихъ разговоровъ въ теченіе четырехъ недѣль. Въ статьѣ повторялось сначала одобрительно то, что было сказано въ Кёльнской газетѣ объ Австріи, и разбиралось затѣмъ положеніе дѣлъ во Франціи, по всѣмъ признакамъ на основаніи вѣрныхъ свѣдѣній и во всякомъ случаѣ совершенно оригинально. Исходнымъ пунктомъ обсужденія французскихъ дѣлъ былъ отказъ графа Шамбора 24-го октября 1873 года, который въ свое время былъ сочтенъ за безуміе, такъ какъ большинство французскаго національнаго собранія въ то время порѣшило возложить на главу графа корону Франціи и объясняло себѣ поступокъ графа сознаніемъ, что принятіе короны равнялось немедленному объявленію войны. Если перенестись въ то время, то этотъ взглядъ окажется не вполнѣ невѣроятнымъ. Далѣе приводилось, что Макъ-Магонъ, желая установить срокъ своего президентства вначалѣ на 10 лѣтъ, исходилъ изъ мысли пережить войну возмездія въ качествѣ главы государства. Затѣмъ въ статьѣ считается вѣроятнымъ, что „во вліятельныхъ кружкахъ французской арміи господствуетъ идея, что корона должна пріобрѣтаться на полѣ брани, или еще лучше—возлагаться побѣдоносной арміей на главу побѣдителя". Въ заключеніе было замѣчено, что республиканское большинство національнаго собранія конечно не будетъ склонно спѣшить войной, подъ предводительствомъ Макъ-Магона и орлеанскихъ принцевъ, и что настоящая партія войны имѣетъ противуположную цѣль.

Приведенныя замѣчанія, отличающіяся оригинальностью, могли, конечно, быть результатомъ весьма тонкихъ наблюденій, но вѣроятнѣе, что они основаны на дипломатическихъ разслѣдованіяхъ; должно прибавить, что они нигдѣ и никѣмъ не были опровергнуты. Это, конечно, весьма важное обстоятельство, если принять въ соображеніе то впечатлѣніе, какое произвела статья не только на массу публики, но и въ высшихъ политическихъ кружкахъ. Здѣсь, а также въ Парижѣ и Лондонѣ, правительство или его представители были, безъ сомнѣнія, вызваны на объясненія, но вездѣ послѣдовалъ отвѣтъ, что правительство не имѣетъ ничего общаго со статьей, что „*Post*" газета вполнѣ независимая, но сколько извѣстно нигдѣ не было сказано, что статья основана на ложныхъ фактахъ, что она была средствомъ для скандала или рекламы.

Третья часть статьи трактуетъ объ Италіи и не приводитъ рѣшительно ничего новаго, но повторяетъ взглядъ, высказанный прежде Гнейстомъ: папство есть не что иное, какъ всесвѣтное господство итальянской прелатуры. Потому оно и составляетъ *національную гордость* Италіи; но въ тоже время, пока оно не откажется отъ свѣтской власти, будетъ *національнымъ врагомъ* Италіи. Но какъ только оно откажется отъ этой власти и будетъ имѣть въ виду *только* власть надъ всѣмъ свѣтомъ, большинство образованнаго класса Италіи охотно вступитъ въ союзъ противъ Германіи.

Это общія разсужденія. Можно многое сказать и за, и противъ нихъ. Этимъ было дополнено впечатлѣніе, которое желали произвести; затѣмъ статья могла дать отвѣтъ на поставленный въ заголовкѣ вопросъ: да, война предстоитъ, но конечно облако еще можетъ разсѣяться.

При тогдашнемъ настроеніи умовъ большинство вѣрило скорѣе въ то, что облако не разсѣется. Завѣдомо оффиціозный органъ, „*Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, промолчалъ два дня, наконецъ напечаталъ возраженіе, въ которомъ отрицалъ факты только относительно Австріи и Италіи, относительно же Франціи подтвердилъ статью *Post*. Вотъ его слова: „что касается Франціи, то мѣры по реорганизаціи арміи, частью уже предпринятыя тамъ, частью порѣшенныя, носятъ на себѣ тревожный характеръ. Ясно, что эти мѣры разсчитаны не просто на солидное устройство французской арміи, такъ какъ даже богатѣйшій народъ не могъ бы продолжительное время вынести падающей въ настоящее время на него тягости; ясно, что производится систематическое вооруженіе, цѣль котораго всякому ясна.

Цѣль этой статьи не трудно угадать. Надо было обратить вниманіе Франціи на то, что ея послѣднія мѣры возбуждають здѣсь

сомнѣніе и въ то же время дать толчекъ слишкомъ миролюбивому настроенію въ Германіи. Но цѣль эта не была достигнута. Вся оппозиціонная пресса, какъ радикальная, такъ и крайняя реакціонерная, выступила противъ „оффиціозной", противъ алармистовъ и шовинистовъ въ Германіи, причемъ повсюду встрѣчались намеки, что главнымъ зачинщикомъ всей тревоги былъ не кто другой, какъ князь Бисмаркъ,—конечно ни разу не упоминалось его имя.

Одинъ весьма остроумный историкъ, профессоръ Гильдебрантъ, замѣтилъ однажды очень тонко, что въ Германіи великимъ людямъ тяжко достается величіе. Онъ ссылается при этомъ на Фридриха великаго, Гёте и Бетховена. Тоже самое относится и къ князю Бисмарку. Въ теченіе многихъ лѣтъ онъ былъ ненавистнѣйшимъ человѣкомъ во всей Германіи; всякій парламентъ, всякое народное собраніе доставляли себѣ удовольствіе доказывать, что политика Бисмарка приведетъ къ разоренію государство. Его не перестали щадить и послѣ громадныхъ успѣховъ его политики и пріобрѣтенія популярности. Оппозиція не дремала, и Бисмарку приходилось бороться съ ней не въ одномъ парламентѣ. Она заявляла себя самымъ энергическимъ образомъ въ 1866 году, передъ войной съ Австріей; въ 1871 году, когда Бисмаркъ впервые предпринялъ установить болѣе правильныя отношенія между церковью и государствомъ, и достигла своего апогея при проведеніи закона объ уничтоженіи монастырей и тому подобныхъ учрежденій. Ультрамонтаны конечно сознавали, что этотъ законъ наноситъ имъ сильнѣйшій ударъ; всѣ рычаги были пущены въ ходъ, чтобы только не дать пройти закону, и они были недалеки отъ побѣды. Я говорю—*побѣды*, потому, что всякое отступленіе правительства отъ пути законоположеній, которому оно слѣдовало до сихъ поръ, равнялось бы низложенію всей церковной политики, начатой въ 1872 году,—столь рѣшительному низложенію, что Пруссія въ состояніи была бы возобновить борьбу на тѣхъ началахъ, на какихъ она ведется теперь, только въ томъ случаѣ, когда стала бы угрожать свободѣ протестантской религіи, но тогда конечно вспыхнула бы настоящая религіозная война.

Это просто великолѣпно! Бисмарка представляютъ себѣ въ такомъ ослѣпленіи, что онъ желаетъ нарушить внѣшній миръ, отдѣляя въ тоже время своею церковною политикою отъ короля цѣлую треть его подданныхъ. Между тѣмъ, ультрамонтаны готовы къ послушанію, только бы не стѣсняли свободы ихъ совѣсти. Продолженіе же и усиленіе борьбы несомнѣнно приведетъ только къ опасности. Такимъ образомъ, матеріальныя силы были бы раздѣлены. Все соединилось бы вмѣстѣ, что́ ненавидитъ или лично Бисмарка, или германскую имперію: во-первыхъ, само собою разумѣется, ультрамонтаны, затѣмъ

часть аристократіи, считающая въ глубинѣ своего сердца Бисмарка просто выскочкою; радикалы, которые съ радостію увидѣли бы паденіе Бисмарка, потому что онъ имѣетъ слишкомъ большой авторитетъ, имѣющій возможность лучше всего противостоять ихъ стремленіямъ,—и наконецъ, старые реакціонеры, которые все еще думаютъ, что ходъ исторіи долженъ бы былъ обернуться вспять, и что они тогда, какъ спасители отечества, могли бы поставить условія, при которыхъ они взяли бы въ свои руки дѣло спасеніе государства. Все это продолжается нѣсколько недѣль, не увеличивая замѣтно безпокойства (достойно замѣчанія то обстоятельство, что во все это время ни прусскія, ни французскія государственныя бумаги не потерпѣли никакого пониженія на биржѣ), до тѣхъ поръ пока со стороны французовъ не была сброшена маска, и пока корреспонденція въ лондонскомъ „Times'ѣ" не описала подробно тайныя будто бы намѣренія прусскаго правительства или по крайней мѣрѣ тѣхъ, которые любятъ называть себя прусской военной партіей. Намѣренія эти будто бы состоятъ въ томъ, чтобы, выражаясь какъ можно короче, не дожидаться усиленія Франціи, но прежде, чѣмъ она возродится, разгромить ее еще болѣе, чѣмъ въ 1871 году. Былъ даже сообщенъ, конечно, совершенно фантастическій—планъ похода, который намѣрена осуществить такая политика.

Маневръ былъ необыкновенно удаченъ, потому что такимъ образомъ остріе копья было перевернуто. Нѣмецкія газеты, преданныя правительству, исходили постоянно изъ того положенія, что нарушенія мира слѣдуетъ опасаться только со стороны Франціи; французы съ величайшимъ апломбомъ утверждаютъ, что миръ нарушитъ Германія, и очень удачно выставляютъ на видъ пунктъ, о которомъ трактовать весьма трудно, именно вопросъ государственнаго права: имѣетъ ли право одно государство, видя усиливающимся угрожающее положеніе со стороны другого, предупредить его. Еще задолго до появленія статьи „Times'а", парижскій „Moniteur" говорилъ въ этомъ направленіи, подкрѣпляя свои мнѣнія цитатою изъ государственнаго права Блунчли, который говоритъ, что одни интересы государства не могутъ дать права начать войну. Правовыя причины войны суть: пренебреженіе основными правами государства со стороны другого, насильственное вторженіе, и наконецъ насильственное уничтоженіе основъ, на которыхъ зиждется общественный порядокъ и права.

Мониторъ могъ бы обратиться за цитатами еще болѣе древними. Основатель науки государственнаго права Гуго Гроцій говоритъ: „ни въ какомъ случаѣ однако нельзя думать, какъ полагаютъ нѣкоторые, чтобы сообразно государственному праву могла быть начата

война, съ цѣлію воспрепятствовать возрастанію могущества, которое потомъ можетъ быть вреднымъ. Прибавлю къ этому, что при рѣшеніи начать войну слѣдуетъ обращать вниманіе и на это, но не съ точки зрѣнія права, а только цѣлесообразности,—такъ чтобы, если война имѣетъ другія правовыя причины, — ее можно было бы считать предпринятою съ разсчетомъ".

Если мы однако обратимся къ исторіи, то увидимъ, что почти всѣ войны обусловливались совсѣмъ не тѣми причинами, которыя по Блунчли сообразны праву; въ новѣйшее время дѣлается даже такъ, что если войну начать рѣшено, то дальнѣйшій ходъ дѣлъ представляется просто подобіемъ шахматной игры, которою рѣшается, кому начать первому. Я напомню, напр., войну 1859 года. Привѣтствіе на новый годъ, съ которымъ Наполеонъ III обратился къ тогдашнему австрійскому послу, было сочтено всѣмъ міромъ за объявленіе войны, и однако французская и итальянская политика велась такимъ образомъ, что Австрія должна была взять начало войны на себя.

Весьма практически поступилъ въ надлежащемъ случаѣ и князь Бисмаркъ, сказавши одному изъ дипломатовъ: „если бы я теперь нарушилъ миръ изъ опасенія будущей силы Франціи, то это было бы то же самое, какъ если бы я желалъ умерщвленія Кулльмана, изъ боязни того, что онъ, освободившись, снова можетъ сдѣлать покушеніе на мою жизнь".

Однако всѣ эти увѣренія и основныя положенія государственнаго права на практикѣ имѣютъ мало значенія. Если государство будетъ убѣждено въ томъ, что другое имѣетъ намѣреніе напасть на него, то оно непремѣнно предупредитъ нападеніе, если въ это время имѣетъ болѣе шансовъ на побѣду, чѣмъ потомъ, и наоборотъ,—постарается не начинать само войны, если впослѣдствіи можетъ представить болѣе сильное сопротивленіе. Каждый, какъ выражается Гроцій въ другомъ мѣстѣ, уже по природнымъ свойствамъ есть собственный защитникъ, для этого даны ему и руки. То же самое можно сказать и о государствахъ, и если правительство думаетъ, что существованіе его государства поставлено на карту, то оно безъ всякихъ разсужденій поступаетъ такъ, какъ кажется необходимымъ.

Статья „Times'a" появилась какъ разъ передъ пріѣздомъ сюда русскаго императора Александра, и здѣсь, по-крайней-мѣрѣ въ кружкахъ, недалеко стоящихъ отъ правительства, полагаютъ, что время ея появленія разсчитано съ намѣреніемъ придать дѣлу такой видъ, что посѣщеніе императора Александра имѣло умиротворяющее значеніе, и что князь Бисмаркъ отказался отъ своихъ воинственныхъ плановъ только подъ вліяніемъ Россіи.

„Norddeutsche Allgemeine Zeitung“ какъ бы хотѣла напередъ подтвердить это объясненіе, начавши отрицать все то, что́ она сама говорила ранѣе, и какъ разъ начала въ тотъ день, когда пріѣхалъ сюда императоръ Александръ; перемѣна была чрезвычайно рѣзка, такъ что она начала называть ложью все, что́ считалось причиною безпокойствъ, и увѣряла, что вообще не было совсѣмъ никакого напряженнаго состоянія между французскимъ и германскимъ правительствами, такъ что миръ вполнѣ обезпеченъ; увѣренія эти съ нѣкоторыми измѣненіями и постояннымъ возвышеніемъ тона повторялись потомъ почти постоянно въ теченіи восьми дней.

Противорѣчіе такъ очевидно, что его нельзя не замѣтить, и поэтому полагаютъ, что есть особая причина такого внезапнаго отрицанія, можетъ быть это штука тайныхъ противниковъ канцлера, которые хотѣли пошутить надъ нимъ, а можетъ быть виною всему и не совсѣмъ тщательная редакція статей. Но что бы тамъ ни было, во всякомъ случаѣ можно надѣяться, что опять наступила продолжительная эпоха вѣры въ общій миръ, и Россія можетъ гордиться тѣмъ, что она имѣла значительное вліяніе на упроченіе мира. Пріѣздъ русскаго императора Александра какъ разъ совпалъ съ мирнымъ поворотомъ въ политикѣ, и очень можетъ быть, что оба эти событія имѣютъ между собою причинную связь. Это мнѣніе проникло даже въ юмористическіе листки...

Безъ всякаго сомнѣнія, многіе пункты въ дипломатической исторіи послѣднихъ недѣль еще не разъяснены; тотъ фактъ, что опасность французскаго военнаго закона для мира возбудила переговоры, отрицать невозможно, хотя и не въ формѣ циркуляра отъ германскаго правительства, какъ полагали газеты, но конфиденціально. Точно также нѣтъ сомнѣнія, что англійское правительство заботилось о сохраненіи мира, хотя и нельзя точно сказать, какимъ образомъ оно добивалось этого. Можно думать, что и въ этомъ случаѣ была избрана наименѣе рѣзкая форма, такъ какъ вообще въ послѣднее время дипломатія избѣгаетъ все болѣе и болѣе прежнихъ тяжелыхъ формъ. Большія лондонскія газеты прежде всѣхъ—или по крайней мѣрѣ въ усиленной мѣрѣ—старались предать гласности этотъ фактъ, и при этомъ въ особенности выставляли на видъ, что англійское правительство при этомъ въ первый разъ отрѣшилось отъ принципа невмѣшательства въ континентальныя дѣла. Въ самой Англіи значительное большинство стоитъ за этотъ принципъ, и если его въ настоящемъ единственномъ случаѣ нарушили, то потому только, что имѣлось въ виду сохраненіе мира. Конечно, эта цѣль всегда бываетъ причиною вмѣшательства, которое иногда, вмѣсто ожидаемыхъ, приводитъ къ другимъ результатамъ, и тогда могутъ послѣдовать боль-

шія непріятности и для вмѣшивающагося. На это соображеніе въ настоящемъ случаѣ даже слѣдовало бы обратить вниманіе Англіи, потому что, судя по мнѣніямъ германскихъ оффиціозныхъ газетъ, на ея вмѣшательство смотрѣли не совсѣмъ дружественно, и потому именно, что, по здѣшнему мнѣнію, англійское правительство должно было бы обратить дипломатическое вліяніе на Францію, а не на Германію. Въ настоящее время почти всѣми признано, что Англія легко могла бы воспрепятствовать войнѣ 1870 года, если бы она тогда болѣе повліяла на Францію, такъ какъ еще въ 1867 году при Люксенбургскомъ вопросѣ можно было убѣдиться, что Пруссія желаетъ сохраненія мира и даже не останавливается для этого передъ жертвами. Тогда однако въ Англіи господствовалъ принципъ невмѣшательства въ полномъ значеніи этого слова; не мѣшаетъ припомнить, что на лондонской конференціи нейтралитетъ Люксенбурга былъ гарантированъ всѣми государствами, но лордъ Стенли на запросъ въ палатѣ равнодушно объяснилъ, что такая коллективная гарантія совсѣмъ не обязываетъ Англію обнажать мечъ въ случаѣ нарушенія нейтралитета Люксенбурга.

Этотъ такъ-называемый принципъ невмѣшательства есть чистая игра словъ. Ему слѣдуютъ, пока возможно, но если настаетъ критическій моментъ, его оставляютъ. Восхваляемый ежедневно въ Англіи, принципъ невмѣшательства выражаетъ только крайній эгоизмъ въ международной жизни и сношеніяхъ. Если, вслѣдствіе своего изолированнаго положенія, Англія рѣже замѣшивается въ международныя столкновенія, то это еще не даетъ ей права предоставлять ходъ дѣлъ самому себѣ, не заботясь нисколько о томъ, побѣдитъ ли право или несправедливость. Можетъ наконецъ придти время, когда ей самой понадобятся дружественныя отношенія другихъ націй.

Если разсмотрѣть положеніе Англіи между Франціей и Германіей, то всякому нѣмцу легко замѣтить, что дружественныя отношенія Франціи и Англіи, все болѣе и болѣе развивающіяся въ послѣднія 20 лѣтъ, не только доставляютъ громадныя матеріальныя выгоды для обѣихъ странъ, но выгодны даже для всей Европы. Однако оба эти государства вели между собою въ прежнее время жесточайшія войны, а между тѣмъ теперь живутъ въ прекрасныхъ отношеніяхъ. Не можетъ ли быть впослѣдствіи того же самаго между Германіей и Франціей? Теперь, конечно, каждый французъ мечтаетъ о мщеніи, какъ мечтали прежде о мщеніи англичанамъ, но можетъ быть всеисцѣляющее время приведетъ къ тому, что французы увидятъ возможность быть хорошими сосѣдями нѣмцевъ и безъ возврата завоеванныхъ провинцій, или получивши взамѣнъ ихъ вознагражденіе инымъ путемъ. Этотъ вопросъ о вознагражденіи снова выступилъ на

сцену съ того времени, какъ бельгійскій вопросъ сталъ принимать болѣе серьёзныя формы.

Вопросъ этотъ въ послѣднее время породилъ еще бóльшую запутанность. Давно уже извѣстно, что германское правительство имѣетъ многія причины неудовольствія на Бельгію. Гораздо живѣе заговорили объ этомъ два мѣсяца тому назадъ и мало-по-малу выяснилось, что главныхъ причинъ неудовольствія двѣ: такъ-называемое дѣло Дюшена и отношеніе бельгійскихъ епископовъ къ католической борьбѣ въ Германіи. Что касается перваго дѣла, то оно заключается въ томъ, что нѣкто Дюшенъ, занимающійся починкою старыхъ котловъ въ Люттихѣ, сдѣлалъ въ 1873 году предложеніе парижскому архіепископу убить князя Бисмарка за извѣстную сумму денегъ. Епископъ донесъ объ этомъ письмѣ, и противъ Дюшена начато судебное преслѣдованіе; онъ въ свое оправданіе сказалъ, что письмо написано имъ въ шутку. Что касается второго пункта, то разные бельгійскіе епископы, въ своихъ пастырскихъ посланіяхъ, самымъ рѣзкимъ и враждебнымъ образомъ порицали прусское правительство, и послѣднее нашло несовмѣстнымъ подобное поведеніе съ обязанностями государства, которое должно наблюдать за тѣмъ, чтобы его подданные не предпринимали враждебныхъ дѣйствій противъ другого дружественнаго государства.

Это, во всякомъ случаѣ, совершенно неоспоримое положеніе государственнаго права, и споръ можетъ быть развѣ о томъ, слѣдуетъ ли считать слова и письменныя выраженія враждебными дѣйствіями. Если на это отвѣтить положительно, то свобода мнѣній будетъ до крайности стѣснена.

Преслѣдованіе противъ Дюшена кончилось ничѣмъ, и поэтому германское правительство въ своей нотѣ сдѣлало предложеніе улучшить уголовный законъ въ томъ отношеніи, чтобы покушеніе на убійство было наказуемо, даже если оно и не приведено въ дѣйствіе. Германское правительство признало при этомъ, что въ германскомъ законѣ есть такой же пробѣлъ и что германское правительство само возьметъ на себя иниціативу и позаботится о томъ, чтобы сдѣлать измѣненіе въ уголовномъ законѣ въ этомъ отношеніи.

Вотъ сущность дѣла въ крупныхъ чертахъ. Вопросъ заключается только въ томъ: была ли опасность въ самомъ положеніи вещей въ Бельгіи столь велика, что правительство должно было выступить противъ нея, или была другая причина, почему положеніе дѣлъ привело къ кризису? Можетъ быть, какъ это часто случается, что неудовольствіе, съ какимъ смотрѣли въ германскихъ правительственныхъ кружкàхъ на усиленіе ультрамонтанскаго вліянія въ Бельгіи, произвело, наконецъ, родъ взрыва. Несомнѣнно, что дѣйствія гер-

манскаго правительства очень ярко освѣтили отношеніе партій въ Бельгіи. До того времени отношенія въ Бельгіи были почти таковы, что ультрамонтанская партія имѣла не только перевѣсъ, но либералы были почти совсѣмъ подавлены. Либералы, конечно, вполнѣ понимали трудность своего положенія, получая чуть не ежедневно приговоръ: „Vae victis", пока, наконецъ, ультрамонтаны, безъ мѣры злоупотребляя своимъ могуществомъ, вызвали противъ себя страшную реакцію. Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что Бельгія страна вполнѣ католическая, и такимъ образомъ борьба противъ ультрамонтановъ начата католиками. Слѣдуетъ прочесть только извѣстія о послѣднемъ скандалёзномъ событіи въ Гентѣ, 6/18 мая, чтобы получить понятіе о необыкновенномъ озлобленіи, господствующемъ тамъ. Либеральныя бельгійскія газеты описываютъ все такъ, какъ будто бы въ странѣ вспыхнуло возстаніе, и даже говорятъ о немъ. Положеніе нѣсколько улучшилось, когда умѣренно либеральные и вполнѣ либеральные элементы проникли въ палату, и голосованіе 8-го мая нанесло ультрамонтанамъ чувствительный ударъ, такъ какъ въ мотивахъ перехода къ очередному порядку было высказано порицаніе пастырскому посланію епископовъ, въ которыхъ находятся сильныя нападки на германское правительство. Если разсматривать вещи издали, то, конечно, можетъ показаться, что въ дѣйствіяхъ либераловъ есть ошибка, такъ какъ они строятъ министерству золотой мостъ для отступленія и упрочиваютъ ихъ положеніе—на долго ли,—это вопросъ. Бельгійцы думаютъ объ этомъ иначе, и ихъ сужденіе, конечно, всего ближе къ истинѣ. Они смотрятъ на переходъ къ очередному порядку 8-го мая, какъ на побѣду надъ министерствомъ и косвенно надъ ультрамонтанами, которые раздражены необычайно. Они осыпаютъ министерство неистовыми упреками, думая, что оно близко къ паденію, и принимаютъ такой видъ, будто и они готовы способствовать низверженію этого министерства, которому они обязаны своимъ возвышеніемъ. Впрочемъ, они при этомъ ничего не потеряютъ.

Конечно, вся ихъ забота, какъ и у либераловъ, состоитъ въ томъ, чтобы получить большинство въ парламентѣ. Для разсѣянной и разстроенной либеральной партіи это будетъ весьма трудно, и ей нужны необычайныя усилія для того, чтобы устоять противъ превосходно организованной силы римской церкви, которая, конечно, будетъ опираться на тѣхъ, кто не устаетъ порицать германскую церковную политику, и какъ постоянную панацею рекомендуютъ полнѣйшее невмѣшательство государства въ дѣла церкви. Возраженіе, что и въ Бельгіи государство заботится о духовенствѣ и, слѣдовательно, защищаетъ церковь, не имѣетъ въ этомъ случаѣ основанія, потому что

по бельгійской конституціи государство не имѣетъ ни права, ни средствъ имѣть какое-либо вліяніе на духовенство. Конституція, напротивъ, гарантируетъ полную свободу всѣхъ вѣроисповѣданій, но только ультрамонтаны умѣютъ пользоваться этимъ. Они дѣлаютъ то же самое повсюду. Въ Испаніи молодой король снова стремится возстановить единство церкви, т.-е. подавить протестантизмъ, пользовавшійся равенствомъ со времени изгнанія королевы Изабеллы, и даже во Франціи, гдѣ клерикалы не такъ дурны, правительство уже много разъ должно было непріязненно относиться къ протестантизму.

Это въ католическихъ государствахъ. Въ протестантскихъ государствахъ вѣра ультрамонтановъ заставляетъ дѣйствовать еще беззастѣнчивѣе противъ правительства для того, чтобы уничтожить еретическое вѣроисповѣданіе. Это дѣлается и въ Англіи, какъ это засвидѣтельствовано графомъ Мюнстеромъ въ національномъ клубѣ. Въ одномъ изъ тостовъ, говоря вкратцѣ о церковной политикѣ Германіи, посолъ выразился между прочимъ: „это—протестантское государство, возбуждающее противъ себя черное населеніе Рима. Англичане должны сдѣлать то же самое, и хорошо, если они заранѣе къ этому приготовятся". Англійскія газеты, конечно, сообщили подробно рѣчь, и телеграфъ передалъ ея содержаніе сюда и также быстро „Germania" (здѣшній органъ ультрамонтановъ) начала кричать противъ графа Мюнстера, что онъ возбуждаетъ религіозную войну, требуя ему наказанія или отставки. Въ Англіи ультрамонтаны тоже оказались на стражѣ: одинъ ирландецъ въ нижней палатѣ тотчасъ же потребовалъ объясненія, и повторилъ чрезъ нѣсколько дней свое требованіе, такъ что министръ долженъ былъ довольно обстоятельно отвѣчать ему, оправдывая до нѣкоторой степени посла тѣмъ, что онъ на балѣ выразился не совсѣмъ дипломатически. Во всякомъ случаѣ поведеніе посла порицается, и это дѣлаетъ его положеніе непріятнымъ, если не невозможнымъ.

Графъ Мюнстеръ, отправленный въ Лондонъ лѣтомъ 1873 года, по традиціямъ своей фамиліи настолько же англичанинъ, какъ и нѣмецъ. Я не знаю, находятъ ли въ немъ англичане что-либо нѣмецкое, но здѣсь онъ похожъ болѣе на англичанина, чѣмъ на нѣмца. Поэтому, лучшимъ англійскимъ обществомъ онъ былъ принятъ съ энтузіазмомъ, и вообще пользовался успѣхомъ. Но тѣмъ не менѣе случай этотъ принятъ настолько серьёзно, что императоръ Вильгельмъ пожелалъ имѣть о немъ самыя точныя свѣдѣнія. Его рѣшеніе еще не извѣстно; это видно изъ молчанія оффиціальныхъ газетъ, которыя всегда защищаютъ поведеніе пословъ.

При чтеніи упомянутой рѣчи, разсматривая ее съ той точки зрѣнія, какое впечатлѣніе она можетъ произвести *здѣсь*, самымъ худшимъ

представляется то, что Германія названа „a protestante empire"; это значитъ, заключаетъ газета *Германія*, что имперія не безпристрастна, что она неодинаково относится къ обѣимъ великимъ христіанскимъ религіямъ, что протестантская пользуется благоволеніемъ, а католическая играетъ роль паріи. Выраженіе „протестантская имперія" повторяется сотни разъ, хотя оно ничего не выражаетъ, кромѣ того, что германскую императорскую корону носитъ теперь протестантъ, тогда какъ прежде она принадлежала католической династіи. Съ религіозной равноправностью это обстоятельство не имѣетъ ничего общаго. Это характерно только въ политическомъ отношеніи, такъ какъ „протестантское государство" можетъ относиться къ папскому престолу независимѣе католическаго.

Жалобы, которыя постоянно повторяетъ „Germania", тѣмъ болѣе неблаговидны, что со стороны папы о германской имперіи, императорѣ и протестантахъ говорятся болѣе рѣзкія вещи, чѣмъ послѣдними противъ католиковъ. Но въ этомъ отношеніи ультрамонтаны всегда будутъ въ выгодѣ. Они считаютъ для себя все извинительнымъ, позволяютъ себѣ все, а если ихъ противникъ дозволитъ себѣ десятую долю, они начинаютъ кричать о несправедливости, тираннiи и преслѣдованіяхъ. Если имъ удастся свергнуть графа Мюнстера, то это будетъ значительною побѣдою. Впрочемъ, дѣло имѣетъ и обратную сторону. Графъ Мюнстеръ безъ сомнѣнія возвратится опять къ парламентской дѣятельности, и при свойственномъ ему блескѣ будетъ однимъ изъ первыхъ бойцовъ въ культурной борьбѣ, на сторонѣ протестантовъ; можетъ быть, онъ будетъ въ извѣстной степени предводителемъ протестантовъ, котораго до сихъ поръ нѣтъ, но который долженъ быть въ противовѣсъ ультрамонтанской партіи. Такимъ образомъ, дѣятельность протестантовъ получитъ бо́льшую замкнутость, тогда какъ теперь ихъ партіи недостаетъ единства.

Мнѣ поневолѣ пришлось придти къ вопросу, который въ настоящемъ письмѣ я бы охотно обошелъ, т.-е. къ церковно-политической борьбѣ, но что́ же дѣлать, если всѣ дороги ведутъ въ Римъ. Въ настоящее время въ Германіи почти ни о чемъ нельзя сказать, не задѣвая этого вопроса. Въ началѣ мая прошли законы о закрытіи монастырей и орденовъ, которыя, какъ видно изъ опубликованныхъ въ послѣднее время данныхъ, размножились - было до чрезвычайности; такое размноженіе ихъ обусловливалось вовсе не необходимостью, а только разсчетомъ на болѣе успѣшное веденіе борьбы. Ультрамонтаны разсчитывали оцѣпить протестантскую Пруссію цѣлою цѣпью монастырей и орденовъ, и такимъ образомъ думали поработить ее. Значительное большинство, подавшее голоса за эти законы

въ палатѣ господъ, показываетъ, что даже въ сердцѣ консервативной партіи сознается необходимость поддерживать правительство въ церковной политикѣ.

Сессія будетъ продолжаться до послѣдней трети іюня, но въ ея занятіяхъ едва ли будетъ что-либо важное. Императоръ остается здѣсь только потому, что 28/16 мая сюда ожидаютъ короля и королеву шведскихъ; изъ-за этого же и князь Бисмаркъ возвратится изъ своихъ помѣстій. 7 іюня императоръ Вильгельмъ отправится въ Эмсъ, гдѣ онъ проживетъ нѣсколько времени съ русскимъ императоромъ, а за тѣмъ наступитъ затишье въ дѣлахъ. Надо надѣяться, что покой не будетъ нарушенъ ничѣмъ неожиданнымъ. Желательно было бы, чтобы прекратился и хозяйственный кризисъ, продолжающійся вотъ уже третій годъ, но на это повидимому мало надежды. Банки и промышленныя общества, основанныя въ періодъ спекулятивной горячки, едва влачатъ существованіе: бумаги ихъ падаютъ и постоянно случаются все новыя и новыя банкротства. Впрочемъ, есть нѣкоторые благопріятные признаки: движеніе по желѣзнымъ дорогамъ усиливается, и многія линіи, на которыя смотрѣли недавно съ недовѣріемъ, начинаютъ работать сильнѣе и сильнѣе. При нормальномъ развитіи оборотовъ въ теченіи пяти-десяти лѣтъ, расширеніе желѣзнодорожной сѣти, производимое со времени послѣдней войны и значительно понижающее теперь доходы дорогъ, потеряетъ свое вліяніе. Тогда, конечно, теперешнее тяжелое положеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и урокъ, данный имъ, будутъ забыты. Впрочемъ, способность забвенія одно изъ лучшихъ благъ человѣка, и вѣроятно жизнь была бы совсѣмъ невыносима, если бы человѣкъ постоянно помнилъ все пережитое имъ.

К.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

III *).

Выставка картинъ въ Парижѣ.

I.

Годовая выставка картинъ въ Парижѣ открылась 1-го мая во дворцѣ Промышленности, въ Елисейскихъ-Поляхъ. Такія выставки впервые появились во Франціи при Людовикѣ XIV и сначала повторялись въ неопредѣленные и отдаленные сроки, лѣтъ черезъ семь, восемь, и лишь весьма недавно художникамъ дана возможность ежегодно выставлять свои произведенія. Мѣра эта превосходная. Конечно, выставка зачастую превращается въ настоящій базаръ, но выгоды ея такъ велики для всѣхъ, что не приходится сожалѣть о происходящей толкотнѣ.

Число выставляемыхъ произведеній все растетъ. Этотъ годъ она достигла громадной цифры 3,862! Излишне говорить о громадныхъ преимуществахъ, извлекаемыхъ художниками изъ знакомства публики съ ихъ картинами. Они входятъ въ непосредственное сношеніе съ публикою. Каждую весну они имѣютъ возможность заявить или напомнить ей о своемъ существованіи, блеснуть своей оригинальностью, доказать сдѣланные ими успѣхи и поддерживать постоянную связь съ своими почитателями. Чтобы яснѣе выставить пользу ежегодныхъ выставокъ, стóитъ только вспомнить о книгахъ, напримѣръ, о романахъ, для которыхъ ничего подобнаго не существуетъ и не можетъ существовать. Живописецъ съ талантомъ дѣлается извѣстнымъ съ первой же выставленной имъ картины. Писателю, напротивъ того, приходится иногда въ теченіи долгихъ лѣтъ добиваться такой же извѣстности. Я вовсе не намѣренъ поднимать здѣсь спорнаго вопроса о характерѣ выставокъ: одни желали бы, чтобы доступъ на нихъ былъ вполнѣ свободенъ, безъ всякой предварительной оцѣнки произведеній, доставляемыхъ на выставку, чтобы они были доступны для всѣхъ производителей безъ исключенія; другіе хотѣли бы, чтобы картины допускались въ ограниченномъ числѣ, одни лишь мастерскія произведенія. Я довольствуюсь тѣмъ, что замѣчу, что демократическая волна все растетъ, и выставки превращаются въ настоящій ры-

*) См. „В. Е“ мартъ, 441 стр.; май, 432 стр.

нокъ живописи. Двери раскрываются почти передъ всякимъ товаромъ. На выставкѣ встрѣчаешь хорошія и плохія, и совсѣмъ никуда негодныя картины. Вопросъ о школахъ одинъ возбуждаетъ взыскательность критики. Прибавлю еще, что такое положеніе дѣлъ является роковымъ послѣдствіемъ художнической анархіи. Послѣ распаденія академическихъ типовъ, послѣ побѣды романтизма и реализма, остается только допустить цѣликомъ всѣ современныя попытки. Что до меня касается, то это нисколько не огорчаетъ меня, и я даже доволенъ такимъ порядкомъ дѣлъ, потому что это даетъ мнѣ возможность созерцать современную эпоху во всей ея полнотѣ. Время утонченныхъ цѣнителей прошло безвозвратно; теперь наступилъ чередъ безпощадныхъ аналитиковъ, желающихъ все видѣть, все знать.

Что касается выгоды, извлекаемой публикой изъ этихъ выставокъ, на которыхъ скучиваются произведенія всякаго рода, то она тоже очень велика. По мѣрѣ того какъ выставки выходятъ изъ тѣснаго круга нашей академіи художествъ, толпа прибываетъ въ ихъ залахъ. Въ былое время лишь немногіе любопытные проникали въ нихъ. Теперь туда стремится цѣлое населеніе. По воскресеньямъ, когда входъ бываетъ даровой, посѣтителей насчитываютъ до тридцати тысячъ. Въ другіе дни бываетъ отъ восьми до десяти тысячъ. И это длится въ продолженіи шести недѣль. Можно считать, что за все время открытія выставки на ней перебываетъ до четырехъсотъ тысячъ человѣкъ. Конечно, въ этомъ числѣ многіе возвращаются по нѣскольку разъ, но толпа любопытныхъ тѣмъ не менѣе велика. Толпа эта самая смѣшанная: я видѣлъ и буржуа, и работниковъ, и даже крестьянъ. Сюда приходитъ настоящая толпа: невѣжды, зѣваки, прохожіе, заходящіе съ тѣмъ, чтобы убить время. Это входитъ въ привычку: люди, наименѣе интересующіеся живописью, каждый годъ посѣщаютъ выставку, потому что были на ней въ прошломъ году и потому, что разсчитываютъ встрѣтить на ней знакомыхъ. Посѣщеніе выставки вошло въ програму парижской жизни, какъ скачки и парады. Разумѣется, я не скажу, чтобы эта толпа приносила съ собой какое-нибудь артистическое чувство, толковое сужденіе о выставленныхъ произведеніяхъ. Лавочницы въ шелковыхъ платьяхъ, работники въ камзолахъ и круглыхъ шляпахъ, смотрятъ отчасти на картины, висящія на стѣнахъ, какъ дѣти, разсматривающія картинки въ книгѣ. Ихъ интересуетъ только содержаніе картинъ, разнообразіе сценъ, представленныхъ на нихъ, но, конечно, не качество самой живописи, и они даже не подозрѣваютъ объ артистическомъ талантѣ. Но тѣмъ не менѣе выставка способствуетъ медленному воспитанію толпы. Нельзя расхаживать среди прекрасныхъ вещей, не унося въ душѣ изящнаго впечатлѣнія. Умъ научается мыслить и разсуждать. Вотъ почему эта

ежегодная прогулка на выставкѣ кажется мнѣ крайне полезной для публики, и болѣе полезной, чѣмъ многія другія прогулки.

Какая давка бываетъ 1-го мая, въ день открытія выставки! Съ десяти часовъ кареты подъѣзжаютъ одна за другой. Елисейскія-Поля въ этотъ ранній часъ, озаренныя яркимъ солнцемъ, наполняются длинной вереницей торопливыхъ пѣшеходовъ. У дверей дворца Промышленности двѣ вертящіяся рогатки безъ устали работаютъ, съ шумомъ крыльевъ вѣтряной мельницы, подгоняемыхъ сильнымъ вѣтромъ. Всходишь по монументальной лѣстницѣ, проникаешь въ залы, уже полныя посѣтителей, и тамъ начинаешь мигать глазами, ослѣпленный видомъ нѣсколькихъ сотенъ картинъ, на которыхъ переливаются всѣ цвѣта радуги. Трудно передать словами то ощущеніе одурѣнія, какое вначалѣ испытываешь. Въ глазахъ пестритъ и рябитъ. Всѣ картины привлекаютъ вниманіе, и ни одну не разглядишь порядкомъ. Надо придти въ себя, надо привыкнуть къ этимъ краснымъ, желтымъ, голубымъ пятнамъ, которыя мечутся въ глаза, куда ни повернешь голову. Тогда мало-по-малу получаешь возможность сосредоточить вниманіе на одной какой-нибудь картинѣ. Осмотръ начинается. Предстоитъ изучить двадцать-пять большихъ картинъ, то-есть нѣсколько километровъ живописи, если приставить картины одну къ другой. Тяжкій трудъ! Въ теченіи семи-восьми часовъ приходится проталкиваться въ толпѣ, все прибывающей, протискиваться съ большими усиліями къ картинамъ, вытягивать шею, и задыхаться отъ пыли, жары и духоты! Самые мужественные люди отказываются отъ попытки осмотрѣть все за-разъ. Въ первый день довольствуются бѣглымъ осмотромъ всей выставки. Изъ залъ несется глухой гулъ, производимый сдержаннымъ топотомъ нѣсколькихъ тысячъ ногъ и напоминающій прибой волнъ, ударяющихся безъ перерыва о-берегъ.

И совсѣмъ тѣмъ, несмотря на страшную усталость, какую ощущаешь, день открытія выставки имѣетъ въ себѣ много привлекательнаго. Онъ представляетъ интересъ новинки, за что въ Парижѣ готовы платить очень дорого. Въ этотъ день рѣшается участь выставленныхъ произведеній. Мода хватается за картины, производящія сенсацію. Образуются группы вокругъ различныхъ картинъ; дамы испускаютъ тихія восклицанія, мужчины толкаются, поднимаютъ эстетическіе споры. Вечеромъ, во всемъ Парижѣ толкуютъ о десяти или двѣнадцати картинахъ, передъ которыми особенно много толпилось народу. Внизу, въ центральномъ саду, подъ громаднымъ стекляннымъ сводомъ, среди зеленыхъ кустарниковъ отведено мѣсто неподвижному міру статуй. Мужчины сходятъ туда выкурить сигару и поглядѣть на обнаженныя тѣла богинь. Усталыя дамы усаживаются на скамейкахъ и глядятъ на проходящихъ. Въ буфетѣ выпивается

большое количество пива. Порою, какъ въ нынѣшнемъ году, разражается ливень, какъ разъ въ минуту выхода. Тогда поднимается страшная суматоха. Нѣтъ возможности достать карету. Дамы волочатъ по грязи свои шлейфы. Девять или десять тысячъ человѣкъ толпятся у дверей выхода, съ отчаяніемъ глядя, какъ льетъ дождь. Наконецъ, показывается лучъ солнца и обрадованная толпа расходится, и шлепаетъ по Елисейскимъ Полямъ, гдѣ еще текутъ потоки грязи.

Я былъ не разъ на выставкѣ и знаю теперь всѣ картины, даже и тѣ, что̀ прячутся по угламъ. Какъ бы то ни было, но я не намѣреваюсь послать вамъ подробнаго отчета, который могъ бы представлять интересъ каталога—не болѣе. Я лучше попытаюсь нарисовать картину теперешняго состоянія нашей французской школы, и сдѣлать въ общихъ чертахъ оцѣнку артистическаго момента, переживаемаго нами. Выставка даетъ мнѣ только примѣры для подтвержденія того, что̀ я выскажу. Тѣ нѣсколько картинъ, о которыхъ я упомяну, картинъ самыхъ значительныхъ или самыхъ характеристичныхъ, будутъ служить для меня лишь доводами для подкрѣпленія тѣхъ мнѣній, которыя я выскажу въ настоящей статьѣ.

II.

Всѣ великіе живописцы нашего времени сошли въ могилу. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ искусство понесло невознаградимую утрату въ Энгрѣ и Делакруа. Они до сихъ поръ оплакиваются, потому что ихъ некѣмъ замѣнить. Курбе, имѣвшій непростительную глупость скомпрометтировать себя въ возстаніи, куда ему вовсе незачѣмъ было соваться, все равно, какъ бы не существуетъ; онъ живетъ гдѣ-то въ Швейцаріи. Вотъ уже три года, какъ онъ не далъ ничего новаго. Теодоръ Руссо, Милле, Коро, корифеи пейзажа, одинъ за другимъ сошли въ могилу. Въ нѣсколько лѣтъ наша новѣйшая школа какъ-бы опустѣла. Въ настоящее время остаются одни ученики.

Тѣмъ не менѣе французская живопись процвѣтаетъ. Если геній и отсутствуетъ въ настоящую минуту, за то у насъ есть матеріалъ, изъ котораго создается геній: искусство техники, доведенное до совершенства, изумительная ловкость и способность подражанія, превосходящія все, что̀ доселѣ мы видѣли въ этомъ родѣ. И вотъ почему,— если только національная гордость не ослѣпляетъ меня, — французская школа остается первой школой въ мірѣ. Не потому, повторяю, чтобы она могла выставить какое-нибудь великое имя, какого-нибудь выдающагося изъ ряда вонъ художника, но потому, что она отли-

чается изумительной прелестью, разнообразіемъ, изяществомъ. Я пойду даже далѣе: традиціонное, условное, декоративное всѣхъ школъ только усиливаютъ ея славу. У насъ есть въ настоящую минуту Рубенсы, Веронезы, Веласкецы, внуки знаменитыхъ геніевъ, которые, не обладая оригинальностію, тѣмъ не менѣе отмѣчаютъ наши выставки весьма любопытными индивидуальными чертами; Франція, въ дѣлѣ живописи, готовится побороть всѣ остальныя націи орудіемъ, которое заимствуетъ у ихъ прежнихъ великихъ живописцевъ.

Однимъ изъ самыхъ рѣзкихъ чертъ артистическаго момента, переживаемаго нами, является полная анархія тенденцій. Со смертью учителей, ученики тотчасъ же учредили республику. Романтическое движеніе потрясло академію; реалистическое окончательно ее низвергло. Теперь академія утратила всякую силу. Она не исчезла съ лица земли, она упорно живетъ своей обособленной жизнью, прибавляя лишнюю фальшивую ноту ко всѣмъ другимъ, стремящимся заглушить другъ друга. Представьте себѣ самую ужасную какофонію, оркестръ, гдѣ каждый инструментъ желалъ бы играть соло въ иномъ тонѣ. Прежде всего нужно добиться, чтобы публика насъ услышала, а потому дуютъ изо всей мочи, рискуя испортить самый инструментъ. Чтобы сильнѣе подзадорить любопытство, стараются придать своимъ произведеніямъ оригинальность, которой на дѣлѣ нѣтъ, ищутъ эффектовъ, стремятся воскресить прошлое или отдаются какой-нибудь спеціальности, бьющей въ носъ. Каждый самъ по себѣ — вотъ девизъ. Нѣтъ больше диктаторовъ въ искусствѣ; въ немъ царятъ тысячи трибуновъ, старающихся увлечь толпу своими произведеніями. И вотъ какимъ образомъ наша современная школа—я говорю школа, потому что не нахожу иного слова — превратилась въ Вавилонское столпотвореніе, гдѣ каждый художникъ желаетъ говорить на своемъ собственномъ языкѣ и затмить другихъ.

Сознаюсь, что это зрѣлище меня живо интересуетъ. Мы стоимъ лицомъ къ лицу съ неистощимой производительностью, съ усиліями, нелишенными, по моему мнѣнію, величія. Жаркая битва между всѣми этими талантами, мечтающими о диктатурѣ—это современный трудъ въ поискахъ за истиной. Конечно, я сожалѣю объ отсутствующемъ геніѣ, но утѣшаюсь немного, видя съ какою страстью наши живописцы стараются возвыситься до генія. Не сегодня, завтра кто-нибудь изъ нихъ дойдетъ до него смѣлымъ скачкомъ. Нація, гдѣ производство такъ обильно и такъ разнообразно, не можетъ быть истощенной. Затѣмъ надо вспомнить, что умъ человѣческій переживаетъ кризисъ, что старыя формулы рухнули, что идеалъ мѣняется, и это объясняетъ растерянность нашихъ художниковъ, ихъ лихора-

дочное исканіе новаго истолкованія природы, котораго они еще не добились вполнѣ. Въ нынѣшнемъ столѣтіи позитивный методъ перевернулъ вверхъ дномъ науку, политику, исторію, романъ. Живопись въ свою очередь унесена неудержимымъ потокомъ. Наши живописцы произвели свою революцію.

Итакъ, въ ожиданіи геніевъ будущаго, намъ приходится знакомиться съ любопытной толпой искусныхъ и остроумныхъ художниковъ. Ни въ какую эпоху живописцы не были многочисленнѣе во Франціи; я говорю о живописцахъ, извѣстныхъ публикѣ и картины которыхъ имѣютъ хорошую цѣну на рынкѣ. Никогда также картины не продавались дороже. Нынѣшней зимой самыя маленькія картины достигали сумасшедшихъ цѣнъ. Прибавьте къ этому, что многіе изъ нашихъ художниковъ работаютъ для вывоза; ежегодно значительное число картинъ отправляется въ Америку и въ другія страны. Я знаю живописцевъ, которыхъ самые незначительные наброски посылаются въ Англію. Ихъ произведенія входятъ въ разрядъ того, что называется „l'article de Paris". Мы снабжаемъ міръ картинами, подобно тому, какъ наводняемъ его нашими модами и нашими бездѣлушками. Поэтому понятна причина того неутомимаго производства, о которомъ я говорилъ. Великое искусство тутъ ровно непричемъ. Существуетъ спросъ, который надо удовлетворить. Живописцы становятся ремесленниками высшаго разряда, заканчивающими отдѣлку комнатъ, начатую обойщиками. У немногихъ людей имѣются картинныя галлереи; но нѣтъ ни одного достаточнаго буржуа, у котораго не было бы нѣсколькихъ красивыхъ рамъ въ салонѣ, съ какими-нибудь картинами для наполненія этихъ рамъ. Вотъ это-то увлеченіе, эта любовь большихъ и малыхъ дѣтей къ раскрашеннымъ картинамъ объясняетъ постоянное увеличеніе числа ежегодно выставляемыхъ произведеній, ихъ дюжинность, ихъ разнообразіе, путаницу сюжетовъ и направленій.

Упомяну еще, для поясненія нашего современнаго искусства, о литературныхъ претензіяхъ, внесенныхъ романтизмомъ въ живопись. Въ былое время, въ школахъ возрожденія, довольствовались мастерскимъ изображеніемъ нагого тѣла. Сюжеты, крайне ограниченные въ числѣ, служили лишь предлогомъ для широкой и мощной кисти. Скажу даже, что идея была враждебна дѣлу, что живописцы больше рисовали, нежели мыслили. Мы все это перемѣнили. Наши живописцы захотѣли писать страницы изъ эпопеи или изъ романа. Сюжетъ сдѣлался главной заботой. Великіе мастера, Эженъ Делакруа, напримѣръ, еще умѣли, благодаря своему генію, удерживаться въ матеріальномъ мірѣ красивыхъ красокъ и красиваго рисунка. Но энтузіасты, Ари Шефферъ и многіе другіе, утонули въ какой-то квинтэссенціи, которая прямо привела ихъ къ отрицанію самой живописи.

Оттуда если мы перейдемъ къ мелкимъ живописцамъ жанра, то попадемъ въ міръ анекдота, куплета, игривыхъ исторій, которыя передаются шопотомъ. Подумаешь, что перелистываешь иллюстрированный журналъ. Литература всѣмъ завладѣла: я говорю о литературѣ низшаго разряда, о литературѣ „faits divers", объ анекдотической литературѣ. Живописцы превратились въ разсказчиковъ, старающихся заинтересовать васъ выдумками репортеровъ въ погонѣ за новостями.

Одной прогулки по выставкѣ достаточно, чтобы убѣдиться въ томъ, что искусство держится въ буржуазныхъ рамкахъ: куда ни взглянешь, вездѣ видишь картины, размѣры которыхъ разсчитаны на наши небольшія, современныя комнаты. Портреты и пейзажи преобладаютъ, потому что сбытъ ихъ легче. Затѣмъ идутъ маленькія картинки жанра, которыя въ громадномъ количествѣ идутъ за границу. Что касается живописи исторической и религіозной, то она поддерживается лишь заказами правительства и традиціями нашей *École des Beaux-Arts*. Вообще, если наши художники не рисуютъ очень маленькихъ картинъ, разсчитанныхъ на продажу, то рисуютъ картины громадныхъ размѣровъ, бьющія на то, чтобы повергнуть зрителя въ изумленіе. И надо видѣть публику среди этихъ безчисленныхъ картинъ. Она, къ несчастію, поощряетъ злосчастныя усилія художниковъ, какими они желаютъ плѣнить ее. Она толпится передъ нарядными куклами, чувствительными или комическими сценами, сумасбродными выходками, бьющими на эффектъ. Правда, стиль не играетъ никакой роли въ ея восхищеніи. Ее плѣняетъ только посредственность. Нѣтъ ничего поучительнѣе, какъ слушать разсужденія, критику или похвалы этого большого ребенка—публики, сердящейся когда ей подносятъ оригинальныя произведенія и приходящей въ восторгъ отъ дюжинныхъ вещей, къ которымъ глаза ея привыкли. Воспитаніе толпы будетъ медленное; минутами даже отчаяваешься въ немъ. Хуже всего то, что между живописцами и публикой существуетъ какъ бы артистическая деморализація, отвѣтственность за которую неизвѣстно кому слѣдуетъ приписать. Живописцы ли пріучаютъ публику къ балаганной живописи и портятъ ей вкусъ, или же публика требуетъ картинъ низшаго разбора, этой массы посредственныхъ произведеній? Задача остается неразрѣшенной. Я думаю однако, что искусство всесильно. Когда появляется геній, онъ покоряетъ себѣ умы и воспитываетъ цѣлое поколѣніе.

Приходится ждать и довольствоваться въ настоящую минуту изумительной производительностью, о которой я упоминалъ. Повторяю: несмотря на всю посредственность произведеній, появляющихся на нашихъ выставкахъ, зрѣлище такой громадной производительности

не безъ значенія. Слѣдуетъ отвести мѣсто спѣху и усталости въ этомъ стремительномъ производствѣ. Франція имѣетъ мастерскую живописи. Средній уровень очень высокъ. Что касается великихъ живописцевъ, талантовъ, они появятся въ свое время. Въ нынѣшнемъ столѣтіи у насъ же были Делакруа, Энгръ и Курбэ, не говоря уже о творцахъ современнаго пейзажа: Коро́, Милле и Теодора Руссо. Уже и этихъ именъ достаточно; не во всякомъ столѣтіи найдешь собраніе такихъ разнородныхъ и характерныхъ талантовъ. Но я надѣюсь, что нашъ вѣкъ еще не истощился и что въ послѣднее его двадцатипятилѣтіе наступитъ полный разсвѣтъ, окончательное торжество реалистской школы, которой въ настоящую минуту мы слышимъ еще младенческій лепетъ. То, что́ Коро́ сдѣлалъ для пейзажа, надобно, чтобы какой-нибудь великій живописецъ сдѣлалъ для остальной живописи: теперь уже рисуютъ живыя деревья; скоро будутъ рисовать живыхъ людей.

III.

Хотя всѣ роды живописи теперь перепутались, но я для удобства буду держаться старинной классификаціи. Не легко дать ясное понятіе о нашихъ выставкахъ, если не слѣдовать какой-нибудь опредѣленной системы. Итакъ, я начну съ грандіозной живописи, съ живописи исторической и религіозной.

Общественный вкусъ во Франціи отнюдь не на сторонѣ громадныхъ картинъ строгаго рисунка и строгаго выполненія. Я объяснилъ увлеченіе жанромъ. Надо однако прибавить, что наша академія художествъ продолжаетъ навязывать традиціонную красоту, къ которой толпа относится съ большимъ почтеніемъ. Академія, конечно, утратила руководство вкусами публики и непогрѣшимость оракула, которому внимали на колѣняхъ, но она все еще представляетъ оффиціальную сторону искусства, и заказы правительства дѣлаются преимущественно ей. Къ тому же, академическіе живописцы мало по-малу сами начинаютъ дѣлать уступки модѣ; они стараются оживить пустоту содержанія археологическими подробностями или яркостью красокъ. Ихъ увлекаетъ общій потокъ анархіи, такъ что въ настоящее время трудно найти внука Давида, который бы сохранилъ въ чистотѣ принципы строгаго классика. Въ *École des Beaux-Arts*, всѣ профессора принадлежатъ къ академіи, а тѣмъ не менѣе въ ней не существуетъ единства въ преподаваніи; у каждаго профессора есть своя метода, и каждый фабрикуетъ учениковъ по своимъ личнымъ правиламъ. Такимъ образомъ, въ святилищѣ художественныхъ законовъ цар-

ствуетъ такая же великая смута, какъ и въ средѣ свободныхъ художниковъ. Школа производитъ колористовъ, рисовальщиковъ и даже реалистовъ, не считая живописцевъ, учившихся въ Римѣ, которые возвращаются въ обноскахъ какого-нибудь итальянскаго живописца и лишь съ великимъ трудомъ сбрасываютъ ихъ съ себя. Можно слѣдовательно сказать, что художники, прошедшіе черезъ *École des Beaux-Arts*, не имѣютъ между собою никакой связи, кромѣ нѣкотораго товарищества, которое впослѣдствіи очень содѣйствуетъ ихъ успѣхамъ. Они члены одного братства. Награды, медали, кресты, заказы достаются всегда имъ. Я не хочу сказать, что школа какъ-бы отмѣчаетъ ихъ посредственностью, но дѣйствительно весьма рѣдко появляется въ средѣ ихъ оригинальный талантъ. Они носятъ во всю свою жизнь какъ-бы сѣрый мундиръ, въ нихъ живетъ любовь къ *comme-il-faut* и посредственному, по которымъ ихъ весьма легко признать. Если толпа преклоняется передъ ихъ произведеніями, то потому, что во Франціи, несмотря на четыре или пять революцій, толпа окружаетъ почтеніемъ лишь патентованную славу, лишь приличныхъ людей, которыхъ администрація провозгласила великими людьми.

Подъ именемъ грандіозной живописи я долженъ, слѣдовательно, признать просто-на-просто картины большихъ размѣровъ. Единства нѣтъ, принципы угасаютъ. И ничто не докажетъ этого лучше, какъ пять или шесть картинъ, о которыхъ я буду говорить.

Самой обширной картиной на выставкѣ является та, которую Гюставъ Дорэ окрестилъ названіемъ: *Данте и Виргилій, посѣщающіе седьмой кругъ*. Въ ней не менѣе десяти метровъ въ длину и четырехъ въ вышину, размѣры *Брака въ Канѣ* Веронеза. Представьте себѣ черную пропасть, надъ которой стелется дымъ и гдѣ кишитъ куча нагихъ тѣлъ, землистаго цвѣта. Грѣшники катаются по землѣ, члены ихъ обвиты гигантскими змѣями. И такъ до безконечности, и кромѣ этого ничего нѣтъ, за исключеніемъ жалкихъ силуэтовъ Данте и Виргилія, теряющихся среди всѣхъ этихъ тѣлъ. Подумаешь, что это каррикатура на Микель-Анджело. И всего хуже то, что Гюставъ Дорэ—художникъ съ самымъ оригинальнымъ талантомъ. Онъ нарисовалъ превосходныя иллюстраціи для массы книгъ. Имя его популярно. Особенно хороша его иллюстрація въ сочиненіяхъ Раблэ: маленькія фигурки величиною съ палецъ, но мастерскія по оживленію, правдѣ и остроумію. И вотъ теперь, когда онъ дѣлаетъ фигуры непомѣрно большими, когда онъ мечтаетъ создать нѣчто титаническое, талантъ его блѣднѣетъ и гаснетъ. Судьба его одна изъ самыхъ печальныхъ. Онъ хотѣлъ оживить симпатіи публики, нѣсколько охладѣвшей къ нему, и вообразилъ, что величина рамы можетъ сдѣлать

произведеніе великимъ. Публика, удивленная и встревоженная, проходитъ, не понимая въ чемъ дѣло. Ошибка коренная. Вотъ весьма характерный примѣръ того, какъ странно понимаютъ грандіозную живопись иные изъ нашихъ живописцевъ.

Нѣкоторую сенсацію произвела другая большая картина, Жоржа Беккера: *Ресфа охраняетъ тѣла своихъ сыновей отъ хищныхъ птицъ.* Тутъ мы сталкиваемся съ однимъ изъ учениковъ *École des Beaux-Arts.* Можно считать это произведеніе какъ одну изъ самыхъ крупныхъ и оригинальныхъ попытокъ, какія были сдѣланы въ послѣднее время молодымъ живописцемъ, еще только-что успѣвшимъ покинуть школьную скамейку. Въ этой картинѣ много достоинствъ. Но какая натяжка и сколько придуманности въ замыслѣ! Ресфа—одна изъ женъ Саула; ея дѣтей распяли, чтобы угодить Богу. Въ глубинѣ семь сыновей прибиты къ столбу, а на первомъ планѣ мать, вооруженная суковатой палкой, борется съ орломъ и не подпускаетъ его къ трупамъ. Фигура матери колоссальна и драпирована въ яркія одежды, разлетающіяся вокругъ нея; она таращитъ страшные глаза и раскрываетъ черный ротъ. Несмотря на гигантскіе размѣры, во всемъ этомъ нѣтъ никакого величія. Нельзя не поздравить художника за смѣлость, съ какой онъ приступилъ къ такому сюжету, и нельзя въ то же время не протестовать противъ размѣровъ, придаваемыхъ инымъ сюжетамъ, которые отлично умѣстились бы на картинѣ величиною въ квадратный метръ.

Другой ученикъ *École des Beaux-Arts,* Леонъ-Глезъ выставилъ строгую картину, не безъ достоинствъ: *Заговоръ въ первыя времена Рима*—представляетъ съ десятокъ молодыхъ людей, полу-голыхъ, произносящихъ клятву надъ трупомъ какого-то человѣка, котораго они убили и чью кровь пьютъ. Тѣло сдѣлано прекрасно, но что за дикій сюжетъ, этотъ трупъ, изъ котораго люди съ серьёзными лицами выпускаютъ кровь точно изъ борова! Нельзя удержать улыбки, до того эта сцена чужда нашимъ нравамъ. Живописецъ, очевидно, избралъ этотъ сюжетъ не ради него самого, но ради этюдовъ голыхъ тѣлъ и драпировокъ, которыя онъ давалъ. Греки и римляне въ школѣ составляютъ просто предлогъ къ тому, чтобы раздѣть дѣйствующихъ лицъ, оставляя имъ только драпировку вокругъ пояса! Было бы неприлично представить раздѣтыхъ современниковъ, и вотъ почему современный міръ не существуетъ для классическихъ живописцевъ.

Я хочу указать здѣсь также на другую группу живописцевъ, живописцевъ символическихъ, сложныя идеи которыхъ требуютъ, чтобы человѣкъ хорошенько поломалъ голову, для того, чтобы понять ихъ. Племя этихъ художниковъ не затерялось. Г-нъ Мерсонъ ежегодно присылаетъ замысловатыя произведенія, передъ которыми толпа

останавливается съ растерянной миной сельскаго учителя, которому поднесли египетскую надпись. Нынѣшній годъ картина его носитъ названіе: *Жертва отчизнѣ.* На ней изображенъ молодой человѣкъ, блѣдный и хорошенькій, какъ дѣвушка, мертвый и растянутый на чемъ-то въ родѣ алтаря; женщина, должно быть мать, плачетъ, сложивъ руки, между тѣмъ какъ большія фигуры ангеловъ, долженствующія изображать героизмъ, преданность или что-то въ этомъ родѣ, носятся въ глубинѣ. Все это нарисовано какими-то блѣдными красками, какими-то прозрачными тонами и, благодаря этому, картина напоминаетъ колоссальную картинку изъ молитвенника. Нѣтъ ничего холоднѣе, мертвеннѣе, нестерпимѣе претензій на возвышенное!

Я оставилъ, какъ послѣдній примѣръ, большую картину Пюви де-Шаванна: *Удалясь въ монастырь св. Креста, Радегонда даетъ убѣжище поэтамъ и охраняетъ литературу отъ современнаго варварства.* Вотъ наконецъ истинно-оригинальный талантъ, образовавшійся внѣ всякихъ академическихъ вліяній. Онъ одинъ можетъ совладать съ декоративной живописью, съ громадными фресками, которыхъ ждетъ рѣзкое освѣщеніе публичныхъ зданій. Въ нашу эпоху, при разгромѣ классическихъ принциповъ, вопросъ о стѣнной живописи—вопросъ важный. Благородство героевъ, простота рисунка, всѣ правила, дѣлавшія изъ картины родъ барельефа, холодныя краски котораго не шли въ разрѣзъ съ мраморомъ церквей или дворцовъ, рухнули, уступивъ мѣсто яркости романтической кисти. И вотъ, мнѣ сдается, что Пюви де-Шаваннъ нашелъ исходъ изъ этого затрудненія. Онъ умѣетъ быть интереснымъ и живымъ, упрощая линіи и рисуя однообразными тонами. Радегонда, окруженная монахинями, въ бѣлыхъ одѣяніяхъ, слушаетъ поэта, декламирующаго стихи въ стѣнахъ монастыря. Сцена проникнута грандіозной прелестью и миромъ. Если говорить всю правду, то для меня Пюви де-Шаваннъ только предвозвѣстникъ. Необходимо, чтобы грандіозная живопись съумѣла находить сюжеты въ современной жизни. Не знаю, кто изъ геніальныхъ художниковъ съумѣетъ извлечь искусство изъ нашей цивилизаціи и не знаю, какъ онъ за это возьмется. Но несомнѣнно, что искусство не зависитъ ни отъ драпировокъ, ни отъ античной наготы; начало его кроется въ самомъ человѣчествѣ и, слѣдовательно, у каждаго общества должно быть свое индивидуальное изображеніе красоты.

Хотѣлось бы мнѣ поговорить о религіозной живописи, но только здѣсь мы становимся лицомъ къ лицу съ чистой торговлей. Новымъ церквамъ нужны иконы, кюре покупаютъ Распятія и Мадоннъ. Отсюда большое производство. Иные иконописцы, чтобы придать цѣну своей

подписи, посылаютъ на выставку образцы своего искусства. Мы видимъ цѣлый рядъ святыхъ сценъ изъ Новаго Завѣта, распятій. Живопись на нихъ бываетъ иногда порядочная, иногда совсѣмъ плохая. Ничего рельефнаго никогда не выдается. Я знаю, что многіе изъ живописцевъ ревностные католики; даже многіе монахи, ловко владѣющіе кистью, часто присылаютъ свои произведенія. Но всѣ они отзываются современнымъ духомъ, наукой, свободнымъ анализомъ; а лучшая сторона вѣры, наивность, исчезла. Ихъ живопись почти всегда остается мірской, плотской. Не видать больше того вдохновенія, того восторга, какимъ проникнуты картины старыхъ мастеровъ, Я упомяну, однако, объ эпизодахъ, выставленныхъ Шарлемъ Ланделлемъ и заимствованныхъ имъ изъ его большого произведенія: *Смерть Св. Іосифа*, рыжей картины, безъ всякаго характера, да еще *о Смерти Богородицы* Клодіуса Жакана, этомъ торжествѣ прилизаннаго искусства, картинѣ, такъ усердно наведенной лакомъ, что въ ней видишь себя какъ въ зеркалѣ. Есть на выставкѣ отъ двухсотъ до трехсотъ картинъ религіознаго содержанія такого же достоинства. Еслибы критика захотѣла добросовѣстно оцѣнить эти произведенія, то затруднилась бы указать, которыя изъ нихъ хуже, которыя лучше.

IV.

Жанръ завладѣлъ всей живописью. Я указалъ на коллосальныя картины, но онѣ въ сущности не что иное, какъ тотъ же жанръ, которому только приданы громадные размѣры. Я могъ бы также поймать историческихъ живописцевъ на мѣстѣ преступленія, въ дѣлѣ уступокъ и измѣны классическимъ принципамъ, съ цѣлью смягченія академической строгости и привлеченія симпатій толпы. Результатомъ является исторія, прикрашенная фантазіей, нѣчто въ родѣ Катона, увѣнчаннаго розами.

Кабанель—геній этой школы. Онъ получилъ всѣ медали; вторую медаль, первую, почетную, онъ получилъ орденъ Почетнаго Легіона, его сдѣлали академикомъ, профессоромъ въ *École des Beaux-Arts*, членомъ всѣхъ возможныхъ жюри. Это оффиціальный талантъ, талантъ, передъ которымъ преклоняются всѣ респектабельные люди; попробуйте сказать, что талантъ Кабанеля подлежитъ сомнѣнію; вамъ расхохочутся въ глаза и отвѣтятъ: „вы съ ума сошли! во Франціи есть администрація, и ей поручено открывать талантливыхъ людей, награждать ихъ, толкать впередъ. Кабанеля награждали и толкали впередъ въ послѣднія двадцать лѣтъ больше, чѣмъ коголибо. Слѣдовательно, онъ воплощенный геній. Администрація не мо-

жетъ ошибаться". Что̀ отвѣчать на это? Публика, которой подсказываютъ ея восторги, невиновата. Главное искусство Кабанеля заключалось въ томъ, что онъ обновилъ академическій стиль. Древней классической куклѣ, беззубой, плѣшивой онъ придѣлалъ фальшивые волосы и зубы. Мегера превратилась въ привлекательную женщину съ бѣлокурыми кудрями, розовой улыбкой, напомаженную и надушенную. Живописецъ даже преувеличилъ молодость. Женскія тѣла въ его картинахъ превратились въ сливки. Къ довершенію смѣлости, онъ рискнулъ ввести особенные тоны и штрихи. Все это настолько замысловато, что кажется оригинальностью, но никогда не доходитъ до крайности. Это классическій геній, позволяющій себѣ щепотку рисовой пудры, нѣчто въ родѣ Венеры въ пеньюарѣ куртизанки. Успѣхъ былъ громадный. Весь свѣтъ пришелъ въ восторгъ. Вотъ мастеръ во вкусѣ приличныхъ людей, прикидывающихся артистами. Вы требуете яркости краски? Кабанель даетъ ее вамъ. Вы желаете мягкаго и живого рисунка? Кабанель покончилъ съ строгими линіями традиціи. Словомъ, если вы требуете оригинальности, то берите Кабанеля: у этого счастливаго смертнаго есть всего понемножку, и онъ умѣетъ быть оригинальнымъ въ мѣру. Онъ не принадлежитъ къ тѣмъ безумцамъ, которые доводятъ все до крайности. Онъ всегда остается приличенъ, онъ все же классикъ, несмотря ни на что, неспособный скандализировать публику слишкомъ рѣзкими уклоненіями отъ условнаго идеала. Въ одной изъ картинъ, выставленныхъ имъ въ этотъ годъ, художникъ высказался вполнѣ. Картина называется *Тамара*. Тамара, оскорбленная Амнономъ, плачетъ на колѣняхъ брата своего Авессалома. На картинѣ представлена полу-нагая женщина. Она рыдаетъ, уткнувъ голову въ колѣни мужчины, тоже полу-нагого. Кабанель захотѣлъ блеснуть мастерствомъ выполненія и затмить Делакруа. Онъ нарисовалъ покой необычайной восточной роскоши, съ драпировками, драгоцѣнностями, эффектнымъ освѣщеніемъ. Въ глубинѣ онъ поставилъ негритянку, для бо̀льшей рельефности. И всѣ эти усилія не привели ни къ чему: картина вышла претенціозная и безхарактерная. Она даже не бросается въ глаза. Сѣрый отпечатокъ казенщины лежитъ на всѣхъ фигурахъ и дѣлаетъ ихъ безцвѣтными. Въ картинѣ нѣтъ ни недостатковъ, ни достоинствъ; въ ней сказывается самая убійственная посредственность, искусство, созданное изъ всѣхъ старыхъ формулъ, подновленныхъ искусной рукой ученаго ремесленника.

Рядомъ съ Кабанелемъ приведу имя Эдуарда Манэ. Интересно провести параллель между нимъ и Кабанелемъ. Въ теченіи пятнадцати лѣтъ Манэ борется, чтобы привлечь симпатіи публики. Его постигла та же участь, что и Декана, Делакруа, Курбэ, всѣ оригинальные та-

ланты, чьи произведенія удивляютъ и пугаютъ толпу новыми сторонами, подъ которыми представляютъ природу. Жюри отвергаетъ его картины, публику разбираетъ смѣхъ при взглядѣ на его лица. Онъ составляетъ посмѣшище для критики, а слѣдовательно, и для всего Парижа. Само собой разумѣется, что Манэ никогда не получалъ ни наградъ, ни крестовъ, ни медалей. Онъ, конечно, никогда не будетъ членомъ академіи; ему и въ голову не приходитъ просить заказовъ у правительства, и онъ лишь съ большимъ трудомъ продаетъ свои картины любителямъ. Манэ столько же не везетъ, сколько везетъ Кабанелю. Вы можете себѣ представить поэтому, что люди пожимаютъ плечами, когда вы замѣтите, что у Манэ большой талантъ, и что онъ оставитъ въ современномъ искусствѣ болѣе глубокій слѣдъ, чѣмъ Кабанель. Люди думаютъ, что вы надъ ними смѣетесь. Какъ! Манэ, который не въ ладахъ съ министрами и картины котораго такія смѣшныя! Всего труднѣе въ искусствѣ дать понять оригинальность. Одно время можетъ заставить признать индивидуальныхъ художниковъ. Нужно, чтобы глаза привыкли къ странности ихъ фактуры. Манэ художникъ современный, реалистъ, позитивистъ. Онъ пытался произвести относительно лицъ и фигуръ ту самую революцію, какая совершилась въ пейзажѣ въ послѣднія тридцать лѣтъ. Онъ рисуетъ людей такими, какими ихъ видитъ въ жизни, на улицѣ или у себя дома, въ обыденной обстановкѣ, одѣтыми согласно нашей модѣ, словомъ—современными. Это бы еще ничего; но дѣло въ томъ, что художникъ создалъ новую форму для новаго содержанія, и вотъ эта-то новая форма и отпугиваетъ всѣхъ. Манэ, главнымъ образомъ, заботится о правдѣ общаго впечатлѣнія, а не объ отдѣлкѣ деталей, которыхъ нельзя видѣть на нѣкоторомъ разстояніи. Онъ обладаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ природнымъ изяществомъ; онъ нѣсколько сухъ, но прекрасенъ, у него весьма сильно развито чутье современности, и удачные штрихи его кисти дѣлаютъ его порою равнымъ испанскимъ мастерамъ. Впрочемъ, его вліяніе въ нашей современной школѣ становится ощутительнѣе. Если его сильно критикуютъ, за то ему подражаютъ; онъ слыветъ мастеромъ своего дѣла. Такимъ образомъ, онъ стоитъ во главѣ цѣлой группы художниковъ; она постоянно растетъ, и ей очевидно принадлежитъ будущее. Живописцы, я говорю даже про его противниковъ, не могутъ отказать ему въ первостепенныхъ качествахъ. Повторяю, недоумѣніе публики мало по-малу разсѣется, и Манэ представится тѣмъ, чѣмъ онъ есть въ дѣйствительности, самымъ оригинальнымъ живописцемъ своего времени, единственнымъ, который послѣ Курбэ отличается истинно - оригинальными чертами, предвозвѣстниками той натуралистской школы, о которой я мечтаю для обновленія искусства и

расширенія человѣческаго творчества. Этотъ годъ Манэ больше чѣмъ когда-либо вызываетъ споровъ. Онъ прислалъ, подъ названіемъ: *Аржантейль*, сцену, подмѣченную имъ на Сенѣ: лодка съ двумя гребцами, мужчиной и женщиной, съ рѣкой на заднемъ планѣ и селеніемъ Аржантейль на горизонтѣ. Эта сцена, схваченная при яркомъ солнечномъ освѣщеніи, отличается очень живыми красками. Ну вотъ, воду рѣки находятъ черезчуръ голубою, и нѣтъ конца остротамъ насчетъ этой воды. Живописецъ видѣлъ этотъ цвѣтъ, я въ этомъ увѣренъ; единственная ошибка въ томъ, что онъ его не смягчилъ; сдѣлай онъ воду лазурною, всѣ пришли бы въ восторгъ. И при этомъ никто не обращаетъ вниманія на фигуры, изображенныя необыкновенно правдиво и рельефно: женщину въ полосатомъ платьѣ, а мужчину въ рыбачьей курткѣ и соломенной шляпѣ. Тутъ нѣтъ никакой лжи. Это уголокъ природы, воспроизведенный на полотнѣ безъ придуманныхъ эффектовъ, безъ лживыхъ прикрасъ. Въ картинахъ Манэ чувствуется свѣжесть весны и юности. Представьте, что на развалинахъ классическихъ методовъ и романтической лжи, среди утомительной скуки, непроходимой пошлости и посредственности выросъ маленькій цвѣтокъ, зеленая вѣтвь на старомъ, истощенномъ пнѣ. Ну, развѣ не весело глядѣть на зеленую почку, хотя бы въ ней и была нѣкоторая смолистая горьковатость? Вотъ почему мнѣ весело глядѣть на произведенія Манэ среди сосѣднихъ произведеній, отзывающихся могилой. Я знаю, что толпа забросала бы меня каменьями, еслибы слышала, но я утверждаю, что картины Кабанеля поблѣднѣютъ и умрутъ отъ анеміи раньше какихъ-нибудь пятидесяти лѣтъ, между тѣмъ какъ картины Манэ съ годами расцвѣтутъ вѣчной юностью оригинальныхъ произведеній.

Я обрисовалъ въ общихъ чертахъ двухъ художниковъ, представляющихъ, по моему мнѣнію, всего рельефнѣе двѣ партіи нашей школы, партію консервативную и прогрессивную. Между ними помѣщается громадная толпа живописцевъ, въ погонѣ за индивидуальностью. Ихъ насчитываешь сотнями. Упомяну только о нѣкоторыхъ, наиболѣе извѣстныхъ.

Одинъ изъ нихъ, Бугеро́, доводитъ до крайности недостатки Кабанеля. Живопись на фарфорѣ кажется грубой сравнительно съ его картинами. Это уже больше и не академическій стиль: это верхъ прилизанности и лакированнаго изящества. Его картина: *Мадонна, младенецъ Іисусъ и Іоаннъ Креститель*, вполнѣ характеризуетъ его стиль. Я не упоминалъ о ней, когда говорилъ о религіозныхъ картинахъ, потому что ей мѣсто въ будуарѣ, а не въ церкви.

Другой, Каролусъ Дюро, напротивъ того, послѣдователь новой школы. Я, конечно, очень обидѣлъ бы его, сказавъ, что онъ ученикъ

Манэ. Но дѣло въ томъ, что онъ очень многимъ отъ него позаимствовался. Но только Каролусъ Дюро человѣкъ ловкій; онъ дѣлаетъ Манэ понятнымъ для буржуа, вдохновляясь имъ лишь въ извѣстныхъ границахъ и приспособляя его ко вкусу публики. Прибавьте, что онъ очень искуссный техникъ и знаетъ, чѣмъ угодить большинству. Онъ пользуется большимъ успѣхомъ, не такимъ солиднымъ, какъ Кабанель, но успѣхомъ болѣе шумнымъ—артиста, отъ котораго все еще опасаются какихъ-нибудь неприличныхъ выходокъ. Купальщицы нынѣшняго года, пять или шесть маленькихъ женскихъ фигуръ, совершенно обнаженныхъ въ уголку парка, съ яркой зеленью, не лишены ни граціи, ни нѣкоторой смѣлости въ пріемахъ. Его небо, голубое съ бѣлыми облаками, вызвало бы крики негодованія, если бы его написалъ Манэ. Словомъ, это очень интересный талантъ, но его оригинальность сомнительна.

Третій художникъ, Рибо, служитъ образцомъ тѣхъ живописцевъ, которые заимствовали свою индивидуальность изъ старыхъ школъ. Онъ взялъ у испанцевъ и у фламандцевъ дымныя краски ихъ картинъ. Онъ рисуетъ только чернымъ, бѣлымъ и розовымъ, и достигаетъ эффектовъ освѣщенія и энергическихъ тоновъ, весьма любопытныхъ, но отзывающихся ремесломъ. Въ его *Нормандскомъ Кабакѣ* есть превосходныя вещи. Но въ Нормандіи ли мы? Я сомнѣваюсь. Мы скорѣе въ Голландіи. Современный духъ отсутствуетъ. Я уже не говорю о двадцати другихъ живописцахъ, изъ которыхъ каждый влѣзъ въ кожу кого-нибудь изъ покойныхъ мастеровъ. У всѣхъ ихъ много таланта, но таланта комментаторовъ и копіистовъ.

Я однако исключаю Шаплена. Этотъ остается французомъ, но только воображаетъ, что живетъ сто лѣтъ тому назадъ. Ему кажется, что онъ родился въ восемнадцатомъ столѣтіи, и что онъ находится въ тѣсной дружбѣ съ Буше и Вато. У него—молочное тѣло, розовыя лица. Его кисть—букетъ цвѣтовъ. Когда онъ рисуетъ, солнце заливаетъ его картину. Послѣдняя: *Майскія Розы*, молодыя, улыбающіяся женщины, вся какъ бы пропитана ароматомъ любви. Но лучше всего то, что Шапленъ отличный живописецъ; я хочу сказать, что у него нѣтъ пошлости Бугеро́; его кисть не приторна, и остается мощной въ своей прелести.

Упомяну еще о двухъ блистательныхъ дебютахъ: Жакэ выставилъ молодую дѣвушку, драпированную въ красный бархатъ, и назвалъ ее: *Задумчивость*. Эта красная драпировка, немного странная, привлекаетъ толпу. Фальгьеръ, талантливый скульпторъ, проявилъ еще бо́льшій талантъ какъ живописецъ въ своей картинѣ: *Борцы*, которая въ числѣ сюрпризовъ выставки. Два обнаженныхъ человѣка борются на аренѣ; въ глубинѣ стоятъ зрители и внимательно на

нихъ смотрятъ. Эти зрители совсѣмъ живые люди; что касается самихъ борцевъ, то они нарисованы человѣкомъ, хорошо изучившимъ мускулы.

Оканчивая этотъ бѣглый обзоръ картинъ жанра, упомяну еще о Воллонѣ, доведшемъ изображеніе неодушевленныхъ предметовъ до необыкновеннаго совершенства. Какой-нибудь котелъ, нарисованный имъ, получаетъ эпическій характеръ. Онъ неподражаемый живописецъ красивыхъ фруктовъ, серебристыхъ рыбъ, великолѣпнаго оружія. На этотъ разъ онъ выставилъ картину, изображающую оружіе. Никогда еще желѣзо, сталь, мѣдь не передавались съ такой изумительной вѣрностью.

Тутъ я останавливаюсь, чтобы не затеряться въ массѣ картинъ, требующихъ вниманія Достаточно было указать нѣсколько типичныхъ произведеній. Итакъ, я прохожу съ закрытыми глазами мимо толпы обнаженныхъ женщинъ. Ихъ насчитываешь десятками. Здѣсь есть Наяды, Вакханки, Діаны, Данаи, Леды—всѣ красавицы миѳологіи. Но какія жалкія женщины! куклы по большей части, фигуры изъ фарфора, розоваго шелка, бѣлаго дерева или битыхъ сливокъ! Прохожу также мимо историческихъ сценъ: встрѣчъ Лауры съ Петраркой, бесѣдъ Генриха IV съ Сюлли, казни Маріи Стюартъ. Прохожу мимо литературныхъ сюжетовъ: Маргаритъ и Миньонъ Гёте, Намуна Мюссé, Саламбо Флобера, басенъ Лафонтена. Прохожу мимо картинъ нравовъ, заимствованныхъ у всѣхъ странъ свѣта, мимо нескончаемыхъ итальянцевъ, испанцевъ, турокъ, венгеровъ, русскихъ въ національныхъ костюмахъ. И высвободившись, наконецъ, не безъ труда изъ этой путаницы символическихъ изображеній, дикихъ и странныхъ идей, я съ новымъ жаромъ мечтаю о появленіи новаго искусства, выражающаго нашу цивилизацію, черпающаго свои силы изъ нѣдръ современнаго общества. Пусть отрубятъ носы богинямъ, пусть оставятъ исторію въ книгахъ, пусть не ищутъ за тридевятью землями предлоговъ къ изображенію богатыхъ костюмовъ; достаточно, чтобы живописецъ открылъ свое окно утромъ и изобразилъ со всей правдой жизнь, проходящую у него передъ глазами по улицѣ во всемъ блескѣ.

V.

Перехожу къ маленькимъ картинкамъ, къ анекдоту въ живописи. Эта часть еще обильнѣе, быть можетъ, другихъ. Всѣ буржуазные вкусы находятъ тутъ себѣ удовлетвореніе. Въ богатыхъ рамахъ передъ нами прелестныя женщины, въ шелковыхъ платьяхъ, читаютъ любовныя письма, играютъ съ попугаемъ или мечтаютъ, съ работой,

выпавшей изъ рукъ. Мы видимъ также сцены домашней жизни, игроковъ за пикетомъ, солдата, ворующаго утку, веселую пирушку въ бесѣдкѣ, свадьбы, крестины, прогулки двухъ влюбленныхъ по уединеннымъ тропинкамъ. Мы видимъ мнимыя картины древней жизни, римскихъ матронъ за туалетами, римскія семьи за обѣдомъ, римлянъ подъ всякими соусами и съ претензіей на безусловную археологическую вѣрность. Все это очень мило. Я нашелъ бы даже, что художники, изображающіе мелкія стороны жизни, поступаютъ прекрасно, еслибы въ ихъ произведеніяхъ была хоть частица правды! Но они видятъ во всемъ этомъ лишь неисчерпаемый источникъ сантиментальности, лживой граціи, слегка непристойныхъ сценъ, продажа которыхъ обезпечена. Очень имъ нужна современная жизнь! Они заимствуютъ сцены и лица у нашего общества только потому, что замѣтили, что существуетъ цѣлый классъ любителей, которымъ необыкновенно пріятно узнавать себя, свои костюмы и привычки въ картинахъ.

Можетъ ли быть, напримѣръ, что-нибудь пикантнѣе картины Бомона, называющейся: *На солнышкѣ*. Въ углу пейзажа возвышается столѣтній монументъ, нѣчто въ родѣ могилы, на которой лежитъ фигура со сложенными руками, а у подножія этой почтенной развалины, въ тѣни, бросаемой усопшей статуей, лежатъ двое влюбленныхъ, молодой господинъ и молодая дама изъ сосѣдняго города, весьма нарядные оба и съ головой, отуманенной шампанскимъ, выпитымъ за веселымъ завтракомъ. Вамъ понятна антитеза. Вотъ такія вещи очень нравятся публикѣ.

Или вотъ еще, развѣ не очаровательна картинка Каро́: *Уколотый палецъ*? Представьте себѣ молодого человѣка, какого-нибудь дворянина временъ Людовика XV, прикладывающаго пластырь къ пальчику субретки. Эта послѣдняя нѣжно улыбается, а молодой человѣкъ кажется очень взволнованнымъ. Игривый характеръ всей вещи очевиденъ. Къ тому же костюмъ придаетъ особый шикъ всему. Это произведеніе во вкусѣ регентства.

Густавъ Буланже держится нео-древняго жанра, о которомъ я говорилъ. Его *Гинекей* показываетъ намъ внутренность греческаго дома. Мать сидитъ, отецъ улыбается, дѣти играютъ вокругъ бассейна. Все это мило, изысканно, прилизано. Фирменъ Жераръ стоитъ за современныя сцены. *Садъ крестной матери* показываетъ намъ въ саду кормилицу на скамьѣ; она привела красиваго крестника къ прелестной крестной матери, одѣтой по послѣдней модѣ. Картина умилительная для молодыхъ матерей. Септенъ въ своихъ картинахъ: *Красное Яблоко*, *Разсѣянность*, *Букетница*, довольствуется изображеніемъ одной фигуры, вѣчно одной и той же женщины, пикантной,

задорной, во вкусѣ гимназистовъ. Наконецъ, Виберъ, живописецъ остроумный по преимуществу, картины котораго всегда отзываются куплетомъ и эпиграммой, прислалъ *Стрекозу и Муравья*, драматизированную басню Лафонтена. На окраинѣ селенія, на дорогѣ, занесенной снѣгомъ, встрѣтились жирный монахъ съ полной сумой, и худой акробатъ, у котораго подъ мышкой одна гитара. Улыбнешься, и пройдешь мимо. Тѣмъ не менѣе эти картины продаются за десять и за пятнадцать тысячъ франковъ. Нѣкоторыя, подписанныя именемъ Жерома, доходятъ до пятнадцати тысячъ. И сказать, что мастерскія произведенія Делакруа при его жизни съ трудомъ находили сбыть за какихъ-нибудь полторы тысячи франковъ!

Вотъ еще нѣсколько названій картинъ, взятыхъ наудачу и дающихъ полное понятіе о живописи, называемой мною анекдотической: „*A bout d'arguments*", — „*Madame, v'la la soupe*", — *Pincés!*" — „*La proprieté, c'est le vol*", — „*Il n'y a pas de sot métier*", — „*Un petit sou*", — „*Choisis!*" — „*Tant va la cruche à l'eau*"... Излишне называть авторовъ и описывать произведенія. По названіямъ можно догадаться, каковы картины. Все это остроты изъ альманаха, пословицы въ дѣйствіи, всякаго рода претенціозныя пошлости, которыми наполняются провинціальные и заграничные салоны.

Я не говорилъ о батальныхъ картинахъ, когда занимался грандіозной живописью. Но дѣло въ томъ, что въ послѣдніе годы, особенно послѣ нашихъ пораженій, наши батальные живописцы изображаютъ преимущественно эпизоды въ очень узкихъ рамкахъ. Я помню громадныя картины, которыя администрація заказывала Ивону, послѣ крымской и итальянской войнъ; ему платили сто тысячъ франковъ за тридцать или сорокъ метровъ разрисованнаго холста. И эти обширныя сцены, цѣлыя поля сраженія, находящіяся теперь въ Версальскомъ музеѣ, занимали цѣлую стѣну въ почетной залѣ выставки. Теперь Ивонъ рисуетъ портреты. Корифеемъ батальной живописи сталъ Нёвиль, очень искусный композистъ, производящій фуроръ изображеніями на холстѣ въ одинъ метръ какой-нибудь эпизодъ сраженія, десятка два солдатъ, сражающихся и умирающихъ. Это—батальная живопись, перешедшая въ жанръ. Торжество Нёвиля заключается въ искусствѣ, съ какимъ онъ драматизируетъ сюжетъ. Онъ рисовальщикъ и „illustrateur" первой силы. Что касается его живописи, она не что иное, какъ размалёвка. Переносишься въ циркъ, въ послѣднее дѣйствіе какой-нибудь пьесы, когда ловко разставленныя группы вызываютъ громъ рукоплесканій у публики. Женщины плачутъ передъ его картинами, мужчины сжимаютъ кулаки. Никогда его способность волновать зрителей не проявлялась съ бóльшей силой, какъ въ произведеніи нынѣшняго сезона: *Ружейная аттака*

баррикадированнаго дома. Восточная армія. Виллерсексель, 9-го января, 1871 г. Селеніе уже взято войскомъ 18-го корпуса. Нѣмцы, засѣвъ въ дома, продолжаютъ огонь. Налѣво мрачный домъ, всѣ ставни котораго заперты, окруженъ горстью солдатъ. Дымъ стелется по фасаду при каждомъ ружейномъ выстрѣлѣ. Внизу хрипятъ умирающіе. И вотъ, въ этотъ моментъ осаждающіе подкатываютъ къ дверямъ дома телѣгу съ соломой, уже пылающей. Впечатлѣніе производится страшное. Эта прекрасная картинка, шевелящая въ насъ нашъ израненый патріотизмъ. Но вотъ и все.

Послѣ Нёвиля слѣдуетъ упомянуть о Бернъ-Белькурѣ, выставившемъ: *Сенскіе стрѣлки въ битвѣ при Мальмезонѣ, 21-го октября, 1870 г.* Солдаты залегли за виноградники и стрѣляютъ; на горизонтѣ, напротивъ, легкій дымокъ указываетъ позицію непріятеля. Дюпонъ также выставилъ интересную картину: *Послѣдній часъ битвы при Нюи* (Котъ-д'оръ). Кончаю на Детайлѣ, картина котораго уже вполнѣ принадлежитъ жанру. Вотъ ея названіе: *Проходящій полкъ, Парижъ, 1874 г.* Декорація красива: бульваръ у Сенъ-Мартенскихъ воротъ, грязная мостовая, сѣрое небо, на тротуарахъ движется озабоченная толпа; видны вывѣски сосѣднихъ лавокъ, проѣзжающіе омнибусы, и посрединѣ улицы проходящій полкъ съ тамбуръ-мажоромъ впереди, за нимъ барабанщики, музыка и наконецъ солдаты, компактные ряды которыхъ теряются вдали. Прибавьте мальчишекъ, бѣгущихъ слѣдомъ, гуляющихъ, зѣвая у оконъ, цѣлый уголокъ живого Парижа. Какъ жаль, что это тоже не больше, какъ картинка, благодаря поверхностной передачѣ дѣйствительности! Странное дѣло, каждый разъ какъ какой-нибудь живописецъ берется за изображеніе современной жизни, онъ считаетъ нужнымъ шутить и лгать! Строгости искусства остаются на долю мертвыхъ фигуръ классическихъ подражаній.

VI.

Портреты, эти картины обыденной жизни, должны были бы, повидимому, уже по самому своему характеру изображать современную жизнь. Не тутъ-то было. Правда, модели взяты изъ жизни, но почти всегда художника озабочиваетъ подражаніе какой-нибудь школѣ. Онъ хочетъ рисовать какъ Рубенсъ, Рембрандтъ, Рафаэль или Веласкецъ. У него въ головѣ старый идеалъ; онъ изъ всѣхъ силъ старается лгать, а не изобразить правдиво то лицо, которое сидитъ передъ нимъ. Отсюда мы видимъ жалчайшія подражанія, куколъ, сфабрикованныхъ извѣстнымъ рецептомъ; полное отсутствіе жизни: мы не узнаемъ ни современнаго мужчину, ни современную женщину, ни ихъ быта и

костюмовъ. Я не говорю о сходствѣ; сходство геометрическое, если можно такъ выразиться, существуетъ; точное отношеніе линій, котораго всѣ живописцы, великіе и малые, всегда достигаютъ болѣе или менѣе. Я бы желалъ найти прежде всего индивидуальное сходство, всего человѣка, его нравъ, характеръ, всего его, съ мясомъ и костями. Но о такой правдѣ наши живописцы не заботятся. Внѣ потребности, ощущаемой ими, заимствовать манеру кого-нибудь изъ прежнихъ мастеровъ, они заботятся лишь объ одномъ: угодить модели. Можно сказать, что они усерднѣйшимъ образомъ замываютъ жизнь. Портреты ихъ—тѣни, блѣдныя фигуры съ хрустальными глазами, атласными губами, фарфоровыми щеками. У восковыхъ головъ, вертящихся въ окнахъ парикмахеровъ, рѣсницы не длиннѣе, волосы не блестящѣе, цвѣтъ лица не розовѣе и рожицы не глупѣе. Они не смѣютъ брать живыхъ красокъ жизни: желтой, коричневой, красной. Они держатся нѣжныхъ, акварельныхъ тоновъ, а если кто изъ нихъ и рискнетъ ухватиться за болѣе рѣзкія тѣни, то все же это выходитъ размалёвкой по мертвымъ лицамъ.

Я строгъ, я это знаю. Но я говорю о большинствѣ и, конечно, исключаю талантливыхъ людей. Къ тому же, нельзя достаточно рѣзко отозваться о дрянныхъ портретахъ, ежегодно появляющихся на выставкахъ. Дѣло въ томъ, что по этой части развилась весьма выгодная промышленность. Если число портретовъ ежегодно увеличивается, то потому, что этотъ родъ живописи приноситъ много денегъ. Всякій портретъ, даже посредственнаго живописца, продается за полторы, двѣ тысячи франковъ, а портреты болѣе извѣстныхъ живописцевъ достигаютъ до пяти, десяти, двадцати тысячъ франковъ. Между буржуазіей и дворянствомъ господствуетъ мода заказывать свои портреты тому или иному живописцу. Портретъ вѣшаютъ на стѣну въ главномъ салонѣ. Онъ дополняетъ убранство комнаты. Понятно, что живописецъ беретъ большія деньги. Талантъ его—дѣло моды.

Бонна̀ выставилъ портретъ m-me Паска́, производящій фуроръ на выставкѣ. Великая артистка въ бѣломъ атласномъ платьѣ, обшитомъ мѣхомъ, стоитъ, закинувъ высоко голову; правая рука, обнаженная, виситъ вдоль тѣла, лѣвая упирается на стулъ изъ позолоченнаго дерева. Она великолѣпна, энергична, побѣдоносна. Ужъ, конечно, Бонна̀ не изъ числа пошлыхъ живописцевъ. Я не примѣняю къ нему моихъ общихъ замѣчаній о стремленіи нашихъ портретистовъ смывать жизнь. Напротивъ того, я упрекну его въ томъ, что онъ сгущаетъ жизнь, что онъ рисуетъ слишкомъ массивно. Голова m-me Паска̀ кажется мнѣ нѣсколько тяжеловатой. Въ дѣйствительности у ней больше огня, оживленія, ума въ чертахъ лица. Бѣлое атласное платье тоже слишкомъ тяжело; едва можно признать матерію. Но что приходится

похвалить безусловно, такъ это великолѣпную правую руку, эту обнаженную руку, которая падаетъ съ такимъ благородствомъ и придаетъ столько характера всей фигурѣ; она сдѣлана мастерски. Кромѣ того, замѣчательны еще нѣкоторыя детали, великолѣпныя украшенія, кольцо, пряжка пояса, переданныя съ такой правдой, что можно ошибиться и принять ихъ за настоящіе. Наконецъ, стулъ сдѣланъ мастерски, неподражаемо. Бонна не изъ моихъ любимцевъ, но я охотно сознаюсь, что никто изъ теперешнихъ художниковъ не съумѣетъ изобразить фигуру съ такою мощью. Я сказалъ, что портретъ возбуждаетъ сильное любопытство. M-me Паска въ большой модѣ въ настоящую минуту. Она проводитъ свои лѣтніе каникулы въ Парижѣ и недавно снова выступила въ роли, созданной ею въ 1868 г. въ роли Фанни Лиръ, пьесѣ гг. Мельяка и Галеви. Пьеса весьма посредственная: авантюристка завладѣваетъ старымъ дворяниномъ и, разумѣется, въ концѣ-концовъ несетъ наказаніе. Но талантъ m-me Паска вдунулъ жизнь въ это произведеніе. Театръ „Водевиля", находившійся при послѣднемъ издыханіи, заработываетъ громадныя деньги. Актриса особенно хороша въ третьемъ актѣ. Парижъ, оплакивавшій ее съ тѣхъ поръ, какъ Петербургъ ее у насъ похитилъ, осыпаетъ ее восторженными оваціями. Она вернется на будущую зиму въ Петербургъ, возвеличенная этимъ тріумфомъ. Толпа, останавливающаяся передъ ея портретомъ, состоитъ изъ зрителей, апплодирующихъ ей въ „Водевилѣ".

Портретистъ, вмѣстѣ съ Бонна пожинающій наиболѣе лавровъ этотъ годъ, — русскій живописецъ, Алексѣй Харламовъ. Онъ выставилъ портреты Луи и Полины Віардо́. Оба портрета великолѣпны. Харламовъ, никому неизвѣстный мѣсяцъ тому назадъ, теперь привѣтствуется какъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ живописцевъ. Оба портрета нѣсколько темны. Вотъ единственный упрекъ, который я имъ сдѣлаю. Но за то какая правда! Мнѣ больше нравится портретъ m-me Віардо́. Великая пѣвица одѣта въ черномъ, на плечахъ у ней накинута черная тюлевая косынка. Въ волосахъ и на шеѣ у ней драгоцѣнности, рельефно выдѣляющіяся на мрачномъ тонѣ всего портрета. Руки ея сложены на колѣняхъ. Все это очень просто, безъ лживой элегантности, скорѣе нѣсколько жестко. Тѣло живое; поворотъ головы энергическій; словомъ—это дебютъ крупнаго таланта.

Не могу также не отозваться съ большой похвалой о картинѣ Фантена, въ которой онъ нарисовалъ два портрета: m-r и m-me *E.* Мужъ сидитъ на стулѣ и перебираетъ картонъ съ гравюрами; жена стоитъ рядомъ и смотритъ. Все это очень правдиво и просто. Ничего придуманнаго; оба лица схвачены такими, каковы они въ дѣйствительной жизни, и этого оказалось достаточнымъ, чтобы создать

превосходное произведеніе. Фантенъ одинъ изъ живописцевъ молодой натуралистской школы. Онъ пользовался уже большими успѣхами; но произведенія его особенно цѣнятся въ Англіи; онъ отправляетъ туда почти всѣ свои картины. Онъ очень искусный техникъ, и копіи, снятыя имъ съ *Бракосочетанія въ Канѣ*, пользуются громкой извѣстностью.

Теперь мнѣ приходится перейти къ пошлой живописи. Я могу еще упомянуть о прекрасномъ портретѣ генерала Билло, нарисованномъ Фейенъ-Перреномъ, но затѣмъ надо обратиться къ Кабанелю, который предводительствуетъ цѣлой фалангой модныхъ портретистовъ. Выше я говорилъ о немъ. Портреты его еще пошлѣе и безцвѣтнѣе, чѣмъ его картины. Назову также гг. Делонэ и Лефевра, столь же безцвѣтныхъ, какъ и ихъ учитель; Бонньграса, претендующаго на энергію при полномъ ея отсутствіи; m-lle Жакмаръ; нѣкоторое время ея спеціальностью были оффиціальные портреты; наконецъ Геннера, истинно талантливаго человѣка, но который мнѣ мало нравится. Все же я долженъ быть не полнымъ. Такъ, Каролусъ Дюро рисуетъ также портреты, пользующіеся большимъ успѣхомъ. Онъ превосходно изображаетъ матеріи, и зачастую приноситъ имъ въ жертву лица. Я пропускаю многихъ другихъ и весьма извѣстныхъ. Иные живописцы нарисовали въ теченіи тридцати лѣтъ цѣлое поколѣніе буржуа; они пользовались настоящимъ тріумфомъ, составили себѣ состояніе; а въ настоящую минуту сами почитатели ихъ пожимаютъ плечами, проходя мимо ихъ произведеній. Стóитъ ли говорить о вещахъ, которыя проживутъ одинъ сезонъ, точно цвѣтъ платья и фасонъ шляпокъ.

VII.

Пейзажъ составляетъ славу новѣйшей французской школы. Въ этой отрасли, въ послѣднія сорокъ лѣтъ, она проявила настоящее творчество. Въ настоящее время переворотъ совершился, торжество обезпечено. Природа навѣки побѣдила искусственность.

Надо вспомнить, чѣмъ былъ классическій пейзажъ. Сочиняли горизонтъ, подобно тому какъ сочиняютъ картину съ живыми людьми. Существовали правила на то, какъ искуснѣе распредѣлить линіи. Деревья должны были быть благородны, вóды повиновались формуламъ, скалы получали архитектурную правильность. А въ глубинѣ не забывали помѣстить профиль храма, рядъ колоннъ, что-нибудь, словомъ, напоминающее Римъ или Аѳины. Что касается дѣйствующихъ лицъ, то они могли быть только богинями Овидія или пастушками Виргилія. Не могу передать, до какой тупости, пошлости, мерт-

венности и лжи дошли выродившіеся внуки Пуссена. Вотъ тогда-то появились художники революціонеры. Они захватили съ собой ящикъ съ красками и отправились на поля и луга, въ лѣса, гдѣ журчатъ ручейки, и по-просту, безъ затѣй, стали рисовать то, что́ видѣли у себя передъ глазами: деревья съ ихъ трепетными листьями, небо съ свободно разгуливавшими по немъ облаками. Природа стала всесильной властелиншей, и художникъ не позволялъ себѣ сгладить ни единой черты подъ предлогомъ облагороживанія ея.

Я долженъ прибавить, что сопротивленіе нововведеніямъ не было сильное. Классическій пейзажъ умиралъ въ чахоткѣ. На его сторонѣ не оказалось ни одной талантливой кисти. Лѣтъ десять тому назадъ, Поль Фландренъ и Альфредъ де-Кюрзонъ одни еще сочиняли пейзажи или, скорѣе, выбирали такіе горизонты, которые казались сочиненными. Въ настоящее время они побѣждены, они затерялись въ толпѣ пейзажистовъ и сохранили отъ своихъ классическихъ привязанностей только блѣдность чахоточной живописи. Самимъ академіи и École des Beaux-Arts пришлось склонить голову. Онѣ мстятъ натуралистскому пейзажу притворнымъ пренебреженіемъ. Послушать ихъ, такъ наши пейзажисты рисуютъ не больше какъ этюды; природа можетъ только давать намёки; высшее искусство заключается въ томъ, чтобы сочинять по этимъ намёкамъ картины, которыя были бы монументами. Однако никто не рѣшается вернуться назадъ, и если классическая школа и выказываетъ пренебреженіе, то къ ея пренебреженію примѣшивается сильная тревога, потому что она сознаетъ, что натуралистское движеніе можетъ перейти отъ пейзажа къ остальной живописи. Въ первыя времена публика всего сильнѣе сердилась на новѣйшихъ пейзажистовъ. Она не понимала этого новаго толкованія природы. Борьба длилась слишкомъ двадцать лѣтъ. Я не стану приводить имена всѣхъ борцевъ, но я назову только двухъ живописцевъ, вліяніе которыхъ было рѣшительно: Коро́ и Теодоръ Руссо. Я назову также и Миллэ, хотя въ его пейзажахъ людскія фигуры играютъ главную роль. Этотъ послѣдній любилъ обширные горизонты, и прямыя линіи поля, обработываемаго крестьяниномъ, принимали у него эпическое величіе. То были три главныхъ героя борьбы. Въ продолженіи двадцати лѣтъ они не складывали оружія, осмѣиваемые толпой, отвергаемые толпой, отвергаемые всѣми жюри, безъ хлѣба, безъ славы. И вотъ, теперь имена ихъ окружены славою, поле битвы осталось за ними, и всѣ пейзажисты идутъ по пробитой ими дорогѣ.

Я не стану даже перечислять названія хорошихъ пейзажей, находящихся на выставкѣ. Они слишкомъ многочисленны. Натуралистское движеніе значительно повысило средній уровень; достаточно

рисовать съ натуры, безъ всякихъ прикрасъ, чтобы заимствовать у нея частичку ея величія.

Коро, умершій нѣсколько недѣль тому назадъ, прислалъ на выставку три картины: *Дровосѣки*, *Вечернія Забавы* и *Библисъ*. Особенно хороша *Вечернія Забавы*. Въ сумеркахъ, подъ большими деревьями, танцуютъ нимфы. Небо нѣжно-сѣраго цвѣта; солнце на горизонтѣ оставило лишь узкую розовую полоску; вода въ прудѣ уже черная. Все тихо, природа сладко засыпаетъ.

Одинъ изъ учениковъ Коро, Гарпиньеръ, самый энергическій изъ пейзажистовъ. Онъ выставилъ въ нынѣшнемъ году картину: *Дубы замка Ренаръ*, по истинѣ великолѣпную. Могучія деревья протягиваютъ къ ясному небу свои гигантскія вѣтви, а вдали громоздятся утесы. Другой ученикъ Коро, Гильёмэ, отличается особеннымъ изяществомъ. Въ прошломъ году онъ выставилъ видъ набережной Сены, снятый у Берси, имѣвшій большой успѣхъ. Въ нынѣшнемъ году онъ опять выставилъ видъ Сены, но уже съ Тюльерійской набережной: слѣва набережная Орсэ съ контрольной палатой и дворцомъ Почетнаго Легіона, затѣмъ мосты, подъ которыми протекаетъ рѣка, покрытая лодками, а въ самой глубинѣ Ситэ и Соборъ Парижской Богоматери, вырѣзающійся на голубомъ небѣ. Это живой Парижъ. Гильёмэ любитъ обширные горизонты и передаетъ ихъ съ изяществомъ деталей, не мѣшающимъ грандіозности цѣлаго.

Есть еще четыре или пять талантливыхъ пейзажистовъ. Будэнъ выставилъ виды Бордо, отличающіеся большими достоинствами, хотя я предпочитаю морскіе виды, которые онъ выставилъ въ прошломъ году. Лапостола также прекрасный живописецъ. Его *Морской берегъ въ Виллервиллѣ* дышетъ необыкновенной правдой. Карлъ Довиньи, достойный ученикъ своего отца, одного изъ талантливѣйшихъ пейзажистовъ, и его *Нагрузка устрицъ въ Канкалѣ* была бы превосходной вещью, еслибы живопись не была такая неумѣлая.

Я вынужденъ пріостановить дальнѣйшій перечень. Повторяю, что еслибы я хотѣлъ быть справедливымъ, то мнѣ пришлось бы пополнить именами еще нѣсколько страницъ. Я довольствуюсь тѣмъ, что указалъ въ общихъ чертахъ на обиліе у насъ талантливыхъ пейзажистовъ. Ни одна школа въ мірѣ не можетъ соперничать съ нашими художниками въ этомъ отношеніи. И если они побѣдили, то, повторяю, потому только, что отказались отъ лживыхъ формулъ и обратились къ изученію природы.

VIII.

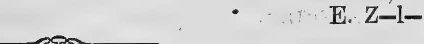
Я желалъ бы, въ заключеніе, резюмировать въ ясныхъ словахъ, рискуя даже впасть въ повтореніе, мнѣнія, высказанныя мною въ этой статьѣ по поводу картинной выставки 1875 г.

Непрерывная производительность, которой мы свидѣтелями, хотя и выдвигаетъ впередъ не малое количество посредственныхъ произведеній, но тѣмъ не менѣе служитъ доказательствомъ силы. Пріятно среди нашихъ политическихъ бѣдствій и смутъ видѣть такую живучесть артистической производительности. Прибавлю, что анархія искусства въ наши дни не представляется мнѣ агоніей, но скорѣе возрожденіемъ. Наши живописцы не шамкаютъ, какъ старики, но скорѣе лепечутъ какъ младенцы. Они отыскиваютъ, хотя бы даже безсознательно, новое слово, новую форму, въ какой имъ надо передать красоту, присущую нашему обществу. Пейзажисты опередили другихъ, какъ это и слѣдовало ожидать; они находятся въ непосредственномъ соприкосновеніи съ природой; они могли заставить толпу преклониться предъ правдивыми деревьями, послѣ двадцатилѣтней борьбы, что̀ кажется ничтожнымъ временемъ, когда вспомнишь о медленномъ развитіи человѣческаго ума. Теперь остается произвести такой же переворотъ въ остальной живописи. Но тамъ борьба еще только-что завязалась. Делакруа и Курбэ нанесли первые удары, Манэ продолжаетъ ихъ дѣло, но побѣда, надо сознаться, еще не предвидится въ ближайшемъ будущемъ. Нужно, чтобы явился геній для того, чтобы заставить толпу полюбить правду. Только геній бываетъ властелиномъ въ искусствѣ.

Въ ожиданіи, расхаживая по двадцати-пяти громаднымъ заламъ выставки, думаешь: конечно, тутъ много посредственныхъ картинъ. Но что за бѣда! Въ какой-нибудь жалкой мастерской Парижа, быть можетъ, уже трудится великій, ожидаемый талантъ, надъ картинами, которымъ жюри будутъ отказывать въ теченіи лѣтъ двадцати въ пріемѣ, но которыя современемъ возсіяютъ какъ откровеніе новаго искусства.

Эта надежда утѣшаетъ въ тѣхъ пошлостяхъ, какія видишь на стѣнахъ,—и мечтаешь объ обновленіи идеала, о расширеніи человѣческаго творчества, о торжествѣ природы на обширномъ поприщѣ знанія.

E. Z—l—



УЧЕНЫЙ ДИСПУТЪ ВЪ МОСКВѢ

ВЪ СВЯЗИ СЪ УНИВЕРСИТЕТСКИМЪ ВОПРОСОМЪ.

Исторія нотаріата. Магистер. диссертація *Н. Ляпидевскаго.* Москва, 1875.

Въ первыхъ числахъ мая, на юридическомъ факультетѣ въ Москвѣ, происходилъ публичный диспутъ магистранта г. Ляпидевскаго. Въ другое время мы и не обратили бы вниманія на подобный диспутъ, но вскорѣ послѣ этого приснопамятнаго диспута появилась руководящая статья въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“; она избрала своей цѣлью университеты, и заговорила о необходимости „вывести ихъ изъ нынѣшняго *расшатаннаго* состоянія“. Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ не указывается на то, кто́ или что́ „расшатало“ университеты; конечно, тутъ разумѣются не статьи г. Любимова въ тѣхъ же „Вѣдомостяхъ“, дѣйствительно посвященныя расшатыванію университетовъ, и во всемъ оказывается виновнымъ одинъ университетскій уставъ 1863 года, даровавшій академическую самостоятельность университетскимъ совѣтамъ. Но диспутъ г. Ляпидевскаго долженъ навести совсѣмъ на другія идеи, и вотъ почему мы рѣшаемся говорить объ этомъ диспутѣ болѣе подробно, нежели заслуживаетъ того сама диссертація; въ подробностяхъ-то и лежитъ ближайшая и вполнѣ безпристрастная характеристика современнаго университетскаго быта, который, пожалуй — выражаемся словами „Московскихъ Вѣдомостей“—достаточно „расшатанъ“.

Къ сожалѣнію, въ московскомъ университетѣ нѣтъ, вѣроятно, обычая, передъ началомъ диспута читать curriculum vitae, біографическій очеркъ магистранта; мы узнали послѣ случайно, что онъ готовился за границей на каѳедру римскаго права. Самъ магистрантъ нашелъ возможнымъ повторить только наизусть свое же напечатанное предисловіе къ книгѣ, что́, впрочемъ, на этотъ разъ имѣло нѣкоторое значеніе: послѣ, на диспутѣ, объяснилось, что даже члены совѣта получили его диссертацію за *два* дня до диспута. Разумѣется, это обстоятельство не можетъ служить обвиненіемъ противъ устава 1863 г., который назначаетъ для такого случая, если не ошибаемся, болѣе приличный срокъ; но зато съ самаго начала становится довольно ясно, что не уставъ расшаталъ университеты, а самъ уставъ значительно расшатанъ. Итакъ, чтеніе наизусть того, что́ уже напечатано, вышло на этотъ разъ почти кстати.

Возраженія оффиціальныхъ оппонентовъ, гг. Карасевича и Умова, при всей сдержанности и умѣренности ихъ въ общихъ выводахъ

о значеніи труда, давали, однако, предчувствовать возможность болѣе рѣшительнаго приговора. Г. Карасевичъ, напримѣръ, слегка упрекнулъ автора за то, что онъ иногда *забывалъ* указывать пособія, которыми онъ „пользовался“, и привелъ въ доказательство длинную буквальную выписку изъ Игеринга, безъ указанія на оригиналъ. Потомъ было замѣчено, что авторъ даже не выяснилъ себѣ понятіе о нотаріатѣ, и вслѣдствіе того усматривалъ его исторію тамъ, гдѣ ея вовсе не было; на попытку магистранта, часто повторявшуюся, защищаться громкими и витіеватыми фразами, оппонентъ представилъ ему самый общепонятный примѣръ изъ процесса игуменьи Митрофаніи, который будущаго плохого историка нотаріата, въ родѣ г. Ляпидевскаго, могъ бы точно также поставить на ложную дорогу. Не будемъ приводить всѣхъ частныхъ возраженій со стороны оффиціальныхъ оппонентовъ, тѣмъ болѣе, что, повидимому, такихъ возраженій оставалось у нихъ въ запасѣ еще много; но и то, что̀ было высказано, побудило г. Лешкова, предсѣдательствовавшаго на диспутѣ, принять подъ свою защиту автора. Эта защита, впрочемъ, состояла не въ опроверженіи возраженій, а только въ широкой похвалѣ несомнѣнной учености магистранта. Дѣйствительно, послѣ того, новыя доказательства весьма сомнительной учености г. Ляпидевскаго могли бы относиться уже не къ нему одному, а также и къ г. Лешкову. Оффиціальные оппоненты скоро покончили, оставивъ довольно смутное представленіе въ свидѣтеляхъ диспута о ихъ взглядахъ на научное значеніе диссертаціи; похвала же г. Лешкова только слегка изумила: почему она понадобилась, и почему г. Лешковъ нашелъ нужнымъ измѣнить общепринятый обычай, въ силу котораго предсѣдательствующій всегда сохраняетъ нейтралитетъ на диспутѣ?

Напрасно было бы приводить частныя возраженія оффиціальныхъ оппонентовъ также и потому, что послѣдовавшія затѣмъ возраженія неоффиціальныхъ оппонентовъ, такъ сказать, упразднили ихъ почти цѣликомъ. Возражали доцентъ римскаго права г. Муромцевъ и профессоръ исторіи г. Герье. Оффиціальные оппоненты находили хотя и значительные недостатки, но все-таки въ трудѣ какъ будто самого г. Ляпидевскаго, и г. Ляпидевскій могъ бы отвѣтить имъ классическою ссылкою на пятна, усматриваемыя астрономами даже на солнцѣ. Наконецъ, онъ могъ бы отдѣлаться отъ нихъ простою ссылкою на громадность своей задачи написать исторію нотаріусовъ во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, въ формѣ самостоятельнаго изслѣдованія—задачи, которая можетъ равняться съ задачей Бетрищева, затѣявшаго написать исторію генераловъ вообще и 12-го года въ особенности. Какъ тутъ обойтись безъ промаховъ!—могъ бы сказать г. Ляпидевскій. Но вдругъ оказывается, что трудъ г. Ляпидевскаго—собственно не его трудъ. Вся его самостоятельность огра-

ничилась тѣмъ, что онъ написалъ двѣ-три страницы предисловія, гдѣ наименовалъ иностранныя сочиненія по исторіи нотаріата, да и то главнымъ образомъ съ цѣлью намекнуть на ихъ отсталость и нѣкоторые недостатки; объ одномъ изъ нихъ, а именно, о сочиненіи Эстерлея магистрантъ отозвался снисходительно и заявилъ, что оно послужило ему *„руководящею нитью“*, а затѣмъ велерѣчиво далъ почувствовать значеніе своего труда: „Богатыя парижскія книгохранилища—восклицаетъ авторъ—и особенно Національная Библіотека дала *намъ* возможность имѣть подъ рукою эти сборники (т.-е. сборники подлинныхъ источниковъ)“. Но г. Муромцевъ открылъ, что дѣло дѣлалось у г. Ляпидевскаго несравненно проще: что цѣлыя страницы такъ-называемой диссертаціи, суть буквальный переводъ изъ разныхъ сочиненій, а также и изъ Эстерлея; авторъ назвалъ послѣдняго своею „руководящею нитью“ только для красоты слога, а собственно онъ долженъ былъ бы объявить его, вмѣстѣ съ другими, своимъ оригиналомъ. Изъ Шпангенберга, напримѣръ, о которомъ въ предисловіи ничего не говорится, выписаны буквально цѣлые десятки страницъ, безъ указанія на оригиналъ. Г. Муромцевъ началъ-было перечислять всѣ позаимствованія и выразилъ готовность сдѣлать публично сравненіе текстовъ нѣмецкаго и русскаго, но г. Лешковъ пріостановилъ чтеніе такого синодика, слишкомъ убійственнаго для г. Ляпидевскаго; но самое убійственное однако было еще впереди. Г. Муромцевъ предложилъ дѣйствительно непрактическій способъ доказать, что сія огромная диссертація есть не что иное, какъ безконечный рядъ позаимствованій, надерганныхъ изъ различныхъ чужихъ трудовъ, причемъ авторъ преспокойно не только переводилъ текстъ, но и безъ малѣйшей церемоніи выписывалъ себѣ и всѣ готовыя цитаты, какія онъ находилъ въ своихъ „руководящихъ нитяхъ“.

Зато, г. Герье, смѣнившій г. Муромцева, поступилъ проще: онъ нашелъ возможнымъ заставить самого г. Ляпидевскаго открыть свой секретъ, и поставилъ магистранта въ положеніе пойманнаго медіума спиритовъ. На злосчастной 22-й страницѣ „Исторіи нотаріата“, г. Ляпидевскій оставилъ, что́ называется, рукавицы: онъ сослался на эдиктъ императора Діоклетіана и съ усвоенною имъ манерою внизу очень храбро привелъ самый текстъ изъ этого эдикта, такимъ образомъ: VII. 41. Tabellioni in scriptura libelli vel tabularum versibus n° centum+(XXV) ed. Mommsen. Г. Герье предложилъ г. Ляпидевскому не больше и не меньше, какъ только прочесть *вслухъ* эту цитату. Магистрантъ дошелъ до слова centum, но тутъ языкъ его „прильпне къ гортани“. За словомъ: centum, поставленъ зловѣщій *крестикъ*,—а Богъ его знаетъ, что́ этотъ крестикъ значитъ! Тогда сдѣлалось яснымъ и не для спеціалистовъ, что г. Ляпидевскій украшаетъ свое сочиненіе учеными цитатами, смыслъ которыхъ сокрытъ и для него самого.

Мало этого: на новый вопросъ г. Герье: въ какомъ же изданіи у Моммсена помѣщенъ этотъ эдиктъ? — г. Ляпидевскій зналъ объ этомъ столько же, сколько университетскій сторожъ, а между тѣмъ въ цитатѣ сказано: edidit Mommsen. Эту злосчастную цитату, какъ и массу другихъ, г. Ляпидевскій выписывалъ цѣликомъ изъ другого сочиненія, оставаясь при этомъ вполнѣ беззаботнымъ относительно смысла цитаты: вѣрно тутъ есть, думалъ онъ про себя, что-нибудь подтверждающее текстъ! Нѣмецъ-молъ не ошибется! Нѣмецъ, дѣйствительно, и не ошибся, но зато онъ зналъ смыслъ цитаты и держалъ въ рукахъ самое изданіе Моммсена, а не украшалъ себя павлиными перьями.

Затѣмъ, г. Герье началъ читать другого рода синодикъ, изъ котораго опять оказалось, что г. Ляпидевскій былъ самостоятеленъ только въ ошибкахъ, внесенныхъ имъ отъ себя въ прежніе труды ученыхъ, а самъ остановился въ избранномъ имъ вопросѣ на 40-хъ годахъ, вѣроятно, потому что и „руководящія нити“ были писаны въ тѣ времена: такъ, онъ безпрестанно ссылается на статьи Моммсена въ 40-хъ годахъ и вовсе не знаетъ капитальнаго труда Моммсена „Römisches Staatsrecht“, конечно потому, что оно издано въ 1871 г., и не могло быть цитовано въ сочиненіяхъ ученыхъ 40-хъ и предыдущихъ годовъ. Г. Ляпидевскій подробно говоритъ о матеріалѣ, на которомъ писали въ римскую эпоху и въ средніе вѣка, о различныхъ почеркахъ и т. п., но настолько, насколько о томъ же предметѣ говорено въ „руководящихъ нитяхъ“, и знать не знаетъ труда главнаго современнаго палеографа въ Германіи, Ваттенбаха: „Das Schriftwesen im Mittelalter; говоритъ также подробно о правѣ и государственныхъ учрежденіяхъ вестготовъ, опять по старымъ рецептамъ, и не знаетъ новѣйшаго сочиненія Дана; подробно говоритъ о бургундахъ, игнорируя трудъ Яна; для франковъ цитуетъ Савиньи и Вайца, и послѣдняго по устарѣвшему изданію 1847 года. Однимъ словомъ, какъ справедливо выразился г. Герье, можно подумать, что книга г. Ляпидевскаго издана въ *1845* году, и только по ошибкѣ типографіи на ея оберткѣ стоитъ 1875 годъ: до такой степени г. Ляпидевскій тщательно избѣгнулъ всего, что было сдѣлано въ наукѣ за послѣднія 30 лѣтъ.

Финаломъ диспута послужилъ новый, не менѣе длинный синодикъ съ исчисленіемъ ошибокъ, которыя можно назвать уже гимназическими: на диспутѣ впервые г. Ляпидевскій узналъ о значеніи золотого перстня и коня, какъ сословнаго отличія въ Римѣ; до того не зналъ онъ также, что римскій эраріумъ помѣщался въ самомъ храмѣ Сатурна; не далъ себѣ труда хоть справиться въ учебникѣ, какой императоръ когда правилъ, и потому, на стр. 76, выразился такъ: „во время имперіи, особенно *начиная* съ Каракаллы, Траяна, и главнымъ образомъ при Адріанѣ и его преемникахъ, кесари начи-

наютъ писать рескрипты" и т. д. Это все равно, что сказать, напримѣръ: „начиная съ Александра I, Алексѣя Михайловича, и главнымъ образомъ, при Петрѣ Великомъ и его преемникахъ". Вѣдь это совершенная чепуха: какимъ образомъ чтó-нибудь можетъ начаться при Александрѣ I и одновременно при Алексѣѣ Михайловичѣ, а главнымъ образомъ происходить при Петрѣ Великомъ?! Каракалла —211 г. по Р. Х.; Траянъ—98 г., и Адріанъ—117 г. Въ византійской исторіи такія же странности: говорится (стр. 76) о фактахъ, совершившихся „въ управленіе Маврикія и Гераклія", но они царствовали въ различное время. Бургундія, по представленію г. Ляпидевскаго, находится въ *юго-западной* Франціи, и т. д., и т. д.

Но довольно—и для читателей, какъ довольно было и для г. Лешкова: читатели получили понятіе о трудѣ г. Ляпидевскаго, и г. Лешковъ могъ также, послѣ критики г. Герье, выслушанной магистрантомъ съ глубокимъ молчаніемъ, приступить къ собиранію голосовъ между членами факультета, не давъ много распространяться еще одному оппоненту, товарищу прокурора г. Фуксу. Дѣйствительно, замѣчанія, высказанныя г-мъ Герье, не давали возможности сказать что-нибудь худшаго; г. Герье довелъ уже дѣло до нуля. Двѣ-три минуты спустя, г. Лешковъ, послѣ обычнаго собиранія голосовъ, вынулъ изъ кармана большой исписанный листъ бумаги и началъ читать, обращаясь къ магистранту. Въ московскомъ университетѣ, вѣроятно, есть обычай не только просто объявлять, что по опредѣленію факультета диспутъ признается удовлетворительнымъ, но и присоединяются къ этому мотивы. Легко себѣ представить, чтó должно было произойти вслѣдствіе того, что г. Лешковъ началъ читать вслухъ мотивы, редижированные, конечно, до диспута, на основаніи которыхъ факультетъ признаетъ г. Ляпидевскаго достойнымъ степени магистра. Пришлось г. Ляпидевскому услышать, послѣ убѣдительныхъ доводовъ гг. Муромцева и Герье, что онъ вполнѣ знакóмъ съ литературою предмета, глубоко изучены имъ источники и т. п. Эффектъ былъ чрезвычайно странный; несмотря на видимое сокращеніе похвалъ, приготовленныхъ заранѣе, г. Лешковъ все же оставилъ еще слишкомъ много, и вслѣдствіе затрудненій, какія представляло сокращеніе на-лету, читалъ составленные имъ похвалы нетвердымъ голосомъ, сбиваясь на каждомъ словѣ; все это, разумѣется, увеличило всеобщее смущеніе.

Между тѣмъ, дѣло на этомъ диспутѣ шло вовсе не объ одномъ только вопросѣ: обременить или не обременять г-на Ляпидевскаго званіемъ магистра? Степень магистра даетъ ему право на искомую имъ каѳедру *римскаго* законодательства при университетѣ, гдѣ г-ну Ляпидевскому могъ бы представиться случай на практикѣ „начинать съ Каракаллы" и затѣмъ пятиться къ Адріану. Мы слышали, что въ совѣтѣ ходитъ потому мысль подвергнуть сомнѣнію вопросъ—утвердить

или отвергнуть опредѣленіе факультета, въ силу котораго г. Ляпидевскій провозглашенъ магистромъ. Какая благодарная тэма для „Московскихъ Вѣдомостей" заговорить снова о „расшатанномъ" состояніи нашихъ университетовъ?! Сколько красокъ почерпнутъ онѣ для изображенія совѣтскихъ собраній, какъ поприща интригъ, кумовства и т. п.! И все это будетъ увѣнчано проклятіемъ университетскому уставу 1863 года, деморализировавшему университеты. Но уставъ на это можетъ отвѣтить очень простымъ указаніемъ, что онъ давно уже утратилъ свой прежній видъ, а потому отвѣтственность за современное положеніе университетовъ не можетъ лежать на немъ. Напримѣръ, еще въ 1868 г. въ немъ была уничтожена статья, требовавшая для избранія на новое пятилѣтіе *двухъ-третей* голосовъ. Одно существованіе этого параграфа могло бы имѣть вліяніе на настоящій диспутъ, измѣнивъ еще прежде до нѣкоторой степени личный составъ факультета. Съ другой стороны, уставъ 1863 г. можетъ съ справедливою гордостью утверждать, что подъ его режимомъ университетская жизнь въ своихъ существенныхъ частяхъ все же не понизилась, наоборотъ: этотъ же самый юридическій факультетъ, въ публичномъ засѣданіи котораго мы присутствовали, за послѣднее время украсился молодыми преподавателями, вышедшими изъ нѣдръ самого же университета, таковы: г. Чупровъ, по политической экономіи; гг. Муромцевъ и Боголѣповъ, по римскому праву; г. Янжулъ, по финансамъ; г. Петровскій, по исторіи русскаго права и др. Такой списокъ хорошихъ именъ по одному только факультету есть лучшій аттестатъ для университета и того устава, который лежалъ въ основаніи его жизни за послѣднее время. „Расшатанные" университеты не представляютъ такихъ явленій, и диспутъ г. Ляпидевскаго свидѣтельствуетъ только о томъ, что уставъ 1863 года не всегда имѣлъ возможность находить себѣ полное примѣненіе, утративъ нѣкоторые изъ своихъ существенныхъ параграфовъ, а это обстоятельство дѣйствительно породило печальную личную рознь, но все же не успѣло еще коснуться глубоко существенныхъ отправленій университетской жизни. Вотъ, потому нельзя не признать, что опубликованное недавно назначеніе пересмотра университетскаго устава 1863 года является вполнѣ кстати: коммиссія, пересматривая уставъ, прежде всего можетъ замѣтить, какія сдѣланы были уже въ немъ перемѣны до пересмотра, и какъ эти перемѣны невыгодно отразились на университетской жизни,—во всемъ этомъ можно убѣдиться по многимъ случаямъ за нѣсколько послѣднихъ лѣтъ, до разсмотрѣннаго нами диспута включительно.

В. Н.

Москва.—15-го мая, 1875.

ЧТО ДУМАТЬ О СПИРИТИЗМѢ?

По поводу письма проф. Вагнера.

I.

Hypotheses non fingo.

Письмо г. Вагнера, помѣщенное въ апрѣльской книжкѣ „Вѣстника Европы", будетъ, конечно, имѣть своего рода успѣхъ въ массѣ публики, но въ средѣ русскихъ ученыхъ, къ которымъ спеціально обращается г. Вагнеръ въ заключеніи своего письма, оно, вѣроятно, произведетъ очень тягостное впечатлѣніе. Никто, конечно, не можетъ отрицать у г. Вагнера права печатно заявить о тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя произвело на него первое знакомство съ спиритизмомъ. Но не одна noblesse oblige! Если г. Вагнеръ является въ письмѣ съ своимъ ученымъ авторитетомъ, если онъ на первыхъ же строкахъ, способомъ, который всего менѣе можно упрекнуть въ скромности, заявляетъ о своемъ открытіи педогенезиса у насѣкомыхъ, то мы имѣемъ право соотвѣтственно увеличить и наше требованіе отъ него. Мы вправѣ ожидать, что г. Вагнеръ скажетъ намъ что-нибудь дѣйствительно новое или оригинальное относительно предмета его письма.

Вмѣсто того, мы встрѣчаемъ у г. Вагнера исключительно вещи, о которыхъ каждый изъ насъ уже тысячу разъ слышалъ, что онѣ случались и случаются постоянно въ спиритическихъ кружкахъ. Существенно новыхъ наблюденій въ области спиритизма г. Вагнеру сдѣлать не удалось. Никакихъ новыхъ откровеній онъ не получилъ. Относительно самаго важнаго пункта, относительно удовлетворяющаго требованіямъ научной точности контроля явленій, способныхъ возбудить столько сомнѣній, мы не видимъ въ описанныхъ г. Вагнеромъ опытахъ нималѣйшаго шага впередъ. Свою теорію спиритическихъ явленій онъ самъ называетъ, и совершенно справедливо, *крайне неудовлетворительною*. Однимъ словомъ, г. Вагнеръ является въ своемъ письмѣ и наблюдающимъ, и мыслящимъ, и увлекающимся—все это мы увидимъ ниже—какъ самый обыкновенный смертный, какъ тысячи другихъ, писавшихъ о спиритизмѣ. Къ чему же въ такомъ случаѣ бросать на вѣсы импонирующій научный титулъ и заявленіе объ открытіи, сдѣланномъ въ области, неимѣющей съ спиритизмомъ ни одной точки соприкосновенія? Если только для того, чтобы тѣмъ вѣрнѣе возбудить общій интересъ къ спиритизму,

то эта предосторожность совершенно напрасна. По словамъ самого г. Вагнера, въ настоящее время въ одной Америкѣ есть 11 милліоновъ людей, увлеченныхъ спиритизмомъ. Г. Вагнеру не менѣе извѣстно, какими почтенными цифрами считается и въ нашей публикѣ число адептовъ спиритизма. Употреблять еще искусственныя мѣры для возбужденія интереса къ этому новѣйшему проявленію мистическихъ инстинктовъ человѣчества, по истинѣ, нѣтъ никакого повода.

Къ сожалѣнію, этимъ не ограничивается упрекъ, который мы должны сдѣлать автору письма о спиритизмѣ. Приглашеніе всему русскому обществу заняться повѣркою спиритическихъ опытовъ, дѣлаемое устами одного изъ почтенныхъ русскихъ ученыхъ, можетъ имѣть во многихъ случаяхъ вліяніе положительно вредное. Во-первыхъ, многіе ли изъ читателей остановятся на томъ соображеніи, что профессоръ зоологіи, *какъ таковой*, относительно фактовъ спиритизма въ сущности находится въ такомъ же положеніи, какъ и профессоръ государственнаго права, римскихъ древностей и т. под., то-есть, что онъ можетъ играть только роль *свидѣтеля*, а ни въ какомъ случаѣ не *эксперта* описываемыхъ явленій. Въ массѣ публики слова г. Вагнера будутъ, вѣроятно, поняты какъ сознаніе современной науки вообще въ ея несостоятельности въ отношеніи спиритическихъ явленій. Что́ же это за наука,—можетъ совершенно справедливо подумать каждый,—которая въ своей гордости думаетъ обладать законами, которые управляютъ всѣмъ міромъ, и которая, въ лицѣ своихъ выдающихся представителей, должна теперь заявить о своемъ абсолютномъ безсиліи передъ нѣсколькими экспериментами торговца фарфоромъ, пріѣхавшаго изъ Парижа? Если явленія въ точности таковы, какъ ихъ описываетъ проф. Вагнеръ, то ими, какъ это тотчасъ увидитъ всякій, опровергаются всѣ понятія о міровомъ порядкѣ, до которыхъ достигнулъ въ наше время человѣческій разумъ. Согласить ихъ раціональнымъ образомъ съ закономъ сохраненія силы или съ закономъ причинности вообще, какъ мы находимъ его осуществленнымъ въ изслѣдованномъ до сихъ поръ мірѣ, очевидно невозможно. Но если это такъ, если существуетъ цѣлый разрядъ явленій, противорѣчащихъ краеугольнымъ законамъ современной науки, то, конечно, не къ этой наукѣ долженъ обратиться умъ, ищущій истины, а къ тому новому ученію, которое поднимаетъ свое таинственное знамя на высотѣ, недоступной наукѣ. Такимъ образомъ, не только праздные и любопытные зѣваки всѣхъ сортовъ,—даже люди серьёзные, но болѣе нужнаго довѣрчивые къ научному положенію автора, толкаются въ объятія спиритизма, въ то бѣличье колесо, которое вотъ уже болѣе 20-ти лѣтъ, безъ малѣйшаго движенія впередъ, вращается милліонами спиритовъ на всѣхъ пунктахъ земного шара.

Нужно ли напоминать, сколько силъ, способныхъ на что-нибудь лучшее, сколько времени, сколько жизней погибло уже въ этомъ заколдованномъ кругу, и сколько ихъ еще безплодно погибнетъ въ немъ и безъ участія г-на Вагнера? Извѣстно, какой огромный контингентъ психическихъ и нервныхъ больныхъ доставляютъ спириты въ тѣхъ странахъ, гдѣ спиритизмъ особенно распространенъ. У меня, къ сожалѣнію, нѣтъ теперь подъ рукою доказывающихъ это точныхъ статистическихъ данныхъ, но пунктъ этотъ имѣетъ огромную важность, и чтобы не быть относительно его голословнымъ, я приведу въ подтвержденіе слѣдующій, заимствованный мною изъ спиритическаго же изданія фактъ [1]).

Лондонское „Діалектическое Общество“, основанное въ 1867 году нѣсколькими учеными и литераторами направленія „свободныхъ мыслителей“, съ цѣлью возможно полнаго и всесторонняго обсужденія спорныхъ философскихъ и соціальныхъ вопросовъ, назначило въ 1869 году изъ среды своихъ членовъ комитетъ для изслѣдованія спиритическихъ явленій. Предсѣдателемъ комитета, состоявшаго изъ 33 представителей различныхъ либеральныхъ профессій (литераторовъ, юристовъ, духовныхъ, врачей и т. д.) былъ единогласно избранъ извѣстный въ Лондонѣ врачъ, д-ръ Джемсъ Эдмондсъ. Послѣ двухлѣтнихъ почти занятій, комитетъ представилъ „Діалектическому Обществу“ отъ лица своего большинства отчетъ, составленный въ благопріятномъ для спиритизма смыслѣ. Напротивъ, меньшинство, и въ томъ числѣ предсѣдатель комитета, д-ръ Эдмондсъ, представили въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ мнѣніяхъ очень сильныя возраженія какъ противъ способа составленія отчета, такъ и противъ многихъ приведенныхъ въ немъ фактовъ и недостаточно строгаго метода изслѣдованія предмета разными отдѣленіями комитета. Чтеніе этого отчета вызвало бурю въ средѣ „Діалектическаго Общества“, правленіе котораго не согласилось съ заключеніемъ спиритическаго комитета и не разрѣшило напечатать отчетъ съ авторизаціей Общества. Отчетъ этотъ, какъ симпатизирующій спиритическимъ воззрѣніямъ, былъ поэтому, вмѣстѣ съ его опроверженіями со стороны членовъ меньшинства, напечатанъ въ спиритическихъ изданіяхъ.

Въ особенности подробно и убѣдительно было мотивировано несогласіе съ отчетомъ комитета въ отдѣльномъ мнѣніи его предсѣдателя, д-ра Эдмондса. Я не намѣренъ останавливаться на многихъ, приводимыхъ имъ разительныхъ примѣровъ явнаго обмана со стороны медіумовъ или самообольщенія со стороны членовъ комитета;

[1]) Bericht über den Spiritualismus von Seiten des Comité's der Dialectischen Gesellschaft zu London. I. Theil. Deutsch herausgegeben von A. Aksakow. Leipzig, 1875. pag. 86.

желающіе могутъ познакомиться съ этими фактами въ указанномъ изданіи. Но въ виду того, что г. Вагнеръ высказываетъ желанія, „чтобъ всѣ, которые прочтутъ его письмо и пожелаютъ убѣдиться въ справедливости его словъ, убѣдились бы въ томъ личнымъ опытомъ" („В. Евр.", апрѣль, 1875, стр. 873), обращаю серьёзное вниманіе его читателей на слѣдующія заключительныя слова доктора Эдмондса:

„Съ тѣхъ поръ какъ было напечатано мое сообщеніе", говоритъ онъ, „я узналъ, что изъ сравнительно небольшого числа лицъ, бывшихъ, какъ свидѣтели или какъ медіумы, въ открытомъ сообщеніи съ явленіями, которыя были наблюдаемы мною, одно лицо умерло отъ совершенно опредѣлившейся душевной болѣзни, а другое заключено въ домъ умалишенныхъ... Я могу прибавить также, что одинъ выдающійся сочленъ нашего комитета, который принималъ участіе въ темномъ сеансѣ, упомянутомъ на стр. 81, часто былъ увѣщеваемъ мною подумать о вредѣ, который онъ этимъ приноситъ себѣ, а можетъ быть также и другимъ. Мнѣ больно сообщить теперь, что онъ въ августѣ 1871 года, немного недѣль спустя послѣ упомянутаго темнаго сеанса, былъ пораженъ какимъ-то неразгаданнымъ параличомъ, и хотя еще находится въ относительной полнотѣ силъ юношескаго возраста, но съ того времени еще до сихъ поръ не въ состояніи возвратиться къ своимъ занятіямъ" (Bericht etc. pag. 86).

Ясно, слѣдовательно, что занятія спиритизмомъ вовсе не такъ невинны, какъ это повидимому представляетъ себѣ г. Вагнеръ. Весь организмъ и спеціально нервная система участниковъ спиритическаго сеанса должна находиться въ совершенно особенномъ и неестественномъ состояніи, чтобъ могли получаться описываемые результаты. Мы увидимъ ниже, что есть основанія утверждать, что и спиритическія чудеса, то-есть то, что̀ въ нихъ есть объективно-реальнаго, подчинены общему міровому закону сохраненія энергіи. Но если такъ, то значитъ всѣ манифестаціи спиритизма совершаются вовсе не *даромъ*, а на счетъ самихъ же участниковъ сеанса, на счетъ потери ими эквивалентнаго количества силы. Въ этомъ въ сущности не было бы большой бѣды, такъ какъ подобною потерею силы сопровождается каждое малѣйшее наше дѣйствіе во всякое мгновеніе нашей жизни. Но вѣроятно во всей природѣ нѣтъ болѣе противо-экономическаго метаморфоза силъ, какъ совершающійся во время спиритическихъ опытовъ. Движенія тяжелыхъ массъ наперекоръ препятствіямъ, звуки и другія явленія, сопровождающія эти опыты, происходятъ главнымъ образомъ вслѣдствіе освобожденія живыхъ силъ въ нервныхъ центрахъ участвующихъ. Тамъ должны, слѣдовательно, происходить самыя обширныя химическія распаде-

нія. Можно поэтому сказать, что въ спиритическихъ засѣданіяхъ производится животными организмами механическая работа не на счетъ міозина мускуловъ, какъ это всегда бываетъ, а главнымъ образомъ насчетъ лецитина и протагона нервныхъ центровъ. Спириты работаютъ, слѣдовательно, насчетъ самыхъ дорого-стоющихъ веществъ въ нашемъ организмѣ, такъ какъ протагонъ и лецитинъ составляютъ самыя сложныя и хрупкія химическія тѣла, какія только умѣетъ приготовить вообще органическая природа. Двигать столъ при условіяхъ спиритическихъ опытовъ все равно, что удовлетворять аппетитъ соловьиными языками или закуривать сигары сторублевыми бумажками. A la longue, на это не хватитъ никакого запаса. Я считаю поэтому своею обязанностью серьёзно предостеречь всѣхъ вообще отъ увлеченія спиритизмомъ, но въ особенности тѣхъ „нервныхъ людей, способныхъ вызывать медіумическія явленія“, которые, къ сожалѣнію, дѣйствительно „не рѣдкость въ нашемъ обществѣ“ (стр. 873), и которыхъ преимущественно призываетъ къ спиритизму г. Вагнеръ. Именно для нихъ потрясенія нервной системы, сопряженныя съ спиритическими опытами, могутъ быть особенно пагубны. Если извѣстный медіумъ Юмъ, по описанію г. Вагнера, „прежде всего человѣкъ болѣзненно-нервный, способный впадать въ сомнамбулическое состояніе, человѣкъ, подверженный почти постоянно разнымъ припадкамъ, о которыхъ наши медицинскія познанія слишкомъ недостаточны и темны“ (стр. 857), то не въ этихъ свойствахъ его слѣдуетъ искать объясненія его медіумическихъ способностей, какъ это, повидимому, кажется г. Вагнеру, а напротивъ, въ его медіумической дѣятельности заключается совершенно удовлетворительное объясненіе этихъ свойствъ. За интересныя свойства медіума приходится, слѣдовательно, платить очень дорогою цѣною. Поэтому — пусть подумаютъ охотники до переливанія изъ пустого въ порожнее!

II.

Мы должны отдать справедливость г. Вагнеру по крайней мѣрѣ въ томъ, что на немногихъ страницахъ своего письма онъ сосредоточилъ почти все, что составляетъ содержаніе безконечной спиритической литературы, почти всю теорію и практику и апологію спиритизма, за исключеніемъ развѣ только спиритической морали. Поэтому замѣчанія, которыя мы сдѣлаемъ относительно письма г. Вагнера, могутъ быть почти безъ измѣненія приложены ко множеству произведеній спиритической литературы, въ которой едва-ли есть хоть одинъ существенно важный пунктъ, который бы не былъ затронутъ г. Вагнеромъ.

Въ этомъ между прочимъ одна изъ причинъ, почему мы считаемъ небезполезнымъ подвергнуть это письмо разбору, можетъ быть болѣе подробному, чѣмъ само это письмо.

Г. Вагнеръ, во-первыхъ, описываетъ рядъ необыкновенныхъ явленій, которыя онъ наблюдалъ какъ очевидецъ. Явленія эти, по ихъ свойствамъ и по различію источниковъ ихъ происхожденія, можно раздѣлить на четыре слѣдующія категоріи:

1) Движенія (дѣйствительныя или потенціальныя) массъ наперекоръ законамъ притяженія;

2) Звуки неизвѣстнаго происхожденія;

3) Переговоры съ невидимыми интеллигентными существами, и наконецъ—

4) „образованіе" безъ соотвѣтственныхъ матеріальныхъ элементовъ не только видимыхъ, но и осязаемыхъ частей человѣческаго организма.

Какъ извѣстно, этимъ исчерпывается вообще репертуаръ спиритическихъ явленій, такъ что всѣ сообщенія изъ спиритическаго лагеря, въ фактическомъ отношеніи, составляютъ только безчисленныя и однообразныя варьяціи на эти темы. Г. Вагнеръ описываетъ свои наблюденія съ горячностью неофита и съ полнымъ убѣжденіемъ въ неподдѣльной дѣйствительности всего видѣннаго имъ. Искренность его въ этомъ отношеніи для насъ не подлежитъ никакому сомнѣнію уже потому, что онъ во многихъ частностяхъ самъ выдавалъ свою излишнюю довѣрчивость или увлеченіе фантазіей, чего легко бы было избѣжать при меньшей непосредственности изложенія. Сверхъ того, г. Вагнеръ дѣлаетъ попытку объяснить спиритическія явленія. Спириты, какъ извѣстно, приписываютъ эти явленія дѣятельности духовъ умершихъ, являющихся въ засѣданіе по зову участниковъ. Г. Вагнеръ считаетъ это суевѣріемъ и признаетъ дѣйствующею причиною этихъ явленій *психическую силу*, исходящую изъ участвующихъ въ сеансѣ живыхъ индивидуумовъ. Разница между этими двумя воззрѣніями едвали существенная, и объясняется вѣроятно только начальнымъ періодомъ спиритической дѣятельности проф. Вагнера. Для того, кто вѣритъ, что въ темномъ пространствѣ можетъ „образоваться" изъ ничего женская рука, мнѣ кажется, нѣтъ серьёзнаго повода отвергать, что эта рука принадлежитъ именно умершей китайской женщинѣ Жеке. Когда „психическая сила" способна, безъ фосфора, кальція, желѣза и другихъ интегральныхъ частей человѣческой руки, „образовать" эту послѣднюю, то она заслуживаетъ настолько довѣрія, чтобъ не считать ложью ея категорическое заявленіе, хотя бы это заявленіе состояло въ собственноручной подписи по-французски умершей китайской женщины. Вообще, средній путь

тутъ немыслимъ. Граница „суевѣрія“ лежитъ не передъ толкованіемъ факта, а передъ признаніемъ его дѣйствительности. Кто перешагнулъ за эту границу, тотъ уже находится въ области суевѣрія, и подвинулся ли онъ въ этой области шагомъ больше или меньше, въ сущности довольно безразлично. Въ концѣ-концовъ, простая логика вѣроятно приведетъ всякаго къ тому, чтобы, смотря по особенностямъ своей индивидуальности, или признать за откровенія сверхъестественнаго міра все безъ исключенія, что̀ случается въ спиритическихъ сеансахъ, или сохранить настолько опору въ дѣйствительномъ мірѣ, чтобы, несмотря на свидѣтельство чувствъ, отличать въ самыхъ спиритическихъ явленіяхъ возможное отъ невозможнаго. Попытка г. Вагнера устранить „суевѣрныя объясненія спиритовъ“, допуская однако безъ всякаго ограниченія факты, которые подали поводъ къ этимъ суевѣрнымъ объясненіямъ, вѣроятно не удовлетворитъ никого, какъ она, очевидно, не удовлетворяетъ и самого г. Вагнера.

Многое въ письмѣ г. Вагнера объясняется для насъ тѣмъ, что онъ началъ свое изслѣдованіе даже съ бо̀льшимъ скептицизмомъ, чѣмъ спиритизмъ вообще заслуживаетъ. Поэтому, первый же спиритическій опытъ, давшій положительный результатъ, поражаетъ г. Вагнера до такой степени, что во всемъ послѣдующемъ мы видимъ нашего почтеннаго ученаго совершенно пассивнымъ объектомъ окружающихъ условій или даже, какъ мы надѣемся когда-нибудь доказать, очевидной мистификаціи. Нужно помнить, что слабыя попытки критики, производимыя безъ отчетливо-выработаннаго плана, оказываются обыкновенно не только безполезными, но большею частью даже положительно вредными при такихъ сложныхъ условіяхъ, потому что ихъ отрицательный результатъ, вопреки основному положенію естественно-научнаго метода, принимается какъ положительный аргументъ въ пользу дѣйствительности явленій. Доказательствами подобной метозологической ошибки наполнено сообщеніе г. Вагнера. Принятыя г. Вагнеромъ элементарныя мѣры предосторожности были очевидно недостаточны для того, чтобъ устранить изъ явленія всѣ условія, кромѣ *одного* (основное правило научнаго индуктивнаго метода изслѣдованія), а между тѣмъ неуспѣхъ ихъ укрѣпляетъ г. Вагнера въ мысли, что причиною этихъ явленій можетъ быть только неуловимая психическая сила. Такое постоянное смѣшеніе субъективной и объективной истины мы встрѣчаемъ не только у дилеттантовъ и экспериментаторовъ, но даже у философовъ спиритизма, какъ это доказываетъ лучше всего защищаемый многими изъ нихъ способъ рѣшенія вопроса о дѣйствительности спиритическихъ явленій съ помощью *свидѣтельскихъ показаній*.

Въ этомъ отношеніи очень характеристиченъ упомянутый выше первый же опытъ г. Вагнера. Мы позволимъ себѣ привести его здѣсь въ точности, какъ онъ описанъ г. Вагнеромъ буквально. Общество близко знакомыхъ другъ съ другомъ лицъ рѣшается сдѣлать спиритическій опытъ безъ участія медіума:

„Мы сѣли впятеромъ", разсказываетъ г. Вагнеръ: „я, двое моихъ знакомыхъ, также ни разу не видавшихъ спиритическихъ явленій, Бутлеровъ и одна, также моя давнишняя знакомая, весьма почтенная дама, крайне боявшаяся этихъ явленій, какъ несомнѣнной чертовщины. Мы сидѣли и разговаривали, положивъ руки на столъ, минутъ двадцать; столъ не двигался. Вдругъ дверь отворяется и входитъ Юмъ, до половины закутанный плэдомъ.

— А! вотъ вы чѣмъ занимаетесь?! Позвольте и мнѣ присѣсть...

— Нѣтъ! Нѣтъ!.. говоримъ мы.—Васъ-то намъ и не надо!...

— Позвольте, я только на одну минутку, tout un petit moment!...—И онъ садится подлѣ меня.

Не прошло пяти минутъ, какъ столъ началъ двигаться ко мнѣ.

— Это вы двигаете?—говорю я сидѣвшей противъ меня дамѣ.

— Положите,—говоритъ Юмъ,—всѣ руки ладонями кверху; — и самъ дѣлаетъ тоже.

Столъ продолжаетъ двигаться.

— А ноги ваши гдѣ?—спрашиваю я Юма.

— Вотъ мои ноги!—И онъ кладетъ обѣ свои ноги, закутанныя плэдомъ, на мои и смотритъ на меня въ упоръ. Столъ продолжаетъ двигаться все въ томъ же направленіи, и притискиваетъ меня къ стулу"...

„Результатъ опыта, — говоритъ послѣ этого г. Вагнеръ, — былъ рѣзокъ, поразителенъ. Я былъ въ положеніи человѣка", и т. д. (стр. 856).

Спрашивается, однако: что́-жъ тутъ особенно поразительнаго? Изъ разсказа видно, что г. Вагнеръ и его общество хотѣли сначала сдѣлать опытъ безъ всякаго участія сомнительнаго элемента, и не получили никакого результата, пока не появилось завѣдомо самое сомнительное лицо, какое только можетъ участвовать въ подобномъ опытѣ. Несмотря на протестъ участвующихъ, это лицо тоже садится у стола, и поразительно только то, что общество не принимаетъ ровно никакихъ мѣръ, чтобъ обезпечить себя отъ мистификаціи съ его стороны. Всѣ остаются спокойны въ теченіи пяти минутъ, и даже когда столъ получаетъ наконецъ движеніе, г. Вагнеръ направляетъ свое первое подозрѣніе на кого же? На очевидно невинную даму, воображая, что она толкаетъ столъ. Только, когда самъ Юмъ убѣждаетъ въ ея невиновности, г. Вагнеръ вспоминаетъ, наконецъ, о ногахъ Юма и окончательно удовлетворяется, почувствовавши прикосновеніе ихъ къ своимъ.

Итакъ, *въ теченіи пяти минутъ*, ноги Юма, *закутанныя плэдомъ*,

находились подъ столомъ внѣ всякаго контроля! Нужно ли говорить, что самый элементарный механизмъ, способный помѣститься въ каблукѣ сапога, былъ бы достаточенъ, чтобъ производить точное такое движеніе стола при неслыханно-благопріятныхъ условіяхъ. Я вовсе не хочу утверждать, что Юмъ въ этомъ случаѣ непремѣнно мистифицировалъ свою публику. Движеніе стола при подобныхъ условіяхъ я считаю не только возможнымъ, но и естественнымъ явленіемъ. Но Юму была дана полная возможность поддѣлать это движеніе, и въ этомъ состоитъ существенная ошибка опыта. Воспользовался ли онъ этой возможностью, или предоставилъ дѣло собственному теченію, это исключительно вопросъ совѣсти г. Юма, и относительно этого вопроса, со стороны, ни для кого невозможенъ ни положительный, ни отрицательный отвѣтъ. Но если результатъ опыта въ концѣ-концовъ сводится на вопросъ о совѣсти медіума, то очевидно, что нималѣйшаго объективнаго или научнаго значенія этотъ результатъ имѣть не можетъ.

Другое явленіе, на которомъ нѣсколько разъ останавливается г. Вагнеръ, составляютъ стуки, сопровождающіе спиритическіе опыты. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что изъ звуковъ, которые оглашаютъ почти всякое „удавшееся" спиритическое засѣданіе, безчисленное количество и безчисленное множество разъ бывали поддѣлываемы медіумами. Въ подтверженіе приведу изъ цитированнаго выше спиритическаго изданія слѣдующій фактъ, описанный д-ромъ Эдмондсомъ: „я сидѣлъ рядомъ съ м-съ Маршаль (извѣстный медіумъ въ Лондонѣ), и чувствовалъ, какъ она самымъ дѣловымъ образомъ стучала своимъ большимъ пальцемъ объ ножку стола и этимъ производила всѣ слышанные нами звуки. Но въ то время, какъ я съ полнымъ сознаніемъ наблюдалъ эту продѣлку, я видѣлъ на другой сторонѣ стола нѣсколькихъ изъ самыхъ интеллигентныхъ моихъ друзей въ состояніи торжественнаго возбужденія, и вполнѣ убѣжденныхъ, что они сообщаются съ духами ихъ умершихъ родственниковъ" (Bericht etc., pag. 75).

Я удерживаюсь отъ приведенія дальнѣйшихъ, еще болѣе поразительныхъ примѣровъ, потому что моя цѣль пока состоитъ только въ томъ, чтобы доказать необходимость особыхъ мѣръ предосторожности въ виду такихъ удостовѣренныхъ обмановъ, а вовсе не въ томъ, чтобъ доказать, что всѣ спиритическіе звуки составляютъ результатъ обмана съ одной стороны и легковѣрія съ другой. Напротивъ, я убѣжденъ, что условія спиритическихъ опытовъ представляютъ въ высшей степени благопріятную почву для возникновенія самыхъ разнообразныхъ звуковыхъ явленій. А именно въ интерференціи звуковыхъ или аналогическихъ съ ними движеній слѣдуетъ искать раз-

гадки спиритическихъ явленій вообще. Но въ томъ-то и дѣло, что г. Вагнеръ не представляетъ доказательствъ, что всѣ слышанные имъ звуки были „настоящіе". Нужно помнить, что наши органы слуха, сравнительно, напримѣръ, съ органами зрѣнія или осязанія, обладаютъ крайне недостаточною способностью оріентированія. Всякій испыталъ, какъ трудно во многихъ случаяхъ опредѣлить не только съ точностью мѣсто происхожденія звука, но и направленія, откуда звуковыя волны къ намъ притекаютъ. Кто не слыхалъ о явленіяхъ „чревовѣщанія", при которомъ звукъ, происходящій въ гортани, вслѣдствіе особенности тэмбра, который ему придается чревовѣщателемъ, кажется слушателю выходящимъ изъ-подъ пола, изъ стѣны, изъ запертаго шкафа, и т. д. Самый нехитрый инструментъ, въ родѣ кастаньетъ, помѣщенный подъ мышкою, подъ ногою или въ боковомъ карманѣ медіума, могъ бы при искусномъ управленіи производить подобные же эффекты. Въ особенности эти замирающіе перспективные стуки, такъ-называемые „заряды стуковъ", о которыхъ упоминаетъ и г. Вагнеръ, и которые означаютъ на спиритическомъ языкѣ, если не ошибаемся, „спокойной ночи!" со стороны удаляющихся духовъ, весьма легко могли бы быть воспроизведены подобнымъ инструментомъ. Я вовсе не хочу утверждать, что медіумы въ самомъ дѣлѣ употребляютъ подобные инструменты для произведенія звуковъ, ни даже того, что они довольствуются для мистификаціи болѣе естественными средствами, въ родѣ описанныхъ д-ромъ Эдмондсомъ; я хочу только сказать, что эту легкую возможность искусственнаго воспроизведенія акустическихъ явленій и доказанное во многихъ случаяхъ произведеніе ихъ медіумами непремѣнно нужно имѣть въ виду при всякомъ сеансѣ, и что одно наблюденіе за руками и ногами медіума, о которомъ упоминаетъ г. Вагнеръ, совершенно недостаточно для контроля въ этомъ отношеніи. Нужно помнить, что изъ числа спиритическихъ сеансовъ всегда удаются только нѣкоторые. Спириты объясняютъ это предположеніемъ, что медіумы бываютъ иногда покинуты своею силою. Но по крайней мѣрѣ такое же право имѣетъ и другое предположеніе,—что сеансы „удаются" только тогда, когда медіумъ успѣетъ *предварительно* удобнымъ образомъ расположить свои аппараты и приспособленія. При неудачѣ въ этомъ отношеніи, онъ объявляетъ себя неспособнымъ къ опыту. Понятно, что, при такомъ необыкновенно благопріятномъ условіи, контроль рукъ и ногъ медіума *во время* происходящаго въ темнотѣ или полумракѣ сеанса не можетъ успокоить самаго снисходительнаго скептицизма.

Послѣ опыта со скатертью, который посредствомъ острія булавки могъ бы поддѣлать ребенокъ, но который интересенъ потому, что даетъ намъ мѣрку возбужденія фантазіи нашего автора, увидѣвшаго

въ складкѣ скатерти подобіе „сложеннаго кулака или горсти руки“ (стр. 859),—двѣ вещи, довольно непохожія другъ на друга,—г. Вагнеръ описываетъ гораздо болѣе удивительный опытъ съ гармоникой. Юмъ подержалъ нѣсколько времени въ воздухѣ гармонику, клавіатурой внизъ, потомъ отнялъ руку, и гармоника осталась *въ теченіи нѣсколькихъ минутъ* висѣть въ воздухѣ. Если это не былъ фокусъ въ родѣ тѣхъ, какіе показываютъ на представленіяхъ „натуральной магіи“ (извѣстно, что въ этихъ случаяхъ объемистый, но легкій предметъ, какова гармоника, вѣшается на волосѣ или темной нити, неразличимыхъ въ нѣкоторомъ отдаленіи и въ тѣни), то всякій согласится, что этотъ опытъ принадлежитъ къ самымъ поразительнымъ. Между тѣмъ, нашъ авторъ, тотчасъ вслѣдъ за описаніемъ этого опыта, прибавляетъ: „изъ всѣхъ видѣнныхъ явленій я вынесъ *одно* ясное, неопровержимое убѣжденіе: движеніе стола и стуки дѣйствительно существуютъ“ (стр. 859). О гармоникѣ, висѣвшей на воздухѣ, онъ или позабылъ, или его слова надобно понимать такъ, что движеніе стола и стуки дѣйствительно существуютъ, къ гармоникѣ же и самъ г. Вагнеръ относится съ сомнѣніемъ, и потому о ней молчитъ.

Но сказаннаго мною болѣе чѣмъ довольно для бѣглой замѣтки. Впрочемъ, обстоятельно разбирать статью г. Вагнера было бы и напрасно, такъ какъ пожалуй сами спириты могутъ, въ концѣ-концовъ, признать ее неудовлетворительною. Несравненно полезнѣе было бы дать, независимо отъ письма г. Вагнера, физическое объясненіе основныхъ спиритическихъ явленій; но для этого пришлось бы изложить, хотя и въ возможно популярной формѣ, одинъ изъ весьма трудныхъ отдѣловъ механики—о колебательныхъ и волнообразныхъ движеніяхъ, и затѣмъ привести въ связи съ этимъ нѣкоторые, болѣе важные, физіологическіе факты. Я не уклоняюсь отъ этой работы, но для выполненія ея необходимъ досугъ. Къ началу осени, надѣюсь, впрочемъ, приготовить этотъ трудъ.

А. Шкляревскій.

Кіевъ, 22 апрѣля, 1875.

Отъ редакціи. Пользуемся настоящимъ случаемъ, чтобы сообщить на-дняхъ помѣщенное въ газетахъ извѣстіе объ опредѣленіи Физическаго Общества при петербургскомъ университетѣ, въ засѣданіи 6-го мая, по поводу предложенія проф. Менделѣева, составить коммиссію для разсмотрѣнія медіумическихъ явленій; это предложеніе было выражено слѣдующимъ образомъ:

„Кажется, пришло время обратить вниманіе на распространеніе занятій, такъ-называемыми, спиритическими или медіумическими яв-

леніями, какъ въ семейныхъ кружкахъ, такъ и въ средѣ нѣкоторыхъ ученыхъ. Занятія столоверченіемъ, разговоромъ съ невидимыми существами при помощи стуковъ, опытами уменьшенія вѣса тѣлъ и вызовомъ человѣческихъ фигуръ при посредствѣ медіумовъ—грозятъ распространеніемъ мистицизма, могущаго оторвать многихъ отъ здраваго взгляда на предметы и усилить суевѣріе, потому что сложилась гипотеза о духахъ, которые, будто бы, производятъ вышепомянутыя явленія. Для противодѣйствія распространенію неосновательнаго ученія и понынѣ безплодныхъ занятій медіумическими явленіями, ихъ не должно игнорировать, а слѣдуетъ, по моему мнѣнію, точно разсмотрѣть, т.-е. узнать, что̀ въ нихъ принадлежитъ области всѣмъ понятныхъ естественныхъ явленій, что̀ къ вымысламъ и галлюцинаціи, что̀ къ числу постыдныхъ обмановъ и, наконецъ, принадлежитъ ли что-нибудь къ разряду нынѣ неизъяснимыхъ явленій, совершающихся по неизвѣстнымъ еще законамъ природы. Послѣ такого разсмотрѣнія, явленія эти утратятъ печать таинственности, привлекающей къ нимъ многихъ, и для мистицизма мѣста не останется даже тогда, когда окажется естественная правильность въ нѣкоторыхъ медіумическихъ явленіяхъ, хотя бы и не вполнѣ уясненныхъ. Такое разсмотрѣніе, по моему мнѣнію, однако только тогда можетъ принести пользу, когда сомнительныя спиритическія явленія будутъ удостовѣрены и изслѣдованы многими лицами, снабженными приборами, показывающими родъ совершающихся явленій и измѣряющими ихъ напряженность, а чрезъ то провѣряющими личныя впечатлѣнія наблюдателей. Такой способъ разсмотрѣнія доступенъ только ученымъ обществамъ. Старыя ученыя общества, каковы, напримѣръ, академіи, искусившіяся надъ безплодностію разсмотрѣнія проектовъ „вѣчныхъ двигателей" и рѣшеній задачъ „о квадратурѣ круга", не берутся за это дѣло, хотя, въ свое время, такіе ученые, какъ Фарадэ и Араго занимались разборомъ явленій, тожественныхъ съ спиритическими. Наше, еще молодое, Физическое Общество оказало бы, по моему мнѣнію, немалую всеобщую услугу, еслибы изъ своей среды образовало особую коммиссію для разсмотрѣнія спиритическихъ явленій и, если между ними найдется что-нибудь дѣйствительно новое—для его изученія. Тогда, по меньшей мѣрѣ, отнятъ былъ бы у спиритовъ тотъ привлекающій многихъ адептовъ аргументъ, что явленія эти новизною своею страшатъ ученыхъ. Постараемся узнать, есть ли въ опытахъ спиритовъ что-нибудь, указывающее на новую невѣдомую силу природы, или все дѣло столоверченія и тому подобныхъ явленій объясняется, какъ мы и думаемъ, давленіемъ рукъ и другихъ частей тѣла, а явленіе фигуръ есть простой обманъ. Спириты, вѣрящіе въ существованіе новой, еще неизученной силы, проявляющейся чрезъ медіумовъ, вѣроятно, не откажутъ доставить коммиссіи возможность видѣть, подвергнуть опытамъ и разоблаченію, если обманъ существуетъ, тѣ явленія, которыя смущаютъ нынѣ столь многихъ. Затративъ на такое разсмотрѣніе часть нашего времени, мы сбережемъ его у многихъ, увлеченныхъ кажущеюся своеобразностью явленій и смѣлостью гипотезы, составленной для ихъ объясненія, а публикуя наши результаты, во всякомъ случаѣ, постараемся положить предѣлъ развитію новаго суевѣрія. Если, паче чаянія, и

есть въ медіумическихъ явленіяхъ что-нибудь новое, оно все-таки реально, подлежитъ знанію, а не вѣрованію".

Предложеніе это было принято почти единогласно, и въ то же засѣданіе образовалась коммиссія изъ 12-ти членовъ, подъ предсѣдательствомъ г. Эвальда. Пригласивъ г. Аксакова на одно изъ первыхъ засѣданій, коммиссія постановила предоставить г. Аксакову право войти въ соглашеніе, какъ съ заграничными медіумами, такъ и съ тѣми лицами въ Россіи, которыя, обладая медіумическими способностями, пожелали бы доставить коммиссіи возможность разсмотрѣть явленія, происходящія въ ихъ присутствіи. Коммиссія желала бы въ началѣ заняться преимущественно основнымъ типомъ этихъ явленій, выражающимся въ движеніи неодушевленныхъ предметовъ, съ прикасаніемъ или безъ прикасанія къ нимъ рукъ, но безъ приложенія какой бы то ни было извѣстной механической силы. Свои разсмотрѣнія коммиссія предполагаетъ начать съ сентября нынѣшняго года и продолжать до мая 1876 года. Результатъ разсмотрѣнія будетъ публикованъ. На основаніи всего вышеизложеннаго и согласно уполномочію коммиссіи, выраженному въ засѣданіи отъ 9-го мая, г. Аксаковъ проситъ газеты довести о томъ до всеобщаго свѣдѣнія; помянутыя выше лица могутъ обращаться для переговоровъ, до осени, письменно, по слѣдующему адресу: *Александру Николаевичу Аксакову*, Санктпетербургъ, Невскій проспектъ, д. № 6.

ИЗВѢСТІЯ.

I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Засѣданіе Комитета 3-го марта 1875 г.

1) Писателю, пораженному внезапной тяжелой болѣзнью, отнявшей у него всякую возможность къ дѣятельности, и лишившемуся черезъ это средствъ къ существованію, выдано 600 р. на поѣздку за-границу и на леченіе.

2) Выдано 20 р., согласно просьбѣ о томъ, одному изъ бывшихъ слушателей университета, находящемуся временно въ крайнемъ положеніи.

3) Выдано 300 р. въ ссуду одному лицу, за поручительствомъ двухъ членовъ Общества.

4) По заявленію четырехъ членовъ комитета о томъ, что одна изъ пенсіонерокъ Общества, имѣющая мать, 20 лѣтъ лежащую въ параличѣ, въ послѣднее время сама почти лишилась зрѣнія и подверглась тяжкой болѣзни, производившаяся пенсія увеличена на 60 р. въ годъ, именно по 240 руб., вмѣсто 180 р.

5) Изъявлена благодарность Общества за пожертвованія А. Л. Жуковой 15 руб. и особѣ, пожелавшей остаться неизвѣстной, 100 р.

6) На основаніи § 5-го устава Общества отклонены просьбы трехъ лицъ о пособіи.

Отчетъ казначея за февраль 1875 г.

Къ 1-му февраля въ кассѣ было: 58,551 руб. 47 коп., поступило 2,287 руб., а именно: взносы 67 членовъ 1,227 руб.; пожертвованія Р. А—ва, А. Л. Жуковой и неизвѣстнаго 35 руб.; изъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія 1,000 р. и въ возвратъ одного пособія 25 р. Израсходовано 2,844 р. 83 к., въ томъ числѣ: на пенсіи 2 лицамъ 130 р., на единовременныя пособія 8 лицамъ 525 р.; на воспитаніе 2 лицамъ 226 р. 38 к., въ ссуду 3 лицамъ 1,900 руб.; въ возвратѣ издержанныхъ за пересылку суммъ Общества въ 1874 г. 63 руб. 15 коп. Къ 1-му марта въ кассѣ 57,993 руб. 64 коп.

Засѣданіе Комитета 17-го марта 1875 г.

Присутствовали: предсѣдатель В. П. Гаевскій, помощникъ предсѣдателя Н. А. Некрасовъ, казначей П. А. Гайдебуровъ, секретарь П. А. Ефремовъ и члены: К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, В. И. Вешняковъ, К. Д. Кавелинъ, А. А. Краевскій, О. Ѳ. Миллеръ, М. М. Стасюлевичъ и Н. С. Таганцевъ.

1) Выдано 50 р. писателю, находящемуся въ затруднительномъ положеніи.

2) Выдано 50 р. неимѣющей средствъ къ жизни дочери покойнаго профессора и автора нѣсколькихъ медицинскихъ сочиненій.

3) Выдано 100 р. на воспитаніе сына покойнаго профессора.

4) Выдано 25 р. престарѣлой вдовѣ писателя.

5) Опредѣлено ходатайствовать о помѣщеніи дочери писателя въ учебное заведеніе.

6) Сдѣлано сношеніе съ двумя редакціями о выдачѣ гонорара за статьи и о возвращеніи рукописи.

7) По тремъ заявленіямъ о пособіи и о пенсіи изъ суммъ Общества признано необходимымъ собрать предварительныя свѣдѣнія.

8) Отклонены ходатайства одного писателя и одного изъ бывшихъ стипендіатовъ Общества.

9) Изъявлена благодарность Общества М. С. Сушинскому за содѣйствіе Комитету.

Засѣданіе Комитета 31-го марта 1875 г.

Присутствовали: предсѣдатель В. П. Гаевскій, помощникъ предсѣдателя Н. А. Некрасовъ, казначей П. А. Гайдебуровъ, секретарь П. А. Ефремовъ и члены: А. А. Краевскій, О. Ѳ. Миллеръ, и Н. С. Таганцевъ.

1) Выслано 50 р. писателю, находящемуся въ затруднительномъ положеніи.

2) Выдано 25 р. 74-лѣтней больной дочери писателя, умершаго въ 1833 г.

3) Выдано 100 р. писателю, поставленному неожиданнымъ обстоятельствомъ въ крайне стѣсненное положеніе.

4) Больному писателю выданъ безплатный билетъ для пользованія въ лечебномъ заведеніи.

5) Отклонены прошенія 6 лицъ о пособіи, за силою § 5 устава Общества, и 2 лицъ о ссудѣ за непредставленіемъ поручительства.

6) Изъявлена благодарность Общества: П. Е. Басистову — за содѣйстіе комитету, редакціи «Биржевыхъ Вѣдомостей» — за безплатное печатаніе журналовъ Комитета, книжному магазину гг. Колесова и Михина — за труды по безвозмездной продажѣ книгъ Общества, князю Н. Д. Чевчавадзе и лицамъ, собравшимъ въ Тифлисѣ 90 р. въ пользу Общества,—за ихъ пожертвованія, и М. М. Жеребцову за пожертвованіе 100 р.

II. Отчетъ Комитета Общества

для пособія лицамъ женскаго пола, обучающимся на курсахъ ученыхъ акушерокъ при Медико-Хирургической Академіи и въ Педагогическихъ курсахъ—за первые четыре мѣсяца его дѣятельности (съ 1-го января по 1-е мая 1875 г.) второму Общему Собранію членовъ Общества 4-го мая 1875 года.

Мм. Гг. Первое Общее Собраніе членовъ-учредителей Общества, избравъ 27-го декабря 1874 г. Комитетъ изъ девяти лицъ для веденія дѣлъ Общества (согласно §§ 10 и 11 Устава) и трехъ кандидатовъ для замѣны членовъ Комитета, выбывающихъ почему-либо безъ очереди (согласно примѣчанію 2 къ § 12), возложило на Комитетъ порученіе выработать въ теченіи 3—4 мѣсяцевъ инструкцію для болѣе точнаго опредѣленія правилъ о денежныхъ выдачахъ и объ образованіи неприкосновеннаго и запаснаго капиталовъ, каковую инструкцію Комитетъ и имѣетъ честь представить сегодня на ваше благоусмотрѣніе и утвержденіе въ окончательной формѣ.

Членами Комитета были избраны: Гг. Арцимовичъ, Буренина, Философова, Рагозинъ, Дехтеревъ, Трубникова, Неклюдовъ, Миллеръ и Стасова по порядку большинства голосовъ;—кандидатами: Гг. Лихачева, Суворинъ и Нечаевъ. Г-жа Лихачева отказалась отъ участія въ Комитетѣ письмомъ на имя товарища предсѣдателя, и потому третьимъ кандидатомъ вошла г-жа Шенявская (согласно протоколу 1-го Общаго Собранія).

Члены Комитета избрали изъ своей среды (на основаніи § 13 устава): предсѣдателемъ В. А. Арцимовича, товарищемъ предсѣдателя Е. И. Рагозина, казначеемъ С. М. Неклюдова, секретаремъ В. Г. Дехтерева.

Вступая въ отправленіе своихъ обязанностей, Комитетъ счелъ необходимымъ озаботиться прежде всего, и при томъ одновременно, какъ собираніемъ суммъ и изысканіемъ средствъ для организаціи фонда, такъ и разработкою правилъ для веденія самаго дѣла. Съ этой цѣлью Комитетъ:

a) обсуждалъ въ своихъ засѣданіяхъ различныя мѣры, могущія клониться къ организаціи правильной помощи, привлеченія новыхъ членовъ и вообще къ расширенію полезной дѣятельности Общества.

b) образовалъ нѣсколько коммиссій для разработки наиболѣе важныхъ вопросовъ: 1) о правилахъ, вошедшихъ въ инструкцію. (Въ разработкѣ инструкціи, кромѣ членовъ изъ Комитета, принимали участіе выбранные имъ три члена Общества: Бородинъ, Арсеньевъ и Стасовъ). 2) о снабженіи слушательницъ въ будущемъ книгами и другими учебными пособіями на условіяхъ, для нихъ наиболѣе удобныхъ, и 3) объ устройствѣ квартиръ и общей кухни для слушательницъ курсовъ.

c) устроилъ вечеръ въ залахъ клуба художниковъ и литературно-музыкальный вечеръ въ благородномъ собраніи, общій сборъ съ которыхъ далъ чистаго дохода въ пользу Общества 2,941 р. 70 к.

d) выдавалъ ссуды и пособія, руководствуясь подаваемыми просьбами, заявленіями и собираемыми свѣдѣніями о нуждающихся. Комитетъ имѣлъ 12 засѣданій, во время которыхъ разсмотрѣлъ и удов-

летворилъ 59 просьбъ; изъ нихъ отъ слушательницъ курсовъ ученыхъ акушерокъ 37, а отъ слушательницъ педагогическихъ курсовъ 22.

Кромѣ того, членъ Комитета, г-жа Стасова, вслѣдствіе выбора Комитета, взяла на себя обязанность заботиться о доставленіи работъ (переводовъ, уроковъ и т. д.) слушательницамъ, такъ какъ подобныхъ обращеній въ Комитетъ было довольно много и онъ нашелъ болѣе удобнымъ возложить общее веденіе по этому дѣлу на одно опредѣленное лицо.

Къ 1-му Общему Собранію членовъ-учредителей Общества состояло 104 лица, которыя, согласно § 6 устава, признаны дѣйствительными членами Общества. На 1-мъ Общемъ Собраніи принято въ члены Общества 118 человѣкъ. Такимъ образомъ, къ 1-му мая состояло дѣйствительныхъ членовъ 222 человѣка.

Къ настоящему Общему Собранію вновь заявили желаніе поступить въ члены Общества 114 человѣкъ, которые, согласно § 7 Устава, и будутъ сегодня подвергнуты вашей, мм. гг., баллотировкѣ *).

Состояніе кассы Общества, по отчету казначея съ 1-го января по 1-е мая, выражается слѣдующими данными:

Приходъ:

Членскихъ взносовъ отъ	137 л.	по 5 р.,	всего	685 р.
» » »	2 »	» 6 »	»	12 »
» » »	22 »	» 10 »	»	220 »
» » »	1 »	» 15 »	»	15 »
» » »	3 »	» 25 »	»	75 »
» » »	8 »	» 100 «	»	800 „
Всего отъ	173 л.			1,807 р.
Пожертвованій отъ NN				650 р.
Отъ разныхъ лицъ черезъ С. А. Буренину . .				60 „
Изъ Кишинева черезъ г-жу Радовичъ				50 „
Сборъ съ танцовальнаго вечера съ живыми картинами, устроеннаго Комитетомъ 30-го января				1,721 „ 70 к.
Сборъ съ концерта, устроеннаго Комитетомъ 9-го марта				1,236 „ „
Всего прихода было				5,524 р. 70 к.

Расходъ:

Выдано пособій	7 л.	по 15 р.,	всего	105 р.
» »	2 »	» 16 »	»	32 »
» »	4 »	» 20 »	»	80 »
» »	22 »	» 25 »	»	550 »
» »	10 »	» 30 »	»	300 »
» »	1 »	» 35 »	»	35 »
» »	1 »	» 40 »	»	40 »
» »	6 »	» 50 »	»	300 »
» »	1 »	» 55 »	»	55 »
» »	2 »	» 75 »	»	150 »
» »	2 »	» 100 »	»	200 »
» »	1 »	» 120 »	»	120 »

Всего выдано 59 лиц. на сумму 1,967 р.

*) Всѣ предложенныя лица утверждены Общимъ Собраніемъ.

Изъ нихъ: безсрочныхъ ссудъ 42 лицамъ на сумму	1,077 р.	
Остальныхъ срочныхъ ссудъ 17 лицамъ на сумму	890 »	
На канцелярскіе расходы по печатанію бланокъ, заведенію книгъ, печатей Общества, разсылкѣ членскихъ листовъ. .	108 »	90 к.
За сбереженіе платья во время 1-го Общаго Собранія въ думѣ	5 »	— »
Итого израсходовано по 1-е мая	2,080 р.	90 к.

Затѣмъ въ кассѣ остается 3,443 р. 80 к.

Комитетъ, нисколько не скрывая ни отъ себя, ни отъ Общаго Собранія всѣхъ трудностей, которыя еще предстоятъ ему, въ виду новизны и важности принятаго имъ на себя дѣла и имѣя въ виду различныя предположенія для расширенія и упроченія его, надѣется, мм. гг., что вы не оставите его своимъ сочувствіемъ и поддержкой.

По разсмотрѣніи инструкцій, представленныхъ Комитетомъ, Общее Собраніе утвердило ихъ въ слѣдующемъ видѣ:

1. *Инструкція о производствѣ денежныхъ выдачъ.*

1. Слушательница женскихъ курсовъ, желающая получить отъ Общества денежную выдачу, заявляетъ о томъ, письменно, Комитету, или, словесно, одному изъ членовъ Комитета.

2. Въ исключительныхъ случаяхъ, денежныя выдачи могутъ быть назначаемы Комитетомъ и безъ просьбы самой нуждающейся слушательницы, вслѣдствіе заявленія другихъ слушательницъ, или постороннихъ лицъ, о крайности, въ которой она находится.

3. Получивъ просьбу или заявленіе о денежной выдачѣ, Комитетъ возлагаетъ на одного изъ своихъ членонъ, или на одного изъ членовъ Общества, выразившихъ готовность содѣйствовать ему въ этомъ, собраніе свѣдѣній о положеніи нуждающейся. Свѣдѣнія эти сообщаются Комитету письменно.

4. Поручая одному изъ членовъ Комитета собраніе свѣдѣній о положеніи нуждающейся слушательницы, Комитетъ, въ крайнихъ случаяхъ, можетъ уполномочить его на выдачу опредѣленной суммы, если онъ убѣдится въ необходимости безотлагательно помочь нуждающейся.

5. Единогласнымъ опредѣленіемъ Комитета, денежная выдача можетъ быть разрѣшена и безъ предварительнаго собранія свѣдѣній, если въ виду Комитета будетъ письменное, мотивированное удостовѣреніе одного изъ членовъ Комитета, или другого, извѣстнаго Комитету, лица о правѣ нуждающейся слушательницы на помощь Общества.

6. Кромѣ свѣдѣній, сообщаемыхъ Комитету на основаніи §§ 3 и 5, Комитетъ имѣетъ право руководствоваться, при назначеніи выдачъ, и другими данными о положеніи слушательницы, которыя онъ признаетъ нужнымъ собрать, или которыя будутъ доставлены ему членами Общества.

7. Въ случаяхъ, нетерпящихъ отлагательства, предсѣдатель Комитета имѣетъ право, не ожидая засѣданія, выдать нуждающемуся лицу до *двадцати пяти* рублей, съ тѣмъ, чтобы общая сумма та-

кихъ выдачъ, въ промежутокъ между двумя засѣданіями Комитета, не превышала *ста* рублей, и чтобы письменное сообщеніе о нихъ предсѣдателя было представляемо на обсужденіе Комитета въ ближайшемъ его засѣданіи.

8. Члены Общества, пока они не сложили съ себя этого званія, не имѣютъ права на полученіе отъ него безвозвратныхъ выдачъ (§ 1 инструкціи). Лица, получившія отъ Общества таковыя выдачи, не могутъ, впредь до возвращенія полученныхъ денегъ, быть принимаемы въ члены Общества. Краткосрочныя ссуды (§§ 9 и 10 инструкціи) могутъ быть выдаваемы и членамъ Общества.

9. Денежныя выдачи, производимыя Комитетомъ, могутъ быть двухъ родовъ: безъ обязательства, или съ обязательствомъ возвратить получаемыя деньги къ опредѣленному сроку.—Выдачи второго рода производятся не иначе какъ при извѣстной Комитету состоятельности лица, получающаго деньги, къ возвращенію ихъ въ срокъ, который не можетъ превышать одного года со дня производства выдачи.—Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, — для возвращенія выдаваемыхъ денегъ,—не назначается никакого срока.

10. Одному и тому же лицу въ продолженіи года не можетъ быть выдано, безъ опредѣленія срока уплаты, болѣе 300 рублей.— Срочный долгъ одного лица не можетъ превышать 150 рублей.

11. Всѣ выдачи слушательницамъ женскихъ курсовъ производятся на основаніи журнальныхъ постановленій Комитета (§ 17 устава), за исключеніемъ лишь выдачъ, согласно § 7 этой инструкціи, о которыхъ также заносится въ журналъ слѣдующаго засѣданія Комитета.

12. Исполненіе постановленій Комитета относительно выдачъ лежитъ на обязанности предсѣдателя (§ 18 устава), который озабочивается немедленной передачей слушательницѣ, имѣющей получить выдачу, талонъ ассигновки, а казначею Комитета—самой ассигновки.

13. Слушательницѣ, получившей разрѣшеніе на выдачу, казначей уплачиваетъ назначенную сумму не иначе, какъ по предъявленіи талона ассигновки и полученіи отъ нея собственноручной росписки.

14. Производить выдачи не прямо тому лицу, кому она разрѣшена, дозволяется лишь въ исключительныхъ случаяхъ, по причинѣ болѣзни, или по отсутствію лица изъ Петербурга.

15. Секретарь ведетъ списокъ лицамъ, просившимъ пособія, съ объясненіемъ причины разрѣшенія, или отказа выдачи, а казначей ведетъ списокъ лицамъ, которымъ разрѣшена выдача и долговую книгу (§§ 19 и 20 устава). Форма этихъ списковъ и книги утверждается комитетомъ.

16. Независимо отъ денежныхъ выдачъ, Комитетъ, согласно съ § 2 устава, принимаетъ мѣры къ устройству для слушательницъ дешевыхъ квартиръ, дешевыхъ столовыхъ и къ снабженію ихъ, по дешевой цѣнѣ, книгами, учебными пособіями и т. п.

2. *Инструкція объ образованіи неприкосновеннаго и запаснаго капиталовъ.*

1. Единовременные взносы членовъ Общества, установленные § 5 устава и денежныя пожертвованія, дѣлаемыя подъ условіемъ расходованія только процентовъ съ пожертвованной суммы, образуютъ неприкосновенный капиталъ Общества.

2. Пожертвованія, сдѣланныя на опредѣленный предметъ, употребляются согласно съ волей жертвователей.

3. Со всѣхъ остальныхъ денежныхъ пожертвованій, а также съ суммъ, вырученныхъ Обществомъ отъ концертовъ, спектаклей, литературныхъ чтеній и т. п., отчисляется десять процентовъ въ запасный капиталъ Общества, согласно съ § 9 устава.

III. Высшіе женскіе курсы въ Москвѣ.

Высшіе женскіе курсы существуютъ въ Москвѣ съ 1872 года. Въ нынѣшнемъ учебномъ году на курсахъ было 116 слушательницъ, изъ которыхъ 66 были на I курсѣ, 28 на II, а 22 слушательницы остались для слушанія нѣкоторыхъ предметовъ на III-ій годъ. Между слушательницами было нѣсколько лицъ, пріѣхавшихъ изъ отдаленныхъ городовъ для поступленія на курсы, напр., изъ Полтавы, изъ Одессы, изъ Екатеринодара, изъ Витебска, изъ Вятки, изъ Саратова.

Слушательницами взнесено за ученіе 5115 р., такъ какъ 90 взнесли полную плату въ 50 р.; слушательницамъ III-яго года было предоставлено право взнести половинную плату. Нѣсколько лицъ вступили со II-го полугодія и, кромѣ того, было нѣсколько слушательницъ, допущенныхъ къ слушанію лекцій за уменьшенную плату. За 10 слушательницъ взнесено 500 р. московскою купеческою управой, по ходатайству старшины купеческаго общества В. М. Бостанжогло.

За математику взнесены 15-ю слушательницами 135 р. и на покупку книгъ для библіотеки 88. Членами попечительнаго Комитета С. А. Ѳеоктистовой пожертвовано 50 р. и К. Т. Солдатенковымъ 100 р. Процентовъ съ капитала получено 186 р.

Весь доходъ составлялъ 5674 р. Расходовъ было на 4688 р.: преподавателямъ за 20-ть годовыхъ лекцій было уплачено 4000 р.; за преподаваніе математики, кромѣ того, 225 р., на покупку книгъ для библіотеки, въ которой теперь находится 127 сочиненій съ 274 томами— пошло 76 р.; 225 р., прежде ассигнованные на стипендіи при В. Ж. К., были причтены выше къ доходу, а потому должны были быть внесены и въ расходъ. Остальная сумма въ 161 р. израсходована на объявленія въ газеты и плату служителямъ Политехническаго музеума, управленіе котораго предоставило свои залы безвозмездно для чтенія лекцій.

Такимъ образомъ, полученъ излишекъ дохода въ 986 р.; съ пожертвованными въ I-ые годы постоянными членами Попечительнаго Комитета Е. К. Станкевичъ и А. Е. Герье — 1000 р. и остаткомъ первыхъ двухъ лѣтъ 2118 р.—капиталъ Высшихъ женскихъ курсовъ составляетъ 4104 р.

Преподаваніе на курсахъ возобновится 2-го окт. 1875 г.; преподаваться будутъ профессорами московскаго Университета слѣдующіе предметы: Новая русская литература, проф. Н. С. Тихонравовымъ; Всеобщая литература (эпоха renaissance и англійская литера-

тура XVII в.), пр. Н. И. Стороженко и А. А. Шаховымъ; Всеобщая новая исторія, С. Ѳ. Фортунатовымъ; Русская исторія съ XVI в., проф. Тр. Ак. В. I. Ключевскимъ; Исторія искусства, проф. В. И. Герье; Космографія, пр. Ѳ. А. Бредихинымъ; Гигіена, пр. И. Ѳ. Клейномъ; и Политическая экономія, пр. А. И. Чупровымъ. Кромѣ того, желающимъ будетъ преподаваться математика.

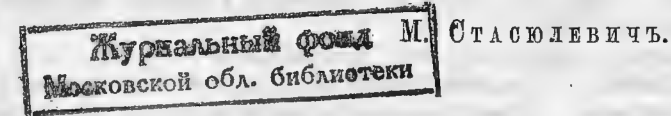
Плата за всѣ лекціи съ 2-го окт. по 1-е мая—50 р.

Цѣль курсовъ заключается въ томъ, чтобы дать дѣвицамъ, окончившимъ курсъ въ среднеучебныхъ заведеніяхъ, возможность продолжать свое общее образованіе подъ руководствомъ профессоровъ. Курсъ ученія двухлѣтній. Окончившія курсъ и выдержавшія экзаменъ получаютъ дипломъ В. Ж. Курсовъ. Лица, не желающія слушать всѣхъ предметовъ или держать экзаменъ, могутъ записываться вольными слушательницами. Записываться можно съ 15 сент., у пр. Вл. Ив. Герье, въ Гагаринскомъ пер., соб. домъ, а лица, которымъ необходимо получить какую-нибудь справку до этого времени, могутъ обращаться къ проф. Ник. Сав. Тихонравову—у Зачатіевскаго монастыря, д. Слѣпцовыхъ.

IV. Комитетъ Общества земледѣльческихъ колоній.

Комитетъ Общества земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ покорнѣйше проситъ членовъ Общества возвратить казначею, Ивану Яковлевичу Голубеву (Спб., Басковъ пер., 14), выданныя имъ Комитетомъ книжки для сборовъ, вмѣстѣ съ собранными деньгами, и выслать ему причитающіеся съ нихъ взносы.

Послѣ выборовъ 5-го мая, Комитетъ Общества состоитъ изъ слѣдующихъ лицъ: предсѣдателя — Николая Васильевича Зиновьева, (Фонтанка, собств. домъ), помощника предсѣдателя — Михаила Евграфовича Ковалевскаго (Галерная, д. Овсянникова), казначея — Ивана Яковлевича Голубева (Басковъ пер., 14), секретаря—Григорія Космича Рѣпинскаго (Эртелевъ, 1, кв. 4), членовъ — Константина Константиновича Арсеньева (Надеждинская, 22), Николая Александровича Качалова (у Дворцоваго моста, д. Таможни), Евгенія Ивановича Рагозина (у Аничкова моста, д. Семянникова), Николая Степановича Таганцева (Васильевскій, Средній просп., д. Дидрихса), и кандидатовъ: Дмитрія Дмитріевича Дашкова (М. Итальянская, 13) и Владиміра Ивановича Лихачева (Фурштатская, собств. домъ).



М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ
ТРЕТЬЯГО ТОМА

ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ

МАЙ—ІЮНЬ 1875.

Книга пятая.—Май.

Книга шестая. — Іюнь.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами. Состав. *Ф. Мартенсъ*, проф. Спб. университета. Т. II. Спб. 1875 г. Стр. 517.

Годъ тому назадъ, по поводу выхода въ свѣтъ перваго тома этого замѣчательнаго сборника, мы познакомили читателей съ общимъ планомъ всего изданія и содержаніемъ перваго выпуска, посвященнаго первымъ нашимъ сношеніямъ съ Австріею, отъ 1648 г. до Екатерины II. Новый выпускъ обнимаетъ весьма любопытную эпоху, правленіе Етатерины и далѣе до 1808 г. Для этой эпохи въ Полномъ Собраніи напечатаны всего только четыре акта, изъ общаго числа 30-ти, вошедшихъ въ сборникъ г. Мартенса. Между тѣмъ, къ этой эпохѣ относятся такія событія, какъ раздѣлъ Польши, войны съ Турціею; тогда же былъ заключенъ первый торговый трактатъ съ Австріею. При всѣхъ актахъ приведены и тѣ секретныя статьи, которыя до сихъ поръ оставались неизвѣстными, а при торговомъ трактатѣ 1785 г. и тѣ весьма любопытные переговоры, которые привели къ его заключенію. Но главная заслуга издателя состоитъ въ обстоятельныхъ характеристикахъ нашей дипломатіи, предпосланныхъ имъ каждому акту и составленныхъ на основаніи тѣхъ богатыхъ данныхъ, которыя были предоставлены въ распоряженіе проф. Мартенса министерствомъ иностранныхъ дѣлъ.

Семнадцать первыхъ лѣтъ въ жизни императора Петра Великаго. Соч. *М. П. Погодина*. М. 1875. Стр. 942. Ц. 3 р.

Года четыре тому назадъ, г. Погодинъ издалъ начало своей древней исторіи; въ предисловіи къ настоящему труду, онъ объясняетъ, что былъ вынужденъ, „къ удивленію и прискорбію", пріостановить свой трудъ, и такимъ образомъ напалъ на мысль употребить свободное время на соединеніе и обработку всѣхъ своихъ трудовъ, относящихся къ эпохѣ Петра I, отъ перваго своего изслѣдованія въ 1829 г. и до 1872 г., когда по случаю юбилея онъ приготовлялъ исторію дѣтства Петра В. Г-ну Погодину, какъ извѣстно, принадлежитъ заслуга находки и изданія сочиненія И. Посошкова съ критикою эпохи Петра В., писанною въ 1724 году. Настоящій сборникъ заключаетъ въ себѣ разсказъ автора о первыхъ семнадцати годахъ жизни Петра В., отъ 1672 г. до его единодержавія въ 1689 году, и девять спеціальныхъ изслѣдованій объ отдѣльныхъ событіяхъ изъ той же эпохи, и преимущественно о стрѣлецкихъ бунтахъ.

Полное собраніе сочиненій Шиллера въ переводѣ русскихъ писателей, издан. п. р. *Н. В. Гербеля*. Т. I. Изд. 5-ое. Спб. 1875 г. Стр. 670. Ц. за оба тома 7 р., съ 20 грав. 9 р.

Первыя четыре изданія Шиллера разошлись у насъ въ огромномъ числѣ шести съ половиною тысячъ экземпляровъ и вызвали единодушное одобреніе журнальной критики въ 50-хъ и 60-хъ годахъ. Пятое, вновь явившееся изданіе, не только исправлено, но и доведено до совершенной полноты, относительно содержанія, такъ что оно въ первый разъ по всей справедливости можетъ быть названо „полнымъ". Вмѣсто прежнихъ многотомныхъ изданій, пятое изданіе до того компактно, что образуетъ собою всего два большихъ тома: первый, вышедшій, обнимаетъ собою всю поэзію Шиллера; вся проза войдетъ въ одинъ второй томъ. Въ первый томъ послѣдняго изданія вошли 169 новыхъ лирическихъ стихотвореній и пять драматическихъ.

Опытъ исторіи мысли. Томъ первый, выпускъ 1-ый. Спб. 1875. Стр. 162. Ц. 1 р. 25 к.

Издатели этого труда, обѣщающаго быть обширнымъ, объявили, что подробная программа, планъ цѣлаго, появится въ концѣ перваго тома, и объ этомъ нельзя не пожалѣть, такъ какъ въ появившемся нынѣ выпускѣ авторъ остается въ области самыхъ общихъ мыслей и мѣстъ, которыя пока представляются даже вовсе безцѣльными. Авторъ обнаруживаетъ колоссальную начитанность во всѣхъ областяхъ наукъ, но онъ какъ бы самъ борется съ своею собственною начитанностью и даже падаетъ подъ бременемъ ея. Можно подумать, что исторія собственной мысли автора, при всемъ ея наружномъ богатствѣ, носитъ на себѣ весьма случайный характеръ, и потому разрѣшается фразами, пересыпанными щедро философскою терминологіей, въ ущербъ ясности мысли. Можетъ быть, при дальнѣйшемъ изложеніи, авторъ успѣетъ усвоить себѣ какой-нибудь методъ, и задача его труда выяснится читателю, но до тѣхъ поръ мы воздержимся отъ окончательнаго сужденія о научномъ значеніи этого опыта, въ которомъ говорится обо всемъ, кромѣ того, что обѣщаетъ заглавіе—само по себѣ также не вполнѣ ясное. Если мы не ошибаемся, подъ этимъ заглавіемъ скрывается болѣе простое понятіе, и авторъ имѣетъ въ виду сдѣлать новый опытъ того, что давно уже извѣстно подъ именемъ философіи исторіи, на основаніи тѣхъ успѣховъ, которые сдѣланы въ послѣднее время въ области естественныхъ наукъ. Очевидныя и весьма обширныя свѣдѣнія автора въ этой области могутъ сдѣлать его трудъ весьма замѣчательнымъ явленіемъ, если только онъ разъ навсегда скажетъ себѣ, что вся премудрость состоитъ прежде всего въ простотѣ. Вращаясь въ массѣ своихъ познаній и излагая ихъ безъ всякаго метода, авторъ избѣгнетъ противорѣчія въ коренныхъ своихъ положеніяхъ: напримѣръ, въ самомъ началѣ труда, онъ на одной и той же страницѣ утверждаетъ, что мысль имѣетъ для изслѣдователя „единственное прочное основаніе въ *личной* жизни особи", а ниже оказывается, что „роль мысли не ограничивается личною жизнью", т.-е. существуетъ мысль, независящая отъ личной жизни особи, и имѣющая свою исторію и своихъ изслѣдователей, къ которымъ, повидимому, думаетъ причислиться и самъ авторъ, осудившій прежнимъ своимъ тезисомъ свою же дѣятельность оставаться безъ „прочнаго основанія" въ сужденіяхъ объ исторіи мысли.

Путеводитель по Европѣ. Т. IV: Сѣверная Италія и Флоренція. Т. V: Римъ и Южная Италія. *Якубовича*. Спб. 1875. По 3 руб. томъ.

Мы уже имѣли случай указать на первые выпуски этого русскаго путеводителя, составленнаго по новымъ и лучшимъ иностраннымъ гидамъ. Въ Италіи древнее искусство особенно привлекаетъ туриста, и потому весьма основательно главная часть путеводителя посвящена описанію музеевъ и ископаемымъ древностямъ. По описанію Помпеи можно заключить, что авторъ вносилъ результаты послѣднихъ раскопокъ. Преимущество русскаго изданія предъ иностранными состоитъ въ томъ, что въ немъ собраны результаты различныхъ гидовъ, впрочемъ, кромѣ англійскихъ, которыми не слѣдовало бы пренебрегать, такъ какъ при извѣстной любви англичанъ къ путешествію, а еще болѣе къ гидамъ, въ Англіи этого рода литература представляетъ отличные образцы, особенно въ практическомъ отношеніи.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ"

въ С.-Петербургѣ, Вас. Остр., 2 л., 7.

ОТДѢЛЕНІЕ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ

въ Москвѣ: Книжный магазинъ Н. И. Мамонтова (А. И. Глазунова), на Кузнецкомъ-Мосту.

Подписная цѣна на годовой экземпляръ журнала, 12-ть книгъ:

Городскіе

въ С.-Петербургѣ: 15 р. 50 коп. безъ доставки.
16 р. — „ съ доставкою на домъ.

Иногородные:

1) въ Москвѣ: 16 р. — „ безъ доставки.
17 р. — „ съ доставкою на домъ.

2) въ губерніи: 17 р. — „ съ пересылкою.

Иностранные: 19 р. — вся Европа (кромѣ Франціи), Египетъ и Сѣв.-Ам. Штаты; 21 р.—Франція; 24 р.—Азія; 25 р.—остальная Америка.

Примѣчаніе. Подписывающіеся въ московскомъ Отдѣленіи Главной Конторы, при книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова (бывш. А. И. Глазунова), на Кузнецкомъ-Мосту, могутъ получить при подпискѣ тамъ же всѣ прежде вышедшіе нумера журнала.

☛ **Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою** ☚

КОММИССІОНЕРЫ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ":

С.-Петербургъ: Базуновъ, Нев. пр., 30. Исаковъ, Гос. Дв., 24. Черкесовъ, Нев. пр., 50. Магаз. для Иногор., Нев. пр., 44.

Москва: Соловьевъ, Страстн. Бульв. Центр. Книжн. магаз., Слав. Базаръ.

Одесса: Черкесовъ, Преображ. ул.

Харьковъ: Черкесовъ, Москов. ул., 6.

Отъ редакціи. Редакція отвѣчаетъ вполнѣ за точную и своевременную доставку журнала городскимъ подписчикамъ Главной Конторы, и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые выслали подписную сумму *по почтѣ* въ Редакцію „Вѣстника Европы", въ Спб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адресса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ (NB) *допущена* выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адресса просятъ извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣстожительства; при перемѣнѣ адресса изъ городскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к.; изъ иногородныхъ въ городскіе—50 к.; и изъ городскихъ или иногородныхъ въ иностранные—недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

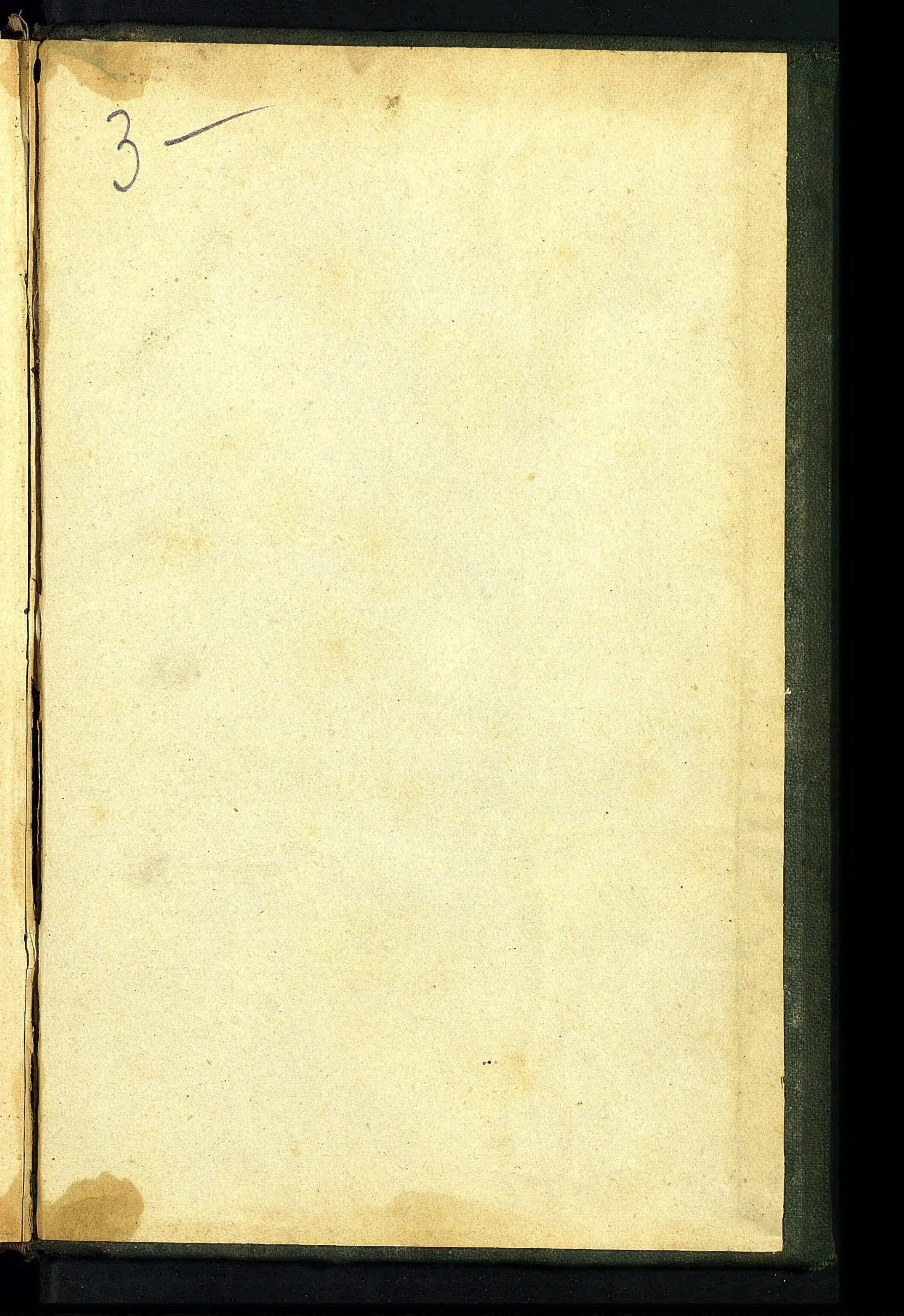
Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующаго нумера журнала.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: **М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ":
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр. 2 л. 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр. Академ. пер., 9.


3 —